

В. М. Горюнова

**ГОРОДОК
НА ЛОВАТИ
X–XII вв.**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории материальной культуры

ТРУДЫ. ТОМ XLVII

В. М. Горюнова

ГОРОДОК НА ЛОВАТИ X—XII вв.

(К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДА
СЕВЕРНОЙ РУСИ)

Санкт-Петербург
2016

УДК 902
ББК 63.4(2)
Г71

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры
Российской Академии наук*

Горюнова, В. М.
Г71   Городок на Ловати X—XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси) / В. М. Горюнова. —
СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2016. — 328 с. [текст, ил.], 24 с. [вкл.]. — (Труды ИИМК ; том XLVII).

ISBN 978-5-86007-824-6

В предлагаемой монографии представлены новые материалы, способствующие решению одной из фундаментальных задач российской археологии — изучению периода зарождения государственности и становления городов древней Руси. В книге вводятся в научный оборот материалы древнерусского поселения под Великими Луками — Городка на Ловати, которые значительно дополняют уже существующую базу археологических источников, связанных с изучением формирования раннегородских структур X — начала XI в. Главная особенность Городка на Ловати заключается в том, что это один из немногих памятников X в., который раскопан полностью. Его культурные отложения не имеют значительных поздних нарушений, как в Пскове, Новгороде и Ладоге. В монографии разработаны эталонные признаки административно-ремесленного центра X в., археологическое определение начального этапа формирования ремесленного посада. Рассматриваются новые аспекты домостроительства культуры длинных курганов, ювелирного, кузнечного и гончарного ремесла, представлена одна из наиболее полных характеристик структуры ремесленного производства предгородского поселения X в. Анализируется материал боярской усадьбы, которая возникла на месте Городка в XI — начале XIII в.

Издание рассчитано на археологов, историков.

УДК 902
ББК 63.4(2)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 14-01-00281*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 16-01-16122*

*Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование,
размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца.
Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться
в судебном порядке согласно законодательству РФ.*

ISBN 978-5-86007-824-6

© Горюнова В. М., 2016
© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2016

ВВЕДЕНИЕ

Проблема становления раннефеодального города, определение его социально-экономической, административно-политической сущности породила обширнейшую литературу как исторического, историко-археологического плана, так и связанную с решением чисто археолого-источниковедческих задач. Изучение историографии этих вопросов в полном объеме, с выявлением основных закономерностей и этапов развития научной исторической мысли — задача специального исследования, выходящего за рамки этой работы и вряд ли уместная при постановке целей исследования, которое носит сугубо конкретный источниковедческий характер. Поэтому стоит ограничить себя лишь кратким изложением истории археологических исследований раннегородских образований Северной Руси, увязав ее с основными, концептуального плана проблемами, возникавшими в ходе решения поставленных задач.

Как известно, изучение начальных этапов русской истории всегда было одним из важнейших направлений советской исторической науки. Примерно к 1950-м гг. усилием многих выдающихся отечественных ученых были выявлены основные социально-экономические предпосылки и факторы образования классового общества и государства у восточных славян. В рамках этих исследований закономерно ставились также вопросы, связанные с возникновением и развитием древнерусского города. При этом значительное внимание было уделено разработке общего понятия феодального города, его месту и роли в процессе генезиса Древнерусского государства. В ряду специальных работ, посвященных этой проблеме, прежде всего надо назвать исследования С. В. Юшкова, В. Д. Грекова, И. И. Тихомирова, А. М. Сахарова, Л. В. Черепнина (Юшков, 1939. С. 23, 46, 47, 131—137, 172; Греков, 1944. С. 92—106; Тихомиров, 1956; Сахаров, 1959; Черепнин, 1960). Большой вклад приходится и на долю археологов Б. А. Рыбакова, М. К. Каргера, создавших к этому времени обобщающие труды, в которых немало места уделяется выработке понятия «древнерусский город» (Рыбаков, 1948. С. 35—99; Каргер, 1958. С. 522—524). В этот же период были предприняты первые попытки конкретизации процесса происхождения древнерусских городов, который был намечен В. И. Равдоникасом и А. В. Арциховским еще в 30-е гг. XX в. в самых общих чертах в контексте развития общесоветских положений о генезисе феодализма (Равдоникас, 1934. С. 102—129; Арциховский, 1934а. С. 49—51, 54—56; 1934б, 223—224). На основе археологических материалов были созданы теория «племенного города» С. А. Таракановой и «замковая» теория М. Ю. Брайчевского, оставившие заметный след в историографии проблемы (Тараканова, 1950. С. 18—29; 1951. С. 30—31; Брайчевский, 1951. С. 32—33).

Однако конкретное археологическое изучение древнерусского города к началу 50-х гг. испытывало существенные затруднения. Материалы Староладожской экспедиции к тому времени были введены в научный оборот в недостаточном объеме. Изучение Пскова только-только становилось систематическим, довоенные же материалы из раскопок этого городского центра были утрачены. Раскопки в Новгороде с 1932 по 1948 г. имели разведочный характер. Выяснилась не только недостаточность источниковедческой базы для изучения начальных стадий формирова-

ния города, но и недостаточная разработанность общих культурно-хронологических проблем. Все это выявило настоятельную необходимость выработки общей программы историко-археологических исследований древнерусского города. Эту задачу в определенной степени выполнил Всесоюзный археологический Пленум ИИМК, прошедший в 1950 г. и посвященный итогам изучения древнерусского города в предшествующее пятилетие.

На пленуме состоялась оживленная и плодотворная дискуссия, в ходе которой были сделаны первые попытки обобщения накопленного к тому времени археологического материала. Подводя итоги дискуссии, Н. Н. Воронин отметил сложность и многообразие путей возникновения и развития древнерусских городов, что связывалось им с неоднородностью градообразующих процессов на разных этапах формирования Древнерусского государства и в разных его регионах (Воронин, 1951. С. 14). Н. Н. Воронин выдвинул также положение о необходимости внесения «в начальную историю древнерусского города обоснованной периодизации», строго различая последовательные этапы процесса возникновения города, который охватывает две ступени развития общества — конец первобытнообщинного строя и начало классового общества.

Забегая несколько вперед, отметим, что идея Н. Н. Воронина о многовариантности путей возникновения городов получила всеобщее признание. Она имела развитие в целом ряде археологических работ (Горюнова, 1955. С. 11—21; Алексеев, 1966. С. 132; Рабинович, 1968), а в исторической литературе была обоснована в социально-экономическом и политическом аспектах (Пашуто, 1966. С. 93—98).

Хронологический же аспект этой проблемы был оставлен без особого внимания. Но поскольку каждой эпохе — свой градообразующий фактор, то постановка проблемы рассмотрения процессов градообразования в динамике была закономерной, а практическая его разработка сулила значительный научный успех. Но возможности такого дифференцированного подхода вплоть до последних десятилетий были практически исключены в силу слабой обеспеченности археологов материалами IX—X вв., не только раннегородских центров, но и их окружи, массовых рядовых поселений, погребальных памятников. Особенно остро это положение ощущалось при изучении Северной Руси.

1950—1960-е годы знаменуются заметным увеличением археологических исследований северо-западных городских центров. Возрастает не только количество, но и качество археологических изысканий. Существенно расширяются работы в Пскове, закладываются основы изучения его окружи (Гроздилов, 1962. С. 57; 1965. С. 65—88; Белецкий, 1968. С. 3—8; 1971. С. 114—115). Беспрецедентными по своей значимости оказались работы Новгородской экспедиции. Помимо вещеведческих задач на первый план были выдвинуты целостность и комплексность в изучении памятника. Работа велась широкими площадями, позволявшими получить данные о развитии плановой структуры города. При этом была разработана хронологическая шкала многих категорий вещей, получены дендродаты, применены новые естественно-научные методы в изучении вопросов технологии, уровня развития ремесел средневекового города (Янин, Колчин, 1978. С. 5—56).

Однако, несмотря на перечисленные выше успехи в археологическом изучении Новгорода, проблемы становления раннего города в значительной мере продолжали оставаться открытыми. Хотя и были обнаружены слои X в. (953, 974 гг., первая половина X в.), но степень их обеспеченности качественным материалом оставляла желать лучшего. Недаром выдвинутая в начале 1970-х гг. гипотеза о происхождении Новгорода путем слияния трех разноэтничных ранних поселков (Янин, Алешковский, 1971. С. 32—61) до сих пор не получила подтверждения археологическим материалом, как, впрочем, и некоторые другие важнейшие вопросы ранней истории Новгорода. В частности, рассматривая конкретные проявления раннегородской структуры, первоначальный этнический состав наиболее ранних поселков, объединивший их религиозно-административный центр, исследователям приходится ограничиваться ретроспективным анализом письменных источников XII—XV вв. Экономика раннего Новгорода также не получила достаточно веской археологической характеристики: первые ремесленные постройки выявлены в слоях только XI в., а основная масса их сосредоточена в отложениях XII—XV вв. Для ранних этапов ремесленного производства дается только суммарная характеристика в рамках X—XI вв. Таким образом, здесь также сказывается неполная обеспеченность материалами именно X в. (Янин, Колчин, 1978. С. 5—56; см также: Труды Новгородской..., 1959; 1963).

Между тем в конце 1960-х — начале 1970-х гг., с началом изучения поселений в районах сосредоточения значительнейших курганных могильников IX — начала XI вв. — Гнёздова, Тимерёва, а также с возобновлением полевых работ в Старой Ладогe, вызванных постепенным введением в научный оборот довоенных и послевоенных материалов, археологи стали придавать особое значение изучению протогородских образований — поселений нового типа, соответствующих переходному периоду развития восточнославянского общества, периоду становления древнерусской государственности.

При этом в общей проблеме становления города явно выделяется ряд конкретных исследовательских направлений. Так, на первый план были выдвинуты задачи выяснения плановой структуры поселений, выявление дружинной прослойки как определяющего главного социального элемента раннегородского населения, воссоздания его этнического состава и непременно изучение как можно в более полном объеме ремесленных комплексов. Причины упадка этих центров, проблема переноса городов были основным предметом научной дискуссии, имевшей место в 70-х гг. прошлого века (Ляпушкин, 1971. С. 32—37; Шмидт, 1974. С. 150—164; Авдусин, 1972, С. 159—169; Алексеев, 1977. С. 83—103; Булкин, Лебедев, 1974. С. 11—17; Булкин и др., 1978. С. 25—60, 75—80, 85—90, 115—127).

Выявление и изучение новых раннегородских образований, появление новой концепции открытых торгово-ремесленных поселений стали ярким подтверждением на практике тезиса Н. Н. Воронина о необходимости историзма в подходе к решению проблем становления города.

В 70-е гг. разворачиваются самые широкие исследования округа основных городских центров Северо-Запада: Пскова, Новгорода, Старой Ладоги. Пристальное изучение не только сопровождающих погребальных комплексов,

но и непосредственных их спутников — селищ, городищ самого различного уровня и ранга — становится непременным условием успешного изучения начальных этапов становления города как целостного организма.

Так, в Пскове культурные отложения древнейшей его части, Крома, неоднократно подвергались нивелировке и разрушениям, особенно в XVIII в., что привело к отсутствию полной свиты культурных напластований и к невозможности реконструировать поэтапное развитие полной планиграфии древнего ядра Пскова (Белецкий, 1983. С. 46—80). Зато более полноценные данные получены в результате изучения догородских образований VIII—IX вв. округа Пскова — Изборска (Седов, 1974а. С. 67—74; 1985. С. 11—128) и Камно (Плоткин, 1980). Они послужили для создания общей модели градообразования, которую можно было наблюдать в скоплении поселений в нижнем Повеличье.

Планомерное многолетнее исследование Е. Н. Носовым округа Новгорода и целенаправленное изучение основного его предшественника — поселения на Рюриковом городище позволили выдвинуть новую гипотезу происхождения столицы Северной Руси, более обоснованную и более фундаментальную археологическим материалом, чем это было сделано прежде (Носов, 1984. С. 3—38; 1990).

Проведенная со строгой документированностью в 1970—1980-х гг. большая историкоархеологическая проработка старых материалов Старой Ладоги по-новому осветила первоначальный характер поселения, выявив его изначальные торгово-ремесленные функции (Давидан, 1962а. С. 16—18; 1962б. С. 95—108; 1966. С. 103—115; 1968. С. 54—63; 1970. С. 81—88; 1977. С. 101—105; 1980. С. 59—67; Львова, 1968. С. 64—94; 1970. С. 89—111; Корзухина, 1973. С. 35—40; Рябинин, 1980. С. 161—177), а также сложность и неоднозначность культурной среды, в которой происходило формирование этого центра (Корзухина, 1965а. С. 14; 1971. С. 128—131; Носов, 1977. С. 10—17).

Последнее положение особенно стало выпуклым и объемным при новых археологических работах ленинградских археологов в Старой Ладогe, которые существенно расширили базу исследований, придавая большое значение изучению прилегающей округи (Средневековая Ладога..., 1985).

80-е годы прошлого столетия отмечены появлением ряда работ, в которых интересующая нас проблема рассматривается не только на конкретном материале, но в самом общем, теоретическом плане (Карлов, 1980. С. 66—83; Куза, 1982. С. 9—15; Толочко, 1983; 1985а. С. 3—18; 1985б. С. 5—19; Седов, 1987. С. 12—31; Древняя Русь. Город..., 1985). Все большее значение приобретают коллективные исследования (Археологическое изучение Новгорода. М., 1978; Новое в археологии Киева. Киев, 1981; Археологическое изучение Пскова. М., 1983; Археологическое изучение Киева. Киев, 1985; Средневековая Ладога..., 1985). Всесоюзная археологическая конференция «Древнерусский город» (Киев, 1982), постоянно действующий с 1979 г. научный семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли» (АИППЗ) и, наконец, Пятый Международные конгресс славянской археологии (Киев, 1985), главной темой которого стал славянский средневековый город, — все эти важные события научной археологической жизни отразили на тот момент достаточно высокий уровень изучения раннегородской проблематики.

Масштабные полевые работы 1980-х, конца 1990-х — 2000-х гг. в Новгороде, Старой Ладогe, Пскове, Изборске, Гнёздове, на Рюриковом городище и появление ряда монографических публикаций (Носов, 1990; Голубева, Кочуркина, 1991; Андрощук, 1999; Белецкий, 1996; Леонтьев 1996; Носов и др., 2005; Захаров, 2004; Седов, 2007), а также отдельных статей, посвященных формированию и развитию Гнёздовского комплекса (Вешнякова, Булкин, 2001. С. 40—51; Мурашёва, Авдусина, 2007. С. 8—30; Мурашёва и др., 2007. С. 31—77; Пушкина и др., 2012. С. 242—273), Шестовицкого центра (Андрощук, 2001. С. 133; Коваленко и др., 2003. С. 51—83; Коваленко, Моця, 2010. С. 91—102), способствовали более объемной, многоплановой в пространственно-хронологическом отношении интерпретации археологических материалов, дальнейшему совершенствованию теоретических воззрений на причины возникновения раннегородских образований и характер экономических, социально-культурных процессов, протекавших в рамках новых поселенческих структур. В эти годы получила свое окончательное завершение концепция Е. Н. Носова об особом пути становления городских центров Северо-Западной Руси, определяемом развитием международной торговли и военно-административными интересами княжеской власти (Носов, 1993. С. 59—78; 2000. С. 170—171; 2005. С. 18—27). Приходит понимание неодинаковости торгово-ремесленных поселений, среди них выделяются центры разного статуса, с неоднородной социально-экономической структурой. Возникли новые нюансы в трактовке социально-экономической структуры таких центров как Тимерёво, Шестовицы, Гнёздово (Леонтьев, 1989. С. 79—86; Жарнов, 2001. С. 114; Петрухин, 1995. С. 155—158; Комар, 2012. С. 353—355). Выявлен новый тип локальных поселений, связанных с пушным промыслом и пушной торговлей и концентрацией ремесленного производства (Захаров, 2012. С. 44—45). На примере селища при Сарском городище были определены признаки сезонных лагерей купцов и дружинников (Леонтьев 1996. С. 73—103)¹. В эти же годы созрела настоятельная потребность в развитии региональной археологии. Широкие исследования рядовых поселений на Мсте, Луге, Ильменском Поозерье, в ряде регионов Северо-Востока выявили поселенческие скопления и сложную динамику расселения, вне контекста которых дальнейшее изучение процессов урбанизации теперь не представляется возможным (Макаров, 2012. С. 81—84).

Столь значительные достижения российской археологии в изучении раннегородских центров Северной Руси, однако, не исключают неравномерности в степени исследованности памятников IX—X вв. разных регионов Северной Руси. Особенно это сказывается при попытках сравнительного анализа, проводимого как в структурно-типологическом, так и в социально-экономическом плане. Сказывается к тому же недостаточность вскрытых площадей на поселениях этого хронологического периода, неполнота одновременных материалов в различных центрах, недостаточная разработанность вопросов хронологии. Особенно остро ощущается отсутствие полных

¹ Но наряду с новыми теоретическими направлениями в исследовании проблемы возникновения раннегородских центров была возрождена старая концепция возникновения города из племенного центра — центра сельскохозяйственной округи, основы его существования и развития (см. об этом: Носов, 2005. С. 14).

комплексных публикаций по Новгороду, Старой Ладогe и Гнёздову. Несмотря на то что перечисление работ по ремесленно-производственной тематике Древней Руси займет не один десяток страниц, именно для IX—X вв. исходных материалов опубликовано явно недостаточно. Они либо не выявлены, либо не введены в полной мере в научный оборот. Но чтобы подняться на новый обобщающий уровень в изучении раннегородских структур, необходима ликвидация вышеприведенного, далеко не полного перечня пробелов в археологическом изучении раннегородских центров Северо-Западной Руси (более полно см.: Макаров, 2012. С. 88—89).

Поэтому по-прежнему остается актуальной задача продолжения углубленных региональных исследований, выявление и изучение новых поселений (селищ и городищ) VIII—X вв. Решение такой задачи осложнено тем, что большая часть раннегородских отложений перекрыта более поздними отложениями городских слоев и разрушена результатами строительно-хозяйственной деятельности. Кроме того, идет обвальная процесс современного разрушения и ограбления археологических памятников.

На фоне малой изученности такого региона, как Ловатский бассейн, особое значение приобретают работы в Городке на Ловати — непосредственном предшественнике Великих Лук, одном из древнейших летописных городов Северной Руси. Это единственный в данном регионе памятник, который в наибольшей полноте и целостности сохранил ранние отложения X — начала XI в. и в свое время был подвергнут сплошному археологическому вскрытию на значительной площади: укрепленная часть раскопана полностью, а на селище исследовано около 2/3 площади. Памятник сохранил полноценную плановую структуру. Ни в одном из вышеперечисленных раннегородских центров не было обнаружено в отложениях X в. такое количество ремесленных сооружений (более 35) и такой объем материалов, связанных с ремесленным производством (свыше 1500 единиц).

В настоящей работе поставлено несколько взаимосвязанных задач. Это прежде всего задача изучения материальной культуры Городка на Ловати, выявление планиграфии поселения и динамики его развития на фоне культурно-хронологического анализа материала. Приоритетным было изучение вопросов технологии ремесленного производства, выявление степени его специализации и в конечном счете — определение особенностей хозяйственно-экономической структуры поселения предгородского типа, находящегося на стадии формирования. Наконец, предпринята попытка анализа особенностей градообразующих процессов, имевших место на данном поселении и являвшихся конкретным проявлением общих закономерностей становления древнерусского города.

Полученные результаты комплексного исследования вводят в оборот новые археологические материалы и позволяют создать обоснованную социально-экономическую модель конкретного раннегородского образования. Сопоставлением плановой структуры Городка на Ловати и различных частей других протогородских центров (Гнёздова, Рюрикова городища) и динамики их развития в X — начале XI в. открывается новый аспект изучения посада как одной из структурообразующих частей средневекового города.

На массовом материале Городка на Ловати проведена систематизация раннегончарных форм керамики X в., поставлен вопрос об истоках гончарного ремесла Северной Руси. Особо важной представляется разработка вопросов железодельного и ювелирного производства X — начала XI в., которые включают такие аспекты, как типология ремесленных построек, определение их функций, плановая структура производственной зоны. На основе спектрально-аналитического и морфологического исследования ювелирных изделий обосновано выделение нового субрегиона в прибалтийской зоне металлообработки.

В настоящей публикации представлены материалы раскопок Я. В. Станкевич 1954—1957 гг., а также материалы, полученные мною при полевых исследованиях 1971, 1972, 1975, 1977, 1978 гг. Коллекции хранятся в НА ИИМК РАН, ОАВЕС Государственного Эрмитажа и Краеведческом музее г. Великие Луки.

Я искренне признательна за консультации и благожелательность коллегам Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН как ушедшим от нас М. В. Малевской, Е. А. Рябинину, так и ныне здравствующим Н. В. Хвоцинской, А. В. Плохову, В. А. Лапшину, В. И. Кильдюшевскому. Я особенно благодарна Е. Н. Носову за участие в первом, самом трудном полевом сезоне и многолетнюю поддержку моих исследовательских изысканий по раннегородской тематике. Я с полным удовлетворением и благодарностью вспоминаю работу Т. Б. Сениченко в 1977 г. «Свежеиспеченная» выпускница кафедры археологии ЛГУ, в те времена Таня Шитова, руководила раскопом II ответственно и квалифицированно. Добрым словом всегда буду поминать П. А. Раппопорта, обратившего мое внимание на материалы Городка, и О. И. Давидан, опекавшую меня при работе с эрмитажными коллекциями.

Книгу я посвящаю памяти Евгения Алексеевича Горюнова.

Глава I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДКА НА ЛОВАТИ

Возникновение Городка на Ловати — одного из центров раннегородской жизни Северной Руси — явилось следствием глубоких социально-экономических процессов, протекавших на обширной территории Северо-Запада на протяжении VIII—X вв. Основной пласт археологических памятников, происходящих с этой территории, связан прежде всего с культурами длинных курганов и сопки. Развитие племен — носителей этих культур и послужило определяющим фактором исторического процесса в данном регионе, подготовившего социально-экономические предпосылки для зарождения здесь новых типов поселений.

Памятники культуры длинных курганов образуют плотные сгустки в Себежском поозерье, верховьях р. Великой, по Западной Двине, в смоленском течении Днепра, в бассейне Псковского озера, западного и юго-западного Причудья. В последние десятилетия значительно пополнилось число памятников этого типа в верховьях Луги, в Валдайско-Мстинском регионе (Носов, 1981. С. 48, карта; Михайлова, 2014а. С. 16—19)¹.

Курганные могильники и сопутствующие им поселения располагаются либо вдоль сухопутных дорог, соединявших в древности поселения, либо по берегам малых рек и озер. В археологической литературе неоднократно подчеркивалось, что топографические условия размещения длинных курганов и сопутствующих им круглых с трупосожжением свидетельствуют об определенном уровне развития хозяйства племен, оставивших эти памятники (Микляев, 1974. С. 242—247; 1981. С. 49—51)². Население стремилось заселять сухие, слегка возвышенные места с легкими для возделывания почвами. Почвы эти (дерново-подзолистые, средне- и слабоподзолистые на супесях, песках или слабых суглинках) создают хорошие условия для ведения подсечного земледелия на экстенсивном уровне.

Природно-географическая среда обуславливала необходимость ведения комплексного хозяйства. Данные этнографии (Моора, Моора, 1960. С. 21) и материалы, полученные с поселений (Станкевич, 1960. С. 90—91, 128—129, 323—324), характеризуют хозяйство населения Северо-Запада озерно-лесной зоны в пределах возвышенной Балтийской гряды как комплексное, в котором помимо земледелия и скотоводства значительный удельный вес принадлежал также охоте и рыболовству. Подобный тип хозяйства, несомненно, полностью сформировался уже к середине I тыс. н. э.

¹ В настоящее время в археологической литературе весь массив культуры длинных курганов разделяется на более северную культуру псковских длинных курганов, которая имеет пласт наиболее ранних погребений VI—VII вв. и более архаичный облик, и культуру смоленских (или смоленско-полоцких) длинных курганов, сформировавшихся не ранее VIII в. Поскольку ни в этническом, ни в социально-экономическом плане это разделение не имеет принципиального значения, я в дальнейшем буду употреблять один термин: «культура длинных курганов».

² Правда, этот автор вообще отрицал наличие какой бы то ни было формы земледелия у племен длинных курганов.

Примерно через 200—250 лет после появления культуры длинных курганов на обширной территории Ильменского бассейна в Поволховье, а также в верховьях Мологи и Луги, распространяется новый тип курганных древностей — сопки. Эти памятники стали объектом пристального внимания отечественной археологии еще с 20-х гг. XIX в. (Ходаковский, 1844. С. 368—385). Почти с самых первых этапов изучения сопки вызвали самые разноречивые мнения об их этнической принадлежности (Бранденбург, 1895; Спицын, 1899; Репников, 1915; Равдоникас, 1924; Третьяков, 1941). А после выхода в свет серии статей и обобщающей фундаментальной работы В. В. Седова (Седов, 1960а. С. 3—12; 1970а; 1970б. С. 43—46) сопки стали предметом острой дискуссии не только в плане историко-этнографических построений (Артмонов, 1967. С. 63—67; Ляпушкин, 1968. С. 95—96; Носов, 1974. С. 212—241; Лебедев, 1977. С. 90—95; Булкин и др., 1978. С. 61—75; Пронин, 1981. С. 11—16), но и при решении чисто источниковедческих задач, возникавших на самых первых этапах работы с материалами сопки, — при картографировании и типологическом членении этих погребальных насыпей.

Не менее существенным и, пожалуй, более плодотворным был факт установления связи сопки и поселений последней четверти I тыс. н. э. — в первую очередь Старой Ладogi и ее округи, ранних отложений Рюрикова городища и ряда селищ в непосредственной округе Новгорода, а также Помостья и нижнего бассейна Ловати (Орлов, Аксенов, 1961. С. 162; Седов, 1970а. С. 32; Носов, 1981. С. 18—24; Петренко, Шитова, 1985. С. 181—191; Кузьмин, 1991. С. 153—160; Платонова, 1991. С. 76; Конечкий, Носов, 1995. С. 29—54).

Ареал сопки в большей своей части совпадает с северо-восточной территорией распространения культуры длинных курганов. Правда, именно в этих местах курганные группы с длинными насыпями не образуют столь плотных сгустков, как, например, в верховьях Великой или Западной Двины. Сопки располагаются в той же природно-географической зоне, что и длинные курганы, топография сопки и сопутствующих им селищ отличается от топографии длинных курганов. Сопки почти везде, за редким исключением, располагаются по высоким берегам крупных рек и озер и тяготеют к полевому ландшафту (Седов, 1970а. С. 11; Пронин, 1981. С. 30).

Население, оставившее сопки, так же как и носители культуры длинных курганов, вело комплексное хозяйство, что определилось единой природной зоной (невысокий уровень плодородия земель, большая залесенность, разветвленная сеть рек и озер), но несомненно, что структура этого хозяйства была более прогрессивной. Прежде всего это относится к соотношению скотоводства и земледелия: последнее было основным и определяющим экономическим фактором хозяйства.

Находки наконечников пахотных орудий второй половины VIII — середины IX в. в Старой Ладoge, а также присутствие семян сорных растений в культурном слое по-

селений указывают на явные изменения в самих приемах обработки земли. Исследователи считают возможным говорить о качественно новом уровне земледелия, переход к которому совершался на Северо-Западе в VIII—IX вв. (Кириянов, 1959. С. 315, 316, 320; Миролубов, 1972. С. 118—120; Чернецов, 1976. С. 33, рис. 1)³. С другой стороны, большая часть населения культуры сопок, по-видимому, все же продолжала применять экстенсивные способы обработки земли, о чем свидетельствуют небольшие размеры и мало выраженный культурный слой рядовых поселений, которые к тому же сопровождаются одиночными могильными насыпями либо группами из 2—3 сопки. Основную причину большого процента одиночных сопки небольших могильников В. В. Седов видел в малодворности поселений и в экстенсивном виде земледелия (Седов, 1970а. С. 10). Следует отметить, что применение пахотных орудий при обработке земли не ликвидирует экстенсивности земледелия, а даже несколько усиливает его, но последнее с успехом компенсируется резким расширением обрабатываемых площадей, что в конечном счете способствует выведению земледелия на первый план в хозяйстве (Краснов, 1971. С. 64). Тем не менее результаты исследований последних лет доказывают, что хозяйство «сопочной» культуры носило более прогрессивный характер, чем хозяйство культуры длинных курганов. Об этом свидетельствуют находки клада сельскохозяйственного инвентаря в Холопьем городке с наконечниками для однозубой сохи, следы распашки под валом городища Георгий и под культурным слоем Рюрикова городища, остатки проса, ячменя, трех видов пшеницы, ржи и гороха. И еще один важный момент. В структуре пойменного скотоводства «сопочных» поселений заметную роль играла лошадь. По материалам городища Георгий и Рюрикова городища среди костного материала останки лошади составляли до 7 % (Альслейбен, 1997. С. 191—204; Молтби, Хамилтон-Даер, 1995. С. 129—156; Конецкий, Самойлов, 2000. С. 320—328; Носов и др., 2005. С. 122—154).

Выдвижение земледелия на первый план в хозяйстве и появление новой формы курганной конструкции на Северо-Западе сопровождается важными демографическими процессами. На территориях южного, восточного и северо-западного Приильменя значительно увеличивается население и начинается продвижение носителей «сопочной» культуры на северо-запад, северо-восток и север, вдоль Волхова: все раскопанные сопки в Поволхове дают в основном материал IX—X вв. (Петренко, 1977. С. 55—62; 1985. С. 143; Носов, 1981. С. 54; 1985. С. 154). При этом на Луге и Мсте возникают значительные поселенческие

³ Аспект разной ландшафтной приуроченности сопки и длинных курганов и поиски причин этого в структуре хозяйства двух пластов населения VIII—IX вв. успешно разрабатывались Е. Н. Носовым и П. М. Долухановым на более широком материале (Носов, 1981. С. 49; 1988. С. 21—38; Долуханов, Носов, 1985. С. 19—23). Выводы авторов можно свести к следующим положениям. Отличия культур сопки и длинных курганов объясняются: а) большей архаичностью последних и более примитивным укладом хозяйства (преобладало подсечное земледелие с неустойчивой урожайностью); б) носители «сопочной» культуры, связанные со второй волной (VIII в.) славянского заселения Северо-Запада, имели более развитый земледельческий уклад хозяйства, основу которого составляло пашенное земледелие.

комплексы, в которых была сосредоточена родовая аристократия (Конечкий, Носов, 1995. С. 29—54; Платонова, 1991. С. 68—88; Янин, 2008. С. 28).

Несмотря на столь, казалось бы, явное превосходство хозяйства «сопочного» населения над хозяйством населения культуры длинных курганов, ритм социального развития был у них общим. Примерно в одно время начиная с конца VIII в. и особенно в IX в. как в культуре длинных курганов, так и в сопках появляются одни и те же признаки изменения структуры общества. В погребальной обрядности существенное значение начинает придаваться не только индивидуализации погребенного (Аун, 1981. С. 20), большому числу украшений и другого инвентаря⁴, но, что весьма важно, особо выделяется группа совместных погребений лошади и человека; причем наиболее часто последнее явление можно наблюдать в погребальном обряде сопки.

Еще В. В. Седов обращал внимание, что среди жертвенных животных, встречаемых в сопках, лошадь занимает одно из первых мест, но выделяет эту деталь обряда лишь в качестве этнического индикатора, выявляющего участие балтов в сложении «сопочной» культуры (Седов, 1970а. С. 20—23). Аналогичную позицию, но уже в отношении погребальных традиций длинных курганов, занимает Е. А. Шмидт. Говоря об этнических особенностях этих памятников, факт погребения сожженных и несожженных костей и зубов лошади он соотносит с проявлением чисто балтской культуры (Шмидт, 1970. С. 106). Г. Ф. Соловьева, возражая В. В. Седову, отстаивала только лишь социальный аспект в трактовке конских погребений и относила таковые к дружинным погребальным дефинициям (Соловьева, 1971. С. 128—129).

В возникшей дискуссии у сторонников и первой, и второй точек зрения явно не было должного дифференцированного подхода в трактовке конских погребений, сопровождающих человека. К сожалению, вопрос о жертвенных животных, их роли и месте в структуре погребальной обрядности остается одним из самых неразработанных в археологической литературе. К тому же все осложняется фрагментарностью материала: большая часть костей из трупосождений сопки и длинных курганов не подвергалась определению, впрочем, как и весь остальной материал большинства сожжений I тыс. Восточной Европы. Лишь в последние годы намечился положительный сдвиг в этой области.

Давно установлен и не вызывает сомнения факт, что кости животных при погребениях являются либо остатками сопровождающих покойника пищевых запасов, либо следами поминальной стравы (тризны). Более или менее ясно, когда мы имеем дело с животными, явно употреблявшимися в пищу (корова, овца, птица и т. п.). Но трактовка может усложняться, когда в погребальный обряд включается лошадь. На каких-то этапах развития погребального обряда конина, безусловно, использовалась в качестве только обрядовой пищи. В этом можно быть уверенным, если в погребении или в насыпи присутствуют несожженные кости от тех частей туши лошади, которые обычно употребляли в пищу. Это тем более

⁴ Ряд исследователей считает, что в обществе IX в. признаки социальной стратификации отсутствуют полностью, но при этом отмечают погребения с привозными престижными вещами (Макаров, 2012. С. 89; Нефёдов, 2012. С. 90; Михайлова, 2014б. С. 226).

вероятно, что в остеологическом материале поселений как первой, так и второй половины I тыс. лесной зоны кости лошади составляют весьма значительный процент (Станкевич, 1960. С. 129; Щеглова, 1969. С. 106; Краснов, 1971. С. 102—103).

Для сожжений культуры длинных курганов при- сутствие как сожженных, так и несожженных костей лошади являлось базовым элементом погребального об- ряда на всем протяжении существования данной группы памятников (Гриново I, Заозерье, Лаосина V, Шихино, Куреваниха III, Лезгни, Залахтовье, Сторожинец) (Лопатин, 2009. С. 82; Попов, 2009. С. 113; Хвошинская, 2004. С. 25—26; Михайлова, 2014а. С. 79; 2014б. С. 177—180). В структуре хозяйства «сопочной» культуры, где пашен- ное земледелие было определяющим, лошадь, несомнен- но, имела еще большее значение как тягловое животное. Эта сторона ее хозяйственного назначения, безусловно, также должна была получить отражение в погребальном обряде какой-то части сожжений, сопровождающихся кремированной лошадей. Коровично, Сядяхи, Болотово, Любинец, Велеша, Плакун — во всех этих пунктах встре- чены крупные сожженные и несожженные кости лошади.

С возрастом роли лошади в хозяйстве она в культово- обрядовой жизни населения выдвигается также на первый план, приобретает функции символа, аккумулярующего в себе благополучие и охранительную силу. В качестве такового и следует рассматривать изредка встречающиеся захоронения черепов лошади в основании сопки (Велеша) или целого несожженного коня при погребенном (Северик) (Плоткин, 2009. С. 103—106).

Вышеописанные случаи погребения костей лошади, безусловно, относятся к традиционным особенностям племен-носителей как «сопочной» культуры, так и куль- туры длинных курганов. Как пищевой запас или как амулет-охранитель — два этих аспекта можно рассма- тривать в качестве условной этнической традиции, так как традиция эта имела глубокие корни во всей лесной европейской зоне в среде различных племен. Придавать этому явлению исключительно балтскую окраску⁵ было бы не совсем верно в силу того, что в материалах погреб- альных памятников юго-восточной Прибалтики на про- тяжении всего I тыс. н. э. мы не имеем значительного числа свидетельств использования лошади в качестве пищевого запаса или амулета-охранителя. Известны лишь единичные случаи находок зубов лошади в труп- положениях II—I вв. до н. э. (Куликаускене, 1953. С. 212; Граудонис, 1967. С. 119).

Но, с другой стороны, не говоря уже о погребениях лесных скифских культур, можно привести примеры на- ходок зубов лошади в погребениях I в. до н. э. — I в. н. э. милоградской культуры (Мельниковская, 1967. С. 47, 133). В тех редких случаях, когда делались определения костных остатков раннеславянских трупосожжений (например, из могильника в Германии Мозигкау-Цоберберг или из мо- гильника колочинской культуры Картамьшево II), мы также имеем факты сопровождения основного захоронения костью лошади (Krüger, 1966. S. 93—96; Горюнова, 2004. С. 24).

Те же яркие, выразительные, поражающие богатством погребальные комплексы Прибалтики с конскими захоро-

⁵ Данная точка зрения по-прежнему остается достаточно популяр- ной и в современной литературе (Михайлова, 2014а. С. 79).

нениями, на которые ссылаются В. В. Седов и Е. А. Шмидт (Шмидт, 1970. С. 106) в поисках аргументации положения о балтских субстратных явлениях в культурах сопки и длин- ных курганов, расценивались авторами публикаций Р. К Ку- ликаускене, М. Х. Шмидехельм прежде всего как явления социально-экономического порядка. Авторы связывали их с имущественным расслоением общества, выделением правящего класса.

Несомненно, что первые подобные погребения, датиро- ванные III—IV вв., и в Литве, и в Латвии стали проявле- нием интенсивных торговых связей с Римской империей, которые действовали особенно активно на протяжении I—IV вв. (Michelbertas, 1965. S. 66). Для балтов связи с бывшими римскими провинциями и придунайскими пле- менами продолжали играть серьезную роль и в V—VI вв. (Таугавичус, 1972. С. 278). Ввоз фибул, эмалей, стекла, римских бронзовых сосудов, медной и серебряной монеты способствовал интенсификации торговли и накоплению немалых состояний в руках местной знати. Поэтому с сере- дины I тыс. в Прибалтике и появляются массовые конские захоронения как своеобразные индикаторы социально- экономической дифференциации общества (Vaitkunskiene, 1985. С. 74—85; Вайткунскене, 1990. С. 201—206). Осо- бенно интенсивно эти явления прослеживаются в западной Литве, где в предшествующее время поддерживались наи- более оживленные торговые связи с Римской империей.

По нашему мнению, такую же смысловую нагрузку не- сут в сопках сопровождающие сожжения человека остатки кремированной лошади с плетью, удилами и крупными бубенцами от сбруи (Победище Октябрьское) (Петренко, 1977. С. 55—62). В длинных курганах мы также сталкива- емся с сожжениями, которые содержат предметы конской упряжи — удила, бубенцы, или атрибуты всадника — шпоры, плетль (Жеребятино, Дорохи I, Гриново II, Шихи- но, Залахтовье, Северик, Цурковка, Дроково, Черневичи, Рудня) (Михайлова, 2014а. С. 73—82; 2014б. С. 153—156). Иногда в сожжениях присутствует и оружие (Плесо II, Степаново III, Лоози, Куреваниха III) (Михайлова, 2014а. С. 73—82; 2014б. С. 144—153). Все эти принадлежности всадника-воина являются отражением не каких-то этниче- ских моментов, а прежде всего социально-экономических процессов, активно расслаивавших древнее общество⁶.

Итак, на материалах конских захоронений как «сопоч- ной» культуры, так и культуры длинных курганов можно наблюдать процесс перехода чисто обрядовых явлений в разряд социально-престижных, которые получают равно- правие в погребальном действе и подчеркивают особое

⁶ Примером дифференцированного подхода в трактовке различных видов конских захоронений может служить статья «Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси VIII—IX вв.» (Голубева, 1981. С. 87—98), в которой автор выделяет тризну (несожженные кости лошади в насыпи курганов VIII—IX вв.), захоронения дружинников с конями (как кремацию, так и ингумацию, X—XI вв.), а всю остальную массу погребений разного вида VIII—IX вв. относит к ритуальным захоронениям, связанным с культом коня, имеющим финскую традицию. Последнее заключение, на наш взгляд, вряд ли безоговорочно. Безусловно, большая часть таких погребений (сожжение расчлененной туши коня, его головы и т. п.) несет отвращающе-охранительную функ- цию либо служит символом благополучия. Но часть сожжений коня, которые сопровождаются удилами, сбруей, плетью и шпорами, явно свидетельствует о появлении и на северо-востоке Руси в VIII—IX вв. особых, нерядовых членов общества, отправляющихся в загробный мир вместе с верховой лошадей.

социальное положение погребенного, выделяя его из массы общинников. При этом надо отметить, что к IX в. в некоторых регионах культуры длинных курганов уровень хозяйственно-экономического и социального развития, по-видимому, сравнился с уровнем племен культуры сопок. Во-первых, в археологической литературе последнего времени появились сообщения о распространении пашенного земледелия у некоторой части племен культуры длинных курганов, как в Смоленском Поднепровье, так и в Подвинье (Нефёдов, 1996. С. 45—48; Шмидт, 2003. С. 113—120; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 372). При этом важную роль продолжает играть пойменное скотоводство со значительным удельным весом коневодства (Зазовская, Бронникова, 2001. С. 199; Кириллова, 2007. С. 127—129). Во-вторых, в конце VIII—IX в. на территории Ловатско-Двинского бассейна возникает несколько анклавов поселений, для которых характерно, с одной стороны, пашенное земледелие, с другой — возведение высоких (выше 3 м) погребальных сооружений (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 315, 316, 510—516, рис. 328, л. II). И. И. Еремеев считает данное явление результатом прямого воздействия северных племен, «возведение сопки “маркирует” регионы особого влияния этносоциальных групп, которые могут быть сопоставимы с летописной русью...» (Там же. С. 516, 517). На мой взгляд, это скорее конвергентное явление — свидетельство ранних проявлений социального расслоения общества в близкородственной этнической среде, достигшей более высокого экономического уровня. Тем более что автор сам говорит, что причина стремления создавать нечто монументальное «кроется в региональных условиях социально-политического развития, оказавшихся сходными в центральных областях Новгородской земли... и в ряде областей Верхнего Половья и Подвинья» (Там же. С. 516).

Отмеченные выше свидетельства существования всаднической прослойки в обществе носителей «сопочной» культуры и культуры данных курганов и по времени, и территориально коррелируют с другим, еще более ярким и бесспорным проявлением социально-экономических изменений — с появлением на Северо-Западе монетных находок и кладов восточного серебра. Последние свидетельства ведут, с одной стороны, о накоплении богатств и росте экономического потенциала в руках определенной прослойки местного общества, а с другой — о включении этой территории в систему дальней международной торговли. Все это послужило мощным катализатором социальных процессов в среде населения Северо-Запада VIII—IX вв. и способствовало становлению и развитию таких первых предгородских и раннегородских образований Северной Руси, как Ладога, Рюриково городище, Гнёздово, Новгород, Изборск, Псков. Ключевое местоположение в узловых точках важнейших международных торговых путей — Волго-Балтийского и пути «из варяг в греки» во многом определяло начальные этапы истории таких центров.

Описание пути «из варяг в греки», данное летописцем в двух вариантах (Днепр — Ловать — Волхов и Днепр — Западная Двина), не изобилует подробностями и конкретными указаниями мест перехода из одного речного бассейна в другой. Топонимы, связанные с наличием волоков, а также топография монетных кладов позволяют не только уточнить и детализировать летописное сообще-

ние, но и датировать начало движения по тем или иным отрезкам этого пути⁷.

В современной археологической литературе первоначально господствовало мнение о значительно более позднем начале торгового движения по этому пути (с конца IX в. и даже с X в.), чем по восточному Волжско-Каспийскому (конец VIII — начало IX в.) (Корзухина, 1954. С. 34; Янин, 1956. С. 105; Авдусин, 1972. С. 165; Лебедев, 1975. С. 41; Носов, 1976. С. 95—110). В 1985 г. Г. С. Лебедев специально останавливался на разработке положения о раннем, с начала IX в., функционировании пути «из варяг в греки» (Лебедев, 1985. С. 227—234). Но археологические реалии противоречили такой дате. И если северный отрезок пути «из варяг в греки» (по Волхову) совпадает с восточной торговой дорогой конца VIII — начала IX в., то подключение к нему Днепровской магистрали через нижнюю Ловать, переход от средней Ловати в Торопу, Западную Двину и далее, через Лучесу и Касплю, свершается не ранее второй половины IX в. Об это свидетельствуют ряд археологических находок в районе Торопца, клад и курганные древности Витебска и р. Лучесы, вещевые, монетные находки и клады у с. Добрино, Суходрево, Лучесы, Соболево, Ахремцы, Поречье Симоны (Корзухина, 1964. С. 297—313; Алексеев, 1980. С. 74—86; 1966. С. 83, 100—105; Рябцевич, 1965. С. 121—160; Булкин, Мачинский, 1986. С. 13—27; Носов, 1984. С. 86; Даркевич, 1976). Данная точка зрения заняла прочное положение в работах современных археологов (Леонтьев, Носов, 2012. С. 397).

Она подтверждается целым рядом исторических обстоятельств. К середине IX в. распалась великая империя Каролингов. До 40-х гг. IX в. стабильность сильного государства обеспечивала стабильность торгового обмена, ориентированного вдоль Рейна на юг, к рынкам Испании и Византии. Из Рафельштеттского таможенного устава (903/905 гг.), регулирующего условия международной

⁷ В историографии долго выработывались обоснованные критерии для решения этого вопроса, З. Ходаковский, Н. О. Барсов и С. М. Середонин для конкретизации древних торговых путей пользовались исключительно летописными данными, А. Сапунов прибегал к комплексному географо-экономическому исследованию всей речной системы Восточной Европы, И. П. Загоскин в своей работе учитывал общие историко-экономические потребности и политическую ситуацию, складывавшуюся в отдельные моменты истории Древнерусского государства в различных его регионах. В его работе можно усмотреть намек на определенную последовательность в возникновении различных направлений торговых путей, на асинхронность в интенсивности движения на отдельных отрезках водных магистралей. Но четкого хронологического членения этих явлений в историко-географических работах дореволюционного периода мы не найдем. С. М. Середонин говорил о IX в. как о начальной дате возникновения пути на Волгу, а А. А. Спицын утверждал, что основные новгородские торговые пути, как и всей Восточной Европы, установились лишь при Владимире и Ярославе. Но эти попытки отечественной исторической географии решить вопрос в хронологическом аспекте не получали развития в силу ограниченности источниковой базы, которую составляли одни летописные известия. Привлечение нового источника — монетных кладов и отдельных монет для решения проблем становления международных торговых путей Восточной Европы знаменует новый этап в разработке данной проблемы. П. Г. Любомиров, начав работу еще в 10-е гг. прошлого столетия, завершил свой труд к 1923 г. Он впервые попытался ввести нумизматические данные в контекст историко-географического исследования. Но наибольшие успехи были достигнуты лишь после работ Р. Р. Фасмера, установившего основные периоды обращения дирхема на Руси (Барсов, 1885; Сапунов, 1893; Загоскин, 1910; Середонин, 1916; Спицын, 1917; Любомиров, 1923).

торговли, известно, что значительный удельный вес в торговых отношениях составляла работорговля. Активными поставщиками такого «товара» были варяжские дружины и вожди, их возглавлявшие. После разрушения налаженных отношений северным участникам работорговли пришлось искать новые пути для сбыта своего «товара». Эти поиски и привели к интенсификации пути «из варяг в греки и из грек» именно во второй половине IX в. (Назаренко, 2001. С. 49), тем более, что в начале этого века рынки Византии, южного побережья Крыма, Тамани и путь к ним по Днепру русам были уже известны (Калинина и др., 2009. С. 30). Немалую роль в этом процессе сыграло и падение венгерского заслона (уход венгров из причерноморских степей). И еще один из факторов, способствовавший устремлениям военно-торговых дружин по Днепру на юг, — это значительное ослабление Византии в течение VIII — первой половины IX в. в результате войн с арабами и болгарским ханством. Неслучайно именно к первой четверти IX в. относятся сведения о нападении руси на Крымское побережье. Во второй четверти того же века (до 842 г.) русь напала на малоазийский берег Черного моря. В 860 г. произошло первое успешное нападение русов на Царьград. К этому же моменту византийские источники выказывают значительную осведомленность о состоянии дел Руси (Пигулевская, 1976. С. 139—144; Чичуров, 1980. С. 10—14). Видимо, как результат вышеописанных предприятий можно рассматривать появление первых, относящихся к IX в., византийских монет в Киеве, Шестовицах, Гнёздове (селище, городище, курганы), на Рюриковом городище (829—842 гг.), в Бирке, а на южном побережье Финского залива в кладе начала IX в. — дирхема с греческой надписью (Кропоткин, 1962. С. 11; Добровольский и др., 1982. С. 5; Носов, 1990. С. 8; Алексеев, 1980. С. 78).

Своего наивысшего расцвета путь «из варяг в греки» достигает, безусловно, в конце IX—X в., когда его международно-транзитному характеру придается государственное значение: связывая Южную Русь с Северной, он способствует прежде всего реализации экономических интересов (погосты Ольги по Луге и Мсте, княжеский контроль Новгорода) и военно-политических предприятий первых русских князей (сбор воев от чуди, кривичей и словен, пропуск значительных контингентов варяжских дружин).

Интенсификации этой системы в немалой степени способствовал экономический подъем Византийской империи во второй половине IX—X в. Наступило время не столько грабительских набегов, сколько крупных торговых сделок с Византией. Об этом помимо летописных сообщений свидетельствует наличие кладов с золотыми византийскими монетами на Днепре и его притоках. В. В. Кропоткин считает лишь золотые монеты признаком оптовой торговли (Кропоткин, 1962. С. 13). Византийские миллиарсии X в., в единичных экземплярах постоянно попадающие в клады арабского серебра (Гнёздово, Старый Дедин, Новый Двор, Козьянка под Полоцком, Ерилово, ряд пунктов в Эстонии, Васьково, второй Неревский клад из Новгорода), следует рассматривать как результат менее значительных разовых сделок. Они также встречаются в культурных слоях поселений: Новгорода, Рюрикова городища, Гнёздова, Полоцка, Пскова и др., а также в курганных материалах из Гнёздова, верхнего течения Западной Двины (Горки), Приладожья (Середка, Судомье) (Кропоткин, 1962. С. 11—13, табл. I;

С. 14—15; карты 6, 7; Носов, 1990. С. 148; Мусин, 2010. С. 35—45; Пушкина и др., 2012. С. 263—266). К ярким свидетельствам торгово-дипломатических связей с Византией относятся находки печатей моливдовулов IX—X вв. в слоях Рюрикова городища, Киева, Шестовиц, Гнёздова (Леонтьев, Носов, 2012. С. 399).

В X в. на Северо-Западе происходит значительное разветвление торговых путей в меридиональном направлении. Клады X в. в районе Полоцка и летописные известия о притязаниях киевских князей на этот центр говорят о включении полоцкой части западновинской речной системы в общегосударственную сеть торговых путей (подробно см.: Еремеев, 2012. С. 279, 287—296)⁸. Топография монетных кладов X в. в районе Отепя, Тарту, Эрра-Линва свидетельствует о начале функционирования дороги, проходившей через Эстонию между Чудским озером и Рижским заливом. К этому же времени в систему международных торговых магистралей был включен бассейн р. Великой и Чудского озера (см. клады у д. Ерилово, Пскова, д. Буслаево, вещевого клад Узьмени, Белой Кирики).

Немаловажное значение в становлении единой торгово-государственной коммуникационной сети играла река Ловать как связующее звено верховьев Днепра и Ильменско-Волховского бассейна. Чрезвычайная выгодность географического положения этой водной магистрали очевидна. Прежде всего Ловать — та основная нить, которая соединяет Поднепровье, колыбель раннего славянства, с центральными районами Северной Руси. Многие исследователи связывали расселение славян на Северо-Запад прежде всего с Ловатью. Именно Ловать давала возможность слияния двух великих торговых путей — восточного и византийского, и наконец, Ловать — наиважнейшее звено в знаменитом пути «из варяг в греки», на противоположных концах которого формировались первые государственные объединения восточных славян. Но в научной литературе существует мнение, впервые высказанное еще С. В. Бернштейном-Коганом, что путь по Ловати на Новгород не являлся частью пути «из варяг в греки» и, следовательно, обладал гораздо меньшим значением для международной торговли, чем путь с Днепра на Западную Двину, и сохранял значение для местных, внутригосударственных поездок в Новгород (Бернштейн-Коган, 1950. С. 226). Эту точку зрения в последние годы активно развивал в своих работах И. И. Еремеев. Автор подробно, с привлечением всего арсенала современных археологических, историко-географических источников обосновывает и развивает мысль С. В. Бернштейна-Когана. Возможность использования верхнего течения Ловати только со второй половины X в. он связывает с началом торгового движения по Западной Двине в Балтику и началом формирования Новгородско-Полоцкого пограничья (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 506; Еремеев, 2015).

На мой взгляд, такому изложению ситуации противоречит ряд фактов, которые приведены в собственных работах И. И. Еремеева. При определении нескольких вариантов сухопутных дорог, которые связывали Усвяты с Луками, он говорит о времени их возникновения не позд-

⁸ В качестве аргументации позднего вовлечения Полоцка в транс-европейские торговые связи автор отмечает, что в IX — начале X в. в этом регионе не найдены салтовские вещи, раннее арабское серебро и нет признаков скандинавского присутствия.

нее VIII—IX вв., а в некоторых случаях речь идет вообще о глубокой древности — об эпохе позднеримского времени (Еремеев, 2015. С. 211—220). Существование вдоль одной из этих сухопутных дорог плотного скопления поселений и курганных групп в районе с. Борисоглеб свидетельствует об интенсивном использовании данной коммуникации. Значение верховьев Ловати усиливается с возникновением меридиональных ответвлений пути на верховья Великой, не подлежит сомнению, что существовала восточная дорога от Лук на Торопу. При путешествии из Новгорода на Полоцк самым удобным был Еменецкий сухопутный переход, о котором упоминается в более поздних летописных известиях (Алексеев, 1966. С. 92). Находка двух кладов X в. в районе Великих Лук — главный показатель торгового значения верхнеловатского водораздела. Один из этих кладов содержал 10 тысяч монет (Марков, 1910. С. 35—36. № 204; Даркевич, 1976. С. 150). Такие «клады-гиганты» принадлежали группе купцов, объединившихся для крупной оптовой торговли, либо особо богатому, решившемуся на дальнюю поездку с целью выгодного крупномасштабного обмена. Подобные многотысячные денежные запасы обнаружены лишь на главных речных магистралях близ пунктов, причастных к транзитной торговле, таких как Муром, устье Волхова, Козьянка под Полоцком (Потин, 1970. С. 95).

Не следует также забывать и о случайной находке близ Великих Лук восточного (иранского или среднеазиатского) кувшина IX—X вв. (Уваров, 1910. С. 104, табл. XXXIII; С. 96; Даркевич, 1976. С. 51). Редкие вещи восточной торевтики обнаружены на Северо-Западе лишь в Новгороде, Торопце и Гнёздове (Даркевич, 1976. С. 51—52), причем появление их здесь, по-видимому, было синхронным, все они датируются IX—X вв. Перечисленные выше факты о начале сложения сухопутных дорог, ведущих от Лук в Днепровский бассейн, а также находки сокровищ, которые являются своеобразным отражением экономического потенциала, накопленного в течение какого-то времени, позволяют предполагать, что верхняя Ловать играла не последнюю роль в торговых предприятиях пути «из варяг в греки», по крайней мере начиная с первой половины X в.

Включение верховьев Ловати в систему международных торговых путей с развитием внутригосударственных отношений в первой половине X в. стабилизировало значение верхнеловатской системы волоков и сухопутных переходов. Все это сыграло несомненно определяющую роль в возникновении Городка на Ловати — поселенческого новообразования, хотя и уступающего по масштабам, но по структурно-типологическим особенностям повторяющего такие, как Рюриково городище и Гнёздово.

Глава II

ГОРОДОК НА ЛОВАТИ X — НАЧАЛА XI в.

II.1. История исследования памятника

Великие Луки, один из древнейших городов северо-Западной Руси, всегда привлекал внимание историков еще во времена Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева. Расположение на пути «из варяг в греки», а позднее — на стыке Новгородской, Смоленской, Полоцкой и Псковской земель наделило город интересной и несколько особой судьбой. Но сравнительно позднее появление Лук в летописных известиях (с 1167 г.) не позволяло исследователям говорить что-либо определенное о ранней истории города (Насонов, 1951. С. 87—88). А она, несомненно, существовала, если судить по тому, насколько этот город был самостоятелен и, вероятно, значителен по размерам в XII в. (ПСРЛ, т. 3, 2000. С. 45, 219, 220; 1166 г., 1167 г., 1178 г., 1198 г.).

Момент зарождения Лук, база роста и расцвета этого городского центра — вот те важнейшие вопросы, которые можно было разрешить только археологическим путем. Поэтому обследование окрестностей и самих Великих Лук представляло весьма существенный интерес, который подогревался случайными археологическими находками (клады дирхемов, восточный бронзовый сосуд) и массой местных легенд и преданий, бытовавших в церковно-монашеской среде (Семевский, 1857. С. 40—41; Насонов, 1951. С. 87—88; Прибавления..., 1838. № 39, 42, 43, 45).

Ранний период жизни Городка на Ловати (X — начало XI в.) характеризуется четким разделением поселения на жилую (городище) и производственную (селище) зоны.

В 1913 г. в ходе подготовки XVI Археологического съезда, который предполагалось провести в Пскове в 1914 г., Д. Н. Эдинггом было предпринято обследование верхнего течения рек Ловать и Кунья. Под Великими Луками у д. Городище он открыл городище и селище древнерусской эпохи (Материалы..., 1913. Ф. ПАО. № 12004).

В каталоге выставки к XVI Археологическому съезду был опубликован список небольшой коллекции находок, полученных при закладке траншеи на этом городище (Каталог выставки..., 1915. С. 7—9). Некоторые из них сохранились в фондах Псковского музея-заповедника до настоящего времени (рис. 34, 1, 6, 11, 13, 15). Тогда же Н. Ф. Окуличем-Казариным были опубликованы данные по ряду курганных групп X—XIII вв., зафиксированных в непосредственной близости от Великих Лук и на окраине города, что свидетельствовало об известной концентрации древнего населения на великолукском отрезке верхнего течения Ловати (Окулич-Казарин, 1914. С. 145).

Спустя 15 лет, проводя обследования Ловати по заданию ГАИМК, М. И. Артамонов отметил еще две курганные группы вниз по течению реки от Великих Лук, а на повороте Ловати у д. Городище его внимание привлек моренный холм, но, не обнаружив на нем культурного слоя, исследователь не считал возможным признать его за городище (Артамонов, Отчет, 1928. Ф. 2. Оп. 1. № 111.)

С 1950 г. город Великие Луки и его окрестности стали объектом пристального внимания Я. В. Станкевич, возглавлявшей работы Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИА АН СССР. При проверке сведений, сообщаемых Н. Окуличем-Казариным и М. И. Артамоновым, она заново обследовала окрестности д. Городище и в урочище «Городок» установила наличие древнерусского городища. В течение 1954—1957 гг. оно было раскопано полностью

(1344 кв. м), что для тех лет было довольно редким явлением, а для Северо-Запада — единственным случаем в археологической практике.

Параллельно Я. В. Станкевич предприняла обследование самого города Великие Луки. В черте города, в районе Драчковой горы, у валов земляной крепости петровского времени Я. В. Станкевич осмотрела выходы культурного слоя, а на острове Дятлинка, расположенном против крепости, заложила раскоп в 30 кв. м. При этом был получен керамический материал не ранее XIII—XIV вв., открыты развалы построек еще более позднего времени (Станкевич, Отчет, 1954. Ф. 35. Оп. 1. Д. 20. Л. 22). При подведении первых итогов изучения древних Лук Я. В. Станкевич было выдвинуто предположение о том, что первоначальное нахождение летописного города следует связывать с городищем у д. Городище, а поселение на месте современного города возникает не ранее рубежа XII—XIII вв. (Станкевич, 1959. С. 75—83). Новые исследования культурного слоя Великих Лук, предпринятые спустя 20 лет археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М. А. Миролюбова, дали также только позднесредневековый материал (Миролюбов, Отчет, 1975. Р-1. № 5636, 5636а). Но есть надежда, что в пределах современных Великих Лук будет обнаружено поселение XI в. На это указывает сохранившаяся в фондах музея города пластинчатая гривна с бубенчиками-подвесками, которая была найдена при земляных работах в центре города на правом берегу Ловати (фото 15)¹.

Из-за преждевременной кончины Я. В. Станкевич полученные материалы не были введены в научный оборот, начатая работа по подготовке монографического исследования древних Лук была прервана. Исследовательница успела закончить обобщающую главу по домостроительству Городка, где дается реконструкция жилых сооружений и рассматривается планиграфия поселения, но при этом ею не были учтены хронологические изменения как в строительных приемах, так и в плановой структуре. Оборонительные конструкции ею не рассматривались вообще. Вызывали сомнения принципы определения границ и реконструкция некоторых построек. Продолжение работы над материалами Городка требовало дополнительных данных о характере культурных наслоений на городище, уточнения некоторых фактов по его плановой структуре, что и вызвало необходимость возобновления полевых археологических исследований памятника. В 1971 г. Великолукский археологический отряд Ленинградского государственного университета под руководством автора приступил к выполнению вышеозначенных задач.

Не совсем конкретные сведения Д. Н. Эдинга о наличии селища к востоку от городища послужили причиной целенаправленных поисков селища на прилегающей к городищу территории. Первый же полевой сезон был удачен в том плане, что нами были определены границы селища (площадь его составила около 0,7 га), а главное, открыты первые производственные комплексы. В течение 1971—1978 гг. за пять полевых сезонов на селище была вскрыта площадь в 1140 кв. м, т. е. почти равная той, что

¹ Сведения о находке и фото гривны получены от М. Ю. Лесмана в 80-е гг. прошлого века.

изучила Я. В. Станкевич на городище. При этом была составлена вещевая коллекция в две тысячи номеров, взято 400 образцов шлаков, металлических конгломератов, обнаружены остатки 35 сооружений, из которых подавляющее большинство (32) имеет производственное назначение и относится к ранней фазе существования поселения. Площадь вскрытия на городище была весьма скромной, всего 20 кв. м, но она позволила более точно свести планы раскопов 1954, 1955 и 1956 гг. и выявить не до конца исследованные части построек (продолжение следов от бревенчатых стен построек 5 и 4).

Топография

Рассматриваемое нами поселение располагается влучине р. Ловать, против устья левого ее притока — р. Карпинки, в 0,5 км к юго-западу от д. Городище, в урочище «Городок». Укрепленная часть поселения занимает вершину моренного холма, стоящего на правом берегу р. Ловать (рис. 1, фото 1). Площадка городища плоская, в плане — овальная, вытянута с востока на запад, в настоящее время занимает 1344 кв. м и возвышается над уровнем реки на 23 м. Южный, западный и северо-западный склоны холма круты и обрывисты. Невысокий, трехметровый восточный — северо-восточный склон городища имеет явные следы искусственной подправки, придавшей ему большую крутизну (фото 2). Внешние признаки оборонительных сооружений отсутствуют. Северный склон холма полого спускается в неглубокую ложбину, которая отделяет всю напольную часть городища от более высокого плато. В этом месте и был въезд на городище. Из ложбины, вниз по коренному берегу, идет спуск к реке в виде карниза шириною 1,5—2 м. Значительная часть площадки (видимо, около одной трети) разрушена оползнями. Можно предполагать, что первоначально площадь городища составляла около 0,2 га.

Селище почти вплотную примыкает к подножию городища. Культурные отложения были выявлены как в ложбине, которая отделяет городище от плато, так и на склоне последнего на площади немногим более 0,7 га. С северо-западной и южной сторон селище ограничено обрывистыми берегами Ловати и нарушено оползнями. Общая площадь, которую селище и городище занимали в древности, составляла не более 1 га.

В результате обследований ближайших окрестностей Городка Я. В. Станкевич в 0,5 км от д. Городище вниз по течению Ловати на том же берегу была открыта, по ее мнению, сопка, наполовину разрушенная оползнями. Исследовательница считала ее синхронной городищу и предполагала местом захоронения древних его обитателей (Станкевич, 1959. С. 79; 1960. С. 323). Эти данные были включены В. В. Седовым в свод сопкок в качестве одного из самых южных пунктов их ареала (Седов, 1970а. С. 34. Табл. I).

Стратиграфия

Стратиграфия культурных отложений городища довольно проста². Культурный слой на большей части площадки городища (в южном, центральном и восточном секторах) не превышает толщины 0,2—0,3 м, имеет светло-серую окраску и мало насыщен находками. Наибольшей мощности (до 0,8—1,1 м) он достигает на месте построек, по северному и западному периметру городища. Здесь он име-

ет яркую черную окраску, глинисто-песчаные прослойки, насыщен развалами красной обожженной глины, колотым камнем, углем, частями обгорелых плах и различными бытовыми предметами (рис. 85, I—I'; 193, I; фото 18, 19). В материковом суглинке были выявлены нижние части жилых и хозяйственных построек в виде ям различной конфигурации и профиля.

Особенности стратиграфии культурных отложений на селище определялись условиями их залегания на крутом склоне холма и у его подножия (рис. 4). На вершине холма и местами на склоне слой разрушен весенними водами и распашкой. Разрушенный слой перемещался вниз по склону и перекрывал на 0,2—0,6 м нетронутые культурные отложения. Мощность культурного слоя неравномерна: у подножия холма, в ложбине, она достигает 1,8 м и постепенно уменьшается до 0,2—0,6 м вверх по склону. Там, где мощность слоя невелика (до 0,2 м), он не содержит каких-либо прослоек и линз. С ростом мощности возрастает и сложность стратиграфии, появляются разного рода прослойки, линзы песка, угля, глины (белой и слегка обожженной красной), которые связаны с остатками сооружений и, в большей своей части, возникли после их разрушения, некоторые — в момент их сооружения (рис. 196, 197).

Выявленные соотношения прослоек, линз, их разрывы, перекопы позволили в отдельных случаях установить относительную хронологию сооружений. Угольные прослойки и линзы, как правило, связаны с предматериковой частью культурного слоя, либо лежат непосредственно на материке (рис. 4: разрез между $Z'_1—Z'_0$, $I'_0—Ж'_0$; 102). В материк были впущены нижние части сооружений, предгорновые, столбовые и хозяйственные ямы.

Как уже отмечалось, на городище культурный слой имеет наибольшую мощность на месте расположения построек городища. Здесь же наблюдается и наибольшая концентрация вещевых находок. На селище верхний пахотный и переотложенный слой находок практически не содержал. В культурном слое распределение артефактов было неравномерным, наибольшая концентрация наблюдается на месте сооружений или в непосредственной близости от них.

Массовый материал и на городище, и на селище составляет керамика, кости животных, но насыщенность ими культурного слоя городища несравнимо выше, чем на селище. Если на 1344 кв. м вскрытых на городище площадей приходится свыше 7 тыс. фрагментов керамики, то на 1140 кв. м, вскрытых на селище, — 1140 фрагментов. Но на селище кроме керамики и костей животных представлены еще две категории массового материала — тигли, их обломки, а также куски керамических и металлических шлаков, которые на городище единичны (в описи значится всего один целый тигель и три куса шлака). На селище же учтено 43 целых и свыше 700 фрагментов тиглей, почти 780 кусков разного рода шлака. Кроме того, на селище довольно часты находки литейного брака, заготовок вещей, кусков слитков, проволоки, пластинок и других отходов ювелирного и кузнечного производства (на селище — 220 единиц, на городище — 25 единиц). Даже такое беглое перечисление материала без хронологического определения довольно ясно говорит о том, что ювелирное и кузнечное производства были сосредоточены преимущественно на селище.

Анализ всей совокупности материала и некоторые стратиграфические наблюдения позволяют нам в жизни

² Для удобства использования материалов публикации объекты на городище обозначены как постройки, на селище — как сооружения вне зависимости от их бытового и хозяйственного назначения.

древнерусского поселения Городок под Великими Луками выделить два периода: ранний — X — начала XI в., поздний — второй половины XI—XII в. (рис. 2, 3). На селище дата объектов позднего периода выходит за общие рамки существования памятника. Сооружение 33, вероятно, существовало и в конце XII — первой половине XIII в. Датировка сооружений 22 и 35 затруднена в силу ограниченности вещевого материала, который сопровождает их. Опираясь на стратиграфию, можно лишь предположительно говорить о XII—XIII вв. Кроме того, в материалах и городища, и селища присутствуют находки, которые свидетельствуют о существовании на этом месте более ранних поселений: каменные орудия эпохи камня или бронзы, вещи и керамика эпохи раннего железа (рис. 5). Крестик с трехлопастными завершениями концов и следами выкрошенной эмали (рис. 5, 1) был опубликован Г. Ф. Корзухиной в своде по выемчатым эмалям (Корзухина, 1978. С. 84, кат. 243. С. 107, табл. 14, 1). Такого рода вещи в современной археологической литературе датируются III—IV вв. Фрагменты глиняных ножек принадлежат вазообразным лепным сосудам (рис. 5, 9, 11), аналог которым можно найти в публикации Я. В. Станкевич материалов городища Калекино (левый берег Торопы). Она считала, что такие формы характерны для позднедьяковских городищ первой половины I тыс. н. э. (Станкевич, 1960. С. 173, табл. V, 2. С. 195).

II.2. Хронология и основные категории вещей

Для определения хронологических рамок раннего периода жизни поселения служат вещи, найденные на материке и в предматериковой не нарушенной поздними перекопами части культурного слоя. На селище, по сравнению с городищем, сохранность этих слоев значительно лучше и набор вещей разнообразнее (рис. 6, 13, 18, 19, 22; 42; 46). Последний дополняется рядом украшений из комплексов (сооружения 13, 14, 16—20, 31, 34, рис. 128, 132, 133, 136, 139, 142А, 156, 159) и некоторыми находками, происходящими из верхней части заполнения производственных построек (рис. 112, 3, 8) и культурного слоя (рис. 32, 4; 34, 13, 14; 41, 26, 27, 29). С некоторыми оговорками привлекаются монеты из культурного слоя и заполнения комплексов (фото 7, 2—6). На городище подавляющая часть раннего вещевого материала связана только с жилыми постройками, их предматериковым заполнением: предпечными ямами, углубленными в материк частями пола, слоями, перекрытыми развалами глиняной обмазки, остатками горелого дерева (постройки 1, 2, 4—6, 9, 10, 11; рис. 56, 60, 65, 81—83А, 89, 93, 98).

Весь вещевого материал Городка X — начала XI в. может быть разделен на несколько культурно-типологических групп: предметы убора племен культуры смоленских длинных курганов; предметы скандинавского происхождения; предметы общебалтийских типов; предметы общеевропейского значения и т. п. Отдельно будет дана характеристика для вещей бытового назначения (металл, глина, камень). Предметы, связанные с хозяйственно-промысловой деятельностью и ремесленным производством, будут проанализированы в соответствующих разделах главы.

Предметы убора племен культуры смоленских длинных курганов

К таким предметам относятся височное серповидное кольцо с выступом по центру и перпендикулярными

насечками, набор трапециевидных крупных подвесок, украшенных точечным орнаментом по нижнему краю, проволочная бисовидная подвеска-держатель, целая серия литых трехдырчатых держателей, к которым с помощью кольца и плетеных цепочек крепились трапециевидные, ромбовидные и пуговицеобразные подвески. По-видимому, в комплект перечисляемых украшений следует включить и пластичную неорнаментированную лунницу, а также дрововидные с граненым телом и головками гривны.

Если исходить из общих датировок культуры смоленских длинных курганов, то вышеперечисленные вещи могли использоваться в интервале второй половины VIII — конца X в. (Енуков, 1990. С. 53; Нефёдов, 2000. С. 191—197). Наиболее древнюю форму в коллекции Городка сохранили височное серповидное кольцо, проволочная бисовидная подвеска-держатель и многогранная пуговицеобразная подвеска.

Височное серповидное кольцо найдено в материковом слое селища (рис. 42, 2; фото 4, 18). Это одна из самых древних и в то же время самых долгоживущих форм украшений культуры смоленских длинных курганов. Такие височные кольца характерны для длинных и круглых курганов VIII—IX вв. всей обширной зоны их распространения: начиная от северо-восточных границ Белоруссии, полоцкого Подвинья и кончая верховьями Днепра (Шмидт, 1958. С. 164, рис. 3, 2; 1963а. С. 63, рис. 13, 11, 18; 1963б. С. 98, рис. 10, 1, 2; 1963в. С. 183, рис. 3, 12—14; Шмидт, Отчет, 1966. Р-1. № 3330, 3330-а; 2008. Табл. 52, 4; 88, 9, 10; Штыхов, 1978. С. 58; Седов, 1974б. С. 32; Енуков, 1990. С. 53—54, рис. 19; Спицын, 1906. С. 206, рис. 36; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 510, 511, рис. 394, 8). Погребения в курганах X в. и конца X — начала XI в. на юго- и северо-востоке Белоруссии, на границе с Литвой, в полоцком Подвинье, на в Двинско-Ловатском междуречье (Моховский комплекс, им. Бельмонт около оз. Дривяты, д. Устье в районе оз. Богинское, Стакай, Рудня, Глинище, Озерцо II, Речане) продолжают сопровождаться височными кольцами кривичского типа (Покровский, 1895. С. 183, рис. 56; Ляўданскі, 1930. С. 189, 194, табл. VI, 36—39; Штыхов, 1966. С. 272, рис. 2, 14; Шмидт, 1968. С. 229; Макушников, 2006. С. 135, рис. 3; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 487, 510, 512, рис. 395, 5).

Они также известны в слоях конца VIII — начала X в. таких поселений, как Камно, Рыуге, Изборск, ранний Псков (Шмидехельм, 1959. С. 183, табл. IX, 11, 12; Плоткин, 1980. Рис. 117, 1; Седов, 2007. С. 93, рис. 74, 8), изредка встречаются в слоях раннегородских поселений в X в.: в Лукомле, в слое с дирхемом 914—943 гг., несколько экземпляров таких колец известны в коллекции западного селища Гнёздова (Штыхов. 1978. С. 44; Енисова, 2001. С. 213—218).

Многогранная подвеска, найденная на городище в культурном слое (рис. 32, 4), представляет собой крайне редкую форму пуговицеобразных украшений, входивших в состав убора племен культуры смоленских длинных курганов. Известна всего одна находка — в округлом кургане могильника Слобода Глушица, который относится ко второй половине VIII—IX в. (Шмидт, 1963в. С. 183, 188, рис. 3, 25).

Пуговицеобразные подвески грибовидной формы обнаружены на городище в постройке 6, на селище в материковом слое, а в сооружении 30 была найдена каменная формочка для выплавки грибовидных подвесок с кресто-

видной разделкой (рис. 42, 10; 82, 3; фото 4, 17). Данная форма подвесок использовалась на протяжении всего времени существования комплекса вещей культуры смоленских длинных курганов (Ляўданскі, 1930. С. 182, 183, 194, табл. VI, 25, 26; Седов, 1974б. С. 33, 58, табл. 23, 41, 42; Шмидт, Отчет, 1968. Р-І. № 3665, 3665-а), а в древнерусское время подобные формы перешли в разряд пуговиц, иногда стали использоваться в составе бусенного ожерелья (Рутковская, Отчет, 1971. № 1971/10).

На городище в постройке 6, на селище в сооружениях 20, 24 и в развале камней на материке найдены обрывки **плетенных «косичкой» цепочек**, на которых разного рода подвески (в том числе и пуговицеобразные) подвешивались к нагрудным пластинам-цепедержателям (рис. 50, 5; 81, 17; 142, 4; 145Б, 1; фото 4, 2, 3) или после поломки превращались в детский браслет (рис. 50, 11). Цепочки, выполненные в технике косички, встречаются в комплексах X в. и X — начала XI в.: курганы 8, 14, 18 Шугайлово, Речане, есть они в Люцинском и Нукшинском могильниках (Люцинский..., 1893. С. 20, табл. V, 2, 3; Нукшинский..., 1957. С. 106, табл. III, 12; Шмидт, Отчет, 1968. Р-І. № 3665, 3665-а; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 512, рис. 395, 1). Известны они также в культурном слое Рюрикова городища, ремесленной зоны Гнёздова и Усвят (Носов и др., 2005. С. 202, табл. 30, 28; Фонды ГЭ ОАВЭС. Оп. хр. № 3192; Еремеев, 2015. С. 279, рис. 209, 2; 277, рис. 206, 4). В комплексах раннего пласта культуры длинных смоленских курганов (Акатово, Слобода Глушица, Слобода-Пржевальское, Городок) цепочки делались по-другому, из двойных колечек (Шмидт, 1963а. Рис. 13, 19; 1963в. С. 183, рис. 3, 2; Седов, 1974б. Табл. 23, 11, 12; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 510, 511, рис. 394, 11-1). Подобные цепочки у латгал известны с первой половины I тыс. н. э. (Latvijas..., 1974. Tab. 30, 3; 32, 41), продолжают употребляться в X — начале XI в. и сохраняются не только у них, но у многих народов Балтийского региона вплоть до XIII в. (Latvijas..., 1974. Tab. 59, 10; Mugurēvičs, 1977. Tab. XLVI, 14, 29; LIV, 1; Šnore, 1987. Tab. VII, 1, 3, 4; XI, 4; Хвоцинская, 2004. С. 71, табл. LXVII, 8 и др.).

Проволочная бизовидная подвеска найдена на селище, в комплексе сооружения 20 (рис. 142, 2; фото 4, 1). Такого рода подвески-держатели — довольно частая находка в длинных и круглых курганах Верхнего Поднепровья и Подвинья второй половины VIII—IX в., таких могильников, как Лопино, Акатово, Цурковка, Дроково, Слобода, Шугайлово и др. (Шмидт, 1958. С. 165, рис. 4, 10; 1963а. С. 62, рис. 13, 19; Шмидт, Отчет, 1966. Р-І. № 3330, 3330-а; Седов, 1974б. С. 58; Енуков, 1990. С. 59; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 510, 511, рис. 394, 12, 13). Изредка они встречаются в культурном слое поселений: на городище Язно (Штыхов, 1971. С. 129, рис. 1), в Старой Ладоге (Давидан, 1976. С. 117, рис. 9, 21) и Гнёздове (Ениосова, 2001. С. 212—213, рис. 2, 1)³. К таким проволочным держателям нередко бывают подвешены трапециевидные подвески, украшенные тремя крупными концентрическими кружками, которые расположены почти в центре подвески. Кружки иногда сочетаются с нижней орнаментальной полосой из отпечатков зубчатого штампа (Цурковка, Язно,

³ На территории Прибалтики (Кивты, Радзесский, Нукшинский могильники) распространен несколько другой вид таких держателей, он сделан из более тонкой проволоки, у него более вытянутая центральная петля и более короткие эсовидные концы. Существуют они длительное время — в VIII/IX—XI вв.

Старая Ладога, Гнёздово). Трапециевидные подвески с концентрическими кружками характерны для более раннего круга древностей культуры смоленских длинных курганов, таких как Арефино, Лопино, Акатово. В слоях раннегородских центров подобные подвески без сопровождения проволочными бизовидными держателями не встречаются. В материалах Городка подвески с концентрическими кружками отсутствуют.

В свое время Г. В. Штыховым было высказано предположение, что проволочные бизовидные подвески (он их называл очковидными держателями) послужили прототипами для литых трехдырчатых держателей-разделителей (Штыхов, 1978. С. 58). Сейчас появились находки, которые это предположение подтверждают. Так на Рюриковом городище, в слое с дендродатами первой половины X в., был найден держатель-разделитель не совсем обычной формы (Носов, 1990. С. 77, рис. 32, 1). Перед нами бизовидная подвеска, изготовленная в технике литья. Литье явно выполнено по отпечатку проволочного образца, так как профили подвески имеют полукруглое сечение, ориентированное выпуклой стороной на лицевую поверхность, и четко просматриваются следы концевых спиральных завитков бизовидной подвески. К этому же периоду относится литая бизовидная подвеска из Новоселок (Шмидт, 1963б. С. 120, рис. 15, 20). Подобное исполнение подвески прослеживается еще на одном экземпляре, найденном в культурном слое X в. городища Олинкалнс в Латвии (Mugurēvičs, 1977. Tab. IX, 5)⁴. По-видимому, постепенная замена проволочных держателей на литые происходит на протяжении всей первой половины X в. Об этом процессе и в это же время свидетельствуют также материалы Супрутского поселения (см. ниже).

Литые трехдырчатые подвески-держатели (разделители) в Городке на Ловати найдены только на селище, на материке и в сооружениях 16, 17/18 (рис. 42, 11, 12; 133, 2; 136, 7, 8; фото 3, 10; 4, 8; 13, 6—9). В основном, это бракованные экземпляры. Литые трехдырчатые держатели известны в погребениях культуры смоленских длинных курганов в Черневичах, Устье и в погребении 1 кургана 8 Шугайлово, а также в Моховском комплексе X—XI вв. на юго-востоке Белоруссии и Витебском Подвинье (Покровский, 1895. С. 214, рис. 63; Гуревич, 1958. С. 63, рис. 16, 2; Шмидт, Отчет, 1968. Р-І. № 3665, 3665-а; Енуков, 1990. С. 59, рис. 21; Макушников, 2006. С. 135, рис. 3). Кроме Городка на Ловати этот элемент убора культуры длинных курганов найден в культурном слое X — первой половины XI в. поселения на Менке, в Усвятах (Штыхов, 1978. С. 44, 70, рис. 28, 2, 9; Еремеев, 2015. С. 530, рис. 452, 2, 3), серийное производство таких держателей было налажено на западном селище Гнёздова (Ениосова 2001. С. 212—214). Изредка они встречаются в труположениях восточнолитовских и латгальских могильников:

⁴ Самая поздняя находка такого рода обнаружена в комплексе конца X — начала XI в., в трупосожжении кургана 1460 у с. Брембола (Суздальское ополье) (Спицын, 1905. С. 162, рис. 466). Но вот что интересно, во-первых, в комплексе присутствовали две скорлупообразные скандинавские фибулы, во-вторых, Е. А. Рябинин в своем своде по зооморфным украшениям, анализируя стилистические особенности уточки, подвешенной на этом держателе, не исключает ее северо-западное, прибалтийское происхождение (Рябинин, 1981. С. 19). Данное наблюдение вкупе с держателем такой формы служит прекрасной иллюстрацией перемещения населения в X в. и характеризует этносоциальную принадлежность участников колонизации Суздальского ополья.

в Люцинском, Радзесском, в Кивтах (Bähr, 1850. Taf. XII, 9; Люцинский..., 1893. С. 20, табл. VII, 1; Mugarēvičs, 1977. Tab. LIV, 1; Šnore, 1987. Tab. VII, 2; XVII, 2).

Литые ромбовидные подвески, так же как и литые трехдырчатые держатели, присутствовали только на селище в культурном слое, на материке и в сооружениях 10, 14 (рис. 41, 1—7; 42, 3—5; 124, 4, 13; 132, 11; фото 3, 1—9, 11; 4, 7, 11). Данный вид украшений для ранних памятников культуры смоленских длинных курганов не был характерен. Ромбовидные подвески появились в уборе кривичей, вероятно, одновременно с цепочками, плетеными «елочкой» и с трехдырчатыми держателями. С последними их объединяет прогрессивная техника литья серийным способом (см. в разделе II.5.3 «Ювелирное дело»). Ряд курганных комплексов содержит ромбовидные подвески, они найдены в Заозерье (курган 5, погребение 4), в Шугайлово (курган 8, погребение 1), в Новоселках, в Речанах и Вышедках (Шмидт, Отчет, 1968. Р-1. № 3665, 3665-а; 1963а. С. 120, рис. 15, 3; Енуков, 1990. С. 60; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 278, 513, рис. 395, 1). Известны они в слоях X—начала XI в. и предгородских поселений в Гнёздове, Витебске, на Рюриковом городище, Усвятах, Хачево (Енисосова, 2001. С. 214; Носов и др., 2005. С. 202, рис. 30, 28; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 258, рис. 238, 8—9; Еремеев, 2015. С. 270, рис. 197, 6; 273, рис. 200, 3; 530, рис. 452, 4—8).

Ряд **пластинчатых украшений** культуры смоленских длинных курганов в Городке на Ловати представлен лунницей из материкового слоя на селище (рис. 42, 1) и целой серией трапециевидных подвесок, найденных на городище в постройках 4—7, на селище — в культурном слое, на материке, в сооружениях 8, 13, 14, 17/18, 31 (рис. 41, 8, 9; 42, 14, 20; 50, 10; 65, 3, 9; 81, 7, 12, 14, 18; 82, 8, 15—17; 83, 12; 120, 2, 3; 128, 9; 132, 23; 136, 3, 12; 156, 26; фото 3, 12—17; 4, 9, 10, 12, 15). Данная категория вещей датировке поддается с трудом⁵. Мы можем лишь констатировать, что ранних, IX в., подвесок с крупными концентрическими кружками в материале Городка нет (см. выше).

Особо следует остановиться на **дротовых гривнах** Городка, тело которых имеет ромбическое или шестигранное сечение и украшено по граням «волчьим зубом» или зигзагом. Конец одной из гривен завершен многогранной головкой (рис. 115, 1; 117, 4; фото 4, 15). Они относятся к категории очень редких находок IX—X вв. Полные аналогии для них присутствуют в двух монетно-вещевыхкладах второй половины IX в. Поречье и Добрино (Рябцевич, 1965. С. 119, 122, 124, 125, рис. 2—4), в кургане 8 могильника Шугайлово (Шмидт, 2012. С. 140, рис. 9). Достаточную близость к гривнам Городка оказывают экземпляры из комплекса XIII кургана у д. Гиттола (Raudonikas, 1930. S. 96, fig. 89). Эти гривны имеют многогранное или ромбическое сечение, грани их покрыты кружковым орнаментом или рядами треугольников, ромбов. Комплекс погребения из Шугайлово кроме фрагментов гривны с гранчатыми головками содержал также ромбические подвески на плетенных косичкой цепочках, литые трехдырчатые держатели-разделители, трапециевидные

и пуговицеобразные подвески. Такой набор украшений свидетельствует о том, что подобный тип гривен существовал и в X в. Близкие по типу гривны приведены в известной сводке М. В. Фехнер, но, к сожалению, автор в этой работе не отличает дровые гривны с рыльцами от дровых гривен с гранчатыми головками и определяет для них общие хронологические рамки в пределах X—начала XI в. (Фехнер, 1967. С. 60, рис. 8, 5; 61, 76). С. И. Кочкуркина, выделяя в инвентаре погребений юго-восточного Приладожья четыре экземпляра гривен из дрота ромбического или шестигранного сечения, датирует их X—началом XI в. и считает импортом из Финляндии (Кочкуркина, 1973. С. 23). Лишь только одна из приведенных ею гривен (см. выше: курган у д. Гиттола) типологически соответствует гривне из сооружения 6 Городка. В Финляндии именно такие гривны отсутствуют. К тому же многогранное сечение тела дровой гривны для XI в. не характерно. В это время сечение дрота приобретает уплощенно-треугольное сечение, дровые гривны, по сути, превращаются в пластинчатые, количество граней на головках уменьшается либо гранчатые головки заменяются на маковые (Риер, 1976. С. 189, рис. 8, 1; Соловьева, 1982. С. 75—76, рис. 1, 3)⁶.

Наиболее хорошо в связанном комплексе сохранились вышеописанные украшения культуры смоленских длинных курганов в погребениях могильника Боково в бассейне р. Шеребёха, правом притоке Полы. Крупные спирали диаметром в 1 см, на концах которых через трехдырчатый разделитель было подвешено по две-три крупные трапециевидные подвески, принадлежали, по-видимому, головному венчику (курган 46, погребение 1 и курган 38). Ромбовидные подвески на длинных (около 20 см), плетенных «косичкой» цепочках входили в состав парного нагрудного украшения. Каждая пара состояла из одной прямоугольной пластины, украшенной отпечатками зубчатого штампа, и двух полуовальных, богато украшенных «волчьим зубом» пластинчатых цепедержателей, к которым и были подвешены ромбические подвески⁷.

Представление о конструктивном сочленении отдельных деталей убора племен длинных курганов можно также получить на примере труположений X—начала XI в. могильников Восточной Латвии — Радзесском, Нукшинском, Люцинском. Трапециевидные и ромбовидные подвески на плетенных цепочках, иногда в сочетании с трехдырчатыми разделителями, крепились на крупных трапециевидной или полуовальной формы нагрудных пластинах-цепедержателях (Bähr, 1850. Taf. XII, 9; Люцинский..., 1893. С. 20, табл. V, 2, 3; VII, 1; Нукшинский..., 1957. С. 106, табл. III, 12; Mugarēvičs, 1977. Tab. LIV). В Кивтах, в погребении женщины трехдырчатые держатели были использованы в головном венке в сочетании с трапециевидными подвесками и спиральками (Šnore, 1987. Tab. VII, 2; XVII, 2). Э. Мугуревич считает, что эти вещи являются импортом с территории кривичских племен.

⁶ Подобное мы наблюдаем и в материалах могильника Боково, курган 44, погребение 1. Фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

⁷ Материалы из раскопок В. В. Пронина хранятся в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. В своих статьях по Бокову он не опубликовал материалы из этих погребений.

⁵ И. И. Еремеев в своей последней работе утверждает: «Можно отметить подвески позднего типа (X в. или даже начала XI в.), с вогнутыми боками и тисненым валиком по периметру, и более ранние (IX—X вв.), с прямыми боками или многоядным тисненым орнаментом вдоль нижней кромки» (Еремеев, 2015. С. 448). Ранних подвесок, отмеченных И. И. Еремеевым, в Городке также не наблюдается.

В X в. территория, на которой за пределами основного ареала культуры длинных курганов спорадически встречаются отдельные вещи и целые комплекты украшений культуры смоленских длинных курганов, значительно расширяется. Так пара полуовальных пластин с ромбическими подвесками по нижнему краю, подобных комплекту из Боква, была найдена в грунтовом могильнике XI в. у с. Жовнино Чернобаевского района Черкасской области на левом берегу Днепра (Моця, 1983. С. 83, рис. 20, б). Между собой эти пластины соединены трехдырчатым разделителем⁸. Верхняя Ока тоже может быть включена в область распространения украшений культуры смоленских длинных курганов за пределами основного ареала культуры (Спицын, 1901. Табл. XXVI, 10; XIV, 10; Никольская, 1969. С. 19, рис. 12, 2, 4). На городище Супруты при костях, погребенных в культурном слое, найдены трапециевидные подвески, соединенные в одну систему с прямоугольной нагрудной пластиной и трехдырчатым литым держателем, а также колпачковидные привески (Изюмова, Отчет, 1972. № 4941). Проникали подобные украшения и в область салтовской культуры. На Верхнесалтовском могильнике обнаружено комплексное украшение культуры смоленских длинных курганов: на крупной, диаметром около 1 см спиральке подвешена пара проволочных биэсовидных держателей с трапециевидными подвесками (Федоровский, 1927. С. 64, рис. 67). Обращает на себя внимание тот факт, что типы держателей-разделителей на Супрутах и в Салтове различные: в Супрутах — литые, в Салтове — проволочные. Вероятно, проникновение элементов культуры смоленских длинных курганов на эти два памятника происходило в несколько разное время. И еще одна деталь, на которую следует обратить внимание. Литые трехдырчатые подвески Супрут сохранили более четкие детали, роднящие их с проволочными биэсовидными подвесками, чем основная масса трехдырчатых держателей. Они имеют более широкие отверстия, а по краям верхнего отверстия присутствуют маленькие дырочки, имитирующие концевые завитки биэсовидных подвесок. Гибель людей, которые были захоронены на площадке городища Супрут с данным набором украшений, произошла, по мнению А. В. Григорьева, не позже второго десятилетия X в. (Григорьев, 2005. С. 139; 2010. С. 453). Этот факт лишний раз подтверждает правильность датировки процесса замены проволочных биэсовидных держателей литыми трехдырчатыми именно первой половиной X в.⁹

Предметы салтовского или волжско-булгарского круга

В коллекции Городка к такого рода вещам можно отнести единственную находку — **поясную бляшку-накладку** сердцевидной формы, которая входит в комплекс сооружения 4 (рис. 112, 3). Она сохранилась не полностью, нижняя часть ее оплавлена, что существенно затрудняет ее атрибуцию и поиск аналогий. Точных аналогов бляшке из Городка среди известных, опубликованных поясных бляшек салтовского или волжско-булгарского

происхождения найти не удалось (Мурашёва, 2000). По своему общему абрису она близка группе сердцевидных бляшек с растительным или растительно-звериным орнаментом, которые встречаются в погребениях X в. Бирки (Jansson, 1986. S. 92—104)¹⁰, присутствуют в комплексах Прикамья и Среднего Поволжья (Казаков, 2001. С. 178, рис. 1, 25) и получили достаточно широкое распространение на памятниках Руси X — начала XI в. (Ярославское..., 1963. С. 66; Дубов, 1982. С. 205, рис. 8, 6; 224, рис. 27, 8; Носов, 1985. С. 154, рис. 8, 3; Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 111; Ширинский, 1999. С. 130, рис. 16, I.1, 2; рис. 17, I.28, 3—5; Нефёдов, Мурашёва, 2008. С. 98—105; Макаров, 2012. С. 202, 207—209, рис. 9, 27). Начало этого процесса можно связывать еще с эпохой культуры ранних смоленских длинных курганов (Нефёдов, 2002. С. 131—139), выразителем в этом плане Супрутский клад, сочетающий вещи северного и салтово-маяцкого круга начала X в., в том числе значительное число ремной гарнитуры южного происхождения (Мурашёва, 2008). Но при поисках и трактовке аналогий следует учитывать тот факт, что в Гнёздове, с одной стороны, большая часть ремных украшений (более 50 %) связана с волжско-булгарской ремесленной традицией, а с другой — в этом центре, в пойменной мастерской второй половины X в., обнаружены свидетельства местного изготовления бляшек именно данной традиции (Мурашёва, Авдусина, 2007. С. 56, рис. 35, 12; Пушкина и др., 2012. С. 257).

Предметы скандинавского происхождения

Такие предметы представляют в коллекции Городка довольно значительный удельный вес: равноплечая бронзовая фибула, длинные иглы от кольцевидных застежек, миниатюрная пряжка, два гранчатых навершия булавок или пинцетов, костяная проколка с орнаментом в стиле Борре, костяные игральные шашки, ножницы овечьи, крупная буса зеленого стекла. В эту же группу следует включить предметы, которые, строго говоря, не были скандинавским импортом, но их появление в контексте памятников Северной Руси стимулировано скандинавскими по происхождению образцами, технологией или посредничеством: копоушка, глиняная формочка для выплавки звериной голвки в стиле Борре, ладьевидный браслет, ланцетовидные наконечники стрел, ланцетовидное копье.

Фрагментированная **равноплечая бронзовая фибула** найдена в верхней части заполнения сооружения 4 (рис. 112, 8; фото 6, 7). По классификации Я. Петерсена, относится к типу 58 или к группе A:2, по Г.-Б. Агорд, которые датированы IX в. (Petersen, 1928; Aagård, 1984. S. 98—110). Это одна из ранних равноплечих скандинавских фибул, которые довольно редко встречаются на памятниках Северной Руси. Г. Ф. Корзухина, составляя первую сводку этих застежек по восточноевропейским материалам, отмечала, что подавляющее их большинство относится к IX в., но есть они и в комплексах X в. (фибулы из раскопок В. И. Сизова в Гнёздове, из слоя Д Старой Ладоги, из раскопок Таракановой в Пскове (Корзухина, 1964. С. 297—313). Наблюдения Г. Ф. Корзухиной подтверждались последующими находками равноплечих фибул на территории Северной Руси. Они встречались в комплексах и слоях

⁸ В 1970-е гг. я ознакомилась с коллекцией из Жовнина, когда она хранилась в фондах Института археологии Академии наук Украины. Полноценной публикации этой коллекции нет до сих пор.

⁹ Правда, супрутский литой экземпляр по своим типологическим признакам более позднее явление, чем экземпляр Рюрикова городища, он стоит гораздо ближе к обычным, серийного производства плоским трехдырчатым держателям. А этот факт несколько противоречит дате гибели Супрут.

¹⁰ Наибольшую близость бляшке из Городка оказывает инвентарь погребения 904 (Arbman, 1940—1943. Taf. 91, 2 — третья бляшка в нижнем ряду).

IX в., но достаточно частыми были такого рода находки и в слоях и комплексах X в. По-видимому, фибулы типа 58 на территории Северной Руси продолжали употребляться в первой половине X в. Вопрос о запаздывании на территории Древней Руси скандинавских фибул, равноплечих в том числе, неоднократно поднимался в научной литературе. Точную аналогию равноплечей фибуле Городка удалось найти только в Бирке, в погребении 535 второй половины IX в. (Arbman, 1940—1943. Taf. 78, 3). Близка ей фибула из д. Клименки (бассейн р. Каспли), недавно датированная И. И. Еремеевым второй половиной IX—X в. (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 488—491, рис. 382, 3).

Бронзовые гранчатые навершия с отверстиями-ушками для подвешивания обнаружены на городище в постройке 4 (рис. 65, 4, 5). Оба экземпляра имеют четырехэлементную форму с многогранным сечением центральной части. Игла (которая обломана) и ушко для подвешивания отделены от гранчатого тела тремя, в одном случае, и тремя в другом, биконическими бусообразными утолщениями. Один экземпляр навершия украшен по одной из вертикальных граней плетенкой, а на нижнем утолщении — треугольными насечками. Сохранились следы позолоты на орнаментальных мотивах. Второе навершие украшено вдоль граней рядами треугольников («волчьего зуба?»). В Северной Европе разного рода навершиями, в том числе и гранчатой формы, украшали верхние части железных, бронзовых шильев, пинцетов, ключей. Точных аналогий для наверший Городка среди материалов как Северной, так и Восточной Европы найти не удалось. Некую относительную близость по структуре тела оказывают для наверший Городка отдельные норвежские экземпляры (Petersen, 1955. S. 26, kat. 82), гранчатые навершия из погребений Бирки: № 849 рубежа IX—X вв. и № 418 второй половины X в. (Arbman, 1940—1943. Taf. 63, 7; 170; 171; 173, 8), а также некоторые аналогичные находки из Рюрикова городища и Тимерёва (Дубов, 1982. С. 222, рис. 25, 9; Носов, 1990. С. 125, рис. 48, 1). По классификации Я. Петерсена, они относятся к типу С (Petersen, 1928. S. 191—193, 196, 197, fig. 238). По мнению Я. Валлер, гранчатые навершия характерны для Бирки IX в., а все остальные формы — для X в. (Waller, 1984. S. 183—190). Но, пожалуй, самой близкой аналогией можно считать навершие бронзового писала из Хильдагсбурга — славянского поселения в Центральной части Германии, датированного 850—1050 гг. (Dunkel, 1953. Taf. 54, 23c; Schimpff, 1983. S. 232, 234, Abb. 10, 1).

Миниатюрная пряжка с язычком, связанная с комплексом сооружения 7, имеет круглую рамку с рубчатой насечкой (рис. 117, 4; фото 6, 2). Подобная насечка — прием, характерный для скандинавской технологии ювелирного производства. Она украшает малые подковообразные фибулы, кольца фибул с длинной иглой, проволочные браслеты, всякого рода колечки для подвешивания различных предметов. Все это многообразие присутствует в Бирке (Arbman, 1940—1943. Taf. 41; 45, 5; 50, 1, 2, 4, 7; 110, 2, 4; 112, 1, 4, 5; 121, 2a, b). На наших памятниках этот прием украшения встречается достаточно редко (Ярославское..., 1963. С. 5—19, рис. 7, 5; С. 78, рис. 45, 19; Ляпушкин, Отчет, 1967. Д. № 16, 17; Фонды ГЭ ОАВЕС. Оп. хр. 3192, № 3768; Дубов, 1982. С. 238, рис. 40, 7).

Фрагментированный экземпляр **овечьих ножниц** (режущие полотна не сохранились) относится к комплексу постройки 11 на городище, имеет бронзовую позолочен-

ную накладку с небрежной чеканкой геометрического орнамента в виде искаженной неправильной ромбической сетки с точками в центре ромбов (рис. 98, 4, 4a). Техника золочения характерна именно для скандинавских вещей. В женских погребениях, связанных со скандинавским этническим элементом, довольно часто находят железные пружинные ножницы с орнаментированной бронзовой или серебряной накладкой на пружинном конце (например: Михайловский могильник, курган 101; Тимерёвский могильник, курганы 192, 422; Недошивина, 1963. С. 28, рис. 15, 5; Фехнер, 1963. С. 5—19, 109, 125). В погребениях второй половины IX — первой половины X в. Бирки (564, 597, 637, 660, 922, 946, 964, 1021A, 1067, 1081) наряду с богато украшенными ножницами довольно часты и обычные, без накладок (Arbman, 1940—1943. Taf. 174; 175, 4, 5, 7, 6; 176, 1, 3). По классификации Я. Петерсена, фрагмент ножниц Городка можно отнести к типу R-443 (Petersen, 1951. S. 194—195, Abb. 168; Arwidsson, 1984. S. 195—198). Большая часть накладок с геометрически прессованным орнаментом в виде ромбической сетки сопровождалась находками гребней X в. и фибул типа P51—C₁, P42.

Ножницы с украшенной пружинной частью — достаточно частая находка в слоях поселений X в. На Рюриковом городище самые ранние находки ножниц, украшенных накладками, связаны по дендродатумам с первой половиной X в. Орнаментация накладки на экземпляре из культурного слоя центрального раскопа является неискаженным аналогом ромбической сетки, украшавшей накладку ножниц Городка на Ловати (Носов, 1990. С. 75, 76, рис. 31, 3; 132, рис. 52, 1). В свое время Б. Ф. Колчин считал наличие петли для подвешивания одним из признаков ранних находок в Новгороде (Колчин, 1959. С. 58—60).

В коллекции Городка присутствуют пять **игл от кольцевидных застежек**, две из них сохранились только в своей нижней части. Два экземпляра из культурного слоя городища и селища, острые концы которых расплющены, имеют чечевицеобразное сечение (рис. 32, 13; 41, 29; фото 6, 6). Острый конец иглы, найденной на материке селища, имеет квадратное сечение и украшен рядами треугольников (рис. 42, 24). Еще одна игла (из культурного слоя селища) имеет круглое сечение по всей своей длине и относится к ряду простых булавок с круглым сечением, держатель которой загнут наружу (рис. 41, 27). Целый экземпляр из сооружения 17/18 профилирован сложнее. Верхняя часть иглы, после перстневидной муфты, которая служила для закрепления на кольце фибулы, уплощена, имеет прямоугольное сечение, далее корпус ее, круглый по всей длине, на самом конце расплющен, ему в сечении придана треугольная форма (рис. 136, 13; фото 6, 5). По оформлению слегка уплощенного нижнего конца и системе крепления верхнего иглы Городка могут быть отнесены к типам 210—211, 227, 237, по Я. Петерсену, которые он датирует X — началом XI в. (Petersen, 1928. S. 172—197). Полные аналогии иглам Городка с уплощенным концом мы имеем в материалах Новоселок (Шмидт, 1963б. С. 120, рис. 15, 1; 122, рис. 16, 1) и погребений 873 и 490 Бирки конца IX в. (Arbman, 1940—1943. Taf. 43, 1; 44, 3). У разных типов кольцевидных застежек X в. также применялись иглы, имеющие круглое сечение тела и четырехгранное острие. Граненый конец иногда орнаментируется (Petersen, 1928. S. 173—175, fig. 206). Судя по разработке Т. Фаннинга, две иглы Городка по оформлению нижних острых концов

и форме завершения верхнего для крепления на теле кольца (рис. 32, 13; 41, 27) имеют аналогии в материалах Англии, которые датированы автором не ранее середины X в. с незначительным выходом в начало XI в. (Fanning, 1994. S. 61, 64—65, fig. 24, 25, 28, 29). Игла со сложно комбинированным сечением тела из сооружения 17/18 достаточно полно повторяет иглу кольцевидной фибулы из погребения 621 Бирки, происхождение которой связывают с Британией или Ирландией (Graham-Campbell, 1984. S. 35, 36, fig. 5:5).

Абсолютная датировка игл Городка затруднена в силу не только их фрагментированности, но и в силу отсутствия должной источниковедческой проработки кольцевидных застежек и, как следствие, достаточно четкой классификации. Г. Ф. Корзухина, касаясь вопроса классификации кольцевых застежек, писала, что четкого деления этого вида украшений не существует, много путаницы и неверных данных о хронологических границах тех или иных типов (Корзухина, 1973. С. 38). Со времени написания работы Г. Ф. Корзухиной накоплен обширный материал по данной категории находок на памятниках Восточной Европы, но работа по его систематизации находится лишь в самой начальной стадии (Thunmark-Nylén, 1984. S. 5—14; Хвоцинская, 2002. С. 98—101; Носов, Хвоцинская, 2006. С. 130—140).

Небольшая костяная «проколка» найдена в постройке 4 городища (рис. 65, 1, 2; фото 7, 1). Она в верхней своей части покрыта тонким, сложным орнаментом, не доведенным до конца. Орнаментальные мотивы (переплетение лент и завитков) своим происхождением связаны со стилем Борре. На нашей «проколке» орнамент не закончен, он только лишь намечен. Отдельные его детали повторяют орнаментацию на роговой «проколке» из трупосожжения 112 Бирки, которое по совместной находке костяной и стеклянных шашек может быть датировано не ранее середины X в. (Arbman, 1940—1943. S. 51, Abb. 35, 10). Аналогичные детали присутствуют на сложно орнаментированной костяной копоушке из слоя второй половины X в. Старой Ладogi (Петренко, 1981). Не исключено, что один из элементов орнамента «проколки» Городка, состоящий из двух вытянутых треугольников, повернутых навстречу друг другу вершинами, можно трактовать в качестве руны (Мельникова, 1977. С. 271, рис. 85). Близкий знак нанесен на окровку боевого ножа из погребения 834 Бирки (Arbman, 1940—1943. Taf. 6, 6b). Руна подобной формы известна в материалах XI в. в Новгороде (Khvoshchinskaya, Rybina, 2014. P. 249, fig. 2). Такие же знаки можно наблюдать на предметах в Саркеле — Белой Веже. А. М. Щербак относил их к группе знаков, близких к руническому алфавиту тюркских народов (Щербак, 1959. С. 365).

Костяные шашки найдены на городище в постройках 1 и 2 (рис. 56, 1, 2; 60, 2). Как было определено Г. Ф. Корзухиной, все костяные шашки найдены преимущественно на поселениях или в погребениях X в. Погребальные комплексы принадлежат богатым дружинным захоронениям. Появление шашек на Руси следует связывать со скандинавскими странами (Корзухина, 1963. С. 89). Новые находки костяных шашек лишь подтверждали выводы Г. Ф. Корзухиной (Дубов, 1982. С. 203, рис. 6, 1; Петренко, 1981).

Крупная толстостенная бусина из зеленоватого прозрачного стекла, украшенная волной из двух рядов молочных нитей, между которыми помещена волна из более тонкой желтой нити, найдена в постройке 5 на городище (рис. 6, 11; 81, 9). По классификации З. А. Львовой, она от-

носится к IV группе, второго вида подгруппы 2 крученых бус, которые встречаются в Старой Ладoge в слоях от E₂ до D. Это редкая разновидность бус: в Старой Ладoge вся IV группа составила всего 4,38%; в Бирке встречена всего в семи погребениях, в том числе с монетами первой половины X в. (Arbman, 1940—1943. Taf. 120, 11n; 122, 13c; 123, 27, 41a). Является продуктом скандинавского производства X в., может быть, и IX в. Подгруппа 2 имеет аналогии только в Скандинавии. В Новгороде и памятниках Европы аналогий не имеет (Львова, 1968. С. 76, 78, рис. 3, 40, 41).

Глиняная литейная формочка для выплавки звериной головки из сооружения 12-а (рис. 124, 9; фото 11, 2, 4). Она сделана местными мастерами, но она уникальна, и образцом для нее послужила вещь явно заморского происхождения. Головка фантастического зверя может быть отнесена к кругу скандинавской мелкой пластики в стиле Борре, украшавшей вещи со второй четверти и до конца X в. Обращают на себя внимание лапы, простертые вдоль головки, — деталь характерная для звериных морд, которые украшают скорлупообразные фибулы из Бирки (Arbman, 1940—1943. Taf. 60, 3, 4). Точных аналогий этой поделке найти не удалось, но у нее есть общие черты с головкой зверя, венчающей скобу для подвешивания меча из кургана 47 лесной группы Гнездова (Авдусин, 1951. С. 96, рис. 26, 2).

Фрагмент **железной шейной гривны** (тордированная часть квадратного сечения) была найдена на городище в постройке 9 (рис. 89, 10). В качестве комплекта к данной находке следует присовокупить **железный молоточек Тора** из предматериковой части культурного слоя селища (рис. 46, 1; фото 6, 3). Молоточки Тора имеют самую разнообразную форму и способ крепления на гривне, часто сделаны столь небрежно, что с трудом поддаются идентификации, если они найдены отдельно от гривны. Экземпляр Городка по своей форме ближе всего стоит к молоточкам из погребений 943 и 964 Бирки (Arbman, 1940—1943. Taf. 104, 5, 6). Скандинавское происхождение такого рода находок ни у кого не вызывает сомнения. В настоящее время благодаря находкам из стратифицированных слоев раннегородских поселений, в том числе с дендродатами, шейные гривны, часто сопровождаемые молоточками Тора и другими формами амулетов, датируются согласно скандинавской хронологии второй половиной VIII—X в. (Носов, 1990. С. 73—74; Плоткин, 1996. С. 161—172, рис. 4, a). Большое количество гривен из могильников Приладожья и Северо-Восточной Руси датируется X—XI вв. (Янссон, 1987. С. 121).

Ажурное навершие бронзовой копоушки из постройке 6 городища изготовлено не без влияния скандинавской орнаментики (рис. 82, 7). Оно имеет каплевидную форму, заключено в рамку из «полужемчужин», внутренняя поверхность покрыта искаженной скандинавской «плетенкой» и рядом сквозных отверстий. Бронзовые копоушки Бирки, в отличие от копоушки Городка, имеют навершия листовидной формы и в подавляющей своей части орнаментированы сквозными круглыми отверстиями. Типичная скандинавская «плетенка» в сочетании с редуцированными звериными мордами на ушках для подвешивания встречена всего на двух экземплярах (Arbman, 1940—1943. Taf. 173, 2, 5). В погребениях большая часть копоушек с дырчатым орнаментом сопровождается скорлупообразными фибулами типа P51, одна с плетенкой — типа P52, другая — раннегончарным сосудом X в., поэтому датированы они концом IX — второй половиной X в. (Gräslund, 1984. S. 179).

Металлические копоушки имеют широкие хронологические рамки: с середины IX в. они известны в салтовской культуре, а в Поволжье, Приладожье и Аландских островах характерны для комплексов X—XI вв. (Дубов, 1982. С. 157, рис. 17, 4; Казаков, 1992. С. 198, рис. 70, 9). Совершенно очевидно, что этот предмет туалета был заимствован из салтовского круга вещей, поскольку там они имеют самые ранние формы: плоские прямоугольные навершия с дырчатым орнаментом¹¹. Копоушки с листовидной формой навершия — более редкая находка. Первые такие формы, по С. А. Плетневой, появляются в катакомбах салтовской культуры с середины IX в., они украшены сквозными отверстиями неправильной формы (Плетнева, 1967. Рис. 36, табл. 4). В Бирке мы наблюдаем только листовидную форму, и, вероятно, лишь небольшая часть копоушек в Скандинавии после заимствования приобретает сложную скандинавскую орнаментацию. Не вызывает сомнения, что копоушки подобные тем, что найдены в Бирке, с листовидным навершием, украшенным сложной плетенкой, послужили образцами для создания формы, которая присутствует в Городке на Ловати. Копирование привело к искажению орнаментации и новым приемам оформления.

Среди опубликованных материалов Рюрикова городища известна одна копоушка с каплевидным навершием. Она имеет оформление, очень близкое экземпляру Городка на Ловати: смазанный сложный рельефный орнамент, который в начале копирования носил ажурный характер, верхний оком копоушки был украшен круглыми «полужемчужинами» (Носов, Хвошинская, 2004. С. 127, рис. 1, 9; 131). Авторы отнесли ее к вещам западнофинского круга XII—XIV вв. Эта копоушка найдена вне стратиграфического контекста, дагировка ее затруднена, точных аналогов для нее из памятников Финляндии приведено не было. Те копоушки, что распространены в это время на территории западной Финляндии и Карелии, имеют не каплевидную, а листовидную форму, украшены они растительным орнаментом с волотами, акантами S-образными завитками, который в XII—XIV вв. на этой территории характерен для более широкого круга вещей (Kivikoski, 1973. S. 146, Abb. 1213, 1213; Кочкуркина 1981. С. 40—44, табл. 4, 6, 9, 10, 13; Сакса, 2010. С. 126, 125, рис. 25)¹². Аналогов для копоушки Городка среди материалов X — начала XI в. Приладожья нет. На Готланде есть небольшая серия копоушек этого времени, но они либо повторяют формы, которые присутствуют в Бирке, либо имеют местную грушевидную, каплевидную, катушкообразную формы с рельефным орнаментом внутри ленточной рамки, либо вообще без орнаментации, но снабженные человеческой головкой (Thynmark-Nylén, 2006. S. 264—265).

¹¹ В салтовской культуре, в свою очередь, они являются генетическим следом позднеримского (средиземноморского) костюма, влияние которого на Северном Кавказе (на культуру аланских племен центрального Кавказа — в частности) четко прослеживается с V—VI вв. В более позднее время косметические наборы также известны в женских погребениях V—VIII вв.: стержни некоторых копоушек (и других заостренных предметов, входящих в туалетный набор) расплющены и приобрели прямоугольную узкую вытянутую форму. На таких стержнях появляется простой геометрический орнамент (Мастыкова, 2009. С. 90—91, 312—313, рис. 109, 2; 110, 1, 5; 111, 2).

¹² Примечательно, что в более поздней работе, посвященной связям Приильменья с Западной Финляндией, авторы данную находку не упоминают (Носов, Хвошинская, 2007б. С. 6—17).

Фрагмент ладьевидного браслета происходит из верхней части заполнения сооружения 18 на селище и принадлежит экземпляру, украшенному зигзагами с острыми углами, которые располагаются по бокам от центральных полос, имитирующих валики. Такую систему орнаментации иногда называют «елочкой» (рис. 58, 6). Судя по этой особенности орнамента, такого рода украшение, строго говоря, отнести к скандинавским вещам не следует, но скандинавское происхождение данной формы браслетов никто из современных археологов не отрицает. В литературе неоднократно излагался сюжет о происхождении ладьевидных браслетов, известных в памятниках Финляндии, Карелии, Юго-Восточного Приладожья и Юго-Восточной Прибалтики (Хвошинская, 2004. С. 85—86, 135; Сакса, 2010. С. 70). Ладьевидные браслеты с остроугольным зигзагом присутствуют в погребальном инвентаре курганов Юго-Восточного Приладожья. Высказывались предположения о местном приладожском (Носов и др., 1994. С. 125) или финском производстве (Сакса, 2010. С. 73). Существует точка зрения об их импортном происхождении с Готланда (Кочкуркина, 1973. С. 41, 51). Хронология ладьевидных браслетов вообще, а с остроугольным зигзагом в частности разработана недостаточно. Сведения о бытовании последнего вида противоречивы. От формулировки «эпоха викингов, X — начало XI в.» (Kivikoski, 1973. S. 101; Сакса, 2010. С. 70) до «X в.» (Кочкуркина, 1973. С. 41) и «конец X — начало XI в.» (Носов и др., 1994. С. 107—129)¹³. Самые типологически близкие аналогии ладьевидному браслету Городка можно найти в погребениях Юго-Восточного Приладожья и Владимирских курганах (Бранденбург, 1895. С. 152, табл. IV, 3; Спицын, 1905. С. 149, рис. 275). На этой территории они встречаются с монетами X в., крупными черными глазчатыми бусами и скорлупообразными фибулами типа P51C (Кочкуркина, 1973. С. 41, 51, 108, рис. 1; 111; рис. 2, B; 125; 1989. С. 267, рис. 84, 4).

Железное копье с пером ланцетовидной формы обнаружено на материковом слое в линзе белого песка, в кв. Д'5, к северу от сооружения 7 (рис. 46, 16). Копье, по-видимому, было сломано в месте перехода пера во втулку и отремонтировано, поэтому в этом месте появился уступ. Его можно отнести к наконечникам I типа, по классификации А. Н. Кирпичникова. Эти наконечники копий характерны для всего X в., но в самом начале XI в. исчезают из употребления. Укороченная втулка свидетельствует о верхней хронологической границе — не позднее второй половины X в. (Кирпичников, 1966. С. 7, 9, рис. 1).

Железные ланцетовидные черешковые наконечники стрел с упором составляют выразительную часть вещевого материала Городка на Ловати. На городище они найдены в постройках 2, 6—9 (рис. 60, 9, 10; 82, 5, 6; 83, 7; 84, 10, 14, 17; 89, 1—4), на селище — в культурном слое и на материке (рис. 45, 16; 46, 7), а также один экземпляр есть в коллекции из раскопок Д. Н. Эдинга (рис. 34, 11). По классификации Е. Вегре, большая часть ланцетовидных стрел Городка относится к типу A1 (боевые и охотничьи), датированному IX—X вв. Лишь один экземпляр с более длинной шейкой и коротким массивным пером (рис. 82, 6)

¹³ Достаточно близкие варианты ладьевидных браслетов с остроугольным зигзагом изредка встречаются в более поздних комплексах второй половины XI в. (Хвошинская, 2004. С. 135, 201—209, табл. XLI, 3), середины XI—XII вв. (Соболев, 2015. С. 358, рис. 3, 29—31).

можно определить в качестве типа А2 (боевые), датированного X в. (Wegræus, 1986. S. 22, 25, 27, 32, Abb. 4, 2). По классификации Медведева, — тип 62, вид с упором. По его наблюдениям, в Швеции стрелы этого типа использовались более крупные и с более широким пером (Медведев, 1959. С. 73—74). Такие экземпляры также присутствуют в материалах городища Городка (рис. 60, 10; 89, 1, 3).

Железные кольца с двойными узлами, предназначенные для подвешивания различных предметов, обнаружены в комплексах построек 6, 7/8 на городище (рис. 81, 23; 82, 12, 13; 84, 1). Подобную технику закрепления проволоки в кольцо можно наблюдать и на бронзовых колечках для подвешивания, которые присутствуют на гранчатом навершии из постройки 4 (рис. 65, 4), на фрагменте овечьих ножиц из постройки 11 (рис. 98, 4) и на серебряной накладке для ножен из сооружения 31 (рис. 156, 24). Кольца с двойным узлом сравнительно недавно были введены в разряд признаков скандинавской технологии Ю. М. Лесманом (Лесман, 1996. С. 35—37). Время существования данной технологии ограничивается временем распространения скандинавских вещей на севере Восточной Европы — IX — первой половиной XI в.

Фрагменты глиняных грузиков дисковидной формы для ткацкого вертикального станка найдены: на городище в постройке 9 неорнаментированный фрагмент (рис. 89, 15), в постройке 10 — фрагмент с ямочной орнаментацией (рис. 93, 9). Считается, что подобные предметы имели широкое применение во всем регионе Балтики и не были специфическим признаком скандинавской культуры, но на территорию Северной Руси они были привнесены при непосредственном участии варяжских дружин и являются ярким признаком предгородских и раннегородских центров, находящихся в стадии формирования, имеющих выраженное присутствие североевропейских элементов в материальной культуре (Старая Ладога, Тимерёво, Рюриково городище, Нижний замок Витебска, Шестовицкое городище и др.). Время их бытования распространяется на IX—X вв., за пределы X в. такого рода находки не выходят как на территории Руси, так и в Европе (Штакельберг, 1962. С. 1—9—115; Корзухина и др., 1963. С. 287).

Предметы общебалтийских типов

Накладка на ножны, обнаруженная на селище в сооружении 31 (рис. 156, 24; фото 8, 1), представляет собой согнутую пополам бронзовую посеребренную узкую прямоугольную пластину с шестью заклепками, которыми она крепилась на кожаную основу ножен. Украшена пластина вдоль внешних краев отпечатками пуансона с четырьмя кружками в ряд и «волчьим зубом». Внутри пластины сохранились остатки кожи, ниток, которыми были прошиты края кожаного футляра, и острых шипов органического происхождения (фото 8, 5). Бронзовое проволочное кольцо для подвешивания помещалось в верхней торцевой части пластины. Кольцо было завязано двойным узлом. Еще одна небольшая бронзовая рифленая узкая, согнутая пополам пластинка, вероятно, также входила в сложносоставную систему оковок ножен (фото 4, 16). Накладки и оковки для ножен характерны для погребальных древностей дружинных могильников, они встречаются в Гнёздове, во Владимирских курганах, Тимерёве, Шестовицах и др. По своей форме накладки в комплексе этих могильников отличаются от накладки Городка. Они имеют фигурно вырезанный край в виде ступенчатых «городков», иногда сквозную

«просечку» такой же конфигурации и боковую систему крепления для подвешивания к поясу ножен через одно или несколько колец, а не торцевую с одним кольцом (Ярославское..., 1963. С. 63, рис. 36, 3; Ширинский, 1999. С. 132, рис. 18, 1, 41, 23; Комар, 2012. С. 354, рис. 16). Такие же накладки известны и в Бирке (Arbman, 1940—1943. Taf. 6, 1a, b, 2a, c, 8b; 178, 1—3; 179, 1; 180, 1—5, 9). Ножны, украшенные подобными накладками, принадлежат боевым ножам и простым, которые встречаются как в женских, так и в мужских погребениях (Arwidsson, 1986. S. 35—37; 1989. S. 93, 94). В материалах Бирки хорошо сохранились некоторые ножи с рукоятями из дерева и рога. На рукоятках таких экземпляров присутствует укрепляющая обмотка из бронзовой или серебряной, сканой или простой проволоки (Arbman, 1940—1943. Taf. 179, 4—12)¹⁴. Точно такой же нож с обмоткой из сканой проволоки есть в коллекции Городка, но, к сожалению, он депаспортизован. Сохранился только его рисунок в архивных материалах Я. В. Станкевича (рис. 34, 14). Надо сказать, что горизонтальное или полу-горизонтальное крепление ножен боевых коротких мечей к поясу с помощью одного или нескольких колец характерно для балтийских племен Юго-Восточной Прибалтики еще с VIII в. (Šnoge, 1987. Tabl. 10, 6). Система сложносоставных оковок ножен с боковой крупной накладкой, а также укрепление рукояти сканой проволокой сохранились у них до конца X—XI в. (Люцинский..., 1893. Табл. X, 16, 17; XII, 1, 12; Murgurvičs, 1977. Tabl. XLVII, 18, 19). Сложносоставные оковки ножен и горизонтальное крепление их к поясу с помощью одного или нескольких колец использовали от рубежа XI—XII вв. до середины XII в. также и финские племена этого региона (Хвошинская, 2004. Табл. XCIV, 13; XCVI, 25; CXVIII, 15; CXXXII, курган 37; CXXXIII).

Боковые накладки ножен с креплением кольца в торцевой части для вертикального подвешивания к поясу крайне редко встречаются в Гнёздове, во Владимирских курганах (Спицын, 1905. С. 56, 146, рис. 237). Единичны такие экземпляры в инвентаре сожженных Приладожья XI в. (Бранденбург, 1895. Табл. VIII, 15). В этот же период они появляются на Готланде (Thunmark-Nylén, 1995. Abb. 387b). Единичный случай торцевого крепления кольца для подвешивания на боковой накладке зафиксирован в могильнике Залахтове в трупосожжении первой половины XI в. (Хвошинская, 2004. Табл. XV, 4). Способ вертикального расположения ножа на поясе в X — начале XI в. не имел широкого распространения среди населения Северной Руси, так же как и пластина-накладка с прямыми, не «городчатыми» краями¹⁵.

Пряжка поясная с округло-прямоугольной рамкой обнаружена под развалом глиняной печи постройки 34 (рис. 159, 3; фото 8, 2). Подобные поясные пряжки широко распространены в поясных наборах Готланда и Прибалтики (Šnoge, 1987. Tabl. VIII, 2; Нукшинский..., 1957, С. 27, табл. IV, 4; Latvijas..., 1974. Tab. 59, 21; Thunmark-Nylén,

¹⁴ Подобное укрепление рукояти ножа можно наблюдать в некоторых дружинных комплексах Восточной Европы. Например, в кургане 348 Тимерёво наряду с типичными скандинавскими вещами присутствует нож, рукоять которого обмотана семью рядами тонкой серебряной проволоки (Недошвина, Зозуля, 2012. С. 185, рис. 9).

¹⁵ В XII—XIII вв. торцевое крепление кольца на боковых пластинах-обкладках декоративных ножен становится характерным только для западного финно-угорского мира, карел, води, ижоры (Спицын, 1896. С. 98, табл. XVIII, 9; XIX, 26; Рябинин, 1989. С. 25—33, рис. 1, 1, 5—8, 13; 2, 1—11, 13; 1997. С. 80, рис. 23).

1995. Abb. 10a, 1; 29b; 177, 1; 198a, 1; 204a, 8), где они датируются не ранее начала или первой половины XI в.

Подковообразные фибулы с ромбическим сечением тела и со спирально завернутыми концами составляют на Городке представительную серию находок (рис. 19, 1—8; 41, 32, 35; 42, 9, 26; 50, 1; 81, 20; 89, 5). Все они относятся к раннему периоду существования поселения. Самые ранние находки встречаются в длинных и круглых курганах культуры Смоленско-Полоцкого региона (Ляўданскі, 1930. С. 194, табл. VI, 41; Шмидт, 1958. С. 164, рис. 3, 10; Отчет, 1968. Р-1. № 3665; Штыхов, 1966. С. 272, рис. 2, 4; 1975. С. 68, рис. 33, 1). Строго говоря, данный вид фибул распространен не только в Балтийском регионе, но также и в тех районах Северной Руси, которые были населены финно-угорскими народами. Характерны они и для торгово-ремесленных раннегородских центров, дружинных могильников X — начала XI в. Верхняя граница существования этих фибул не выходит за рамки XI в., вероятно, даже середины XI в. (Мальм, 1967. С. 154, рис. 22, 5; 156; Седова, 1981. С. 133).

Предметы общеевропейского значения

От пластинки с ланцетовидным расширением, орнаментированным отпечатками пуансона с четырьмя кружками в ряд и «волчьим зубом», сохранилась только часть с эсовидным завитком, острый конец утрачен. Фрагмент найден на материке в непосредственной близости от горновой ямы сооружения 19 (рис. 139, 9). Фрагмент другого экземпляра обнаружен на материке к востоку от сооружения 8 (рис. 42, 6). Такого рода пластинки из бронзы, редко из серебра, в археологической литературе иногда обозначены, как пластинки гнездовского типа, они представлены в комплексах могильника, изготавливались на западном селище Гнездова (в материалах раскопок И. И. Ляпушкина известно не менее 4 штук). Ареал распространения их широк: Восточная Германия, Польша, Юго-Восточная Прибалтика, Поволжье, Приильмень, Верхнее Поднепровье, Подвинье, — на памятниках этих регионов спорадически встречаются пластинчатые крючки с эсовидным или простым завитком, изготовленные из железа, бронзы, изредка из серебра. В научной литературе существует две точки зрения на использование таких вещей. Одни считают их блеснами, другие — поясными крючками. Н. В. Хвоцинская при публикации такого рода пластинки из материалов Рюриков городища наиболее аргументированно отстаивала первую точку зрения. Экземпляр Рюрикова городища дает неплохо обоснованную реперную дату начала применения богато украшенных штемпельным орнаментом такого рода пластинок — третья четверть X в. (Хвоцинская, 2014. С. 239—244, рис. 1, 1, 2; литературу вопроса см. там же).

И. И. Еремеев в своей последней работе интерпретирует такие крючки в качестве поясной застежки и считает, что они являются этническим маркером славянских племен, использовать их начинают с IX в. (Еремеев, 2015. С. 443, 447). Верхнюю хронологическую границу их бытования И. И. Еремеев не определяет, хотя из приведенных материалов ясно, что существуют они на протяжении всего X в. Некоторые материалы не исключают предположения, что такие крючки на территории Польши и Белоруссии существовали и в первой половине XI в. (Алексеев, 1966. С. 152, 162, рис. 37, 12).

Роговые односторонние составные гребни, почти целые экземпляры и их фрагменты обнаружены в пода-

вляющем своем большинстве на городище. В постройке 1 найдена практически целая крупная гребенка с выступами на верхних концах (рис. 56, 6). По конструктивным особенностям ее следует отнести ко второму типу II группы, по классификации О. И. Давидан (Давидан, 1962. С. 100—101; 1974. С. 6). Еще один экземпляр составной односторонней гребенки из постройки 6 можно определить в качестве первого типа II группы (рис. 82, 1). Остальные фрагментированные части односторонних гребенок из построек 5, 7/8 (рис. 81, 6; 83, 11) классифицировать сложно, лишь в отношении двух можно уверенно сказать, что они относятся ко II группе без подразделения на группы (рис. 82, 10; 83, 10). Фрагмент гребенки, найденный на селище в сооружении 14, типологическому определению также не поддается (рис. 132, 20). Гребни II группы имеют широкие хронологические рамки бытования от конца IX до первой половины XI в. включительно (Давидан, 1974. С. 6; Колчин, 1982. С. 164, 166, рис. 5).

Бусы стеклянные. В коллекции Городка на Ловати насчитывается не более 30 экземпляров бус (рис. 6, фото 5; 6, 4)¹⁶. Большая часть бусинного материала была найдена в постройках городища (рис. 6, 1, 2—4, 5, 8, 9, 11, 12, 14—17, 24; фото 5, 11, 12; 6, 4), предматериковых отложений культурного слоя селища (рис. 6, 13, 18, 19, 22; фото 5, 10, 14—16). Подавляющая часть бус связана с ранним периодом жизни Городка. *Двучастные и односторонние пронизки* из тянутых трубочек желтого заглашенного стекла обнаружены на городище в постройке 1 (рис. 6, 9), на селище в культурном слое (рис. 6, 6, 7; 41, 19, 20; фото 5, 3, 4). По наблюдениям З. А. Львовой, в слоях Старой Лядоги в X в. именно такие формы приходят на смену многочастным «лимонкам» (Львова, 1968. С. 82, 88; 1970. С. 95). В Новгороде они встречаются в слоях X — первой половины XI в. Ю. Л. Щапова считала их датирующим признаком для X в., а для первой половины XI в. — пережитком (Щапова, 1956. С. 173—175). *Золотостеклянная двучастная* найдена на городище в постройке 5 (рис. 6, 4; 81, 4), *серебrostеклянная двучастная* (рис. 6, 20; 41, 25; фото 5, 5) и *односторонняя псевдозолоченая*¹⁷ «лимонки» (рис. 6, 28; 41, 23; фото 5, 2) на селище в культурном слое. Эти формы бус, по наблюдениям З. А. Львовой, имели хронологический интервал в пределах IX—X вв. При этом она отмечала, что такие формы в северных и центральных районах Восточной Европы могли доживать до X—XI вв. Ю. Л. Щапова считала их характерными для X в., а верхний рубеж определяла по курганным древностям началом XI в., в быту, в качестве пережитка, они могли сохраняться и в XII в. (Щапова, 1956. С. 173—174). *Односторонняя синяя «лимонка»* обнаружена на селище в культурном слое (рис. 6, 29; 41, 31; фото 5, 7). Такого рода «лимонки» характерны для горизонта Д Старой Лядоги и новгородских слоев X — первой половины XI в. (Львова, 1968. С. 88; Щапова, 1956. С. 175). *Крупная продольно-рифленая бочонковидная буса* из бесцветного стекла найдена на городище в постройке 6 (рис. 6, 5). Такие бусы встречаются в ожерельях Бирки в качестве центрального элемента (Arbman, 1940—1943. Taf. 120, 11k; 123, 1). По разработкам Ю. Кальмера, в Скандинавии

¹⁶ Судя по описям материалов городища, их было на два экземпляра больше, но их не удалось обнаружить ни в фондах Эрмитажа, ни в коллекциях музея Великих Лук.

¹⁷ Поверх серебряной прокладки нанесена прозрачная ярко-желтая контагель.

динавии подобная форма появляется не ранее 950—960 гг. (Callmer, 1977. Nr. 11. P. 89. Pl. III). Бусы этого вида — довольно редкая находка в дружинных могильниках Восточной Европы (Ширинский, 1999. Рис. 22, II. 14). В Старой Ладоге они впервые появляются в слое Д (Львова, 1968. С. 89). На Рюриковом городище аналогичная рифленая крупная буса бесцветного стекла присутствует в слое второй половины X в. (Носов, 1990. С. 82). В курганных древностях Приладожья, Гдовских и других курганных групп Северо-Запада, а также в латгальских погребениях имеются очень близкие рифленые бусы, но эллипсоидной формы, несколько меньшего размера. Они датируются X — первой половиной XI в. (Бранденбург, 1895. Табл. V, 22; Шапова, Дайга, 1961. С. 190, 191). В Новгороде этот вид, как и «лимонки», попадают в слоях X—XI вв. (Шапова, 1956. С. 175, 176). В несколько более поздней своей работе Ю. Л. Шапова скорректировала верхнюю границу до начала XI в. (Шапова, 1972. С. 177—178). По разработкам Ю. М. Лесмана, верхняя граница определяется концом третьей четверти XI в. (Лесман, 1984. С. 40, № 99). *Двадцатитрехгранная резная бусина* белого прозрачного стекла, нешлифованная со сверленным отверстием найдена на селище в предматериковой части культурного слоя (рис. 6, 19; 42, 18; фото 5, 14). Она относится к разряду редкостей. В Старой Ладоге, в горизонте Д есть резные бусы (13 экз.), но они вырезаны из синего стекла. Аналогий им З. А. Львова не приводит. Считает их подражанием каменным многогранным бусам из сердолика и хрусталя (Львова, 1968. С. 81, рис. 4, II; 82). Эти бусы относительно часто встречаются в погребениях X в.: в Бирке (Arbman, 1940—1943; погребения X в. 151, 176, 306, 559, 418; погребение рубежа XI в. 632), в курганах Приладожья (Бранденбург, 1895. Табл. XIV, 7), изредка — в дружинных могильниках Киева (Каргер, 1958. С. 197, 199, рис. 43), Тимерёва (Ярославское..., 1963. С. 29, рис. 16). На Рюриковом городище в слое второй половины X в. известны две резные бусы из прозрачного бесцветного и синего стекла (Носов, 1990. С. 82, 127). По Ю. Кальмеру, резные бусы синего стекла датируются начиная с 915—950 гг. (Callmer, 1977. P. 90, Gr. Qa, pl. 20.IV). *Пастовые прессованные боченовидные бусы* из заглушенного печеночно-красного и желто-коричневого стекла несерийного производства найдены на городище в постройке 2 (рис. 6, 14—17; 60, 1—4) и на селище на материке (рис. 6, 13; 42, 16; фото 5, 15). Данный вид бус относится к долгоживущей категории украшений. Они, в отличие от остальных стеклянных бус, территориально ограничены в своем распространении северной частью Европы, включая Готланд, Туну, Бирку и восточную Латвию, активно используются начиная с VIII в. и до X в. включительно. В Старой Ладоге они встречаются в горизонтах E₃, E₂, E₁ и Д (Львова, 1968. С. 72, 73). Их можно обнаружить также и в комплексах XI в. (Залевская, 1982. С. 53). *Бисер белесо-сине-лилового цвета*, слегка оплавленный с одного конца (1 экз.), найден в культурном слое селища (рис. 6, 30; фото 5, 6). Его можно датировать X — первой половиной XI в. В Старой Ладоге такой бисер обнаружен в подавляющем большинстве случаев в слоях IX—X вв. (Львова, 1968. С. 87, 96, 97), в Новгороде — в слоях X — первой половины XI в., при этом отдельные потери встречаются до 60-х гг. XII в. (Шапова, 1956. С. 173; Лесман, 1984. С. 139). Учитывая классическую правильную форму экземпляра Городка, оплавленность его концов, дату этой бисерины можно ограничить X в. *Черные*

глазчатые бусы с белыми пересекающимися полосками вокруг глазков с «ресничками» обнаружены на селище в одном случае на материке, в двух других — в культурном слое (рис. 6, 21—24; 41, 30, 33; 42, 19; фото 5, 8—10). Такие бусы в X — начале XI в. были широко распространены не только на территории Древней Руси, но и в странах Северной Европы (Фехнер, 1954, 167; Шапова, 1956. С. 178; Львова, 1968. С. 74, 77, 78). В Новгороде Ю. Л. Шапова считала их датирующим признаком X в. В курганах Приладожья они встречаются в комплексах второй половины или конца X — начала XI в. На примере коллекции из поселения в пойменной части Гнёздова можно предполагать, что для первой половины X в. они не характерны (Френкель, 2007. С. 100—117). В Новгороде аналогичные бусы доживают до середины XII в. (Шапова, 1956. С. 178; Лесман, 1984. С. 140). Но вот в Приладожье в XI в. глазчатые бусы становятся мельче и в их окраске преобладает синий, густо-зеленый и печеночный цвета (Кочуркина, 1973. С. 24). За пределами анализа бусинного материала, который относится к раннему периоду существования Городка на Ловати, не были привлечены три бусины. *Депаспортизованная густого синего цвета непрозрачная зонная бусина*, найденная на городище (6, 10; 34, 2), датирована Ю. Л. Шаповой концом X—XI вв. (Шапова, 1956. С. 166—167; 1972. С. 178). Две бусины с утраченным цветом, одна из культурного слоя селища (рис. 6, 26; 41, 21), другая из постройки 11 на городище (рис. 6, 8; 98, 3), не поддаются типологическому и хронологическому определению. Дополнить коллекцию стеклянных изделий можно, упомянув находку в предматериковом слое селища, в непосредственной близости от сооружения 30, кусочка смальтового стекла бирюзового цвета¹⁸.

Бусы каменные. *Сердоликовая плоская дисковидная бусина со скошенными краями* относится к инвентарному комплексу постройки 5 (рис. 6, 12; 81, 10). Ее можно внести в разряд редких находок, так как она употреблялась в ожерельях в качестве центрального элемента, но территория ее распространения огромна. Такие бусы присутствуют во всех известных курганных древностях и раннегородских центрах Восточной Европы. Датирована широко от IX до XII в. (Фехнер, 1959. С. 152; Ярославское..., 1963. С. 29, 141, рис. 16, 8). Плоские дисковидные бусы встречаются в слое Д Старой Ладогы, на Рюриковом городище в слоях с дендродатами первой половины X в., в Ростове Великом в слоях с дендродатой 963 г. и 990—995 гг. (Носов, 1990. С. 81; Давидан, 1998. С. 124; Леонтьев, 1998. С. 137—139). Зафиксирован также исключительный случай находки такого рода бусины в стратиграфически непотревоженных слоях, в основании постройки на позднеяковском селище под Москвой (Векслер, 1978. С. 153—158, рис. 1). Типологическая схема этих бус не очень хорошо разработана, так как в работе М. В. Фехнер представлены в основном дисковидные бусы малых размеров и без скошенных краев. *Сердоликовая четырнадцатигранная кубическая буса* присутствует в постройке 5 (рис. 6, 3; 81, 2; фото 5, 11). Эта форма сердоликовых бус широко распространена и достаточно часто встречается в курганных древностях, характерных для погребений Салтовского могильника, Бирки, Ярославских могильников, Приладожья, Гнёздова, Шестовиц, Киева и других курганных памятников Древней

¹⁸ О крупной толстостенной бусине зеленого стекла см. в подразделе «Предметы скандинавского происхождения».

Руси. Существуют они довольно длительный период от IX до начала XII в. (Arbman, 1940—1943. Taf. 116, 3; 119; Фехнер, 1959. С. 152; Авдусин, 1951. С. 76; Ярославское..., 1963. С. 29, 141; Полубояринова, 1994. С. 74; Давидан, 1998. С. 123, 124). В литературе не всегда четко разделяют кубические и плитчатые формы четырнадцатигранных сердоликовых бус. Возможно, такое разделение позволило бы сузить хронологические рамки для кубических бус, которые к тому же встречаются гораздо реже, чем плитчатые. *Сердоликовая пятигранная призматическая бусина* с неправильными гранями обнаружена на селище, на материке (рис. 6, 18; 42, 17; фото 5, 16). Принадлежит к разряду многочисленных курганных находок X—XI вв. Считается, что в поздний период своего бытования, к концу XI — началу XII в., качество огранки таких бус ухудшается, что приводит к появлению неправильных сбитых граней и плохой шлифовке (Шмидт, 1957. С. 209, 210). Но есть факты, свидетельствующие о том, что такие бракованные экземпляры могли появиться гораздо раньше во второй половине X в., подобные асимметричные экземпляры присутствуют в Киеве в слоях с монетами 941—944 гг., а в могильнике на Ипути — с монетами 970 г. И поскольку призматическая асимметричная бусина на селище Городка была найдена в материковой части отложений культурного слоя, то такая стратиграфическая ситуация, по-видимому, подтверждает вышеприведенные факты раннего появления бракованных экземпляров призматических сердоликовых бус. *Хрустальная ребристая (рубчатая) тыквообразная бусина* дополняет комплект бус из постройки 5 на городище (рис. 6, 2; 81, 5; фото 5, 12). Она является характерной, но достаточно редкой находкой как в Бирке, так и в комплексах Приладожья, Тимерёва, Шестовиц, Гнёдова (Arbman, 1940—1943. Taf. 117, 3; Станкевич, 1947. С. 94—110; Блительд, 1977. С. 211, 234, табл. XXII, 3; Дубов, 1982. С. 205, рис. 8, 13; 245, рис. 47, 21, 22; Ширинский, 1999. Рис. 19, 1.72, 6; 21, 1.89, 3). В Старой Ладогe эта форма бус отсутствует, по крайней мере в опубликованных материалах. Судя по редкости находок хрустальных ребристых бус, они существуют достаточно короткий период и за пределы X в. не выходят. *Хрустальная шестигранная эллипсоидного сечения буса* была найдена на городище в постройке 5 (рис. 6, 1; 81, 3). Форма крайне редкая, хронология ее не разработана, вероятна и терминологическая путаница при описании. Время их бытования определяют обычно широко — X—XIII вв. (Фехнер, 1959. С. 155; Седова, 1978. С. 113). На Рюриковом городище они встречены в одних стратиграфических условиях с хрустальными многогранными, четырнадцатигранными, призматическими и шарообразными, а также сердоликовыми четырнадцатигранными, призматическими (Русь Новгородская..., 2012. С. 86). В Бирке в одном из погребений найдено четыре экземпляра хрустальных шестигранных бус (Arbman, 1940—1943. Taf. 117, 1).

Вещи общеславянского значения

Монетовидная подвеска из серебра, украшенная зернью и сканой проволокой, обнаружена на городище в постройке 11 (рис. 98, 5). Предмет достаточно дорогой, искусно выполненный, крайне редко встречается в культурных наслоениях поселений. Обычно такие подвески и другие зерненные украшения обнаруживаются в погребальном инвентаре или входят в состав кладов

X в. (Рыбаков, 1949. С. 53, рис. 21; Ярославское..., 1963. С. 38, рис. 22, 3; Блительд, 1977. С. 193, табл. IV, 3; 1977, табл. VIII, 2; Корзухина, 1954. С. 64—65, табл. VI—VIII). Зерненные подвески на Руси продолжали изготавливаться до рубежа XI—XII вв., правда, к концу XI в. зернь огрубляется, узор не столь тонок, что нехарактерно для подвески Городка (Успенская, 1953. С. 121, рис. 3).

Пластинчатый массивный кованный браслет с тупыми концами, орнаментированный тонкой полоской из вертикальных слабых насечек вдоль длинного края, найден во фрагментах на селище в сооружении 31 (рис. 156, 28). По разработкам М. В. Седовой, такого рода браслеты появляются в Новгороде в 70—80-х гг. X в. и существуют на протяжении XI—XV вв. Правда, с тупыми концами и бедной орнаментацией позже XI в. как будто не встречаются (Седова, 1981. С. 103—105, рис. 38, 16).

Двушипные втульчатые наконечники стрел обнаружены на городище в постройках 10 и 21 (рис. 93, 1; 101Б, 7), на селище в сооружении 19 (рис. 139, 6, 7), на уровне материка и в постройке 9 найдены втулки, вероятно, от такого же рода наконечников стрел (рис. 46, 8; 89, 12). Среди депортированного материала городища сохранился рисунок фрагментированного двушипного наконечника стрелы (рис. 34, 7). Они встречаются на достаточно широкой территории, имеют длительный период существования — от первой половины I тыс. н. э. до конца XI в. (Казанский, 1997. С. 262—269; Минасян, 1997. С. 101—105).

Костяные горизонтальные игольники присутствуют на селище в сооружениях 8 и 16 (рис. 120, 1; 133, 3). Они сделаны из птичьих костей в виде трубочки, сбоку имели сдвоенное отверстие для проволочного кольца-подвеса. Костяные горизонтальные игольники из птичьих костей — широко распространенный предмет женской субкультуры раннегородских поселений и дружинных могильников IX — начала XI в. Северной Руси. Они найдены на Рюриковом городище, в Гнёдове, в Старой Ладогe, на Сарском городище, Тимерёвском поселении, в курганах Ярославского Поволжья и Приладожья (Носов, 1990. С. 71, рис. 28, 6; Пушкина, 1993. С. 59, рис. 2, 2; Эдинг, 1928. Табл. IV, 7; Ярославское..., 1963. С. 34; Бранденбург, 1895. Табл. V, 13; Давидан, 1966. С. 111; Дубов, 1982. Рис. 14, 6—7). Известны они были и в Скандинавии, ряд погребений Бирки содержит не только металлические игольники, но и костяные в виде трубочки с двойным отверстием сбоку (Arbman, 1940—1943. Taf. 169, 1, 3—5). В раннеславянское время, в VIII—IX вв., на правом берегу Днепра употреблялись костяные игольники-трубочки с одним отверстием на одном из концов, их явно носили в вертикальном положении (Хавлюк, 1974. С. 202, рис. 11, 21; Винокур, Приходнюк, 1974. С. 239, рис. 7, 10).

Все вышеперечисленные вещи можно подразделить на несколько хронологических групп.

Первая группа объединяет предметы, которые существовали со второй половины VIII—IX в. до начала, первой половины X в. или имели хронологические рамки в пределах IX—X вв.: проволочная бизсвидная подвеска, серповидное височное кольцо, многогранная пуговицевидная подвеска, дровяные с многогранными сечением тела и головками гривны, равноплечая фибула, крупная бусина зеленого стекла скандинавского производства, ланцетовидные наконечники стрел, глиняные дисковидные грузила для ткацкого станка.

Вторая группа включает в себя вещи, которые характерны для X в., некоторые из них имели выход в начало XI в.: трехдырчатые литые разделители, ромбовидные подвески на плетенных косичкой цепочках, крупные трапециевидные подвески, поясная бляшка салтовского или волжско-булгарского круга, костяные шашки, длинные иглы от колцевидных застежек, овечьи ножницы с позолоченной орнаментированной накладкой, гранчатые наверхия (пинцетов?, булавок? или ключей?), глиняная литейная формочка для отливки звериной головки и роговая проколка с орнаментом в стиле Борре, ладьевидный браслет, серебряная монетовидная подвеска, украшенная зернью и сканью, ромбовидная пластинка-блесна, орнаментированная «волчьим зубом», втульчатый наконечник копья с ланцетовидным пером.

Третья группа, самая малочисленная, ей принадлежат всего три вещи, которые появляются в самом конце X в. и существуют весь XI в.: пряжка поясная с округло-прямоугольной рамкой общебалтийского круга, посеребренная прямоугольная пластина, украшенная «волчьим зубом», — боковая накладка на ножны и кованый пластинчатый узкий браслет с тупыми концами. Третья группа отличается одной важной особенностью. Если вещам первых двух хронологических групп соответствуют наборы керамики, сочетающие лепные и раннегончарные формы, то в третьей хронологической группе зафиксировано (в случае с поясной пряжкой) сочетание с наиболее поздними гончарными формами раннего периода Городка, которые по своим техническим и типологическим особенностям характерны для первой половины XI в. (рис. 159, 6, 7).

Четвертая группа объединяет вещи, которые имеют широкий диапазон существования: односторонние сложносоставные гребни II группы (конец IX — первая половина XI в.), подковообразные фибулы с ромбическим сечением тела и спирально загнутыми концами (X — конец XI в.), костяные игольники (IX — начало XI в.), боченковидные прессованные печеночного и желтого цвета бусы (VIII—XI вв.), втульчатые двушипные наконечники стрел (первая половина I тыс. н. э. — конец XI в.), тордированная железная гривна, молоточек Тора (вторая половина VIII—XI в.), железные футляры для трютов, калачевидные кресала (X—XII вв.).

Особо следует остановиться на результатах наблюдений над распределением аналогичных для коллекции Городка форм бусин в культурных слоях поселений, имеющих дендродаты. Они нам дают определенные хронологические реперы в виде хронологически значимых наборов бус. Для определения хронологических границ раннего периода Городка на Ловати важно отметить, что набор рассмотренных выше бус представляет собой компактную хронологическую группу, которая определяется рамками X — первой половины XI в. Причем наибольшее число форм этой группы встречается в X в. Аналогичную картину можно наблюдать на примере раннего набора бус Рюрикова городища (Носов, 1990. С. 81—82), пойменного поселения Гнёздова (Френкель, 2007. С. 78—117), Старой Ладogi (Львова, 1968. С. 64—94; Давидан, 1998. С. 124), Новгорода (Щапова, 1956. С. 178; Полубояринова, 1994. С. 76, 77). Часть материала, как, например, черные глазчатые бусы с белыми петлями, хрустальная продольногранная шестигранная эллипсоидная буса, сердоликовые четырнадцатигранная кубическая и плоская

дисковидная бусы, имеет выход в начало или первую половину XI в. (Полубояринова, 1994. С. 76—77; Леонтьев, 1998. С. 133—139; Самойлович, 2006. С. 373, рис. 1, 12, 13, 31—36, 49, 54, 57—60).

И в заключение следует сказать, что на поселении известны **монетные находки**. На городище в постройке 14 присутствовал денарий Оттона-Адельгейды 991—995 гг. со следами пробитого отверстия (фото 7, 3), а в постройке 18, в верхней части заполнения подпольной ямы — дирхем чеканки 910 г. Саманиды, Ахмад ибн Исмаил (аш Шаш) (фото 7, 6). На селище были обнаружены три дирхема. В культурном слое, в кв. Л'2, шт. 1 (предматерик) — дирхем 795/6 г., Аббасиды, ар Рашид (ар Рей) (фото 7, 2), на раскопе II 1977 г., в кв. У16, шт. 1 — дирхем 909/10 г., Саманиды, Ахмад ибн Исмаил (аш Шаш) с остатками поломанного ушка (фото 7, 4). В сооружении 22 — дирхем 894—902 гг., Саманиды, Ахмад ибн Исмаил (Самарканд) с остатками заклепки и следами трех отверстий (фото 7, 5)¹⁹. Две монеты встречены в комплексах XI—XII вв., одна — в сооружении XII—XIII вв. Та, что была найдена на раскопе II 1977 г., сопровождалась позднегончарной керамикой XI—XII вв. и такими вещами, как стеклянный браслет черного стекла. И хотя почти все монеты не принадлежат комплексу раннего периода существования Городка на Ловати, все-таки можно с полной правомочностью, опираясь на даты чеканки младшей монеты, определять время расцвета торгово-производственной деятельности жителей Городка.

II.3. Керамический комплекс X — начала XI в. Культурная принадлежность памятника Лепная керамика

На раннем этапе существования Городка на Ловати лепная керамика составляет на селище 50,8 % всего набора керамических форм, на городище — 34,4 % (Приложение 3, табл. 2, 3). Вся лепная посуда сделана из грубого теста с примесью дресвы, зерна которой зачастую выступают на поверхности²⁰. Формовочная масса грубая — 25—27 частиц на 1 кв. см. Дресва не калибровалась, частицы имели размеры от 0,3—0,5 до 2—4 мм в диаметре. Преобладали частицы до 1 мм. Наблюдаются случаи предельно насыщенного теста — свыше 35 частиц дресвы на 1 кв. см. Нами зафиксировано присутствие каких-то органических примесей, не поддающихся точному определению при визуальном анализе: встречаются мелкие точечные пустоты, редкие отпечатки измельченных остатков растительности и зерна.

Технологический анализ позволил выявить следующие особенности формовки сосудов. Фиксируется только донно-емкостный начин, вылепленный спирально-жгутовым способом с последующим выдавливанием (рис. 7, 4, 9—13). При конструировании стенок употреблялся преимущественно спирально-жгутовой налеп²¹ с последующим незначительным выдавливанием²² (рис. 7, 1—3,

¹⁹ Монеты из комплексов городища определены А. А. Марковой (Государственный Эрмитаж), из коллекции селища — И. Г. Добровольским (Государственный Эрмитаж).

²⁰ Техничко-технологический анализ керамики проводился по методике, разработанной А. А. Бобринским (Бобринский, 1978).

²¹ Расчет производился по формуле, предложенной А. А. Бобринским (Бобринский, 1978. С. 177—179).

²² Об этом свидетельствует отношение толщины стенок к длине линии спая между жгутами, значительно превышающее величину 0,25.

5—8). Не исключено применение ленточной техники, но небольшие размеры фрагментов стенок, которые дают основания для подобного заключения, все же позволяют говорить о ней лишь предположительно, тем более что донно-емкостный начин сочетается обычно либо со жгутом, либо с лоскутным налепом. На заключительном этапе формовки поверхность сосуда заглаживали мокрыми руками, пучком травы (на поверхности остаются мелкие расчесы). Изредка встречаются фрагменты горшков, покрытых после просушки тонким слоем жидкой, хорошо отмученной глины.

Орнамент нехарактерен для всех форм лепной посуды. Обнаружено всего пять фрагментов, украшенных отпечатками гребенки по венчику (1 экз.), сдвоенными пальцевыми вдавлениями (2 экз.), серповидным налепом по плечу (1 экз.) и прочерченными пересекающимися линиями по тулову (3 экз.). Подчеркнем, что все перечисленные виды орнаментации связаны с индивидуальными формами посуды, не вошедшими ни в одну из выделенных нами групп (рис. 74, 2, 7; 87, 1; 96, 6; 97, 6; 127, 3).

Лепная посуда представлена тремя категориями: горшками, мискообразными сосудами и сковородами. Горшки разделены на шесть групп на основании различий в форме венчика, профилировки плеча и тулова. Пропорции сосудов почти у всех групп едины: высота сосуда чаще всего на 1,5—2 см меньше максимального диаметра, приходящегося на плечевую часть.

I группа. Вариант А. Горшки с банкообразным туловом, ребристым плечом и вертикальным высоким венчиком с горизонтально срезанным краем (рис. 9, 1). **Вариант Б.** Горшки с конусовидным туловом, ребристым плечом (ребро образовано защипом) с коротким венчиком (рис. 9, 2).

II группа. Сосуды с округло выпуклым плечом и прогнутыми стенками, которые сначала идут на конус, а затем почти вертикально опускаются ко дну. Венчик вертикальный, очень короткий с закругленным краем (рис. 9, 3, 4).

III группа. Горшки с резко изогнутым плечом, иногда слегка приподнятым, у большей части сосудов венчик удлинен и, как правило, отклонен наружу. **Вариант А** (рис. 10, 4, 5). **Вариант Б** (рис. 10, 1, 6). Некоторые сосуды варианта Б имеют срез ножом по краю венчика (рис. 10, 1).

IV группа. Сосуды с округлым пологим плечом, конусовидным туловом и коротким вертикальным венчиком с горизонтальным срезом по краю (рис. 10, 2, 3).

V группа. Слабопрофилированные сосуды с банкообразным туловом, довольно широким дном, с коротким вертикальным или резко отклоненным наружу венчиком (рис. 11, 1, 2, 3).

VI группа. Сосуды с эсвидным профилем, с отогнутым наружу хорошо выделенным венчиком, конусовидным туловом (рис. 11, 4—9). У части сосудов венчик имеет кососрезанный край — **вариант А** (рис. 11, 5). Пропорции горшков этой группы более вытянутые по сравнению с остальными. Наблюдаются случаи даже значительного превышения высоты сосуда над его максимальным диаметром — **вариант Б** (рис. 11, 6, 7). У **варианта В** сосуды имеют менее выраженную профилировку (рис. 11, 8, 9).

Мискообразные сосуды имеют коническую форму, широко раскрытое устье, максимальное расширение по венчику. Высота их меньше диаметра венчика в 1,5—2 раза. Венчик и плечики либо слабо выделены, либо повторяют профилировку сосудов I и II групп (рис. 74, 6;

75, 3; 77, 8, 9; 79, 1; 87, 1; 127, 1). **Сковороды** плоские круглые, с максимальным утолщением в центре и невысоким вертикальным бортиком. Чрезвычайно редкая форма, в коллекции Городка известно всего три фрагмента (рис. 126, 6). Так же редки и **миниатюрные сосудики**, не выделенные нами в особую группу, так как они повторяют профилировку крупных горшков, обычно, группы III и VI (рис. 35, 3; 69, 4; 105, 6; 107, 5; 111, 3; 120, 9).

Поскольку все фрагменты придонных частей лепных сосудов несут следы только донно-емкостной программы конструирования по способу спирально-жгутовой лепки (рис. 7, 4, 9—13), то можно говорить о субстратной однородности технических традиций для всех групп и форм лепной керамики поселения. Они так же едины и в хронологическом отношении, о чем свидетельствует встречаемость сосудов различных категорий и групп в заполнениях ям, стратиграфически выделенных пластах культурного слоя, в предметериковой ненарушенной его части. Следует выделить, с одной стороны, формы, сохранившие древние традиции формовки тулова и приемы профилировки венчиков (группы II, IV, V), а с другой — новые для лепной керамики явления, связанные с влиянием гончарного круга. Известная стандартизация сосудов группы VI, повторение ими профилировки гончарной посуды, наличие по краю венчиков среза, сделанного гончарным ножом (группы III и VI), — все эти признаки обычно прослеживаются на лепной керамике, уже сосуществующей с гончарной продукцией.

Процентное соотношение сосудов различных групп выявляет ведущие формы лепного керамического комплекса Городка. Это прежде всего горшки VI группы (около 38,2%), затем III (около 27,6%) и II (15,2%) групп. Доля каждой из остальных групп составила не более 9,8% (табл. 4). Обращает на себя внимание тот факт, что меньшая доля приходится как раз на группы, сохранившие более древние традиции в профилировке (группы I, IV, V).

Ведущие формы находят аналогии в посуде длинных курганов Смоленщины и Полоцкого Подвинья (Шмидт, 1963в. С. 184, рис. 4; Седов, 1974б. Табл. 21, 22; Очерки..., 1972. С. 21, рис. 7), а также поселений, связанных с ними: в нижних слоях Витебского Нижнего замка и Полоцкого городища, поселений на Менке и в Лукомле (Штыхов, 1978. С. 8, рис. 2; Очерки..., 1972. С. 79, рис. 26; Плавинский, Штыхаў, 2006. С. 62—73; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 441, 443—446, 456, рис. 342, 2, 5; 344—347, 356, 4, 5; Еремеев, 2015. С. 104—107, рис. 70—73). Такая же по профилировке керамика характерна для круглых и четырехугольных курганов IX—X вв. в Новоселках, Рудне, Глинищах, Старом селе под Витебском (Шмидт, 1963б. С. 118, рис. 14; Ляўданскі, 1930. С. 118, табл. V, 11, 12, 14, 15, 18, 22; Очерки..., 1972. С. 22, 26, рис. 9, 1—4). По сути, единый комплекс с Городком составляет керамика целого ряда длинных и круглых курганов IX—X вв. бассейнов верхнего течения рек Великой, Западной Двины, Волги: Торопецкий, Березовецкий, Шихинский, Казихинский могильники (Корзухина, 1964. С. 303, табл. 3, 3; Успенская, Отчет, 1970. Р-1. № 4234, 4234а; Отчет, 1972. № 4878, 4878а; Фехнер, Отчет, 1965, 1966. № 3258, 3258а; Мальм, Фехнер, 1969. С. 159—188, рис. 7; Седов, 1969. С. 94, рис. 41, 10). Лепная посуда, сохраняющая традиции культуры длинных курганов, в этих районах нередко встречается в курганных погребениях даже XI в. в Березовецком могильнике, Грицково,

Пикуново, Горбуновских курганах, Черневичах (Успенская, Отчет, 1970. Р-И. № 4234, 4234а; Отчет, 1972. Р-И. № 4878, 4878а; 1971. С. 254—257; Седов, 1971. С. 57, рис. 16, 5; Sihak-Holubowiczowa, 1939. S. 419—455).

Раннегородские центры — Псков, Гнёздово, Полоцк, Витебск, формирование которых происходило в зоне распространения длинных курганов, дают лепную керамику, чрезвычайно близкую не только ведущим формам, но и аналогичную сосудам малочисленных групп Городка. Весьма результативным было сравнение лепной керамики Городка с лепными формами Пскова и его округи, а также Гнёздовского археологического комплекса (селища, могильника).

Значительную часть (78 %) набора гнёздовской лепной посуды представляет керамика, аналогичная II—IV, VI группам Городка. А в серию слабопрофилированных сосудов Гнёздова входит не более 16 % лепной посуды (Спицын, 1905. С. 65, рис. 126, 2; Пушкина, 1973. С. 87—92)²³. 5,2 % такой же керамики в Городке (V группа) объясняются, по-видимому, не столько хронологическими различиями, но индивидуальными особенностями каждого из этих памятников. К этому можно добавить, что гнёздовская лепная посуда в подавляющей своей массе орнаментирована насечками, ногтевыми, пальцевыми вдавлениями, отпечатками гребенчатого и веревочного штампов как по краю венчика, так и по плечикам, что совершенно нехарактерно для Городка на Ловати. В этом отношении керамика Городка стоит гораздо ближе к комплексам Пскова, Камно и Изборска (Белецкий, 1977. С. 92—95, рис. 1, 2; 1978. С. 60, рис. 3; Седов, 2007. С. 78—80, 83, 196, рис. 58—61, 63, 213; Лопатин, 2007. С. 219—221, рис. 3—4).

Вообще, при сравнении с Псковом и его округой получаем картину несколько иную, чем в случае с Гнёздовом. Прежде всего обращает на себя внимание группа реберчатых сосудов (группы I-A, I-B), которая является общей характерной чертой для памятников Псковщины и Городка, но практически отсутствует в Гнёздове. Сосуды групп II, V, VI-B также имеют полные аналогии во всех трех псковских центрах. Причем процентное соотношение форм, аналогичных группам I, V, VI-B, в этих центрах также достаточно близко тому, что мы имеем в Городке на Ловати. Формы, близкие керамике Городка по группе VI-B, в Пскове, Изборске, Камно имеют гораздо более представительные серии. Они составляют, по сути, основу керамического комплекса этих памятников VIII—X вв., например, до 52 % в Изборске (Седов, 1978. С. 64; Лопатин, 2006. С. 106, табл. 1). Не исключено, что наблюдаемые различия в количественном соотношении рассматриваемых групп керамики Городка и Псковщины определяются временным фактором. Культурные отложения с посудой ручной лепки на Камно датированы не позднее самого начала X в. (Плоткин, 1974. С. 13—16). В Изборске лепная керамика существует вплоть до конца X в. (Лопатин, 2007. С. 217—231). В самом Пскове удалось в результате тщательного источниковедческого анализа и дополнительных полевых наблюдений выявить культурно-стратиграфический

²³ Фонды ГЭ ОАВЕС. Материалы раскопок И. И. Ляпушкина 1967—1968 гг.; Фонды Смоленского исторического музея. Материалы раскопок Д. А. Авдусина 1949—1954 гг., рисунки В. А. Булкина. Подсчеты процентного соотношения сделаны по публикации Т. А. Пушкиной (Пушкина, 1973. С. 87—92).

горизонт X в., который, по мнению С. В. Белецкого, содержал не лепную керамику, а «предкруговую», которая повторяла формы «примитивно-круговой» (Белецкий, 1980. С. 3—18; 1983. С. 46—82, 57, рис. 10, 77—78). Таким образом, набор лепных да и раннегончарных форм Пскова выглядит значительно обедненным по сравнению с керамическим комплексом Городка этого же времени²⁴.

Подводя итог сравнительному анализу лепной керамики раннегородских центров в ареале культуры длинных курганов, можно сказать, что набор лепных форм Городка занимает промежуточное положение между гнёздовским комплексом лепной посуды и керамикой Пскова, Камно, Изборска. Маргинальность комплекса Городка, безусловно, определяется пограничным положением нашего памятника по отношению к смоленско-полоцкой и псковской группам длинных курганов.

В отношении ранних предгородских образований в Поволховье (Старая Ладога, Рюриково городище, ранний Новгород) можно утверждать следующее. Поскольку эти центры формировались на базе культуры сопки, их комплексы лепной керамики характеризуются иным сочетанием форм, иной структурой. Хотя каждая из выделенных нами групп лепных сосудов Городка дает серию на любом из этих памятников, серии эти не равноценны в количественном, а иногда и в качественном отношении. Так, в Старой Ладоге, ее ближайшей округе, в сопках и на поселениях культуры сопки, а также в нижних слоях Новгорода и на селищах его округи последней четверти I тыс. присутствуют сосуды, аналогичные горшкам I-A, II—V групп Городка, но все же реберчатые формы (группа I-A) являются здесь преобладающими и более многовариантными, имеют иные пропорции (Фонды ГЭ ОАВЕС. Материалы раскопок Старой Ладоги 1947—1949 гг.; Станкевич, 1951. С. 219—246, рис. 1; Смирнова, 1976. С. 5, рис. 2; 6, рис. 3; Орлов, Аксенов, 1961. С. 161—168; Орлов, 1972. С. 127—138; Носов и др., 2005. С. 74—81, 122—154, 220—230, табл. 48—58. С. 321—329, табл. 149—157. С. 338—339, табл. 166—167. С. 349—357, табл. 177—185; Сениченкова, 2011. С. 214, рис. 1, 2). Именно они определяют общее развитие комплекса, именно эти формы являются характерными для Рюрикова городища, его округи, Старой Ладоги на протяжении всей истории их существования. А в Городке данная группа керамики составляет не более 3 % от всей массы лепной посуды.

Структура комплекса лепной керамики Городка на Ловати такова, что для нее характерны устойчивые связи с Псковом, его округой, а также абсолютное преобладание форм, типичных для смоленско-полоцкой группы длинных курганов. И в этом отношении она составляет единое целое с обширным этнокультурным регионом, охватывавшим в VIII—X вв. северо-восточную часть ареала культуры длинных курганов (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 283, 287, 290,

²⁴ Но если учесть, что производительность гончаров, работавших на примитивном круге, иногда даже уступала производительности изготовителей лепной керамики (Бобринский, 1978. С. 29, 30, табл. 2, 3; С. 33, рис. 5), то в силу этого предгончарная и раннегончарная посуда не могла существовать в чистом виде без примеси лепной керамики. Поэтому мы считаем, что в Пскове культурно-стратиграфический горизонт X в. содержал также и лепные формы, характерные для IX в. Подтверждение этому находим в сделанных С. В. Белецким полевых стратиграфических наблюдениях (Белецкий, 1978. С. 60, 62, рис. 3, VI, V).

292, 293, 339—341, рис. 260, 1; 263, 1—9; 266, 1; 268, 1; 269; 306, 1; 311; 312; 422—424, рис. 335—337), включая наличие горшка с ребром в качестве устойчивого признака (Там же. С. 241—342, рис. 213, 12; 216, 3; 219, 2, 3; 220, 5; 272, 1—4; 307, 1; 313, 7—9).

Раннегончарная керамика

На изготовление раннегончарных сосудов, составлявших 49,2 % от всего керамического комплекса селища и 65,6 % — городища в X — начале XI в., шла формовочная масса, по составу примесей идентичная той, что употреблялась для лепной керамики. Следует лишь отметить большую плотность ее структуры и больший разброс видовых и подвидовых признаков (Бобринский, 1978. С. 109—110). Увеличивается процент более крупных частиц дресвы, степень насыщенности глины дресвой слегка уменьшается, изредка встречаются фрагменты совсем малонасыщенные (6 частиц в 1,5—2,0 мм на 1 кв. см).

При технологическом анализе раннегончарных сосудов установлены следующие приемы их лепки: из комка глины на твердой поверхности выдавливалась лепешка, служившая дном сосуда (начин донный, монолитный, мелкий доэлементный) (рис. 8, 2, 4, 6, 7, 9, 11; фото 14, 4, 5), а затем наращивалось тело из жгутов спиральным налепом (рис. 8, 1, 3—5, 8—11). Диаметр жгута в зависимости от размеров сосуда колеблется от 1 до 3 см.

Часть раннегончарной посуды Городка (см. ниже группы I-A, II, III) по технологическим признакам использования гончарного круга занимает промежуточное положение между вторым и третьим этапами его развития (РФК-2 и РФК-3, по терминологии А. А. Бобринского)²⁵, а часть полностью соответствует этапу РФК-3²⁶. Для сосудов с признаками промежуточного РФК-2/РФК-3 характерно использование круга для среза края венчика, а также обтачивания ножом только верхней трети сосуда по наружной и внутренней поверхностям и последующего машинного заглаживания всей или части внешней поверхности, изнутри сосуд ниже верхней трети несет следы только ручного заглаживания, которое часто бывает небрежным. У сосудов уровня РФК-3 налицо признаки использования круга для частичного профилирования венчика и верхней части посуды, при этом на венчике зачастую образуются наплывы, верхние и нижние отяжки, канелюры. В отличие от предшествующих уровней развития функций гончарного круга, машинной обработке (обточке и заглаживанию) подвергается в обязательном порядке на всю высоту не только внешняя поверхность сосуда, но и внутренняя (Бобринский, 1978. С. 27, 42—51). Только два сосуда с признаками уровня РФК-3 можно было связать с комплексом раннего периода существования Городка (рис. 159, 6, 7)²⁷. В раннегончарной посуде выделено три основные категории: горшки, мискообразные сосуды

и маломерные сосудики. Горшки разделены на пять групп с учетом общих пропорций сосудов, формы тулова, плеча и профилировки венчика.

I группа (РФК-2/РФК-3). *Вариант А* — горшки эсовидной профилировки, с обточенными на гончарном круге туловом и венчиком. Высота их на 1,5—3 см превышает либо равна диаметру наибольшего расширения тулова, которое приходится на плечики. Венчик длинный, плавно отогнут наружу. Сосуды этой группы орнаментированы одинарной волной, идущей по плечу в два ряда. Иногда такая волна заключена между двух горизонтальных линий (рис. 12, I-A). *Вариант Б* в отличие от предыдущего варианта имеет суженную горловую часть, при этом сохраняет длинный слабо отогнутый наружу венчик, край которого закруглен. Орнаментирован различными комбинациями гребенчатого и треугольного штампов (рис. 12, I-B; 29, 8). *Вариант В* обладает менее вытянутым туловом, диаметр венчика равен высоте сосуда. Эсовидность профилировки слабо выражена. Венчик укороченный, плавно отогнут, с прямым срезом. Сосуды этого варианта имеют линейно-волнистый орнамент, покрывающий его верхнюю треть (рис. 12, I-B). *Варианту Г* присуще выпуклобкое тело с покатым плечом и хорошо выраженной шейкой, отогнутый наружу короткий венчик, край которого имеет прямой срез, закругление или легкий канелюр. Орнаментация этого варианта разнообразна. Помимо линейно-волнистой разновидности на плечо нанесен ряд косых глубоких длинных канелюров-насечек, присутствует гребенчатый штамп (рис. 12, I-Г). *Вариант Д* имеет приземистые пропорции: наибольший диаметр сосуда, равный его высоте, приходится на выпуклые плечи. Шейка обозначена резким изгибом, короткий венчик иногда почти вертикальный, но чаще отогнут наружу, имеет прямой срез. В некоторых случаях при срезе, с наружной стороны, по краю венчика образуется легкий наплыв-карниз. Сосуды этого варианта орнаментированы скудно зоной линейного орнамента по плечу, иногда орнамент вообще отсутствует (рис. 12, I-Д).

Классификационно-хронологическое членение раннегончарного материала X в. Рюрикова городища, Новгорода и Старой Ладogi, проведенное с привлечением дендродат, позволяет аргументированно определить хронологические позиции для вариантов I группы Городка на Ловати (Носов и др., 2005. С. 82—121; Горюнова, 2009. С. 132—140). Горшки *варианта I-A* по своим признакам: слабо выраженное плечо, слегка отогнутый наружу длинный венчик с прямо срезанным краем, слабо изогнутая шейка — могут быть сопоставлены с типом I-A Рюрикова городища. Подавляющая часть такого рода сосудов обнаружена в слоях первой половины X в., хотя отдельные фрагменты были встречены также и в наслоениях второй половины X в. (Носов и др., 2005. С. 232, табл. 60, 1, 2, 8; 240, табл. 76). Хорошо датированные аналогии такого типа найдены в Новогрудке в комплексе третьей четверти X в. (Малеvская-Малеvич, 2005. С. 61, 4). *Вариант I-B* по суженной горловине и наличию гребенчатого штампа в орнаментации не имеет аналогий на раннегородских поселениях Северо-Западной Руси, лишь только сосуд из серии особых форм Псковского некрополя (погребение 45) оказывает ему некоторую близость. По своим хронологическим позициям в могильнике он относится к ранней группе керамического материала, которая датирована третьей четвертью X в. (Горюнова, Малышева, 2012. С. 100, 241, табл. XXVII, 2, 3).

²⁵ Посуда с признаками РФК-2 (развитие функций гончарного круга второго этапа) имеет следы как машинного, так и ручного заглаживания; причем машинное заглаживание некачественное, часто не скрывает следов ручной лепки и за пределы венчика и плеча не распространяется.

²⁶ Посуду, изготовленную с использованием гончарного круга в качестве поворотного столика (РФК-1) или инструмента для частичного заглаживания поверхностей (РФК-2), выделить на поселении Городок с достаточной степенью достоверности не удалось.

²⁷ В общую классификационную схему они не вошли в силу их малочисленности.

Более точная аналогия, правда с обычной линейной орнаментацией, обнаружена в Новогрудке в комплексе третьей четверти X в. (Малеvская-Малеvич, 2005. С. 32, рис. 8, 6; 61, 1). Укороченный венчик *варианта I-B*, при наличии прямого среза и сохранении маловыраженной профилировки тулова (невыведенное плечо, слабо изогнутая шейка), позволяет соотнести его со вторым этапом развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища, который по дендрохронологии начинаясь после середины X в. завершается около 979 г. (Носов и др., 2005. С. 95). Сосуды *варианта I-Г* по хорошо выраженному плечу, короткому отогнутому наружу венчику, на срезе которого изредка появляется легкий канелюр, можно сопоставить с типом I-B Рюрикова городища. Посуда данного вида, согласно дендрохронологии, появляется в третьей четверти X в. и существует всю последнюю четверть этого века (Там же. С. 268, табл. 96, 4; 277, табл. 105, 7; 286, табл. 108, 4). Посуде варианта I-Г по своей профилировке, но не по пропорциям, близок также горшок из погребения 3 Псковского могильника. Погребение относится к последней четверти X в. (Горюнова, Малышева, 2012. С. 100, 110, табл. 3; 216, табл. II). Для *варианта I-Д* время существования определяется по аналогиям из материалов Рюрикова городища последней четвертью X в. (Носов и др., 2005. С. 246, 247, табл. 74, 4, 5; 75, 1, 4; 248, табл. 76; 257, табл. 85, 3, 4; 259, табл. 87, 6; 267, табл. 95, 5, II). Параллель можно провести также и с горшком типа VI-б Псковского могильника, принадлежащим позднему типологическому пласту развития форм сосудов этого памятника конца X — начала XI в. (Горюнова, Малышева, 2012. С. 292, табл. LXXX-a, 6, 7).

Итак, I группа по особенностям профилировки верхней половины сосудов может быть разделена на два хронологических комплекта. Самый ранний, связанный с вариантами I-A, I-B, I-B, формируется в рамках второй и третьей четверти X в. Более поздний начинает формироваться в третьей четверти X в. (может быть, в ее конце) и существует всю последнюю четверть X в. Все приведенные аналогии подчеркивают особенности типологического развития эовидных форм Городка на Ловати, отличающие их от таких же сосудов других центров Северо-Западной Руси. Первое: мы почти не приводим аналогий из Новгорода. Второе: для вариантов I-Г (?) и I-Д, которые сопоставлялись с гончарной продукцией Рюрикова городища последней четверти X в., совершенно не свойственны наличие огранки венчика, намечающиеся оттяжки по его краям, крайне редко наблюдается карнизик-наплыв. Подобная архаичность в оформлении края венчика характерна также и для комплекса форм Псковского могильника (Горюнова, Малышева, 2012. С. 100). Есть всего несколько сосудов, не вошедших в классификационную схему в силу своей малочисленности, у которых край венчика оформлен намечающимися оттяжками и выступами и которые связаны с закрытым комплексом раннего периода существования Городка. Это два сосуда из сооружения 34 на селище (рис. 159, 6, 7) и несколько фрагментов из гумусированной песчаной линзы, перекрывающей предматериковую часть культурного слоя над сооружениями 10, 12, 12-а, 13, 14 (рис. 37, 1, 2, 8). Они имеют четко выраженные параллели в материалах конца X — начала XI в. Новгорода и последних десятилетий X в. Рюрикова городища (Носов и др., 2005. С. 233, табл. 61, 5, II; 260, табл. 88, 1, 2; 284, табл. 112, 5, 7; 285, табл. 113, 1, 4).

II группа (РФК-2/РФК-3) объединяет биконические сосуды с хорошо выраженным изломом стенок на середине высоты и в верхней трети, принимающим часто характер ребра. Венчик очень короткий, слегка отогнут наружу. Диаметр горловины значительно больше диаметра дна и обычно равен высоте сосуда. Орнамент идет зоной, начиная от края венчика, и представляет собой горизонтальные линии (рис. 13, А). По своим типологическим признакам раннегончарная керамика группы II находит соответствия на территории Германии и Польши. По обе стороны Одера, от Нижней Лужицы до южной Великопольши на поселениях и так называемых круглых городищах распространена посуда торновского типа (Herrmann, 1966. S. 71, Abb. 25, c, d; 68, Abb. 23, c, f; 68 Abb. 23, a, b, d, g; Taf. 17, b; 19, b). Й. Херманн в свое время при публикации опорного памятника, Торновского городища, предлагал неоправданно раннее начало бытования памятников с таким типом посуды — с VII в. (Ibid. S. 116—117)²⁸. В настоящее время начало изготовления посуды типа Торнов определено с помощью дендродат: она появляется на исходе IX в., активно используется весь X в. (Henning, Neußner, 1992. S. 314—324; Kempke, 2001. S. 240). Городок на Ловати — единственный памятник Северной Руси, на котором присутствуют сосуды торновского типа классической формы.

III группа (РФК-2/РФК-3) включает в себя горшки со вздутым в верхней трети туловом, чуть намеченным, наклоненным вовнутрь венчиком, край которого несколько оттянут наружу, имеет прямой срез. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть сосуда. Диаметр горловины значительно больше диаметра дна и приблизительно равен или немного меньше высоты сосуда. Орнамент однообразен — горизонтальные бороздки, покрывающие только плечо на 1,0—1,5 см ниже края венчика (рис. 14, А). Сосуды III группы Городка своей профилировкой полностью повторяют западнославянскую керамику так называемого фрезендорфского типа (Schuldt, 1956. S. 17—22, 25—30, 53—97; Weselowski, 1957. S. 330—339; Leciejewicz, 1959. S. 133—143; Cnotliwy, Rogosz, 1970. S. 131—144). Она имеет те же пропорции, ту же профилировку тулова и венчика и подобную, хотя и несколько более разнообразную, орнаментацию (ряд 3, по Э. Шульту; Schuldt, 1956. Abb. 40, e, g, h; Abb. 41, c; Abb. 42, b, c, d). Ареал ее распространения ограничен островом Рюген и прилегающей к нему частью побережья Балтики. Восточнее Одера встречаются лишь отдельные экземпляры. В отличие от фельдбергских сосудов, горшки типа Фрезендорф полностью обработаны на гончарном круге. Изготавливались они параллельно с менкендорфским типом. Нижняя и верхняя хронологические границы фрезендорфского типа размыты в силу неопределенного типологического отделения его как от предшественников, так и от наследников. В связи с тем что момент смены Фельдберга Фрезендорфом типологически четко не определяется, в немецкой археологии дискутируется вопрос: не следует ли считать данную форму территориальным вариантом Фельдберга (предшественник Фрезендорфа), который имеет более длительную историю, чем основной тип? В польской литературе эта посуда однозначно определяется в качестве типа Волин. На террито-

²⁸ В 1977 г. в статье, посвященной западнославянским материалам Городка на Ловати, мною было высказано сомнение в столь растянутой датировке Торнова (Горюнова, 1977. С. 55—56).

рии Польши она распространяется параллельно с типом Менкендорф, уступая ему в процентном соотношении. Посуда фрезендорфского типа наиболее часто начинает употребляться с первого десятилетия X в. (или около рубежа IX—X вв.). Немецкие авторы считают, что верхняя хронологическая граница Фрезендорфа неопределенна, поскольку к XI в. он трансформируется в сосуды типа Вардер и Бобцин, многие варианты которых не всегда четко отделимы от прародителя. Польские археологи по материалам Волина (раскоп 8-Порт) определяют ее более четко — серединой XI в. (Donat, 1987. S. 245—247; Kempke, 2001. S. 241; Stanisławski, 2001. S. 150—153)²⁹.

В материалах Северо-Западной Руси фрезендорфский тип представлен двумя вариантами. *Первому варианту* принадлежат классические западнославянские экземпляры, сочетающие линейно-волнистый орнамент с валиками, наколами и штампами (ряд 2, по Э. Шульдту). Они известны в предматериковых отложениях Неревского раскопа Новгорода, в погребении кургана 1 могильника Боково и в слое конца X в. стратиграфического раскопа 1977—2000 гг. Рюрикова городища (Носов и др., 2005. С. 254, табл. 82, 3; 289, табл. 117; 291, табл. 119, 2). *Второй вариант* представлен сосудами с бедной линейной орнаментацией, лишенной валиков, наколов и штампов (ряд 3 по Э. Шульдту). Именно этот вариант фрезендорфских сосудов и присутствует в Городке на Ловати. Один фрагмент данного варианта известен в переложенных слоях горизонта Д Старой Ладоги (Там же. С. 303, табл. 131, 4). Серия подобных сосудов из неопубликованного материала с острова Рюген мне известна по зарисовкам В. Лосиньского³⁰.

IV группе (РФК-2/РФК-3) принадлежат широко раскрытые горшки с наибольшим расширением в плече, резко сужающиеся ко дну. Венчики с прямым или косым срезом, не выделены, либо вертикальны, либо слегка наклонены внутрь. Плечо имеет плавный излом в верхней трети сосуда, выше излома идет зона линейного орнамента (рис. 15, 1—4). В эту же группу включен единственный сосуд, не совсем соответствующий вышеприведенным признакам. Он отличается слабой профилировкой, венчик выделен и едва отклонен наружу, более округлый изгиб тулова располагается ближе к середине высоты сосуда. В его орнаментации сочетаются горизонтальные линии и одиночная волна (рис. 15, 6). Соответствия типологическим признакам основной массы сосудов группы IV Городка (рис. 15, 1—4) среди материалов Северной Руси существуют только на поселении Гнездилово в Суздальском Ополе (Горюнова, Лапшин, 2004. С. 58, рис. 2, 1). Основной ареал распространения такой керамики находится на территории западных славянских племен в комплексах, связанных с менкендорфским типом. Он охватывает северные округа Германии (Ной Бранденбург, Росток, Шверин) и всю западную часть польского Поморья (районы городов Щецин, Волин, Колобжег и бассейна р. Парсенты). Западнославянские мастера посуду этой типологической группы изготавливали с середины IX в. и до середины XI в. Расцвет ее производства падает на X в. В немецкой археологической литературе дискутируется нижняя дата данной

группы. Отдельные исследователи считают, что в районе Мекленбурга проявления менкендорфского типа можно проследить уже в VIII в. Эсовидные формы Менкендорфа зачастую неотличимы от некоторых форм Фельдберга (Kempke, 2001. S. 239). Эта особенность ярко проявляется на материалах поселения Гросс-Раден, которое функционировало на исходе IX в. и весь X в. Э. Шульдт, публикуя его коллекцию, выделил три группы форм Менкендорфа: баночные горшки с невыделенным венчиком (форма 1); сосуды с изломом в верхней трети или на середине высоты, имеющие вертикальный или слегка отогнутый наружу венчик (форма 2), и сосуды с эсовидной профилировкой (форма 3). Каждая из групп имела три варианта пропорций (Schuldt, 1981. S. 15—19). Польские археологи выделяют значительно более длинный ряд типологических групп (Łosiński, Rogosz, 1986. S. 32, рис. 4). Многообразие форм, длительный период существования, обширный ареал распространения, отсутствие разработок, посвященных относительной типохронологии данного вида керамики, — все это весьма затрудняет атрибуцию сосудов на нашей территории.

В качестве аналогий для основной массы сосудов группы IV Городка на Ловати (рис. 15, 1—4) соответствующим горшки второй формы Менкендорфа, по Э. Шульдту (Schuldt, 1981. S. 95, Taf. 15, a, d; 102, Taf. 22, d; 111, Taf. 31, h; 134, Taf. 54, f; 135, Taf. 55, b, 136, Taf. 56, a, d; 163, Taf. 83, XXI-49; Kempke, 1984. Taf. 13, 1—4; 15, 5, 7, 14). Целая серия достаточно полных аналогий присутствует на памятниках Северной Польши (Łosiński, 1972. S. 42, rys. 6, V H-j; Łosiński, Rogosz, 1983. S. 36, rys. 26, 6; 101, rys. 87, 1, 3; 209, rys. 178, III; 1986. S. 32, rys. 4, IV; Cnotliwy et al., 1986. S. 91, rys. 7, 9; S. 99, rys. 17, 5; S. 105, rys. 27, 1; Cnotliwy, 1986. S. 162, rys. 3, II, IV, V). Для сосуда со слабой профилировкой из группы IV (рис. 15, 6) в качестве аналогий мы имеем не очень многочисленную, но компактную группу сосудов Рюрикова городища типа III-A, которые были обнаружены в слоях с дендродатами первой половины X в. (Носов и др., 2005. С. 242, табл. 70, 4, 7; 71, 3, 4; 73, 4; 248, табл. 76). На других памятниках Северной Руси такого рода сосуды неизвестны, но они широко распространены на территории Польского Поморья опять же в типологической группе Менкендорф. Особенно близкий набор форм происходит с памятников Занток, Щецин, Лозино, Потенгово (Там же. С. 88, 90, 248, табл. 76).

V группа (РФК-2/РФК-3) объединяет приземистые мисковидные сосуды с выраженным ребром в верхней трети высоты сосуда. Наибольший диаметр совпадает с диаметром венчика и ребра, превышает высоту сосуда примерно на 2—3 см. Венчик плавно отогнут наружу, имеет прямой срез по краю. Орнаментирован только один экземпляр этой группы многорядной несколько спутанной волной (рис. 15, 5). Аналогии для данной керамики присутствуют среди третьей формы Менкендорфа, по Э. Шульдту. Удлиненная верхняя треть сосудов, отогнутый наружу венчик — все эти признаки характерны для поздних модификаций менкендорфской посуды, которые особенно распространены в польском Поморье (Cnotliwy et al., 1983. S. 36, rys. 26, 11; 42, rys. 31, 1, 4; 101, rys. 87, 4; Cnotliwy, 1986. S. 163, rys. 3, XXIX; Cnotliwy et al., 1986. S. 91, rys. 7, 10; Łosiński, Rogosz, 1986. S. 33, rys. 4, XXVII, XXX).

На территории Древней Руси немногочисленные аналогии реберчатой менкендорфской форме Городка на Ловати можно найти среди посуды типа II-Г Рюрикова городища,

²⁹ Б. М. Станиславски в своих выводах о датировке фрезендорфской посуды опирается помимо стратиграфических наблюдений на данные дендрохронологии и анализа по С14.

³⁰ На рис. 14, 3 для сравнения представлен сосуд с острова Рюген, рисунок которого любезно предоставил мне В. Лосиньский из своего архива.

где они присутствуют в слоях последних десятилетий X в. В Новгороде известен единственный фрагмент такой формы. Он обнаружен в пласте 19 Троицкого X раскопа с самой поздней дендродатой 964 г. (Носов и др., 2005. С. 234, табл. 62, 5, 6; 255, табл. 83, 4; 279, табл. 107, 7; 290, табл. 118, 2).

В заключение характеристики западнославянских форм керамики Городка на Ловати следует остановиться еще на одном важном моменте. В его керамической коллекции существуют сосуды, которые можно определить в качестве отдаленных реплик или гибридных форм. Такая посуда представлена намного большим числом фрагментов, чем исходные экземпляры. Часть гибридных форм, например, торновско-менкендорфские гибриды (рис. 13Б, 5—8), могла образоваться на исходной территории. В немецкой литературе есть работы, в которых такого рода раннегончарная керамика представлена. Посуда торновского типа на многих памятниках Северо-Восточной Германии сопровождается менкендорфскими формами, что зачастую приводило к возникновению нескольких вариантов торновско-менкендорфских гибридов. Особенно широко были распространены гибридные формы в Полужье на северном пограничье ареала торновского типа (Heitmann, 1968. S. 55, 56, Abb. 22, d, g; 25, d; 28, g, i; 29, g). Но совершенно ясно, что гибридные формы и реплики возникали также в результате неудачных подражаний местных гончаров западнославянским образцам, в том числе и гибридным формам. Среди керамики Городка присутствуют реберчатые формы, которые явно появились под влиянием торновских сосудов (рис. 77, 2, 4; 105, 2; 115, 7), у них слегка искажены пропорции (ребро перемещается ближе к венчику), появляется выраженное утолщение шейки, орнаментированы они чаще волной. Есть сосуды, которые можно считать переходными к эсвидной форме (рис. 131, 2; 138, 2). Кроме Городка на Ловати отдаленные реплики торновских сосудов и торновско-менкендорфские гибриды представлены чрезвычайно малым количеством фрагментов в керамических коллекциях Рюрикова городища (Носов и др., 2005. С. 234, табл. 62, 3, 4; С. 244, табл. 72, 1; С. 252, табл. 80, 6). В некоторых случаях мы можем лишь предполагать, что появившиеся ребра в профилировке сосуда, возможно, было связано с влиянием торновских форм (Там же. С. 244, табл. 72, 6; 278, табл. 106, 3). Датируются такие сосуды на Рюриковом городище последними десятилетиями X в. В Старой Ладоге в горизонте Д известен один подобный экземпляр (Там же. С. 303, табл. 131, 7). Кроме того, в этом же слое присутствуют два фрагмента от торновско-менкендорфских гибридов (Там же. С. 300, табл. 128, 3; 303, табл. 131, 5).

Среди подражаний в материалах Городка на Ловати помимо торновско-менкендорфских форм можно указать на местные реплики Фрезендорфа (рис. 14, 4, 5; 16, 1—5, 8, 9; фото 14, 1) и фрезендорфско-менкендорфские гибриды (рис. 16, 6, 7; фото 14, 3). Реплики Фрезендорфа, в отличие от классических форм, получили несколько более открытую профилировку и приобрели черты мисковидных сосудов. Экземпляры таких сосудов, по сравнению с исходной формой, имеют более грубую выделку, более толстые стенки, менее плотное тесто. Подражания фрезендорфским формам в Городке присутствуют в достаточно большом числе. Фрезендорфско-менкендорфские гибриды представлены фрагментами всего от двух сосудов, причём один из них (рис. 16, 6) образовался явно за пределами этого поселения, так как он несет следы влияния

классической формы Фрезендорфа с псевдоваликовой и гребенчатой орнаментацией ряда 2, по Э. Шульдту. Эгих форм Фрезендорфа в Городке нет, но в Новгороде и на Рюриковом городище они присутствуют в слоях последних десятилетий X в. (Носов и др., 2005. С. 104, табл. Б; 235, табл. 63, 1; 254, табл. 82, 3; 289; табл. 117). Наличие данной классической фрезендорфской формы привело к появлению и в Новгороде (в большей степени) и на Рюриковом городище (в гораздо меньшей степени) фрезендорфско-менкендорфских гибридных форм³¹. Одна из них (тип III-Г Рюрикова городища) дает типологически точную аналогию для вышеозначенной формы Городка на Ловати и может быть точно датирована последней четвертью X в.

Так же как и в случае с торновско-менкендорфскими гибридными формами, не исключено, что некая часть искаженных форм Фрезендорфа с бедной орнаментацией могла сформироваться на исходных западных территориях. Такого рода искажения, гибридные фрезендорфско-менкендорфские формы можно проследить в ряде керамических комплексов Польши: Горуньско, Уйсьце, особенно отчетливо в Сантоке и Щецине (Dymaczewska, 1970. S. 174—192, ris. 10—25; Filipowiak, 1955. S. 351, tabl. XLVII, 4a, 5c; Chnotliwy et al., 1967. S. 167, tabl. I, d; 118, tabl. II, y). Многочисленность керамики таких переходных вариантов позволяет связывать появление обеих групп на Городке с Западным Поморьем (нижним течением Одера после впадения в него Варты). Вышесказанное тем более вероятно, что самыми восточными точками в Польше, где были найдены сосуды фрезендорфского типа, являются Волин (Wilde, 1953. Tabl. Ib, II, III; Białecka, 1961. S. 293) и Колобжег (Leciejewicz et al., 1961. S. 63, 864, ris. 356).

Мискообразные сосуды. Эта категория посуды Городка на Ловати объединяет формы с максимальным диаметром, который приходится на плечо и превышает общую высоту на 5—7 см. Она разделена на две группы. Первая группа имеет эсвидную профилировку с линейно-волнистым орнаментом (рис. 29, 2, 5; 92, 2). Вторая — широко раскрытое устье, легкий излом на тулове, линейный орнамент либо одинарную волну (рис. 35, 13, 14; 36, 5; 38, 11; 63, 2, 12; 71, 3; 79, 3, 4, 6; 80, 8). Большая часть мисковидных сосудов принадлежит репликам Фрезендорфа или торновско-менкендорфским гибридным формам.

Маломерные сосуды представлены единичными экземплярами, которые обычно повторяют профилировку крупных форм (рис. 87, 3; 92, 4; 96, 3; 97, 4).

Как уже отмечалось, раннегончарная керамика Городка выступает в обязательном сочетании с лепной посудой. Это обычное явление для памятников X в., но процентное соотношение гончарных и лепных форм на каждом памятнике индивидуально, что определялось не только хронологией, но и местными особенностями. Мнение о разновременности внедрения гончарной керамики в материальную культуру различных памятников, хотя и высказывалось отдельными авторами начиная с 80-х гг. прошлого века, по-прежнему в нашей архологической литературе не превагирует (Спиридонов, 1985. С. 204; Лапшин, 1992. С. 53—56; Леонтьев, 1998. С. 151; Горюнова, Лапшин, 2004. С. 55; Торопов, 2003. С. 101; Горюнова, 2009. С. 132—133). Подобная разновременность, безусловно, определялась

³¹ Более подробно об этом см.: Носов и др., 2005. С. 89 (анalogии типу III-Г), 100, 101 (первая гибридная форма).

не только территориальными различиями (запад — восток), но прежде всего статусным (рядовым или военно-административным) положением того или иного поселенческого комплекса, его связью с торгово-промышленными и торгово-военными путями X в. При этом становилось ясно, что не только время появления гончарной керамики, но и степень «насыщения» этим ремесленным продуктом, и темпы вытеснения лепной посуды в обиходе даже близких по значимости центров были, по-видимому, разными.

Например, если сравнивать картину этих процессов в таких центрах как Старая Ладога, Рюриково городище, Новгород и Псков, то можно наблюдать значительные расхождения в процентном соотношении лепной и раннегончарной посуды в одни и те же периоды времени. На Рюриковом городище раннегончарная посуда появляется с рубежа IX—X вв., а в Старой Ладоге — между 20—30-ми гг. X в. Зато в Пскове первой половины X в. присутствие раннегончарной посуды пока вообще не зафиксировано (Носов и др., 2005. С. 114). В материалах Рюрикова городища первой половины X в. (5—11-й пласты стратиграфического раскопа 1977—1979, 1997—2000 гг.) она составила от 4 до 22,5 % (Носов, 1990. С. 62; Носов и др., 2005. С. 91, табл. А). Близкие показатели мы наблюдаем в Старой Ладоге: по Земляному городищу — от 3 до 24 % (Рябинин, 1985. С. 37, табл. 1) по Варяжской улице — от 10 до 25,6 % (Сениченкова, 2002. С. 41, табл. I, шт. 9—11).

Судя по материалам Пскова и Рюрикова городища, полное вытеснения лепной керамики даже после середины X в. не происходит. Например, для Рюрикова городища в слоях стратиграфического раскопа 1977—1979 гг. и 1997—2000 гг. с дендродатами от 944—947 гг. до 979 г. на долю раннегончарных сосудов приходится от 25 до 50 % (Носов, 1990. С. 58; Носов и др., 2005. С. 91, табл. А). В южной части Псковского кремля по результатам раскопок 1973—1974 гг. в слоях, сформировавшихся по дендродатам после середины X в., фрагменты предгончарной и примитивногончарной керамики сопровождаются фрагментами лепной. Если судить по опубликованным таблицам (Белецкий, 1978. С. 62, рис. 3, IV; 1996. С. 60), то, вероятно, картина соотношения лепной и раннегончарной посуды близка к той, что мы наблюдаем на Рюриковом городище³². В новгородских же слоях этого времени (доярский слой и 25—28-й яруса на Неревском раскопе от 953 по 989 г.) лепная посуда практически отсутствует, она представлена единичными фрагментами: от 0,42 до 4,21 % (Смирнова, 1976. С. 10; Носов, 1977. С. 11—12; Малыгин, Гайдуков, 2001. С. 160, рис. 1, 2)³³. На Рюриковом городище лишь в последней четверти X в. наблюдается полное преобладание раннегончарной посуды над лепной. Но последняя все же не была вытеснена полностью, на ее долю приходится от 16 до 25 % (Носов, 1990. С. 61; Носов и др., 2005. С. 91, табл. А). Лепная посуда в быту жителей Изборска до конца

X в. была единственной формой, а появление раннегончарной посуды зафиксировано, с небольшими оговорками, не ранее начала XI в. (Лопатин, 2007. С. 217—231).

Более того, на разных раскопочных площадках одного и того же памятника в близких по хронологии отложениях процентное соотношение лепной и раннегончарной посуды также может существенно отличаться. Например, на Рюриковом городище в раскопах 1977—1979 и 1997—2000 гг. доля раннегончарной посуды составила по 7-му пласту — соответственно 0,5 и 0 %, по 5-му пласту — 50 и 22,5 % (Носов, 1990. С. 54, 58; Носов и др., 2005. С. 91, табл. А). На результаты процентного соотношения влияют способ учета керамического материала, принципы выборки материала. Табл. 1 (см. Приложение 3) наглядно иллюстрирует колебания таких результатов на примере материалов Городка на Ловати в зависимости от того, велись ли подсчеты по описи или по полевым учетным записям, либо по самой информативной части сосуда — по венчикам. Таким образом, сам по себе факт наличия или отсутствия гончарной посуды на поселении с преобладанием в материале лепной керамики не может служить хронологическим признаком. Стремление процентное соотношение гончарной и лепной керамики в культурном слое или в отдельных комплексах поселений превратить в хронологический показатель себя не оправдывает. Но в качестве индикатора, свидетельствующего о процессе развития раннегончарного производства, соотношение лепной и раннегончарной посуды необходимо учитывать при характеристике материальной культуры каждого отдельно взятого памятника. И в рамках одной коллекции такое соотношение необходимо принимать во внимание для построения относительной хронологии развития керамического комплекса, не забывая при этом учитывать главный показатель — изменения в формах профилировки раннегончарных эсовидных сосудов, составляющих основу гончарного производства раннегородских центров Северо-Западной Руси (Горюнова, 2009. С. 132—141).

Преобладание лепных форм над раннегончарными группами характерно лишь для отдельных построек городища — см. постройки 2, 6 (табл. 2). В значительно разрушенных постройках 0 и 21 обнаружены только отдельные не поддающиеся реконструкции фрагменты лепной керамики. В остальных постройках достаточно высокий процент составляют раннегончарные сосуды: от 62,5 до 83,3 %. На селище приоритет лепной посуды более выразителен (табл. 3). В заполнении отдельных сооружений селища найдена только лепная посуда (9, 28, 29), в некоторых (2, 3, 8) перевес лепных сосудов бывает весьма значительным, до 75 %. Такой же перевес наблюдается и в угольных линзах на материке. Около трети сооружений (6, 10, 13, 14, 17/18, 19) содержит равное количество лепных и раннегончарных форм. Примерно такое же число сооружений селища имеют значительное преобладание раннегончарных форм либо содержат только раннегончарную посуду (4, 7, 26, 27, 15, 32, 34). При этом обращает на себя внимание, что на городище сосредоточено гораздо большее число западноевропейских сосудов, их реплик, подражаний и гибридных форм (80 экз.), чем на селище (44 экз.)³⁴.

³² Выводы относительно Пскова основаны на косвенных данных. Из публикации материала, например, Псковского городища не совсем ясно, какова доля раннегончарной посуды по отношению к лепной, так как автором процентные подсчеты делались по отношению ко всей совокупности публикуемого керамического материала. Приводимая С. В. Белецким цифра 18,8 % для лепной посуды из горизонта Ж раскопа Г. П. Гроздилова на посаде, по-видимому, вычислена также по отношению ко всей совокупности керамических материалов данного раскопа (Белецкий, 1980. С. 7—8).

³³ Старая Ладога в данном случае не привлечена, так как естественный ход отложений культурных напластований после середины X в. здесь был искажен (Горюнова, 2002. С. 54, 56, 60—61).

³⁴ Безусловно, все эти подсчеты весьма относительны, так как насыщенность культурного слоя керамическим материалом на городище и селище не одинакова. Различны и стратиграфические условия, методика фиксации материала при раскопках также была разной.

При анализе распределения форм лепной и раннегончарной посуды в постройках городища и селища помимо выделения объектов только с лепной посудой или со значительным преобладанием последней для большей части комплексов просматривается некая однородность в наборе классификационных групп раннегончарной керамики (табл. 4). Этот набор определяется, во-первых, равным соотношением лепных и раннегончарных форм (для селища) или преобладанием последних. Во-вторых, эсовидная посуда групп I-A, I-B, I-B сопровождается торновской, менкендорфской и фрезендорфской посудой, а также их производными (постройки 1, 2, 4—9, 11; сооружения 2—4, 6, 7, 10, 13, 17/18, 19, 32). Особенно ярко данное наблюдение иллюстрируют материалы материковых отложений селища (рис. 37, 5—7, 10, 11; 38—40). Вероятно, такая компактность определяется не очень большим хронологическим периодом существования данного набора форм. Изменение этого набора происходит в самом конце раннего периода существования Городка, когда посуда групп I-A, I-B заменяется группой I-Г, а западнославянская посуда с ее гибридными формами практически исчезает. Новый набор форм характерен только для двух построек городища — 10 и 12. На селище аналогом этому процессу смены форм в какой-то мере может служить комплект из двух горшков сооружения 34 (рис. 159, 6, 7) и несколько фрагментов из гумусированной песчаной линзы, перекрывающей предматериковую часть культурного слоя над сооружениями 10, 12, 12-а, 13, 14 (рис. 37, 1, 2, 8). Края венчиков этих сосудов оформлены намечающимися оттяжками и выступами. Они имеют четко выраженные параллели в материалах последних десятилетий X в. Рюрикова городища и Новгорода конца X — начала XI в., что подтверждается датировкой поясной пряжки из сооружения 34.

Подводя итоги характеристики особенностей керамического комплекса Городка на Ловати, следует выделить несколько важных моментов.

Для определения культурной принадлежности памятника главную роль играет структура комплекса лепной керамики Городка на Ловати. Для нее характерны устойчивые связи с Псковом, его округой, а также абсолютное преобладание форм, типичных для смоленско-полоцкой группы длинных курганов. При этом Городок на Ловати составляет единое целое с обширным кривичским этнокультурным регионом второй половины VIII—X в. верхнего Поднепровья, Подвинья и Повеличья. Но мы должны отметить, что зарождение основных приемов обработки керамики на гончарном круге не было связано с носителями традиций лепной посуды, присутствовавшей на Городке. В Городок на Ловати гончарный круг был принесен в готовом виде. Этот вывод весомо подтверждается прежде всего несовпадением программ лепки начина (устойчивого субстратного признака) лепной и раннегончарной посуды (ср. рис. 7 и 8), что указывает на культурное различие в прошлом носителей этих традиций (Бобринский, 1978. С. 124—130, 152).

Прогрессивное направление гончарного производства Городка определяется технологическими изменениями в производстве раннегончарной посуды, которые можно фиксировать на примере развития эсовидных форм посуды (группа I). Для этой базовой формы раннегончарной посуды Городка существуют четкие хронологические индикаторы X — первой половины XI в. Руси (Носов и др., 2005. С. 82—121; Горюнова, 2009. С. 132—141), которые позволяют основной вышеописанный компактный набор

керамических форм (группы I-A, I-B, I-B, а также западнославянские типы и их производные) датировать в рамках второй четверти (середины) X — второй половины X в. Трансформация этого набора, сопровождающаяся заменой первых трех вариантов группы I на один вариант I-Г и исчезновением (вырождением?) западнославянских форм, определена концом X — началом XI в.

Кроме вышесказанного следует отметить некоторые особенности керамического комплекса Городка на Ловати, которые совершенно не свойственны основным раннегородским центрам Северной Руси X в.

Западнославянские сосуды присутствуют в целом ряде таких центров (Старая Ладога, Новгород, Рюриково городище, Гнездилово, Псков), но Городок на Ловати содержит торновские и фрезендорфские формы (ряд 3, по Э. Шульдту), которые остальным памятникам практически не свойственны. К тому же количество подражаний и гибридных форм западнославянского облика Городка составило свыше 35 % от общего числа раннегончарной посуды, что значительно превосходит число таковых и в Новгороде, и на Рюриковом городище, и в других выше-названных центрах.

Несмотря на столь значительную роль и значение западнославянских раннегончарных форм для формирования гончарной технологии в Городке на Ловати, уже к концу X в. мы наблюдаем потерю этой традиции в рамках данного памятника: в самых поздних комплексах (постройки 10, 12, сооружения 15, 34) западнославянские и гибридные формы, подражания им практически отсутствуют.

II.4. Домостроительство и плановая структура поселения

На городище вскрыты остатки оборонительных сооружений и около 14 построек жилого и хозяйственного назначения. На прилегающей территории селища вскрыты 32 производственных объекта, связанных с ювелирным и кузнечным ремеслом (рис. 2, 51, 102). Как на городище, так и на селище, опираясь на стратиграфические данные, можно выделить несколько строительных периодов. Наиболее определенно и достоверно это позволяют сделать материалы городища. Здесь выделяются два строительных горизонта.

К **первому строительному горизонту** относятся две хорошо сохранившиеся жилые постройки (1 и 2) в юго-восточной части городища, а также следы оборонительной стены, прослеженные по восточной и северо-восточной части периметра городища, и не менее пяти почти полностью разрушенных жилых построек (0, 3, 7, 8, 21).

Оборонительные стены представляли собой ограду из двух линий бревенчатых стен, внутри которой были сооружены жилые клетки. Ограда была срублена из двадцатитринадцатисантиметровых бревен, уложенных горизонтально и закрепленных кое-где между вертикальных стоек диаметром около 30 см. Часть стен сохранилась на высоту пяти-семи обгорелых бревен, а в некоторых местах стены оставили след в материке в виде канавки, заполненной гумусом. Ширина ее составила 0,2—0,3 м, глубина 0,2—0,3 м. В некоторых случаях на линии стены прослежены столбовые ямы диаметром до 0,4 м, углубленные в материк на 0,2—0,3 м. Остатки или следы северо-западной и западной части оборонительной стены были уничтожены в более поздний период при эскарпировании склона городища и сооружении новых

оборонительных конструкций и жилищ (более подробно см. в Каталоге комплексов).

Обнаруженные в юго-западной части городища два жилых, стоявших рядом сооружения вплотную примыкали к оборонительной стене. По своим конструктивным особенностям они близки друг другу.

Постройка 1 (рис. 53; фото 17) имела максимальные размеры 8×5 м. В плане прямоугольной формы, вытянута с северо-востока на юго-запад. В северо-восточной части на площади 2,8 × 1,6 м пол постройки был углублен в материк на 0,6 м. В юго-западной части постройки была выкопана в материке на глубину 0,9 м предпечная яма овальной формы, размером 2,25 × 2,50 м.

В верхней части заполнения и у самого материка находились углистые линзы с прослойкой обожженного с углистыми включениями песка. Сверху обе ямы перекрыты развалом булыжного камня и незначительными фрагментами обожженной глины. Этот развал свидетельствует о наличии, скорее всего, печи-каменки, конструкцию которой установить затруднительно.

Границы постройки определились при зачистке материка пятном темного гумусного слоя с включениями печного камня, угля, керамики и серией столбовых ям, которые окружали углубленную часть сооружения.

Постройка 2 (рис. 57) имела размеры 8,8 × 5,2 м. Предпечная яма располагалась в северо-восточном конце постройки. Размеры ее 4,4 × 2,4 м. Углублена в материк на 1 м. Заполнение предпечной ямы аналогично заполнению таковой в постройке 1. Местоположение печи-каменки точно установить нельзя, но присутствие в верхней части заполнения камней и довольно значительной линзы обожженной глины свидетельствует о ее наличии. Вдоль северо-западной стены постройки прослежена линия столбовых ям, довольно значительно углубленных в материк (от 0,25 до 0,6 м). По-видимому, эти столбы поддерживали край крыши постройки и создавали своеобразную галерею вдоль северо-западной стены сооружения.

Вероятно, обе постройки (1 и 2) составляли в древности один хозяйственно-бытовой комплекс, на что указывает не только их компактное расположение друг подле друга, но и одинаковая ориентировка, а также применение единой конструкции при их сооружении: бревенчато-срубной³⁵ со столбовыми подпорками потолочного перекрытия или довольно значительно выступающего за пределы стен края крыши. Идентичный характер заполнения предпечных ям свидетельствует о одновременной гибели этих построек.

Вдоль оборонительной стены располагалось еще несколько наземных срубных построек с применением столбовых опор (постройки 3, 7, 8). Но эти постройки реконструируются с меньшей долей вероятности, чем только что описанные. Места построек определяются по развалам печей-каменок (очагов?) и концентрации находок, а также по наличию столбовых ям (рис. 51, 67, 68). Но, во-первых, в расположении последних с большим трудом можно усмотреть какую-то систему, к тому же многие из них имеют незначительную глубину, не более 0,2 м. Во-вторых, не все

из этих ям можно отнести к рассматриваемому периоду, так как в более позднее время (XI—XIII вв.) на этом месте культурный слой был нарушен.

Учитывая все вышесказанное, к реконструкции построек на площади, непосредственно прилегающей к северо-восточной оборонительной стене, следует подходить с большой осторожностью и поэтому ограничиться лишь фиксацией здесь не менее трех сооружений, ориентируясь в основном на развалы камня от печей. Эти сооружения были, видимо, также срубными с подпорными столбами. В отличие от описанных выше построек 1 и 2, они не имели предпечных ям, и полы их не были углублены в материк. Остатки разрушенных печей в виде прокаленного песка с включениями угля и золы и развалов камней свидетельствуют об их конструктивной аналогичности печке из постройки 1. Это были печи-каменки с минимумом глиняной обмазки и подом, устроенным прямо на материке.

Следы еще одной из разрушенных построек 0 зафиксированы в центральной части городища в виде очажной ямы с развалом камня и нескольких не очень глубоких хозяйственных углублений, а также системы столбовых ям (рис. 52). От постройки 21 сохранилась часть очажного (или печного) сооружения в виде линзы прокаленного песка с углем и развала камней в неглубокой яме, а также ряд столбовых ям вдоль ее северо-западной стены (рис. 101А).

Второй строительный горизонт раннего периода существования поселения знаменуется весьма существенным расширением жилой зоны. Не менее четырех жилых построек, задняя стенка которых выполняла одновременно оборонительные функции, возводится у въезда на городище по самому пологому северному и северо-восточному краям холма (4—6, 9). Застраивается и западная часть городища (10—12). Не исключено, что две постройки (1 и 2) из первого строительного горизонта поначалу какое-то время сосуществовали с вновь возведенными.

Постройка 4 (рис. 62) была вписана в систему оборонительной стены. Юго-западная стена постройки определялась гумусированным следом от бревенчатой стены. От постройки сохранились части обгорелых бревен от перекрытий и стен сооружения. Границы постройки можно определить по северному углу, обозначенному незначительным углублением в материк и скоплением крупных камней (подкладка под угол?), а также по обгорелым кускам бревен у восточного угла постройки. Следы печного отопления в виде линзы прокаленного песка с включениями угля и золы прослежены у середины юго-западной стены. Примечательна находка около этой линзы черепа жеребенка.

Постройки 5—6 (рис. 66; фото 19) представляли собой, по-видимому, общее довольно сложное в конструктивном отношении жилище, вписанное в оборонительную конструкцию, так как здесь внешняя оборонительная линия городища делает поворот под небольшим углом. Постройки уничтожил пожар. Судя по остаткам сгоревшей крыши, эти две (или одна?) постройки имели общее перекрытие. Примерные размеры жилищ: постройка 5 имела площадь 5,0 × 4,2 м, постройка 6 — 7,8 × 4,6 м. Внешними стенами этого сооружения служат оборонительные конструкции. Это бревна, уложенные одно на другое и закрепленные вертикально стоящими столбами. Диаметр бревен достигает 0,25 м. Кое-где внешняя стена сохранилась на высоту пяти бревен, в другой части (постройка 6) сохранились от-

³⁵ Срубный характер сооружений, несмотря на наличие столбовых ям, подтверждается отсутствием в их расположении определенной системы. Столбовая основа жилища предполагает наличие значительных по своей мощности и углубленности опорных столбов в узловых местах конструкции (углы, центр, осевые линии).

дельные верхние обгоревшие бревна, а от нижних осталась западина в материке длиной 7,8 м.

Пол описываемого сооружения был углублен в склон городища на 0,2—0,3 м. На полу восточной части сооружения (постройка 5), в центре прослежен развал камня и глины и незначительная прокаленная западина в полу с углистым заполнением. Вероятно, здесь находилась глинобитная печь, в конструкции которой применялся камень. В конструкции сооружений широко применялась глиняная обмазка: значительные развалы обожженной красной глины прослежены вдоль северной стены западной части сооружения (постройка 6), а также в верхней части заполнения обеих частей описываемой постройки.

Рухнувшее перекрытие представляло собой решетчатую конструкцию из бревен значительной толщины (0,20—0,25 м). Непосредственно сверху эта конструкция была покрыта плахами шириной 0,18 м или жердями и соломой. Все плахи были перекрыты глинисто-песчаным слоем с вкраплением угля. В отчете автор раскопок пишет, что это была потолочная засыпка. Но это предположение спорно.

Непосредственным продолжением внешних стен описанных построек (4 и 5—6) была оградительная стена, которая, скорее всего, шла по всему периметру городища. В восточной части от этой стены сохранился только обугленный столб диаметром 0,3 м и обугленные бревна (плахи?) шириной 0,2 м. Вся остальная часть стены между этими обугленными остатками и постройкой 4 не сохранилась в силу того, что в более поздний период этот сектор площадки городища был подвергнут нивелировке, а восточный край городищенского холма был подсыпан культурным слоем.

Постройка 9 (рис. 85) располагалась также у северного края городища, у въезда, на расстоянии 1,2 м к югу от нижней части оборонительной стены, сохранившейся в виде сгоревших бревен длиной до 5,4 м, уложенных в семь венцов. Они почти все были утоплены в материковом песке.

От постройки сохранились развал обожженной глины, камня и отдельные обугленные плахи и бревна, в основном от рухнувшего перекрытия постройки. Размеры развала 5,5 × 4,0 м. Он имеет форму, близкую к прямоугольнику, вытянут параллельно оборонительной стене. Мощность развала глины — 15—20 см. Характер наслоений аналогичен прослеженным в постройках 5 и 6. Пол постройки в ее северной части был значительно углублен в материк — на 0,5 м.

Постройка имела явно срубную конструкцию, печь была глинобитно-каменная и, вероятно, находилась выше углубленного в материк пола, на перекрытии. Постройка 9 была, по всей видимости, возведена на подклете.

Постройка 10 (рис. 90) срубно-столбовой конструкции имела размеры 6,0 × 4,2 м. Северо-западная ее стена была частью бревенчатой оборонительной стены, которая с этой стороны площадки городища сохранилась не на всю длину. Она была нарушена поздним жилищем в XI—XII вв. В пределах постройки сохранились щелевидные западины от бревен шириной 0,2 м, глубиной до 0,2—0,3 м. По юго-восточной границе жилища проходил ряд столбов, вероятно, несущих кровлю. Не исключено, что крыша была односкатной. Пол постройки углублен в материк на 0,3—0,5 м. Котлован углубленной части заполнен темным гумусным слоем, развалами камня и обожженной глины, насыщен костями животных, рыбой чешуей, фрагментами керамики. По-видимому, этот котлован представлял собой подпол жилища, так как остатки печи (колотый камень, глиняная

обмазка) наблюдались в заполнении во взвешенном состоянии. Судя по концентрации камня, печь находилась у центра юго-западной стены.

Постройка 11 (рис. 94) срубной конструкции, в юго-восточной части частично разрушена поздним перекопом. Примерные ее размеры 4,7 × 3,0 м. Пол постройки в юго-восточной части, на площади 4,0 × 2,8 м, углублен в материк на 0,75 м. Глиняно-каменная печь сооружена была, видимо, на возвышенной части пола постройки у северо-восточной стены. Развал ее сполз в заполнение котлована. За развалом печи обнаружена часть черепа жеребенка. В заполнении постройки вдоль юго-западной стены, в ее южном конце, прослеживались щелевидные западины шириной 0,2 м, глубиной до 0,4—0,5 м — следы бревенчатой стены-обшивки углубленной части сооружения.

Постройка 12 (рис. 99) продолжила северо-западный ряд жилых сооружений городища. От нее сохранилась восточная часть размером 5,4 × 3,4 м, два развала обожженной красной глины размером 2,6 × 0,9 и 3 × 2 м и развал камня в северо-западном углу. Пол постройки был углублен в склон холма на 0,3—0,4 м.

Итак, в ранний период существования Городка на Ловати, в X — начале XI в., его поселенческий организм был четко разделен на жилую и производственную зоны. Жилая зона располагалась на городище, где были возведены примерно около 14 срубно-столбовых и срубных конструкций с печами-каменками или каменно-глинобитными печами³⁶. Возведены эти постройки за два строительных периода. Наиболее ранние сооружения на холме городища были прослежены лишь в его восточной части. Пять жилищ срубно-столбовой конструкции, с печами-каменками (часть из них имела предпечные ямы и несколько углубленный в материк пол), примыкали непосредственно к оборонительной стене, следы которой прослежены вдоль восточного края городища в материке в виде отдельных столбовых ям и канавок между ними, заполненных гумусом.

Традиция углубления части пола наземной постройки или сооружения большой предпечной ямы имеет глубокие корни в северной лесной зоне Восточной Европы. Появившись на городищах культуры сетчатой керамики (Станкевич, 1960. С. 25—38), на поздних дьяковских памятниках она доживает до VI—VII вв. В свое время А. Г. Фурасев в своей диссертации приводил сводку жилищ VII—VIII вв. с территории междуречья Западной Двины и Великой с углубленной центральной частью и срубными стенами (Фурасев, 2001. С. 15). Подобные ямные сооружения часто встречаются на латвийских городищах (Кентескалнс, Олинкалнс, Кививаре и др.; *Latvijas...*, 1974. S. 140, att. 64; *Mugurēvičs*, 1977. S. 134.), достигая рубежа II тыс. н. э. Пережиточный характер подобного углубления пола жилой постройки даже для I тыс. н. э. несомненен, поскольку такого рода сооружения сосуществуют с наземными постройками и распространение их спорадично, к тому же, чем ближе к рубежу II тыс., тем чаще их можно связывать с хозяйственно-производственными комплексами, чем с жилыми.

Отрывочный характер материалов поселений второй половины I тыс. не позволяет привести точный и систематизированный ряд аналогий постройкам 1 и 2 Городка

³⁶ Из пород деревьев, использованных при строительстве, удалось определить в двух случаях сосну и по одному случаю березу и что-то близкое коре дуба (из породы вязовых).

и выявить какие-то закономерности в их конструкции. Пока можно только констатировать пережиточность этого типа построек и ординарность такого явления не только для Северо-Запада Восточной Европы (причем разных его культурных регионов), но, видимо, и для всего южного побережья Прибалтики. Подобные, углубленные в материк, часто неправильной конфигурации ямы нередко встречаются на поселениях конца I тыс. н. э. северной Польши (Кенджино, Голанщц, Барды; Łosiński, 1972. S. 150, гус. 51, 52; S. 161, гус. 59), присутствуют они и на территории Германии на поселениях с керамикой группы Менкендорф (Pratsch, 2011. S. 170, Abb. 2, 3; 172, Abb. 7; 174, 9). Немецкие археологи такие ямы реконструировали в качестве углубленной части пола или в качестве подпола и предпечной ямы в срубных (либо с плетневой конструкцией стен) жилых или ремесленных постройках (Schoknecht, 1977. S. 61—63, Abb. 18—20).

Архаичный характер построек первого строительного горизонта Городка на Ловати подчеркивается также и применением столбовой техники при возведении кровли жилища. Насколько можно судить по уже имеющимся данным, для X в. в домостроительстве Северо-Западного региона Восточной Европы преобладают срубные сооружения. Камно, Псков, Новгород, Рюриково городище и Старая Ладога — все они в массовой застройке имеют четырехугольный сруб с глинобитной печью или каменкой (Гроздилов, 1962. С. 11, 29, 36, 49; Плоткин, 1982. С. 162; Засурцев, 1963. С. 5—165; Носов, 1977. С. 10—17; 1990; Равдоникас, 1949. С. 5—54; 1950. С. 7—40). Применение в домостроительстве начального периода Городка довольно значительной доли столбовой техники следует считать пережиточным моментом, связанным с распространением столбовых сооружений на этой территории в предшествующий, скорее всего, весьма отдаленный период. Целый ряд поселений второй половины I тыс. (Старая Ладога, Съезжее, Жабино, Камно) дают нам срубные постройки с применением столбовой техники при возведении кровли (Спегальский, 1972. С. 18—32; Носов, 1976. С. 76—91; 1977. С. 10—17; Станкевич, 1960. С. 111, 112, рис. 10)³⁷.

На пережиточность для X в. столбовых конструкций косвенно указывает тот факт, что значительная часть производственных сооружений Городка, связанных с кузнечным и ювелирным ремеслами, возведена в столбовой технике (см. ниже). Как известно, все хозяйственные и производственные сооружения в своей конструкции обычно дольше сохраняют старые, традиционные приемы. В. В. Седов уже отмечал для I тыс. н. э. сосуществование, часто даже на одних и тех же поселениях, срубных и столбовых конструкций на территории юго-восточной Прибалтики (Седов, 1975. С. 301). Возможно, что подобное сосуществование в течение многих столетий на территории новгородских и псковских земель привело к созданию своеобразной, сочетавшей срубную и столбовую технику гибридной конструкции, которая получила наиболее законченное выражение в больших старолadoжских домах. Этот гибрид казался

более рациональным населению, которое, с одной стороны, усвоило срубную конструкцию для возведения стен, но, с другой стороны, продолжая традицию сооружения сравнительно больших (6 × 7 м) домов, вынуждено было при возведении покрытия придерживаться прежней (столбовой) технологии. Судя по перечисленным выше поселениям второй половины I тыс., вызревание этого гибрида протекало в ходе сложения культуры длинных курганов. Когда к рубежу I—II тыс. в Северо-Западном регионе строительное дело значительно изменилось, господствующее положение осталось за сравнительно небольшим однокамерным домом, окончательно отпала необходимость применения столбов в качестве основных несущих конструкций крыши. Но еще довольно долго сохраняется столбовая техника для поддержания краев крыши при строительстве сеней, хозяйственно-производственных сооружений и пристроек (Засурцев, 1963. С. 119; Barnucz-Hupieniec, 1974. S. 113, 144—145, tabl. XVII). Этот процесс прекрасно иллюстрируется материалами Старой Ладоги (Спегальский, 1972. С. 10).

Во втором строительном периоде Городка на Ловати застраивается весь полупериметр городищенского холма, и наряду со старыми возводятся новые в конструктивном отношении сооружения: срубные с глиняно-каменными печами, со значительным применением глины (либо для обмазки стен, либо для сооружения купола печи), с решетчато-жердевой конструкцией крыш, покрытых соломой. При этом у части жилищ в качестве задней, напольной стены использована оборонительная стена городища, выполненная в срубной технике.

Аналогичные конструктивные особенности (тонкие слои глиняной обожженной обмазки, образовавшиеся при разрушении каменно-глинобитной печи либо от большого количества глиняной обмазки стен срубных домов) прослеживаются в несколько более ранних объектах Пскова, Изборска (VIII—IX вв., скорее IX в.) и целого ряда поселений латгальско-рыгесского типа (Тараканова, 1949. С. 104—112; Шмидехельм, 1959. С. 159—160; Седов, 1975. С. 301; Белецкий, 1980. С. 10; Плоткин, 1982. С. 160—161)³⁸.

Появление подобных жилищ в районе Пскова и восточноэстонских земель расценивается В. В. Седовым и рядом других авторов, как следствие инфильтрации сюда групп латгальского населения. Данное заключение основывается не только на материалах домостроительства, но и на появлении латгальских форм украшений

³⁷ Жилище, выявленное автором раскопок на селище Жабино, трактуется им как столбовое, но большая часть обнаруженных столбовых ям имеет незначительную глубину и общая плановая структура близка хорошо сохранившемуся жилищу с поселения у оз. Съезжее, где назначение столбов имеет вспомогательное значение (поддержка кровли), аналогичное тому, что фиксируется в больших домах Старой Ладоги.

³⁸ Здесь нам хотелось бы затронуть вопрос о так называемых «глинобитных полах» подобных жилищ. На наш взгляд, тонкие прослойки обожженной глины, покрывающие иногда значительные площади, а иногда и не очень значительные, в срубных постройках не связаны с полами, а связаны либо с обмазкой стен, либо (что вернее всего) с разрушением глинобитно-каменного отопительного устройства. Об этом нас заставляют говорить следующие наблюдения, сделанные по материалам наиболее выразительной постройки городища Рыуге (кв. 29—33, а—с). Первое, «полы залежали неровно, буграми. Местами остатки пола находились на глубине 25—30 см, а местами — 50—60 см... в то же время сохранились следы его неоднократной подправки». Под «полом» всегда прослеживался культурный слой до 30 см мощности. Второе, остатки «глинобитных полов» несут следы сильной прокаленности. Третье, над очажной ямой, относящейся именно к данному жилищу, а не к предшествующему времени, «пол» также имеется, и он над нею прогнулся. То есть перед нами стратиграфическая картина, полностью исключающая трактовку этих напластований в качестве полов. Полы не покрывают очаги жилищ и не несут в различных своих прослойках следы одновременного пожара.

и рюггесских форм керамики. К этому мы можем добавить, что, по-видимому, не только для Повеличья, но и для некоторых других районов Северо-Запада характерно появление прибалтийских и западнофинских элементов. Несколько позднее, в X в., так же как и в Городке, в Гнёзде на городище наблюдаются остатки срубных жилищ с обширными глиняными линзами. В Минске, на Замчище, в постройках, лежащих на материке и перекрытых слоем XII—XIII вв., также были обнаружены «глиняные полы» и печи (Тарасенко, 1957. С. 213). Поэтому, нам думается, появление в Городке в X в. срубных построек с применением большого количества глины можно поставить в один ряд с явлениями общего порядка для всей территории Северо-Западной Руси, явлениями, связанными с процессом развития особого этнического региона — племенной территории кривичей в условиях нарождающейся государственности.

Следует отметить еще одну особенность культурно-этнического плана, связанную со срубными постройками второго строительного горизонта. Это наличие строительной жертвы — конского черепа, обнаруженного в двух случаях (постройки 4 и 11). И если для Новгорода и Полужья в XI—XII вв. характерно помещение конских голов под угол здания рядом с входом (Седов, 1957. С. 20—27; Лебедев и др., 1973. С. 22), то в Городке на Ловати обреч закапывали рядом с печью или под печью (рис. 62, 94). Подобное положение черепа лошади зафиксировано в Изборске в слоях XI—XII вв. (Седов, Отчет, 1976. № 2398. С. 23, рис. 6). По-видимому, в районах Повеличья, верховьев Ловати, Поднепровья и Подвинья в XI—XII вв. строительная жертва, как правило, укладывалась под печью (Штыхов, 1978. С. 97).

Для плановой структуры Городка на Ловати X — начала XI в. характерны две особенности. Первая — это расположение построек по периметру площадки городища. Подобная плановая структура застройки городища предельно архаична и повторяет одну из характерных черт городищ середины I тыс., расположенных в верховьях Ловати, Двины и Днепра (Станкевич, 1960. С. 261, 273—276, 278—279). При этом следует отметить, что для района Повеличья плановая структура городищ третьей четверти I тыс. (ранние Псков, Изборск, Камно) отличается либо многорядностью, либо бессистемностью, но при этом застроенной оказывается почти вся площадка городища. Такое различие в застройке площадок городищ нуждается в особом анализе. Сказываются ли в этом региональные, временные различия, культурная традиция или социально-экономические причины? Ответы на эти вопросы могут дать лишь раскопки новых памятников широкими площадями.

И вторая — неоднородность построек в конструктивном отношении, которая особенно выразительна во втором строительном горизонте. Большие срубно-столбовой конструкции дома сохранены из первого строительного горизонта (постройки 1, 2); помимо них возведены вписанные в оборонительную систему срубные дома с большими глинобитно-каменными печами (постройки 6, 9); в некоторых крыша, вероятно, была односкатной (постройка 10); в круговую систему был включен еще один дом срубной конструкции, но уже с печью-каменкой и ритуальным захоронением головы лошади (постройка 11). Есть свидетельства того, что некоторые дома были на подклетах (постройки 9 и, возможно, 10), а постройки 1 и 2, а также 5 и 6 были, вероятно, соединены в один хозяйственно-бытовой комплекс.

Разнородны эти сооружения и по составу находок. В больших домах 5—6, объединенных связью, и на месте разрушенных построек 7 и 8 довольно значителен процент западнославянской раннегончарной керамики (рис. 69—80, табл. 4), наличие североевропейских вещей: крупная скандинавская буса зеленоватого стекла, костяные шашки сферические, роговые гребени, острие костяное, орнаментированное скандинавской плетенкой в стиле Борре, обломки бронзовой копоушки, двух наверхий от шильев или пинцетов, ножницы с позолоченной обкладкой — все эти предметы обычны для погребений X в. Бирки (рис. 56, 16; 60, 6; 65, 1, 2, 4, 5; 81, 9; 82, 1, 7, 10; 83, 10; 98, 4, 4-а).

У въезда на площадку городища, в постройке 9, на подклетке было найдено четыре ланцетовидных наконечника стрел, обломок втулки наконечника стрелы, тут же были и принадлежности конской сбруи — большая подпружная пряжка, удила (рис. 89). В других постройках с концентрацией западнославянских классических форм, подражаний и гибридных сосудов можно отметить ланцетовидные стрелы (рис. 60, 9, 10; 82, 5, 6; 83, 7; 84, 10, 14, 17) и детали конского снаряжения (рис. 60, 5; 84, 3, 5; 83, 1, 5, 8). В постройке 21 кроме бронебойного и двушипного наконечников стрел найдены обломки двух массивных широколезвийных боевых ножей (рис. 101Б, 2, 3, 6, 7), а также обломок массивного крюка для подвешивания котла — предмет походного военного снаряжения (рис. 101Б, 5). Постройка 11, в которой печь-каменка возведена на черепе лошади, вероятно, принадлежала ювелиру, так как в ней были найдены шарнирные ножницы, украшенные позолоченной бронзовой накладкой (скандинавская вещь), зубила, серебряная зерненная подвеска тонкой работы, проволока, свернутая спиралью, олений рог со следами обработки (рис. 98).

II.5. Ремесленное производство

II.5.1. Производственные комплексы

За пределами городища на территории селища все сооружения, которые можно отнести к раннему периоду жизни Городка на Ловати, имели производственное назначение. Они размещались у основания и на естественных террасах довольно крутого моренного холма, составлявшего коренной берег р. Ловать. Каждая терраса холма имела свой ряд построек (рис. 102). Таким образом, плановая структура неукрепленной части поселения определялась естественными топографическими условиями.

Все производственные сооружения X — начала XI в. (32 объекта) можно разделить, учитывая конструкцию их стен, на три большие группы. Первые две группы распадаются на несколько видов в зависимости от наличия и формы предгорных ям.

Первая группа объединяет сооружения, у которых конструктивной основой стен, видимо не очень капитальных, служили столбы. Вид «а» (рис. 104, 109) представляет собой, по существу, наземные прямоугольные в плане постройки, частично углубленные в склон холма с целью выравнивания пола (сооружения 2, 4). По углам углубленной части прослеживаются ямы от опорных столбов диаметром 0,3—0,4 м, вырытые в материке до 0,6 м. Часто в одном углу вкапывалось по два столба. Между этими двумя опорными столбами на некотором расстоянии от стены прослеживался бесформенный развал расколотых и обожженных камней, кусков ошлакованной глиняной обмаз-

ки, стекловидных шлаков. Иногда удавалось проследить менее мощные столбовые ямы, которые располагались с небольшим интервалом вдоль одной из стен. По краям этих ям часты крепежные камни. Между ямами фиксировалась темная полоса гумуса — заплыв культурного слоя в материке вдоль стены. Часто сохранялась подмазка пола светлой зеленоватой глиной. Примерные размеры таких сооружений — (3,2 × 4,2)—(4,0 × 4,6) м. Этот вид является основой всех остальных построек, объединенных в первую группу по описанным выше признакам конструкций стен.

Для вида «б» (рис. 103Б, 114, 121, 123А) характерно наличие предгорновой ямы вытянутой формы длиной 1,9 м, шириной 0,7 м, незначительно, на 0,2 м, углубленной в материк. Как правило, развал горнового камня прослеживается у одного из концов этой ямы (сооружения 6, 5?, 10, 11). Не всегда около ям этого вида можно было проследить следы столбовой конструкции, как правило, такие сооружения располагались в местах наиболее разрушенной части культурного слоя (сооружения 21, 28, рис. 141, 149; фото 23, 2).

Сооружения вида «в» (рис. 119, 140Б; фото 22, 1; 23, 1) имеют небольшую округлую яму диаметром 0,8 м, углубленную в материк на 0,6—0,8 м. Стенки этих ям часто выложены камнем, а в одном случае рядом с краем ямы прослежен весьма значительный развал крупных булыжных камней со следами действия огня (сооружения 9, 23).

Для сооружений вида «г» (рис. 106, 116, 118, 123Б) помимо уже отмеченных при описании вида «а» особенностей характерно наличие предгорновой ямы подквадратной в плане формы, иногда довольно значительной по размерам: 2,0 × 1,8 м, глубиной от 0,2 до 0,6 м. Развал камней прослеживался на борту и в заполнении ям (сооружения 3, 7, 8, 12?).

Вторая группа сооружений (рис. 129, 145, 155, 158; фото 20, 2) имела срубную конструкцию стен; по наличию или отсутствию предгорновых ям может быть разбита на два вида.

Вид «а» представлен сооружениями, конструкция которых обычна для жилого строения, в материковом полу которого вырыта предгорновая яма (сооружения 14, 24, 31). Примером этого вида может служить лучше других сохранившееся сооружение 14. Размеры его 4,8 × 4,0 м. В предматериковой части, на подсыпке из белого речного песка прослежены следы обуглившихся бревен нижнего венца, под двумя углами которого находились крупные валунные камни. Ближе к центру, в материковом полу располагалась округлая предгорновая яма диаметром около 1 м, глубиной 0,2 м. Все пространство между юго-восточным углом строения и этой ямой занимала мощная линза слегка обожженной красной глины с углисто-сажистыми прослойками, содержащими пережженные камни — развал глиняно-каменной печи.

Вид «б» отличается от вида «а» отсутствием каких-либо ям в полу, повторяя основные конструктивные моменты второй группы сооружений: срубные стены и наличие большой глинобитно-каменной печи (сооружение 34).

Сооружения второй группы в какой-то мере могут быть аналогом срубных жилых сооружений с глиняными развалами печей второго строительного горизонта, зафиксированного на городище (см. раздел II.4).

Третья группа (рис. 125, 130, 134, 147, 152; 130, с. 16) объединяет сооружения со значительной предгорновой ямой, овальной в плане, размером 2,0 × 1,2 м, углублен-

ной в материк до 0,8—1 м. На одном из бортов ямы или на выступе, сделанном в ее стене, иногда сооружался горн-очажок незначительных размеров, камни от которого прослеживались чаще всего в заполнении ямы (сооружения 17, 30). Нередко в материковых стенах таких ям вырезался воздуховодный канал (сооружения 16, 17/18). Стены и дно таких ям, как правило, подмазывались светлой зеленоватой глиной.

При реконструкции стен этих построек приходится сталкиваться с большими затруднениями: в нашем распоряжении почти нет никаких фактов. Можно весьма осторожно предполагать срубный характер стен, ссылаясь на отсутствие регулярной системы столбовых ям: их либо нет вообще (постройка 13), либо они случайны (постройки 27, 18). На то, что стены и перекрытия явно были, указывает наличие большой по площади прослойки угля и древесного тлена, прослеженного почти на материке, вокруг одной из предгорновых ям (постройка 13). Эта прослойка спускалась и в верхнюю часть заполнения предгорновой ямы, где попадались обугленные куски круглых деревяшек, что свидетельствует о существовании какого-то жердевого покрытия (рис. 125).

Часть объектов, выявленных на селище, не вошла ни в одну из выделенных групп сооружений по той причине, что установить характер конструкции стен было весьма затруднительно как в силу их плохой сохранности, так и в силу неполного доследования сооружений (1, 19, 20, 25, 26). Это в основном те же предгорновые ямы, и если ориентироваться на их форму, то можно предположительно связывать их с той или иной группой сооружений. Сооружения 1 и 20, имеющие округло-подквадратную форму и небольшие размеры, вероятно, связаны с конструкциями второй группы вида «а». Сооружения 21, 26, 28 повторяют форму предгорновых ям и сооружений первой группы вида «б» и т. д.

Конструктивные особенности горнов прослеживаются с большим трудом. Большая их часть выявлена в виде бесформенного развала камней, кусков ошлакованной глиняной обмазки и железистых шлаков, либо и того меньше: на место горна указывает прокаленный материк или углисто-сажистое пятно с несколькими обожженными камнями. Некоторую информацию о горнах дают придонные части горнов с натеками шлака, часто включавшими капельки бронзы, уголь и пережженные кости животных, глиняные ошлакованные стенки с отверстиями (рис. 28), ошлакованные глиняные «пробки» грибовидной формы (рис. 23, 5; 50, 7, 12, 13; 142, 1, 8, 9; 143, 2, 3; 144 1, 3, 6, 8; фото 9), глиняные детали «кирпичей» с канавками и отпечатками деревянных конструкций (рис. 27; 142, 11; 143, 5; 153, 8; 154, 3, 5, 7, 8, 10; фото 11, 3). Все стенки горнов были сделаны из глины с примесью крупной дресвы и половы. Глиняные прямоугольные бруски («кирпичи»), длиной до 12 см и сторонами в 4,5—5,0 см, имели в глиняном тесте примесь песка или мелкой дресвы и какой-то органики, иногда в разломах видна растительная примесь. Часть таких деталей имела в полукруглых канавках следы недолговременного действия огня: зольный налет или обожженность до черноты. Некоторые бруски с торцов были ошлакованы. В одном случае был найден такой «кирпич» со сквозным отверстием, а сбоку был сделан канал, похожий на ложе для выплавки слитков (рис. 153, 10). Очень близкая глиняная форма для выплавки слитков известна

в материалах раскопок С. А. Таракановой на городище Камно (Фонды ПГОИАХМЗ, № 2211/416). Аналогичные глиняные формы из Старой Ладogi опубликованы О. И. Давидан и Е. Ю. Тавлинцевой из позднедьковских материалов селища Щурово и Кунцевского городища (Давидан, 1980. С. 60, табл. 1, 9; Тавлинцева, 2001. С. 74, рис. 1).

Анализ всех этих деталей, условия их нахождения и полевые наблюдения позволяют предполагать наличие двух конструкций горна. Одна представляла собой массивное сооружение с применением большого количества камня, развал которого занимал иногда площадь $1,5 \times 1,0$ м, а в высоту достигал 0,4 м. В двух случаях в сооружениях 21 и 23 с такими развалами связаны глиняные грибовидные детали — «пробки» (рис. III).

Вторая конструкция принадлежала небольшим горнам, внутренний диаметр дна которых не превышал 15—20 см. Стенки таких горнов делали из камня и глины. Для тяги в материковой стене сооружения (например, 18, 12А, 16, может быть, и в сооружении 15) иногда прорывался канал шириною 20—30 см. Вероятно, именно эти горны сопровождалась «кирпичами» с канальцами и желобками на боковых длинных сторонах. Первую конструкцию горна мы наблюдаем в сооружениях первой группы вида «б» и вида «в», причем в сооружениях первой группы вида «в» она единственная, а в первой группе вида «б» зафиксирован один случай применения глиняно-каменной конструкции. Вторая конструкция горна характерна для сооружений первой группы вида «а» и «г» и третьей группы.

Роль горна также выполняла глинобитная печь, конструктивные подробности которой еще более трудно восстановимы. Судя по развалу обожженной глины ($2,0 \times 1,5$ м, толщиной до 0,35—0,40 м), печь имела довольно большие размеры и углубленный на 0,1—0,2 м в материковый пол под, размером $0,80 \times 0,45$ м. Печи возводились только в сооружениях второй группы.

Наиболее устойчивое сочетание конструктивных особенностей горна (или заменяющей его печи) прослеживается в сооружениях первой группы вида «а», «б», а также второй и третьей групп. Их считаем наиболее выработанными в конструктивном плане производственными сооружениями или удачно приспособленными для производственных нужд ремесла жилыми постройками (вторая группа).

Фиксируемое разнообразие в конструкциях производственных сооружений могло быть вызвано несколькими причинами, начиная от чисто технологических и кончая эволюционным совершенствованием конструкции как таковой. Нельзя сбрасывать со счетов возможности культурных новаций либо, наоборот, переживания каких-то очень древних традиций в сооружении легкой недолговременной постройки.

Так, сооружения первой группы со столбовой техникой являются пережиточным моментом, особенно если учитывать, что мы имеем дело с довольно недолговременными сооружениями, которые, как известно, в своей конструкции обычно дольше всего сохраняют старые, традиционные приемы. Этот пережиток связан с распространением столбовых сооружений на данной территории в предшествующий, скорее всего, весьма отдаленный период. Целый ряд поселений третьей четверти и второй половины I тыс. (Старая Ладога, Съезжее, Кобылья Голова, Жабино, Камно) дают нам широкое применение столбовой техники при возведении кровли. Введение столбовой техники в контекст

срубного жилища — отголосок древних приемов сооружения столбовых жилых построек (см. раздел II.4).

Полные аналогии производственным сооружениям первой группы вида «а» мы имеем пока что только в Гнёздове на примере постройки из раскопок 1967 г. (Ляпушкин, Отчет, 1967. Ф. 35. Оп. 1. Д. 16, 17; Вешнякова, Булкин, 2001. Рис. 5). Предгорные ямы вытянутой формы и сравнительно неглубоко опущенные в материк (первая группа вид «б») зафиксированы на селище последней четверти I тыс. у д. Кислая (Шмидт, 1972а. С. 17, рис. 3); есть они и в Гнёздове, такие же неглубокие и с таким же развалом камня у одного из концов (Ляпушкин, Отчет, 1967. Ф. 35. Оп. 1. Д. 16, 17; Вешнякова, Булкин, 2001. Рис. 2, постройка 6—8).

Сооружения третьей группы, возможно, могли иметь свои истоки в производственной постройке селища Кислая, но все же самые близкие аналогии имеют пока лишь только в Гнёздове X в. и на городище Курово первых веков I тыс. н. э. (Станкевич, 1960. С. 41, рис. 20; Вешнякова, Булкин, 2001. Рис. 2, постройка 22; рис. 3, постройка 32).

И самый поздний вариант строений, связанных с ремесленным производством, — сооружения второй группы, срубные с горновыми ямами и, вероятно, еще более поздние — без таковых. Эти сооружения являются, по сути, жилыми постройками с большими глинобитными печами и глиняной обмазкой стен, они находят параллели среди жилых построек Изборска, Пскова, целого ряда памятников латгальско-рыгусского типа (см. раздел II.4). В сооружении второй группы без горновой ямы № 34 формы гончарной керамики имеют более совершенную выделку и по своим типологическим признакам характерны для самого конца X — начала XI в. (см. раздел II.3). В них также найдены вещи, которые имеют прямой выход в XI в. и встречаются на всем его протяжении. Это поясная пряжка, широко распространенная в поясных наборах Прибалтики, и серебряная оковка ножа (см. раздел II.2). Возможно, сооружения второй группы на селище гибнут в пожаре одновременно с частью построек второго строительного горизонта на городище (5, 6, 9). Обгорелые бревна, довольно значительные угольные слои прослежены в данной группе построек как на городище, так и на селище.

Стратиграфические наблюдения позволяют наметить относительную хронологию разных групп производственных построек (табл. 16). Наиболее ранний пласт составляют сооружения первой и третьей групп. Сооружения первой группы вида «а», «б» и «в» (6, 9, 10, 19) — самые архаичные, поскольку они перекрыты линзами угольных прослоек, лежащих на материке, в свою очередь такая линза была прорезана при возведении сооружения первой группы вида «г» (7). Сооружения третьей группы (13 и 16) были перекрыты сооружением 14 из второй группы, которая объединяет самые поздние постройки селища. Линза гумусированного песка, которая образовалась при возведении позднего, конца XII — первой половины XIII в., сооружения 22, перекрывала сооружения первой группы «б» (10, 23), первой группы «г» (12, 12-а), а также сооружения третьей (13) и второй групп (14).

Судя по массовому материалу, связанному с производственными сооружениями, в X — начале XI в. в Городке на Ловати имели место выплавка железа, кузнечное дело, ювелирно-литейное производство. Планиграфия отходов ремесленных производств (рис. I—III) в отдельных

случаях вполне определенно позволяет выявить узкоспециализированное назначение того или иного объекта. Так, сооружения первой группы вида «в» связаны прежде всего с выплавкой и кузнечной обработкой железа, сооружения первой группы вида «б» и «г» также часто содержат железистые шлаки, но большая их часть связана с кузнечными и сопровождающими их ювелирно-поковочными и ювелирно-литейными работами. Постройки второй группы предназначались как для кузнечных, так и для ювелирных (в большей степени) работ. Исключительно для ювелирно-литейного дела были приспособлены сооружения третьей группы. С остатками ювелирного производства были связаны и округлые ямы без следов каких-то стен и перекрытий и развалов глины, в борту их сохранились следы небольших очажков (сажисто-углистое пятно и несколько обожженных камней). Косторезное дело, ткачество и т. п. подсобные промыслы имеют гораздо более выраженное проявление в жилых постройках городища, чем в сооружениях селища, и не связаны с определенной группой производственных строений.

II.5.2. Металлургия и кузнечное ремесло

В археологической литературе критерием бесспорного свидетельства **добычи железа** считаются остатки металлургических горнов, шлаковые «чушки», металлургические конгломераты. Сопла, крицы, отдельные куски шлаков — всего лишь альтернативные признаки, поскольку эти категории археологического материала могут быть связаны только с кузнечным делом (Бидзиля и др., 1983. С. 110). И даже наличие руды не гарантирует безусловного присутствия железодобычи, так как ее иногда использовали для других нужд. Например, из кусков руды складывали печи-каменки (Горюнов, 1972. С. 42—46) или применяли ее в качестве отошителя.

В коллекции Городка присутствуют все категории находок, связанные с металлургией железа, за исключением сопел и руды, причем железистые шлаки, ошлакованные стенки и детали горнов составляют массовый материал (рис. 27, 28, I, III; табл. 6—11). Шлаки, железисто-шлаковые конгломераты, встреченные на поселении, имеют самую разную форму и структуру. Несколько групп шлаков можно определенно связывать с сыродутным процессом. Большая часть такого рода находок принадлежит плоским шлаковым выплескам с отпечатками угля, примесями и включениями керамических стекловидных шлаков, образовавшихся на стенках горка. Весьма значительно число шлаков с небольшой примесью железа, они легки, имеют мелкооздреватую структуру. По-видимому, это ошлаковавшиеся порода и флюсы. Часты находки кусков или целых сферических слитков железного шлака (так называемые шлаковые «чушки»), которые образовались на дне сыродутного горна и после окончания процесса там же застыли. Они, как правило, массивны и тяжелы из-за большой примеси железа. Плотность структуры и металлический блеск на изломе придают им вид чистого железа или стали. Обращают на себя внимание губчатого вида железистые образования, которые, скорее всего, надо связывать с так называемым губчатым железом. Это и был конечный продукт сыродутного процесса (Колчин, Круг, 1965. С. 210, рис. 12). Среди шлаковых материалов Городка можно также найти и металлургические конгломераты — результат либо неудавшейся плавки, либо плавки, проведенной без выпуска шлаков (Там же. С. 211, рис. 13).

Вообще различие шлаковых образований связано с разными стадиями плавки, с разными температурными режимами и зависит от состава шихты, флюсов (Там же. С. 212—215). В качестве флюса мастера Городка применяли кости животных. На это указывают остатки костей вместе с углем, вплавленные в ошлакованные стенки горнов.

Для более точного выделения среди массы многообразных железистых конкреций и шлаковых конгломератов истинных криц или кусков сырого металла необходим металлографический анализ, которому шлаковые материалы Городка, к сожалению, не подвергались. Указанный метод изучения отходов металлургического производства позволил бы нам конкретизировать сыродутный процесс, получить более обоснованные доказательства его технологического уровня и уровня производительности труда древних мастеров.

Но и морфологический анализ шлаковых образований в сочетании с полевыми наблюдениями над конструктивными особенностями остатков производственных сооружений позволяет сделать вполне определенные выводы. Так, наличие шлаковых выплесков, с одной стороны, и металлургических конгломератов — с другой ясно указывает на существование двух типов сыродутных горнов: со шлаковывпуском и со шлакосборником, который обычно был углублен на довольно значительную глубину. С остатками сыродутных горнов, вероятнее всего, связаны сооружения первой группы вида «в» (23, 8). Не исключена такая возможность и для какой-то части сооружений первой группы вида «б» (22, 29).

Конструкция сыродутных горнов из сооружений первой группы вида «в» относится к так называемым печам шахтного типа с углубленным основанием — шлакосборником. Нижняя часть такого горна была углублена в материк на 0,4—0,5 м и обложена камнем; верхняя, колошниковая часть сооружалась с помощью глины, небольшие развалы которой прослеживаются изредка рядом с ямами (Кропоткин, Нахапетян, 1976. С. 324, рис. 2, 7).

Остатки сооружений первой группы вида «б» принадлежат стационарным наземным каменным печам со шлаковывпуском и предгорновой ямой вытянутой формы. Стационарные наземные печи (каменные и глинобитные) на территории Северо-Запада и в Прибалтике широко бытовали на всем протяжении I тыс. н. э.: городище Курово, селище Жабино, Спиетини, Кентескалнс, городище Кокнесе, Асоте (Станкевич, 1960. С. 188, рис. 20; С. 264, табл. LIII, рис. 265; Daiga, 1964. S. 23—37, рис. 6, 8, 10; Latvijas..., 1974. S. 67, att.; S. 142, 154, att.; S. 254).

Нельзя исключить также наличия наземных горнов, поставленных вне постройки и не имевших предгорновой ямы. В ряде мест на материке прослежено скопление камней, в непосредственной близости от которых были найдены шлаковые выплески, конгломераты, тигли. Либо на материковой супеси четко читаются округлые ярко-оранжевые пятна прокаленности, окруженные угольно-сажистыми включениями.

Две последние разновидности сыродутных горнов, бытовавших на Городке, в техническом отношении, по сути, представляют одинаковый тип: горн стационарный (т. е. предназначенный для многократных плавков), со шлаковывпуском. Шлаковывпуск повышал качество крицы и ее объем, обеспечивал многократность плавков, что способствовало увеличению экономической эффективности.

Сопла на нашем памятнике не обнаружены, и мы вправе предполагать использование естественной тяги, регулируемой глиняными заглушками «грибовидной» формы. Именно так интерпретируют в литературе эти предметы из развалов горнов, как шахтного типа с углубленным шлако-сборником, подобных открытому на Южном Буге в районе с. Синицы Черкасской области (Бидзиля и др., 1983. С. 53, рис. 23, 25; Кропоткин, Нахапетян, 1976. С. 323, рис. 6), так и наземного типа, с предгорновой ямой или без нее (городище Курово, селище Кентескалнс. Станкевич, 1960. С. 189, табл. XIV, 3; Stubavs, 1965. S. 24, 6 att.). На нашем памятнике такого рода глиняные заглушки найдены в большом количестве около развалов горнов построек 21, 23, где, как предполагается, имел место металлургический процесс (рис. 23, 5; 50, 7, 12, 13; 142, 1, 8, 9; 143, 2, 3; 144, 1—3, 6—8; III; фото 9). Естественное дутье обеспечивала работа на косогоре, на котором располагалось селище.

Кузнечная обработка полученного металла велась в тех же мастерских, где и варка железа. На это указывают находки полуфабрикатов-заготовок в сооружении 21, т. е. именно в той постройке, в которой наблюдались наиболее выраженные следы металлургии железа, а также в сооружении 30, где явно работал кузнец. Заготовки имели брусковую форму, длину 13 см, сечение квадратное 2,5 × 1,5 см (рис. 144, 4, 9; 153, 11). Кузнецы Городка были достаточно квалифицированными мастерами. Массовую продукцию кузнечного ремесла составляли наконечники стрел двушипные и ланцетовидные (рис. 45, 16; 46, 7—9; 132, 6, 7), ключи и замки, пробойники, зубила (рис. 21). Изготавливались крупные и сложные в технологическом отношении вещи. Об этом свидетельствуют находки не только готовых вещей (в предгорновой яме сооружения 30 была найдена готовая коса (рис. 153, 1) с незаточенным лезвием), но и круглое каменное точило, приводимое в движение ременной передачей (рис. 48, 13). На таких точилах затачивались крупные вещи: копья, мечи. В материковой части культурных отложений в непосредственной близости от сооружений 9 и 31 найдены обломки чересла и сошника (рис. 46, 13, 14). На поселении найдено ланцетовидное копьё со следами ремонта: втулка была приварена к перу копья. Сварка железа на поселении практиковалась постоянно. Об этом говорит запас кварцевого песка, расположенный в предматериковой части северного участка раскопа. В нем был обнаружен отремонтированный наконечник копья (рис. 46, 16). Кварцевый песок служил флюсом именно при сварке железа (Гурин, 1987. С. 86). Не исключено, что кузнецы занимались цементацией кричного железа: большое количество кусков кричного железа и шлака было найдено в сооружении 14 — жиллом срубе, приспособленном для кузнечных и ювелирных работ. Окончательно утвердительный ответ можно будет получить только при проведении металлографического анализа.

Изготавливался в большом количестве разного рода бытовой инвентарь — ножи, шилья, гвозди и т. п., а также оковки, втулки, ладейные заклепки — мелкая «кузнь», необходимая для ремонта судов (рис. 44—46).

Из набора кузнечных инструментов в материалах Городка представлены только зубила (рис. 98, 6, 8), в большом количестве точильные бруски-оселки (рис. 48), уже названный выше точильный круг. Наковальнями для кузнецов, особенно при первичной обработке кричного железа, служили большие, от 0,8 до 1 м в диаметре, валунные

камни. Один из таких камней найден в предгорновой яме постройки 7, другой служил одновременно задней стенкой горна в постройке 6.

Технологическое изучение кузнечной продукции Городка на Ловати было предпринято в 80-е гг. прошлого века Г. А. Вознесенской (итоги см. в Приложении 2; табл. 21). Коллекция вещей, отобранная для анализа, достаточно полно отображает ремесленную и хозяйственную деятельность жителей Городка. В нее входили полуфабрикаты в виде брусков, железные и стальные заготовки в виде пластин и стержней, сельскохозяйственные орудия труда (коса, серпы, сошник и чересло), инструменты для работы по металлу (разного рода зубила и зубильца, пробойники и керн), хозяйственно-бытовые ножи (14 шт.) и кресала, предметы военного снаряжения (наконечники копья и стрел).

Микроструктурное изучение показало, что для изготовления железных вещей служили кричное железо, сырцовая мягкая и полутвердая сталь, а также высокоуглеродистая сталь. Употреблялось кричное железо двух видов: очень мягкое и твердое, возможно, высокофосфоритное. Причем железо различных видов выявляется не только в готовой продукции, но и в брусках и заготовках. Сталь сырцовая, малоуглеродистая либо среднеуглеродистая, фиксируется в готовых предметах и стержнях-заготовках. Преобладает высокоуглеродистая цементированная сталь, о чем свидетельствуют технологическая схема трехслойных ножей и другие вещи и заготовки из твердой стали (копье, пробойник, стержень-заготовка). Употребление этой технологии зафиксировано в одной трети исследованных поковок. Выборка предметов из железа, подвергшихся анализу, в технологическом плане производит впечатление однородности. Большая часть ее (около 70 %) выкована целиком из кричного железа или стали без дополнительных операций (например, без укрепляющей термообработки). Сложные вещи выкованы по схеме трехслойного пакета либо имеют сварные или наварные стальные лезвия, что присуще североамериканской технологии. Считается, что данный технологический прием привнесен на Северо-Запад Руси скандинавскими мастерами. На долю таких вещей приходится 21 % всех исследованных предметов, при этом следует отметить, что в коллекции много предметов, в которых использование сварной конструкции не имело смысла (бруски-полуфабрикаты, заготовки, стержни, сошник, чересло, пробойник). Наиболее часто трехслойная схема применялась при изготовлении ножей. В коллекции Городка такие ножи составляют 57 % от всех ножей, взятых для металлографического исследования. Вышеизложенные выводы свидетельствуют о том, что кузнечное производство Городка на Ловати полностью отражает своеобразие технологических традиций кузнечного производства Северной Руси, которые проявляются в широком применении технологии сварных конструкций из железа и стали, большую долю среди которых составлял трехслойный пакет (Вознесенська, 2000. С. 18—28).

II.5.3. Ювелирное производство

В сооружениях второй и первой групп вида «б» и «г» кузнечные отходы нередко сопровождаются находками тиглей, отходами литья, мелкими проволочно-пластинчатыми бронзовыми украшениями, их заготовками и обломками (рис. I, II). Но ювелирное дело в Городке, безусловно, уже выделилось в самостоятельную отрасль. Исключительно для ювелирного дела были предназначены сооружения третьей и первой групп вида «а». Именно в таких сооружениях

чаще встречаются слитки, выплески бронзы, литники, незаконченные, с необработанными литейными швами вещи и большое количество целых и фрагментированных тиглей.

Тигли. Уровень развития технологии ювелирного производства достаточно жестко взаимосвязан с конструктивными особенностями инструментария, а последний в коллекции Городка представлен в недостаточном объеме. Не менее важное место в ювелирной технологии занимают приемы расплавки металлического сырья, что находит хотя и опосредованное, но достаточно адекватное отражение в конструкции тиглей, целые экземпляры (41 шт.) и довольно крупные фрагменты которых (208 шт.) составили одну из категорий массового материала данного поселения (рис. 23—25; 50, 14; 108, 2, 4, 7; 112, 11, 12, 14, 15; 113, 5—7; 124, 1, 2; 128, 1; 132, 22; 133, 7—11 и др.; рис. 1; табл. 6; фото 10).

Заимствование каких-то иных приемов в плавке цветных металлов, может быть, появление необычных химических компонентов в сплавах и т. п., неизбежно должны повлечь вполне определенные конструктивные изменения самого тигля, что будет сопровождаться возникновением новой или утратой старой формы. Несомненно, не только потребности ремесленной технологии могут вызвать к жизни новые формы тиглей, но и различные приемы формовки глиняных сосудов будут влиять на особенности их профилировки. В результате взаимодействия этих двух определяющих факторов в каждом, уже издревле сложившемся очаге ювелирного производства должны выработаться довольно устойчивые формы тиглей, и поэтому при определении условий формирования ювелирного комплекса на каждом конкретном памятнике они могут служить дополнительным источником информации.

Тигли, с которыми приходится сталкиваться археологу при изучении ювелирного ремесла Северо-Западных регионов Восточной Европы конца I тыс. н. э., по оформлению стен дна и устья можно разделить на несколько больших групп. А — округлодонные цилиндрические, довольно высокие стаканы с округлым в плане устьем; Б — округлодонные стаканы с выделенным сливом, вследствие чего устье приобрело в плане треугольную или близкую к ней форму; В — плоскодонные, усеченно-конические стаканы с аналогичным устьем; Г — конические остродонные стаканы с округлым в плане устьем.

В ремесленных комплексах Городка на Ловати присутствует единственный тип тиглей — округлодонные цилиндрические стаканы — тип А. Они сформованы из глины, содержащей большой процент растительной и какой-то другой органической примеси. Тигли всегда сильно ошлакованы и пережжены, форма многих деформирована в процессе использования. На поверхности часто можно наблюдать отпечатки губ щипцов (рис. 23, 1; 24, 8; 25, 2; 26, 6—9, 11, 12; 108, 7; 113, 5 и др.). Подобной формы тигли в последних столетиях I тыс. н. э. имели широкое распространение на памятниках всего Северо-Западного региона Восточной Европы. Тип А составляет подавляющую массу тигельного материала на поселениях Латвии: Кентескалнс, Асоте (Daiga, Grosvalds, 1964. Abb. 3, 24, 25, abb. 4, 1—4, 9, 12; Latvijas..., 1974. T. 73, 1), Олинкалнс, Локстене (Mugurēvičs, 1977. Т. XIII, 5, 10, 11; т. XXVI, 5, 9—11). Известны они и в Эстонии на Унипихе (Аун, 1978. Альбом, табл. 29, 5) и Рыуге (Шмидехельм, 1959. С. 165—166, 179, табл. V, 4), а также в слоях X в. древнего Муромы (Во-

ронин, 1947. С. 138, рис. 42), Новогрудка (Гуревич, 1981. С. 32, рис. 20, 10; С. 128—129), Пскова (Плоткин, 1980. Альбом, рис. 15). Представлены такие тигли в материалах Гнэзовского поселения и Новгорода (Ениосова, Митоян, 1999. С. 56, рис. 1, 2; 57, рис. 3; Ениосова, Ререн, 2011. С. 243—254). В бронзолитейных комплексах Староладожского городища цилиндрические округлодонные тигли (А) отодвинуты на второй план, над ними преобладают формы конических тиглей с уплощенным дном и треугольным в плане устьем (В). Особенно ясное и полное представление об этой форме дает целый тигель, опубликованный в сборнике «Старая Ладога» (Репников, 1948. Т. V, 10), и такой же, не бывший в употреблении, белоглиняный тигель, который хранится в коллекции Государственного Эрмитажа (ОАБЕС. № 86-1927-7; случайная находка). Некоторые фрагменты позволяют реконструировать округлодонную цилиндрическую форму с оформленным сливом (Б). О. И. Давидан подразделяет все староладожские тигли на конусовидные и цилиндрические, не придавая значения сочетанию профиля стенок и оформлению устья. Кроме того, автор все тигли определяет как круглодонные (Давидан, 1980. С. 63). Последнее не совсем верно, так как ошлакованная стекловидная масса, стекая вниз, часто закрывает узкое и плоское дно усеченно-конических тиглей и передает ему округлость, но при этом все равно остается угловатый переход от дна к стенкам.

Сочетание форм А и Б характерно также для комплексов IX — первой половины X в. городища Камно (Плоткин, 1980. Альбом, рис. 10). В ранних слоях Изборского городища встречен целый экземпляр тигля формы Б и отдельные фрагменты сливов (Седов, 2007. С. 99, рис. 78, 14).

Чем объяснить полное отсутствие форм Б и В в ремесленных комплексах Городка на Ловати, в то время как памятники, территориально и хронологически близкие ему, дают обратную картину? Выше уже отмечалась частая встречаемость цилиндрических округлодонных тигелей без сливов. Их распространение в последних столетиях I тыс. н. э. не ограничивается рамками Северо-Западного региона Восточной Европы. Это типичная форма для Готланда³⁹, для средневекового Херсонеса (Якобсон, 1959. С. 330—331), Белой Вежи (Артамонов, 1958. Рис. 47). Даже в далеком Пенджикенте в объектах VII—VIII вв. они обычны (Распопова, 1980. С. 47, рис. 32, 5). Но если в Херсонесе (X — начало XI в.) и Белой Веже (X в.) тигли формы А уже не сопровождаются формами Б, В, Г, то в Пенджикенте VII—VIII вв. наблюдается обратное явление — тигли формы В значительно преобладают (Там же. С. 47, рис. 32, 2—4, 6—8). Зденек Кланица на материалах Чехословакии установил верхнюю границу существования тиглей формы Б на рубеже IX—X вв. (Klanica, 1974. S. 41—42, 55).

Комплексы Старой Ладоги дают близкую картину: существование типов А, Б и В фиксируется в начале X в. (постройки 2 и 3 в слое Д). Довольно значительное число фрагментов остродонных конических тиглей (Г) обнаружено непосредственно под комплексом Г и постройкой 2 горизонта Д и ниже. В Латвии в первой четверти II тыс. разнообразие форм тиглей, характерное для I тыс. н. э., также исчезает и сводится к одному типу — цилиндрическому округлодонному стакану (Daiga, Grosvalds, 1964. S. 22).

³⁹ Линдберг Ф. Ремесло и мастерские в 500—300 гг. н. э. : доклад на конференции «Скандинавия и Восточная Европа», Ленинград, 7 февраля 1980 г.

По-видимому, процесс утраты всех бытовавших ранее форм тиглей, кроме формы А, после первой четверти X в. в большинстве раннегородских центров Северо-Западной Руси становится общим, и на протяжении всего X в. это положение сохраняется. Если данное предположение верно, то для Городка на Ловати обеднение набора тигельных форм следует констатировать в качестве хронологического признака.

Ювелиры Городка сохраняют одну из древнейших форм тигля, которая получила распространение на Северо-Западе с первой половины I тыс. н. э. Форма А известна в материалах этого времени поселений Литвы (Daiga, Grosvalds, 1964. S. 11, att. 3, 11, 12, 20, 21), Северной Белоруссии — Прудники (Шадыро, 1981. С. 91, рис. 15, 14), верховьев Ловати — Михайловское (Станкевич, 1960. С. 206, табл. XXIV, 10). Единичные экземпляры и отдельные фрагменты тиглей формы А встречаются в материалах заключительных этапов юхновской (Левенок, 1957. С. 50, рис. 1, 24) и верхнеокской культур (Изюмова, 1967. С. 129, рис. 4, 5).

Территория распространения цилиндрических округлодонных тиглей без слива в глубокой древности была ограничена бассейном Западной Двины, верховьями Ловати и верхним течением Оки. Таким образом, форма А является отражением сугубо автохтонных явлений процесса формирования Северного региона лесной зоны восточноевропейского ювелирно-ремесленного комплекса (подробно см.: Горюнова, 1994. С. 60—73).

Инструменты и формы. Из инструментов ювелира в материалах Городка представлены универсальные вещи: овечьи ножницы (рис. 98, 4), зубила, зубильца, разного рода чеканы, пробойники, штихели, шилья (рис. 21; 98, 6, 8). Безусловно, использовались ювелирные клещи, о размерах их можно судить по отпечаткам губ клещей на тиглях и кусках шлака (рис. 23, 1; 24, 8; 25, 2 и др.). Ширина их не превышала 0,5—0,6 см — обычные размеры для такого рода инструментов (Колчин, 1959. С. 21, рис. 7).

Литейные формы представляют собой очень редкую находку: в Городке встречено всего три литейные формы. Глиняная односторонняя литейная форма для выплавки гранчатых головок фибул или шейных гривен (рис. 22, 1; фото 11, 1). И еще одна глиняная литейная форма предназначалась для выплавки звериной головки, типичной для скандинавской мелкой пластики (рис. 22, 2; фото 11, 2, 4). Кроме того, выше уже говорилось о возможной интерпретации некоторых фрагментов так называемых «кирпичей» в качестве глиняных форм для выплавки слитков (см. рис. 153, 10).

Третья находка — это нижняя створка двусторонней каменной формы для выплавки грибовидных пуговиц (рис. 22, 3). Появление каменных форм на древнерусских поселениях принято связывать с появлением постоянного и достаточно широкого спроса на изделия ювелиров. На селище присутствуют бракованные экземпляры литых ромбовидных подвесок (рис. 41, 1, 2, 4—7; 42, 5; фото 3, 1—3, 5, 8, 9, 11) и трехдырчатых подвесок-держателей (рис. 42, 11; 133, 2; 136, 7, 8; фото 13, 6—9). В каких формах выплавлялись трехдырчатые держатели трапециевидных подвесок, ромбовидные подвески, нам неизвестно, но то, что они изготавливались серийно, сразу по нескольку штук за один прием в одной форме, свидетельствует наличие литников с несколькими ответвлениями и неудачными бракованными подвесками (рис. 18, 8, 10—14; фото 13, 2—4). Подобным образом выплавляли такие же украшения

гнёздовские (Ениосова, 2001. Рис. 2, 7) и усвятские мастера (Еремеев, 2015. С. 216, 273, рис. 200, 3). Большое количество литейных отходов: литники, выплески, неудавшиеся отливки (рис. 18, 9, 16—25; фото 13, 5) — все говорит о литье бронзы как о достаточно утвердившемся приеме обработки цветных металлов ювелирами Городка.

Любопытную категорию составляют вещи не совсем ясного предназначения. Одна из них представляет собой овальный предмет полулинзовидного сечения, сделанный из песчано-глинистой смеси с добавками дресвы и половы и растертого мелкого угля. Предмет не обожжен, пропитан окислами бронзы, на поверхности видны отпечатки травы или соломы. Возможно, перед нами основа-заполнитель для изготовления овальной фибулы (рис. 26, 2). Второй предмет, также изготовленный из песчано-глинистой смеси, вероятно, мог быть не пущенным в дело тиглем. Внутри него находилась крупная галька и трапециевидная пластинка-заготовка неукрашенная, но с пробитым отверстием (рис. 26, 4).

Другой часто применяемой формой обработки цветного металла было изготовление массивных вещей путемковки из литой заготовки, что иллюстрируется многочисленными находками деформированных слитков, раскованных массивных пластин и заготовок (рис. 17; фото 12). Исходным материалом таких заготовок служили также слитки, вылитые в односторонних и закрытых формах (рис. 17, 1, 2, 10, 11, 16; фото 12, 4—8). Но главную долю продукции ювелиров Городка составляли мелкие пластинчато-проволочные украшения: цепочки, трапециевидные подвески, лунница, держатель, колечки, маленькие кольцевидные фибулы (рис. 42, 1; 50, 5, 11; 136, 2; 142, 2—4; 156, 1, 6, 9; фото 3, 12—17). Заготовки последнего вида украшений встречаются на селище повсеместно (рис. 19А, 1—9). Отходы и проволочные заготовки, связанные с изготовлением мелких проволочно-пластинчатых вещей на селище, являются одними из массовых находок (рис. 19Б; 20; фото 13, 1, 10; рис. II).

Сырьевым источником для ювелиров Городка зачастую служили привозные поломанные вещи, среди которых встречались и скандинавские (рис. 41, 27, 29; 42, 27, 24; 112, 3, 8; 115, 1; 117, 9; 136, 9; 139, 9; фото 4, 15, 18; 6, 1, 6, 7).

Спектральный анализ и технология изготовления. Состав сплавов, применявшихся мастерами Городка, не в последнюю очередь определяет технологический уровень ювелирного дела. Спектрально-аналитическое исследование, выполненное В. А. Галибиным (табл. 12), выявило наличие трех-четырёхкомпонентных сплавов, которые распадутся на три металлургические группы: I — с преобладанием цинка (2,7—30 % и выше), II — свинца (2,4—30 %), III — олова (5,5—30 %). Оловянистые бронзы по частоте применения в рассматриваемый период стоят на последнем месте. Появление их фиксируется только двумя находками в комплексах рубежа X — начала XI в.⁴⁰

Сопоставление результатов морфологического и спектрального анализов выявило достаточно четкое соответствие каждой металлургической группы сплавов определенным приемам изготовления вещей (табл. 14).

Изучение состава глиняного теста тиглей, их форм на широком фоне аналогичного материала, происходящего с памятников I тыс. Восточной Европы, позволяет предпо-

⁴⁰ Полная характеристика результатов спектрально-аналитического исследования вынесена в Приложение 1. См. также табл. 12—14.

лагать, что основные приемы расплава бронзы, принятые в Городке, сложились именно в регионе верхнего Подвинья, Ловати и Поднепровья еще в первой половине I тыс. н. э.

Первая металлургическая группа сплавов и соответствующая ей технологическая схема составили основу ювелирно-ремесленного производства Городка в X — начале XI в., которое, таким образом, продолжало очень древние традиции прибалтийской зоны металлообработки. Этот вывод аналогичен наблюдениям, сделанным над цветными сплавами Новгорода. Но, в отличие от столичных мастеров, ювелиры Городка и в XII в. продолжают отдавать предпочтение древним технологическим приемам, поскольку мелкие поковочные работы составляли значительную долю их продукции. Судя по аналогиям в типах сплавов (табл. 13), Городок стоит к прибалтийским памятникам значительно ближе, чем Новгород. В этом отношении обращают на себя внимание сплавы 3, 4, 6 из группы I, в которых цинк в качестве ведущего приплова обязательно сопровождается значительными концентрациями свинца (1—25 %) и меньшими — олова (0,3—1,8 %), что совершенно не свойственно новгородским сплавам с цинковой лигатурой (Коновалов, 1974. С. 7, табл. I; 2008. С. 7—106), зато находит полные аналогии в подобных сплавах Латвии (Mugurēvičs, 1977. S. 113, t. 15)⁴¹. Цинк в многокомпонентных сплавах Новгорода дополнялся оловом, что в аналогичной металлургической группе Городка наблюдалось всего четыре раза (табл. 13, сплавы 1, 2, 7). Близость Городка к прибалтийским памятникам проявляется в слабости и запаздывании внедрения новых сплавов в технологию ювелирного ремесла Прибалтики («чистой» меди, оловянисто-свинцовых бронз и бинарных сплавов). Они здесь, так же как и в Городке, встречаются лишь в XII в., и то в единичных случаях (Mugurēvičs, 1977. S. 45, t. 5).

Применение в X — начале XI в. ювелирами Городка при литье многокомпонентных сплавов с преобладанием свинца (группа II) составляет пока исключительную особенность данного памятника, прибалтийские мастера при литье в жесткие формы и по восковым моделям широко использовали латуни и их производные. Новгородские ремесленники этого времени владели преимущественно литьем по восковым моделям, используя оловянистые бронзы и оловянисто-свинцовые бинарные сплавы. И лишь гораздо позднее, в XII—XIII вв., начав широко применять жесткие формы, употребляли и свинцово-оловянистую бронзу, близкую по составу сплаву 13 Городка.

И последнее. В X в. в Гнёздове серийно отливались точно такие же, как и в Городке, трехдырчатые разделители и ромбовидные подвески (Ениосова, 2001. С. 212—214, 218). Бесспорная близость приведенных аналогий не только в размерах и форме, но и в технологии заставляет признать исключительность Городка как ремесленного центра, с самого начала своего существования развивавшего прогрессивную технологию, каковой являлось серийное литье. Но тогда, вероятно, следует говорить о существовании в X в. в прибалтийской зоне металлообработки особого

региона, отличительной чертой которого является применение при литье свинцово-цинковых бронз.

Таким образом, проанализировав состав сплавов, проследив истоки основных приемов формовки тиглей, можем говорить, что Городок на Ловати входил в очень древнюю ювелирно-ремесленную зону, в которой основные производственно-технические навыки и приемы сформировались по крайней мере не позже первой половины I тыс. н. э. Продукция ювелиров поселения и комплекс украшений, бытовавших здесь в X — начале XI в., позволяют проследить с VIII—IX вв. продолжение традиций, связанных с культурой смоленских длинных курганов, племена которой свой металлический убор вырабатывали в близких, хотя и не совсем тождественных формах с восточнобалтийскими племенами, прежде всего латгалами, что, по-видимому, было предопределено вышеотмеченной, единой для них ремесленной зоной, сложившейся еще в начале I тыс. н. э.

Выше мы останавливались на инновационных моментах ремесленного производства Городка под Великими Луками, связанных с появлением продукции скандинавских ремесленников. Предполагается, что уже в IX в. происходит осложнение культуры длинных курганов набором целого ряда скандинавских вещей (Корзухина, 1964. С. 297—313). Приток последних на территорию Восточной Европы достигает пика во второй половине X в. В это же время в Ладого и на Рюриковом городище фиксируется местное производство вещей, выполненных в скандинавском стиле (Корзухина, 1965б. С. 45—46; 1973. С. 35—40; Носов, Хвоцинская, 2007а. С. 257—263). Этот процесс в ремесле Городка наблюдается не только в отношении скандинавских вещей, но и вещей приладожского круга, что свидетельствует о единстве процессов, протекавших в предгородских образованиях Северной Руси; ремесленник еще мало ориентировался на массовый спрос (лишь 30 % приходится на долю серийного литья, позволявшего за один прием изготовить до десяти однотипных вещей). По-прежнему подавляющая часть и сырья, и усилий уходит на создание трудоемких вещей, требующих многоступенчатой технологии обработки. Правда, сделан еще один шаг к узкой специализации и технологическому упрощению — создание глиняных форм путем оттиска сложно изготовленного образца.

II.6. Торговля

Причастность жителей Городка к международной торговле определялась прежде всего положением формирующегося центра на пути «из варяг в греки». Интенсивность товарооборота, совершаемого именно в верховьях Ловати, демонстрируется находками уже упомянутых в этой работе двух кладов дирхемов. Оба клада относятся к X в., причем один из них считается редчайшим по количеству монет — его вес составил около 6 пудов.

В числе предметов, свидетельствующих об участии жителей Городка в международной торговле, следует назвать дирхемы и денарий Оттона и Адельгейды. Хотя все эти монеты связаны с поздними постройками (XI—XII вв.) или найдены в культурном слое, также в сопровождении поздних вещей и керамики, все же можно считать, что монетный комплекс Городка формировался в период интенсивного участия его жителей в международной торговле, в момент расцвета его производственной деятельности, в момент формирования качественно новых структурных образований, переводящих поселение в ранг предгородского центра.

⁴¹ В нашем противопоставлении не исключен субъективный момент, поскольку московские специалисты проводили свои исследования по иной системе. Полуколичественный анализ ими получен по методу постоянного графика с визуальной оценкой интенсивности по методу М. М. Клера. К тому же при выявлении сплавов с преобладанием в лигатуре цинка особого значения участию свинца в ней не придавалось.

Детали весов и весовая гирька (рис. 41, 13; 156, 27) говорят об обыденности весовых операций, связанных, как известно, с монетным серебром, а в Городке, по-видимому, еще и со слитками цветных металлов.

Особо выделяется комплекс предметов, происходящих из Северной Европы и Скандинавии: равноплечая фибула, обломки игл от кольцевидных застежек, детали гранчатых наверхий либо шильев, либо писал, роговые гребни, костяные игральные шашки, крупная зеленого стекла буса. Ладьевидный браслет, вероятно, указывает на связи с Приладожьем. С побережьем Балтики связана находка необработанного янтаря из постройки 6 городища.

Необходимо отметить, что все привозные бронзовые вещи найдены в обломках, по-видимому, большая их часть использовалась в качестве сырья для ювелирного производства. Среди привозных вещей значительная доля приходилась на слитки бронзы. Многие из них имеют стандартную форму. Клад слитков подобной формы был найден в Финляндии (Шмидехельм, 1959. С. 165). Датируется он X в. Автор публикации Х. Сальмо считает, что завезены они из бассейна рек Рейна и Мааса. По составу металла слитки из этого клада соответствуют группе I типу 3 сплавов нашего памятника, самой представительной по количеству группе, составившей технологическую основу ювелирного дела Городка на Ловати.

На связи района Великих Лук с Волжско-Балтским торговым путем указывает случайная находка бронзового кувшина в виде головы женщины со следами инкрустации на месте глаз и бровей. Кувшин имеет восточное происхождение и датируется IX—X вв. (Уваров, 1910. С. 104, табл. XXXIII; 96; Даркевич, 1976. С. 51). В эту же категорию находок следует включить сердцевидную бляшку с растительным орнаментом, типологически близкую салтовским или волжско-булгарского происхождения экземплярам.

Жители поселения выступали в роли перекупщиков, участвуя в международной торговле и получая цветной металл взамен продуктов земледелия и подсобных промыслов (пушнина, воск, мед и т. п.), которые им поставляла округа в обмен на продукцию ювелиров — украшения, выполненные в традициях культуры длинных курганов.

Оставляя часть продуктов у себя, основную массу сбывавая в обмен на сырье и монетное серебро, ювелиры поселка становились важным звеном в транзитной торговле. Но это не обеспечивало стабильности существования ювелиров, поскольку сырьевой источник полностью не контролировался ими. Другое дело — кузнецы и доменщики. Безусловно, их роль в жизни поселения была более основополагающей. Отток в Городок какой-то части товаров, идущих транзитом, происходил в счет оплаты работы кузнецов и доменщиков, обслуживавших в основном торговый путь и дружину, а не округу. Именно с этой ситуацией и связана тенденция к сосредоточению ювелирного и кузнечного дела в одних руках (большая часть построек содержит следы как кузнечного, так и ювелирного производства).

II.7. Домашние промыслы и сельское хозяйство

Находки, свидетельствующие о занятии населения Городка на Ловати в X — начале XI в. земледелием, практически отсутствуют. Мы можем говорить лишь о наличии каких-то пищевых запасов: на городище довольно значительный процент строений имел подпол — предпечные ямы. Для хранения также какого-то продовольствия

предназначался и подклет. На дне сосуда из сооружения 27 оказались остатки горелой каши, судя по сохранившимся зерновкам, из проса. Из сельскохозяйственных орудий, присутствующих в предматериковых отложениях селища, можно назвать обломки чересла и сошника (рис. 46, 13, 14). Но данный факт свидетельствует лишь об использовании кузнецами их в качестве металлолома.

Подобное отсутствие свидетельств занятия населения земледелием принято считать одним из основных признаков протогородских и раннегородских поселений. Но, по нашим представлениям, не всегда можно с полной уверенностью отвечать на вопрос о сельском хозяйстве отрицательно. Остатки зерна, освещающие сельскохозяйственную сторону деятельности населения, обычно чрезвычайно редки. На городище вскрыта достаточно обширная площадь, и есть отложения, побывавшие в огне, так что пропустить какие-то детали было довольно сложно.

В архиве Я. В. Станкевич сохранились результаты анализа костного материала. Но, к сожалению, этот материал не имеет ни хронологического, ни стратиграфического определения. Представляя их для публикации в разделе, посвященном характеристике материальной культуры раннего периода Городка на Ловати, следует учитывать достаточную условность применения этих результатов для данного периода. Костные материалы обильны, что указывает на интенсивные занятия животноводством (табл. 17, 18). По составу костей животных можно подразделить следующим образом: крупный рогатый скот — 46 %⁴², мелкий рогатый скот — 17 %, свинья — 30 %, лошадь — 7 %. Материалы селища по составу стада дают примерно аналогичное соотношение: крупный рогатый скот — 36 %, мелкий рогатый скот — 18,5 %, свинья — 33,5 %, лошадь — 12 %. Единичны кости гусей, кур, уток; причем кости домашней птицы были найдены только в культурных отложениях городища.

На занятия животноводством указывает также находка косы из предгорновой ямы сооружения 30 (рис. 153, 1). Лезвие косы было не отбито и не наточено. Аналогичная находка известна в материалах кузницы в пойменной части Гнёздова (Пушкина и др., 2012. С. 153, рис. 11, 3). Коса по пропорциям относится к южнорусскому типу, по длине черенка — к новгородскому. Но все же ее скорее можно отнести к южнорусскому типу, так как изогнутость небольшая, а это тоже южнорусский признак⁴³.

Охота была постоянным занятием жителей Городка. Процент костей диких животных составил 9,7 % от всего костного материала (табл. 17, 18). Охотились больше всего на бобра. Находки его костей составили 36,3 % от всего количества костей диких животных, что свидетельствует об определенной направленности охотничьего промысла. Бобровые шкурки пользовались особым спросом на международном рынке. Мясо диких животных довольно часто входило в рацион жителей Городка на Ловати: кости лося, благородного оленя, медведя и зайца присутствуют среди материалов городища. На селище найдены всего одна кость лисицы и одна кость птицы. Данное обстоятельство заслуживает внимания. На городище есть также подвески из клыков медведя (рис. 83, 9; 89, 9). Кости рыбы, рыба чешуя в незначительном количестве найдены на городище. Очень

⁴² Процентное соотношение дано по количеству особей.

⁴³ Устная консультация М. А. Миролубова.

редки находки блесен (2 экз.; рис. 46, 4, 5) и находки рыболовных крючков (всего 4 экз.; рис. 46, 6, 15; 83, 2; 84, 11).

Прядение и ткачество было ежедневным занятием женщин поселения. Глиняные, костяные и каменные, преимущественно шиферные, пряслица найдены в большом количестве повсеместно на городище (рис. 34, 3, 10; 61, 1; 65, 7; 81, 8, 15, 21, 22; 82, 19; 89, 6, 7; 93, 6, 7). Присутствуют они и в культурном слое и в заполнениях сооружений селища (рис. 47, 1, 4, 5, 7—9; 132, 21; 151, 8). Полученную пряжу использовали при прядении на вертикальном ткацком станке. О применении именно такой конструкции ткацкого станка говорят находки дисковидных грузиков на городище (рис. 89, 15; 93, 9).

Особенно много находок, свидетельствующих о развитии косторезного дела: шилья, проколки, кочедыки, игольники (рис. 29, 5, 6; 33, 4; 37, 5; 39, 3; 48, 7; 56, 6). Обращает внимание проковка, орнаментированная скандинавской плетенкой в стиле Борре (рис. 65, 1, 2, 2-а). Орнамент выполнен не до конца. Выполнял его явно местный житель, что-то помешало ему довести до конца орнаментацию нехитрого инструмента.

Разного рода костяные шайбы, рукояти ножей, костяные пряслица выполнялись в соответствии с ежедневными потребностями местного населения. Много найдено заготовок, стружки, обрезков, кусков рога со следами распиловки, полубрашанных вещей (рис. 56, 5, 7; 60, 7, 8; 81, 19; 82, 18; 83, 4, 15; 98, 9). Занятие косторезным делом было, по-видимому, постоянно действующим фактором жизни Городка, но эти занятия не приобрели статус ремесленного производства, поскольку, во-первых, многочисленные отходы и находки костяных изделий не связаны со специализированным помещением, а во-вторых, и это главное, нет свидетельств применения токарного станка. Костяные шашки, которые обработаны на токарном станке, были, скорее всего, привозной продукцией, так как костяные пряслица, изготовлявшиеся обычно также на токарном станке, на нашем памятнике имели следы только ручной обработки.

В отношении гребней, найденных на поселении, сказать что-либо определенное трудно. Но нам кажется, что, несмотря на присутствие кусков пиленого рога, большая их часть была привозной. Особенно справедливо это в отношении большой гребенки из постройки 1 городища (рис. 56, 6), откуда также происходят и костяные шашки. На занятия обработкой дерева указывает присутствие ложкаря, струга и обломок топора (рис. 60, 12; 61, 5; 93, 2).

Заключая характеристику основных занятий жителей Городка на Ловати, следует подчеркнуть, что все же глав-

ной задачей этого центра, достаточно динамично развивавшегося на протяжении полустолетия или лет на 25 больше, был военно-административный контроль над сухопутными и речными коммуникациями как направления север — юг (путь «из варяг в греки»), так и запад — восток. Материальной культуре нашего памятника присуща достаточно выраженная военно-всадническая окраска. В разделе II.2, посвященном основным категориям вещей Городка, была дана характеристика железного копья с пером ланцетовидной формы (рис. 46, 16) и ланцетовидных наконечников стрел, основная масса которых обнаружена в пяти постройках городища (рис. 60, 9, 10; 82, 5, 6; 83, 7; 84, 10, 14, 17; 89, 1—4). Такие наконечники стрел были предназначены и для боя, и для охоты. Местные мастера-кузнецы были причастны к их изготовлению (рис. 45, 16; 46, 7). Кроме ланцетовидных стрел на городище присутствует бронебойный боевой наконечник стрелы с треугольным сечением пера без упора (рис. 101, 2). На городище и селище найдены двушипные втульчатые наконечники, которые относятся к разряду боевых зажигательных стрел (рис. 93, 1; 101Б, 7; 139, 6, 7). Обращает на себя внимание присутствие в постройках городища элементов снаряжения коня: подпружная пряжка, кольчатые удила и кольца, связанные с ними, ледоходные шипы (рис. 32, 1; 34, 15; 43, 1; 44, 11; 60, 5; 83, 1, 8; 84, 3; 89, 8, 13). Круглый в сечении железный стержень с шишечкой на одном конце, вероятно, относится к особому виду псалий (рис. 84, 5; ср.: Кирпичников 1973. Табл. I, 4). В плане характеристики военно-дружинного комплекса находок на городище представляет интерес почти полностью разрушенная постройка 21. С ее остатками связаны кроме бронебойной стрелы с треугольным сечением и двушипного втульчатого наконечника находки двух широколезвийных ножей, а также крюк для подвешивания походного котла (рис. 101Б, 3, 5—7).

Местоположение поселения на границе двух групп памятников культуры длинных курганов и культуры сопкок весьма симптоматично. Городок на Ловати вынесен вниз по реке своеобразным форпостом. Если с юга к нему вплотную подходят памятники культуры длинных курганов, то ниже Великих Лук до р. Халвица идет практически свободная зона, а ниже р. Халвица до р. Робыя мы наблюдаем плотный сгусток памятников культуры сопкок (Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 6, 237). Возникновение Городка в таких условиях, т. е. практически вне племенной территории, на пограничье, безусловно, было стимулировано внешними причинами, а пограничное положение обеспечивало беспрепятственность контроля.

Глава III

ГОРОДОК НА ЛОВАТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI—XII в.

III.1. Хронология и основные категории вещей

Временные рамки данного периода определяются с помощью детальной вещевой хронологической шкалы Новгорода (Труды Новгородской..., 1956; 1959; 1963; Шапова, 1972; Седова, 1981; Лесман, 1984) и хронологических разработок, сделанных для отдельных категорий украшений А. В. Успенской, В. Д. Левашевой, В. А. Мальм, М. В. Фехнер (Труды ГИМ, вып. 43). Привлекались результаты капитальной работы по керамике западнорусских городов М. В. Малевской (Малевская-Малевиц, 2005), а также шкала развития позднегончарной керамики Новгорода и Пскова и других памятников Северной Руси, разработанная Г. П. Смирновой и В. И. Кильдюшевским (Смирнова, 1956; Кильдюшевский, 2002). Для уточнений и добавлений приходилось обращаться к работам других авторов либо непосредственно к архивным материалам и неопубликованным археологическим коллекциям.

Стратиграфические наблюдения позволяют выявить моменты нарушения и перекрытия поздними постройками сооружений и построек из раннего периода жизни Городка на Ловати. Согласно полевым наблюдениям Я. В. Станкевич, на городище постройка 13 уничтожила какое-то сооружение X — начала XI в. и задела юго-западную часть постройки 10, которая тоже относится к финалу раннего периода Городка, постройка 17 частично разрушила западный угол постройки 0¹. На селище (табл. 16) каменный фундамент сооружения 33 нарушил линзу белой глины, которая образовалась от разрушенной каменной печи X в. (сооружение 15) (рис. 130, разрез И₀₀—Н₀₀; между пикетами М₀₀—Н₀₀). Линза белой глины перекрывала заполнение сооружения 16 X в. (рис. 130, разрез И₀₀—М₀₀). Сооружение 22 задело часть более раннего сооружения 23, а выброс из ее котлована (светлый с примесью гумуса песок) перекрывает сооружения 10, 12, 12-а, 13, 14 из раннего периода Городка².

Итак, возводить постройки второго периода на Городке стали не ранее середины XI в., после того как самые поздние сооружения первого периода, даже те, что не сгорели в пожаре (постройка 10 на городище и сооружение 15 на селище), были уже разрушены.

В культурном слое поселения и в постройках были встречены единичные вещи, верхняя граница существования которых ограничена рамками XI в. либо XII в.: шаровидный и грушевидный бубенчики с крестовидной прорезью (рис. 41, 11; 183, 18), калачевидные кресала с язычком (рис. 44, 13; 183, 2) (Колчин, 1982. С. 163, рис. 4; Мальм, Фехнер, 1967. С. 136). Ключи от висячих замков типа А по новгородской классификации обнаружены в постройках 15, 19 (рис. 182, 10; 183, 10; 192, 7). Появляясь в IX—X вв., они получают наибольшее распространение в XI в. (Колчин, 1959. С. 78, 79; 1982. С. 160). В постройке 17 присутствует спиралеконечная фибула с треугольным сечением тела (рис. 186, 4). Хронологический интервал бытования этих застежек ограничен концом X—XI в., в слоях последующих столетий они встречаются крайне редко, то ли в результате перемещения культурного слоя,

то ли в качестве пережитка (Седова, 1981. С. 84, 86, 87, рис. 31, 1; Горюнова, 2009. С. 138). В культурном слое селища встречен фрагмент посеребренного пластинчатого широкосердечного перстня с завязанными концами, шиток его украшен рядами «волчьего зуба» (рис. 159, 1). Общие хронологические рамки существования перстней такой конструкции в литературе определяют последней четвертью X—XI в. (Подвигина, 1961. С. 53; Недошивина, 1967. С. 256, 257, 269, 270, рис. 31, 2, 4; Носов, 1990. С. 77). М. В. Седова считала, что подобные перстни на территории Древней Руси распространяются в основном в XI в., а в Скандинавии они появляются в конце X в. (Седова, 1981. С. 129, 130, рис. 45, 24, 25; 46, 12, 14; Arbman, 1940—1943. Taf. 111, 6—11; Stenberger, 1947. S. 226—227, Abb. 174, 14).

Вне комплекса в культурном слое на селище найден крест так называемого «скандинавского» типа, крупный экземпляр с разработанной четкой орнаментацией (рис. 41, 36; фото 8, 3). Такого типа подвески датируют XI—XII вв. (Фехнер, 1968. С. 210—214). Они встречаются в кладах, зарытых в XI — начале XII в. (Корзухина, 1954. С. 99, табл. XXVI, 1), в погребальных комплексах сопровождаются набором вещей как XI в. (Макаров, 1982. С. 80—86, 82, рис. 2, 2), так и XII в. (Спицын, 1903. С. 59—60, табл. V, 7; Гроздилов, 1947. С. 11—114).

Вещи, аналогичные курганным древностям XII в. и сопровождающие кресты «скандинавского» типа, известны в Городке в жилых комплексах. Это перстни, простой витой из постройки 15 и витой со сканой проволокой из постройки 19 (рис. 183, 16; 192А, 4) (Седова, 1981. С. 256; Седова, 1959. С. 257), подвеска-ложечка и трехбусинное позолоченное височное кольцо из постройки 17 (рис. 186, 7, 8) (Арциховский, 1930. С. 143; Седова, 1981. С. 181—182), ключ из постройки 14 (рис. 179, 16) (Колчин, 1959. С. 80, рис. 66, 3). Все эти вещи, появляясь в XI в., получают наибольшее распространение к середине XII в. Также не выходят за рамки XII в. замок из постройки 15 и ключи от висячих замков типа В первого варианта, найденные в культурном слое селища и районе постройки 3 городища (рис. 43, 6; 61, 6; 183, 9) (самый конец XII в.; Колчин, 1959. С. 81; рис. 67, 6).

Довольно широк набор вещей, которые, получив значительное распространение в XII в., имеют выход в XIII в.: перстни, стеклянный и бронзовый рубчатый, найденные в постройке 15 (рис. 183, 15, 19) (Шапова, 1972. С. 97—96; Седова, 1981. С. 255), бронзовое писало из постройки 17 (рис. 186, 1) (Медведев, 1960. С. 73), ключи от замков типа Б из постройки 15 (рис. 182, 6, 9; 183, 3, 21) (Колчин, 1959. С. 95—96), топоры из построек 13 и 15 (рис. 179, 9; 182, 1) (Кирпичников, 1966. С. 30, рис. 6). В культурном слое городища изредка встречаются небольшие фрагменты амфор, которые не поддаются типологическому и хронологическому определению. Лишь один фрагмент кирпично-красного цвета с примесью песка в тесте и глубокими желобками на поверхности М. В. Малевская-Малевиц датировала рубежом XI/XII — первой половиной XIII в. (устная консультация). В культурном слое селища встречена бусина XII — начала XIII в. — зонная ярко-синяя прозрачного стекла и плохого качества (рис. 6, 29; 41, 31; фото 5, 7) (Шапова, 1956. С. 166—167). Один так называемый «оплавленный» бубенчик, обнаруженный в культурном слое селища, датируется XII—XIII вв. (рис. 41, 12).

¹ Разрезом, подтверждающих эти наблюдения, в архиве Я. В. Станкевич нет.

² О дате сооружений 22 и 33 см. ниже.

Два бубенчика с щелевидной прорезью, один найден в культурном слое селища, другой — в постройке 17 (рис. 41, 15; 186, 5), встречаются в комплексах XII—XIV вв. (Мальм, Фехнер, 1967. С. 137—148). Овальное кресало из постройки 15 датируется второй четвертью XII — второй четвертью XIV вв. (Колчин, 1982. С. 163).

Присутствуют также вещи с широким хронологическим диапазоном от X/XI вв. до XIII в. и даже XV в. В постройке 15 найдены ленточный бронзовый загнутоконечный браслет с геометрическим узором (рис. 183, 22) (Седова, 1959. С. 250—252), ключ от нутряного замка (рис. 183, 14), пружина от такого же типа замка (рис. 183, 20), в культурном слое селища — калачевидное кресало без язычка конца XI — первой половины XIII в. (рис. 45, 2) (Колчин, 1959. С. 80—82, 92, рис. 74, 1; С. 93, рис. 75, 3; С. 99—103, рис. 85; 1982. С. 161—163). В эту же хронологическую группу входят две хрустальные шаровидные бусины, одна — из постройки 17 (рис. 6, 24; 186, 6), вторая из культурного слоя селища (рис. 6, 25; фото 5, 13) (Лесман, 1984. С. 140), а также стеклянная шаровидная бусина, покрытая коркой утратившего цвет стекла, внутри сохранилось стекло желтоватого цвета. Найдена она в культурном слое селища (рис. 6, 26; 41, 21), по новгородской хронологии датируется X—XIII вв. (Щапова, 1956. С. 165, 166; Колчин, 1982. С. 167, 169).

Поскольку часть вещей, твердо датированная XII в., все-таки имеет выход в XIII в., то верхняя хронологическая граница памятника устанавливается с трудом. Но так как в постройках городища найдены вещи, в основном не выходящие за рамки XI или XII в. либо в равной степени распространенные как в XII в., так и в XIII в., то поэтому для основной массы построек городища второго периода существования Городка на Ловати дату пришлось ограничить второй половиной XI — рубежом XII/XIII вв. Некоторые из них по вещевому материалу датируются широко XI—XII вв. (постройки 15, 17, 19), постройка 13 имела всего одну хронологически значимую вещь — топор, широко распространенный в XII в. с выходом в XIII в. Постройки 14, 16, 18, 20 в своем комплексе не имеют датирующих вещей, для них хронологию можно определить только по набору керамических форм (см. ниже).

На селище на верхнем уровне культурного слоя³, исключая предматериковый слой (последние 10—20 см) и материк, постоянно встречаются вещи и керамика XI—XII вв. (рис. 35, 4, 5, 7—10; 36, 1—3, 8, 14, 20, 23; 41, 11, 12, 14, 15, 18, 21, 22, 26, 36; 43, 6; 44, 2, 7; 159, 1, 5; 192Б, 1). В культурном слое селища встречен также амфорный материал, но он не поддается типологическому определению и датировке, так как принадлежит стенкам и небольшим фрагментам ручек. Но вот объектов этого времени на поселении выделить не удалось. Сооружения на селище, которые были возведены после X — начала XI в., относятся к несколько более позднему времени, чем основная масса строений на городище. Особенно выразителен в этом плане комплекс сооружения 33 (рис. 196, 197).

Несмотря на то что в слое, перекрывающем линзу ярко-желтой супеси с обмазкой сооружения 33, найдены довольно ранние вещи (одночастная псевдозолоченая «ли-

монка», двойчатка «лимонка» желтого стекла X — первой половины XI в. (рис. 41, 20, 23; 201, 2; фото 5, 2, 4), игла от кольцевидной фибулы середины X — начала XI в., хрустальная бусина XI—XII вв., ключ типа В существующий только до конца XII в.), предметы, обнаруженные непосредственно в этой линзе, позволяют время функционирования данной постройки определить не ранее первой половины XIII в. (рис. 201). Овальнощитковый литой перстень по новгородским находкам можно датировать концом XII — серединой XV в. (Седова, 1981. Рис. 49, 11). Шпора с зубчатым колесиком относится к типу, который не имеет в скобе надпяточного расширения и снабжен асимметричными по устройству петлями: с одной стороны прямоугольной, с другой — круглой петлей с флажком. Такого рода шпоры появляются на Руси не ранее 20-х, 30-х гг. XIII в. (Кирпичников, 1973. С. 68). Элементы конской упряжи, посеребренные или покрытые оловянной полудой, по своим формам находят полные аналогии в материалах XII—XIII вв. латвийских городищ (Latvijas..., 1974. Tab. 49, 28). Сапожная подковка относится к первому типу, по Б. А. Колчину, и, по мнению Б. А. Колчина и П. Г. Гайдукова, появляется в Новгороде не ранее XIV в. (Колчин, 1959. С. 108, 110; Гайдуков, 1992. С. 95). Правда, такой поздней датировке противоречит керамический комплекс сооружения (см. раздел III.2 «Керамический комплекс XI—XII вв.»).

Хронологическую позицию сооружения 22 можно установить, исходя из стратиграфических наблюдений и принимая во внимание достаточно скудный набор керамических формы из заполнения постройки. Анализ стратиграфических наблюдений на селище (табл. 16) позволяет утверждать, что при возведении сооружения 22 его углубленный подпол нарушил уже отложившиеся культурные наслоения XI—XII вв., поскольку в образовавшемся выбросе материковой супеси и песка присутствовали вещи данного времени: фрагменты венчиков гончарной посуды, подковообразная фибула со спиральнозагнутыми концами и ромбическим сечением тела (рис. 37, 1—4, 8, 9; 41, 35). Выше уже было сказано, что выброс перекрывал ряд ремесленных сооружений раннего периода, а котлован подполья задел часть рабочего пространства около южного края горновой ямы сооружения 23. В заполнении подполья сооружения нет датирующих вещей⁴, его относительная хронология уточняется керамическими находками, которые составляют единый комплект с сосудами из сооружения 33 (см. в разделе III.2 «Керамический комплекс XI—XII вв.»).

С хронологическим периодом существования вышеперечисленных сооружений согласуются две яркие находки из культурного слоя. На раскопе II 1977 г. в верхней части культурного слоя был найден фрагмент браслета темного стекла, типовой новгородско-смоленско-полоцкой школы. По заключению Ю. Л. Щаповой (устная консультация), эти браслеты, появившись в самом конце XII в., во второй половине XIII в. составляют 2/3—3/4 всех браслетов из стекла. Широкая дата: начало XIII — первая половина XIV в. Также в культурном слое селища найдено редкое изделие — биконическая пастовая бусина, трехслойная печеночного цвета с желтой прослойкой по ребру (рис. 41, 26; фото 5, 1). По мнению Щаповой (устная консультация),

³ В шт. 1—3, там, где произошло наиболее мощное накопление культурного слоя, а кое-где только в шт. 1, поскольку культурный слой на значительной части крутого склона (северные квадраты раскопов) был разрушен и смыт.

⁴ Дирхем, обнаруженный в верхней части заполнения подпольной ямы, в данной стратиграфической ситуации не может служить этим целям.

бусина по своему составу близка к поливным плиткам киевского и белгородского типов, первоначально цвет полоски был зеленовато-голубой. Нижняя дата — 90-е гг. XII в. — устанавливается по поливным плиткам из Чернигова. Существует только в домонгольский период.

И еще раз, возвращаясь к монетным находкам Городка, следует напомнить, что все эти монеты связаны с постройками XI—XII вв. (денарий Оттона-Адельгейды; дирхемы 910 г. и 894—902 гг.) или найдены в культурном слое также в сопровождении поздних вещей и керамики (дирхемы 795/6 г. и 909/10 г.). Две монеты были с пробитыми отверстиями, одна с остатками ушка для подвешивания. Помимо широкого круга примеров позднего использования монетного серебра IX—X вв. в качестве подвесок в нагрудных ожерельях погребенных в XI в. подобное выпадение монетного серебра конца IX — первой половины X в. в культурный слой второй половины XI — первой половины XII в. можно наблюдать на примере материалов Передольского погоста (Платонова, 1991. С. 75—76).

III.2. Керамический комплекс XI—XII вв.

Керамический комплекс второго периода существования Городка на Ловати представлен гончарной посудой в подавляющей своей массе местного производства. Лишь единичные фрагменты принадлежат красноглиняным амфорам с широким бороздчатым рифлением. Посуда имеет довольно совершенную выделку. Профилировка венчиков и обтачивание как внутренней, так и внешней поверхности сосудов производились на гончарном круге стадии РФК-3 (по терминологии Бобринского, 1978. С. 51—52), отдельные фрагменты сохранили следы стадии РФК-4.

В тесте керамики в качестве примеси продолжали использовать дресву, но дресва теперь калибровалась. По составу теста керамический материал можно разделить на четыре группы. В первой группе применялись тонкие формовочные массы вида 5—6, по А. А. Бобринскому (Бобринский, 1978. С. 109—111) (20—55 фракций дресвы на 1 кв. см, размером 0,5—0,9 мм). Во второй группе — средние грубые формовочные массы вида 5 (12—13 фракций дресвы на 1 кв. см, размером 1—2 мм). Третья группа представлена очень грубой формовочной массой вида 6 (5—6 фракций дресвы на 1 кв. см, размером 2,0—2,5 мм) с естественной примесью кусочков охры. Четвертая группа выделяется тем, что для нее характерны два вида формовочных масс, очень грубые и тонкие вида 5—6, в одной смеси, которая содержит еще и естественную примесь песка.

Набор посуды включает следующие формы: горшки, миски, тарелку, крышки, миниатюрные сосудики, амфоры. Ассортимент керамики существенно расширился по сравнению с предшествующим временем, появились четыре новые формы, исчезла такая категория, как сковороды. Но в количественном отношении по-прежнему наиболее представительна группа горшков (150 реконструируемых экземпляров), все остальные формы известны в единицах. Поэтому лишь одна категория посуды — горшки была подвергнута типологическому членению.

Поскольку основная масса керамического материала Городка фрагментирована, то большая часть форм получена в результате реконструкции. Но так как при этом восстанавливаемые высота и диаметр дна сосудов всегда вызывают некоторые сомнения, то мы попытались внести в эти параметры уточнения путем выявления преобла-

дающих показателей для соотношения высоты к диаметру венчика (или максимального диаметра)⁵ целых форм археологических коллекций Залахтовья, Изборска, Пскова, Старой Ладоги. Выборка составила 66 горшков, абсолютное большинство которых имело высоту либо равную диаметру венчика (максимальному диаметру сосуда), либо меньшую на несколько сантиметров⁶. Для сравнения был привлечен материал Гнёздовского могильника как одной из самых южных точек Северо-Западного региона⁷. При этом получена картина гораздо более сложная, чем та, что мы наблюдали на материалах Псковской и Новгородской земель (рис. 160, Б). В привлеченной выборке из 28 сосудов мы имеем по крайней мере три группы горшков различной пропорции. Одну, самую многочисленную (более половины всей выборки), составляют сосуды с высотой, равной диаметру венчика или больше него на 1 см. Вторую (около 1/4 выборки) представляют горшки с высотой больше диаметра венчика на 3—5 (Каменецкая, 1977. С. 20)⁸. А в третьей (1/4 выборки) входят сосуды, по своим пропорциям аналогичные посуде Северо-Запада Древней Руси.

Так как Городок на Ловати территориально исторически связан с Новгородской и Псковской землями, то при графической реконструкции, когда возникали колебания в выборе высоты сосуда, предпочтение отдавалось высоте, либо равной диаметру венчика (максимальному диаметру), либо на 1—2 см меньше, при этом учитывалось, что диаметр дна сосудов в нашей выборке целых форм обычно колеблется от 5 до 11 см, причем у половины сосудов он равен 7 см.

При типологическом членении горшков принимались во внимание следующие параметры, полученные в результате графической реконструкции: а) местоположение максимального диаметра сосуда по отношению к общей высоте сосуда; б) длина пересечения перпендикуляра, опущенного от основания венчика, с линией тулова (показатель В)⁹ (рис. 160, А); в) профилировка и оформление внешнего края венчика. При этом было выделено четыре основных типа, разделенных на несколько вариантов.

I тип включает сосуды с вертикальным горлом. Максимальный диаметр сосудов колеблется в пределах от 1/3 до 1/4 общей высоты. Показатель В варьирует от 4 до 9,5 см. Характерна псевдоваликовая ornamentация в сочетании с гребенчатым штампом. *Вариант Б* отличается от *варианта А* более конусовидным туловом и резко выделенным плечом (рис. 161, 1, 2). Венчик вертикальный, край его срезан косо или прямо, с легкой различной конфигурацией оттяжкой внутрь (рис. 170, группа венчиков II).

⁵ Соотношение высоты сосуда и его максимального диаметра, каковым часто бывает диаметр венчика, считается наиболее показательным при выявлении основных типов керамики.

⁶ Такие пропорции характерны и для гончарной керамики Новгорода конца X—XI в. (Смирнова, 1956. С. 235, рис. 3; С. 238, рис. 4; Носов и др., 2005. С. 283, табл. 111, 1, 2, 8; 284, табл. 112, 8; 285, табл. 113, 2). Высота сосудов либо равна диаметру венчиков, либо превышает его на 1—2 см. Но с XII в. постепенно начинают преобладать сосуды более стройные, их высота значительно превышает диаметр венчика.

⁷ Использованы материалы из раскопок Д. А. Авдусина 1949—1957 гг., хранятся в фондах Смоленского исторического музея.

⁸ Автор отмечает появление в Гнёздово в конце X — начале XII в. южных форм, которые отличаются стройными пропорциями.

⁹ Данный показатель служит выражением высоты и степени выпуклости плеча, а также соотношения диаметра венчика и максимального диаметра сосуда.

II тип содержит горшки с округлым туловом, место-положение максимального диаметра колеблется от уровня 1/2 до уровня 1/4 высоты сосуда. Показатель **В** варьирует в пределах 9,5—10,5 см.

Варианту II-1 принадлежат сосуды с максимальным диаметром, расположенным на 1/3 высоты. Показатель **В** равен 10,5 см (рис. 161, 3, 4). Венчик короткий, отогнут наружу, имеет прямой срез (рис. 170, группа венчиков IA).

Вариант II-2 включает сосуды с максимальным диаметром, расположенным на 1/4 высоты, показатель **В** равен 9,5 см (рис. 161, 5). Венчик очень короткий, его внешний край слегка округлен, внутренний край иногда оформлен легкой ложбинкой под крышку (рис. 170, группа венчиков III).

Вариант II-3. Максимальный диаметр сосудов располагается на 1/3 общей высоты. Показатель **В** имеет длину от 5,5 до 7 см. Венчик короткий эсвидный, отогнут наружу (рис. 162, 163). Край имеет различное оформление: закруглен, утолщен, оттянут книзу или кверху, имеет желобок по внутреннему или наружному краю (рис. 170, группы венчиков IA, III, IV, V, VI).

Вариант II-4 объединяет сосуды с максимальным диаметром, расположенным на середине высоты. Показатель **В** колеблется в пределах 7,5—9,0 см (рис. 164). Венчик слегка отогнут наружу, имеет косой срез. Переход от шейки к плечу подчеркнут резким уступом (рис. 170, группа венчиков I-Г, VII-A, Б; рис. 171, группа венчиков VII). Часть сосудов с группой венчиков VII, в отличие от основной массы керамики данного периода, несет следы РФК-2/РФК-3 (рис. 164, 2, 4).

Тип III объединяет горшки с более приподнятыми, чем у типа I, плечами и конусовидным туловом. Положение максимального диаметра колеблется в пределах от 1/4 до 1/7 общей высоты сосуда. Показатель **В** — от 0,9 до 6,0 см.

Варианту III-A₁ принадлежат сосуды с максимальным диаметром на 1/5—1/4 общей высоты. Показатель **В** — 5,5; 6 см (рис. 165). Венчик эсвидный, отогнут наружу, имеет кососрезанный или закругленный край (рис. 170, группы венчиков I, III-B, IV-B).

Варианту III-A₂ принадлежат сосуды с тем же расположением максимального диаметра, что и в предшествующем. Показатель **В** — 0,9—2,5 см (рис. 166). Венчик эсвидный, отогнут наружу, имеет пять вариантов оформления края (рис. 170, группы венчиков I-Б, III-A, Б, IV, V).

Вариант III-B₁ содержит сосуды с максимальным диаметром, расположение которого колеблется в пределах от 1/5 до 1/6 общей высоты сосуда, показатель **В** равен 4,5 см (рис. 167, 1). Венчик очень короткий, резко отогнут наружу (рис. 170, группа венчиков IV-B).

Вариант III-B₂ имеет те же данные по расположению максимального диаметра, что и предшествующий вариант. Показатель **В** равен 3—4,5 см (рис. 167, 2—4). Венчик эсвидный, отогнут наружу с легкими желобками по внутреннему и внешнему краю (рис. 170, группа венчиков I-Б), а также с желобком по верхнему краю (рис. 170, группа венчиков III-B), есть венчики со слегка сглаженным краем.

Варианту III-B₃ принадлежат сосуды с максимальным диаметром на 1/7 общей высоты. Показатель **В** равен 0,9—1 см (рис. 168). Венчик слегка отогнут наружу с легким желобком по верхнему краю (рис. 170, группа венчиков I-Б, III-B, IV-B).

Тип IV включает мискообразные сосуды, у которых общая высота меньше диаметра венчика, максимальный диаметр располагается на 1/5—1/6 общей высоты (рис. 169).

У *варианта IV-A* максимальный диаметр больше диаметра венчика на 2—3,5 см, плечо выделено резким уступом, шейка высокая, венчик резко отогнут наружу, имеет сложную профилировку с округлым краем и желобками либо на верхнем внутреннем крае, либо на верхнем и наружном крае (рис. 169, 1, 2; 170, группа венчиков VIII-A, Б).

Вариант IV-B имеет максимальный диаметр меньше диаметра венчика на 1 см. Венчик сильно отогнут наружу, оформление края разное: он либо закруглен, либо имеет прямой срез, либо легкую внутреннюю оттяжку, иногда внутри оформлена широкая канелюра под крышку (рис. 170, группа венчиков I-Б, VII-B, IX-A, Б). Высокое плечо у части сосудов резко отделено от шейки (рис. 169, 3, 4). Шейка у всех сосудов обозначена крутым изгибом или резким изломом (рис. 169, 3—7). Часть сосудов этого варианта не отличаются тщательностью выделки, они несут следы РФК-2/РФК-3 (рис. 169, 4, 5).

Кроме горшков в керамическом наборе Городка обращает на себя внимание некоторое число **крышек** (рис. 30, 17; 31, 12; 181, 4, 5; 191, 4; 192Б, 3). Большая часть этой формы, за единственным исключением, не имеет ornamentации (рис. 192Б, 3).

Маломерные сосуды относятся к редким формам, как и крышки (рис. 177, 7; 188, 8; 198, 3). У двух плечо сформовано в виде ребра, по которому нанесен орнамент: насечки, в одном случае, и одиночная небрежная волна — в другом (рис. 188, 8; 198, 3). Третий сосуд имеет плавную эсвидную профилировку, украшен линейно-волнистым орнаментом (рис. 177, 7).

В коллекции Городка удалось реконструировать всего четыре **миски**. Две миски просты по своей профилировке, широко раскрыты, имеют конусовидную или чашевидную форму и невыделенный венчик (рис. 36, 2; 181, 9). Одна из конусовидных мисок имеет выделенный резко отогнутый наружу венчик (рис. 30, 5). У четвертой миски есть ребро и сложно профилированный венчик с внутренним широким желобком под крышку. Она орнаментирована мелкими насечками и квадратными тычками в два ряда (рис. 181, 19).

Поскольку рассмотренная совокупность керамических форм принадлежит сравнительно небольшому хронологическому отрезку (вторая половина XI—XII вв.), то комплекс признаков каждого типа со временем не меняется сразу весь полностью. Выделенные типы горшков, таким образом, не являются отражением генетического развития данной формы посуды. Временным изменениям подвержены только отдельные признаки: форма венчика, профилировка шейки, приемы и композиционная структура ornamentации.

По приемам нанесения орнамента и композиционной структуре можно выделить три группы ornamentации: I — ornamentация сплошная, т. е. когда орнаментом покрывается почти все тулово; II — ornamentация многозональная; III — ornamentация однозональная, когда наносится лишь одна зона, состоящая из одной-трех линий орнамента на плечо сосуда. В зависимости от комбинаций орнаментов разных способов их нанесения все три группы ornamentации разделены на подгруппы. Так, например, I группа имеет подгруппу 1 (линейный орнамент и разные способы рифления), подгруппу 2 (сочетания линейного орнамента и волнистого, нанесенного разным способом) и подгруппу 3 (различные комбинации валиков, волны и зубчатой

гребенки). По такому же принципу разделены на подгруппы и варианты остальные две группы (рис. 160, В).

Опираясь на встречаемость различных групп венчиков и разных групп и вариантов орнаментации, можно выделить три хронологических пласта изменений гончарной керамики второго периода жизни Городка на Ловати.

Для первого пласта (вторая половина XI в.) характерны венчики группы I-A, группы II-A, Б, группы III-A, Б (рис. 170, 171), многоваликовая орнаментация в сочетании с гребенчатой (наколы, линейный и волнистый орнамент) или только линейный, нанесенный гребенкой либо рифлением, покрывающий плечики и почти все тулово сосуда. По сути, все перечисленные черты зарождаются в самом конце X в. и широко бытуют уже в первой половине XI в., если судить по новгородским материалам (Носов и др., 2005. С. 284—286, табл. 112—114)¹⁰. В этой связи стоит особо отметить, что сосуды типа I с вертикальным венчиком составляют компактную группу керамики, не более 20 фрагментов, которые можно было реконструировать. Все они связаны только с комплексом постройки 15 и культурным слоем над и под каменной вымосткой северо-западного края городища. Один экземпляр с валиками и сплошной орнаментацией, явно выбиваясь из остальной «керамического контекста», найден в заполнении постройки 13. Не исключено, что постройки 13 и 15 разрушили несколько более ранние объекты, в которых подобные формы были более органичны. Некоторая часть сосудов типа I с венчиками вариантов II-A и II-B (рис. 31, 9; 100, 11; 177, 1; 180, 1, 2) по всем своим признакам может быть датирована не позже середины XI в. (Носов и др., 2005. С. 104, табл. Б, группа III; 286, табл. 114). Ее следует считать наиболее ранним керамическим материалом, который ярко свидетельствует о связи второго периода в жизни Городка на Ловати с Новгородом и Новгородской землей.

Второй пласт (XII в.) связан с венчиками группы I-B, II-B, Г, IV, V, VI. В орнаментации появляются наряду со старыми новые приемы: волна одиночная и линейный орнамент наносятся палочкой, у некоторой части сосудов пояс орнаментации сокращается, появляются отдельные горшки с двумя или даже одной зоной орнамента только на плече (Седов, 1960б. С. 15; Седова, 1981. С. 90, рис. 33; С. 139, табл. 10). Исчезают многоваликовая орнаментация и сплошное покрытие тулова сосуда орнаментом, характерной становится зональность. В материалах Новгорода, Полоцка и других городов Полоцкой земли (Штыхов, 1975. С. 81, рис. 40; С. 82; 1978. С. 109), Пинска (Лысенко, 1974. С. 112, 113, рис. 31), Волковыска (Зверуго, 1974. С. 62—64, рис. 22), поселений Смоленщины (Седов, 1960б. С. 15—16). Эти признаки, появляясь в самом конце XI в., широко распространяются в XII в., а венчики VI группы являются наихарактернейшей чертой древнерусской керамики и в XII в. (Малева, 1969. С. 6—7, рис. 2, 1—6; Малева-Малевиц, 2005. С. 68—77) (см. рис. 170, 171).

Следует отметить преимущественные связи Городка на Ловати в конце XI—XII в. по профилировке венчиков именно с городами Полоцкой земли и Новгородом (см. аналогии на рис. 170). Возможно, это результат общих

тенденций и интересов Полоцка к Новгороду, а Новгорода к югу. Но вскоре в Городке возобладают другие тенденции.

Третий пласт (конец XII—XIII в.) хронологических изменений характеризуется резким уменьшением высоты сосуда по отношению к его максимальному диаметру (на 2—3 см меньше, при равенстве или 1 см разницы предшествующих этапов). Переход от шейки горла к плечу или венчику имеет резкий излом, плечо подчеркнуто резким уступом (группа венчиков I-B, II-D, VII—IX). Все это сочетается с однозональностью орнамента, нанесенного только на плечо сосуда, и распространением новых приемов орнаментаций — различной формы тычка, семячковых вдавлений.

Отдельные фрагменты с намеком на подобные явления (уступ на плече, излом на шейке, тычковый орнамент) можно наблюдать в новгородских материалах самого конца XI в. Уступ на плече становится постоянным явлением в Новгороде XII в., особенно во второй его половине. Тычок, излом, приземистость встречаются редко. Зато наиболее ярко эти три элемента выявляются в керамических комплексах начала — первой четверти XIII в. Ярополча Залесского (Седова, 1981. С. 90, рис. 3, тип ШБ), в XIII в. Пскова, Изборска, Белоозера (Лопатин, 2007. С. 229, рис. 10, 4; 230; Голубева, 1973. С. 147—152, рис. 53). Несомненно, что данные тенденции не выходят за рамки общего направления развития древнерусского керамического производства. Например, на материалах Новогрудка, Волковыска четко прослеживается распространение этих явлений со второй половины XII в. (Зверуго, 1974. С. 62—64; Малева-Малевиц, 2005. С. 74—81, 92—93). В течение всего рассматриваемого периода (вторая половина XI—XII в.) пропорции посуды Городка преимущественно следующие: высота сосудов чаще всего меньше их наибольшего диаметра либо равна ему. К концу периода, как уже отмечалось, появляется группа горшков с еще более приземистыми пропорциями — разница между высотой сосуда и его наибольшим диаметром достигает уже не 1—2 см, а 5 см. Устье большей части таких горшков, как правило, широко раскрыто, диаметр венчика почти равен диаметру плеча. Горшок приобретает мискообразную форму. Вместе с тем следует отметить наличие в самом конце позднего периода довольно огрубленной группы сосудов (рис. 181, 13—15, 19, 20; 184, 5, 8, 9; 191, 3, 5; 198, 1, 6; 199, 1; 200, 7; фото 16, 2), которые отличаются как небрежностью формовки, архаичностью профилировки, крупными примесями в тесте, плохой его промешанностью, так и небрежным огрубленным орнаментом либо полным его отсутствием. В отличие от основной массы гончарной керамики данного периода, такая посуда несет следы РФК-2/РФК-3.

Подобные явления характерны для целого ряда керамических комплексов XII—XIII вв. Северо-Западного региона Древней Руси¹¹. Следует отметить увеличение процента низких и широкогорлых сосудов в Пскове, Изборске XII—XIII вв. Правда, качество их изготовления остается достаточно высоким. В Белоозере и Торопце увеличение приземистости сопровождается общим технологическим огрублением. Для Друцка и ряда других городов Полоцкой земли также характерна приземистая посуда с грубым

¹⁰ Венчики I-A, Б, II-A, В, III-A, Б в Новгороде преобладают в последней четверти X в., широко представлены в первой половине XI в. Отдельные их реминисценции встречаются во второй половине XI и даже в XII в.

¹¹ М. В. Малева перечисленные выше явления конца XII—XIII в. считает характерными для всего древнерусского гончарного производства.

орнаментом: грубые наколы, насечки, небрежные линии (Алексеев, 1966. С. 161, рис. 36). Московская керамика, хотя и высокого качества, в подавляющей своей массе повторяет приземистые пропорции древнерусской курганной посуды (Розенфельдт, 1968. С. 125; 1973. С. 194, рис. 2, 3, 4).

В Новгороде, на некоторых памятниках Смоленщины с XII в. появляются сосуды вытянутых пропорций, с хорошими технологическими качествами (тесто, формовка), правда, с огрубленной и обедненной орнаментацией (Седов, 1960б. С. 16, рис. 4; Шмидт, 1972б. С. 145—151; Бульчев, 1899. Табл. XVI, XX; 1903. Табл. VI, X, XII; 1913. Табл. IX). Подобные явления можно было бы безоговорочно интерпретировать как результат влияния южнорусских традиций гончарного ремесла. Но это бесспорно только для южных районов Северо-Запада. Южная Белоруссия, отдельные памятники Смоленщины (например, Харлапово, Дорогобуж) и Владимиро-Суздальские земли явно приняли определенный южнорусский импульс¹². Что касается Новгорода, то, по-видимому, в XII в. этот центр испытывает какое-то влияние из района Ладоги и Южного Приладожья, где стройные высокие сосуды были обычны и в XI в. (Кочкуркина, 1968. Табл. 41, 6; 40, 4; Шитова, 1977. Табл. XXVI—XXX).

Городок на Ловати попадает в другую зону, которая в отношении выработки пропорций посуды в конце XII в. характеризует тенденцией к некоторой приземистости определенной части керамического набора. Эта зона охватывает северные районы Смоленского верхнего Подвинья (Торопец, Курово) (Станкевич, 1960. С. 136—137, рис. 86—87). Традиция изготовления невысоких сосудов была здесь неизменной с XI в., а к концу XII — рубежу XIII в. она значительно усилилась в результате влияния местных небольших сельских гончарных центров, продукция которых отличается единообразием форм, профилировки венчиков, обедненной орнаментацией и безусловным преобладанием приземистых сосудов. Подобный набор посуды местного сельского производства дают нам могильники Курово, Пекунново (Там же. С. 136—137, рис. 88, 87; Успенская, Отчет, 1972. № 4878, 4878а).

Большая часть признаков третьего пласта хронологических изменений керамических форм Городка (конец XII—XIII в.) проявляется в трех комплексах: постройке 16 городища, сооружениях 22 и 33 на селище. В постройке 16 присутствует очень ограниченный набор форм: тип II-4 (рис. 184Б; 164, 1, 4; рис. 170, группа венчиков VII-А, Б, В) и тип IV-Б (рис. 169, 3, 6; 170, группа венчиков I-Б, VII-А, Б, В). Подобная ограниченность именно таким набором форм сосудов и венчиков в других комплексах Городка не просматривается. К тому же сочетание форм сосудов и венчиков группы VII из этой постройки находит себе полные аналогии только в Торопце (рис. 170). В сооружении 33 формы сосудов все-таки отличаются большим типологическим разнообразием, чем в постройке 16, но по своей профилировке и характеру орнаментации они резко отличаются от всех остальных комплексов Городка (рис. 198—200). Здесь в наиболее концентрированном виде сосредоточены все признаки изменений конца XII—XIII в.: выделение шейки или плеча угловатыми изломами, обеднение орнаментации: почти все сосуды, за редким исключением, орнаментированы одной зоной орнамента

(волной или треугольным, квадратным штампами), отдельные экземпляры вообще не орнаментированы, при этом они отличаются особой профилировкой, выпадающей из основной классификационной схемы Городка (рис. 195, 1, 2; 200, 1, 2). Надо отметить, что в комплексе 33 присутствуют и классические формы X—XII вв. Но если формы X в. и XI в. могли попасть в этот комплекс случайно в переотложенном виде (рис. 198, 6, 7), то формы XII в. составляют в сооружении 33 компактную (около трети всей посуды) и более разнообразную группу (рис. 199, 2—4, 6, 7; табл. 15). Если учитывать наличие форм XII в., то верхний предел существования постройки следует ограничить первой половиной XIII в. Подобные хронологические рамки будут компромиссно включать в себя датировку шпоры с колесиком, появление которой в обиходе не могло быть датировано ранее 20-х, 30-х гг. XIII в. В отношении же сооружения 22 следует напомнить, что его достаточно скудный керамический материал все же позволяет провести некоторые параллели с набором форм сооружения 33 и таким образом датировать его также концом XII — первой половиной XIII в. Остальные постройки городища по своему набору керамических форм получили следующую хронологию. Постройки 13, 14, 18 с посудой, типологические признаки которой относятся к первому и второму пластам хронологических изменений, датируются второй половиной XI—XII в., постройка 17 с керамикой II-3 и III-Б₃ — XII в., постройка 19 и очаг в кв. Б₁₁, прорезавший юго-восточную стену постройки 4, — XII в., концом XII — началом XIII в. Керамический комплекс постройки 15 носит смешанный характер. В нем присутствуют черты всех трех пластов хронологических изменений позднегончарной посуды: первого (второй половины XI в., рис. 181, 7, 10, 11, 13, 14, 21), второго (XII в., рис. 181, 2, 4, 5, 16) и третьего (конца XII—XIII в., рис. 181, 6, 12, 18, 19, 20). Кроме того, в нем есть формы конца X — начала XI в. (рис. 181, 1, 3) и первой половины XI в. (рис. 180Б, 1, 2).

Итак, к концу XII — рубежу XII/XIII вв. Городок на Ловати имеет четкие связи с северными районами Смоленской земли (район Торопца) и с Псковской землей. И не только в отношении пропорций сосудов. Эта связь прослеживается и в общих особенностях венчиков сосудов (см. рис. 170, группа VII, I-В, VIII, IX). Данное обстоятельство находится в противоречии с политической зависимостью Лук от Новгорода.

В заключение следует остановиться на некоторых деталях. В керамике Городка на Ловати поражает разнообразие вариантов профилировки венчиков, сравнимое разве что только с таким крупным центром, как Новгород. Последнее наблюдение свидетельствует о снабжении поселения продукцией из нескольких гончарных центров, что подтверждается также наличием пяти групп глиняной массы (Бобринский, 1978. С. 84—113). Связи Городка в этот период были достаточно широки, об этом говорят фрагменты привозных амфор XII в., присутствующих в культурном слое поселения.

III.3. Домостроительство и плановая структура

Плановая структура и домостроительство Городка на Ловати во второй половине XI—XII в. претерпела значительные изменения (рис. 3; 172). На городище исчезла бревенчатая стена-ограда. Признаков оборонительных сооружений практически проследить не удается. Единственное, что может указывать на присутствие их, — это несколько

¹² В Гнёздове южное влияние на гончарное производство прослеживается почти с самого начала появления гончарной керамики.

довольно глубоких (до 0,7 м) округлых ям, располагающихся вдоль краев городищенской площадки. Линия ям четко прослеживается вдоль северо-западной и северной кромки площадки. Возможно, это и есть остатки ограды, окружавшей в XI—XII вв. укрепленную часть Городка на Ловати (рис. 172, 178; см. ямы у пикета У₈ и в кв. Х₆).

Я. В. Станкевич считала, что была увеличена крутизна склонов городища их подрезкой в основном с северо-западной стороны. С этой же стороны появились какие-то каменные конструкции (рис. 178). Исчезает выраженная краевая застройка городища. Сооружения, жилые и хозяйственные (около 8 объектов), располагаются несколькими группами, причем застраивается и центральная часть площадки городища. В западном секторе городища сохранились постройки в наиболее нетронутом виде.

Постройка 13 (рис. 173; фото 17, 2) срубной конструкции имела размеры 5,6 × 3,4 м. Она была возведена над значительным по размерам подпольем: 4,2 × 3,4 м, углубленным в материк на 0,5 м. По углам подполья были вкопаны крепежные столбы, а стены забраны дощатой (горбылем?) обшивкой, концы которой забирались в пазы угловых столбов. От этой обшивки по периметру углубленных частей сооружения в светлом суглинистом заполнении остались щелевидные западины с темным гумусом¹³. В центральной части заполнения котлована подполья во взвешенном состоянии находились камни от печи-каменки.

Постройка имела сени столбовой конструкции, система столбовых ям четко прослежена с юго-восточного торца дома. Однако не исключено, что это следы связи, которая соединяла этот сруб с соседним сооружением 14.

Постройка 14 (рис. 174; фото 18) была двухчастной. Стены ее имели срубную конструкцию. Северо-восточная часть постройки размером 4,2 × 2,2 м была углублена в материк на 0,3 м. Юго-западная, размером 4,7 × 3,0 м, имела погреб неправильной в плане формы: близкий квадрату с более узким ответвлением. Размер расширенной части 2,8 × 3,0 м, узкой 1,2 × 2,0 м. Углублен он был в материк на 0,6 м. Стены подполья были такие же, как и в предыдущей постройке, обшиты горбылем. При расчистке заполнения постройки, так же как и в постройке 13, просматривались щелевидные западины с темным гумусом, оставшиеся от обшивки. В постройке сохранился развал печи-каменки, который сполз с борта подпольной ямы в ее заполнение.

К северо-востоку от этих жилых сооружений располагалась производственная *постройка 15*, связанная с кузнечными работами (рис. 180А). От нее сохранилась большая яма размером 3,6 × 3,4 м и глубиной 0,4 м, а также система столбовых ям от легких стен постройки или навеса. В заполнении ямы и вокруг нее при зачистке найдено большое количество поломанного железного бытового инвентаря. В районе столбовых ям найдена нижняя часть горшка с остатками кричного железа. Все это указывает на производственный характер этой постройки, в которой работал кузнец.

Постройка 17 была определена по скоплению столбовых и хозяйственных ям различной глубины и конфигурации в центральной части городища, в непосредственной близости от постройки 18 (рис. 185). Размеры ее составили примерно 5,6 × 6,6 м. Сохранность объекта плохая. Лишь некоторые из ям сохранились на глубину не более 30—40 см. В юго-восточном углу постройки, над одной из таких до-

статочно углубленных в материк ям, сохранился развал обожженной красной глины. В этой яме был найден целый стаканообразный округлодонный тигель. Вероятно, в этой постройке занимались ювелирным производством. Состав остальных находок (миниатюрный напильник, поломанное височное позолоченное трехбусинное кольцо, проволочная заготовка и пр.) такому выводу не противоречит.

Сохранились довольно четко остатки *постройки 18* в центральной части городища. Она наполовину обвалилась в реку. Постройка, вероятно, имела срубные стены, была сооружена с обширным и глубоким (до 1 м) подпольем, из которого извлекли сосуд-зерновик (рис. 187; 188, 11; фото 16, 1). Местоположение остальных построек 16, 19, 20 на городище фиксировалось только по концентрации материала, развалу красной обожженной глины и наличию столбовых и хозяйственных ям (рис. 184А, 190).

На селище площадь застройки по сравнению с предыдущим периодом значительно сократилась. Здесь выявлено только три постройки, относящиеся к позднему периоду жизни Городка (рис. 194).

Сооружение 22 (рис. 195А) размером 7,6 × 3,9 м, по своей конструкции оно аналогично постройкам 13 и 14. Постройка была срубной, с подпольем, по площади равным площади всего жилища. В подполе, углубленном в материк на 0,4—0,5 м, по углам прослежены столбовые ямы. Под одним из угловых столбов у входа в постройку был найден череп собаки — строительная жертва. Большое количество мелких кусочков обмазки свидетельствует о применении ее в конструкции стен. Остатков печного отопления в этой постройке не обнаружено. Видимо, это был амбар.

Сооружение 33 находилось в непосредственной близости от сооружения 22 (рис. 196, 197; фото 24, 2). Вошло оно в раскоп не полностью. От него на протяжении 14 м прослежено основание стены, сложенной из булыжного камня насухо (южный ее конец уходит за пределы раскопа), кладка сохранилась на ширину 0,1—0,5 м. С запада к этой кладке примыкал развал ярко-желтой супеси с обожженной обмазкой, видимо, связанный с печью.

Постройка имела, вероятно, хозяйственное назначение. В ней были найдены ременные бляхи-разделители и накладка от сбруи лошади, богато украшенные серебряной насечкой, жернов (верхний и нижний камни), ножи. Непосредственно на поверхности развала ярко-желтой супеси с обожженной обмазкой обнаружена шпора с колесиком (рис. 201; фото 24, 1).

Сооружение 35 (рис. 194) находилось в непосредственной близости от южного конца каменной кладки сооружения 33, только на более высоком уровне культурного слоя (шт. 2). От него сохранились остатки деревянного ящика размером 2,15 × 1,00 м. О назначении и характере этого сооружения сказать что-либо трудно, поскольку в его заполнении, кроме деревянных плах и одной железной заклепки, ничего не было найдено.

Итак, для второго периода существования Городка характерны новые явления в приемах возведения жилищ. Это по-прежнему срубные постройки, но, в отличие от предшествующего времени, они имеют более скромные размеры и ставятся над обширным и глубоким (иногда до 1 м) подпольем. И избы эти не включены в систему оборонительной стены городища. Они группируются свободно по всей жилой площади, их расположение определяется лишь какими-то чисто хозяйственными причинами.

¹³ См. на примере постройки 14 (фото 18).

Существенная особенность жилых построек Городка XI—XII вв. — обширное подполье (своеобразный аналог подклети) — является довольно редкой составной частью срубных наземных жилищ лесной зоны Восточной Европы. Здесь известно свыше 80 памятников XI—XII вв., в которых исследовались наземные постройки, но лишь в 16 пунктах (преимущественно XII—XIII вв.) зафиксированы значительные по площади подполья¹⁴. Несомненно, что редкость этой части наземного дома определялась, прежде всего, физико-географическими условиями зоны. Но все же, видимо, не последнюю роль здесь играли и социально-экономические причины (Рабинович, 1965. С. 208—214, 219). Как правило, подполья прослеживаются в жилищах крупных городских центров (Старая Рязань, Гродно, Ярославль). В ряде случаев полученный материал позволяет утверждать, что мы имеем дело либо с погостами (Яново, Городец под Лугой), либо с поселениями замкового типа (Москва, Туров, Бородинское, Слободка).

Обшивка подпола досками и или горбылями, концы которых забирались в угловые столбы, прослеживается на целом ряде памятников. Например, такие детали описывает М. В. Седова в Ярополче Залесском (Седова, 1978. С. 48). Сохранились столбы по углам одной из подпольных ям Бородинского (Седов, 1960б. С. 100). Иногда облицовка имела другую конструкцию: вертикально поставленные доски (Воронин, 1954. С. 46—54) или стенки были срубными, а дно выстилалось берестой, жердями (Полубояринова, 1963. С. 44).

Полные аналоги плановой структуре юго-западной части постройки 14 мы имеем на ряде памятников Полужья (Городец под Лугой, Которский погост). Сооружения этих памятников — наземные срубные с подпольями размером около (5 × 4) — (2,5 × 3,0) м, углубленные в материк на 0,3—1,0 м. Подпол часто, так же как и в Городке, имеет неправильную форму и содержит развал печи-каменки, который обычно бывает в переотложенном виде. Неправильность формы подполья объясняется, по-видимому, тем, что в материке оставался останец, на котором сооружалась печь-каменка.

Подводя итоги вышеизложенному, следует подчеркнуть, что плановая структура поселка, приемы домостроительства, некоторые особенности вещевого инвентаря в Городке на Ловати в XI—XII вв. несут характерные признаки усадебного поселения, в котором сельскохозяйственные занятия сочетались с наличием кузнечного и ювелирного производств внутриусадебного типа.

III.4. Хозяйственные занятия и промыслы

Главным, определяющим в экономике Городка во второй половине XI—XII в. становится *земледелие*, а именно пашенное земледелие. Об этом свидетельствуют находки целого жернова в сооружении 33, а также его обломков и порхлицы в постройке 13 (рис. 179, 14; фото 24). Присутствие сосуда зерновика и обязательное сооружение в постройках обширных подпольев указывают на наличие значительных пищевых запасов.

Верховая лошадь в Городке на Ловати играла не последнюю роль в хозяйстве: обнаружены удила (рис. 32, 1; 183, 1), железные путы, сбруйные соединительные бляшки (рис. 201, 5, 9, 10). Находки шпоры (рис. 201, 11) и бляшек, богато украшенных серебряной насечкой, говорят об ис-

пользовании лошадей в военных мероприятиях. В костном материале, обнаруженном на селище в сооружениях 22 и 33, доля костей лошади увеличилась по сравнению с периодом X — начала XI в. почти в 2 раза, до 22,2 % (табл. 20). Что касается других отраслей *животноводства*, то объективные данные ограничены находками на селище из вышеназванных сооружений. Доля крупного рогатого скота и свиньи (38,8 и 27,8 % соответственно) по своему пропорциональному соотношению более близки, чем по находкам городища (табл. 17, 18).

К сожалению, как уже отмечалось в главе II, костный материал городища автором раскопок Я. В. Станкевич не был разделен по комплексам, поэтому существующее определение костей в равной степени может характеризовать стадо и уровень охотничьего промысла жителей Городка как в X — начале XI в., так и во второй половине XI—XII в. (табл. 17, 18). Судя по определениям костей, найденных в сооружениях селища, жители боярской усадьбы занимались охотой: обнаружено по одной кости медведя и птицы (табл. 20). В дополнение характеристики промысловой охоты можно указать на наличие в культурном слое городища железного наконечника стрелы-томара (рис. 33, 3).

Несомненные свидетельства занятий *рыболовством*. Присутствие рыболовных крючков, блесны (рис. 32, 9, 14; 43, 12; 182, 1; 192, 1), костяных кочедыков для вязания сетей, а также линзы рыбьей чешуи в культурном слое и в постройках городища — все это говорит о значительном удельном весе, которое имело рыболовство в хозяйственной деятельности жителей Городка.

По-прежнему продолжали заниматься *прядением и ткачеством*, на что указывает большое количество шиферных пряслиц, найденных на городище. *Деревообработка* также занимала определенное место в хозяйстве Городка. Обнаружены целый топор, обломки обушной части и лезвий (рис. 32, 16; 43, 10; 182, 11; 179, 7). Из других деревообрабатывающих инструментов известна стамеска (рис. 192А, 6).

На большой удельный вес хозяйственно-промысловой деятельности жителей Городка указывает и тот факт, что больше половины сооружений, возведенных в Городке во второй половине XI—XII в., имеют большие подпольные ямы хозяйственного назначения (постройки 13, 14, 18—20, сооружение 22). Как уже отмечалось, сооружение 33 на селище также имело явно подсобно-хозяйственное назначение, связанное к тому же с хранением жерновов и, по-видимому, конской упряжи. Назначение других построек столь уверенно нельзя определить, но некоторые можно отнести в разряд подсобно-хозяйственных из-за отсутствия в них следов отопительных сооружений (постройки 19, 20).

III.5. Ремесленное производство

Судя по характеру находок и особенностям конструкции, как уже отмечалось, постройка 15 на городище связана с *кузнечными работами*, что подтверждается вещевым комплексом. В заполнении производственной ямы много поломанных железных предметов: топор, серп, ножи, кресала, удила, рыболовный крючок, в том числе много ключей, пружина от внутреннего замка и замок (рис. 182; 183), различные железные пластины с заклепками, гвозди, железные прутки. Возможно, к кузнечным инструментам можно отнести молоток (паяльник?) и штихель или пробойник (рис. 183, 7, 12). В очаге кв. Б₁₀, который нарушил

¹⁴ Подсчеты проведены по данным П. А. Раппопорта. См.: Раппопорт, 1975. С. 94—111.

постройку 4 раннего периода, был найден ограничитель-закрепитель для рукояти кузнечных или тигельных щипцов (рис. 192Б, 2). Науглероживание кричного железа проводилось в обычном бытовом горшке, нижняя часть которого с прикипевшим конгломератом железа была найдена в непосредственной близости от края производственной ямы постройки 15. На площади вокруг постройки и вдоль северо-западного края городища, под каменной вымосткой, встречено около 10 кусков железистых шлаков, по видимому, связанных с кузнечными работами.

Ювелирное производство. На городище одну постройку 17 можно интерпретировать в качестве ювелирного производственного комплекса. Помимо тигля и миниатюрного напильника в ней присутствуют поломанное височное кольцо с позолотой, маленькая (диаметром 2,5 см) подковообразная фибула со спиральными концами и треугольным в сечении телом без иглы, фрагмент витого браслета (гривны?), проволочная заготовка, треугольная в сечении, плоское несомкнутое железное кольцо (заготовка для удила?) и стержень с петлей на конце. Остальные предметы были целыми: бронзовое писало, бронзовый бубенчик с щелевидной прорезью, бронзовая ложечка-подвеска, два железных ножа.

Если судить по результатам спектрально-аналитического исследования, то уровень ювелирного производства был достаточно высок (см. Приложение 1). По-прежнему продолжали использоваться сплавы бронзы I и II металлургических групп. Частота применения сплавов II группы во второй половине XI—XII в. снизилась по сравнению с предшествующим периодом примерно на одну треть. Металлургическая группа I по-прежнему значительно преобладает над остальными, как и в раннее время (см. табл. 13—14).

Хотя сплавы III группы и появились в самых поздних комплексах Городка X — начала XI в.¹⁵, постоянно применяться они стали только во втором периоде существования поселка. Причем они были прослежены лишь по одной категории готовых вещей — бубенчиков различных типов XI—XII вв.: грушевидного с крестовидной прорезью и бубенчиков с щелевидной, бубенчиков-подвесок из набора шумящих украшений финского типа (рис. 41, 11, 12, 15; 183, 18; 186, 5). Те из них, что были подвергнуты спектрально-аналитическому исследованию (рис. 41, 11, 12, 15), изготовлены литьем по восковой модели из сплавов той части III группы, которая в лигатуре почти не содержит других элементов, кроме олова (сплавы 14, 15).

Распределение отходов литья по металлургическим группам сплавов теперь несколько иное (табл. 14). В I и II группах они распределяются в отношении 1 к 3, а в X в. — 6 к 8. В этом видна тенденция к уменьшению доли работ, связанных с изготовлением массивных вещей из литой заготовки, к выдвигению на первый план литья в формы. Эта тенденция — проявление общих закономерностей развития структуры древнерусского ремесленного производства в XII в. под влиянием повышения рыночного спроса (Рындина, 1963. С. 266; Янин, Колчин, 1978. С. 30—32).

Вообще в более поздних украшениях Городка наблюдается некая неустойчивость в соответствии типа сплава определенным приемам металлообработки. Причин этой неустойчивости несколько.

Как уже отмечалось при изучении новгородских цветных металлов, начиная с XII в. происходит переориентация

ювелиров-литейщиков на преимущественное употребление оловянистых, свинцово-оловянистых и бинарных сплавов (близких сплавам 13, 14, 18, табл. 1), активное использование «чистой» меди, сопровождаемое технологическими новшествами — применением имитационных, сложносоставных и разъемных форм (Рындина, 1963. С. 266; Коновалов, 1974. С. 12; 2008. С. 7—106). В Городке подобные тенденции выражены менее ярко по сравнению с новгородским ремеслом, что обуславливалось, прежде всего, свертыванием ювелирного производства здесь в конце XI—XII в. И хотя местные ювелиры не избегали технических нововведений, о чем свидетельствует находка оловянисто-свинцового перстня с полуобработанными литейными швами, отлитого в разъемной форме со вставным стержнем, все же довольно значительная часть вещей, изготовленных по непривычной технологической схеме (литье сплавов I группы по восковой модели), поступает сюда со стороны. Бубенчики, отлитые по восковой модели из оловянистых бронз (рис. 41, 11, 12, 15), имели даже иной сырьевой источник (см. Приложение 1, табл. 12, № 22, 27, 38, 38').

Возможно, об импорте свидетельствует и крест так называемого «скандинавского» типа (рис. 41, 36; фото 8, 3), отлитый по восковой модели из сплава 6 металлургической группы I, так как он выпадает из общей схемы соответствия типа сплава определенным приемам металлообработки (см. Приложение 1, табл. 12, № 53).

Наблюдается «внутриусадбная» направленность производства. Но при этом, как уже говорилось, сохраняется достаточно высокий технологический уровень изготовления вещей. Зафиксирован случай применения сложносоставной трехстворчатой формы для изготовления перстня (рис. 201, 1). На перстне еще не были удалены до конца литейные швы, когда он был утерян в постройке 33.

Высокий профессионализм был присущ и кузнецам Городка: изготовление замков и их ремонт требовали высокой квалификации, равно как и ведение науглероживания крицы, и изготовление из углеродистого железа вещей. Перечисленные выше признаки обычны для городского ремесла, а не деревенского.

В заключение хотелось бы добавить, что в материальной культуре Городка на Ловати в XI—XII вв. прослеживаются и другие черты городской культуры: употребление стеклянных украшений (браслет, перстень), позолота и серебряная насечка на вещах, писало, шпора, амфорная тара. А разнообразие форм гончарной керамики, сравнимое разве лишь с Новгородом, также указывает на недеревенскую специфику Городка на Ловати во второй половине XI—XII в.

Несмотря на столь резко кардинальную перестройку структуры поселка, все же следует отметить ряд признаков, связывавших население второй половины XI—XII в. с жителями X — начала XI в. Строительная жертва (череп собаки) свидетельствует о жизненности явлений, продолжающих традиции X в. и уходящих своими корнями в охранительную обрядность племен сопок и длинных курганов. А находки денежного серебра X в. (частично в виде подвесок) в комплексах этого позднего периода (рис. 179, 4; 189, 10; 195Б, 5; фото 7, 3—6) говорят о наследственных связях, сохранивших денежно-экономический потенциал X в., способствовавший успешному ведению хозяйства усадбного типа второй половины XI—XII в.

¹⁵ Появление их фиксируется находками фрагмента ковальной проволоки и обломка узкой пластины.

Заключение

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДКА НА ЛОВАТИ В X—XII вв. И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ РАННЕГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРНОЙ РУСИ

В последней четверти I тыс. н. э. на обширных пространствах северо-западных районов Восточной Европы начался интенсивный процесс консолидации племен (славян, кривичей и чудь), завершившийся к рубежу X в. формированием первоначального ядра будущего Новгородского княжества и последующим объединением его с южнорусским государственным образованием.

Социально-экономические предпосылки этих явлений, вызревавшие на протяжении веков, нашли свое отражение не только в целом ряде сообщений древнерусских летописей, которые указывают на реальность существования в последней четверти I тыс. военно-политического союза славян, кривичей и чудь, но и в огромном пласте археологических памятников, связанных прежде всего с культурами длинных курганов и сопок. Развитие племен-носителей этих культур послужило определяющим фактором как этнических взаимодействий, так и решающих социально-экономических изменений на Северо-Западе Восточной Европы. В материалах VIII—IX вв. и длинных курганов и сопок появляются явные признаки социального расслоения общества: в погребальной обрядности существенное значение начинает придаваться не только индивидуализации погребенного большим числом украшений и другого бытового инвентаря, но особо выделяется группа совместных погребений лошади с богато украшенной сбруей и человека с атрибутами всадника (шпоры, плеть).

Яркие свидетельства существования «всаднической» прослойки в обществе коррелируются с другими не менее яркими проявлениями социально-экономических процессов — монетными кладами и находками, знаменующими собой начало накопления значительного по тем временам экономического потенциала в руках выделяющегося «всаднического» слоя.

Экономическая основа этих явлений зиждется на интенсификации земледельческого производства, выдвигении пашенного земледелия на первый план в хозяйстве, комплексный характер которого был определяющим в течение всей второй половины I тыс. и для племен культуры длинных курганов, и для населения «сопочной» культуры.

На фоне социально-экономических процессов, протекавших в регионе «сопочной» культуры более бурно, чем в среде носителей культуры длинных курганов, интенсификация водных и сухопутных международных торговых магистралей приводила к становлению принципиально новых поселенческих структур — раннегородских центров. Рюриково городище, Новгород, Ладога, древнейшие центры Северной Руси, занимали ключевое положение в узловых точках важнейших международных торговых путей — Волго-Балтийского и пути «из варяг в греки». Становление и развитие этих центров не в последнюю очередь определялось их местоположением.

Немаловажное значение в водной системе международных торговых путей играла р. Ловать. Включение верховьев Ловати в эту систему с развитием внутрисударственных отношений в первой половине X в. стабилизировало значение верхнеловатской системы волоков и сухопутных переходов. Сосредоточение кладов восточного серебра, в том числе клада-гиганта, находка восточного бронзового

кувшина IX—X вв. в районе Великих Лук — все это говорит о значительности верхнеловатского отрезка пути «из варяг в греки» и неслучайном возникновении здесь в X в. поселения с особой социально-экономической структурой, которая находит себе параллели в структуре раннегородских образований Северной Руси IX—X вв.

Выделение раннего этапа существования Городка на Ловати проведено на основе стратиграфических наблюдений, хронологии вещевой коллекции, а также хронологии раннегончарной керамики, ориентированной на стратифицированные с дендродатами колонки развития раннегончарных комплексов Рюрикова городища и раннего Новгорода. Общие рамки данного периода определены в пределах второй четверти (середины) X — начала XI в.

Для раннего этапа существования Городка на Ловати мы имеем четкое разделение поселенческого организма на жилую и производственную зоны. Жилая зона представляет собой городище, постройки которого расположены на вершине моренного холма, возвышающегося над зеркалом р. Ловать на 25 м, а с напольной стороны — на 2—3 м над ложбиной, отделяющей его от соседнего более высокого холма. Жилые постройки, разной степени сохранности, с печами-каменками или каменно-глинобитными печами, возведены за два строительных периода.

Характерной особенностью плановой структуры и первого и второго строительного периодов является расположение построек по периметру площадки городища. Подобная плановая структура застройки городищ не нова, она предельно архаична и, казалось, если и есть о чем здесь говорить, так только о сохранении традиций, свойственных общинным укрепленным поселкам. Анализ таких традиций, уходящих в предшествующее время, был бы сам по себе интересен, и он необходим, если бы только материал с территории Северо-Запада I тыс. н. э. не был столь отрывочен в территориально-хронологическом плане. Все же позволю себе высказать несколько предположений. На Северо-Западе во второй половине — конце I тыс. мы наблюдаем два типа застройки площадок городищ. Первая — периметровая, примером которой могут служить городища Рудня, Полибино, позднее Полибино в верховьях Ловати. Вторая — сплошная (хаотичная или двух-трехрядовая). Последний тип застройки характерен для Повеличья и Полужья (городища Камно, ранние Изборск, Псков, Городец под Лугой). Как далеко в глубь времени уходит такое «противостояние» этих двух регионов и каковы причины, порождающие его, сказать трудно.

По-видимому, та или иная плановая структура поселенческого организма традиционна настолько, насколько сама традиция отвечает социально-экономическим функциям данного поселения. Еще в рамках общинно-земледельческого общества периодическое накопление прибавочного продукта требовало создания укрепленного хозяйственно-административного центра, плановая структура которого отличалась рядом особенностей. В этом случае я могу апеллировать только к работе Б. А. Тимощука, в которой последовательно проведенный структурный анализ групп поселений Северной Буковины VI—X вв. позволил автору дать убедительно-обоснованную социально-

типологическую характеристику поселений различных категорий и рангов (Тимошук, 1982). Одним из важнейших признаков административно-хозяйственных центров помимо краевой застройки городища является неоднородность построек в конструктивном отношении (сочетание оборонительных сооружений с длинными общественными домами и небольшими хозяйственными постройками и т. п.), что определялось их неодинаковым функциональным назначением.

Подобная неоднородность на Городке выступает с гораздо большей отчетливостью, особенно во второй строительный период, т. е. можно говорить, что развитие плановой структуры, не выходя за рамки краевой схемы, идет по нарастающей степени усложнения ее составляющих элементов. Из первого строительного периода сохранены большие дома срубно-столбовой конструкции. Помимо них вдоль бревенчатой оборонительной стены был возведен ряд новых построек — жилых клетей с иными, чем в первом периоде, отопительными системами. В одной постройке сооружена печь-каменка без предпечной ямы, но с ритуальным захоронением черепа лошади. В другой обращают на себя внимание остатки внушительной по размерам глинобитно-каменной печи. В третьей постройке остатки глинобитно-каменного развала находились в таком состоянии, что можно допустить наличие подклета. Для части построек можно предполагать наличие конструктивных связей.

Разнородны эти строения и по составу находок. У въезда на площадку городища в постройке на подклете с большим глиняно-каменным развалом значительное число ланцетовидных наконечников стрел сопровождалось находками ледоходного шипа, большой железной пряжки из упряжи лошади, обломками удила. В постройке, в которой печь сооружена на черепе лошади, присутствуют признаки косторезного ремесла и найдены инструменты ювелира. К этому следует добавить еще постройку 12, значительно углубленную в западный склон городищенского холма, о назначении которой трудно судить в силу ее плохой сохранности и бедности инвентаря.

В результате анализа особенностей плана застройки жилой зоны Городка на Ловати в сочетании с особенностями концентрации вещевого инвентаря в той или иной постройке следует считать, что данная структура несет в себе черты особого поселенческого типа, который за неимением другого термина можно условно назвать усадебным. Во-первых, фортификационные сооружения на поселении минимальны, их функции выполняют естественные топографические условия да бревенчатая ограда. Во-вторых, в Городке мы наблюдаем бесспорные черты большой усадьбы Новгорода XI—XII вв.: площадь застройки городища составила 1500—2000 кв. м, краевая застройка неоднородными в конструктивном и функциональном плане сооружениями, наличие подклета и связей между отдельными жилыми камерами-срубами¹.

Условность термина «усадебный» для Городка на Ловати определяется отсутствием построек, связанных с сель-

скохозяйственной деятельностью, а также выделением за пределами усадебной ограды особой производственной зоны, значительно превосходящей площадь самой «усадьбы» — 15 750 кв. м. Это существенно отличает Городок на Ловати от новгородских усадеб XI—XIII вв., неизменными атрибутами которых были признаки сельскохозяйственных занятий и нередкое присутствие жилья, приспособленного к нуждам того или иного ремесла.

Ремесленные постройки особой производственной зоны Городка связаны с металлургией, кузнечным и ювелирным делом и в своем расположении подчинены рельефу местности. Эта зона с самого момента возникновения Городка придает ему выраженный ремесленный характер. Жизненную основу поселения составили металлургия и кузнечное ремесло. Металлурги пользовались в основном стационарными горнами со шлаковывпуском, т. е. горнами многократного пользования, правда, наряду с менее продуктивными горнами со шлакосборником. Производственная деятельность кузнецов была направлена в основном на обслуживание торгового пути, о чем говорит сам состав кузнечных изделий, среди которых присутствуют различной формы и размеров накладки, оковки, ладейные заклепки, гвозди с загнутыми и обрубленными концами. Обращает также внимание большое число ланцетовидных наконечников стрел (17 шт.). Именно этот тип наконечников стрел составляет подавляющую часть содержимого колчанов воинов, погребенных в Бирке, и является частой находкой в дружинных погребениях Шестовиц, Гнёздова, Приладожья, Владимирских курганов, есть они и в Новоселках. Кузнецы Городка изготавливали еще один-два вида боевых наконечников стрел — бронебойные (2 шт.) и двушипные втульчатые зажигательные (5 шт. + 2?).

Ограничение набора наконечников стрел только боевыми типами и значительное их число говорят сами за себя. Обслуживание военно-дружинной верхушки общества составляло еще одну функцию кузнечного ремесла Городка. Хорошим дополнением к данному утверждению служит находка ланцетовидного наконечника копья со следами ремонта втулки — редкая находка для культурного слоя поселений.

Ювелирное производство имеет обратную связь. Благодаря посреднической торговле ювелир получает сырье, которое включало как ломаные импортные вещи, так и слитки бронзы, монетное серебро. Свою продукцию он сбывал среди окрестного населения. Об этом говорит сам характер изготовлявшихся вещей: ромбические и трапезиевидные подвески, держатели для них, височные кольца — украшения кривичского населения культуры длинных курганов. Технологический уровень ювелирного ремесла был довольно высоким. Как показало сопоставление результатов спектрального и морфологического анализов, тип сплава соответствовал технологии изготовления вещи. При этом мастерами Городка применялся прогрессивный метод серийного литья. Округа поставляла ремесленникам продукты земледелия и подсобных промыслов — пушнину, воск, мед и т. п. — виды продуктов, которые предназначались, прежде всего, на вывоз. В данной ситуации ремесленники выступали в роли важнейшего звена в транзитной торговле.

Но основная масса сырья и силы производства ювелиров затрачивались на заказные работы: значительная часть отходов связана с изготовлением массивных трудоемких вещей, требующих многоступенчатой технологии обработ-

¹ Можно предположить, что усадьба является основной составляющей частью раннегородских поселений. Размеры и количество усадеб на разных памятниках должно быть различным. Ведь все зависит от конкретных социально-экономических условий, сложившихся в данном регионе. Вопрос в том, на каких этапах усадьба становится ядром раннегородского поселения и всегда ли это необходимая единица новой поселенческой структуры.

ки. Владели они в совершенстве и отливками в глиняной форме по оттиснутому сложному образцу.

Выделение производственной зоны — явление довольно распространенное. Е. Н. Носов на Рюриковом городище хозяйственно-производственные комплексы IX—X вв. локализует на сниженном мысовом участке, по-видимому, в половецкое подтопляемом (Носов, 1990). Здесь располагались хлевы, причалы, а также большие купольные печи, используемые для выпечки хлеба либо как коптильни (Там же). В последние годы раскопок на этом памятнике открыты остатки ремесленных построек, которые располагались за пределами жилой площадки городища, на восточном внешнем крае рва (Носов, Хвоцинская, 2007а. С. 257—263.)

В Гнёздово такого четкого разделения поселения на жилую и производственную зоны нет. Авторы выделяют четыре производственные зоны, связанные с кузнечным и ювелирным производством. Одна зона обнаружена в пойменной части поселения, две на первых надпойменных террасах. А одна производственная площадка открыта в юго-восточной части городища в предматериковых слоях (Пушкина и др., 2012. С. 251—255). Самая древняя производственная зона Гнёздова, расположенная на западном мысу при впадении Свища в Днепр, довольно плотно застроена ремесленными сооружениями различных типов, назначение которых и конструктивные особенности аналогичны бытовавшим на Городке (Вешнякова, Булкин, 2001. С. 42—49). Размещение построек хаотично. Попытки расчленения построек по времени никто не предпринимал. А эта ремесленная площадка функционировала на протяжении достаточно длительного времени — X—XI вв. Возможно, такое разделение позволило бы уточнить плановую структуру данной части Гнёздовского комплекса и наметить группировку построек по принципу функционального разделения в едином технологическом процессе. Подобное наблюдение сделано Е. А. Рябининым в Старой Ладге в ювелирно-кузнечном комплексе VIII в. (Рябинин, 1985. С. 53—55, рис. 19).

Хронологическое членение построек довольно обширной производственной зоны, к тому же существовавшей длительное время, весьма результативно. Такое членение материалов Городка позволило сделать наблюдения, на наш взгляд, свидетельствующие о важных социально-экономических сдвигах в области организации ремесленного производства. К концу X — началу XI в. в производственной зоне Городка появляются, в отличие от предшествующего времени, жилые постройки, приспособленные для ремесленного производства. Они своей конструкцией в какой-то мере повторяют некоторые жилища, возведенные на городище во второй строительный период. Это срубные четырехугольные сооружения с глинобитно-каменной печью. Перед нами свидетельство освоения новых площадей на селище под жилую застройку. Последнее было возможно лишь с притоком в Городок нового населения, к тому же не имевшего возможности возвести хозяйственно-жилой комплекс, подобный уже существующему на городище (так называемую усадьбу) и отдельно соорудить производственные помещения. В скобках замечу, что приток нового населения на селище фиксируется и в вещевом материале. Раннегончарная керамика в изобах ремесленников на селище уже не имеет западнославянских форм и подражаний, так же как и в самых поздних постройках 10 и 12 на городище. Не-

многочисленные вещи своим происхождением тяготеют к латгальско-прибалтийскому кругу, что подтверждается и спектральным анализом бронз.

Зависимое ли это население или свободный малоимущий элемент, порвавший с сельской общиной, — трудно сказать. Более определенно в данном случае можно говорить о другой стороне этого явления: по сути, появление на селище постоянных жилых построек, приспособленных для ремесленного производства, свидетельствует о возникновении первичных элементов посада, находящегося в стадии формирования. На наш взгляд, такие постройки — четкий археологический признак зарождения посадской структуры — признак, который мы можем фиксировать и в Старой Ладге X в. Вспомним участок горизонта Д с малыми домами в уличной застройке без дворового хозяйственного комплекса. Некоторые исследователи усматривают в нем особый ремесленный квартал (Давидан, 1977. С. 104, рис. 1)².

В Городке на Ловати процесс формирования городской структуры был прерван в самом начале. Повышение плотности застройки, обычно приводящее к формированию улиц, не произошло. Значительная часть построек Городка в конце X — начале XI в. гибнет в пожаре. Небытовой характер пожара подтверждается находкой фрагмента человеческого черепа в заполнении постройки 9 на городище. Причины дестабилизации, возможно, кроются в зарождении межкняжеских неурядиц на возникающих границах Новгородской, Полоцкой и Смоленских земель, которые несколько позднее получили свое освещение в летописных сообщениях о борьбе Брючислава с новгородцами, Ярославом Мудрым, о претензиях полоцкого князя на владение Усвятами и Витебском (Насонов, 1951. С. 145—158; Алексеев, 1966. С. 240—241).

Следует также остановиться на ряде особенностей материальной культуры Городка на Ловати, которые характеризуют этносоциальную структуру его жителей. Анализ жилой зоны памятника достаточно красноречиво свидетельствует, что краевая застройка городища в X в. сохраняет архаичную плановую структуру, которая господствовала в районе верховьев Ловати начиная с середины I тыс. н. э. Основу керамической коллекции составляют лепные формы сосудов, близкие аналогии которым имеются в культуре памятников длинных курганов. По удельному весу отдельных типов Городок занимает промежуточное положение между лепной посудой Пскова, Изборска, Камно и смоленских длинных курганов.

Кроме этих двух элементов, определяющих этнокультурную основу Городка в качестве единого целого

² В своей последней работе исследователи гнёздовского археологического комплекса при характеристике ремесленной зоны на правом берегу р. Свищ на территории Западного селища утверждают: «Несмотря на обилие производственных свидетельств, эту территорию нельзя оценивать как обособленную ремесленную зону, свободную от жилых построек» (Пушкина и др., 2012. С. 253). Но попыток расчленения построек по времени никто не предпринимал, а результат был бы показательным в плане констатации процесса становления посада, аналогично тому, что было зафиксировано в Городке на Ловати. Я предполагаю, что на территории Западного селища в X в. сооружались только производственные сооружения, а для конца X — первой половины XI в. возможно выделение жилых построек с признаками ведения в них ремесленной деятельности или прилегающими к ним ремесленными объектами. Такое разделение можно провести на основе анализа керамического материала.

с обширным кривичским регионом второй половины VIII—X в. верхнего Поднепровья, Подвинья и Повеличья, на памятнике присутствует большое число вещевого материала, связанного с внешними торгово-экономическими связями: слитки цветного металла, бляшка салтовского или волжско-булгарского круга, дирхемы, монета Оттона-Адельгейды, целый ряд скандинавских вещей и предметов, формирование которых было стимулировано скандинавскими образцами (равноплечая фибула, гранчатые наверхия пинцетов, шильев или писал, миниатюрная пряжка с рубчатой насечкой на круглой рамке, овечьи ножницы с орнаментированной и позолоченной накладкой, иглы от кольцевидных застежек, крупная толстостенная зеленого стекла бусина, ладьевидный браслет, копоушка), а также предметы общеевропейского значения (роговые односторонние составные гребни второй группы, по О. И. Давидан, стеклянные и каменные бусы, так называемые «поясные крючки» или «блесны»). Необходимо также выделить группу вещей, которая свидетельствует о вовлеченности жителей Городка в процесс выработки новых общерусских элементов материальной культуры: серебряная монетовидная подвеска, украшенная зернью и сканой проволокой, пластинчатый кованый браслет с тупыми концами, костяной горизонтальный игольник, подковообразная фибула со спиральными концами. В конце раннего периода проявляются связи с общепольским культурным регионом (посеребренная пластинчатая накладка на ножны, пряжка с округло-прямоугольной рамкой).

Но к главной особенности памятника следует отнести признаки присутствия среди его жителей североевропейского военно-дружинного контингента. Целый ряд находок, как уже отмечалось выше, связан с североевропейским вооружением (ланцетовидные стрелы и наконечник копья с ланцетовидным пером). Костяные шашки, роговое острие с орнаментом в стиле Борре, железная тордированная гривна, амулет-молоточек Тора, крюк для подвешивания походного котла, дисковидные грузила для ткацкого вертикального станка — все эти вещи относятся к скандинавской или североевропейской культуре X в., но они не могли стать предметами торговых операций, являясь принадлежностью домашнего обихода и личного пользования. К тому же незаконченный орнамент на роговом острие говорит о том, что его вырезал местный житель.

О присутствии «северных» жителей в Городке свидетельствуют также некоторые технологические приемы, которые использовали местные мастера, кузнецы и ювелиры. Наличие ряда вещей и ножей, выполненных в технике трехслойного пакета, указывает на владение местными кузнецами технологической сваркой, которая своим происхождением связана со скандинавской территорией, где она была известна еще в VII в. (Завьялов, Терехова, 2009. С. 59—60). Надо отметить, что в Городке на Ловати вещи, изготовленные по пакетной технологии, составляют около 21 %, а ножи — 57 % от всей совокупности ножей, отобранных для металлографического исследования. Прямым указанием на применение сварочной техники местными мастерами служит находка отремонтированного сваркой наконечника копья, рядом с запасами варцевого песка, который использовался в качестве флюса при такой технологии. Еще более убедительным свидетельством присутствия в Городке носителей североевропейской технологической традиции являются две

глиняные формочки: одна — для выплавки гранчатых головок для фибулы или гривны, другая — для головки фантастического зверя в стиле Борре. Обе формы получены методом оттиска готовых вещей-образцов в глине. Подобный способ изготовления глиняных форм для выплавки скандинавских украшений известен на Рюриковом городище (Хвоцинская, 2007. С. 127, рис. 1, 4; 129), а также широко применялся гнёздовскими мастерами (Ениосова, 1998. С. 78, 79). Н. В. Ениосова считает, что такой способ связан с исконно-скандинавской технологической традицией, которая преобладала на севере Европы, включая и южное побережье Балтики, с середины I тыс. н. э. По ее мнению, подобная традиция в Гнёздове могла осуществляться только при непосредственном участии скандинавских мастеров.

И еще один важный момент, связанный с инновационными явлениями в материальной культуре Городка на Ловати, — это присутствие в керамическом комплексе памятника торновской, фрезендорфской и менкендорфской раннегончарной посуды. Наличие западнославянских форм отражает общие закономерности развития раннегончарного производства главных раннегородских центров Северо-Западной Руси. Но в Городке процент таких форм достигает гораздо более значимых количественных показателей, чем в Старой Ладге, Рюриковом городище, Новгороде и других раннегородских центрах Северной Руси, где западнославянские сосуды обычно представлены незначительным числом фрагментов (от 0,58 до 9,78 %) (Носов и др., 2005. С. 104, табл. Б; 248, табл. 76; Горюнова, 2011. С. 228—236)³. Если принимать во внимание подражания, гибридные формы, возникшие на их основе в Городке, то иноземное влияние в местном гончарном производстве можно назвать превалирующим (табл. 2—4). При этом важно подчеркнуть, что только для Городка характерны торновские формы, а Фрезендорф представлен вариантом, отличным от того, что встречается в Новгороде и на Рюриковом городище в конце X в. (Носов и др., 2005. С. 235, 61, 1; 289, табл. 117; Горюнова, 2011. С. 230, 231, рис. 1). Несомненно, что такую концентрацию западнославянской керамики можно объяснить только присутствием западных гончаров в момент основания поселения.

В свое время, выясняя, с какими причинами (этнодемографическими, экономическими или социально-политическими) было связано первичное проникновение данного западнославянского ремесленного продукта

³ Надо сказать, что лет 10—30 назад среди археологов было весьма распространено представление о достаточно большом удельном весе западнославянской керамики в материалах раннегородских центров Северо-Западной Руси, что позволяло говорить о массовом переселении на эти территории народов юго-западной Балтики. Этот вес зачастую набирался в результате необоснованного зачисления в ряды западных форм не только подражаний, отдаленных реплик, но и неверно реконструированных сосудов. Учитывая данную ситуацию, я опубликовала специальную работу, которую посвятила определению исходных, истинно западнославянских форм в коллекциях Рюрикова городища, Новгорода, Пскова и других центров Северной Руси, при этом четко отделив подражания, отдаленные реплики и гибриды, возникшие на местной почве, а также обратила внимание коллег на низкие количественные показатели западных форм керамики в культуре Северной Руси на примере материалов первой половины X в. (Горюнова, 2007. С. 45—89; 2011. С. 228—237). В работе 2011 г. на с. 231 я ошибочно указала, что клад восточного серебра 849 г. был найден в горшке фрезендорфского типа.

в бытовую культуру Северной Руси, я отмечала, что оно коррелирует с распространением скандинавских вещей. Вещевой материал северного происхождения, встречаемый не только в узловых центрах водных путей, но и на достаточно рядовых памятниках, по своим стилистическим особенностям связан происхождением с центральной Швецией. И самого значительного распространения он достигает именно в X в., что отражает повышенную активность движения по этим путям скандинавских дружин. Но связать данное явление с появлением рядового элемента материальной культуры южнобалтийского славянского населения на восточных торговых трассах довольно затруднительно, если не принимать во внимание целый ряд фактов исторического и археологического происхождения, свидетельствующих о выраженной активности на восточном направлении также и населения юго-западного Балтийского побережья, в том числе датских военно-пиратских торговых дружин.

К тому же после середины IX в. рост интенсивности движения по южному побережью Балтики был обусловлен рядом политических и экономических обстоятельств, имевших место в рамках Каролингской империи. Начиная со второй половины IX в. возможности свободных набегов и грабежа стали ограничиваться своими же соплеменниками, активно оседавшими на новых землях Западной Европы и Англии, война и грабеж сменялись заключением договоров, созданием вассальной зависимости. Данные обстоятельства способствовали увеличению потока варяжских дружин на Восток. Знать, не имея доступа к ленным владениям в экономически выгодных районах для сбора постоянной дани, искала другие пути для реализации своих интересов.

До 40-х гг. IX в. стабильность сильного государства обеспечивала стабильность торгового обмена. А из Рафелштеттского таможенного устава (903/906 гг.), регулировавшего условия международной торговли, известно, какой значительный удельный вес в торговых отношениях составляла работоторговля. При этом значительную часть (если не подавляющее число) рабов составляли славяне, которых поставляли франкские купцы. И хотя вышеозначенный источник освещает положение в южных районах империи, постоянный хищнический интерес датских дружин и правителей Хедебю к ободритам и другим славянским племенам юго-западной Балтики свидетельствует о несомненном участии их в работоторговле, тем более, что они в первой половине IX в. держали под своим контролем не только прибрежную торговлю, но и пути по Эльбе и Одру на Дунай. И если до 40-х гг. их посягательства на ободритов сдерживались патронажем франкских королей, то после смерти Карла Великого из-за неурядиц и конфликтов между его наследниками сдерживающие факторы исчезли. Грабежи и разорение крупнейших городищ, обложение данью славянских племенных объединений, полонение ремесленного люда — «повседневная» политика датских варягов и правителей Хедебю. Известны случаи объединения данов со свободными дружинами свефов (более подробно см. Горюнова, 2011. С. 228—237).

Подобная политика по отношению к западнославянскому населению продолжалась также и в X в. Саксонские Оттоны разоряли городища и селища в районах распространения поселений с торновской и торновско-менкендорфской керамикой. Свидетельства не только

письменных источников, но и результаты археологических исследований указывают на гибель нескольких городищ вдоль Эльбы в 929 г (Шнеевайсс, 2012. С. 123). Экспансии датских и саксонских правителей довольно успешно противостояли племена острова Рюген, которые обладали реальной политической силой, значительным контингентом военных дружин и флотом. В свою очередь, это позволяло им занимать лидирующее положение и держать в подчинении своих соседей — лютичей и поморян (Пауль, 2014. С. 111—114). Заметим, что именно на этих территориях была распространена менкендорфская и фрезендорфская керамика. Общеизвестный центр концентрации последней связан с островом Рюген.

Учитывая вышеописанную ситуацию в Поэльбье и на юго-западном побережье Балтийского моря, однозначно можно утверждать, что довольно значительная доля торновских, фрезендорфских и менкендорфских типов посуды Городка на Ловати связана с передвижениями отдельных ремесленников-гончаров в составе не только датских дружин, но и дружин агрессивных рюгенских славян⁴.

Итак, подводя итоги анализа социально-экономической структуры Городка на Ловати, необходимо отметить, что материальная культура памятника демонстрирует ряд признаков, которые присущи Рюрикову городищу и Гнёздовскому поселению. Наличие укрепленной части поселения с концентрацией в ее постройках североамериканских предметов вооружения и скандинавских обиходных вещей свидетельствует о присутствии военно-дружинного контингента, происходящего с Северной Европы. Выделение обширной ремесленной зоны с комплексами, связанными с обработкой черных и цветных металлов, использование скандинавских технологических традиций кузнецами и ювелирами — все это ставит Городок в один ряд с вышеозначенными раннегородскими центрами. Но при этом есть ряд специфических особенностей, которые присущи только Городку на Ловати. Во-первых, гораздо более значительное число западнославянских форм и подражаний, в отличие от Рюрикова городища (а также Пскова, Новгорода и др.)⁵, позволяет говорить, что раннегончарное производство в Городке в основе своей находилось под сильным воздействием западнославянских технологических традиций. Во-вторых, на Рюриковом городище пока не открыты комплексы, связанные с металлургией железа. В-третьих, ювелиры Городка изготавливали в основном предметы убора культуры длинных курганов, на Рюриковом городище признаков изготовления предметов для округа пока

⁴ Кроме всего прочего, необходимо учитывать и тот факт, что славянское население юго-западного побережья Балтики начиная с первой половины IX в. также принимало активное участие в международной торговле восточного направления, о чем свидетельствуют клады дирхемов, пермские гривны IX—X вв., а также балто-финские находки (Херрман, 1978. С. 193—195; Пауль, 2014. С. 104—107, 115—116). Поэтому путь на восток рюгенским славянам был хорошо известен.

⁵ К сожалению, керамический материал поселений Гнёздово до сих пор не обработан и не получил своего освещения в литературе. В коллекции из раскопок И. И. Ляпушкина 1967—1968 гг. северная западнославянская керамика отсутствует. С любезного согласия В. В. Мурашовой я бегло ознакомилась с материалами двух раскопок в пойме (БД-I 2012 г. и ДП-I 2007 г.), при этом выделила одну торновско-менкендорфскую гибридную форму и вторую — подражание типу Вайсдин. Вероятно, процент западной керамики в гнёздовских материалах так же будет невысок, как и в остальных раннегородских поселениях Северной Руси.

нет, все неудачные отливки принадлежат скандинавскому кругу украшений. Этот факт демонстрирует разнонаправленность ювелирного производства: в Городке ювелиры сбывали продукцию округе, на Рюриковом городище обслуживали княжескую элиту.

В Гнёздово выявлено четыре производственные зоны. В одной из них, на западном селище, так же как и в Городке, помимо доменного процесса и кузнечных работ в пределах ремесленных построек зафиксировано изготовление предметов убора культуры смоленских длинных курганов. Остальные зоны по своей экономике не имеют соответствий в Городке. Как считают авторы полевых исследований, на городище Гнёздово в середине — третьей четверти X в. и в пойме со второй четверти X в. и до рубежа X—XI вв. следы ювелирного производства были обнаружены в пределах богатых усадеб и связаны они были с обработкой драгоценных металлов. Четвертый производственный комплекс второй половины X — начала XI в. (на левом берегу Свинца) также был расположен на территории усадьбы, производственные процессы в которой носили комплексный характер. Здесь занимались ткачеством, косторезными и кузнечными работами, изготовлением медных, латунных предметов, связанных с культом и магией (Пушкина и др., 2012. С. 251—255). Территориальная связь ремесла с отдельными жилыми комплексами указывает на более раннее, чем в Городке, начало формирования в Гнёздове посадской структуры, по крайней мере начиная со второй четверти X в. Безусловно, данное опережение объясняется более ранним возникновением этого центра и более мощным экономическим потенциалом. Гнёздово многократно превосходит Городок не только в экономическом плане, что сказывается в более обедненной номенклатуре ремесленной продукции последнего, но и в социально-политическом отношении.

Итак, исходя из анализа всей совокупности материалов Городка на Ловати, можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что в верховьях Ловати сложившаяся в первой половине X в. историко-экономическая ситуация вызвала к жизни поселенческий организм со всеми признаками раннегородской структуры самого раннего, зачаточного состояния: усадебно-административный центр с прилегающей к нему производственно-хозяйственной зоной, формирование которой было прервано на стадии вызревания посадских элементов.

Контролирующие функции Городка на Ловати были реализованы в типичных культурно-географических условиях. Местоположение памятника на границе двух обширных культурно-племенных зон весьма характерно для поселений такого рода. С юга к Городку почти вплотную подходит массив памятников культуры длинных курганов. Ниже по течению Ловати идет незаселенная болотистая долина Ловати. Городок возник, по сути, вне ступки поселений культуры длинных курганов, на пограничье, практически без ориентации на округу. Это возникновение было стимулировано внешними причинами. Развитие торгового международного пути и участие северных племен в военных предприятиях киевских князей сыграли не последнюю роль в судьбе этого раннегородского центра. Не исключено, что круг административных

функций Городка на Ловати был ориентирован больше на решение хозяйственно-экономических задач: контроль над определенным отрезком водного пути, а возможно, и сухопутных дорог, идущих от Торопца на верховья Великой, к Пскову и от Лук на Полоцк через Еменецкое озеро. Несомненно, что его возникновение было одной из составляющих процесса постепенного превращения пути «из варяг в греки» во внутривосточную коммуникацию первостепенного значения, которая связывала Северную и Южную Русь.

Безусловно, ранг поселения — предшественника Великих Лук был не столь высок, как, скажем, Рюрикова городища, ладожского или гнёздовского раннегородских образований, так как социально-экономический потенциал общества, реализуемый в данной географической точке, был не столь велик, как в вышеназванных центрах. Но реализация этого потенциала протекала по единым для вышеназванных раннегородских организмов закономерностям. Например, ритм социально-экономической жизни в Городке на Ловати по времени и формам практически аналогичен гнёздовскому. Свое существование в качестве административно-ремесленного центра Городок прекращает в начале XI в., в то время как в Гнёздове всю первую половину этого века раннегородская структура, сократившись в размерах, остается в неизменном виде (сказывается запас экономической и политической прочности). Но к концу XI в., так же как и в Городке, наступает преобразование Гнёздовского центра в феодальную усадьбу, которая существует до рубежа XII—XIII вв. (Пушкина и др., 2012. С. 273). Те различия, с которыми мы встречаемся, сравнивая элементы раннегородской структуры разных центров, связаны не только с рангом поселения, но также с этнодемографическими условиями и конкретными экономическими или социально-политическими причинами, послужившими катализатором возникновения того или иного поселенческого организма.

После пожара начала XI в., после нескольких десятков лет запустения жизнь в Городке на Ловати возобновляется, но коренная перестройка хозяйственной структуры приводит к возникновению совершенно иного образования. Преобладание сельскохозяйственных занятий населения над другими отраслями производств, наличие больших помещений-подполий, своеобразных заменителей подклета, наличие внутриусадебных ремесленных производств (кузнечного и ювелирного), с одной стороны, а с другой — явно выраженные признаки городской культуры (писало, стеклянные браслет и перстень, позолоченное трехбусенное височное кольцо, перстень, изготовленный в трехстворчатой форме, серебряная насечка на железных вещах, шпора, амфорная тара, снабжение гончарной посудой из нескольких центров) — все это заставляет говорить о Городке второй половины XI — первой половины XIII в. как об усадебном поселении высокого ранга. А находки денежного серебра X в. (частично в виде подвесок) в комплексах этого позднего периода свидетельствуют о наследственных связях, длящихся через столетия, сохранявших тот денежно-экономический потенциал X в., который способствовал успешному ведению развитого хозяйства усадебного типа.

КАТАЛОГ КОМПЛЕКСОВ

Городище

Все заключения по материалам городища основаны на сохранившихся в архиве дневниковых записях, полевых чертежах, отчетах и описях коллекций, а также черновых «обводках» вещей, рисунках вещей, подготовленных к печати. Источниковедческий анализ всех этих материалов, к сожалению, выявил целый ряд недочетов в полевой фиксации материала и противоречий в реконструкции, в описании некоторых построек. В некоторых случаях не всегда присутствовало нужное количество разрезов, планов на разных уровнях сооружений, не всегда детали разрезов совпадали с деталями на планах, к которым эти разрезы прилагались. Поэтому некоторые описания, взятые из дневниковых записей и отчетов, не всегда в деталях соответствуют предлагаемым планам и разрезам.

В процессе вскрытия новых площадей на городище Я. В. Станкевич несколько раз меняла реконструкцию некоторых построек, предложенную ею первоначально для вскрытых на площади раскопа 1954 г. и в восточной части раскопа 1955 г. При изучении сводного плана всей вскрытой площади на городище мною была обнаружена «недостача» в несколько квадратов (16 кв. м) на границе между раскопами 1954 и 1956 гг. В 1978 г. эта площадь была вскрыта. При этом были выявлены не зафиксированные Я. В. Станкевич следы внутренней части оборонительной бревенчатой стены в виде неглубокой, в 5—20 см, канавки в материке шириной 20—30 см на протяжении 20 м. Ее направление полностью совпадало с направлением щелевидных канавок и фрагментов горелых бревен, открытых Я. В. Станкевич вдоль северо-восточного края городища. Вследствие всех обнаруженных противоречий, нестыковок, искусственного сопряжения двух раскопов возникли сомнения в реальности выделенных Я. В. Станкевич границ жилых сооружений на этой площади. Поэтому я взяла на себя смелость вместо пяти построек, обозначенных ею на этой площади в сводном плане, считать реальным существование приблизительно четырех объектов (постройки 3, 4, 7, 8), причем у двух (постройки 3 и 8) не определять четких границ, поскольку усмотреть какую-то логику в расположении столбовых ям и предполагаемых очажных сооружений было затруднительно.

Архивные материалы:

Станкевич, Отчет, 1954. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1956 г. № 27—30.

Станкевич, Альбом, 1954. О.1851, О.1852, О.1947.

Станкевич, Отчет, 1955. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1955 г. № 19—22.

Станкевич, Альбом, 1955. О.1955.

Станкевич, Отчет, 1956. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1956 г. № 19—21.

Станкевич, Альбом, 1956. О.2057.

Станкевич, Отчет, 1957. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1957 г. № 18—23.

Станкевич, Альбом, 1957. О.2080, О.2081.

Станкевич, Альбом, к печати. О.2161.

Оборонительные сооружения (рис. 51, 62, 66, 85, 90). В X—начале XI в. по всему периметру городища была сооружена ограда из двух линий бревенчатых стен, внутри которой находились жилые клетки — постройки 4—6, 9 и 10. Ограда служила для этих построек внешними стенами, обращенными в сторону реки и селища. Пожар в постройках 5—7 и 9 сохранил эту стену на высоту 5—7 бревен. В других местах (см. постройки 4, 5, 10) стены оставили след в материке в виде канавки, заполненной гумусом. Ширина ее составила 0,2—0,3 м, глубина от 5—10 до 20—30 см. Какова система крепления этих бревен, сказать трудно. Но, вероятно, она была срубной, так как обгорелые столбы и столбовые ямы, сохранившиеся вдоль горелых бревен и по линии канавок, были не столь мощными, а ямы — не столь глубокими, как пола-

гается при закладной технике. Они, видимо, служили только дополнительным укреплением для длинных бревен (горелые бревна сохранились в длину местами до 6 м). По восточному краю городища от внешней линии этой стены сохранился только обугленный столб диаметром 0,3 м и обугленные бревна (плахи?) шириной 0,2 м. Между постройками 1 и 2 открыт фрагмент канавки и две небольшие столбовые ямы — следы внутренней оборонительной линии. Вся остальная часть стены между обугленными остатками, канавкой с двумя столбовыми ямами и постройкой 4 не сохранилась в силу того, что в более поздний период этот сектор площадки городища был подвергнут нивелировке, а восточный край городища был подсыпан культурным слоем.

Во второй половине XI—XII в. была возведена новая оборонительная стена, от которой сохранились довольно глубокие (до 0,7 м) столбовые ямы вдоль северо-западного края площадки городища и кое-где вдоль северного края (рис. 172, 193). Северо-западный склон городища сохранил признаки эскарпирования и вымостку камнем и плитняком на протяжении 6,5 м. Ширина вымостки достигала 2 м. В кв. Ф₉, под камнями, на материке сохранилась небольшая, около 1 м в диаметре, линза красной глины, в которой прослежены включения древесины (ивы). Возможно, эта линза связана с более ранним сооружением.

Находки. Поверх каменной вымостки и ниже ее были обнаружены бронзовый браслет с рубчатой насечкой, бронзовая узкая пластина, свернутая спиралью, спиральное бронзовое колечко, два железных рыболовных крючка, массивная железная петля, два железных ножа, железный пробойник, проух топора, железная длинная узкая полоса со сложным профилем, согнутая пополам, кость полуобработанная (рис. 32, 6, 9—12, 14, 16, 17; 33, 5, 6, 17, 18), а также фрагменты познегончарной посуды (рис. 31, 1—10, 11—15, 17—20), единичные фрагменты лепной керамики (рис. 31, 11, 16) и многочисленные кости животных.

Постройка 0 (рис. 52) выявлена в центральной части городища. Реконструируемые размеры — 5,6 × 2,1 м. От нее сохранились две небольшие ямы, размером 1,0 × 0,5 м и 0,70 × 0,35 м. Третья размером 1,36 × 0,92 м, глубиной 28 см. В заполнении двух ям прослежен развал обожженных камней, которые можно отнести к остаткам печного или очажного сооружения. В заполнении наблюдались вкрапления угольков и золы, кости животных. Возможно, это было легкое сооружение с покрытием, опиравшимся на столбы: в непосредственной близости от вышеописанных ям выявлены десять столбовых ям диаметром до 40 см и глубиной до 28—30 см. Каково было назначение этой постройки, сказать трудно.

Находки. В заполнении ям найдены фрагменты стенок лепной и раннегончарной посуды.

Дата. Вторая половина X в.

Постройка 1 (рис. 53—56; фото 17) имела срубно-столбовую конструкцию с углубленным в материк полом и предпечной ямой. Максимальные реконструируемые размеры — 8 × 5 м. При зачистке материка границы постройки определились пятном темного гумусного слоя с включениями печного камня, угля, керамики и серией столбовых ям. Она имела в плане прямоугольную форму и была вытянута с северо-востока на юго-запад. В северо-восточной части пол постройки на площади 2,8 × 1,6 м был углублен в материк на 0,6 м. В юго-западной части постройки, в материке, была выкопана предпечная яма на глубину 0,9 м, овальной формы, размером 2,25 × 2,50 м. К западу от нее находилась яма

размером 1,60 × 1,15 м, глубиной 0,29 м с развалом камней на северо-западном борту. В верхней части заполнения, а также у самого материка углубленной части пола и предпечной ямы находились углистые линзы, прослойки обожженной ярко-оранжевой супеси с углистыми включениями, которые чередовались с прослойками светлой материковой супеси. Сверху обе ямы перекрыты развалом булыжного камня и незначительными фрагментами обожженной красной глины (фото 17, 1). Этот развал свидетельствует о наличии за пределами ям печи-каменки, конструкцию которой установить затруднительно. Столбовые ямы, расположенные вокруг углубленной части постройки, имели диаметр от 0,2 до 0,45 м и глубину от 0,2 до 0,4 м.

Находки. Гребень роговой наборный односторонний, шашка роговая сфероконическая, пряслице шиферное округло-биконическое, костяной предмет с обломанным широким концом, накладка узкая костяная, прямоугольная пластинка бронзовая с отверстиями по бокам, фрагментированная лимонообразная желтого стекла двухчастная бусина-пронизка, железная узкая обойма. Лепная и раннегончарная керамика. Кусок железистого шлака. Каменный шлифованный топор и небольшой фрагмент такого же топора (рис. 5, 3, 6). Кости животных.

Дата. Вторая четверть — вторая половина X в.

Постройка 2 (рис. 57—60) срубно-столбовой конструкции с предпечной ямой имела реконструируемые размеры 8,8 × 5,2 м. Границы постройки определялись при зачистке материка пятном гумусного слоя с включениями печного камня, угля, керамики и серией столбовых ям, особенно четко прослеживаемых вдоль северо-западной стены. Столбы имели диаметр от 0,20 до 0,68 м и были углублены в материк от 0,25 до 0,65 м. Предпечная яма располагалась в юго-восточном конце постройки. Размеры ее 4,4 × 2,4 м. Углублена в материк на 1 м. Заполнение предпечной ямы аналогично заполнению таковой в постройке 1.

Находки. В заполнении предпечной ямы найдены: фрагмент шашки роговой полусферической, четыре «пастовые» боченкообразные прессованные бусины из заглушенного стекла желто-коричневого и печеночно-красного цвета, два глиняных биконических пряслица, накладка костяная, орнаментированная косой ромбической сеткой, костяная проколка, два железных ланцетовидных наконечника стрел, фрагмент лезвия топора, нож с прямой спинкой, железное грызло от удил. Лепная и раннегончарная керамика. Кости животных и рыб.

Дата. Вторая — третья четверть X в.

Постройка 3 (рис. 51) имеет, вероятно, срубно-столбовую наземную конструкцию. Постройка относится к полностью разрушенным объектам. Место постройки определяется по яме с развалом камней (очаг?) и по наличию столбовых ям, расположение которых в ряд аналогично предшествующим постройкам 1 и 2. Данная постройка, так же как и постройки 7 и 8 (см. ниже), реконструируется с меньшей долей вероятности, чем вышеописанные, поскольку, во-первых, многие из столбовых ям имеют незначительную глубину, не более 0,2 м. Во-вторых, не все из этих ям можно с достаточной степенью достоверности отнести к раннему периоду, а не к более позднему времени (XI—XII вв.), так как в заполнении столбовых ям отсутствуют находки, по которым можно было бы определить время их появления.

Находки. На площади постройки, в очажной яме и на материке, найдено незначительное число реконструируемых раннегончарных сосудов, железные скобель и острие, отдельные стенки сосудов XI—XII вв. и в предматериковой части — ключ от висячего замка типа В второй половины XII в.

Дата. Вторая половина X в.

Постройка 4 (рис. 62—64; фото 7, 1). Постройка имела срубную конструкцию прямоугольной формы, размером 4,5 × 3 м, и была включена в оборонительную систему городища. От нее сохранились большой глиняно-каменный развал, части обгорелых бревен от перекрытий и стен сооружения. Границы постройки можно определить по угловой выемке в материке и скоплению крупных камней у северного угла (подкладка под угол дома?), а также по обгорелым кускам бревен у восточного угла постройки. Юго-западная длинная стена постройки фиксируется неглубокой канавкой, заполненной темной гумусированной супесью, шириной около 25 см. Пятно обожженного цементированного песка с включениями угля, золы и органики у середины юго-западной стены обозначает местоположение печи. Около остатков печи найден череп жеребенка. Развал обожженной глины с включениями камней, керамики XII в., ромбовидным наконечником стрелы и ограничителем-закрепителем для рукоятки кузнечных щипцов (рис. 192Б) представляет собой остатки более позднего сооружения, перекрывшего часть юго-западной стены постройки 4.

Находки. Две бронзовые трапециевидные подвески, костяное острие со скандинавской резной орнаментацией, намеченной, но до конца не выполненной, два бронзовых скандинавских гранчатых наворачия от игл или пинцетов, шиферное биконическое пряслице, железный ледоходный шип (шпорца), кусок бронзовой проволоки. Лепная и раннегончарная керамика.

Дата. Вторая четверть — вторая половина X в.

Постройки 5, 6 (рис. 66; фото 19) сгорели в пожаре. Они были включены в оборонительную систему городища, связаны между собой общими несущими конструкциями и представляли собой, по-видимому, довольно сложное в конструктивном отношении срубное сооружение, так как на месте их возведения внешняя оборонительная стена городища делает поворот под тупым углом, а судя по остаткам сгоревшей крыши, эти две постройки (или одна?) имели общее перекрытие. Внешними стенами данного сооружения служат бревенчатые оборонительные конструкции, которые были возведены из бревен, уложенных одно на другое, и закреплены вертикально стоящими столбами. Вся конструкция разделена на две части сгоревшим бревном, расположенным перпендикулярно к поворотному углу. Бревно сохранилось в длину на 3,6 м, толщина его достигала 0,38 м¹. Восточная часть обозначена как постройка 5, западная — как постройка 6. Рухнувшее перекрытие представляло собой решетчатую конструкцию из бревен значительной толщины (0,20—0,25 м). Непосредственно сверху эта конструкция была покрыта плахами шириной 0,18 м, а также жердями и соломой. В перекрытии была использована береза. Все плахи были перекрыты глинисто-песчаным слоем с вкраплением угля размером 2,6 × 6,0 м. Пол описываемого сооружения был углублен в склон городища на 0,2—0,3 м.

В постройке 5 обгорелая часть внешней бревенчатой стены сохранилась кое-где на высоту пяти бревен и в длину на 4,4 м. Диаметр бревен достигает 0,25 м. Следы стены, обращенной к внутренней части городища, сохранились в виде неглубокой, в 5—20 см, канавки в материке шириной 20—30 см. Постройка 5 имела приблизительные размеры 5,0 × 4,2 м. Ее заполнение представляло собой чередование глинистых слоев с редкими горелыми плахами, обожженной глиной, колотого камня и серых углистых прослоек, с костя-

¹ Северный конец бревна нарушен поздней столбовой ямой XI—XII вв. диаметром 0,8 м. Яма, вероятно, предназначалась для опорного столба оборонительной стены городища.

ми животных. В центре углубленной части постройки прослежены развал камня и глины и незначительная западина в полу с углистым заполнением. Вероятно, здесь находилась глинобитная печь, в конструкции которой применялся камень. Вокруг остатков печи пол постройки был покрыт сплошной черной пережженной массой толщиной в 2 см, она производит впечатление остатков перегоревшего настила из плах.

В *постройке 6* от внешней стены сохранились лишь отдельные куски верхних обгоревших бревен, а от нижних бревен осталась щелевидная западина-канавка в материке длиной 7,8 м и шириной 0,3—0,4 м. От внутренних стен постройки 6 со стороны площадки городища не сохранилось никаких следов, поэтому о ширине ее можно судить по длине сгоревших остатков бревен от западной стены, примерно до 4,6 м. Вдоль северной стены постройки прослежены значительные развалы обожженной красной глины и скопления костей животных.

Находки из постройки 5 (рис. 69—72, 81А; фото 3, 16; 5, 11, 12; 6, 4). Две трапециевидные подвески со штампованным орнаментом, бронзовая оковка, неорнаментированная согнутая пополам с двумя отверстиями в углах, фрагмент рогового одностороннего сложносоставного гребня, два глиняных округло-биконических пряслица, костяная крупная проколка, три железных плоских кольца, железная шпорца. Бусы каменные: сердоликовая плоская дисковидная со скошенными краями, сердоликовая четырнадцатигранная кубическая хрустальная ребристая (рубчатая) тыквообразная, хрустальная шестигранная эллипсоидная в сечении. Стекланные бусы: золотостеклянная двучастная, крупная толстостенная из зеленоватого прозрачного стекла.

Находки из постройки 6 (рис. 73—76, 81Б, 82, 83А). Бронзовая копоушка с искаженной плетенкой на плоской ручке каплевидной формы, бронзовая пуговицеобразная подвеска, обрывки бронзовой цепочки, плетеной косичкой, пять трапециевидных подвесок, бронзовая подковообразная фибула со спиральными концами и ромбическим сечением тела, бронзовая орнаментированная «волчьим зубом» накладка, бронзовый пластинчатый перстень с ромбовидным расширением, крупная продольно-рифленая бочонковидная бусина из бесцветного стекла, подвеска из клыка медведя, два фрагментированных роговых односторонних гребня второй группы, по О. И. Давидан, фрагмент костяной (роговой?) обоймы, орнаментированной рядами штриховки и косых линий, две проколки костяные, заготовка роговой рукоятки, полуобработанная заготовка из кости, три железных ланцетовидных наконечника стрел, железный рыболовный крючок, железная пряжка с круглой широкой рамкой, железный ледоходный шип, три железных кольца, завязанных на два узла, железный нож, фрагмент большого железного кольца с круглым сечением тела, три железных кольца, сцепленных друг с другом, пряслица глиняное округло-биконическое и уплощенное сферическое из кварцита, кусочек необработанного янтаря. Лепная и раннегончарная керамика. Фрагмент каменного цилиндра неясного назначения, фрагмент ножки керамического вазообразного сосуда (рис. 5, 5, 11).

Дата. Вторая четверть — вторая половина X в.

Постройка 7 (рис. 67). Постройка относится к поврежденным комплексам срубно-столбовой конструкции (см. постройка 3). Место ее определяется наличием развала камня и глиняной обмазки, скоплением находок и столбовых ям диаметром 0,30—0,35 м, углубленных в материк от 0,25 до 0,5 м. Она имеет прямоугольную форму, вытянутую с северо-востока на юго-запад. Примерные размеры ее 8,6 × 6,75 (?) м, северо-западная (западная) граница данной постройки определяется условно, так как в этом месте ее остатки сливаются

со следами постройки 8, также подвергнувшейся значительному разрушению. Следы печного (очажного?) сооружения прослежены в кв. Ж₆ в виде округлого пятна прокаленного песка с углем и какой-то органикой, цементировавшей песок. Площадка его определяется серией небольших столбовых ямок диаметром около 20 см, глубиной до 27 см (глубина указана не для всех ям) и щелевидными западинами (длиной 1,5 и 1,7 м, шириной 0,12 и 0,15 м) в материке, оставшимися от деревянного ограждения прямоугольной печи (очага?). Рядом прослежено скопление костей рыбы. К северу от остатков отопительного сооружения расположены две линзы красной обожженной глины размером 4,15 × (0,38—0,80) м и 1,3 × 1,15 м. На последней линзе лежали обгорелые деревянные плашки длиной 0,7—0,8 м, шириной 10—15 см. Среди обгоревших кусков дерева определено присутствие сосны. Между двумя линзами красной глины зафиксировано значительное число костей животных. На северо-восточной границе постройки прослежено дуговидное скопление камней, угольные вкрапления в материк внутри этого скопления и небольшой дуговидной формы массив глиняной обмазки. В северной половине постройки сохранилась еще одна значительная линза красной обожженной глины размером 3,7 × (0,9—1,0) м и развал камня размером 1,15 × 1,25 м. Не исключено, что северная линза глины связана с поздними нарушениями, так как в этих квадратах были найдены фрагменты позднегончарных сосудов (подобные см. на рис. 30, 14, 15; 31, 1, 2, 6, 15; 163, 2; 181, 20).

Постройка 8 (рис. 68). Постройка относится к значительно поврежденным комплексам срубно-столбовой конструкции. Место ее определяется наличием развалов камня и глиняной обмазки, следов отопительных устройств, скоплением находок и столбовых ям диаметром от 0,3 до 0,6 м, углубленных в материк от 0,25 до 0,43 м. Примерные размеры площади которую они занимают (7,4—9,0) × (9,7—10,3) м. Западная граница данного объекта не определяется, так как в этом месте его остатки сливаются со следами постройки 7, также значительно разрушенной. В западном конце постройки располагалась неглубокая (до 10 см) западина размером 1,3 × 1,3 м, в которой был развал расколотого и обожженного камня, среди камней в восточной части западины прослежено прокаленное пятно материка с включениями угля, золы и цементированного органикой песка диаметром 0,9 м. К этой прокаленной массе примыкало предпечное углубление в виде прямоугольной с округлыми углами ямы, размером 1,20 × 0,65 м, углубленной в материк на 21 см. В восточной части предполагаемой постройки располагалось еще одно аналогично сконструированное печное сооружение: в материковой западине длиной около 3 м (ширина полностью не определена) находилось округлое пятно прокаленного материка с включениями угля, золы и органики, размером 0,6 × 1,0 м. Рядом находилась яма, в плане близкая к прямоугольнику, размером 0,5 × 0,6 м (глубина не указана). В северной части сооружения находился развал камня и остатки беспорядочно расположенных горелых плах, еще севернее — линзы обожженной красной глины с включениями камней. Среди обгоревшего дерева определяется сосна. Судя по наличию остатков нескольких отопительных устройств, данный объект обозначен в качестве единого жилого пространства достаточно условно.

*Находки из построек 7 и 8*² (рис. 77—80, 83Б, 84): два фрагмента (накладка с геометрической орнаментацией и вкладыш с зубцами) рогового одностороннего наборного

² Керамические находки из построек 7 и 8 не разделены по комплексам в силу имеющихся противоречий в дневниковых записях, отчете и описях. Вещевой материал принадлежит постройке 7.

гребеня второй группы, по О. И. Давидан, бронзовая трапециевидная орнаментированная подвеска, бронзовая заклепка с округлой головкой, бронзовая пластинка с двумя отверстиями, бронзовая проволока, три железных ланцетовидных наконечника стрел, железный вток (пешня?), железный стержень с шишечкой, круглый в сечении (может быть, это псалля по: Кирпичников, 1973, табл. I, 4 — Сарское городище), железный пробой круглый в сечении, четыре железных ножа, железное плоское кольцо разомкнутое и железное проволочное кольцо с двумя узлами, два обломка железных гвоздей, фрагменты железных вещей неясного назначения, костяная обойма неорнаментированная, заготовка плоской накладки из кости, три костяные проколки, сланцевый точильный длинный камень. Лепная и раннегончарная керамика.

Дата. Вторая — третья четверть X в.

Постройка 9 (рис. 85—89)³. Постройка располагалась в 1,2 м к югу от оборонительной бревенчатой стены, от которой сохранились нижние обугленные бревна длиной 5,4 м, уложенные в семь венцов и утопленные в обожженную материковую супесь на 0,4—0,5 м (они присутствуют на плане постройки). Постройка была прямоугольной формы, размером 5,5 × 4,0 м, имела срубную конструкцию. Границы постройки определялись по большому развалу обожженной глины и колотого камня, а также по отдельным обугленным плахам шириной от 10 до 20 см, которые принадлежали в основном рухнувшему перекрытию, и бревнам длиной от 1,25 до 2,20 м, диаметром от 20 до 40 см, которые располагались вдоль западной, южной и северной стен постройки. Развал обожженной глины имел форму, близкую к прямоугольнику, и был вытянут вдоль стен. Общая мощность прослоек глины достигала 15—20 см, она находилась выше уровня материкового пола на 30 см. Ниже глины шли обожженные плахи разного размера, углисто-сажистые прослойки и линзы супеси, зеленоватой мажущей глины. Пол постройки в ее северной части был значительно углублен в материк на 0,5 м. Принимая во внимание вышеперечисленные особенности остатков постройки и концентрации находок в развале глины и плах, можно считать, что она была возведена на полуземляночном подклете, а печь имела глинобитно-каменную конструкцию и была сооружена, по-видимому, на перекрытии подклета. Под развалом красной обожженной глины при определении пород дерева была обнаружена сосна.

Значительных размеров яма, расположенная у западного конца северной обугленной оборонительной стены, размером 2,5 × 2,8 м и углубленная в материк на 1,1 м, могла входить в конструкцию системы входных ворот городища (?). Вдоль ее западного края прослежены две параллельные обгорелые плахи длиной до 0,8 м, в заполнении ямы — нагромождение камней и горелых кусков деревянных плах и бревен.

Находки. Основная часть находок была обнаружена при расчистке развала глины и горелых плах. Фрагментированная бронзовая, подковообразная спиралеконечная фибула с квадратным сечением тела, четыре железных ланцетовидных наконечника стрел, фрагмент железной тордированной четырехгранной в сечении гривны, железная четырехугольная от конской упряжи (подпружная) пряжка, фрагментированное железное грызло от удила типа IV (по Кирпичникову, 1973. С. 12, рис. 4, IV, IVa), два железных ножа, один из них груп-

пы IV, по Р. С. Минасяну, железная втулка от наконечника стрелы, подвеска из клыка медведя, две проколки костяные с отверстиями для подвешивания, фрагмент распиленного рога, два шиферных пряслица (биконическое и округло-биконическое), глиняное грузило-диск для ткацкого станка. Лепная и раннегончарная керамика. В углубленной части постройки, под линзами красной глины обнаружены большое количество костей животных, костяная проколка с отверстием и толстая железная пластина, между линзами — кусок человеческого черепа.

Дата. Вторая половина X в.

Постройка 10 (рис. 90—93). Постройка имела прямоугольную форму и срубно-столбовую конструкцию, подпол, углубленный в материк на 0,3—0,5 м, размеры 6,0 × 4,2 м, и была ориентирована короткими сторонами с северо-востока на юго-запад. Северо-западная стена постройки была частью бревенчатой оборонительной системы городища, от которой вдоль края городищенской площадки сохранились щелевидные западины в материке длиной 3,7 м, шириной 0,1—0,3 м и глубиной 0,3 м⁴. По юго-восточной границе жилища проходил ряд столбов, вероятно, несших кровлю, диаметр столбовых ям составил от 0,25 до 0,3 м, глубина — до 0,5 м. В одной из ям находились остатки обугленного столба. Не исключено, что крыша была односкатной. Котлован углубленной части, неправильной Г-образной формы, заполнен темным гумусным слоем, развалами камня и обожженной глины, насыщен костями животных, рыбьей чешуей, фрагментами керамики. Линза глиняной обмазки, размер которой достигал 2,8 × 2,0 м, толщина — 7 см, находилась в 30 см от уровня углубленного в материк пола. По-видимому, этот котлован представлял собой подпол жилища, так как остатки печи (колотый камень, глиняная обмазка) наблюдались в заполнении во взвешенном состоянии, наиболее крупные камни находились на дне котлована. Судя по концентрации камня и расположению линзы обожженной глины, печь находилась около центра юго-западной стены. С северо-восточной, торцевой части постройки прослежена пара столбовых ям диаметром 0,25 и 0,3 м, углубленных в материк на 0,25 м. Вероятно, это следы столбов, фланкирующих вход в постройку.

Находки. Бронзовая подковообразная спиралеконечная фибула с ромбическим сечением тела, два железных ножа: один группы II и другой группы IV, по Р. С. Минасяну, железная круглая поясная пряжка с широкой плоской рамкой, железный втульчатый двушипный наконечник стрелы, железный ложкарь, несколько железных стержней, до десяти шиферных округло-уплощенных пряслиц, одно глиняное пряслице, глиняное грузило-диск для ткацкого станка, обломок кремня. Лепная и раннегончарная керамика.

Дата. Последняя четверть X в.

Постройка 11 имела срубную конструкцию, в юго-восточной части частично нарушена поздним перекопом. Примерные ее размеры 4,7 × 3,0 м. Пол постройки на площади 4,0 × 2,8 м углублен в материк в северо-западной части — на 0,75—0,80 м, в юго-восточной части — на 0,10—0,15 м. Вдоль юго-западной стены были вырыты две столбовые ямы, диаметром 0,28 м и глубиной 0,25 м. В западном, южном и северном углах котлована были вкопаны столбы диаметром около 0,3 м, углубленные в материковый пол постройки на 0,25 м. В заполнении котлована постройки, вдоль ее юго-восточной⁵ и юго-западной стен,

³ В архиве сохранился план постройки на уровне расчистки третьего горизонта (0,3 м от поверхности культурного слоя — ?). План на уровне углубленной в материк нижней части сооружения отсутствует. Разреза большой ямы в северо-восточном углу постройки также нет.

⁴ С северо-западной стороны городища такого рода следы сохранились не на всю длину края его площадки. Оборонительная стена была нарушена поздним жилищем в XI—XII вв.

⁵ На плане щель не обозначена.

прослеживались шелевидные западины шириною 0,2 м, глубиной до 0,4—0,5 м на протяжении 1,2 и 2,2 м — следы бревенчатой обшивки стен углубленной части сооружения. В центр юго-восточной части была впущена поздняя яма. Глиняно-каменная печь сооружена была, видимо, на материковом выступе в северной части постройки у северо-восточной стены, поскольку на поверхности этого глинистого материкового выступа были расчищены отдельные валуны мела, которые, возможно, выстилали под печи. Ширина выступа 1,09 м, внутрь жилища выступает на 0,65 м. Развал печи (камни и линзы обожженной красной глины размером 1,25 × 0,85 м, толщиной 7 см) сполз в заполнение котлована, под которым залегал черный слой супеси толщиной 20 см, под слоем красной глины шла супесь с тонкими темными и глинистыми светлыми прослойками, затем шел серо-черный рыхлый мажущий слой с большим количеством костей животных, рыбьей чешуи, фрагментов раннегончарной керамики. За развалом печи и материковым выступом, в узком отсеке углубленной части постройки, обнаружена часть черепа жеребенка. На дне котлована также встречалось много обожженных камней, особо крупные валуны находились под развалом печи.

Находки. Круглая серебряная подвеска с зернью и филигранью. Ножницы овечьи с бронзовой обкладкой пружины. Обкладка орнаментирована косой ромбической сеткой (искаженная плетенка) и позолочена. Бронзовая круглая подвеска из свернутой спиралью проволоки. Стеклоанная крученая буса, толстостенная кольцеобразная из группы IV (Львова, 1968. С. 74, 75, рис. 2, 32). Железное зубило и фрагмент лезвия другого железного зубила, железный нож, железный стержень (заготовка псалия?). Рог со следами обработки. Шиферное и глиняное биконическое пряслице. Керамика лепная и раннегончарная. Особенно ее много под линзой печной глины и непосредственно на полу котлована.

Дата. Вторая половина X в.

Постройка 12 (рис. 99, 100) расположена на западном склоне холма, ее нижняя часть врезана в склон холма на глубину до 0,4 м. В плане имеет форму, близкую к прямоугольнику, ориентированному короткими сторонами с севера на юг. В длину сохранилась на 5,4 м, в ширину — на 3,4 м. По границе северо-восточного угла и северной стены идет довольно мощный развал камня, который сполз в ее заполнение с борта подвального котлована. В верхней части котлована располагались линзы красной обожженной глины размером 2,6 × 0,9 м и 3 × 2 м, которые покрывали большую часть площади котлована постройки. Под глиной сохранились следы дерева и коры. Из пород дерева определены вязовые (ближе всего — кора дуба). Котлован заполнен темной гумусированной супесью.

Находки. В верхней части заполнения до линзы красной глины найдены фрагменты позднегончарных сосудов XI—XII вв. (рис. 100, 8—16) и ноздреватый тяжелый лепешкообразный железистый шлак. Ниже линзы и на полу котлована обнаружены фрагменты лепных и раннегончарных сосудов (рис. 100, 1—7).

Дата. Последняя четверть X — начало XI в. (?).

Постройка 13 (рис. 173, 175—177; 179, 3, 7, 12—14) срубной конструкции имела размеры 5,6 × 3,4 м. Она была возведена над значительным по размерам (4,2 × 3,4 м) подпольем прямоугольной формы, углубленным в материк на 0,5 м. По углам подпола были вкопаны крепежные столбы, а стены забраны дощатой (горбыль?) обшивкой, концы которой забирались в пазы угловых столбов. Столбы имели диаметр около 30—35 см, столбовые ямы от них в заполнении подпола и в материковом полу можно было проследить на глубину до 50 см. Заполнение подпола было сложным. Сверху на глубину

до 30 см лежал слой желтого песка с угольными прослойками. Поверх него, ближе к южному углу, лежала тонкая линза красной обожженной глины диаметром 0,97 м. Ниже желтого песка шел слой черной гумусированной супеси, опускавшийся в центре до самого дна подпола. В черном слое рядом с юго-восточной стеной находился развал камней от печи-каменки во взвешенном состоянии, самые крупные камни лежали на полу. Вдоль восточной части развала прослежена осевшая сверху полоса обожженной красной глины. Здесь была сосредоточена основная масса находок. Большую часть заполнения под черной прослойкой занимал массив материковой супеси с белой глиной.

Находки. Железные порхлица, топор проушной, два ножа, десять шиферных биконических пряслиц, одно глиняное биконическое пряслице, обломок жернова, кости животных, рыба чешуя, обломок кремня, позднегончарная керамика⁶.

Дата. Вторая половина XI—XII в.

Постройка 14 (рис. 174, 178; 179, 1, 2, 4—6, 8—11, 15, 16; фото 7, 3; 18) была двучастной, с погребом. Стены ее имели срубную конструкцию. Северо-восточная часть постройки размером 4,2 × 2,2 м была углублена в материк на 0,34—0,40 м. Юго-западная, размером 4,7 × 3,0 м, имела погреб неправильной в плане формы: близкий квадрату с более узким ответвлением. Размер расширенной части 2,8 × 3,0 м, узкой 1,2 × 2,0 м. Углублен он был в материк на 0,6 м. Стены подпола были так же, как и в предыдущей постройке, обшиты горбылем, от которого в заполнении местами остались канавки, заполненные темно-серой супесью. Ширина канавок от 11 до 20 см. В конструкции постройки применялась и столбовая техника. К северу от более глубокого юго-западного подпола сохранились четыре столбовые ямы диаметром 30—38 см глубиной от 0,20 до 0,35 м. В одной из столбовых ям для забутовки использованы камни. В северо-восточной части углубленного пола четыре столба применялись, вероятно, для укрепления деревянной обшивки. Они располагались по периметру ямы. Диаметр их колебался в пределах 12—30 см, глубина доходила до 60 см. В постройке сохранился развал печи-каменки, который сполз с северного края юго-западной подпольной ямы в ее заполнение. Печь была сооружена в пространстве между двумя углубленными частями пола на борту ямы рядом с перемышкой, соединявшей две углубленные части постройки. На этой площадке сохранилось небольшое углубление — под печи и некоторая часть каменного развала. Заполнение северо-восточной части было однородным, состояло из темно-серой супеси, только в ее северном углу была расчищена небольшая, длиной 1 м, линза обожженной красной глины. В юго-западном подполе, в его расширенной части, в которую сполз камень печки, заполнение состояло из желтого песка с черными углито-сажистыми прослойками, пространство вдоль стен и пол были покрыты темно-серой супесью.

Находки. Серебряный денарий Оттона-Адельгейды 991—995 гг. (определение А. А. Марковой), заготовка из янтаря, бронзовая оковка наконечника ножен ножа, два шиферных пряслица, четыре железных ножа, ключ-лопаточка с крестовидной прорезью, железные пластины фрагментированные, крупный гвоздь, позднегончарная керамика⁷, кости животных.

Дата. Вторая половина XI—XII в.

⁶ Исключение составляет горшок с вертикальным горлом, украшенный псевдоваликами, многорядной волной и отпечатками многозубчатого штампа, который по новгородской шкале развития раннегончарной посуды принадлежит первой половине XI в. (рис. 177, 1).

⁷ Кроме форм, представленных на рис. 178, присутствуют сосуды типа III-B₂ (рис. 167, 2).

Постройка 15 (рис. 180—183) связана с кузнечными работами. От нее сохранились одна большая $3,6 \times 3,4$ м яма глубиной 0,4 м, конусовидной формы, и вторая яма, расположенная к северу от предыдущей, размером $6,0 \times 3,4$ м, глубиной 0,35 м. К югу от большой ямы прослежена система столбовых ям от легких стен постройки (или навеса), диаметром от 0,20 до 0,35 м, углубленных в материк на 0,2—0,3 м.

Находки. В заполнении ямы и вокруг нее при зачистке найдено большое количество железных заготовок и поломанных вещей от бытового инвентаря, в том числе различные (крупные, короткие, обрубленные и гнутые) гвозди, одиннадцать ножей, шесть ключей, пружина от внутреннего замка и замок, два кресала (калачевидное и овальное), обломок серпа, фрагмент железного грызла и кольца от конских удил, железная втулка от наконечника стрелы, обломок лезвия топора, железный пробойник или штихель, железные заклепки, пластинка из белого сплава. Из бронзовых предметов найдены украшения: четыре перстня различных типов, браслет пластинчатый с гравировкой, крестопрорезный бубенчик, фрагменты бронзовых пластин. Здесь же найдены перстень голубого стекла, три сланцевых оселка, девять шиферных и два глиняных пряслица. В непосредственной близости от южного и западного краев ямы обнаружены куски железистых шлаков и нижняя часть горшка с остатками кричного железа. По-видимому, таким способом проводилось науглероживание кричного железа. В непосредственной близости от южного края ямы найден железный молоток? (паяльник?) — клиновидный массивный брусок с плоским обушком на железной прутовидной ручке.

Дата. Вторая половина XI—XII в.

Постройка 16 (рис. 184) расположена в центре городища, имеет срубную конструкцию, в плане форму, близкую к прямоугольнику, размером $6,6 \times 7,4$ м. Ориентирована углами по сторонам света. Местоположение постройки фиксировалось по развалу камней и линзе красной обожженной глины значительных размеров, концентрации гончарной керамики и наличию столбовых и хозяйственных ям. Развал камней состоял из мелких фракций, разбросанных на значительной площади в западной половине постройки. Глиняная линза имела размеры $2,00 \times 4,48$ м, располагалась вдоль северо-восточной стены около ямы размером $0,70 \times 1,43$ м. Юго-восточная часть этой ямы была углублена в материк на 30 см. Под глиняной линзой прослежена прослойка песка до 0,6 м в диаметре и толщиной в 5—7 см, ниже шел черный гумусированный слой супеси толщиной в 15 см. Вдоль юго-восточной стены постройки прослежен ряд из пяти столбовых ям диаметром около 40 см, глубиной от 25 до 40 см. Примерно на середине северо-западной стены постройки открыта столбовая яма диаметром около 60 см, глубиной 35 см, в западном углу постройки располагалась хозяйственная яма размером $0,73 \times 2,00$ м, глубиной 40 см. Она была заполнена костями животных.

Находки. Железная дужка от ведра, небольшой железный нож, позднегончарная керамика.

Дата. Конец XII — первая половина XIII в.

Постройка 17 (рис. 185, 186), вероятно, была легким наземным сооружением столбовой конструкции. От постройки сохранилось несколько ям неправильной в плане конфигурации, незначительно углубленных в материк, занимающих площадь примерно размером $5,6 \times 6,6$ м, и серия столбовых ям, расположенных между ними. Диаметр столбовых ям не превышал 40 см и глубины 35 см. Три ямы диаметром около 0,6—0,7 м, глубина которых колебалась в пределах 15—40 см, возможно, были следами также столбовых ям. Самая большая яма, которая занимала центральную часть постройки, имела размеры $2,0 \times 4,2$ м и была углублена

в материк на 5—10 см. Вдоль восточной части ямы шла материковая ступенька шириной около 40 см. В южном конце яма была заполнена угольно-зольным слоем с мелкими обожженными камнями и кусками глины. В северном ее конце была вырыта яма диаметром до 1 м, глубиной до 45 см. Заполнена яма черным гумусированным слоем с зольно-угольными прослойками, кусками обожженной глины, костями животных, рыб и птиц. В юго-восточном углу постройки располагалась округлая в плане яма размером $1,20 \times 1,36$ м, углубленная в материк на 30 см. В серой гумусированной супеси ее заполнения был обнаружен развал красной обожженной глины, ниже шел слой черного гумуса с включениями угольков, костей животных. С западной стороны глины, у края ямы, найден тигель (рис. 186, 12). В заполнении ямы находились кости рыб и животных. В юго-западном углу постройки обнаружена яма размером $0,78 \times 1,60$ м, глубиной около 20 см. Заполнение ямы состояло из черного гумуса с угольно-зольными включениями, красной обожженной глины и мелких камней. К югу от центральной ямы располагалась яма размером $1,0 \times 1,8$ м, глубиной 21 см. В ее заполнении найдено некоторое количество мелких обожженных камней.

Находки. Бронзовое писало, бронзовый бубенчик с щелевидной прорезью, височное кольцо с тремя напускными полыми бронзовыми с позолотой бусинами, маленькая (диаметром 2,5 см) бронзовая подковообразная фибула со спиральными концами и треугольным в сечении телом, бронзовая ложечка-подвеска, фрагмент витого браслета (гривны?), бронзовая узкая пластина со слегка закругленным концом, небольшой железный (стальной?) ювелирный миниатюрный напильник, тигель, два железных ножа, плоское несомкнутое железное кольцо (заготовка для удил?) и стержень с петлей на конце, гвоздь железный изогнутый, шиферное пряслице. Фрагменты позднегончарной керамики ограничены набором форм типа П-3 (рис. 162, 2) и типа III-B₃ (рис. 168, 2).

Дата. XII в.

Постройка 18 (рис. 187—189; фото 7, 6; 16, 1) располагалась в центре городища. Около половины ее остатков обрушено в реку. Конструкция, вероятно, была срубная. От постройки сохранилась половина обширного и глубокого подполья. Размеры сохранившейся части составляют $6,6 \times 4,0(?)$ м. В своей западной части подполье углублено на 2,2 м, внизу, на глубине 1,45 м, оно имеет материковый уступ, на котором находился развал сосуда-зерновика (рис. 114, 11; фото) и каменная вымостка. Вдоль стен, противоположных уступу, прослежены остатки обугленных деревянных плашек длиной 0,3—0,5—0,9 м, шириной 8—10 см. Восточная часть подполья углублена на 0,2—0,4 м. К этой части погреба с востока примыкала яма диаметром 1 м, глубиной 0,6 м. Заполнение погреба состоит из плотной серой гумусированной супеси с примесью мелких камней. В самой глубокой, западной части на полу прослежены угольные прослойки толщиной до 10 см и более темные почти черные прослойки и линзы гумусированной супеси, а также песка и отдельные крупные камни.

К этой постройке, вероятно, относились несколько обширных ям, прослеженных к северу и к западу от подполья. Размеры северной ямы $1,8 \times 2,5$ м, глубина ее не превышала 38 см. Размеры одной из западных ям $1,4 \times 2,0$ м, вторая имеет размеры $1,4 \times 2,0$ м. В заполнении последних двух ям обнаружено небольшое скопление камней.

Находки. В верхней части заполнения подполья найден дирхем Ахмад ибн Исмаил, Аш-Шаш, 910 г. (определение А. А. Марковой), несколько шиферных пряслиц, гвозди с обрубленными концами, четыре железных ножа, железное массивное кольцо с круглым сечением тела, фрагмент желез-

ной узкой толстой поковки-заготовки, глиняная дисковидная лепешка с зацепами по краю, сланцевый длинный оселок с отверстием для подвешивания. Яма подпола была заполнена фрагментами позднегончарной керамики и костями животных.

Дата. Вторая половина XI—XII в.

Постройка 19 (рис. 190А, 191, 192А). Под этим достаточно условным обозначением объединены три большие хозяйственные ямы и серия столбовых ям. Две ямы своими большими осями были вытянуты в одну линию с северо-запада на юго-восток и располагались вдоль юго-западной (предполагаемой) стены постройки. Самая обширная яма имела размеры 1,8 × 3,2 м. Углублена в материк на 14 см. В ее северном углу была вырыта яма глубиной в 36 см. По краям ямы, в ее северной части, кое-где наблюдались скопления красной обожженной глины и отдельные небольшие камни. Заполнена яма темно-серой гумусированной супесью. Все вещевые находки связаны с этой ямой. Вторая яма имела размеры 1,5 × 1,2 м и была углублена в материк на 24—41 см. На ее бортах и в темно-сером гумусированном заполнении встречались небольшие камни и фрагменты позднегончарной керамики. К востоку от этой второй ямы на расстоянии 2 м находилась третья яма размером 1,8 × 2,2 м, глубиной 70 см. Заполнение ее аналогично второй яме. Столбовые ямы, которые были обнаружены к северо-востоку от трех хозяйственных ям, имели диаметр от 40 до 60 см и глубину от 15 до 25 см.

Селище

Сооружение 1 (рис. 103А; 108, 3—5; фото 12, 1; 20, 1) — четырехугольная в плане яма со скругленными углами, размером 1,50 × 1,26 м, глубиной от уровня материка 0,28 м. На северном борту ямы обнаружено несколько пережженных камней от разрушенного очажка-горна. Заполнение — гумусное черное, насыщенное сажастыми включениями.

Находки. Среди развала камней — целый тигель, бронзовый дрот, круглый в сечении, куски металлургического конгломерата, два плоских железных гвоздя без шляпок. В заполнении — восемь обломков тиглей, куски железистого шлака, а также нереконструируемые фрагменты лепной и раннегончарной керамики.

Дата. Вторая половина X в.

Сооружение 2 (рис. 22, 1; 104; 105; 108, 1, 6—8; фото 10, 6; 11, 1; 12, 7) — вытянутое с севера на юг наземное сооружение прямоугольной в плане формы, размером 2,3 × 3,5 м. Стенами в этой постройке с севера и частью с востока служил естественный материковый уступ высотой до 0,5 м, крутизна его была увеличена при сооружении постройки. Пол в восточной части углублен в материк на 0,1 м. Размеры углубления — 3,2 × 1,0 м. В северо-западной части углубления обнаружены следы очажка-горна, в виде развала небольших камней. К западу от углубленной части сооружения на материке прослежена узкая гумусная полоса размером 0,2 × 3,5 м. Вдоль этой полосы, с внешней ее стороны, были прослежены две столбовые ямы: одна диаметром 0,28 м, глубиной 0,2 м, вторая диаметром 0,3 м, глубиной 0,27 м. Около северной стенки сооружения, в его углах, было вырыто по две пары столбовых ям. В северо-западном углу ямы имели диаметр 0,23 м и 0,36 м, одна имеет глубину от верхнего края уступа 0,4 м, вторая углублена в пол постройки на 0,3 м. В северо-восточном углу диаметр ям составил 0,38 и 0,4 м, глубина — 0,2 и 0,3 м. К востоку от углубленной части пола прослежена яма диаметром 0,23 м и глубиной 0,3 м.

Находки. При расчистке развала очажка и на полу постройки найдены кусок бронзового слитка, слегка расплющенного с концов, бронзовая проволока, два целых тигля,

Находки. Бронзовый витой со сканой проволокой перстень, железные блесна, ключи, железная стамеска, обломок одностороннего составного гребня, медвежий клык-амулет, глиняное биконическое пряслице. Фрагменты позднегончарной керамики.

Дата. XII в., конец XII — начало XIII в.

Постройка 20 (рис. 190Б). Это сооружение представляет собой большую хозяйственную яму размером 2,0 × 2,6 м, глубиной 1 м. Яма заполнена сверху на глубину 0,4 м — гумусированной темно-серой супесью, ниже, до самого дна — материковой светлой супесью с черными прослойками.

Находки. Фрагменты стенок позднегончарной керамики.

Дата. Вторая половина XI—XII в.

Постройка 21 (рис. 101) продолжала ряд ранних объектов вдоль оборонительной ограды. От нее сохранилась часть очажного (или печного) сооружения в виде линзы прокаленного песка с углем и развала камней в неглубокой яме, а также ряд столбовых ям вдоль ее северо-западной стены (?).

Находки. Железный двушипный втульчатый наконечник стрелы и броневой с треугольным сечением пера, железный крюк для подвешивания котла, железная дужка от ведра, три железных ножа, два из них имеют широкое лезвие и дуговидную спинку. Фрагменты лепных сосудов, кости животных.

Дата. Вторая четверть — вторая половина X в.

глиняная формочка для отливки гранчатых головок гривны или подковообразной фибулы, свыше 20 фрагментов тиглей, кости животных, фрагменты лепных и раннегончарных сосудов.

Дата. Вторая четверть — третья четверть X в.

Сооружение 3 (рис. 106; 107; 108, 2) наземное, прямоугольной формы, размером 3,4 × 2,8 м. Ориентировано по сторонам света стенами. Сооружение имеет две части: наземную — северную и углубленную — южную. Южная часть размером 1,96 × 1,60 м углублена в материк на 0,15—0,20 м. Пол в южной половине постройки был подмазан глиной, в северо-западной части углубления находилась столбовая яма, глубиной 0,2 м, диаметром 0,24 м. За пределами углубленной части, поблизости от ее северо-восточного угла, открыто еще три столбовые ямы: одна диаметром 0,34 м, глубиной 0,65 м, вторая диаметром 0,3 м, глубиной 0,35 м, третья диаметром 0,34 м, глубиной 0,3 м. От северной стены постройки, которая примыкала к природному материковому уступу, осталась вытянутая, неправильных очертаний яма размером 1,9 × (0,5—0,7) м, глубиной 0,08—0,18 м, переходящая на западном конце в гумусное пятно размером 0,9 × (0,3—0,6) м, которое покрывало мелкую в 3—4 см западину в материке. Между этой западиной и северо-западной частью углубленного пола обнаружен развал обожженных камней — остатки очажка-горна.

Находки. Среди развала обожженных камней встречено скопление, состоящее из шестнадцати обломков тиглей, кусков ошлакованной глиняной обмазки, в том числе со следами колотых камней, куски железистых шлаков и обломков костей животных. На полу постройки и в перекрывающей его предматериковой гумусированной углистой супеси встречены фрагменты лепной и раннегончарной керамики. На расстоянии 0,6 м к востоку от северо-восточного скопления столбовых ям на материке найден кусок сильно ошлакованного глиняного пода от горна, дважды подмазанного глиной, с прикипевшими к поверхности кусочками древесного угля и капельками бронзы (рис. 28, 4).

Дата. Вторая четверть — третья четверть X в.

Сооружение 4 (рис. 109—113; фото 6, 7; 11, 3; 13, 10; 14, 4) прямоугольной в плане формы, ориентировано по сторонам света углами, размером около $3,8 \times 2,3$ м, углублено в материк на 0,3 м. Вдоль северо-восточной стены был оставлен материковый выступ. Ширина его 0,6—0,9 м, высота над полом — 0,14 м. На этом выступе располагались остатки очажка-горна в виде развала камней и обмазки. В полу постройки прослежены четыре столбовые ямы: две ямы — в восточном углу, по одной — в южном и северном. Восточные ямы имели диаметр 0,3 и 0,38 м, были углублены в пол постройки первая на 0,35 м, вторая на 0,65 м. Около южного края второй ямы в пол постройки был вкопан крупный камень (30×20 см), служивший, видимо, для укрепления столба. Такой же камень лежал рядом с южной столбовой ямой, диаметр которой был 0,25 м, а глубина 0,45 м. С юго- и северо-западной сторон, где уровень пола и материка совпадают, граница сооружения определена по столбовым ямам. Заполнение постройки состояло из гумусированной черной супеси с включениями отдельных угольков. Находки были связаны в основном с развалом камней на материковом уступе. Некоторая часть находок найдена в слое, который можно связать с верхней частью заполнения сооружения над развалом горна.

Находки. Равноплечая фибула, бляшка поясная салтовского или волжско-булгарского круга, обрезки листовой бронзы, закрученные в спираль, найдены в верхней части заполнения постройки над материковым выступом и при зачистке северного борта постройки. На поверхности материкового выступа обнаружены бронзовая проволока трехгранная в сечении — заготовка для спиральной трубочки, глиняная деталь от горна — сложного профиля «кирпич» со следами округлых канелюр и отпечатками деревянных конструкций, а также девять крупных фрагментов тиглей, четыре почти целых тигля. Лепная и раннегончарная керамика, фрагменты тиглей, небольшие кусочки железистых шлаков, куски проволоки и пластин, куски ошлакованной глиняной обмазки, кости животных обнаружены не только на материковом выступе, но и вокруг него на полу постройки и на ее северном борту. На дне южной столбовой ямы лежал обломок раннегончарного орнаментированного сосуда.

Дата. Вторая — третья четверть X в.

Сооружение 5 (рис. 103Б; 108, 2). При возведении его был использован естественный уступ в склоне холма: подрезкой крутизна уступа была увеличена (кв. Г₃) и в его основании вырезана вытянутая с востока на запад овальная яма размером $1,5 \times 1$ м, глубиной 0,34 м от подножия уступа и 0,6 м от верхнего края уступа. К северу от овальной ямы, на краю материкового уступа, располагалось скопление камней размером от 10×5 см до 40×20 см, занимая площадь $1,5 \times 1,0$ м. Часть камней обожжена. Между камнями прослежены включения угля и белого кварцевого песка. В систему конструкций сооружения входили три столбовые ямы. Две располагались около ее восточного конца, одна — около западного. Размеры ям: диаметры 0,28—0,33 м, глубина около 0,3 м. Заполнение овальной ямы было сложным: сверху шла линза сильно гумусированной супеси черного цвета мощностью 0,10—0,15 м, ниже — желтая материковая супесь, смешанная с суглинком, по самому дну ямы — тонкая, около 0,01 м, прослойка слегка гумусированной супеси серого цвета.

Находки. На полу постройки были обнаружены нижняя часть тигля, два целых тигля, фрагмент стенки грубого гончарного сосуда, шесть обломков стенок тиглей. К северу от овальной ямы, в развале камней и рядом с ними, в предматериковом слое найдены бронзовая пластинка, обломок бронзовой поделки, бронзовая отливка литника, фрагменты бронзовой проволоки, обломок глиняного круглого в сечении

стержня, дно тигля, фрагмент железистого шлака, куски керамических шлаков.

Дата. Вторая половина X в.

Сооружение 6 (рис. 114, 115; фото 4, 15; 12, 8) состоит из предгорновой ямы, вытянутой с северо-востока на юго-запад, и двух столбовых ям, соединенных гумусной полосой шириной 0,3 м и длиной около 1,6 м, параллельных западному краю предгорнового пространства. Общие размеры сооружения $2,4 \times 3,0$ м. Столбовые ямы имели диаметр 0,2 и 0,3 м, были углублены в материк на 0,25 м, столбы в ямах были укреплены камнем. Предгорновая яма в плане имела форму узкого вытянутого овала размером $2,4 \times 0,7$ м и глубину 0,28 м. На северо-восточном борту ямы, в слое сажистых включений и обожженной красной глины, находился развал камней очажка-горна. На юго-западном конце углубления обнаружены остатки еще одного горна с песчаным подом, частично опущенным в материк на 10 см и покрытым угольным слоем. Задней стенкой этому горну служил большой валунный камень размером $1,1 \times 1,0$ м, возвышавшийся над материком на 0,4 м. Заполнение постройки — темный гумусированный слой с вкраплениями угольков и включениями материковой супеси.

Находки. В юго-западном очаге обнаружены бронзовый слиток и обломок тигля. При расчистке обожженной глины, которая была выявлена у северо-восточного и восточного краев предгорновой ямы, найдены моток бронзовой проволоки, согнутая в кольцо бронзовая узкая пластинка, украшенная параллельными бороздками (колечко?), и отдельные мелкие куски бронзовой проволоки и пластинок, фрагменты глиняных деталей-«кирпичей». Между столбовыми ямами западной стены сооружения в предматериковом слое найден фрагмент гривны, украшенной «волчьим зубом». По всей площади сооружения собраны многочисленные фрагменты тиглей. С постройкой связаны венчик раннегончарного сосуда торновского типа с волнистым орнаментом (северо-восточный очаг), единичные невыразительные обломки лепных сосудов.

Дата. Вторая — третья четверть X в.

Сооружение 7 (рис. 116, 117; фото 6, 2) имеет в плане близкую к четырехугольнику форму и размеры $2,9 \times 2,2$ м, ориентировано стенами по сторонам света с небольшим отклонением. Южную половину постройки занимала предгорновая яма размером $2,1 \times 1,8$ м, глубиной от поверхности материка 0,44 м в северной части и 0,2 м — в южной. В юго-западном углу предгорнового углубления прослежена материковая ступенька размером $1,3 \times 0,9$ м, высотой от пола 0,14 м. Развал обожженных камней и кусков шлака от разрушенного горна обнаружен в восточной части предгорновой ямы, на ее верхнем краю и на дне, на материковой ступеньке. Размеры камней, входившие в конструкцию горна, составляли от $0,10 \times 0,06$ м до $0,50 \times 0,46$ м. На месте северной наземной части сооружения находились пятна красной обожженной глины и отдельные камни. С северной стеной сооружения связана продолговатая западина в материке размером $1,90 \times 0,44$ м, глубиной 0,2 м. В восточном конце этой западины прослежена столбовая яма диаметром 0,4 м и глубиной 0,3 м. Не исключено, что к данному сооружению относится также яма, которая располагалась около восточного конца узкой материковой западины северной стены. Размеры ямы: $0,90 \times 0,75$ м, глубина — 0,4 м. В ее сером супесчаном заполнении найдены два крупных камня. Заполнение предгорновой ямы состояло в верхней части из черного гумусированного слоя, в котором у северного края ямы прослеживались включения обожженной красной глины. В нижней части заполнения состояло из серой гумусированной супеси и отдельных камней. На южном борту предгорновой ямы лежали остатки сгоревшей деревянной плашки длиной 70 см и шириной

8 см, далее к юго-западу на материке прослежено обширное углистое пятно размером $1,4 \times 1,35$ м, примыкавшее к сооружению 6 и частично перекрывавшее северо-восточный угол сооружения 9.

Находки. В заполнении предгорновой ямы найдены: куски шлаков, ошлакованных стенок горна, глиняная обмазка со следами деревянных конструкций, фрагмент так называемого «кирпича», куски бронзовой проволоки разного сечения, фрагменты лепной и раннегончарной керамики, реконструирован один раннегончарный сосуд. В предматериковой части культурного слоя на углистом слое, расположенном на материке к югу от сооружения 7, обнаружены: часть бронзовой гривны с многогранной головкой и «телом», орнаментированным треугольниками, а также бронзовая миниатюрная пряжка с насечками по краю круглой рамки, куски бронзовой проволоки, фрагменты преимущественно лепной посуды, единичные — раннегончарной.

Дата. Вторая — третья четверть X в.

Сооружение 8 (рис. 118, 120А; фото 3, 15; 4, 9) представляет собой предгорновую яму неправильной формы, размером $1,55 \times 1,56$ м, углубленную в материк на 0,2 м. За пределами углубленной части постройки, у ее южного края, прослежены четыре бессистемно расположенные ямы от столбов диаметром 0,3—0,4 м, глубиной 0,23—0,35 м. В северо-западной части постройки, в заполнении и на полу, обнаружен развал камней. Часть из них несет на себе следы действия огня. Заполнение сооружения представляло собой серую слабо гумусированную супесь с отдельными камнями, в южной половине прослеживались углистые включения и частично сохранившийся обугленный столб диаметром около 0,15 м.

Находки. В заполнении сооружения обнаружены бронзовая трапециевидная подвеска, украшенная зубчатым штампом, три фрагмента бронзовой проволоки, костяной игольник (внутри игольника, сделанного из полой трубчатой птичьей кости, находились остатки проржавевшего железа), сбоку его через два отверстия было продето бронзовое проволочное кольцо. Найдены также мелкие фрагменты тиглей, фрагменты лепной посуды, обломок лепной сковороды, один фрагмент раннегончарной керамики эсовидного профиля. При зачистке материка между столбовыми ямами найдена трапециевидная подвеска, украшенная прочерченным орнаментом.

Дата. Вторая — третья четверть X в.

Сооружение 9 (рис. 119, 120Б; фото 22, 1) в своей северной части было врезано в материковый уступ селищного холма на глубину 0,2—0,4 м. Северная стенка постройки сохранилась на протяжении 1,3 м. Она проходила вдоль большого валунного камня, который упоминался в связи с постройкой 6. В северо-восточном и северо-западном углах сооружения обнаружено по столбовой яме. Первая яма имела диаметр 0,3 м, глубину 0,2 м, вторая — диаметр 0,28 м, глубину 0,25 м. Параллельно северной стенке на полу прослежено в виде гумусного пятна едва выраженное углубление вытянутой формы размером $2,90 \times (0,30—0,35)$ м. Оно было заключено между двумя столбовыми ямами. Около восточной стены постройки обнаружен развал камней со следами действия огня. Поблизости от последнего встречено несколько камней, видимо, укреплявших эту стену. Напротив большого валунного камня, в 1,5 м от восточного края постройки, в полу выявлена яма с серым гумусированным заполнением, размером $0,60 \times 0,75$ м, углубленная в материк на 0,34 м. На краю ямы лежало несколько камней. Южные границы постройки проследить не удалось. Заполнение постройки состояло из черного гумусированного слоя. При разборке пятна, связанного с данным сооружением, в восточной и северной

его частях прослежены включения красной вязкой глины и угля, в западной части, в кв. А', Б' на глубине 0,7—0,8 м от современной поверхности (второй пласт культурного слоя) — включения материковой супеси. Возможно, что эта супесь связана с центральной горновой ямой.

Находки. Из заполнения: обломки тиглей, керамические шлаки, куски железистого шлака, фрагменты 10 лепных сосудов. Рядом с сооружением, в предматерике, найден обломок чересла (рис. 46, 13).

Дата. Вторая — третья четверть X в.

Сооружение 10 (рис. 121, 122, 124А; фото 13, 2) сохранилось в виде узкой овальной в плане предгорновой ямы размером $2,20 \times 0,75$ м, углубленной в материк на 0,3 м. Яма располагалась вдоль естественного материкового уступа, вытянутого с северо-запада на юго-восток. К северо-западному концу ямы примыкает развал обожженных камней размером $0,7 \times 1,2$ м и две небольшие столбовые ямы диаметром 0,2 м и глубиной 0,36 м. Около юго-восточного конца выявлены три столбовые ямы разного размера: диаметры от 0,3 до 0,4 м, глубина от 0,25 до 0,77 м. К югу от предгорновой ямы на расстоянии 1,1 м располагались еще две столбовые ямы: одна — диаметром 0,4 м, глубиной 0,25 м, вторая — диаметром 0,25 м, глубиной 0,36 м. Внутри второй ямы находились остатки обгорелого столба. Южные столбы друг от друга находились на расстоянии 1,25 м. Пространство на материке между этими столбовыми ямами и южным краем предгорновой ямы было занято угольно-сажистой линзой толщиной около 3—5 см. Линза спускалась в заполнение предгорновой ямы по ее южному краю, достигая противоположной стенки. Под этой линзой заполнение ямы состояло из темно-серого гумусированного слоя с примесью материковой супеси. Поверх угольной линзы в предгорновой яме залегал слой темно-серой супеси. На материковом уступе, вдоль которого было возведено сооружение, находились две столбовые ямы от мощных столбов, которые также входили в конструкцию сооружения. Самая северная яма в верхней своей части имела диаметр 0,8 м, в средней — 0,45 м, глубину 0,45 м. К югу от северной ямы, на расстоянии 0,75 м, располагалась столбовая яма диаметром около 0,6 м, глубиной 0,6 м. Около северо-западного конца каменного развала горна находилась столбовая (?) яма диаметром 0,8 м, глубиной 0,37 м.

Находки. Среди камней развала горна, в заполнении предгорновой ямы и к югу от нее, на углистой прослойке были встречены заготовка бронзовой подковообразной фибулы со спиральными концами и ромбическим сечением тела, бронзовый литник с бракованной ромбовидной подвеской на конце, куски бронзовой проволоки, железный пробойник, целый тигель, большое количество кусков ошлакованной глиняной обмазки, обломки тиглей, фрагменты лепных и раннегончарных сосудов, кости животных.

Дата. Вторая — третья четверть X в.

Сооружение 11 (рис. 123А, 124Б). По конструкции и ориентировке аналогично предыдущей. Предгорновая яма имела размеры $2,9 \times 1,3$ м, глубиной 0,16—0,30 м. На юго-западном борту постройки прослежены следы сильной прокаленности материковой супеси, включения золы, сажи, белой супеси, по-видимому, здесь располагался горн. Камни, входившие в его конструкцию, встречены в заполнении, на полу и на противоположном краю ямы.

Находки. Фрагменты лепной и раннегончарной керамики, обломки тиглей, кости животных.

Дата. Последняя четверть X в.

Сооружения 12—12а (рис. 123Б, 124В; фото 3, 6; 4, 4; 11, 2, 4) состояло из двух объектов, которые, вероятно, функ-

ционировали одновременно. Общие размеры сооружения $3,2 \times 4,0$ м. Первый объект представлял собой квадратную в плане, ориентированную углами по сторонам света яму размером $1,74 \times 1,74$ м. В материк она была углублена на 0,18 м. Вдоль северо-западного края ямы, за ее пределами, была прослежена гумусная полоса на материке длиной 1,2 м, шириной 0,14 м. Также за пределами ее углубленной части находились две столбовые ямы. У северного угла постройки — яма диаметром 0,28 м, глубиной 0,35 м. В ее заполнении обнаружены камни, применявшиеся для забутовки. Вторая столбовая яма, диаметром 0,35 м, глубиной 0,6 м, находилась у восточного угла сооружения. Рядом со столбовой ямой с камнями обнаружен железистый металлургический конгломерат линзовидной формы. Заполнено сооружение было серой супесью с включениями кусков железных шлаков. Второй объект представлял собой воздуховодный канал, выкопанный в природном материковом уступе на расстоянии 1 м от северо-западной стены первого объекта. Ширина канала 0,4 м, длина 1,28 м, в материке он был прослежен на глубину 15 см. У своего устья канал имел глубину 20 см и был обложен камнями, которые представляли собой, вероятно, остатки горнового сооружения. Перед устьем канала располагалась линза черной материковой супеси с включениями угля и следами прокаленности.

Находки. Бронзовая ромбическая подвеска, глиняная формочка для выплавки звериной головки в стиле Борре, ошлакованная глина, фрагмент глиняного «кирпича» были сосредоточены на углистом слое у входа в устье воздуховодного канала сооружения 12-а. Два железных зубильца, две костяные проколки, два металлургических конгломерата в виде линзовидной лепешки округлой формы с включениями железистых шлаков были связаны с сооружением 12.

Дата. Вторая половина X в.

Сооружение 13 (рис. 125—128; фото 4, 13; 21) обнаружено при разборке гумусного пятна на уровне материка. Представляло собой овальную вытянутую с севера на юг яму размером $0,8 \times 2,1$ м, углубленную в материк на 0,8 м. Заполнение ямы неоднородное, с прослойками. Верхняя часть ямы на глубину до 0,4 м была заполнена черной гумусированной супесью. Затем в ее северной части была вскрыта линза ярко-желтого с красной песком толщиной 20 см. Ниже, по всей площади предгорной ямы, начиная от верхнего ее края, шла угольная прослойка, которая опускалась к центру ямы, достигая мощности 0,1 м. Она продолжалась за пределами ямы в кв. E_{1,2}, залегая непосредственно в предматериковой части культурного слоя. Эта угольная прослойка подстилалась очень тонким слоем (около 1 см) древесного тлена. В угольной прослойке встречались обугленные куски дерева и бересты, железистого шлака (металлургического конгломерата?). Отдельные линзы углистого слоя с подстилающим его тленом прослеживались и к югу от постройки в кв. Ж₀ на расстоянии 2 м.

Нижняя часть заполнения постройки состояла из слабогумусированной супеси. У стен ямы прослежен слой материковой супеси светлой глины мощностью до 4 см. Этой глиной, по-видимому, были обмазаны стены ямы, но в верхней части ямы местами глина не сохранилась и сползла вниз, к полу постройки, смешавшись с песком, образовав линзы мощностью до 20 см. Нижняя часть заполнения состояла из слоя слабогумусированной серой супеси. На полу постройки залегал тонкий углистый слой.

Находки. Из заполнения постройки: бронзовый фитиль для трута, фрагменты бронзовой проволоки, костяная бусина-подвеска, целый тигель, стенки тиглей, конек из кости животного, ложило из ребра животного, точильный камень из

сланца, фрагменты раннегончарной и лепной керамики, кости животных, куски керамических шлаков. На полу сооружения в серой супеси была найдена бронзовая трапециевидная подвеска.

Дата. Вторая половина X в.

Сооружение 14 (рис. 129, 131А, 132; фото 3, 9; 12, 9) представляла собой наземное сооружение размером $4,8 \times 4,0$ м, ориентированное углами по сторонам света. Культурные отложения на месте этой постройки были многослойны и неоднородны по содержанию. Еще при разборке третьего пласта культурного слоя был обнаружен развал красной слегка обожженной глины, содержащий углистые прослойки и линзы, а также мелкий колотый камень. Мощность его в центральной части постройки достигала 0,34 м⁸. В южном углу постройки под развалом глины обнаружены небольшие фрагменты коры дерева.

Ниже красной глины шел неравномерный по толщине (от 10 до 18 см) слой белого мелкого песка. При зачистке этого слоя у северо-восточного края постройки были выявлены следы обуглившихся бревен. Ширина их была 0,2 м, прослежены они были одно на длину 5,15 м, другое — на 3,4 м. С севера в кв. И_{1,2}, К₂ к ним примыкал развал камней с сажисто-угольным слоем. Размеры развала — $2,0 \times 0,4$ м. У юго-западного края сооружения выявлены следы еще одного бревна в виде двух углистых тонких полос, идущих параллельно друг другу. Последующая разборка выявила на этом месте западину в материке длиной 3,2 м, шириной 0,34 м, глубиной 0,15 м. Она была выстлана углистым слоем.

В предматериковой части сооружения, почти по всей ее площади, под слоем белого песка прослежена сажисто-углистая прослойка с включениями угля и многочисленных кусков кричного железа и шлаков. Мощность ее составила 10—15 см. В центральной части постройки этот слой покрывала тонкая прослойка красной глины. А в южной части сооружения красная глина прослеживалась и внутри углистого слоя. Ниже слоя с железными шлаками и крицами шел тонкий слой серой супеси, покрывавший весь пол постройки. В северной части сооружения в полу была выкопана округлая яма размером $1,3 \times 1,0$ м, глубиной 0,2 м. Она заполнена серой супесью. Около ее северо-западного края прослежены на длину 2,4 м гумусная полоса шириной 10—15 см и скопление округлых сажистых пятен диаметром до 4 см — это, по-видимому, следы от кольев. У южного угла постройки располагались столбовая яма диаметром 0,3 м, глубиной 0,2 м, и небольшой развал камней.

Находки. На месте сооружения кроме отмеченных выше кусков железистого шлака и фрагментов металлургических конгломератов были найдены бронзовые литая ромбическая и оплавленная трапециевидная подвески, куски бронзовой проволоки и обрезки бронзовых пластин, бронзовые брусок и раскованная массивная пластина, бронзовый сплеск, ромбическая железная пластинка с отверстием в центре, обломок рогового составного одностороннего гребня и костяного пряслица, большое число фрагментов тиглей и один целый, раннегончарная и лепная керамика.

Дата. Вторая половина X в.

Сооружение 15 (рис. 130, 131Б) представляло собой предгорную яму прямоугольной в плане формы, вытянутую с запада на восток, размером $1,22 \times 0,78$ м. Яма была углублена в материк на 0,2 м. Центральная часть пола ямы была обмазана белой глиной. У южного края ямы располагался

⁸ Отдельные включения красной глины в культурном слое были прослежены на нижнем уровне шт. 2.

развал камней, из которых был сложен горн. Этот развал был выявлен еще при разборке третьего предматерикового пласта культурного слоя и при зачистке гумусного пятна сооружения на уровне материка. Размеры развала 1,54 × 1,1 м. Среди камней на материке местами сохранились углисто-сажистые включения. Юго-восточная часть предгорной ямы и ее восточный борт также заняты развалом камней от горна⁹.

У восточного края ямы, параллельно ему, на материке прослежена гумусная полоса шириной 0,1 м, длиной 2 м. Такая же гумусированная полоса шириной 0,1 м и длиной 3,4 м шла от западного края сооружения в северо-западном направлении.

Находки. При расчистке развала камней были найдены бронзовые проволока и пластина, целый тигель, обломки тиглей, фрагменты раннегончарных сосудов.

Дата. Вторая половина X в.

Сооружение 16 (рис. 130, 133; фото 3, 11; 10, 4; 13, 9). Постройка осталась недоследованной, поскольку находилась на самом краю обрыва берега. Сохранившаяся часть сооружения представляла собой вытянутую с запада на восток яму длиной около 5 м, южная ее половина уходила за пределы раскопа. Заполнена постройка была черной гумусированной супесью с включениями красной слегка обожженной глины. У дна постройки проходила углистая прослойка, подстилавшаяся древесным тленом, в нем был обнаружен кусок бересты размером 7 × 3 см. На дне ямы залегал слабогумусированный слой супеси. В северной стенке ямы, ближе к ее западному концу, под острым углом был прорыт воздуховодный канал шириной 30 см, длиной 6 м, в материке прослежен на глубину 20 см (рис. 102). Заполнение его состояло из черной гумусированной супеси с включениями красной обожженной глиняной обмазки.

Находки. При разборке заполнения встречены бронзовый трехдырчатый держатель-разделитель для трапециевидных подвесок, бронзовая ромбовидная литая подвеска, фрагмент бронзовой узкой пластинки, бронзовые выплески — отходы бронзолитейного производства, обломок железной пластины с заклепкой, костяной игольник, четыре почти целых тигля, большое число обломков тиглей, керамических шлаков, рыба чешуя. Найдены нереконструируемые фрагменты раннегончарной керамики.

Дата. Вторая половина X в.

Сооружение 17 (рис. 134—136; фото 4, 10; 22, 2) представляло собой овальную в плане яму, вытянутую с северо-запада на юго-восток. Размеры ее 2,0 × 2,4 м. В материк углублена на 0,8 м. В северной стенке ямы, на высоте 0,4 м от пола, сделан выступ. В стенку ямы он углублен на 0,6 м, ширина его 1,4 м. В центральной части выступа прослежены остатки горна в виде небольшого развала камней и скопления углей. От этого выступа, перпендикулярно к стене постройки, была вырезана канавка, идущая на северо-запад. Длина ее 1,9 м, ширина ее в верхней части 0,6 м, в нижней — 0,42 м, а глубина — 0,44 м. Противоположным концом это углубление открывается в стене соседнего с постройкой сооружения 18. Вероятно, это воздуховодный канал, который усиливал тягу для горна¹⁰. Юго-восточная часть сооружения 17 прорезана ямой диаметром 1,6 м, глубиной 0,44 м.

⁹ Вероятно, камни в свое время были скреплены белой глиной, так как следы разрушенного горнового сооружения в виде вкрапленный белой глины на месте сооружения (кв. К_{0,1}) прослеживались в культурном слое на уровне середины шт. 2. На уровне шт. 3, в кв. Л₀₀, белая глина перекрывала развал красной глины сооружения 14.

¹⁰ Таким образом, два сооружения 17 и 18 были соединены в единый комплекс.

Заполнение постройки однородное — черный гумусный слой, лишь на полу прослеживалась интенсивно насыщенная углем прослойка¹¹.

Находки. При разборке заполнения сооружения обнаружены малая бронзовая трапециевидная подвеска, украшенная прочерченными линиями, железное кольцо, фрагменты лепных и раннегончарных сосудов, металлургический конгломерат. В углублении, соединяющем постройки 17 и 18, найден фрагмент раннегончарного сосуда.

Дата. Вторая половина X в.

Сооружение 18 (рис. 134—136; фото 4, 13; 6, 1, 5; 10, 3; 13, 3, 7, 8) представляло собой ямное сооружение в плане овальной формы. Размеры его в верхней части 3,3 × 2,2 м, в нижней части у пола — 1,2 × 1,4 м. В материк яма углублена на 0,8 м. У северо-западного края постройки в 0,2 м находилась яма диаметром 0,84 м, глубиной 0,38 м (фото 22, 1 — на переднем плане). Тут же, к югу от ямы, располагались два крупных камня. В предматериковой части культурного слоя к западу от этой ямы наблюдалось скопление костей животных и был найден округлый плоский кусок керамического шлага с прилипшими кусками древесного угля и каплями бронзы (основание горна?). Северный борт сооружения очень пологий, по-видимому, был рабочим: он покрыт черным сажистым слоем. Заполнено сооружение гомогенной гумусированной супесью¹².

Находки. При разборке основная масса находок была найдена у этого борта: бронзовая игла от кольцевидной фибулы, два бронзовых держателя-разделителя для трапециевидных подвесок, большая трапециевидная подвеска, куски бронзовой проволоки разного сечения, фрагмент бронзового литника, выплески бронзы, целый миниатюрный тигель, обломки тиглей, кости животных, куски ошлакованной обмазки, фрагменты лепной и раннегончарной посуды. Фрагмент бронзового литого ладьевидного браслета был найден при зачистке гумусного пятна сооружения.

Дата. Вторая половина X в.

Сооружение 19 (рис. 137—139) представляло собой горновую яму, которая вошла в раскоп только своей северной частью. Размеры с востока на запад — 0,8 м. Заполнение ямы неоднородное: в верхней части прослежены тонкие линзы песка, центральная часть заполнена черным гумусированным слоем с включениям угля, кусков красной глины и песка. У дна и стен ямы был светлый песок. Дно было выстлано серой слабо гумусированной супесью (рис. 137, см. разрез стены между пикетами Е' и Ж'). Вокруг ямы в предматериковой части культурного слоя прослеживалась углистая прослойка мощностью не более 1,5—2,0 см. К северо-востоку от ямы, в нижней части культурного слоя, на уровне шт. 3 наблюдалось скопление кусков керамических и железистых шлаков, слегка обожженной красной глины и расколотых камней. Все это можно связывать с разрушенным горновым устройством.

Находки. В верхней части заполнения ямы было найдено железное трапециевидное кресало с отверстием для подвешивания, фрагменты лепных и раннегончарных сосудов. В непосредственной близости от борта ямы, в углистой

¹¹ К западу от сооружения 17, в предматериковой части культурного слоя (нижний уровень шт. 3), прослежена неправильной конфигурации углистая линза толщиной 18 см, размером 4,0 × 3,3 м. Своим восточным сегментом она перекрывала западную половину сооружения 17.

¹² Между сооружениями 17 и 18, около юго-восточных концов предгорных ям, располагалась круглая яма диаметром 1,8 м, углубленная в материк на 0,6 м, заполнение ямы однородное — темный гумус, находок не содержит. Вероятно, она конструктивно связана с сооружениями 17 и 18.

прослойке, в предматерике, обнаружены бронзовая пластинка с эсвидно-загнутым концом и украшенная зубчатым штампом, так называемая пластинка «гнездовского» типа, фрагмент проволоочной заготовки бронзовой подковообразной фибулы со спирально-загнутыми концами, фрагменты бронзовой проволоки разного сечения и обрезки пластинок бронзы, а также два железных двушипных втульчатых наконечника стрел, обломки тиглей, целый тигель, куски спекшихся керамических и железистых шлаков.

Дата. Вторая — третья четверть X в.

Сооружение 20 (рис. 140А, 142А; фото 4, 1—3; 9, 1; 12, 11, 13) представляло собой четырехугольную в плане яму, ориентированную углами по сторонам света. Размеры ее 1,5 × 1,6 м, углублена в материк на 0,3 м. На полу в центре было выявлено углистое пятно диаметром до 0,8 м и следы прокаленности. Заполнение сооружения в центральной части и юго-западном углу состояло из черного гумусированного песка с включениями чистой материковой супеси и угля, северо-восточная часть его была заполнена материковой супесью, оплывшей со стен постройки. В непосредственной близости от сооружения выявлены две столбовые ямы. Одна — в 20 см к северу от северного угла постройки, размером 0,4 × 0,3 м, углублена в материк на 0,2 м. Вторая обнаружена в 0,4 м к западу от западного угла постройки. Диаметр ее составил 0,18 м, в материке она прослежена на глубину 0,25 м.

Находки. В заполнении сооружения, а также при зачистке бортов ямы и материка в непосредственной близости от нее найдены фрагмент плетеной цепочки, бронзовая бизовидная проволоочная подвеска-держатель, бронзовое колечко разомкнутое, бронзовый массивный прокованный брусок, прямоугольный в сечении, железное кресало с отверстием для подвешивания, выплеск бронзы, фрагменты тиглей и ошлакованная деталь горна грибовидной формы, фрагменты лепной и раннегончарной посуды.

Дата. Вторая — третья четверть X в.

Сооружение 21 (рис. 141, 143, 144; фото 9, 3—7; 10, 7) овальная, вытянутая с юго-запада на северо-восток предгорная яма. Юго-западный конец ямы был разрушен. Примерные размеры ее — 3 × 1 м. В своем северо-восточном конце яма углублена в материк на 0,2 м. Юго-восточный борт ямы нарушила столбовая яма, диаметр которой был 0,4 м, углублена в материк на 0,3 м. Около северо-западного борта предгорной ямы расчищен развал прокаленных камней, часть из них под действием огня раскололась. Размеры камней колебались от 20 × 30 до 10 × 5 см, последние составляли подавляющее большинство. Материковая супесь вокруг камней и под ними прокалена. Заполнение ямы — черная гумусированная супесь.

Находки. Среди развала камней, к северу от них, на материке, в заполнении предгорной ямы и рядом с ее юго-западным краем найдены: кусок бронзовой проволоки, два железных бруска-полуфабриката квадратного сечения, пятнадцать ошлакованных грибовидных деталей горна («заглушки»), фрагмент глиняной детали-«кирпича», три целых тигля, их многочисленные фрагменты, обломки раннегончарной и лепной посуды, большое число кусков ошлакованной глиняной обмазки и шлаков (керамических, стекловидных и железистых), два железных металлургических конгломерата, кости животных.

Дата. Вторая половина X в.

Сооружение 22 (рис. 195; фото 7, 5) представляло собой прямоугольную в плане, размером 7,6 × 3,9 м яму, углубленную в материк на 0,4—0,5 м. Яма большей осью вытянута с северо-запада на юго-восток. Пол ямы в восточном углу неровный, бугристый. В северном, южном и восточном углах

сооружения выявлены столбовые ямы, которые имели соответственно следующие размеры: северная — диаметром 0,4 м, углублена в материковый пол постройки на 0,12 м, южная — диаметром 0,66 м, углублена в пол на 0,5 м, восточная имела диаметр 0,6 м и была углублена в пол на 0,2 м. У северо-восточной стены постройки были прослежены два валуна размером 0,8 × 0,5 и 0,4 × 0,52 м. Заполнение постройки состояло из черной гумусированной супеси, в 18 см от дна ямы в северо-западной половине постройки проходила углистая прослойка толщиной 2 см. На дне южной столбовой ямы обнаружен череп собаки — закладная охранная жертва.

Находки. В заполнении северо-западной части постройки, рядом с валунами, выше уровня углистой прослойки на 17 см, на глубине 0,35 м от материкового пола был найден серебряный дирхем Исмаил ибн Ахмад, Самарканд, 894—902 гг. (определение И. Г. Добровольского) с тремя пробитыми отверстиями для крепления ушка. Встречались также малочисленные невыразительные фрагменты лепной, раннегончарной и позднегончарной керамики (реконструировано 5 сосудов), обломки тиглей, куски глиняной обмазки и большое число костей животных (62 обломка).

Дата. Конец XII — первая половина XIII в.

Сооружение 23 (рис. 140Б, 142Б; фото 9, 2; 23, 1) располагалось вдоль материковой ступеньки, которая проходила с юго-востока на северо-запад, рядом с северо-восточной стеной сооружения 22. Оно представляло собой развал горна и предгорную яму. От горна сохранился большой валун размером 0,7 × 1,0 м, рядом с которым был расчищен развал более мелких камней. К юго-востоку от большого валуна находилась округлая в плане яма диаметром 1 м, глубиной 0,6 м. С северо-западной стороны в яме на глубине 0,3 м от ее борта был небольшой материковый выступ шириной 24 см. Развал камней от горна спускался с северного борта ямы до ее дна. Заполнение ямы — черная гумусированная супесь. С юго-востока к предгорной яме примыкал развал красной, слегка обожженной глины, размером 1,6 × 0,4 м, толщиной 0,10—0,15 м. В систему описываемого сооружения входили также столбовые ямы. Одна, диаметром 0,3 м, глубиной 0,35 м, располагалась в северо-восточной части развала горна, вторая — к востоку от предгорной ямы, на расстоянии 1 м рядом с развалом красной глины, имела диаметр 0,36 м и глубину в материке 0,6 м.

Находки. При расчистке развала горна, красной глины и предгорной и столбовых ям было найдено две ошлакованные грибовидные детали горна, три целых тигля, их фрагменты, большое число костей животных, железистых шлаков, кусков ошлакованной глиняной обмазки, а также фрагмент так называемого «кирпича», три фрагмента венчиков лепной керамики и один фрагмент венчика раннегончарной посуды.

Дата. Вторая половина X в.

Сооружение 24 (рис. 145; фото 24) имело срубную конструкцию размером приблизительно 4,2 × 3,2 м. Сруб был ориентирован углами по сторонам света. В северо-восточной части постройки сохранилась предгорная яма прямоугольной в плане формы, ориентированная углами по сторонам света, размером 1,28 × 1,4 м, углубленная в материк до 0,4 м. Около юго-западного края ямы лежит обгорелый крупный камень (28 × 20 см). На расстоянии 2,6 м к юго-западу от края ямы, параллельно ему, лежали остатки горелой плахи шириной 0,2 м. Прослежена она была в 7—10 см от поверхности материка, в длину на 2,5 м. Между ямой и плахой прослежены гумусные пятна, которые очерчивают северо-западную границу постройки. В западном углу постройки лежат три камня. С внешней стороны к этому углу примыкает яма диаметром 0,6 м и глубиной 0,15 м. Около юго-западного конца горелой

плахи выявлена столбовая яма диаметром 0,4 м, глубиной 0,5 м, к северо-востоку от нее, на расстоянии 1 м располагалась еще одна столбовая яма диаметром 0,3 м, глубиной 0,3 м.

Находки. При расчистке в северном углу постройки гумусного пятна, связанного с предгорной ямой, а также материка в пределах постройки были обнаружены обрывок плетеной бронзовой цепочки, железное кольцо, железная втулка от наконечника стрелы (рис. 46, 24), целый миниатюрный тигель, железная прямоугольная пластинка, фрагмент миниатюрного узкого оселка из сланца.

Дата. Вторая половина X в.

Сооружение 25 (рис. 146А; 148, 4, 5) представляет собой предгорную яму, овальной в плане формы, вытянутую с северо-запада на юго-восток размером 2,0 × 1,4 м. Яма углублена в материк на 0,4 м. На западном борту ямы сохранились несколько камней и темное гумусное пятно с золистыми включениями.

Находки. В заполнении ямы, сером, гумусном, с золистыми включениями, обнаружены бронзовая проволока, фрагмент железного ножа, кости животных, отдельные фрагменты лепных и раннегончарных сосудов, а на юго-восточном борту ямы — целый тигель.

Дата. Вторая половина X в.

Сооружение 26 (рис. 146Б; 148, 2). При разборке предматериковой части культурного слоя и зачистке материка в этих квадратах был выявлен развал мелкого колотого камня в виде узкой (20—28 см) полосы, вытянутой с северо-запада на юго-восток на 3,8 м. Непосредственно под этими камнями обнаружены две ямы овальной формы, расположенные по отношению друг к другу под небольшим углом. Яма «а» размером 1,72 × 0,80 м, углубленная в материк на 0,46 м, в профиле имеет котлообразную форму. Ориентирована яма с северо-запада на юго-восток. К юго-восточному концу ямы «а» примыкает яма «б», стенка между ними разрушена. Яма «б» ориентирован с северо-северо-запада на юго-юго-восток, имеет размеры 1,52 × 0,84 м, углублена в материк на 0,2 м. Дно ямы плоское. На расстоянии 26 см к северо-востоку от места соединения ям «а» и «б» обнаружена столбовая яма диаметром 0,38 м, глубиной 0,33 м. Яма была заполнена черной супесью.

Находки. В каждой яме найдены фрагменты раннегончарных и лепных сосудов. В яме «б» найден развал сосуда торновского типа.

Дата. Вторая — третья четверть X в.

Сооружение 27 (рис. 147; 148, 1, 3) представляло собой яму, в плане несколько неправильной овальной формы, вытянутую с северо-запада на юго-восток. Размеры ямы 1,6 × 2,6 м. В материк яма углублена на 0,8 м. Стенки ямы ко дну сужались, дно было плоским и нешироким (0,4—0,6 м). Стенки ямы были обмазаны светлой зеленоватой глиной слоем в 6—10 см. Заполнение ямы составила черная сажистая супесь с включениями угля. На полу ямы и вдоль нижней части стен прослежены угольные прослойки. В этом угольном слое, на полу, в северо-восточном конце ямы лежал развал камней. Отдельные камни выступали на разной высоте из северо-западной стенки ямы.

Находки. В угольном слое на юго-западной половине ямы обнаружен развал раннегончарного сосуда, орнаментированного волной. В заполнении постройки были встречены также железистые шлаки, кости животных, фрагменты лепных сосудов, один целый тигель и части от других тиглей.

Дата. Вторая — третья четверть X в.

Сооружение 28 (рис. 149; 151, 6, 7, 10; фото 23, 8) представляло собой развал горна с предгорной ямой. Яма имела размеры 3,20 × 1,08 м, глубину в материк 0,35 м. Развал пере-

жженного камня и красной слегка обожженной с углистыми вкраплениями глины располагался у юго-восточного края ямы. Он имел первоначальные размеры 1,4 × 1,6 м и толщину 0,12—0,15 м. Северная часть развала была повреждена поздней, предположительно военного времени ямой с песчаным заполнением. В полу предгорной ямы, у середины северо-восточной стенки, была прослежена столбовая яма диаметром 0,36 м, углубленная в пол на 0,25 м. В северо-западной части ямы, на борту и на полу у стенки, лежало несколько одиночных камней, пол ямы в этом месте сохранил следы подмазки светлой глиной. Заполнение предгорной ямы — темное гумусное, с сажистыми включениями.

Находки. На полу постройки, в углистом слое найдено несколько невыразительных фрагментов лепной керамики, бронзовая трапециевидная подвеска и кусок бронзовой проволоки. Рядом с развалом горна и краем ямы лежал железистый металлургический конгломерат. Среди камней горна найдены ошлакованные куски обмазки и фрагмент глиняного так называемого «кирпича».

Дата. Вторая — третья четверть X в.

Сооружение 29 (рис. 150; 151, 1—5, 8, 9, 11, 12; фото 12, 12). Пятно постройки выступило на уровне материка после разборки культурного слоя на глубину одного штыка. Оно имело округлую в плане форму, размером 1,0 × 1,4 м, гумусное с сажисто-золистыми включениями заполнение. При разборке пятна была выявлена яма неправильной округлой формы размером 2,0 × 1,4 м, глубиной 0,2 м в западной части и 0,35 м в восточной своей части. У южной стены на полу ямы прослежены следы светлой глиняной обмазки и два камня. В 0,4 м к востоку от борта ямы, параллельно ее краю, выявлена черная гумусированная полоса, достигавшая в длину 1,85 м при ширине 0,35 м.

Находки. Куски бронзовой проволоки, бронзовая раскопанная узкая массивная пластина с прямоугольным сечением, глиняное биконическое пряслице, миниатюрный оселок из сланца с отверстием для подвешивания, фрагменты стенок и придонные части тиглей, фрагменты лепных сосудов и куски ошлакованной обмазки.

Дата. Вторая — третья четверть X в.

Сооружение 30 (рис. 152—154; фото 12, 2, 2а, 10) — вытянутая с севера на юг яма, ее длина 4,4 м, ширина в южной части 1,4 м, в средней, суженной, 0,8 м и в северной, расширяющейся, округлой в плане формы — 1,8 м. Сооружение углублено в материк в средней части до 0,5 м, у восточной и западной стенок до 0,35—0,40 м, дно ямы к стенкам несколько повышается. На восточном борту ямы, на середине ее длины, прослежено небольшое скопление камней; отдельные камни лежали на полу северного конца ямы, вдоль стен (рис. 5, 10). Заполнение ямы — черное гумусное, насыщенное углистыми включениями. Вышеописанная яма своим южным концом «открывается» в обресе материкового уступа, который в этом месте был подрезан на глубину 0,6 м. На углу сопряжения ямы сооружения 30 и материкового уступа на 0,4—0,6 м выступал валун длиной 1,4 м. Почти напротив этого валуна, на расстоянии 0,9 м, находился второй валун высотой 1 м, шириной 0,8 м. В раскоп этот валун вошел не полностью, он выступал из южной стенки раскопа на 0,4 м.

Находки. В заполнении сооружения встречены каменная формочка для литья пуговиц, фрагменты бронзовой проволоки и пластинки, прямоугольный в сечении железный брусок, железные пластинки, гвозди, обломки тиглей, в том числе два дна и венчики, и два целых тигля, глиняные детали горна (одна — в виде бруска — «кирпича» со сквозным отверстием, другие четыре фрагмента имеют сложный профиль с канелюрами и отпечатками деревянных конструкций), большое

число костей животных, фрагменты лепной, раннегончарной керамики, шлаки. На полу постройки, у западной стенки, напротив скопления камней лежала целая коса. Ниже края материкового уступа найдено большое число бронзовых пластинок, две массивные бронзовые поковки, один крупный слиток-заготовка со сложным профилем.

Дата. Вторая половина X в.

Сооружение 31 (рис. 154, 4; 155; 156; фото 3, 13; 8, 1, 5). От этого сооружения сохранились развал красной, слегка обожженной глины и три ямы, прослеженные в материке под ним. Полностью это сооружение в раскоп не вошло; южная и юго-западная части его оказались за пределами южной границы раскопа, которая проходила вдоль кромки обрыва берега р. Ловать. Приблизительные размеры этого срубного сооружения составляют $4,0 \times 4,2$ м.

При разборке культурного слоя на глубину шт. 3 в юго-восточной части кв. $O'_{0,1}$ и в юго-западной кв. P'_1 была расчищена линза красной слегка обожженной глины с сажистыми включениями. Ее удалось проследить в длину на 2,4 м и ширину около 1,8 м. Наибольшая мощность ее составила 0,2 м. Снизу развал глины подстилался углистой прослойкой толщиной 2—3 см. Между линзой глины и материком залегал слой темного гумуса толщиной 5—18 см. В материке, непосредственно под южной частью развала красной глины, была выявлена округлая в плане яма диаметром 0,9 м, углубленная в материк на 0,3 м. Заполнение ямы было темное, сильно гумусированное.

В кв. P'_1 , в материке, вдоль северного края линзы красной глины, было выявлено корытообразное углубление, вытянутое с запада на восток с небольшим отклонением к югу. Размеры его — $2,1 \times 0,6$ м, глубина в материке — 0,19 м. Рядом с западным концом этого углубления находилась округлая яма диаметром 1,20 м, углубленная в материк на 0,26 м. Заполнение ямы было серое слабогумусированное. У северного края ямы был расчищен развал камней, среди которых найдены кости животных, фрагменты раннегончарной и лепной керамики, половина тигля.

Находки. В развале камней найдены кости животных, фрагменты раннегончарной и лепной керамики, нижняя половина тигля. При разборке развала красной глины, гумусного слоя, лежащего под ним, и зачистке материка были найдены фрагмент бронзовой трапециевидной подвески и целый ее экземпляр, а также деталь коромысла весов, посеребренная оковка футляра ножа, фрагментированные язычки подковообразных фибул, отдельные фрагменты тиглей, фрагменты раннегончарной и лепной керамики, фрагменты глиняной обмазки со следами канальцев и деревянных конструкций, большое количество костей животных. Бронзовые пластинки, куски проволоки, выплески бронзы (отходы литья), фрагменты бронзовых слитков и дров обнаружены при зачистке поверхности развала красной глины.

Дата. Конец X — начало XI в.

Сооружение 32 (рис. 157, 1—3, 5) представляет собой яму овальной формы, которая не вошла полностью в раскоп. Прослеженные размеры ее $1,7 \times 3,1$ м, углублена в материк на 0,38 м. Заполнение состоит из черной гумусированной супеси.

Находки. Фрагментированные лепные и раннегончарные сосуды, ошлакованные куски обмазки.

Дата. Вторая — третья четверть X в.

Сооружение 33 (рис. 196—201; фото 24; табл. 15). На месте сооружения в культурном слое на уровне шт. 3 обнаружена кладка из камней, сложенных насухо. Кладка вытянута с севера на юг, прослежена на длину 14 м (южный ее конец уходит за пределы раскопа), кладка сохранилась

на ширину 0,1—0,5 м. В своей южной части (в кв. $M_{0,1,2}$) кладка лежит почти на материке, подстилающий ее слой составляет 10—15 см. С запада к кладке из камней примыкает линза ярко-желтой супеси с включениями кусков глиняной слегка обожженной обмазки. Восточный край этой линзы был выявлен в кв. $M_{0,1,2}$, к западу от каменной кладки, после разборки 3-го и частью 4-го штыков культурного слоя (1,2 м от современной поверхности), линза ярко-желтой супеси, следуя падению материка, уходила от каменной кладки на запад, постепенно на все большую глубину (1,40—1,64 м от современной поверхности). При этом мощность ее возрастала. Если у каменной кладки она имела толщину 1—2 см, то, начиная от восточной границы кв. $N_{0,1,2}$, мощность линзы резко возрастала, достигая 10—16 см.

К западу линза постепенно выклинивалась. В плане она имела вытянутую с юга на север неправильную форму. Южным своим концом она уходила в южную стенку раскопа, северный ее конец закруглялся (кв. N_3 , частью кв. M_3 , $O_{3,4}$). Неполная длина линзы, на которую ее удалось проследить, составила 8,6 м, максимальная ширина ее была 3,4 м. У северного конца линзы и на ее западной границе прослежены беспорядочно разбросанные камни.

Сверху линза с обмазкой по ее западному краю (кв. O_{0-3} и частично кв. O_4) была перекрыта прослойкой серого песка с железистыми включениями мощностью до 10 см. К восточной границе кв. $O_{0,1,2}$ и в кв. O_3 железистый песок постепенно выклинивался, поднимаясь на уровень границы 5-го и 4-го штыков (1,10—1,25 м от современной поверхности). Установить удалось только восточную и северную границы этого песка; западная и южная части прослойки серого песка с железистыми включениями уходила за пределы раскопа, понижаясь на уровень шт. 5. Сверху в своей центральной части (кв. $N_{0,1,2,3}$) линза ярко-желтой супеси с включениями глиняной обмазки была покрыта углистым черным слоем с примесью коричневого древесного тлена толщиной 1 см, а снизу линзу подстилал древесный тлен, слой которого толщиной 2—3 см продолжался до западной стены раскопа на глубину 1,64 м от современной поверхности в кв. $O_{1,2}$. В этом слое сохранились отдельные истлевшие древесные плашки и доски.

Своей северной половиной линза ярко-желтой супеси с включениями глиняной обмазки покрывала развал камней, края которого при зачистке поверхности линзы были частично видны вдоль ее западного края. Максимальный размер развала составляет $2,6 \times 3,5$ м. На площади кв. $O_{0,1}$ камни лежали вразброс и некоторые из них подстилали прослойка с древесным тленом. Ниже всех наслоений, связанных с разрушением сооружения 33, залегал предматериковый слой толщиной от 20—25 см (по линии Н) и до 10 см (по линиям О и П).

Находки. По составу находок серая прослойка железистого песка, линза ярко-желтой супеси, а также слой черного гумуса, который их разделял и заполнял пространство между камнями, что были расчищены у северного конца и западного края ярко-желтой супеси, почти ничем не отличаются друг от друга. Непосредственно на линзе ярко-желтой супеси и рядом с ней на уровне, соответствующем каменной длинной кладке и прослойке железистого песка, найдены: оковка железная с петлей посеребренная или луженная оловом, пластина железная фигурная с заклепкой (оковка конской упряжи), фаллар железный с инкрустацией из светлого металла (серебро или олово?), серебряный перстень-печатка с необработанными швами, литой в трехстворчатой форме. В ярко-желтой супеси были найдены: жернов у пикета O_1 , шпора железная с колесиком, подковка от сапога, железный нож, два глиняных пряслица, плоское пряслице из песчаника. Обломки позднегончарной керамики, кости животных за-

лежали на поверхности прослойки железистого песка, среди камней, а также внутри линзы ярко-желтой супеси.

Судя по всему, прослойка серого песка с железистыми включениями фиксирует определенный этап в отложениях культурного слоя над уже разрушенным сооружением 33. Вероятно, одновременной с образованием песчаной железистой прослойки здесь начинается интенсивное отложение культурного слоя, смытого с более высоких участков селищного холма. В этих слоях, лежащих на песчаной прослойке или над линзой ярко-желтой супеси, найдены разновременная керамика, а также звено железной цепочки (рис. 43, 3), крючок рыболовный, буса стеклянная с золотой прокладкой (рис. 41, 23; 201, 2), железная игла (кв. О₀, шт. 4), пластинки бронзовые, одна согнута петлей, вторая — с заклепкой. Характер конструкции выявленного здесь сооружения (каменная кладка, связанная с нею линза ярко-желтой супеси с обмазкой и подстилающим ее слоем древесного тлена с деревянными плахами, развал камней) остался неясным, поскольку исследована была лишь северо-восточная часть этого сооружения. Большая его часть (северо-западная и южная) в пределы раскопа не вошла.

Дата. Конец XII — первая половина XIII в.

Сооружение 34, раскоп II 1977 г. (рис. 158, 159; фото 8, 2). Характер культурных отложений на месте сооружения аналогичен тем, которые были открыты на месте сооружений 14 и 31. При разборке части культурного слоя на уровне 2—3-го штыков появилась верхняя часть развала красной слегка обожженной глины, который полностью был расчищен только на уровне шт. 4. Развал красной слегка обожженной глины занимал площадь 4,4 × 2,6 м, имея в плане форму, близкую к треугольнику. Мощность его в центральной части достигала 24 см, по краям — 4—8 см. В развале наблюдались тонкие линзы углистого слоя, особенно в его северо-восточной части. В юго-западной половине развала было расчищено довольно много беспорядочно разбросанных обожженных камней. Снизу развал подстилался тонкой углистой прослойкой (0,5—1,0 см). В процессе расчистки развала глины была произведена зачистка поверхности культурного слоя по уровню развала. При этом не удалось выявить следы каких бы то ни было конструкций, связанных с ним. Было

установлено, что развал глины залегал непосредственно на поверхности гумусированного песка серо-коричневого цвета, на поверхности которого, на небольшом расстоянии от развала глины, к северу и к востоку от него были обнаружены углистые пятна, уходящие за пределы раскопа. Вполне вероятно, что эти угольные слои были связаны с остатками сгоревших в пожаре деревянных стен постройки. А гумусированный песок серо-коричневого цвета был той дневной поверхностью, на которой было возведено жилище, так как в нем наблюдались включения красной глины и угля. Размеры его установить нельзя, можно только предполагать, что оно, так же как и сооружения 14 и 31, имело форму, близкую к прямоугольнику, а в одном из его углов была сооружена глинобитно-каменная печь. Под гумусированным песком серо-коричневого цвета шли предматериковые отложения культурного слоя, которые состояли из глинисто-углистого слоя толщиной 8—10 см, кое-где он сменялся линзами крупнозернистого светлого песка толщиной 20 см.

Находки. В развале красной глины были встречены несколько фрагментов гончарной керамики, небольшие кусочки тиглей, шлаков, кости животных. В углистой прослойке, подстилающей развал глины, найдена бронзовая пряжка.

Дата. Конец X — начало XI в.

Сооружение 35 (рис. 194). При разборке культурного слоя на уровне 2-го штыка в нижней его части было выявлено прямоугольное ориентированное с севера на юг сгоревшее сооружение размером 2,15 × 1 м, высотой 0,1 м, сделанное из досок толщиной 2,5—3,0 см, поставленных на ребро. Внутри его сохранились несколько обгоревших плах, лежавших плашмя. Они имели следующие размеры: ширина их была около 0,2 м, в длину прослежены на 0,5—0,6 м. Около северной стенки сооружения выявлены горелые остатки столбика диаметром 10 см. Это деревянное сооружение прорезало культурный слой, который содержал мелкие вкрапления белой глины и угля — следы разрушенного горнового сооружения 15, выявленного на материке.

Находки. В заполнении сооружения найдена железная заклепка, а рядом с сооружением, около западной стенки — железная подкова.

Дата. Конец XII — первая половина XIII в.

Остатки сооружений с невыявленными конструкциями

Скопление камней в кв. Е'₁, Ж'₁ и Е'₂, Ж'₂ (рис. 26, 10, 12; 50; 102; фото 4, 12) прослежено на материке, они занимали площадь 1,0 × 1,2 м и 0,7 × 1,6 м, включали камни размером от 5 × 10 до 63 × 70 см. Между камнями на материке выявлены пестрые гумусные пятна неопределенной конфигурации. В пятнах обнаружены осколки от снарядов и взрыватель противотанковой мины.

Находки. При разборке предматерикового слоя и при зачистке материка в районе камней найдены бронзовая трапециевидная подвеска, плетенные косичкой цепочки, железный нож, заготовка подковообразной фибулы со спиралевидными концами и заготовка иглы к ней, массивная прокованная пластина-заготовка, тигель без венчика, три грибовидные ошлакованные детали («заглушки»). Наблюдалась концентрация отходов ювелирного производства в виде обрезков бронзовых проволоки и пластин, кусков керамического шлака, фрагментов глиняных деталей (так называемых «кирпичей»), железистых шлаков, кусков металлургических конгломератов.

Дата. Вторая половина X в.

Скопление камней в кв. М₂ (рис. 25, 2, 4; 26, 11; 102) имело размеры 0,62 × 0,73 м. Размер камней варьировал

в пределах от 20 × 40 до 20 × 20 см. С севера к развалу примыкала столбовая яма диаметром 30 см и глубиной 35 см. В развале и в непосредственной близости от него были найдены два целых тигля, мелкие и крупные фрагменты тиглей, фрагмент оселка из сланца, бронзовые проволочно-пластинчатые обрезки, железистые шлаки, металлургический конгломерат, кусок ошлакованного дна горна.

Дата. Вторая половина X в.

Пятно в кв. А'₄, Б'₄ (рис. 102). Вскрыта угольно-сажистая линза размером 1,1 × 1,8 м, толщиной 3—5 см с включениями углей, золы, материкового песка. Под нею, на материке, прослеживаются следы прокаленности. На то, что в данном случае мы имеем дело со следами какого-то сооружения, указывают не только следы очага либо след сгоревшей деревянной конструкции, но и концентрация культурных остатков.

Находки. Не поддающиеся реконструкции фрагменты лепной и раннегончарной керамики, куски ошлакованной обмазки и бронзовой проволоки.

Дата. Вторая половина X в.

Спектральный анализ и технология¹

Спектрально-аналитическому исследованию, проведенному в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН В. А. Галибиным², были подвергнуты все категории находок, которые связаны с разными стадиями ювелирно-литейного производства: готовые украшения, заготовки, слитки и лом, отходы (литники, сплески и капли металла, обрезки пластин и проволока) — всего 170 предметов, 137 из них — X — начала XI в., остальные — второй половины XI—XII или XII—XIII вв., причем только среди поздней группы были выявлены металлургически «чистые» металлы: кусок свинца и проволочная заготовка из меди. Основная же масса вещей изготовлена из сложных сплавов, основой которых служила медь (табл. 12). В качестве определяющих искусственных добавок использовались свинец и цинк (от 2,4 до 40 %), олово в ощутимых концентрациях (от 1 до 25 %) встретилось лишь 41 раз, а роль ведущего приплова оно выполняло в концентрации от 5,5 % и выше всего в восьми пробах.

Остальные элементы, отмечаемые в сплавах при спектральных исследованиях (висмут, сурьма, мышьяк, серебро, никель, кобальт, железо), представлены в незначительных долях процента: тысячных, сотых, изредка — десятых. В исключительных случаях (9 проб) концентрация сурьмы и мышьяка повышается до 0,33—1,5 %. Сразу отметим, что в 8 пробах это повышение сопровождается значительными примесями олова (от 1 % и выше). И связь тем отчетливее, чем выше процент олова. Данное наблюдение позволило В. А. Галибину высказать предположение о наличии какого-то нового сырьевого источника для некоторой части цветного металла Городка с повышенным содержанием олова (1—30 %). Возможность объединения остальной массы металла в единую геохимическую группу допускается им с небольшой долей вероятности, что не противоречит устоявшейся точке зрения на выделение диагностических признаков первичного набора примесей к меди в находках I — начала II тыс. н. э. Бесперспективность подобных попыток обусловлена широким распространением в это время многокомпонентных сплавов (Рындина, 1963. С. 204; Барцева и др., 1972. С. 53—56; Коновалов, 1974. С. 5, 6; 2008. С. 7—106).

Применение именно таких сплавов и было характерно для ювелирного дела Городка как в X — начале XI в., так и позже. Бинарные сплавы были обнаружены всего три раза, по одному на каждый элемент искусственной лигатуры. Все остальные анализы показали наличие трех- и четырехкомпонентных сплавов. По преобладанию того или иного элемента в лигатуре все сплавы можно разделять на три металлургические группы (см. табл. 13)³.

В группе I (128 проб) определяющей присадкой является цинк (от 2,7 до 30 % и выше), сопровождаемый постоянно свинцом (от 0,3 до 25 %), и более чем у трети проб из этой группы еще и оловом (в концентрации 0,3—7 %).

В группе II (28 проб) в качестве доминирующего приплова выступает свинец (от 2,4 до 30 %) в сочетании с цинком (1—26 %). У одной пятой сплавов группы прослежен третий компонент — олово (от 0,3 до 1,8 %).

¹ Опубликовано: Горюнова, 1985. С. 56—61. Спектрально-аналитические исследования проводились на базе коллекции из раскопок селища.

² Количественный спектральный анализ проведен по методу трех эталонов с построением аналитических графиков в координатах $\Delta S \sim I g C$.

³ Элементы в таблице расположены в порядке, соответствующем понижению концентрации. За рубежом практической значимости примесей принята концентрация в интервале от 0,3 до 1 % (обозначение элемента взято в скобки).

Группа III (8 проб) объединяет оловянистые и оловянисто-свинцовые бронзы. Выше уже отмечалось, что олово преобладает над другими присадками в концентрации от 5,5 до 30 %. Практически олово во всех случаях сопровождается свинцом (0,35—9 %). У четверти сплавов группы I набор лигатур дополнен еще цинком (1,6—3,5 %). Не всегда сплавы поддаются строгому подразделению на группы. В некоторых пробах наблюдалось равное содержание цинка и свинца. Но подобные отклонения от рецептурной нормы чрезвычайно редки (4 образца).

На табл. 13 отражено распределение типов и групп сплавов в хронологическом порядке. К сожалению, сопоставления по двум периодам Городка проводить трудно в силу малочисленности вещей более позднего времени, но все же некоторые тенденции фиксируются вполне определенно. Прежде всего, следует отметить, что сплавы III группы применялись во второй половине XI—XII в., а появление их фиксируется находками фрагмента ковanej проволоки и обломка узкой пластины в самых поздних комплексах начального этапа существования Городка (рубеж X — начало XI в.). Частота применения сплавов группы II во второй половине XI—XII в. несколько снизилась (примерно на одну треть). И последнее, металлургическая группа I значительно преобладает над остальными как в раннее время, так и в более позднее.

Морфологическое изучение готовых ювелирных изделий, их полуфабрикатов и заготовок, отходов и неудачных отливок, а также глиняных и каменной литейных форм позволили наметить общие черты технологии украшений Городка. Сопоставление результатов морфологического и спектрального анализов выявило достаточно четкое соответствие каждой металлургической группы сплавов определенным приемам изготовления вещей (см. табл. 14).

Сплавы металлургической группы I были характерными для вещей, сделанных из массивной литой заготовки путем последующей проковки (гривен, крупных подковообразных фибул, игл от кольцевидных фибул, пластинчатых браслетов) либо из проволоки (маленьких подковообразных фибул, проволочного петлеобразного держателя, различных колечек для подвешивания, плетеных цепочек). В эту же группу входят сплавы подавляющей части подвесок и других украшений, вырезанных из тонкой пластины и гравированных пуансоном (пластинка гнездового типа, лунница, разного рода оковки).

Сплавы группы II шли на изготовление украшений путем литья в каменную или глиняную форму: трехдырчатых держателей, трапециевидных подвесок, бляшки поясной с растительным орнаментом, ромбических подвесок, ладьевидного браслета, пуговиц.

Сплавы группы III были прослежены лишь у одной категории готовых вещей — бубенчиков различных типов XI—XIV вв. (см. раздел III.5 «Ремесленное производство»).

Распределение слитков и различных отходов по металлургическим группам следует тем же закономерностям, которые были выявлены на готовой продукции. Все слитки имеют составы I группы, за исключением одного с составом II группы. Отходы поковочных работ (раскованные слитки, пластины, проволока, обрезки), за редким исключением, входят в металлургическую группу I. В этой же группе находятся также отходы литья (сплески, капли металла), явно связанные с изготовлением расплавов и новых слитков-заготовок, зато во II группе — отходы литья вещей в форму (литники, неудавшиеся отливки). При этом литейные отходы распределяются по группам I и II для X — начала XI в. в соотношении 8 : 6, а для второй половины XI—XII в. — 1 : 3. Эта тенденция к уменьшению доли работ, связанных с изготовлением трудоемких массивных вещей из литой заготовки, и выдвиганию

на первый план литья в формы становится определяющей для всего древнерусского ремесленного производства XII в. под влиянием роста рыночного спроса (Рындина, 1963. С. 266; Янин, Колчин, 1978. С. 30—32).

Наблюдаемая в X — начале XI в. зависимость выбора типа сплава от технологии изготовления украшений не абсолютна. Но незначительное число отклонений (литье в форму — 3 экз., литье по восковой модели — 1 экз., мелкие поковки — 5 экз.) указывает на случайный характер подобных нарушений, связанных либо с техническими ошибками, либо с внешними причинами. Так, из необычного сплава Cu — Zn (13 %), Pb (10 %), Sn (7 %) выполнена скандинавская равноплечая фибула (№ 64 в табл. 12). Преобладание цинка (хотя и незначительное), присутствие олова в достаточной концентрации — признаки, нехарактерные для литых изделий Городка X в. К тому же фибула сделана по восковой модели, которая совершенно не применялась здесь в этот

период. Необычность технологических приемов лишней раз подчеркивает чужеродность этого украшения, а фрагментированное состояние фибулы указывает на сырьевой характер ее использования.

Выпадает из общей схемы соответствия типа сплава определенным приемам металлообработки крест XI—XII вв. так называемого «скандинавского типа», отлитый по восковой модели (?) из сплава 6 металлургической группы I (№ 53 в табл. 12). Возможно, об импорте свидетельствует поясная пряжка конца X — начала XI в. из постройки № 34, выполненная из металла близкого состава (№ 53 в табл. 12). Крест и поясная пряжка, скорее всего, свидетельствуют о связях с прибалтийско-финской зоной металлообработки (Латвия, Приладожье, Ижорское плато), для которой не только в X—XI вв., но и в XII в. характерно преобладание многокомпонентных сплавов меди с цинком в качестве доминирующей лигатуры (Коновалов, 1974. С. 12; 2008. С. 7—106).

Металлографическое исследование кузнечной продукции
(выполнено и дано заключение Г. А. Вознесенской, Институт археологии НАН Украины)¹

В коллекцию, предоставленную для технологического изучения, включены вещи из раскопок на селище: железный полуфабрикат в виде брусков, железные и стальные заготовки в виде пластин и стержней, сельскохозяйственные орудия (коса, два серпа, сошник, чересло), инструменты по металлу (пробойники, зубильца, долота), хозяйственные ножи (14 экз.), предметы быта (два кресала), предметы вооружения (наконечник копья и четыре наконечника стрел) (табл. 21).

Макроскопическое исследование четырех прямоугольных в сечении брусков (длиною от 5 до 13 см, шириной 1—2 см, толщиной около 1 см) обнаружило в каждом структуру кричного железа. В двух брусках (ан. 1927, 1958) — преимущественно крупнозернистый феррит, микротвердость колеблется от 236 до 322 кгс/мм². Много включений шлака. Брусок (ан. 1948) — феррит с разной величиной зерна (от мелкого до крупного), микротвердость 181—206 кгс/мм², много шлаковых включений. Брусок (ан. 1947) представляет очень неоднородный металл: зоны чистого феррита перемежаются с участками феррито-перлитной и мартенситной структуры. Много крупных включений шлака.

Три заготовки (ан. 1931, 1955, 1968) представляют собой пластинки и прутки квадратный в сечении из высокоуглеродистой стали. Две заготовки (ан. 1931, 1968) имеют довольно однородную феррито-перлитную структуру (микротвердость 206—274; 236—254 кгс/мм²); содержание углерода соответственно 0,5—0,8; 0,6—0,7 %. Шлаковых включений в стали мало. Стерженек (ан. 1955) имеет мартенситно-трооститную структуру, микротвердость 572—1100 кгс/мм², шлаковых включений мало. Значительное колебание микротвердости структуры отражает неравномерность науглероживания.

Восемь предметов, по-видимому, заготовки (ан. 1918, 1924, 1929, 1930, 1932, 1952, 1954, 1956)² представляют собой стерженьки и пластинки, квадратные или прямоугольные в сечении. В основном это кричное железо, довольно сильно загрязненное включениями шлака, микротвердость колеблется в пределах 206—236 кгс/мм². Пластина (ан. 1932) более мягкая — 160—206 кгс/мм², а стерженек (ан. 1929) — более твердый, 254—383 кгс/мм². Массивная пластина, имеющая следы рубки зубилом на одном конце (ан. 1924), является стальной заготовкой, содержание углерода 0,1—0,5%, шлаков очень мало, зерно мелкое, микротвердость 206 кгс/мм². Металл хорошо прокован.

Коса (ан. 1963) имеет прекрасной сохранности клинок, откованный в технике трехслойного пакета. В центре клинка идет полоса стали, микроструктура мартенсит с трооститом, микротвердость 572—642 кгс/мм². По бокам ее — полосы феррита, микротвердость 254—297 кгс/мм². Сварочные швы четкие, чистые. Клинок закален.

Обломок лезвия, вероятно, серпа (ан. 1920) сделан из кричного железа, сильно загрязненного шлаками, микротвердость феррита 170—193 кгс/мм². Обломок лезвия, вероятно также серпа (ан. 1939), цельностальной. Возможно, этот экземпляр клинка ковался из полосы металла, которая была дополнительно цементирована. На шлифе отчетливо наблюдается цементированная зона: с одной стороны клинка содержание углерода 0,7—0,8 % и убывает к центру клинка до 0,3 %. Микротвердость феррита 180—236 кгс/мм², пер-

лита — 236—274 кгс/мм². Зерно металла мелкое и среднее, шлаковых включений мало.

Чересло (ан. 1916 — обломок). Шлиф приготовлен на всей поверхности излома клинка. Микроскопическое исследование показало, что чересло отковано из кричного железа. В металле много мелких включений шлака. Зерно феррита мелкое и среднее.

Сошник (ан. 1959 — обломок) откован из кричного железа, сильно загрязненного шлаком. Феррит крупнозернистый, микротвердость 221—236 кгс/мм².

Инструменты типа маленьких ювелирных зубилец, миниатюрных долот (ан. 1925, 1941, 1942, 1961, 1965, 1966). Три из них откованы из кричного железа. Лезвие первого (ан. 1925) имеет структуру среднезернистого феррита, микротвердость 322 кгс/мм². Лезвие другого (ан. 1966) — феррит, сильно загрязненный шлаками, микротвердость 206—221 кгс/мм². Третий инструмент (ан. 1942) — из мелкозернистого феррита со следами перлита (видманштетная структура), микротвердость 193—206 кгс/мм². У всех инструментов лезвие сильно коррозировано.

Зубильце (ан. 1941) отковано из мягкой стали. Микроструктура на острие мелкозернистая феррито-перлитная, содержание углерода 0,2—0,3 %, микротвердость 221—236 кгс/мм². Есть чисто ферритные участки.

Зубильце (ан. 1966) отковано из прутка кричного железа, который, возможно, был предварительно цементирован. Микроскопическое исследование поперечного сечения лезвия обнаружило с одной стороны его науглероживанную зону. Микроструктура мелкозернистая феррито-перлитная, содержание углерода 0,3—0,4 %. Микротвердость феррита 297 кгс/мм², перлитных зерен 274—322 кгс/мм².

Обломок зубильца? (пластина) (ан. 1961) имел более сложную технологию изготовления. Микроскопическое исследование поперечного сечения лезвия обнаружило варку стального лезвия в железную основу инструмента. Микроструктура сварного лезвия представляет собой мелкодисперсную феррито-перлитную смесь, микротвердость 297—383 кгс/мм².

Три небольших слесарных зубила (ан. 1926, 1928, 1938) имеют стальные лезвия. У двух (ан. 1926, 1938) лезвия цельностальные, закаленные. Микроструктура в обоих случаях мартенситная, микротвердость 383—420; 514—572 кгс/мм². Зубило (ан. 1928) имеет наварное стальное лезвие. Микроструктура стальной наварки мартенситно-трооститная, микротвердость 642—724 кгс/мм². Микротвердость ферритной основы 274—322 кгс/мм².

Из двух кресал, представленных на исследование, одно фрагментированное (ан. 1951) оказалось из кричного железа, другое (ан. 1950) имело, по-видимому, наварное лезвие. Выпилить пробу с ударного ребра не удалось ввиду большой твердости металла, а на внутренней части кресала проба напильником показала мягкий металл.

Инструмент для нанесения циркульного орнамента (ан. 1962) откован из стали. Микроструктура: мелкодисперсная феррито-перлитная смесь, перлит глобулярной формы, микротвердость 322 кгс/мм².

Пластина с заклепкой (ан. 1940) откована из кричного железа, сильно загрязненного включениями шлака, микротвердость 206—274 кгс/мм².

Наконечник стрелы ланцетовидный (ан. 1936) откован из мягкой стали, микроструктура пера стрелы мелкозернистая, феррито-перлитная, содержание углерода 0,3—0,4 %, микротвердость 206—274 кгс/мм².

¹ Более подробно см.: Вознесенська, 2000. С. 18—28.

² Неверное определение функции: 1956 — блесна (см. табл. 21).
Примеч. В. М. Горюновой.

микротвердость 254—274 кгс/мм². Металл хорошо прокован, шлаковых включений совсем мало.

Наконечник стрелы втульчатый двушипный (ан. 1937) откован из кричного железа. Металл мелкозернистый, хорошо прокованный, микротвердость феррита 151—170 кгс/мм².

Наконечник стрелы ромбовидный (ан. 1949) откован из стали. Микроструктура пера — мелкодисперсная феррито-перлитная смесь, перлит имеет сорбитообразный характер. Микротвердость структуры 297—350 кгс/мм². Шлаковых включений мало.

Наконечник стрелы ланцетовидеый (ан. 1964) откован из кричного железа, сильно загрязненного включениями шлака. Зерно феррита мелкое и среднее, микротвердость 254—383 кгс/мм².

Наконечник копья (ан. 1917) откован из твердой стали. Микроструктура пера копья — феррит, сорбит. Сорбит местами со следами мартенситовой ориентировки. Микротвердость феррита 297 кгс/мм², сорбита 322—410 кгс/мм². Шлаковых включений в стали очень мало. Перо копья подвергалось тепловой обработке: закалке с отпуском.

Хозяйственные ножи — 14 экз.

Нож (ан. 1921) откован из сырцово-закаленного стали и закален. На большей части шлифа — мартенситно-трооститная структура, микротвердость 420 кгс/мм². На обушке — феррит, немного перлита, микротвердость 170—193 кгс/мм². Шлаковых включений немного, они мелкие.

Нож (ан. 1922) откован из кричного железа, загрязненного шлаками. Феррит мелкозернистый, микротвердость 297 кгс/мм².

Нож (ан. 1923) — откован с применением технологической схемы трехслойного пакета, клинок закален. Центральная стальная полоса имеет структуру мартенсита, микротвердость 420 кгс/мм². Боковые полосы — феррит мелкозернистый, микротвердость 236 кгс/мм². Сварочные швы четкие.

Нож (ан. 1933) откован из мягкой сырцово-закаленного стали. Микроструктура клинка — мелкодисперсная феррито-перлитная, содержание углерода 0,1—0,3 %, микротвердость 236—254 кгс/мм². Шлаковых включений мало.

Нож (ан. 1934) откован с применением технологической схемы трехслойного пакета, клинок был подвергнут тепловой обработке. Центральная стальная полоса имеет структуру сорбитообразного перлита и феррита; микротвердость 236 кгс/мм². Боковые полосы — феррит и включения шлака; микротвердость феррита 297—322 кгс/мм². Сварочные швы тонкие, четкие.

Нож (ан. 1935) откован с применением технологической схемы трехслойного пакета, клинок был закален и отпущен (отпуск мог быть случайным). Микроструктура центральной стальной полосы — сорбит со следами мартенситовой ориентировки, микротвердость 350—420 кгс/мм². Боковые полосы — феррит, микротвердость 206—236 кгс/мм². Сварочные швы четкие, тонкие.

Нож (ан. 1943) откован с применением технологической схемы трехслойного пакета, возможно, клинок подвергался тепловой обработке. Микроструктура центральной сталь-

ной полосы — феррит и перлит сорбитообразный, микротвердость 297 кгс/мм². Боковые полосы — феррит, мелкие шлаки, микротвердость 236—297 кгс/мм². Сварочные швы четкие, тонкие.

Нож (ан. 1944) откован с применением технологической схемы трехслойного пакета, возможно, клинок подвергался тепловой обработке. Микроструктура центральной стальной полосы — феррит и перлит сорбитообразный, микротвердость 254 кгс/мм². Боковые полосы — феррит, микротвердость 274—322 кгс/мм². Сварочные швы четкие, тонкие.

Нож (ан. 1945) откован целиком из кричного железа. Микроструктура клинка — феррит со следами перлита, включения шлаков. Микротвердость феррита 221—274 кгс/мм².

Нож (ан. 1946) откован с применением технологической схемы трехслойного пакета, клинок закален. Микроструктура центральной стальной полосы — мелкоигльчатый мартенсит, микротвердость 824—946 кгс/мм². Боковые полосы — феррит с включениями шлаков. Сварочные швы тонкие и чистые.

Нож (ан. 1953) откован целиком из кричного железа. Микроструктура — феррит со следами перлита, микротвердость 181—236 кгс/мм². В металле много шлаковых включений.

Нож (ан. 1957) откован из кричного железа, местами сильно науглероженного. Клинок закален. Микроструктура большей части клинка — феррит мелкозернистый. Небольшая зона мелкоигльчатого мартенсита, микротвердость 514 кгс/мм².

Нож (ан. 1960) откован с применением технологической схемы трехслойного пакета, клинок закален. Микроструктура центральной стальной полосы — мартенсит с трооститом, микротвердость 464—572 кгс/мм². Микроструктура боковых полос — феррит, микротвердость 236—297 кгс/мм². Сварочные швы четкие, чистые.

Нож (ан. 1967) откован с применением технологической схемы трехслойного пакета, клинок закален. Микроструктура центральной стальной полосы — мартенсит с трооститом, микротвердость 514 кгс/мм². Микроструктура боковых полос — феррит, микротвердость 254—322 кгс/мм². Сварочные швы четкие, чистые.

Итак, среди исследованных 53 предметов всего 14 ножей. Ножи, как известно, самая массовая категория изделий среди кузнечной продукции и наиболее информативная в технологическом отношении. По Б. А. Колчину, технология изготовления ножей изменялась соответственно общему развитию древнерусского ремесла и экономики. Наиболее сложной она была в X—XI вв., когда значительная часть клинков была многослойной: в середине его шла полоса высокоуглеродистой стали, по бокам — железные полосы. В этой технике так называемого трехслойного пакета отковано восемь клинков, т. е. 57 % от всех исследованных предметов. Следовательно, коллекция из Городка на Ловати вполне определенно отражает своеобразие технологических традиций кузнечного производства Северной Руси X—XI вв., которые заключаются в широком освоении сварочных конструкций из железа и стали, а также в значительной доле среди них трехслойного пакета.

Селище. Процентное соотношение лепной и раннегончарной посуды в комплексах X — начала XI в.*

Комплексы	Лепная посуда	Раннегончарная посуда	Западнославянские формы подражания, гибриды**	Примечания
Материк	45,4 %	54,6 %	+++++++ +++++	
Сооружение 9	100 %			
Сооружение 28	100 %			
Сооружение 29	100 %			
Сооружение 3	75 %	25 %	+	
Угольные линзы на материке	69,3 %	30,7 %	+++	
Сооружение 8	66,6 %	33,4 %		
Сооружение 2	66,7 %	33,3 %	+	
Сооружение 6	50 %	50 %	+	
Развал камней в кв. E' _{1,2} , Ж' ₂ , M ₂	50 %	50 %	++	
Сооружение 10	50 %	50 %	+++	
Сооружение 13	50 %	50 %	++	
Сооружение 14	50 %	50 %		Пожар
Сооружение 17/18	50 %	50 %	+	
Сооружение 19	50 %	50 %	+++	
Сооружение 4	30,7 %	69,3 %	+++++++	
Сооружение 32	33,4 %	66,6 %	++	
Сооружение 7		100 %	+	
Сооружение 15		100 %		Один сосуд
Сооружение 26		100 %	+	Один целый сосуд
Сооружение 27		100 %		Один целый сосуд
Сооружение 34		100 %	РФК-3	Пожар
Итого	50,8 %	49,2 %	44 экз.	

* Подсчеты велись по полевой описи.

** Знак «+» означает один реконструированный сосуд.

Распределение различных групп лепной и типов раннегончарной керамики в комплексах городища и селища*

Комплексы	Лепная керамика						Типы и группы						Раннегончарная керамика			
	I	II	III	IV	V	VI	I-A	I-B	I-B	I-Г	I-Д	II Торнов	Подражания и различные гибриды	III Фрезендорф	Подражания Фрезендорфу	IV, V Менкендорф
	ГОРОДИЩЕ															
Постройка 1	2						5				1	1			1	
Постройка 2		2	2		1	4	1						1			1
Постройка 4	1	2	2			1	1			1			3	3	6	1
Постройка 5	1		3			8	1	7					6	5	5	1
Постройка 6	1	2	6		2	5	2	1	1	1	1		1	2	6	
Постройка 7/8		3			5	5	1	1	1	1	1		9	6	4	
Постройка 9		1			2	2			1		3		3	1	2	3
Постройка 10		1	1						8	1						
Постройка 11	1	1	1		1	2	1	1	2				2		3	
Постройка 12					1	1			6	1						
Культ. слой	1						1	2		5	2		3	2		1
СЕЛИЩЕ																
Материк	1	3	5	2		4	3		1	1		5	6		4	1
Угольные линзы на материке		1				7			1		1		2			
Развал камней, кв. Е ₁₋₂ , Ж ₂ , М ₂						3			1		1		1			
Сооружение 2	2		1	1					1				1			
Сооружение 3	1	2													1	
Сооружение 4		1	2		1		2						1	1	2	3
Сооружение 6		1											1			
Сооружение 8			1				1									
Сооружение 9			3			1										
Сооружение 10		2	1			1		1						3		
Сооружение 11										1						
Сооружение 13		2	1	1			1			1			2			
Сооружение 14		1					1									
Сооружение 15																
Сооружение 17/18							2	1								
Сооружение 19		1				2	1						1			1
Сооружение 26												1				2
Сооружение 27							1									
Сооружение 29		1	1													
Сооружение 31	1															
Сооружение 32		1													1	
Культ. слой	3	1	6	2		10		1	6	1	2			1		3
Итого	15	23	42	6	8	58	22	3	24	19	13	18	43	24	35	17
Итого, %**	9,8	15,2	27,6	4	5,2	38,2	10	1,4	11	8,7	6	8,25	19,7	11	16,5	7,8

* В таблицу включены только реконструированные фрагменты, отраженные в рисунках.

** Процентное соотношение между типами и группами дано отдельно по лепной и раннегончарной керамике.

Распределение тиглей в культурном слое и комплексах селища

Сооружение	Культурный слой		Целый	Часть тигля		Фрагмент*
	Квадрат	Штык		Верхняя	Нижняя	
<i>Раскоп 1971 г.</i>						
1			1			9
2			2			12
3					1	5
4			1			9
5			2		1	7
	А ₆ , Б ₆	2—3				10
	Б ₆	Зачистка материка	1			
	Б ₄	1—2				1
	В ₄	2				1
	В ₆	2				4
	Г ₈	1				2
	В ₇	1—2				1
	Д ₃	2				3
	Г ₇	2				2
	Д ₅	2				2
	Д ₆	2				1
	Г ₆	2				5
	Г ₄	2				4
	Б ₃	Зачистка материка	1			1
	Г ₃ , Д ₃	3				4
	В ₃	3				2
	В ₃	1—3				1
	Д ₇	2				1
В ₆	Зачистка материка				1	
Всего в постройках			6		2	42
Всего в культурном слое			2			46
<i>Раскопы 1972 г.</i>						
4			1		2	6
6 (южный очаг)						1
9						2
10 (развал камней)	З ₄		1			1
	В' ₄	1				2
	Г' ₄	1				1
	Д' ₄	1				2
	В' ₄	Зачистка материка				1
	Е ₃	2 (предматерик)				1
	З ₃	2				2
	Ж ₄	3				1
	Ж ₅	3				2
Всего в постройках			2		2	10
Всего в культурном слое						12

Сооружение	Культурный слой		Целый	Часть тигля		Фрагмент*
	Квадрат	Штык		Верхняя	Нижняя	
<i>Раскопы 1975 г.</i>						
13			1		1	
14			1			
15	K ₀	3 над развалом камней				1
16			2	1		
17/18			1			
	I ₅	4			1	
	E ₂	2				1
	A ₀	2				1
	L ₂	2				5
	B' ₁	2				2
	Z' ₁	2				1
	B' ₂	2				1
	I ₄	2				1
	Z' ₂	2				1
	I ₁	2				1
	Z' ₁	3			1	1
	L _{3,4}	Зачистка пятна				2
	L ₃	3			1	
	A' ₂	Предматерик	1			
	M ₀	3			1	
	H _{0,1}	4			1	
	Z' ₂	Зачистка стенки раскопа	1			
K ₀	2	1				
E' ₀	Предматерик	1				
Всего в постройках			5	1	1	1
Всего в культурном слое			4		5	17
<i>Раскопы 1977 г.</i>						
20					1	
21 (под развалом горна)			3		1	
22						1
23			3			2
34	Раскоп II	Под слоем красной глины			1	
	Раскоп II P ₁₅	Предматерик	1			
	M ₂	Камни на материке	2		1	
	H ₀	Материк	2			
	O ₅	Предматерик	1		1	
	Z ₉	2			1	
	L ₁₁	Предматерик			1	

Сооружение	Культурный слой		Целый	Часть тигля		Фрагмент*
	Квадрат	Штык		Верхняя	Нижняя	
	O ₂	Предматерик с углем	2		1	
	O ₁	Предматерик	1			
	K ₁₂	1			1 с остатками бронзы	
	Z ₉	2				1
	Ж ₈	3				1
	M ₀₀	Предматерик				4
	H ₃	Предматерик				3
	H ₁	Предматерик				1
	M ₂	Предматерик				2
	Раскоп II Т, У ₁₅	Предматерик с углем				1
	Раскоп II У ₁₅	Предматерик с углем				1
	Раскоп II Т ₁₆	Зачистка культ. слоя				1
	Z ₁₀	1 предматерик				1
	И ₇	2				1
Всего в постройках			6		3	3
Всего в культурном слое			9		6	17
Раскопы 1978 г.						
24			1			
25			1			
27			1	1		1
29					2	7
30			2	1		5
31					1	3
	Л ₁₄	1 предматерик				1
	O' ₅	1				1
	H' ₀	3	1 — миниатюрный			
	P' ₂	2				1
	П' ₁	2				2
	P' _{0,1}	Развал камней		1		
	Л' ₂	2				2
	H' ₁	3				3
	O ₁₃	2	1			
	O ₁₄	1				1
	H ₁₂	2				3
	H ₁₀	3			1	
	M ₁₃	1			1	
	Л ₁₄	1				3
Всего в постройках			5	2	3	16
Всего в культурном слое			12	1	2	16
Итого в постройках			24	3	11	72
Итого в культурном слое			17	1	13	108
Итого			41	4	24	180

* В таблицу не внесены небольшие фрагменты тиглей, число которых по полевому учету составило свыше 500 экз.

Таблица 6

**Детали и части горнов. Ошлакованная глиняная обмазка
(распределение по комплексам и в культурном слое раскопа 1971 г.)**

Сооружение	Культурный слой		Технологические детали горна		Отдельные части горна		Ошлакованная обмазка*
	Квадрат	Штык	«Заглушки»	«Кирпичи»	Стенка	Под	
3						1**	1
4				1			
	B ₄	2					1
	B ₆	2					2
	Г ₈	1					1
	B ₇	1—2					3
	D ₅	2				1	
	D ₆	2			1***		
	Г ₆	2					1
	Г ₄	2					1
Всего в постройках				1		1**	1
Всего в культурном слое					1***	1	9

* В таблице отражены достаточно крупные фрагменты, внесенные в полевую опись. В поле учтено свыше 115 небольших фрагментов ошлакованной обмазки.

** Под с угольками и каплями бронзы.

*** Стенка горна с отверстием.

Таблица 7

**Детали и части горнов. Ошлакованная глиняная обмазка
(распределение по комплексам и в культурном слое раскопов 1972 г.)**

Сооружение	Культурный слой		Технологические детали горна		Отдельные части горна		Ошлакованная обмазка*
	Квадрат	Штык	«Заглушки»	«Кирпичи»	Стенка	Под	
4						1	
6				2			
7				1	1		
9					1**		1
10				1			7
	B' ₅	1					3
	B' ₄	Материк		2			1
	B' ₄	1					1
	B' ₄	Угольная линза					1
	E ₇	2				1	
	Z ₃	2			1		
	Z ₃	Мешаный слой			3		
Всего в постройках				4	2	1	8
Всего в культурном слое				2	4		6

* В таблице отражены достаточно крупные фрагменты, внесенные в полевую опись. В поле учтено свыше 120 небольших фрагментов ошлакованной обмазки.

** С каплями бронзы.

Таблица 8

**Детали и части горнов. Ошлакованная глиняная обмазка
(распределение по комплексам и в культурном слое раскопа 1975 г.)**

Сооружение	Культурный слой		Технические детали горна		Отдельные части горна		Ошлакованная обмазка*
	Квадрат	Штык	«Заглушки»	«Кирпичи»	Стенка	Под	
12-а	Устье			1			
17/18				2			
	Ж' ₂	Развал камня		3		2	7
	Е' ₀	Материк			1		5
	Б' ₀	2					1
	И ₄	2					2
	К ₁	2					1
	Ж' ₂	2	1				
	Д' ₀	3		1			
	В' ₂	Материк	1				
Ж' ₂	Материк	2					
Всего в постройках				3			
Всего в культурном слое			4	4	1	2	16

* В таблице отражены достаточно крупные фрагменты, внесенные в полевую опись. В поле учтено свыше 350 небольших фрагментов ошлакованной обмазки.

Таблица 9

**Детали и части горнов. Ошлакованная глиняная обмазка
(распределение по комплексам и в культурном слое раскопов 1977 г.)**

Сооружение	Культурный слой		Технологические детали горна		Отдельные части горна		Ошлакованная обмазка*
	Квадрат	Штык	«Заглушки»	«Кирпичи»	Стенка	Под	
20			1				1
21			13			2**	9
22			2				
23			2	1			15
	К ₉	Предматерик		1			1***
	М ₆	Предматерик	1				
	Н ₃	Предматерик					1
	Н _{3,4} , О _{3,4}	Предматерик				1	
	Е ₈	Материк	1				
	З ₉	Предматерик	1				
	М ₄	Предматерик	1				
И, К ₈	Предматерик	2					
Всего в постройках			18	1		2	25
Всего в культурном слое			7	1		1	2

* В таблице отражены достаточно крупные фрагменты, внесенные в полевую опись. В поле учтено свыше 280 небольших фрагментов ошлакованной обмазки.

** Со следами рваного камня.

***С прилипшими железистыми шлаками.

Таблица 10

**Детали и части горнов. Ошлакованная глиняная обмазка
(распределение по комплексам и в культурном слое раскопов 1978 г.)**

Сооружение	Культурный слой		Технологические детали горна		Отдельные части горна		Ошлакованная обмазка*
	Квадрат	Штык	«Заглушки»	«Кирпичи»	Стенка	Под	
20			2				3
24				1			4
28				1		1	
29							4
30				7			
31				4	2		5
	K' ₂	2				1	2
	H' ₂	2		1			
	H ₁₁	Предматерик		1			
	O ₁₁	Предматерик		1			
	O ₁₃	1	1				
	H ₁₁	1		1			
	H ₁₄	Предматерик		1			
Всего в постройках			2	13	2	1	16
Всего в культурном слое			1	5		1	2

* В таблице отражены достаточно крупные фрагменты, внесенные в полевую опись. В поле учтено свыше 560 небольших фрагментов ошлакованной обмазки.

Таблица 11

**Детали и части горнов. Ошлакованная глиняная обмазка
(распределение по комплексам и в культурном слое раскопов 1971—1978 гг.)**

Год	Место находки	Технологические детали горна		Отдельные части горна		Ошлакованная обмазка*	Всего	Общее число
		«Заглушки»	«Кирпичи»	Стенка	Под			
1971	В постройках		1		1	1	3	14
	В культурном слое			1	1	9	11	
1972	В постройках		4	2	1	8	15	27
	В культурном слое		2	4		6	12	
1975	В постройках		3				3	30
	В культурном слое	4	4	1	2	16	27	
1977	В постройках	18	1		2	25	46	57
	В культурном слое	7	1		1	2	11	
1978	В постройках	2	13	2	1	16	34	43
	В культурном слое	1	5		1	2	9	
Итого		32	34	10	10	85	171	171

* В поле учтено свыше 1425 небольших фрагментов ошлакованной обмазки.

Таблица 12

Результаты количественного спектрального анализа, %

№ п/п	Предмет, место нахождения	Основа	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Fe	Ni	Co	Техника*	Время
1	Трапец. подвеска; материк, кв. Б ₄	Cu	0,35	2	5,2		0,022	0,1	0,015	0,14	0,005	0,006	Пластинчатая	X в.
2	Трапец. подвеска; сооруж. 8	Cu	0,3	1	13	0,022	0,042	0,28	0,05	0,13	0,018	0,008	Пластинчатая	X в.
3	Трапец. подвеска; культ. слой	Cu	0,09	0,35	3		0,017		0,006	0,08			Пластинчатая	X в.
4	Лунница пластинч.; материк, кв. В ₈	Cu		6	7		0,018		0,08	0,06			Пластинчатая	X в.
5	Ромбич. подвеска; культ. слой, шт. 1, кв. Г ₈	Cu	0,25	6,5	10				0,022	0,12			Литье	X в.
6	Ромбич. подвеска; культ. слой, шт. 1, кв. Г ₈	Cu	0,07	7,5	5,5	0,009	0,022		0,05	0,5	0,003		Литье	X в.
7	Заготовка подковообр. фибулы; материк, кв. В ₈	Cu	0,09	4,5	7,5		0,02	0,1	0,025	0,06			Проволока	X в.
8	Трапец. подвеска; сооруж. 8	Cu	0,16	4	8		0,022	0,1	0,01	0,22	0,003	—	Пластинчатая	X в.
8'	Колечко трапец. подвески; сооруж. 8	Cu	0,007	1,6	10		0,06	0,22	0,004	0,055	0,007		Проволока	X в.
9	1/2 бубенчика; культ. слой, шт. 2, кв. З ₃	Cu	0,13	8	<1		0,016		0,02	0,09	0,003		Литье	X в.
10	Ромбич. подвеска; культ. слой, шт. 1, кв. Б ₃	Cu	—	9	5,5		0,017		0,01	0,5	0,003		Литье	X в.
11	Пряжка кругл. с насечками; угольн. слой к югу от сооруж. 7	Cu	—	4,5	11		—		0,007	0,035		0,017	Литье	X в.
11'	Кольцо от пряжки № 11	Cu	0,2	0,25	16	0,007	0,017	0,12	0,005	0,04	0,014		Литье	X в.
12	Бляшка с растит. орн.; сооруж. 4	Cu	0,19	5,5	5		0,017		0,007	0,13			Литье	X в.
13	Трапец. подвеска, фр.; подьемн. материал	Cu	0,45	5	10		0,036	0,18	0,015	0,33	0,007		Пластинчатая	X в.
14	Ромбич. подвеска; культ. слой, шт. 1, кв. Е ₉	Cu	0,3	23	11		0,018		0,015	0,07	0,003		Литье	X в.
15	Ромбич. подвеска; материк, кв. Ж ₄	Cu	0,35	23	17		0,025		0,013	0,08	0,0045		Литье	X в.
16	Ромбич. подвеска; сооруж. 16	Cu	1,4	7,5	1,5		0,015		0,008	0,025	0,005	0,008	Литье	X в.
17	Пуговица; материк, кв. Е _{3,4}	Cu	0,7	4,8	2		0,018		0,008	0,021			Литье	XI—XII вв.
18	Ромбич. подвеска; углистая прослойка на материке, сооруж. 12-а	Cu	—	6	5,5		—		0,012	0,012			Литье	X в.

Продолжение таблицы 12

№ п/п	Предмет, место нахождения	Основа	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Fe	Ni	Co	Техника*	Время
19	Ромбич. подвеска; сооруж. 14	Cu	0,011	17	0,09	—	0,025	—	0,01	0,1	—	—	Литье	X в.
20	Трапец. подвеска; постр. 14	Cu	0,045	3,4	10	—	0,027	—	0,09	0,07	—	—	Пластинчатая	X в.
21	Кольцо пластинч.; култ. слой, шт. 1, кв. К ₀	Cu	1,4	2,2	2,7	0,07	0,17	0,13	0,001	0,2	0,009	—	Поковка	XI—XII вв.
22	Бубенчик со шелевидн. прорезью; култ. слой, шт. 1, кв. М ₀₀	Cu	8	0,35	—	0,042	0,28	0,27	0,01	0,04	0,015	—	Литье	XII—XIV вв.
23	Оковка; култ. слой, шт. 2, кв. Д ₂	Cu	0,08	2,3	6	—	—	—	0,007	0,18	—	—	Пластинчатая	XI—XII вв.
24	Фибула подковообр.; мешаная прослойка, кв. И ₄	Cu	0,075	4	9	—	0,017	0,11	0,008	0,24	0,045	—	Литье, ковка	X—XI вв.
25	Браслет с насечками, култ. слой, шт. 2, кв. Л ₅	Cu	4,5	1,3	8	0,07	0,13	0,41	0,006	0,25	0,013	0,009	Литье, ковка	XI—XII вв.
26	Трапец. подвеска; култ. слой, шт. 2, кв. Ж ²	Cu	0,006	2,4	1,8	—	0,02	—	0,009	0,055	—	—	Пластинчатая	X в.
27	Бубенчик с крестообразн. прорезью, култ. слой, шт. 2, кв. Ж ¹²	Cu	9	0,22	—	0,01	0,045	0,26	0,009	0,2	0,014	—	Литье	X—XI вв.
28	Трапец. подвеска; сооруж. 18, рис. 136, 12	Cu	0,013	3,5	4,5	—	0,022	—	0,007	0,016	—	—	Пластинчатая	X в.
29	Трапец. подвеска; сооруж. 13	Cu	0,8	0,6	1,8	—	0,016	0,18	0,009	1	0,004	—	Пластинчатая	X в.
30	Трапец. подвеска; сооруж. 14	Cu	0,004	8	1,3	—	0,014	—	0,1	0,25	—	—	Пластинчатая	X в.
31	Игла от кольцевидной фибулы; сооруж. 18	Cu	1	3,2	26	0,009	0,05	0,45	0,03	0,32	0,03	0,01	Литье, ковка	X в.
32	Держатель; материк, кв. Ж ³	Cu	0,01	16	16	—	0,016	—	0,06	0,15	0,005	—	Литье	X в.
33	Держатель; култ. слой, шт. 2, кв. Г ¹	Cu ₂ O	0,02	13	3,6	—	0,022	0,12	0,08	0,28	—	—	Литье	X в.
34	Держатель; материк, кв. Б ₁	Cu	0,003	4,5	10	—	0,025	0,1	0,05	0,14	0,0028	—	Литье	X в.
35	Держатель; материк, кв. Ж ³	Cu ₂ O	0,06	16	16	—	0,016	0,13	0,045	0,22	0,0065	—	Литье	X в.
36	Держатель; постр. 16	Cu	1,8	22	17	—	0,03	0,1	0,07	0,3	0,0055	—	Литье	X в.
37	Фр. зооморфн. украшения; култ. слой, шт. 2, кв. Ж ⁴	Cu	1,12	15	25	—	0,015	0,12	0,04	0,16	0,004	—	Литье	X в.

Продолжение таблицы 12

№ п/п	Предмет, место нахождения	Основа	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Fe	Ni	Co	Техника*	Время
38	Бубенчик «оплавленный»; культ. слой, шт. 3, кв. Н, О ₀₁	Cu	22	0,8	0,025	0,045	0,9	0,9	0,08	0,16	0,028	—	Литье	XII—XIII вв.
38'	Цепочка от бубенчика № 38	Cu	30	1,6	0,02	0,06	1,5	1,5	0,08	0,19	0,032	—	Проволока	XII—XIII вв.
39	Височное кольцо; материк, кв. В ₃	Cu	0,9	5,5	25	0,0035	0,037	0,16	0,04	0,28	0,006	0,005	Литье	X в.
40	Кольцо пластинч.; сооруж. 6	Cu	3	20	24	—	0,016	0,11	0,07	0,26	0,003	—	Ковка	X в.
41	Игла от колцевидн. фибулы; материк, кв. Г ₇	Cu	0,7	4	14	—	0,018	0,11	0,025	0,2	0,0065	—	Литье, ковка	X в.
42	Фр. ладьевидн. браслета; сооруж. 18	Cu	0,25	21	17	—	0,023	0,15	0,07	0,5	0,0065	—	Литье	X в.
43	Пластинка гнёздовского типа; сооруж. 19	Cu	0,25	11	28	0,0025	0,03	0,16	0,1	0,26	0,015	0,009	Пластинчатая	X в.
44	Цепочка плетеная; развал камней в кв. Е ₂	Cu	0,6	18	40	—	0,016	0,12	0,06	0,25	0,006	—	Проволока	X в.
45	Цепочка плетеная, фр.; развал камней в кв. Е ₂	Cu	1,8	2,2	28	0,005	0,033	0,3	0,04	0,4	0,013	0,008	Проволока	X в.
46	Пластинка гнёздовского типа; материк, кв. Ж ₄	Cu	4,5	8	33	—	0,03	0,14	0,15	—	—	—	Пластинчатая	X в.
47	Трапец. подвеска; культ. слой, шт. 2, кв. О ₁	Cu	0,6	0,75	26	0,007	0,021	0,27	0,015	—	—	—	Пластинчатая	X в.
48	Трапец. подвеска; культ. слой, шт. 2, кв. С ₁	Cu	0,004	10	32	—	0,017	0,09	0,035	—	—	—	Пластинчатая	X в.
49	Трапец. подвеска; культ. слой, шт. 1, кв. П ₃	Cu	0,15	8	32	—	0,025	0,14	0,04	—	—	—	Пластинчатая	X в.
50	Трапец. подвеска; культ. слой	Cu	0,09	6	25	—	0,015	—	0,04	—	—	—	Пластинчатая	X в.
51	Проволочн. держатель подвесок; сооруж. 20	Cu	2,5	25	27	—	0,004	0,1	0,08	—	—	—	Проволока	X в.
52	Пряжка с прямоуг. рамкой; РП 1977 г., сооруж. 34, под развалом глины	Cu	1,9	25	30	—	0,045	0,19	0,04	—	—	—	Литье	X в.
52'	Язычок пряжки; под развалом глины	Cu	1,8	40	40	—	0,045	0,17	0,035	—	—	—	Ковка	X в.
53	Крест «скандинав.» типа; культ. слой, шт. 1, кв. Н ₁₄	Cu	1,5	11	32	0,055	0,21	0,14	0,06	—	—	—	Литье	XI—XII вв.
54	Ромбич. подвеска; культ. слой, шт. 1, кв. Н ₁₂	Cu	0,01	25	22	—	0,022	0,15	0,06	—	—	—	Литье	X в.
55	Ромбич. подвеска; культ. слой, шт. 1, кв. Н ₁	Cu	0,006	28	16	—	0,012	—	0,075	—	—	—	Литье	X в.

Продолжение таблицы 12

№ п/п	Предмет, место нахождения	Основа	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Fe	Ni	Co	Техника*	Время
56	Оковка ножен ножа; сооруж. 31	Cu	0,7	5,5	15	—	0,03	—	0,03	—	—	—	Пластинчатая	Конец X — начало XI в.
56'	Кольцо подвесное для оковки ножен ножа № 56	Cu	1	5,5	30	—	0,016	0,08	0,07	—	—	—	Проволока	X в.
57	Трапец. подвеска; материк, кв. П ₄	Cu	0,16	5,5	28	—	0,02	0,11	0,08	—	—	—	Пластинчатая	X в.
58	Трапец. подвеска; материк, кв. П ₄	Cu	0,03	4,5	14	—	0,22	0,17	0,055	—	—	—	Пластинчатая	X в.
58'	Кольцо подвески; материк, кв. П ₄	Cu	1,3	17	29	—	0,024	0,36	0,08	—	—	—	Проволока	X в.
59	Трапец. подвеска; городище, постр. 5	Cu	0,003	2,8	20	—	—	—	0,08	—	—	—	Пластинчатая	X в.
60	Трапец. подвеска; култ. слой, шт. 3, кв. М ₀	Cu	1,7	9	27	0,004	0,042	0,17	0,05	—	—	—	Пластинчатая	X в.
61	Кольцо из пластинч. браслета; култ. слой, шт. 2, кв. Е ₇	Cu	6	16	17	0,012	1,1	0,16	0,055	—	—	—	Пластинчатая	X в.
62	Гривна; сооруж. 6	Cu	1,7	1,4	30	0,013	0,07	0,5	0,1	—	—	—	Литье, ковка	X в.
63	Гривна; угольный слой на материке к югу от сооруж. 7	Cu	0,08	19	35	—	0,016	—	0,055	—	—	—	Литье, ковка	X в.
64	Равноплечая фибула; сооруж. 4	Cu	7	10	13	0,0025	0,017	0,13	0,04	—	—	—	Литье	X в.
65	Цепочка плетеная; сооруж. 20	Cu	0,9	2,3	10	0,006	0,036	0,33	0,045	—	—	—	Проволока	X в.
66	Широкосерединный перстень; РП-77 г., култ. слой, шт. 1, кв. Г ₁₇	Cu	0,4	0,6	4	—	—	—	0,009	—	—	—	Пластинчатая	X в.
67	Слиток; сооруж. 2	Cu	1,5	7	13	—	0,015	0,09	0,07	0,17	0,009	—	Литье	X в.
68	Слиток; култ. слой, шт. 2, кв. Д ₆	Cu	—	11	10	0,002	0,017	—	0,2	0,15	0,004	—	Литье	X в.
69	Слиток; сооруж. 6, очаг 2	Cu	—	15	17	—	0,03	—	0,04	0,03	0,004	—	Литье	X в.
70	Слиток; култ. слой, шт. 1, кв. Е ₀	Cu	—	18	26	—	0,013	—	0,03	0,12	0,004	—	Литье	X в.
71	Брусок прокован.; сооруж. 20	Cu	—	1,5	5	—	0,02	—	0,045	0,1	0,003	—	Литье, ковка	X в.
72	Кусок свинца; култ. слой, шт. 1, кв. Е ₁	Pb	—	99	—	—	0,065	—	0,003	—	—	—	Литье	XI—XII вв.
73	Слиток; угольная прослойка на материке, кв. И'К ₀	Cu	0,003	18	14	—	0,027	0,13	0,06	0,11	0,0045	—	Литье	X в.
74	Слиток прокован.; шт. 1, предматерик, кв. Г ₇	Cu	0,013	9	25	—	0,012	—	0,02	0,35	0,0035	—	Литье, ковка	X в.

Продолжение таблицы 12

№ п/п	Предмет, место нахождения	Основа	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Fe	Ni	Co	Техника*	Время
75	Брусок прокован.; шт. 1, кв. Ж ₃	Cu	—	6	20	—	0,017	0,13	0,06	0,1	0,006	—	Литье, ковка	X в.
76	Брусок прокован.; материк, кв. В ₆	Cu	0,08	15	20	—	0,015	—	0,15	0,25	0,0055	—	Литье, ковка	X в.
77	Брусок прокован.; сооруж. 14	Cu	0,008	7	17	0,002	0,022	0,07	0,04	0,1	0,0065	0,005	Литье, ковка	X в.
78	Брусок прокован.; шт. 3, кв. И ₀	Cu	0,55	9	22	—	0,03	0,1	0,06	0,9	0,0055	—	Литье, ковка	X в.
79	Пластины прокован.; кулыг. слой, шт. 1, кв. Ж ₁	Cu	13	9	16	—	0,015	0,07	0,02	0,45	0,0055	—	Литье, ковка	XI—XII вв.
80	Фр. пластины с заклепкой; кулыг. слой, шт. 4, кв. Н ₃	Cu	0,014	0,6	—	0,013	1	0,16	0,03	0,13	0,06	—	Пластинчатая	XII—XIII вв.
81	Слиток прокован. деформир.; материк, кв. Е ₁	Cu	0,006	9	10	—	0,03	0,06	0,08	0,1	0,005	—	Литье, ковка	X в.
82	Пластинка прокован. деформир. массивная; скопление камней в кв. Е ₁	Cu	0,07	14	25	—	0,024	0,13	0,035	0,26	0,04	0,004	Литье, ковка	X в.
83	Пластинка прокован; предматерик, кв. И ₃	Cu	0,2	4	18	—	0,028	0,14	0,06	0,33	0,008	—	Литье, ковка	X в.
84	Фр. пластины узкой; сооруж. 15	Cu ₂ O	5,5	3	1,6	0,05	0,4	0,41	0,3	0,5	0,018	0,004	Пластинчатая	X в.
85	Пластины прокован. массивн.; сооруж. 14	Cu	—	3,6	18	—	0,027	0,07	0,1	0,13	0,006	—	Литье, ковка	X в.
86	Пластины прокован; кулыг. слой, шт. 1, кв. Л ₁ , шт. 2, кв. Н ₀	Cu	0,025	5,2	2,5	—	0,025	0,07	0,02	0,9	0,016	—	Литье, ковка	XI—XII вв.
87	Пластины прокован. массивная; кулыг. слой, шт. 2, кв. Н ₀	Cu	0,011	22	22	—	0,023	0,13	0,12	0,4	0,005	—	Литье, ковка	XI—XII вв.
88	Пластины прокован. массивная; кулыг. слой, шт. 1, кв. Н ₄	Cu	0,005	9	28	—	0,025	0,14	0,02	0,28	0,009	—	Литье, ковка	XI—XII вв.
89	Оковка с отверстием; кулыг. слой, шт. 1, кв. Л ₃	Cu	1,5	5,5	25	—	0,025	0,16	0,06	0,32	0,01	—	Пластинчатая	XI—XII вв.
90	Фр. пластинч. браслета орнаментир.; сооруж. 31	Cu	0,35	10	28	—	0,03	0,23	0,12	0,3	0,008	0,005	Литье, ковка	XI—XII вв.
91	Фр. бруска прокован.; кулыг. слой, шт. 2, кв. М ₀	Cu	25	3	0,08	0,022	0,04	0,16	0,5	0,063	0,035	0,006	Литье, ковка	XI—XII вв.
92	Пластинка массивн.; материк, кв. Л ₃	Cu	0,15	6	22	—	0,022	0,18	0,15	0,4	0,005	—	Литье, ковка	X в.
93	Фр. итлы от кольцевидн. фибулы; кулыг. слой, шт. 1, кв. Н ₁	Cu	0,1	5,5	13	—	0,027	0,11	0,04	0,16	0,006	—	Литье, ковка	X в.

Продолжение таблицы 12

№ п/п	Предмет, место нахождения	Основна	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Fe	Ni	Co	Техника*	Время
94	Заготовка подковообразной фибулы; шт. 1, кв. К ₁	Cu	1,5	16	25	—	0,024	0,07	0,08	0,5	0,0065	—	Проволока	X в.
95	Заготовка подковообр. фибулы; сооруж. 10	Cu	2,5	8	24	—	0,02	0,1	0,08	0,13	0,0035	—	Проволока	X в.
96	Литник; шт. 2, кв. Д ₅	Cu	0,006	21	16	—	0,016	—	0,12	0,16	0,006	—	Литье	X в.
97	Литник; шт. 2, кв. Г ₄	Cu	0,06	7	11	—	0,012	—	0,15	0,07	0,003	—	Литье	X в.
98	Литник; шт. 2 кв. Е ₈	Cu ₂ O	0,5	20	5	—	0,024	0,1	0,02	0,4	—	—	Литье	X в.
99	Литник; шт. 3, кв. В ₁	Cu	0,009	13	5	—	0,025	0,15	0,2	0,32	0,006	—	Литье	X в.
100	Литник с ромбич. подвеской; сооруж. 10	Cu	0,9	14	18	—	0,017	0,07	0,06	0,28	0,005	—	Литье	X в.
101	Литник; шт. 2, кв. К ₃	Cu	0,35	30	26	—	0,02	—	0,12	0,55	0,0055	—	Литье	XI—XII вв.
102	Литник; шт. 3, кв. Л ₆	Cu	0,9	20	18	—	0,02	—	0,08	0,38	0,0045	—	Литье	X в.
103	Литник (?) треугольного сечения; шт. 1, кв. М ₁	Cu	0,012	20	19	—	—	—	0,08	0,11	0,004	—	Литье	XI—XII вв.
104	Капля бронзы; шт. 2, кв. Г ₄	Cu	0,003	9	1,3	—	0,04	0,09	0,08	0,16	0,0040	—	Литье	X в.
105	Капля бронзы; шт. 2, кв. Г ₄	Cu	0,0055	11	26	—	0,04	—	0,08	0,05	0,0035	—	Литье	X в.
106	Выплеск бронзы; сооруж. 16	Cu	0,025	15	25	0,004	0,05	—	0,1	0,055	0,0035	—	Литье	X в.
107	Выплеск бронзы; шт. 1, кв. К ₁₂	Cu	0,4	14	25	0,0025	0,028	—	0,03	0,14	0,0045	—	Литье	X в.
108	Выплеск бронзы; сооруж. 16	Cu	0,007	5,5	18	—	0,045	—	0,05	0,07	0,0035	—	Литье	X в.
109	Выплеск бронзы; шт. 2, кв. К ₆	Cu	0,35	6	14	—	0,034	0,09	0,025	0,055	0,003	—	Литье	XI—XII вв.
110	Фр. литого предмета; шт. 2, кв. О ₁	Cu	0,32	1,2	7	0,012	0,05	0,23	0,08	0,11	0,07	0,055	Литье	XI—XII вв.
111	Выплеск бронзы; сооруж. 31	Cu	0,8	6	16	0,004	0,052	0,12	0,05	0,28	0,005	—	Литье	X в.
112	Фр. литого предмета; кулг. слой, шт. 1, кв. М ₃	Cu	0,9	8	40	—	—	0,12	0,08	0,2	0,004	—	Литье	XI—XII вв.
113	Обрезки спиральные; сооруж. 4	Cu	0,015	9	24	—	0,05	0,21	0,05	0,45	0,005	—	Пластинчатая	X в.
114	Обрезок треугольной формы; шт. 2, кв. Г ₄	Cu	0,25	5	15	—	0,035	0,1	0,05	0,36	0,006	—	Пластинчатая	X в.
115	Обрезки спиральные; шт. 2, кв. 3 ₃	Cu	0,2	8	22	—	0,066	0,1	0,045	0,13	0,004	—	Пластинчатая	X в.
116	Выплеск бронзы; сооруж. 17	Cu ₂ O	—	14	0,7	—	0,035	0,08	0,045	0,18	—	—	Литье	X в.

Продолжение таблицы 12

№ п/п	Предмет, место нахождения	Основна	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Fe	Ni	Co	Техника*	Время
117	Обрезок спиральный; сооруж. 17	Cu	0,045	8	25	—	0,05	0,14	0,1	0,21	0,0045	—	Пластинчатая	X в.
118	Моток проволоки; сооруж. 6	Cu	2,4	8	24	—	0,027	—	0,06	0,16	0,0035	—	Проволока	X в.
119	Пластинка; сооруж. 16	Cu	0,2	13	14	0,004	—	0,09	0,07	0,25	0,0045	—	Пластинчатая	X в.
120	Проволока; под развалом горна сооруж. 21	Cu	0,003	6	21	0,004	0,042	0,13	0,04	0,16	0,0055	—	Проволока	X в.
121	Проволока; сооруж. 14	Cu	2,3	12	31	—	0,045	0,1	0,06	0,28	0,005	—	Проволока	X в.
122	Пластинка; сооруж. 14	Cu	0,12	10	22	—	0,035	0,09	0,07	0,16	0,0045	—	Пластинчатая	X в.
123	Проволока; сооруж. 14	Cu ₂ O	6,5	2,8	3,5	—	0,06	0,18	0,1	0,22	—	—	Проволока	X в.
124	Проволока; сооруж. 14	Cu	5,2	15	28	—	0,054	0,13	0,06	0,22	0,0055	—	Проволока	X в.
125	Выплеск бронзы; сооруж. 14	Cu	0,007	20	23	0,003	0,05	—	0,1	0,12	0,004	—	Литье	X в.
126	Проволока; сооруж. 14	Cu	0,007	0,7	31	0,0055	0,04	0,23	0,006	0,18	0,04	0,018	Проволока	X в.
127	Пластинка; сооруж. 14	Cu	0,1	8	14	—	0,033	0,1	0,06	0,3	0,004	—	Пластинчатая	X в.
128	Проволока; сооруж. 14	Cu	0,007	6,2	22	—	0,028	—	0,07	0,16	0,004	—	Проволока	X в.
129	Проволока; сооруж. 14	Cu	0,4	6	16	0,0065	0,034	0,12	0,04	0,12	0,009	0,008	Проволока	X в.
130	Проволока; сооруж. 14	Cu	0,01	9	24	—	0,035	—	0,04	0,24	0,004	—	Проволока	X в.
131	Проволока; кулыг. слой, шт. 5, кв. O ₄	Cu	—	5	18	—	0,036	0,1	0,04	0,06	0,003	—	Проволока	XI—XII вв.
132	Игла кольцевидн. фибулы; шт. 4, кв. O ₀	Cu	0,45	0,6	—	0,065	0,4	0,36	0,08	0,012	0,03	—	Литье, ковка	XI—XII вв.
133	Проволока; сооруж. 15	Cu	2	6	13	—	0,036	0,09	0,04	0,23	0,004	—	Проволока	X в.
134	Проволока; сооруж. 15	Cu	0,8	10	25	—	0,045	0,08	0,06	0,28	0,005	—	Проволока	X в.
135	Проволока; сооруж. 13	Cu	2	5	16	—	0,027	—	0,025	0,24	0,0035	—	Проволока	X в.
136	Проволока; сооруж. 14	Cu	0,55	6	19	—	0,04	0,09	0,025	0,3	0,005	—	Проволока	X в.
137	Обрезок пластины; кулыг. слой, шт. 1, кв. E ₁	Cu	0,005	6,2	25	—	0,027	—	0,015	0,18	0,004	—	Пластинчатая	XI—XII вв.
138	Проволока; кулыг. слой, шт. 1, кв. Ж ₂	Cu	0,7	6,2	20	—	0,028	—	0,03	0,2	0,004	—	Проволока	XI—XII вв.
139	Проволока; кулыг. слой, шт. 1, кв. Ж ₃	Cu	0,7	4,5	19	—	0,03	—	0,03	0,2	0,004	—	Проволока	XI—XII вв.
140	Проволока; пестрый слой, шт. 2, кв. Л ₀	Cu	1,8	9	18	—	0,031	—	0,02	0,09	0,0035	—	Проволока	?
141	Проволока; кулыг. слой, шт. 2, кв. Г ₂	Cu	3,2	9	13	—	0,025	—	0,03	0,12	0,006	—	Проволока	X в.
142	Проволока; кулыг. слой, шт. 2, кв. З ₀	Cu	3,3	7	13	—	0,024	—	0,2	0,36	0,005	—	Проволока	X в.
143	Пластинка; кулыг. слой, шт. 2, кв. К ₀	Cu	0,012	0,6	6	—	—	0,2	0,1	0,05	0,35	0,04	Пластинчатая	X в.

№ п/п	Предмет, место нахождения	Основа	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Fe	Ni	Co	Техника*	Время
144	Проволока; культ. слой, шт. 2, кв. В ₁	Cu	0,008	4	10	—	—	—	0,15	0,11	0,006	—	Проволока	X в.
145	Обрезок пластины; культ. слой, шт. 2, кв. Д ₁	Cu	0,07	4	14	—	0,033	0,09	0,12	0,4	0,0055	—	Пластинчатая	X в.
146	Обрезок пластины; культ. слой, шт. 2, кв. Е ₂	Cu	0,2	9	18	—	0,028	0,1	0,08	0,4	0,008	—	Пластинчатая	X в.
147	Проволока; шт. 3, кв. В ₀	Cu	—	4	18	—	0,03	—	0,03	0,09	0,005	—	Проволока	X в.
148	Проволока; культ. слой, шт. 3, кв. Ж ₀	Cu	2,3	4	20	—	0,025	0,08	0,03	0,35	0,008	—	Проволока	X в.
149	Проволока; культ. слой, шт. 3, кв. Ж ₀	Cu	0,08	4,2	11	—	0,025	0,08	0,06	0,4	0,005	—	Проволока	X в.
150	Проволока; культ. слой, шт. 3, кв. Ж ₀	Cu	—	7	20	—	0,028	—	0,07	0,38	0,005	—	Проволока	X в.
151	Проволока; культ. слой, шт. 3, кв. Ж ₀	Cu	—	10	21	—	0,03	0,1	0,15	0,48	0,006	—	Проволока	X в.
152	Проволока; культ. слой, шт. 3, кв. Ж ₀	Cu	—	5,5	14	—	0,021	—	0,06	0,24	0,0055	—	Проволока	X в.
153	Проволока; сооруж. 13	Cu	0,35	11	19	—	0,029	—	0,15	1,3	0,007	—	Проволока	X в.
154	Проволока; материк, кв. Ж ₄	Cu	0,28	15	35	0,0045	0,012	0,18	0,13	0,45	0,015	—	Проволока	X в.
155	Проволока; материк, кв. Е ₂	Cu	0,008	4,5	11	—	0,024	—	0,02	0,22	0,005	—	Проволока	X в.
156	Проволока; материк, кв. Ж ₃	Cu	0,01	9	21	—	0,04	0,1	0,12	0,17	0,0075	—	Проволока	X в.
157	Проволока; материк, кв. Г ₂	Cu	—	4,2	16	—	0,025	—	0,12	0,28	0,005	—	Проволока	X в.
158	Проволока; материк, кв. Е ₃	Cu	0,028	9	18	—	0,026	—	0,12	0,2	0,0065	—	Проволока	X в.
159	Проволока; сооруж. 29	Cu	1,1	2	0,15	0,025	0,025	1,3	0,1	0,1	0,045	0,011	Проволока	X в.
160	Проволока; сооруж. 31	Cu	0,014	3,5	21	—	0,033	—	0,05	0,55	0,007	—	Проволока	X в.
161	Проволока квадратная в сечении; предмагерик, кв. П ₃	Cu	0,13	8	16	—	0,035	—	0,08	0,18	0,006	—	Проволока	X в.
162	Проволока; пято глины, сооруж. 31	Cu	0,01	2	16	—	0,027	0,18	0,04	0,07	0,005	—	Проволока	X в.
163	Проволока, культ. слой, шт. 2, кв. К ₂	Cu	1,4	1,1	0,1	0,013	0,15	0,24	0,06	0,05	0,05	—	Проволока	XI—XII вв.
164	Стержень; предмагерик, кв. Г ₄	Fe	—	0,07	—	—	—	—	—	99	0,05	0,07	Проволока	X в.

* Обозначение техники: пластинчатая — пластинчатая техника, подразумевающая ковку и гравировку; проволока — проволочные работы, подразумевающие волочение и ковку.

Таблица 13

Металлургические группы сплавов Горodka. Новгород и Прибалтика*

Металлургическая группа	№ типа сплава	Тип сплава		X — начало XI в.	Вторая половина XI—XII в.	Всего по типам сплавов
I	1	Cu—Zn		1 ■	□	1
	2	Cu—Zn—(Pb)		2 ■	1 □	3
	3	Cu—Zn—Pb		61 ●	9 ●	70
	4	Cu—Zn—Pb—(Sn)		13 ●	5 ●	18
	5	Cu—Zn—(Pb)—(Sn)		5	1	6
	6	Cu—Zn—Pb—Sn		23 ●	4 ●	27
	7	Cu—Zn—Sn—Pb		1 ■●	2 □●	3
Итого по металлургической группе				106 ●■	22 □●	128
II	8	Cu—Pb		1	○	1
	9	Cu—Pb—(Zn)		2		2
	10	Cu—Pb—Zn		13	2	15
	11	Cu—Pb—Zn—(Sn)		5	2	7
	12	Cu—Pb—Zn—Sn		2		2
	13	Cu—Pb—Sn		1 ○	■○	1
Итого по металлургической группе				24 ○	4 ■○	28
III	14	Cu—Sn			1 ■	1
	15	Cu—Sn—(Pb)			2	2
	16	Cu—Sn—Pb			3	3
	17	Cu—Sn—Pb—Zn		1		1
	18	Cu—Sn—Zn—Pb		1 □○	■○	1
Итого по металлургической группе				2 □○	6 ■○	8
Исключения	Cu—Pb—Zn		} Pb=Zn	2 ●	1 ●	3
	Cu—Pb—Zn—Sn			1 ●	●	1
Всего				135	33	168

* Сравнение с Новгородом и Прибалтикой в данной таблице выражено значками: □ ■ — Новгород; ○ ● — Прибалтика; ■ ● — господствующий сплав; □ — 50%; ○ — единичные случаи.

Таблица 14

Частота использования металлургических групп сплавов в вещах, изготовленных различными технологическими методами

Технология	X—XI вв.					Вторая половина XI—XII в.				
	I		II		III	I		II		III
	Zn 1—9 %	Zn 10—30 %	Pb 1—9 %	Pb 10—30 %	Sn 5,5—30 %	Zn 1—9 %	Zn 10—30 %	Pb 1—9 %	Pb 10—30 %	Sn 5,5—30 %
Литье в форму		2	6	8			2	1		
Литье по восковой модели		1					1			3
Отходы литья		8	1	5			1		3	
Кованые массивные вещи	1	10				1				
Пластинчатые подвески, оковки и т. п.	8	23	2		1	2	3			
Проволочные вещи и проволока	2	37	1		1		6			2
Заготовки и отходы поковочных вещей	1	7					6			1
Слитки		5		1			1			
Всего	12	93	10	14	2	3	20	1	3	6
Итого по металлургическим группам	105		24		2	23		4		6

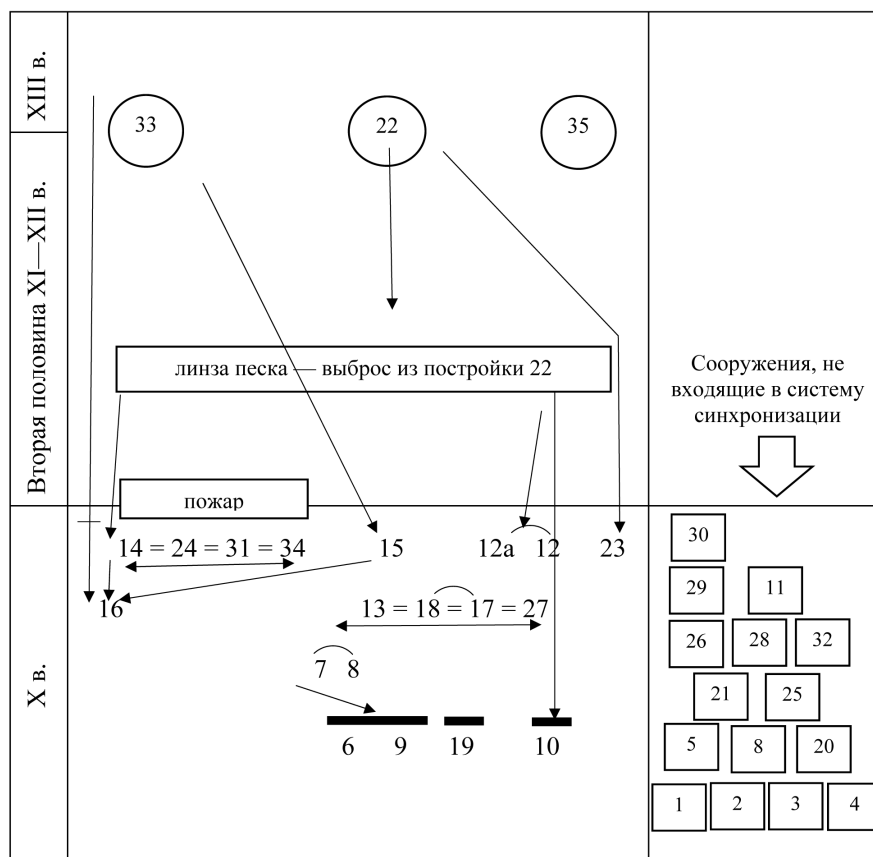
Таблица 15

**Распределение форм гончарной керамики в сооружении 33
(шт. 4—6 — уровень линзы ярко-желтой супеси с обмазкой)**

Время \ Штык	4-й	5—6-й	Граница шт. 6 и материк
XIV в.			
XIII в.			
XII в.			
XI в.			
X в.			

Таблица 16

Схема относительной хронологии сооружений на селище

Условные обозначения:

↔ = одинаковая конструкция; **—** угольная линза;

⤵ = единый комплекс;

↓ = стратиграфическое перекрытие.

Таблица 17

**Состав промысловых и домашних животных
(по материалам раскопок городища в 1956 г.). Определение В. И. Цалкина**

Виды	Дикие					Домашние								
	Заяц	Лось	Бобр	Медведь	Олень благородный	Рыбы	Крупный рогатый скот*	Мелкий рогатый скот**	Свинья	Лошадь	Гусь	Курица	Утка	Собака
Кости	2	3	40	4	3	1	810	97	295	65	2	10	2	5
Особи	1	3	1	2	1	1	20	5	10	3	—	—	—	2
Количество														
Кости	3,8	5,6	75,6	7,5	5,6	1,9	63	7,5	22,9	5	0,16	0,88	0,16	0,4
Особи	11,1	33,4	11,1	22,2	11,1	11,1	50	12,5	25	7,5	—	—	—	5
Соотношение, %														
Кол-во	$\frac{53}{9}$													
Соотн-е, %	$\frac{4}{18,4}$													
Итого***														
Кол-во	$\frac{1286}{40}$													
Соотн-е, %	$\frac{96}{81,6}$													

* Крупная корова. ** Овца (по рогам), возможно, есть и коза (по метопадаям). *** В числителе условной дроби кости, в знаменателе — особи.

Таблица 18

**Состав промысловых и домашних животных
(по материалам раскопок городища в 1957 г.). Определение В. И. Цалкина**

Виды	Дикие					Домашние								
	Заяц	Лось	Бобр	Медведь	Олень благородный	Рыбы	Крупный рогатый скот*	Мелкий рогатый скот**	Свинья	Лошадь	Гусь	Курица	Утка	Собака
Кости	—	1	2	—	—	Чешуя	131	27	19	7	—	—	—	2
Особи	—	1	1	—	—	—	26	12	20	4	—	—	—	1
Количество														
Кости	—	33,3	66,7	—	—	—	57,7	11,9	26,4	3,1	—	—	—	0,9
Особи	—	50	50	—	—	—	41,9	19,4	30,6	6,5	—	—	—	1,6
Соотношение, %														
Кол-во	$\frac{3}{2}$													
Соотн-е, %	$\frac{1,3}{3,1}$													
Итого***														
Кол-во	$\frac{227}{62}$													
Соотн-е, %	$\frac{98,7}{96,9}$													

* Крупная корова. ** Овца (по рогам), возможно, есть и коза (по метопадаям). *** В числителе условной дроби кости, в знаменателе — особи.

Таблица 19

**Селище. Состав промысловых и домашних животных из сооружений X — начала XI в.
Определение Е. И. Секерской**

Виды	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Свинья	Лошадь	Промысловые
Кости	393	55, в том числе коза — 6	156	48	Рыба — 1 Птица — 1 Лиса — 1
Особи	60	31, в том числе коза — 6	56	20, в том числе 2 крупных (1 самец)	—
Соотношение, %					
Кости	60,3	8,4	24	7,3	—
Особи	36	18,5	33,5	12	—
Особи					
Молодые	7	—	2	—	—
Полувзрослые	16	—	26	1	—
Взрослые	23	19	17	19	Лиса — 1 взрослая
Старые	4	—	4	—	—

Таблица 20

**Селище. Состав промысловых и домашних животных из сооружений конца XII — первой половины XIII в.
Определение Е. И. Секерской**

Виды	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Свинья	Лошадь	Собака	Промысловые
Кости	39	3	16	4	3	Птица — 1 Медведь — 1
Особи	7	1	5	4, в том числе 1 мелкая	1 мелкая порода	—
Соотношение, %						
Кости	60	4,6	24,6	6,2	4,6	—
Особи	38,8	5,6	27,8	22,2	5,6	—
Особи						
Молодые	1	—	3	—	—	Медведь — 1 очень молодой
Полувзрослые	—	—	—	—	—	—
Взрослые	5	1	1	2	—	—
Старые	—	—	—	—	—	—

Предметы, подвергнутые металлографическому исследованию

№ анализа	Предмет	Местонахождение	Рисунок	Дата
1916	Чересло	кв. В ₃ , материк	46, 13	Вторая четверть — третья четверть X в.
1917	Копье	кв. Д ₅ , материк	46, 16	Вторая половина X в.
1918	Пробойник	Сооружение 10, развал камня	124, 7	Вторая четверть — третья четверть X в.
1919	Пробойник	кв. Ж ₆ , шт. 3	21, 9	Вторая половина X в.
1920	Лезвия фрагмент	Подъемный материал	44, 17	?
1921	Нож	Подъемный материал		?
1922	Нож	кв. К ₀ , шт. 2		Вторая половина XI—XII в.
1923	Нож	кв. Г ₂ , шт. 2	43, 14	Вторая половина X в.
1924	Пруток, квадратный в сечении	кв. А ₁ , шт. 1	43, 8	Вторая половина XI—XII в.
1925	Зубильце	кв. И ₀ , шт. 1	21, 8	?
1926	Зубильце	кв. М ₀ , шт. 1	21, 14	?
1927	Брусok	кв. Л ₁ , шт. 2	44, 23	Вторая половина X в.
1928	Зубило	кв. З ₀ , шт. 1	21, 13	?
1929	Стержень, квадратный в сечении	кв. А ₁ , шт. 1	45, 21	Вторая половина XI—XII в.
1930	Стержень, квадратный в сечении	кв. О ₂ , шт. 2	45, 9	Вторая половина XI—XII в.
1931	Стержень, квадратный в сечении с раскованным концом (заготовка)	кв. М ₀ , шт. 1	45, 17	Вторая половина XI—XII в.
1932	Пластина (заготовка)	кв. А ₁ , шт. 2	45, 8	Вторая половина XI—XII в.
1933	Нож (фрагмент)	кв. Б ₁ , шт. 1	45, 19	?
1934	Нож	кв. Е ₁ , шт. 2	50, 9	Вторая половина X в.
1935	Нож	кв. З ₀₀ , шт. 2	44, 6	Вторая половина X в.
1936	Наконечник стрелы ланцетовидный	кв. Е ₃ , предматерик	46, 7	Вторая половина X в.
1937	Наконечник стрелы втульчатый двушипный	Сооружение 19	139, 6	Вторая четверть — третья четверть X в.
1938	Зубило	Сооружение 12—12-а	21, 6	Вторая половина X в.
1939	Пластина (обл. лезвия)	Сооружение 16	133, 5	Вторая половина X в.
1940	Пластина с заклепкой	кв. Е ₀ , шт. 2		?
1941	Зубильце	Сооружение 12-а	21, 10	Вторая половина X в.
1942	Зубильце	кв. В ₁ , шт. 3	21, 1	Вторая половина X в.
1943	Нож	кв. Е ₃ , материк	45, 23	Вторая половина X в.
1944	Нож	кв. Е ₄ , шт. 2	45, 22	Вторая половина X в.
1945	Нож	кв. Н ₁ , сооружение 33	201, 8	Конец XII — первая половина XIII в.
1946	Нож	кв. Л ₇ , шт. 2	44, 16	Вторая половина X в.
1947	Брусok	Сооружение 21	144, 9	Вторая половина X в.

№ анализа	Предмет	Местонахождение	Рисунок	Дата
1948	Брусок	Сооружение 21	144, 4	Вторая половина X в.
1949	Наконечник стрелы ромбовидный	Р II 1977 г., кв. С ₁₇ , шт. 1	44, 7	IX — середина XII в.
1950	Кресало калачевидное	кв. О ₁ , шт. 1	44, 13	X—XII вв.
1951	Кресало калачевидное без язычка, фрагмент	кв. Н ₁₄ , шт. 1	45, 2	Конец XI — первая половина XIII в.
1952	Пластина, фрагмент	кв. Р' ₁ , шт. 1	45, 6	Вторая половина XI—XII в.
1953	Нож	кв. Л' ₂ , шт. 1	45, 19	Вторая половина XI—XII в.
1954	Массивная пластина, фрагмент (стамеска?)	кв. П' ₁ , шт. 1	21, 12	Вторая половина XI—XII в.
1955	Пластинка, фрагмент	кв. О' ₁ , шт. 2		Вторая половина XI—XII в.
1956	Блесна	кв. Г' ₂ , шт. 1, предматерик	46, 3	Вторая половина X в.
1957	Нож	кв. Р' ₁ , шт. 1	45, 14	Вторая половина XI—XII в.
1958	Брусок	Сооружение 30	153, 11	Вторая половина X в.
1959	Сошник	кв. Н' ₁ , материк	46, 14	Вторая половина X в.
1960	Нож	кв. К ₁₄ , шт. 1	45, 24	Вторая половина X в.
1961	Пластина (фрагмент зубильца?)	Сооружение 30	154, 4	Вторая половина X в.
1962	Инструмент для нанесения циркульного орнамента	кв. Л' ₂ , шт. 2	21, 7	Вторая половина X в.
1963	Коса	Сооружение 30	153, 1	Вторая половина X в.
1964	Наконечник стрелы ланцетовидный	кв. М' ₀ , шт. 1	45, 16	X—XI вв.
1965	Долотце	кв. П ₁₃ , шт. 2, предматерик	21, 16	Вторая половина X в.
1966	Зубильце	кв. П' ₂ , шт. 1	21, 11	?
1967	Нож	кв. У' ₃ , материк	45, 24	Вторая половина X в.
1968	Пробойник	кв. Е ₂ , предматерик	21, 15	Вторая половина X в.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Авдусин, 1951 — *Авдусин Д. А.* Раскопки в Гнёздове // КСИИМК. 1951. Вып. 38. С. 72—81.
- Авдусин, 1952 — *Авдусин Д. А.* Гнёздовская экспедиция // КСИИМК. М., 1952. Вып. 44. С. 93—103
- Авдусин, 1972 — *Авдусин Д. А.* Гнёздово и днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972. С. 159—169.
- Александров, 1982 — *Александров А. А.* Полусферические курганы с сожжениями на Псковщине // КСИА. М., 1982. Вып. 171. С. 21—28.
- Александров, 1988 — *Александров А. А.* Работы на селище в Борисоглебе // ННЗ. Новгород, 1988. Вып. 1. С. 19—22.
- Алексеев, 1966 — *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966.
- Алексеев, 1977 — *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // СА. М., 1977. № 1. С. 83—103.
- Алексеев, 1980 — *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980.
- Альслепен, 1997 — *Альслепен А.* Земледелие новгородской округи в IX—X вв. Археоботанические методы и их применение на городище Георгий // Древности Поволжья. СПб., 1997. С. 191—204.
- Андрощук, 1995 — *Андрощук Ф. О.* Топографія та хронологія Шестовицького могильника // Археологія. Київ, 1995. № 3. С. 117—118.
- Андрощук, 1999 — *Андрощук Ф. О.* Нормани і слов'яни у Подесенні. Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя. Київ, 1999.
- Андрощук, 2001 — *Андрощук Ф. А.* Гнёздово, Днепровский путь и финал Бирки // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М., 2001. (Труды ГИМ; вып. 124). С. 126—133.
- Артамонов, 1958 — *Артамонов М. И.* Саркел-Белая Вежа // МИА. М.; Л., 1958. № 62. С. 7—84.
- Артамонов, 1967 — *Артамонов М. И.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967. С. 63—67.
- Археологическое изучение Киева. Киев, 1985.
- Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.
- Археологическое изучение Пскова. М., 1983.
- Арциховский, 1930 — *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
- Арциховский, 1934а — *Арциховский А. В.* Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // ПИДО. Л., 1934. № 11/12. С. 35—60.
- Арциховский, 1934б — *Арциховский А. В.* Выступление по докладом А. Д. Удальцова «К вопросу о происхождении классов у древних германцев» и В. И. Равдоникаса «Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы» // ИГАИМК. М.; Л., 1934. Вып. 103. С. 222—224.
- Аун, 1978 — *Аун М. Э.* Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. на юго-востоке Эстонии: дис. ... канд. ист. наук. Альбом.
- Аун, 1981 — *Аун М. Э.* Развитие курганного обряда в юго-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н. э. // КСИА. М., 1981. Вып. 166. С. 17—21.
- Барсов, 1885 — *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.
- Барцева и др., 1972 — *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. И.* Металл черняховской культуры // МИА. М., 1972. № 187.
- Белецкий, 1968 — *Белецкий В. Д.* Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа // СГЭ. 1968. Вып. 29. С. 3—8.
- Белецкий, 1971 — *Белецкий В. Д.* Работы Псковской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1966 г. // СГЭ. 1971. Вып. 33. С. 114—115.
- Белецкий, 1977 — *Белецкий В. Д.* Керамика городища Камно Псковской области // КСИА. М., 1977. Вып. 150. С. 92—95.
- Белецкий, 1978 — *Белецкий В. Д.* Раскопки в Псковском кремле в 1972—1974 гг. // КСИА. М., 1978. Вып. 155. С. 57—62.
- Белецкий, 1980 — *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. М., 1980. Вып. 160. С. 3—18.
- Белецкий, 1983 — *Белецкий С. В.* Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 46—82.
- Белецкий, 1996 — *Белецкий С. В.* Начало Пскова. СПб., 1996.
- Бернштейн-Коган, 1950 — *Бернштейн-Коган С. В.* Путь из варяг в греки // Вопросы географии. М., 1950. Вып. 20. С. 239—270.
- Бидзиля и др., 1983 — *Бидзиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В.* История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э. — III в. н. э.). Киев, 1983.
- Бліфельд, 1977 — *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
- Бобринский, 1978 — *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- Брайчевский, 1951 — *Брайчевский Ю. Ю.* К происхождению древнерусских городов (города Среднего Приднепровья, Поднестровья и Побужья в VIII—IX вв. н. э. по полевым данным последних лет // КСИИМК. 1951. Вып. 41. С. 32—33.
- Бранденбург, 1895 — *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья // МАР. СПб., 1895. № 18.
- Булкин, Лебедев, 1974 — *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнёздово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11—17.
- Булкин и др., 1978 — *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—X веков. Л., 1978.
- Булкин, Мачинский, 1986 — *Булкин В. А., Мачинский Д. А.* Русь конца VIII — начала X вв. на Балто-Волжском и Балто-Донском путях // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 13—27.
- Булычев, 1899 — *Булычев Н. И.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.
- Булычев, 1903 — *Булычев Н. И.* Раскопки по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1903.
- Булычев, 1913 — *Булычев Н. И.* Раскопки по среднему течению р. Угры. М., 1913.

- Вайткунскене, 1990 — *Вайткунскене Л.* К вопросу о роли коня в древнелитовском погребальном обряде (V—XIII вв.) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры (Погребальный обряд). М., 1990. С. 201—207.
- Векслер, 1978 — *Векслер А. Г.* Позднелужицкие находки на Жуковском селище под Москвой // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 153—158.
- Вешнякова, Булкин, 2001 — *Вешнякова К. В., Булкин В. А.* Ремесленный комплекс гнёздовского поселения (по материалам раскопок И. И. Ляпушкина) // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М., 2001. (Труды ГИМ ; вып. 124). С. 42—50.
- Винокур, Приходнюк, 1974 — *Винокур П. С., Приходнюк О. М.* Раннеславянское поселение на р. Смотрич // Раннесредневековые славянские древности. Л., 1974. С. 227—241.
- Вознесенська, 2000 — *Вознесенська Г. О.* Техніка ковальського виробництва в Городку на Ловати // Археологія та охорона історико-культурної спадщини. Київ, 2000. Вип. 4. С. 18—28.
- Воронин, 1947 — *Воронин Н. Н.* Муромская экспедиция // КСИИМК. 1947. Вып. 21. С. 136—139.
- Воронин, 1951 — *Воронин Н. Н.* К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК. 1951. Вып. 41. С. 5—29.
- Воронин, 1954 — *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно. М., 1954.
- Гайдуков, 1992 — *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992.
- Голубева, 1973 — *Голубева Л. А.* Веси и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973.
- Голубева, 1981 — *Голубева Л. А.* Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси VIII—IX вв. // СА. 1981. № 4. С. 87—98.
- Голубева, Кочуркина, 1991 — *Голубева Л. А., Кочуркина С. И.* Белозерская везь (по материалам поселения Крутик IX—X вв.). Петрозаводск, 1991.
- Горюнов, 1972 — *Горюнов Е. А.* Селище Целиков Бугор на средней Десне // КСИИМК. 1972. Вып. 129. С. 42—46.
- Горюнова, 1955 — *Горюнова Е. И.* К истории городов Северо-Восточной Руси // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 11—21.
- Горюнова, 1977 — *Горюнова В. М.* О западных связях Городка на Ловати (по керамическим материалам) // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. Вып. 1. С. 52—57.
- Горюнова, 1985 — *Горюнова В. М.* Цветной металл Городка на р. Ловать. Спектральный анализ и технология // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 56—61.
- Горюнова, 1994 — *Горюнова В. М.* Некоторые аспекты ювелирного дела раннегородских центров Северной Руси (тигли) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 60—73.
- Горюнова, 2002 — *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и Старой Ладogi. Опыт синхронизации // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 49—63.
- Горюнова, 2004 — *Горюнова В. М.* Могильник VI—VII вв. у с. Картамышшево Обоянского района Курской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и раннем средневековье : доклады науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. СПб., 2004. С. 18—42.
- Горюнова, 2007 — *Горюнова В. М.* Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. (Труды ИИМК РАН ; т. 24). С. 45—89.
- Горюнова, 2009 — *Горюнова В. М.* Датирующие возможности раннегончарной керамики X — начала XI в. // РА. 2009. № 4. С. 132—141.
- Горюнова, 2011 — *Горюнова В. М.* О западнославянских формах керамики в Северной Руси первой половины X в. (время и причины появления) // АИППЗ. М. ; Псков, 2011. С. 228—237.
- Горюнова, Лапшин, 2004 — *Горюнова В. М., Лапшин В. А.* О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 55—72.
- Горюнова, Малышева, 2012 — *Горюнова В. М., Малышева Н. Н.* Керамический комплекс древнерусского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. Т. 1 : Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопок на территории Среднего города). СПб., 2012. С. 92—110.
- Граудонис, 1967 — *Граудонис Я. Я.* Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига, 1967.
- Греков, 1944 — *Греков В. Д.* Киевская Русь. М., 1944.
- Григорьев, 2005 — *Григорьев А. В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005.
- Григорьев, 2010 — *Григорьев А. В.* Денежно-вещевые клады IX — начала X в. бассейна Средней Оки // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2010. С. 444—454.
- Гроздилов, 1947 — *Гроздилов Г. П.* Курганы у деревни Чёлмужи // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947. С. 11—114.
- Гроздилов, 1962 — *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Л., 1962. Вып. 4. С. 7—76.
- Гроздилов, 1965 — *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. Л., 1965. Вып. 7. С. 65—88.
- Гуревич, 1958 — *Гуревич Ф. Д.* Удлиненные курганы западной Белоруссии // КСИИМК. М., 1958. Вып. 72. С. 170—186.
- Гуревич, 1981 — *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. Л., 1981.
- Гурин, 1987 — *Гурин М. Ф.* Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX—XIII вв. Минск, 1987.
- Давидан, 1962а — *Давидан О. И.* Резная кость Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1962. Вып. 23. С. 16—18.
- Давидан, 1962б — *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1962. Вып. 4. С. 95—108.
- Давидан, 1966 — *Давидан О. И.* Староладожские изделия из рога и кости // АСГЭ. Л., 1966. Вып. 8. С. 103—115.
- Давидан, 1968 — *Давидан О. И.* К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1968. Вып. 10. С. 54—63.
- Давидан, 1970 — *Давидан О. И.* О времени появления токарного станка в Старой Ладoge // АСГЭ. Л., 1970. Вып. 12. С. 81—88.
- Давидан, 1974 — *Давидан О. И.* Изделия из рога и кости Старой Ладogi как исторический источник : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974.
- Давидан, 1976 — *Давидан О. И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. Л., 1976. Вып. 17. С. 101—118.

- Давидан, 1977 — *Давидан О. И.* К вопросу об организации косторезного ремесла в древней Ладогe // АСГЭ. Л., 1977. Вып. 18. С. 101—105.
- Давидан, 1980 — *Давидан О. И.* Бронзолитейное дело в Старой Ладогe // АСГЭ. Л., 1980. Вып. 21. С. 59—67.
- Давидан, 1998 — *Давидан О. И.* Сердоликовые изделия из Старой Ладоги // АСГЭ. СПб., 1998. Вып. 33. С. 123—132.
- Даркевич, 1976 — *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976.
- Добровольский и др., 1982 — *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Рождественская Т. В.* Новая находка граффити на кувшинской монете // Вестник ЛГУ. Серия: История. Язык. Литература. 1982. Вып. 1, № 2. С. 29—32.
- Долуханов, Носов 1985 — *Долуханов П. М., Носов Е. Н.* Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI—X вв. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 19—23.
- Древняя Русь. Город..., 1985 — *Древняя Русь. Город, замок, село* // Археология СССР. М., 1985.
- Дубов, 1982 — *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
- Ениосова, 1998 — *Ениосова Н. В.* Литейные формы Гнёздова // Историческая археология : Традиции и перспективы. М., 1998. С. 67—81.
- Ениосова, 2001 — *Ениосова Н. В.* Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнёздове // АИППЗ. Псков, 2001. С. 207—219.
- Ениосова, Митоян, 1999 — *Ениосова Н. В., Митоян Р. А.* Тигли Гнёздовского поселения // Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 111. С. 54—63.
- Ениосова, Ререн, 2011 — *Ениосова Н. В., Ререн Т.* Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения-3. Великий Новгород, 2011. С. 243—254.
- Енуков, 1990 — *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.
- Еремеев, 2012 — *Еремеев И. И.* Полоцкая земля // Русь в IX—XI веках: археологическая панорама. М. ; Вологда, 2012. С. 274—299.
- Еремеев, 2015 — *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015. (Труды ИИМК РАН ; т. 44).
- Еремеев, Дзюба, 2010 — *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб., 2010. (Труды ИИМК РАН ; т. 33).
- Жарнов, 2001 — *Жарнов Ю. Э.* Гнёздово, Тимерёво, Шестовица: историографический миф об однотипности этих памятников // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М., 2001. (Труды ГИМ ; вып. 124). С. 114.
- Завьялов, Терехова, 2009 — *Завьялов В. И., Терехова Н. Н.* Модель технологического развития кузнечного производства у финно-угров в эпоху раннего средневековья // Труды КАЭЭ. Пермь, 2009. Вып. 6. С. 55—60.
- Загоскин, 1910 — *Загоскин Н. П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910.
- Зазовская, Бронникова, 2001 — *Зазовская Э. П., Бронникова М. А.* Палеоландшафты Гнёздова: реконструкции, перспективы исследования // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М., 2001. (Труды ГИМ ; вып. 124). С. 197—201.
- Залевская, 1982 — *Залевская Н. И.* К вопросу о возникновении погостов на верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 49—54.
- Засурцев, 1963 — *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. М., 1963. № 123. С. 5—165.
- Захаров, 2004 — *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Захаров, 2012 — *Захаров С. Д.* Поселение Крутик в системе ранних торгово-ремесленных центров // Русь в IX—X вв.: общество, государство, культура. М., 2012. С. 28—29.
- Зверуго, 1974 — *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск X—XIV вв. Минск, 1974.
- Изюмова, 1967 — *Изюмова С. А.* О бронзолитейном производстве Сатинского городища // СА. 1967. № 1. С. 122—139.
- Казаков, 1992 — *Казаков Е. П.* Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М., 1992.
- Казаков, 2001 — *Казаков Е. П.* О некоторых группах деталей поясного набора волжских болгар IX—X вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (Из истории костюма). Самара, 2001. Т. 2. С. 170—179.
- Казанский, 1997 — *Казанский М.* Оружие киевской культуры // Памятники старины : Открытия. Версии. СПб. ; Псков, 1997. Т. 1. С. 262—269.
- Калинина и др., 2009 — ДРСЗИ/Х. Т. 3 : Восточные источники / сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М., 2009.
- Каменецкая, 1977 — *Каменецкая Е. В.* Керамика IX—XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Каргер, 1958 — *Каргер М. К.* Древний Киев. М. ; Л., 1958. Т. 1.
- Карлов, 1980 — *Карлов В. В.* К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город. М., 1980. Вып. 3. С. 66—83.
- Каталог выставки..., 1915 — Каталог Выставки XVI Всероссийского Археологического съезда 1914 года в Пскове, отмененного по случаю войны. Псков, 1915.
- Кильдюшевский, 2002 — *Кильдюшевский В. И.* Керамика Пскова XII—XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 5—33.
- Кириллова, 2007 — *Кириллова И. В.* Osteологические материалы из культурных слоев Гнёздова: новые данные // Гнёздово : Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 127—129.
- Кирпичников, 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2 : Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв. М. ; Л., 1966. (САИ ; вып. Е1-36).
- Кирпичников, 1973 — *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973. (САИ ; вып. Е1-36).
- Кирьянов, 1959 — *Кирьянов А. В.* История земледелия Новгородской земли // МИА. М., 1959. № 65. С. 312—320.

- Коваленко и др., 2003 — *Коваленко В., Моця А., Сытый Ю.* Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998—2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—XI ст. Чернігів, 2003.
- Коваленко, Моця, 2010 — *Коваленко В. П., Моця А. П.* Шестовица — южная «сестра» Рюрикова городища // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010.
- Колчин, 1959 — *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. М., 1959. № 65. С. 7—120.
- Колчин, 1982 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М., 1982. С. 156—177.
- Колчин, Круг, 1965 — *Колчин Б. А., Круг О. Ю.* Физическое моделирование сырودутного процесса производства железа // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 196—215.
- Комар, 2012 — *Комар А. В.* Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX—XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 335—365.
- Конецкий, Носов, 1995 — *Конецкий В. Я., Носов Е. Н.* К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Славяно-русские древности. Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995. Вып. 3. С. 29—54.
- Конецкий, Самойлов, 2000 — *Конецкий В. Я., Самойлов К. Г.* К проблеме возникновения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы в I тыс. н. э. // Археологические вести. СПб., 2000. Вып. 7. С. 320—328.
- Коновалов, 1974 — *Коновалов А. А.* Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
- Коновалов, 2008 — *Коновалов А. А.* Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X—XIII вв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М., 2008. С. 7—106.
- Корзухина, 1954 — *Корзухина Г. Ф.* Древнерусские клады IX—XIII вв. М., 1954.
- Корзухина, 1963 — *Корзухина Г. Ф.* Из истории игр на Руси // СА. 1963. № 4. С. 88—93.
- Корзухина, 1964 — *Корзухина Г. Ф.* Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // Скандинавский сборник. Таллин, 1964. Вып. 8. С. 297—313.
- Корзухина, 1965а — *Корзухина Г. Ф.* Этнический состав населения древнейшей Ладоги // Тез. докл. 2-й науч. конф. по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. М., 1965. С. 12—14.
- Корзухина, 1965б — *Корзухина Г. Ф.* Находки на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 45—46.
- Корзухина, 1971 — *Корзухина Г. Ф.* О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // Скандинавский сборник. Таллин, 1971. Вып. 16. С. 123—133.
- Корзухина, 1973 — *Корзухина Г. Ф.* Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладоге // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 35—40.
- Корзухина, 1978 — *Корзухина Г. Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л., 1978. (САИ; вып. Е1-43).
- Корзухина и др., 1963 — *Корзухина Г. Ф., Мачинский Д. А., Овсянников О. В., Тихонова М. А.* [Рец. на сб. «Славяно-русские древности»] // СА. 1963. № 3. С. 284—290.
- Кочуркина, 1968 — *Кочуркина С. И.* Приладожье в X—XIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1968. Альбом.
- Кочуркина, 1973 — *Кочуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.
- Кочуркина, 1981 — *Кочуркина С. И.* Археологические памятники корелы. V—XV вв. Л., 1981.
- Кочуркина, 1989 — *Кочуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.
- Краснов, 1971 — *Краснов Ю. Д.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы // МИА. М., 1971. № 174.
- Кропоткин, 1962 — *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962. (САИ; вып. Е4-4).
- Кропоткин, Нахапетян, 1976 — *Кропоткин В. В., Нахапетян В. Е.* Новый центр железоделательного производства III—IV вв. в бассейне Южного Буга // СА. 1976. № 3. С. 317—325.
- Куза, 1982 — *Куза А. В.* О происхождении древнерусских городов (история изучения) // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 9—15.
- Кузьмин, 1991 — *Кузьмин С. Л.* Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях р. Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. М., 1991. С. 153—168.
- Куликаускаене, 1953 — *Куликаускаене Р. К.* Погребения с конями у древних литовцев // СА. 1953. № 17. С. 211—222.
- Лапшин, 1992 — *Лапшин В. А.* К вопросу о длительности сосуществовании лепной и круговой керамики на древнерусских памятниках Суздальского Ополя // Городецкие чтения. Городец, 1992. С. 53—56.
- Лебедев, 1975 — *Лебедев Г. С.* Начало Верхней Руси по данным археологии // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1975. С. 37—43.
- Лебедев, 1977 — *Лебедев Г. С.* Начало Верхней Руси по данным археологии // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 90—95.
- Лебедев, 1978 — *Лебедев Г. С.* Путь из Варяг в Греки // Вестник ЛГУ. 1978. № 20. С. 7—43.
- Лебедев, 1985 — *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Лебедев и др., 1973 — *Лебедев Г. С., Дубов И. В., Розов А. А., Кухарева Л. С., Мордасов В. И., Козлова Г. А., Тюленев В. А., Ефимова М. А.* Раскопки под Лугой // Археологические открытия 1972 г. М., 1973. С. 22—23.
- Левенок, 1957 — *Левенок В. П.* Городища юхновской культуры // КСИА. Киев, 1957. Вып. 7. С. 48—51.
- Леонтьев, 1989 — *Леонтьев А. Е.* Тимерёво. Проблема исторической интерпретации археологического памятника // СА. 1989. № 3. С. 79—86.
- Леонтьев, 1996 — *Леонтьев А. Е.* Археология мери. М., 1996.
- Леонтьев, 1998 — *Леонтьев А. Е.* Ростов эпохи Ярослава (по материалам археологических исследований) // История. Археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 135—153.
- Леонтьев, Носов, 2012 — *Леонтьев А. Е., Носов Е. Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII—X в. // Русь в IX—XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 382—401.

- Лесман, 1984 — *Лесман Ю. М.* Погребальтные памятники Новгородской земли и Новгород // Археологические исследования Новгорода и Новгородской земли. Л., 1984. С. 118—153.
- Лесман, 1996 — *Лесман Ю. М.* Двойной узел в средневековых ювелирных изделиях Восточной Европы // Тезисы семинара «Ювелирное искусство и материальная культура». СПб., 1996. С. 35—37.
- Лопатин, 2006 — *Лопатин Н. В.* О различных концепциях культурно-хронологического определения лепной керамики Труворова городища // Изборск и его округа. Изборск, 2006. С. 101—108.
- Лопатин, 2007 — *Лопатин Н. В.* Проблемы изучения керамики Изборска // АИППЗ. Заседание 52. Псков, 2007. С. 217—231.
- Лопатин, 2009 — *Лопатин Н. В.* Комплекс памятников у дер. Лезги // Сетумаа. Т. 2. Археология и ранняя история (до 1920 года). Тарту, 2009. С. 81—83.
- Лысенко, 1974 — *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974.
- Львова, 1968 — *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I // АСГЭ. 1968. Вып. 10. Л. С. 64—94.
- Львова, 1970 — *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. II // АСГЭ. 1970. Вып. 12. Л. С. 81—88.
- Любомиров, 1923 — *Любомиров П. Г.* Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. // Учен. зап. Гос. Саратовского ун-та. Саратов, 1923. Т. 1, вып. 3. С. 5—38.
- Люцинский..., 1893 — Древности северо-западного края. Т. 1, вып. 2 : Люцинский могильник. СПб., 1893. (МАР ; № 14).
- Ляпушкин, 1968 — *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. Л., 1968. № 152.
- Ляпушкин, 1971 — *Ляпушкин И. И.* Гнёздово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 32—37.
- Ляўданскі, 1930 — *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе // Працы. Менск, 1930. Т. 2. С. 180—196.
- Макаров, 1982 — *Макаров Н. А.* Средневековый могильник Попово на Каргополье // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 80—86.
- Макаров, 2012 — *Макаров Н. А.* Суздальское Ополье // Русь в IX—XI веках: археологическая панорама. М. ; Вологда, 2012. С. 194—211.
- Макушников, 2006 — *Макушников О.* Между Гнёздово и Киевом: Моховский археологический комплекс X—XI вв. на юго-востоке Беларуси // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2006. Вып. 22. С. 130—138.
- Малевская, 1969 — *Малевская М. В.* К вопросу о керамике Галицкой земли XII—XIII вв. // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 6—14.
- Малевская-Малевиц, 2005 — *Малевская-Малевиц М. В.* Керамика западнорусских городов XII—XIII вв. СПб., 2005.
- Малыгин, Гайдуков, 2001 — *Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г.* Керамический комментарий к теории происхождения Новгорода В. Л. Янина и М. Х. Алешковского // Тверской археологический сборник. Тверь, 2001. Вып. 4.
- Мальм, 1967 — *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Труды ГИМ. 1967. Вып. 43. С. 149—190.
- Мальм, Фехнер, 1967 — *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Привески-бубенчики // Труды ГИМ. 1967. Вып. 43. С. 133—148.
- Мальм, Фехнер, 1969 — *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во второй половине I тысячелетия // Экспедиции ГИМ. М., 1969. С. 159—188.
- Марков, 1910 — *Марков А. К.* К топографии кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.
- Мастыкова, 2009 — *Мастыкова А. В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н. э. М., 2009.
- Медведев, 1959 — *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65. С. 121—191.
- Медведев, 1960 — *Медведев А. Ф.* Древнерусские писала X—XV вв. // СА. 1960. № 2. С. 63—88.
- Медведев, 1966 — *Медведев А. Ф.* Лук и стрелы, самострел VIII—XII вв. 1966. (САИ ; вып. Е1-56).
- Мельникова, 1977 — *Мельникова Е. А.* Скандинавские руны и надписи. М., 1977.
- Мельниковская, 1967 — *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.
- Микляев, 1974 — *Микляев А. М.* О ландшафтной приуроченности некоторых типов археологических памятников на Северо-Западе СССР // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974. Ч. 1. С. 242—247.
- Микляев, 1981 — *Микляев А. М.* Археологическая география — задача, метод и первые результаты // Контакты и взаимодействия древних культур. Л., 1981. С. 49—51.
- Минасян, 1997 — *Минасян Р. С.* История двушипных втульчатых наконечников на территории Восточной Европы // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1997. С. 101—105.
- Миролюбов, 1972 — *Миролюбов М. А.* Пахотные орудия Старой Ладogi. // АСГЭ. Л., 1972. № 14. С. 118—120.
- Михайлова, 2014а — *Михайлова Е. Р.* Снаряжение всадника и коня в псковских длинных курганах // Stratum plus. СПб. ; Кишинев ; Одесса ; Бухарест, 2014. № 6. С. 73—82.
- Михайлова, 2014б — *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2014.
- Молтби, Хамилтон-Даер, 1995 — *Молтби М., Хамилтон-Даер Ш.* Кости животных из раскопок в Новгороде и его округе // ННЗ. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 129—156.
- Моора, Моора, 1960 — *Моора Х. А., Моора А. Х.* К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики // СЭ. 1960. № 3. С. 15—32.
- Моця, 1983 — *Моця А. П.* Сведения об этническом составе летописного Желни по данным могильника // Древнерусское государство и славяне : Материалы науч. конф. Минск, 1983. С. 82—84.
- Мурашёва, 2000 — *Мурашёва В. В.* Древнерусские ремешковые наборные украшения (X—XIII вв.). М., 2000.
- Мурашёва, 2008 — *Мурашёва В. В.* Супрутский клад из раскопок 1969 г. М., 2008. (Труды ГИМ ; вып. 175).
- Мурашёва, Авдусина, 2007 — *Мурашёва В. В., Авдусина С. А.* Исследования притеррасного участка пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 8—30.
- Мурашёва и др., 2007 — *Мурашёва В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А.* Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 31—77.

- Мусин, 2010 — *Мусин А. Е.* Находки херсоно-византийских монет на территории Древней Руси и путь «из варяг в греки» // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010.
- Назаренко, 2001 — *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001.
- Насонов, 1951 — *Насонов А. Г.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 87—88.
- Недошивина, 1963 — *Недошивина Н. Г.* Михайловский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 24—31.
- Недошивина, 1967 — *Недошивина Н. Г.* Перстни // Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43. С. 253—274.
- Недошивина, Зозуля, 2012 — *Недошивина Н. Г., Зозуля С. С.* Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX—XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 178—193.
- Нефёдов, 1996 — *Нефёдов В. С.* Данные о системе земледелия культуры смоленско-полоцких длинных курганов // ННЗ. Новгород, 1996. Вып. 10. С. 45—48.
- Нефёдов, 2000 — *Нефёдов В. С.* О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // АИППЗ. Псков, 2000. С. 191—199.
- Нефёдов, 2002 — *Нефёдов В. С.* Салтовские древности в смоленских длинных курганах // Гістарычна-археалагічны зборнік. Менск, 2002. № 17. С. 131—139.
- Нефёдов, 2012 — *Нефёдов В. С.* Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX — первая половина XI в.) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сб. материалов Междунар. науч. конф. (Вологда — Кириллов — Белозерск, 6—8 июня 2012 г.). Вологда, 2012. С. 89—113.
- Нефёдов, Мурашёва, 2008 — *Нефёдов В. С., Мурашёва В. В.* Модель для изготовления поясных бляшек «восточного» облика с городища Рокот в Смоленской области // КСИА. М., 2008. Вып. 222. С. 98—105.
- Никольская, 1969 — *Никольская Т. Н.* О поселениях раннего железного века в бассейне Десны и Верхней Оки (к вопросу о балто-иранском контакте) // КСИА. М., 1969. Вып. 119. С. 14—23.
- Новое в археологии Киева. Киев, 1981.
- Носов, 1974 — *Носов Е. Н.* Источники по славянской колонизации Новгородской земли // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Т. 6. С. 212—241.
- Носов, 1976 — *Носов Е. Н.* Поселение у Волховских порогов // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 76—91.
- Носов, 1977 — *Носов Е. Н.* Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладogi // КСИА. М., 1977. Вып. 150. С. 10—17.
- Носов, 1981 — *Носов Е. Н.* Поселение и могильники культуры длинных курганов на озере Съезжее // КСИА. М., 1981. Вып. 166. С. 64—69.
- Носов, 1984 — *Носов Е. Н.* Новгород и новгородская округа (к вопросу о возникновении Новгорода) // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 3—38.
- Носов, 1985 — *Носов Е. Н.* Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладoge // Средневековая Ладoga. Л., 1985. С. 147—155.
- Носов, 1988 — *Носов Е. Н.* Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 21—38.
- Носов, 1990 — *Носов Е. Н.* Новгород и Рюриково городище. СПб., 1990.
- Носов, 1993 — *Носов Е. Н.* Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Западной России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). Л., 1993. С. 59—78.
- Носов, 2000 — *Носов Е. Н.* К вопросу о типологии городов Поволжья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Доклады Междунар. науч. симпозиума по вопросам археологии и истории. 11—14 мая 1999 г. СПб., 2000. С. 170—171.
- Носов, 2005 — *Носов Е. Н.* Новгородское городище в свете проблем становления городских центров Поволжья // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. СПб., 2005. С. 3—32.
- Носов и др., 1994 — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Янссон И.* Могильник у деревни Кривой Наволок в Юго-Восточном Приладожье (по следам забытой коллекции) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 107—129.
- Носов и др., 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. СПб., 2005.
- Носов, Хвоцинская, 2004 — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Финно-угорские элементы в материальной культуре Рюрикова городища // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти И. В. Дубова. СПб., 2004. С. 125—133.
- Носов, Хвоцинская, 2006 — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Некоторые аспекты изучения кольцевидных булавок на территории Древней Руси // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб., 2006. С. 130—140.
- Носов, Хвоцинская, 2007а — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Первый ремесленный комплекс X в. на Рюриковом городище // Труды по русской истории: Сб. статей в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова. М., 2007. С. 257—263.
- Носов, Хвоцинская, 2007б — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Связи населения Центрального Приильмения с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX—X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 6—17.
- Нукшинский..., 1957 — Нукшинский могильник: Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. Рига, 1957. Вып. 1.
- Окулич-Казарин, 1914 — *Окулич-Казарин Н.* Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды Псковского Археологического общества. Псков, 1914. Вып. 10. С. 131—310.
- Орлов, 1972 — *Орлов С. Н.* Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // СА. 1972. № 2. С. 127—138.
- Орлов, Аксенов, 1961 — *Орлов С. Н., Аксенов М. М.* Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961. Вып. 10. С. 151—168.
- Очерки..., 1972 — Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1972.

- Пауль, 2014 — Пауль А. Роль рюгенских славян в южнобалтийских связях с Восточной Европой // Вестник ЛГПУ. Серия «Гуманитарные науки». 2014. Вып. 2 (11). С. 103—124.
- Пашуто, 1966 — Пашуто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. М., 1966. С. 93—98.
- Петренко, 1977 — Петренко В. В. Раскопки сопки в уроч. Победще близ Старой Ладogi // КСИА. М., 1977. Вып. 150. С. 55—62.
- Петренко, 1981 — Петренко В. В. Костяные изделия Старой Ладogi IX—XI вв. (по материалам раскопок 1972—1977 гг. близ Варяжской улицы) : доклад на отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН 24 декабря 1981 г.
- Петренко, 1985 — Петренко В. В. Классификация сопок северного Поволжья // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 123—146.
- Петренко, Шитова, 1985 — Петренко В. П., Шитова Т. В. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 181—191.
- Петрухин, 1995 — Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. Смоленск ; М., 1995.
- Пигулевская, 1976 — Пигулевская Н. В. Ближний восток. Византия. Славяне. Л., 1976.
- Плавінскі, Штыхаў, 2006 — Плавінскі М., Штыхаў Г. Лянная кераміка Полацкага селішча // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2006. № 21. С. 62—73.
- Платонова, 1991 — Платонова Н. И. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 68—88.
- Плетнева, 1967 — Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА. М., 1967. № 142.
- Плоткин, 1974 — Плоткин К. М. К вопросу о хронологии городища Камно Псковской области // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 13—16.
- Плоткин, 1980 — Плоткин К. М. Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н. э. : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. Альбом.
- Плоткин, 1982 — Плоткин К. М. Псков и его округа в конце I тыс. н. э. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 157—164.
- Плоткин, 1996 — Плоткин К. М. Граница псковского некрополя (по материалам раскопа X) // Археологическое изучение Пскова. Псков, 1996. Вып. 3. С. 161—172.
- Плоткин, 2009 — Плоткин К. М. Курганный могильник у дер. Северик Псковской области // Сетумаа. Т. 2 : Археология и ранняя история (до 1920 года). Тарту, 2009. С. 103—106.
- Подвигина, 1961 — Подвигина Н. Л. Перстни из Гнёздова // Археологический сборник. М., 1961. С. 35—88.
- Покровский, 1895 — Покровский Ф. В. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии // Труды IX Археологического съезда в Вильне, 1893 г. М., 1895. Т. 1.
- Полубояринова, 1963 — Полубояринова М. Д. Раскопки древнего Турова // КСИА. 1963. Вып. 96. С. 44—47.
- Полубояринова, 1994 — Полубояринова М. Д. Полудрагоценные камни и янтарь в Древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 75—82.
- Попов, 2009 — Попов С. Г. Культура длинных курганов: общий контекст // Сетумаа. Т. 2 : Археология и ранняя история (до 1920 года). Тарту, 2009. С. 111—116.
- Потин, 1970 — Потин В. М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным // Исторические связи Скандинавии и России в IX—XX вв. Л., 1970. С. 64—80.
- Прибавления..., 1838 — Прибавления к «Псковским губернским ведомостям» за 1838 г. Псков, 1838.
- Пронин, 1981 — Пронин Г. Н. Сопки, курганы, жальники (к вопросу о преемственности) // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 4—16.
- ПСРЛ, т. 3, 2000 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3.
- Пушкина, 1973 — Пушкина Т. А. Лепная керамика Гнёздовского селища // Вестник МГУ. Серия: История. 1973. № 3. С. 87—92.
- Пушкина, 1993 — Пушкина Т. А. Изделия косторезного ремесла из Гнёздова // Средневековые древности Восточной Европы. М., 1993. С. 57—68.
- Пушкина и др., 2012 — Пушкина Т. А., Мурашѣва В. В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX—XI веках: археологическая панорама. М. ; Вологда, 2012. С. 243—273.
- Рабинович, 1965 — Рабинович М. Г. О древней Москве. М., 1965.
- Рабинович, 1968 — Рабинович М. Г. Из истории городских поселений восточных славян // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968. С. 130—148.
- Равдоникас, 1924 — Равдоникас В. И. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924.
- Равдоникас, 1934 — Равдоникас В. И. Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // ИГАИМК. 1934. Вып. 103. С. 102—129, 223—224.
- Равдоникас, 1949 — Равдоникас В. И. Старая Ладога (из итогов археологического исследования 1938—1947 гг.). Ч. I // СА. 1949. № 9. С. 5—54.
- Равдоникас, 1950 — Равдоникас В. И. Старая Ладога (из итогов археологического исследования 1938—1947 гг.). Ч. II // СА. 1950. № 12. С. 7—40.
- Раппопорт, 1975 — Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. Л., 1975.
- Распопова, 1980 — Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Репников, 1915 — Репников Н. И. Старая Ладога // Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1915. Вып. 7.
- Репников, 1948 — Репников Н. И. Раскопки в Старой Ладогe : Отчет о раскопках 1910 г. // Старая Ладога. Л., 1948.
- Риер, 1976 — Риер Я. Г. Изучение курганов в могилевском Поднепровье // СА. 1976. № 2. С. 178—190.

- Розенфельдт, 1968 — *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVIII вв. М., 1968. (САИ ; вып. Е1-39).
- Розенфельдт, 1973 — *Розенфельдт Р. А.* Раскопки курганов у с. Битягово в 1968—1970 гг. // СА. М., 1973. № 1. С. 187—197.
- Русь Новгородская..., 2012 — Русь Новгородская. Рождение державы. Свидетельство из глубины столетий / авт.-сост.: Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская, М. В. Медведева. СПб., 2012.
- Рыбаков, 1948 — *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков, 1949 — *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА. М., 1949. № 11. С. 7—93.
- Рындина, 1963 — *Рындина Н. В.* Технология производства Новгородских ювелиров X—XV вв. // Новые методы в археологии. МИА. М., 1963. № 117. С. 200—268.
- Рябинин, 1980 — *Рябинин Е. А.* Скандинавский производственный комплекс VIII века из Старой Ладogi // Скандинавский сборник. М., 1980. № 25. С. 161—177.
- Рябинин, 1981 — *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. Л., 1981. (САИ ; вып. Е1-60).
- Рябинин, 1985 — *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладoge (итоги раскопок на Земляном городище в 1973—1975 гг.) // Средневековая Ладoga. Новые археологические исследования. Л., 1985. С. 27—75.
- Рябинин, 1989 — *Рябинин Е. А.* Ножны и литые рукояти ножей северо-западных регионов Руси // КСИА. М., 1989. Вып. 195. С. 25—33.
- Рябинин, 1997 — *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.
- Рябцевич, 1965 — *Рябцевич В. Н.* Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // Нумизматика и эпиграфика. М., 1965. Т. 5. С. 121—160.
- Сакса, 2010 — *Сакса А. И.* Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. СПб., 2010.
- Самойлович, 2006 — *Самойлович Н. Г.* Стекланные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М., 2006. С. 371—386.
- Сапунов, 1893 — *Сапунов А.* Река Западная Двина (историко-географический обзор). Витебск, 1893.
- Сахаров, 1959 — *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М. 1959.
- Седов, 1957 — *Седов В. В.* К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // КСИИМК. М., 1957. Вып. 68. С. 20—27.
- Седов 1960а — *Седов В. В.* К вопросу о классификации смоленских курганов // КСИА. М., 1960. Вып. 81. С. 3—12.
- Седов, 1960б — *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.) // МИА. М., 1960. № 92.
- Седов, 1969 — *Седов В. В.* Казихинские курганы на р. Великой // КСИА. М., 1969. Вып. 120. С. 91—96.
- Седов, 1970а — *Седов В. В.* Новгородские сопки. М., 1970. (САИ ; вып. Е1-8).
- Седов, 1970б — *Седов В. В.* Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря // Тез. докл. советской делегации на II Международ. конгрессе славянской археологии в Берлине (август 1970 г.). М., 1970. С. 43—46.
- Седов, 1971 — *Седов В. В.* Грицковские курганы // КСИА. М., 1971. Вып. 125. С. 52—58.
- Седов, 1974а — *Седов В. В.* Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. // КСИА. М., 1974. Вып. 144. С. 67—74.
- Седов, 1974б — *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей. М., 1974. (САИ ; вып. Е1-8).
- Седов, 1975 — *Седов В. В.* Жилища юго-восточной Прибалтики // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
- Седов, 1978 — *Седов В. В.* Лепная керамика Изборского городища // КСИА. М., 1978. Вып. 155.
- Седов, 1985 — *Седов В. В.* Изборск в 8—10 веках // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин, 1985. С. 119—128.
- Седов, 1987 — *Седов В. В.* Начало городов на Руси // Труды V МКСА. М., 1987. Т. 1, вып. 1. С. 12—31.
- Седов, 2007 — *Седов В. В.* Изборск в раннем Средневековье. М., 2007.
- Седова, 1959 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.) // МИА. М., 1959. № 65. С. 223—226.
- Седова, 1978 — *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М., 1978.
- Седова, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.
- Семевский, 1857 — *Семевский М. И.* Историко-географические заметки о Великих Луках и Великолуцком уезде. СПб., 1857.
- Сениченкова, 2002 — *Сениченкова Т. Б.* Орнаментация староладожской керамики VIII—IX вв. // Ладoga и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 38—49.
- Сениченкова, 2011 — *Сениченкова Т. Б.* Несколько замечаний о формировании ладожского керамического комплекса (середина VIII — начало X в.) // АИППЗ. Псков, 2011. Заседание 56. С. 211—228.
- Середонин, 1916 — *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916.
- Смирнова, 1956 — *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951—1954 гг.) // МИА. М., 1956. № 55. С. 228—248.
- Смирнова, 1976 — *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. М., 1976. Вып. 146. С. 3—10.
- Соболев, 2015 — *Соболев В. Ю.* Древнерусская погребальная культура Новгородской земли: проблемы и особенности формирования // Археологические вести. СПб., 2015. Вып. 21. С. 352—367.
- Соловьева, 1971 — *Соловьева Г. Ф.* О роли балтского субстрата в истории славянских племен верхнего Поднепровья // СА. 1971. № 2. С. 128—129.
- Соловьева, 1982 — *Соловьева Г. Ф.* Славянские курганы у с. Ботвиновка Гомельской области // КСИА. М., 1982. Вып. 171. С. 75—80.
- Спегальский, 1972 — *Спегальский Ю. П.* Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972.
- Спиридонов, 1985 — *Спиридонов А. М.* Керамический материал из оятских курганов (по материалам раскопок А. М. Линевского) // *Кочуркина С. И., Линевский А. М.* Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985.
- Спицын, 1896 — *Спицын А. А.* Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб., 1896. (МАР ; № 20).

- Спицын, 1899 — *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1899. Вып. 3.
- Спицын, 1901 — *Спицын А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы. СПб., 1901. (МАР ; № 25).
- Спицын, 1903 — *Спицын А. А.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. СПб., 1903. (МАР ; № 29).
- Спицын, 1905 — *Спицын А. А.* Владимирские курганы // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 84—172.
- Спицын, 1906 — *Спицын А. А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА. СПб., 1906. Т. 8, вып. 1. С. 185—211.
- Спицын, 1917 — *Спицын А. А.* Русская историческая география. Пг., 1917.
- Средневековая Ладога..., 1985 — Средневековая Ладога (новые археологические открытия и исследования). Л., 1985.
- Станкевич, 1947 — *Станкевич Я. В.* Курганы юго-восточного Приладожья и Карелии // Археологический сборник. Петро-заводск, 1947. С. 94—110.
- Станкевич, 1951 — *Станкевич Я. В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // СА. М. ; Л., 1951. № 15. С. 219—246.
- Станкевич, 1959 — *Станкевич Я. В.* Предварительные итоги исследований 1956 года в Великолукской области // КСИИМК. 1959. Вып. 77. С. 75—79.
- Станкевич, 1960 — *Станкевич Я. В.* Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. М. ; Л., 1960. (МИА ; № 76).
- Тавлинцева, 2001 — *Тавлинцева Е. Ю.* Литейные формы для изготовления слитков с территории Подмосковья // Материалы II Тверской археологической конференции и пятого заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2001. Т. 2. С. 73—77.
- Тараканова, 1949 — *Тараканова С. А.* Раскопки в Пскове (1945—1947) // КСИИМК. 1949. Вып. 27. С. 104—112.
- Тараканова, 1950 — *Тараканова С. А.* О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК. 1950. Вып. 35. С. 18—29.
- Тараканова, 1951 — *Тараканова С. А.* К вопросу о происхождении города в Псковской земле. // КСИИМК. 1951. Вып. 41. С. 30—31.
- Тарасенко, 1957 — *Тарасенко В. Р.* Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Минск, 1957. С. 118—213.
- Таутовичус, 1972 — *Таутовичус А.* Культурные и торговые связи в V—VIII вв. // Lietuvos gyventoju prekubimaic ryšiai I—XIII a. Vilnius, 1972. S. 250—280.
- Тимошук, 1982 — *Тимошук Б. А.* Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.). Київ, 1982.
- Тихомиров, 1956 — *Тихомиров П. Н.* Древнерусские города. М., 1956.
- Толочко, 1983 — *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983.
- Толочко, 1985а — *Толочко П. П.* О социально-топографической структуре древнего Киева и других древнерусских городов // Археологические исследования Киева 1978—1983 гг. Киев, 1985. С. 3—18.
- Толочко, 1985б — *Толочко П. П.* Происхождение древнейших восточнославянских городов // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985. С. 5—19.
- Торопов, 2003 — *Торопов С. Е.* Некоторые вопросы изучения керамики из древнерусских могильников XI—XII веков в центральных районах Новгородской земли // Ежегодник НГОМЗ 2002. Великий Новгород, 2003.
- Третьяков, 1941 — *Третьяков П. Н.* Северные восточнославянские племена. М., 1941.
- Труды ГИМ. Вып. 43 — Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1967. (Труды ГИМ ; вып. 43).
- Труды Новгородской..., 1956 — Труды Новгородской экспедиции. М., 1956. Т. 1. (МИА ; № 55).
- Труды Новгородской..., 1959 — Труды Новгородской экспедиции. М., 1959. Т. 2. (МИА ; № 65).
- Труды Новгородской..., 1963 — Труды Новгородской экспедиции. М., 1963. Т. 3. (МИА ; № 117).
- Уваров, 1910 — *Уваров А. С.* Лицевые сосуды // Сборник мелких трудов. М., 1910.
- Успенская, 1953 — *Успенская А. В.* Курганы южной Белорусии X—XIII вв. // Труды ГИМ. М., 1953. Вып. 22. С. 97—124.
- Успенская, 1971 — *Успенская А. В.* Пекуновское селище и курганы // СА. 1971. № 1. С. 254—257.
- Федоровський, 1927 — *Федоровський О.* Інструкції та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних // Охорона пам'яток культури України. Харків, 1927. Т. 1. С. 15—144.
- Фехнер, 1954 — *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Труды ГИМ. М., 1954. Вып. 33. С. 149—229.
- Фехнер, 1959 — *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Труды ГИМ. М., 1959. Вып. 33. С. 149—229.
- Фехнер, 1963 — *Фехнер М. В.* Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X—XIII вв. М., 1963. С. 5—19, 105—130.
- Фехнер, 1967 — *Фехнер М. В.* Шейные гривны // Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43. С. 55—87.
- Фехнер, 1968 — *Фехнер М. В.* Крестовидные подвески скандинавского типа // Славяне и Русь. М., 1968. С. 210—214.
- Френкель, 2007 — *Френкель Я. В.* Опыт датирования пойменной части Гнёздовского поселения на основании анализа коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999—2003 гг.) // Гнёздово: результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 100—117.
- Фурасьев, 2001 — *Фурасьев А. Г.* Динамика культурных трансформаций в междуречье Западной Двины и Великой во второй и третьей четверти I тысячелетия н. э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.
- Хавлюк, 1974 — *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые славянские древности. Л., 1974. С. 181—215.
- Хвоцинская, 2002 — *Хвоцинская Н. В.* Кольцевидные фибулы Рюрикова городища // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 98—101.
- Хвоцинская, 2004 — *Хвоцинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтовье). СПб., 2004. (Труды ИИМК РАН ; т. 6).

- Хвоцинская, 2005 — *Хвоцинская Н. В.* Новые свидетельства ремесленного производства в ранний период Рюрика города // *Stratum+*. 2003—2004. № 5 : Мастера средневековья. СПб. ; Кишинев ; Бухарест, 2005. С. 305—308.
- Хвоцинская, 2007 — *Хвоцинская Н. В.* Бронзолитейное производство Рюрика городища в IX—X вв. // *Северная Русь и народы Балтики*. СПб., 2007. (Труды ИИМК РАН ; т. 24). С. 123—141.
- Хвоцинская, 2014 — *Хвоцинская Н. В.* Об одной находке с Рюрика городища // *ННЗ. Новгород*, 2014. С. 239—244.
- Херрман, 1978 — *Херрман Й.* Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // *Древняя Русь и славяне*. М., 1978. С. 191—196.
- Ходаковский, 1844 — *Ходаковский З.* Сопки. Донесение о первых успехах путешествия в России Зорияна Долуга-Ходаковского // *Русский исторический сборник*. М., 1844. Т. 7. С. 368—375.
- Черепнин, 1960 — *Черепнин М. Н.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960.
- Чернецов, 1976 — *Чернецов А. В.* Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий // *КСИА*. 1976. Вып. 146. С. 28—34.
- Чичуров, 1980 — *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. М., 1980.
- Шадыро, 1981 — *Шадыро В. И.* Племена днепро-двинской культуры Белорусского Подвинья (VIII—VII вв. до н. э. — IV—V вв. н. э.) : дис. ... канд. ист. наук. 1981.
- Ширинский, 1999 — *Ширинский С. С.* Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881—1901 гг. // *Труды ГИМ*. М., 1999. Вып. 36. С. 87—146.
- Шитова, 1977 — *Шитова Т. Б.* Керамика Ладожского посада (по материалам раскопок 1972—1976 гг.) : дипломная работа. Альбом // Архив кафедры археологии Санкт-Петербургского университета.
- Шмидехельм, 1959 — *Шмидехельм М. Х.* Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии // *Труды ПОКЭ. Вопросы этнической истории народов Прибалтики*. М., 1959. Вып. 1. С. 154—185.
- Шмидт, 1957 — *Шмидт Е. А.* Курганы XI—XII вв. у дер. Харлапово в смоленском Поднепровье // *МИСО*. Смоленск, 1957. Вып. 2. С. 184—280.
- Шмидт, 1958 — *Шмидт Е. А.* Длинные курганы у д. Цурковки в Смоленском районе // *СА*. 1958. № 3. С. 162—169.
- Шмидт, 1963а — *Шмидт Е. А.* Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э. // *МИА*. М., 1963. № 108. С. 51—67.
- Шмидт, 1963б — *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области // *МИСО*. Смоленск, 1963. Вып. 5. С. 85—128.
- Шмидт, 1963в — *Шмидт Е. А.* Длинные курганы у дер. Слобода Глушица // *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние города Смоленщины. М., 1963. С. 177—192.
- Шмидт, 1968 — *Шмидт Е. А.* О смоленских длинных курганах // *Славяне и Русь*. М., 1968. С. 224—229.
- Шмидт, 1970 — *Шмидт Е. А.* Об этническом составе населения Гнездова // *СА*. М., 1970. № 3. С. 102—108.
- Шмидт, 1972а — *Шмидт Е. А.* Племена Смоленского Поднепровья и Подвинья в эпоху Великого переселения народов // *Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран*. Смоленск, 1972. С. 3—46.
- Шмидт, 1972б — *Шмидт Е. А.* О некоторых особенностях погребений XI—XIII вв. в земле кривичей // *Новое в археологии*. М., 1972. С. 145—151.
- Шмидт, 1974 — *Шмидт Е. А.* К вопросу о древних поселениях в Гнездово // *МИСО*. Смоленск, 1974. Вып. 8. С. 150—164.
- Шмидт, 2003 — *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III—VII вв. н. э. : Тушемлинская культура. Смоленск, 2003.
- Шмидт, 2008 — *Шмидт Е. А.* Заозерье. Археологический комплекс IV—XII веков. Смоленск, 2008.
- Шмидт, 2012 — *Шмидт Е. А.* Кривичи смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск, 2012.
- Шнеевайсс, 2012 — *Шнеевайсс Й.* Культурные перемены у западных славян в контексте исторических процессов IX и X веков // *Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства*. Вологда : Древности Севера, 2012. С. 314—127.
- Штакельберг, 1962 — *Штакельберг Ю. И.* Глиняные диски из Старой Ладogi // *АСГЭ*. Л., 1962. Вып. 4. С. 109—115.
- Штыхов, 1966 — *Штыхов Г. В.* Раскопки курганов под Полоцком // *Вопросы истории и археологии*. Минск, 1966. С. 268—275.
- Штыхов, 1971 — *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. Минск, 1971. Вып. 2.
- Штыхов, 1975 — *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. Минск, 1975.
- Штыхов, 1978 — *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.) Минск, 1978.
- Щапова, 1956 — *Щапова Ю. Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода // *МИА*. М., 1956. № 55. С. 164—179.
- Щапова, 1972 — *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972.
- Щапова, Дайга, 1961 — *Щапова Ю. Л., Дайга И. Д.* Стекланные бусы и браслеты Асотского городища // *Шноре Э. Д.* Асотское городище. Рига, 1961. С. 185—195.
- Щеглова, 1969 — *Щеглова В. В.* О видовом составе и соотношении между домашними и дикими животными на городищах эпохи раннего железа северной Белоруссии // *Тез. докл. на конф. по археологии Белоруссии*. М., 1969. С. 106.
- Щербак, 1959 — *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи // *МИА*. М. ; Л., 1959. № 75. С. 362—388.
- Эдинг, 1928 — *Эдинг Д. Н.* Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928.
- Юшков, 1939 — *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. ; Л., 1939.
- Якобсон, 1959 — *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Л., 1959. (МИА ; № 63).
- Янин, 1956 — *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
- Янин, 2008 — *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.
- Янин, Алешковский, 1971 — *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // *История СССР*. М., 1971. № 2. С. 32—61.

- Янин, Колчин, 1978 — Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 10—58.
- Янссон, 1987 — Янссон И. Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов // Труды V МКСА. Секция V. М., 1987. Т. 3, вып. 16. С. 119—133.
- Ярославское..., 1963 — Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.
- Aagård, 1984 — Aagård G.-B. Gleicharmige Spangen // Birka II : 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 95—110.
- Arbman, 1940—1943 — Arbman H. Birka I : Die Gräber. Stockholm, 1940—1943.
- Arwidsson, 1984 — Arwidsson G. Scheren // Birka II : 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 195—198.
- Arwidsson, 1986 — Arwidsson G. Hiebmesser // Birka II : 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1986. S. 35—37.
- Arwidsson, 1989 — Arwidsson G. Die Messerscheiden in den Frauengräber von Birka // Birka II : 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1989. S. 93—94.
- Bähr, 1850 — Bähr J. K. Die Gräber der Liven. Dresden, 1850.
- Barnycz-Hupieniec, 1974 — Barnycz-Hupieniec R. Drewniane budownictwo mieszkaine w Gdańsku w X—XIII ww. Gdańsk, 1974.
- Białęcka, 1961 — Białęcka F. Ceramika ze stanowiska wykopaliskowego 4 w Wolinie // Materiały Zachodniopomorskie. 1961. T. 7. S. 293—370.
- Brather, 1996 — Brather S. Feldberger Keramik und frühe Slawen // Universitätsforschungen zur prahistorischen Archaeologie. Bonn, 1996. Bd. 34.
- Callmer, 1977 — Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800—1000 AD // Acta archaeologica Lundensia. Series in 4°. Lund, 1977. Nr 11.
- Cehak-Holubowiczowa, 1939 — Cehak-Holubowiczowa E. Słowiańskie groby kurganowe kolo Czerniewicz w pow. Drisnieskim // WA. 1939. T. 16. S. 419—455.
- Cnotliwy, 1986 — Cnotliwy E. Chronologia ceramiki i nawarstwien wczesnośredniowiecznego Białogardu // Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu zachodnim : Studia i materiały. Warszawa, 1986. S. 146—169.
- Cnotliwy et al., 1967 — Cnotliwy E., Rogosz R., Kasinowski A. Badania obronnego walu w polnocnej skarpinie zamku Ksiazat Pomorskich w Szczecinie // Materiały zachodnio-pomorskie. Szczecin, 1967. S. 115—170.
- Cnotliwy et al., 1983 — Cnotliwy E., Dekówna M., Leciejewicz L., Łosiński W., Rogosz R., Rulewicz M., Wesolowski S. Szczecin we wczesnym średniowieczu. Wzgórze Zamkowe // Polskie badania archeologiczne. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk ; Łódź, 1983. T. 23.
- Cnotliwy et al., 1986 — Cnotliwy E., Łosiński W., Wojtasik J. Rozwoj przestrzenny wczesnosredniowiecznego Wolina w swietle analizy porownawczej struktur zespolow ceramicznych // Problemy chronologii ceramiki wczesnosredniowiecznej na Pomorzu zachodnim : Studia i materiały. Warszawa, 1986. S. 62—117.
- Cnotliwy, Rogosz, 1970 — Cnotliwy E., Rogosz R. Badania archeologiczne na wzgorku zamkowym w Szczecinie w latach 1967—1968 // Sprawozdania Archeologiczne. 1970. T. 22. S. 131—144.
- Daiga, 1964 — Daiga J. Drelzs ieguves krāsnis sēlpis Spietiņu apmetnē // Arhaeologia un Etnografia. Riga, 1964. T. 6. S. 7—22.
- Daiga, Grosvalds, 1964 — Daiga J., Grosvalds I. Senakie tigel Latvija // Arhaeologia un Etnografia. Riga, 1964. T. 6. S. 69—77.
- Donat, 1987 — Donat P. Zur zeitlichen und regionalen Gliederung der altslawischen Keramik zwischen Oder und Elbe/Saale // Studia nad etnogeneza slowian i kultura Europy wczesnośredniowiecznej. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk ; Łódź, 1987. Nr 1. S. 239—254.
- Dymaczewska, 1970 — Dymaczewska U. Ceramika wczesnośredniowieczna z Santoka, pow. Gordow // Slavia Antiqua. Warszawa ; Poznań, 1970. Nr 16. S. 145—199.
- Dunkel, 1953 — Dunkel H. Die Hildagsburd // Abhandlungen und Berichte für Naturkunde und Vorgeschichte. Magdeburg, 1953. Bd. 8. H. 5.
- Fanning, 1994 — Fanning T. Viking Age Ringel Pins fran Dublin // Mediewale Dublin Excavations 1962—1981. Dublin, 1994. Ser. B. Vol. 4.
- Filipowiak, 1955 — Filipowiak W. Osada Szczecina // WA. Szczecin, 1955. T. 22. Z. 3—4. S. 328—355.
- Graham-Campbell, 1984 — Graham-Campbell J. Western influences on penannular brooches and ringen pins // Birka II : 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 31—38.
- Gräslund, 1984 — Gräslund A.-S. Ohrlöffel // Birka II : 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 177—182.
- Henning, Heußner, 1992 — Henning J., Heußner K.-U. Zur Burgengeschichte im 10. Jahrhundert. Neue archäologische und dendrochronologische Daten zu Anlagen vom Typ Tornow // Ausgrabungen und Funde. 1992. Bd. 37. S. 314—324.
- Herrmann, 1966 — Herrmann J. Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz. Berlin, 1966.
- Herrmann, 1968 — Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder-Neiße und Elbe // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1968. Bd. 23.
- Jansson, 1986 — Jansson J. Gürtel und Gürtelzubehor von orient. Typ // Birka II : 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1986. S. 92—104.
- Kempke, 1984 — Kempke T. Starigard/Oldenburg. Hauptburg der Slawen in Wagrien. 2. Die Keramik des 8—12. Jahrhunderts // Offa-Bücher. Neumünster, 1984. Bd. 53.
- Kempke, 2000 — Kempke T. Burgwälle des 8. bis 12. Jahrhunderts zwischen Elbe und Oder // Europas Mitte um 1000. Beiträge zur Geschichte, Kunst und Archäologie. Stuttgart, 2000. Bd. 1.
- Kempke, 2001 — Kempke T. Slawische Keramik // Handbuch zur mittelalterlichen Keramik in Nordeuropa. Neumünster : Wachholtz Verlag, 2001. Bd. 1. S. 209—256.

- Khvoshchinskaya, Rybina, 2014 — *Khvoshchinskaya N. V., Rybina E. A. Scandinavian Objects from the Excavations of Novgorod // Vers l'Orient et vers l'Occident. Regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne / P. Bauduin, A. Musin (eds.). Caen : Presses universitaires de Caen, 2014. P. 245—256.*
- Kivikoski, 1973 — *Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.*
- Klanica, 1974 — *Klanica Z. Práce klenotniku na slovanských hradištích. Praha, 1974.*
- Krüger, 1966 — *Krüger B. Frühslawische Grabfund aus Sausedlitz, Kr. Delitzsch // Ausgrabungen und Funde. 1966. H. 2. S. 93—96.*
- Latvijas..., 1974 — *Latvijas RSR archeologija. Riga, 1974.*
- Leciejewicz, 1959 — *Leciejewicz L. Badania archeologiczne w Kolobrzegu, w r. 1956 // Sprawozdania Archeologiczne. Kraków, 1959. T. V. S. 133—143.*
- Leciejewicz et al., 1961 — *Leciejewicz L., Łosiński W., Tabaczyński E. Kolobrzeg we wczesnym średniowieczu. Wrocław, 1961.*
- Łosiński, 1972 — *Łosiński W. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa gradowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII—XI w.). Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1972.*
- Łosiński, Rogosz, 1983 — *Łosiński W., Rogosz R. Szczecin we wczesnym średniowieczu. Wzgórze Zamkowe. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk ; Łódź, 1983.*
- Łosiński, Rogosz, 1986 — *Łosiński W., Rogosz R. Metody synchronizacji kulturowych wczesnośredniowiecznych obiektów wie-lowarstwowych na podstawie analizy ceramiki ze Szczecina // Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu zachodnim : Studia i materialia. Warszawa, 1986. S. 9—50.*
- Michelbertas, 1965 — *Michelbertas E. Romos imperijos itakos baltu egenciu kulturai klausimu // Lietavos TSR mokslu Akademijas datbai. Vilnius, 1965. Resija A, nr 1(18). S. 47—66.*
- Mugurēvičs, 1977 — *Mugurēvičs Ē. Oliņkalna un Lokstene pilsnovadi : 3.—15. gs. archeologisrie pieminekļi. Rīga, 1977.*
- Petersen, 1928 — *Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.*
- Petersen, 1951 — *Petersen J. Vikingetidens redskaper. Skrifter utgitt av Det norske Vidensraps-Akademi i Oslo. Oslo, 1951. Bd. 2.*
- Petersen, 1955 — *Petersen J. Vikingetidens smykker i Norge (Katalog). Stavanger, 1955.*
- Pratsch, 2011 — *Pratsch S. Slawische Kellergruben von Groß Keinitz und Klein Keinitz, Lkr. Teltow-Fläming // Der Wandel um 1000. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. Langenweissbach, 2011. Bd. 60. S. 169—176.*
- Raudonikas, 1930 — *Raudonikas W. J. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930.*
- Schimpff, 1983 — *Schimpff V. Zu einer Gruppe hohmittel-alterlicher Schreibgriffel // Alt-Thüringen. Weimar, 1983. Bd. 18. S. 213—260.*
- Schoknecht, 1977 — *Schoknecht U. Menzlin. Ein Frühgeschichtlicher Handelsplatz an der Peene. Berlin, 1977.*
- Schuldt, 1956 — *Schuldt E. Die slawische Keramik in Meklenburg // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1956. Bd. 5.*
- Schuldt, 1981 — *Schuldt E. Gross Raden. Die Keramik einer slawischen Siedlung des 9/10. Jahrhunderts // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostok, Schwerin und Neubrandenburg. Berlin, 1981. Bd. 14.*
- Šnore, 1987 — *Šnore E. Kivtu kapulauks. Rīga, 1987.*
- Stanislawski, 2001 — *Stanislawski B. Ceramika typu Wolin-Fresendorf na tle badań nad wczesnośredniowieczną ceramiką słowiańską w południowo-zachodniej strefie Bałtyku // Materiały Zachodniopomorskie. Szczecin, 2001. T. 46. S. 125—156.*
- Stenberger, 1947 — *Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. 2. Fundbeschreibung und Tafeln. Lund, 1947.*
- Stubavs, 1965 — *Stubavs F. Amatniecība 6—8 gs. pēc archeoloģiskiem centradumiem Ķentes pieskalā un apmetnē // Archeoloģija un etnografija. Riga, 1965. T. 7. S. 5—431.*
- Thunmark-Nylén, 1984 — *Thunmark-Nylén L. Ringnadeln // Birka II : 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 5—14.*
- Thunmark-Nylén, 1995 — *Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. I. Stockholm, 1995.*
- Thunmark-Nylén, 1998 — *Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. II. Stockholm, 1998.*
- Thunmark-Nylén, 2000 — *Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. IV : 1. Katalog. Stockholm, 2000.*
- Thunmark-Nylén, 2006 — *Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. IV : 2—4. Katalog. Stockholm, 2006.*
- Vaitkunskiene, 1985 — *Vaitkunskiene V. Motors ir vyro statusas Žembirdiu bendruomeneje V—VI avžiaus Lietuvoja // Труды АН Литовской ССР. Вильнюс, 1985. Т. 1 (90). S. 74—85.*
- Waller, 1984 — *Waller J. Nadel/Pfrieme und Pinzetten // Birka II : 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 183—190.*
- Wegraeus, 1986 — *Wegraeus E. Pfeilspitzen // Birka II : 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1986. S. 21—34.*
- Weselowski, 1957 — *Weselowski St. Siadlo Dolne // Materialy zachodnio-pomorskie. Szczecin, 1957. T. 111. S. 330—339.*
- Wilde, 1953 — *Wilde K. A. Die Bedeutung der Grabung Wollin 1934.1 // Beiheft zum Atlas der Vergeschichte. Hamburg, 1953.*

Архивные материалы

- Артамонов, Отчет, 1928 — *Артамонов М. И. Отчет о палеоэтнологической рекогносцировке по р. Ловать в пределах Великолукского и Новгородского округов в 1928 г. // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. Оп. I. № 111; Ф. 35. Оп. X. Д. 20, 22.*
- Изьюмова, Отчет, 1972 — *Изьюмова С. И. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4941.*
- Кочуркина, 1968 — *Кочуркина С. И. Приладожье в X—XIII вв. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1968 // НА ИИМК РАН, РО. Р-2. № 2029, 2029а. С. 195.*
- Ляпушкин, Отчет, 1967 — *Ляпушкин И. И. Отчет о работе Днепровской археологической экспедиции в 1967 г. // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. I. Д. 16, 17.*

Малевская, Отчет, 1968 — *Малевская М. В.* Отчет о работе Торопецкой археологической экспедиции в 1968 г. // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 28.

Материалы..., 1913 — Материалы для археологической карты Псковской губернии. Т. II : Псков : рукопись // Дрвелехранилище ПГОИАХМЗ. Ф. ПАО № 12004.

Миролюбов, Отчет, 1975 — *Миролюбов М. А.* Отчет о разведке в Псковской области в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5636, 5636а.

Орлов, Отчет, 1964—1965 — *Орлов С. Н.* Отчет о раскопках 1964—1965 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3027, 3027а.

Орлов, Отчет, 1971 — *Орлов С. Н.* Отчет о раскопках 1971 г. в Новгородской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 4517, 4517а.

Рутковская, Отчет, 1971 — *Рутковская Л. М.* Отчет о раскопках Жовнинского отряда в с. Жовнин в 1971 г. // Архив ИА АН Украины. № 1971/10.

Седов, Отчет, 1971, 1972 — *Седов В. В.* Отчет о полевых работах Изборской археологической экспедиции АН СССР в 1971, 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4487, 4487а, 4789, 4789а.

Седов, Отчет, 1976 — *Седов В. В.* Отчет о полевых работах Изборской археологической экспедиции АН СССР в 1976 г. // Дрвелехранилище ПГОИАХМЗ. № 2398.

Станкевич, Отчет, 1954 — *Станкевич Я. В.* Отчет о работе Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИА АН СССР в 1954 г. // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1954 г. № 27—30.

Станкевич, Альбом, 1954 — *Станкевич Я. В.* Альбом к отчету о работе Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИА АН СССР в 1954 г. // НА ИИМК РАН, ФО. Альбомы О.1851, О.1852, О.1947.

Станкевич, Отчет, 1955 — *Станкевич Я. В.* Отчет о работе Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИА АН СССР в 1955 г. // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1955 г. № 19—22.

Станкевич, Альбом, 1955 — *Станкевич Я. В.* Альбом к отчету о работе Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИА АН СССР в 1955 г. // НА ИИМК РАН, ФО. Альбом О.1955.

Станкевич, Отчет, 1956 — *Станкевич Я. В.* Отчет о работе Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИА АН СССР в 1956 г. // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1956 г. № 19—21.

Станкевич, Альбом, 1956 — *Станкевич Я. В.* Альбом к отчету о работе Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИА АН СССР в 1956 г. // НА ИИМК РАН, ФО. Альбом О.2057.

Станкевич, Отчет, 1957 — *Станкевич Я. В.* Отчет о работе Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИА АН СССР в 1957 г. // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1957 г. № 18—23.

Станкевич, Альбом, 1957 — *Станкевич Я. В.* Альбом к отчету о работе Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИА АН СССР в 1957 г. // НА ИИМК РАН, ФО. Альбомы О.2080, О.2081.

Станкевич, Альбом, к печати — *Станкевич Я. В.* Альбом материалов «Городка» у д. Городище, подготовленных к печати // НА ИИМК РАН, ФО. Альбом О.2161.

Успенская, Отчет, 1970 — *Успенская А. В.* Отчет о раскопках курганов Селигерской археологической экспедиции 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4234, 4234а.

Успенская, Отчет, 1972 — *Успенская А. В.* Отчет о раскопках Кимрской археологической экспедиции ГИМ 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4878, 4878а.

Фехнер, Отчет, 1965, 1966 — *Фехнер И. Ф.* Отчет об археологических раскопках 1965, 1966 гг. на территории Новгородской и Калининской областей // Архив ИА РАН. Р-1. № 3258, 3258а.

Шмидт, Отчет, 1966 — *Шмидт К. А.* Отчет о раскопках археологических памятников на территории Смоленской области в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3330, 3330а.

Шмидт, Отчет, 1968 — *Шмидт К. А.* Отчет о раскопках археологических памятников на территории Смоленской области в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3665, 3665а.

Фонды музеев

Фонды Краеведческого музея г. Великие Луки. Материалы раскопок Городка на Ловати / авт. Я. В. Станкевич. 1954—1957.

Фонды Государственного Эрмитажа, ОАВЭС. Материалы раскопок Гнѣздова (селище) / авт. И. И. Ляпушкин. 1967—1968.

Фонды Государственного Эрмитажа, ОАВЭС. Материалы раскопок Старой Ладogi / авт. В. И. Равдоникас. 1947—1949.

Фонды Государственного Эрмитажа, ОАВЭС. Материалы раскопок Городка на Ловати / авт. Я. В. Станкевич. 1954—1957.

Фонды Изборского краеведческого музея. Материалы раскопок Изборского городища / авт. В. В. Седов. 1971—1900.

Фонды Музея истории Санкт-Петербурга. Материалы раскопок Городца под Лугой / авт. Г. С. Лебедев. 1970—1972.

Фонды Музея истории Санкт-Петербурга. Материалы раскопок Городища Камно / авт. К. М. Плоткин. 1973—1976.

Фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Материалы сборов М. К. Каргера на Рюриковом городище. 1970.

Фонды ПГОИАХМЗ. Материалы раскопок городища Камно / авт. С. А. Тараканова. 1956.

Фонды Смоленского исторического музея. Материалы раскопок Гнѣздова (могильник) / авт. Д. А. Авдусин. 1949—1954.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМК	— Академия истории материальной культуры
АИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли : Материалы научного семинара
АЛЮР	— Археологическая летопись Южной России
АО	— Археологические открытия
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДРСЗИ/Х	— Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия
ЗОРСА	— Записки Отдела русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КАЭЭ	— Камская археологическая и этнографическая экспедиция
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛГПУ	— Липецкий государственный педагогический университет
МАР	— Материалы по археологии России
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИСО	— Материалы по изучению Смоленской области
МКСА	— Международный конгресс славянской археологии
НА ИИМК РАН, РО	— Научный архив ИИМК РАН, рукописный отдел
НА ИИМК РАН, ФО	— Научный архив ИИМК РАН, фотоотдел
НГОМЗ	— Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
ННЗ	— Новгород и Новгородская земля : История и археология : Материалы научной конференции
ОАВЕС	— Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
ПАО	— Псковское археологическое общество
ПГОИАХМЗ	— Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
ПОКЭ	— Прибалтийская объединенная комплексная экспедиция
Працы	— Працы археалагічнай камісіі Беларускай АН
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РА	— Российская археология
СА	— Советская археология
САИ	— Археология СССР : Свод археологических источников
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ	— Советская этнография
Фонды ГЭ ОАВЭС	— Фонды Государственного Эрмитажа, ОАВЭС
WA	— Wiadomości Archeologiczne

**АЛЬБОМ
ИЛЛЮСТРАЦИЙ**

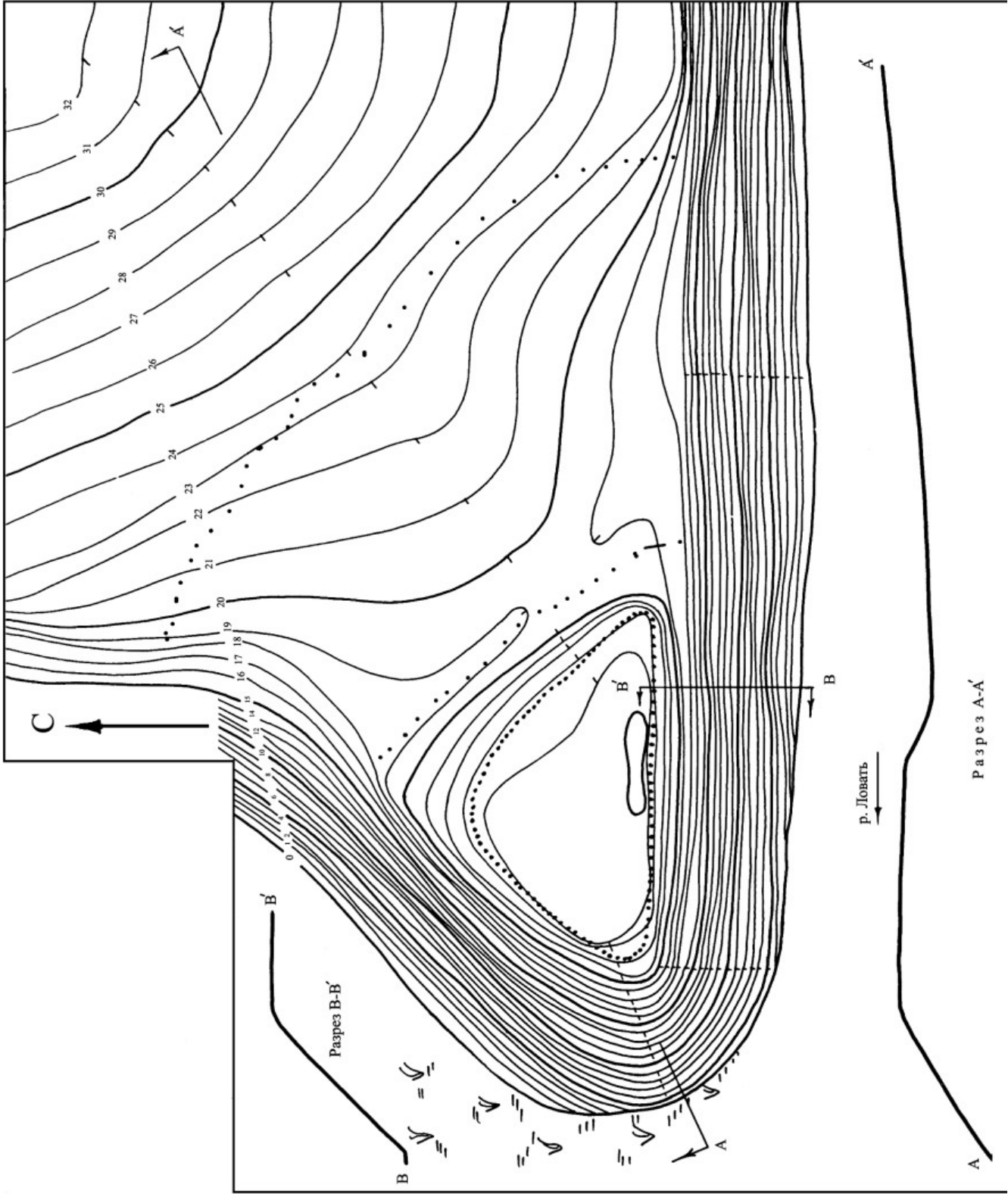

Рис. 1. Городок на Ловати. Топографический план

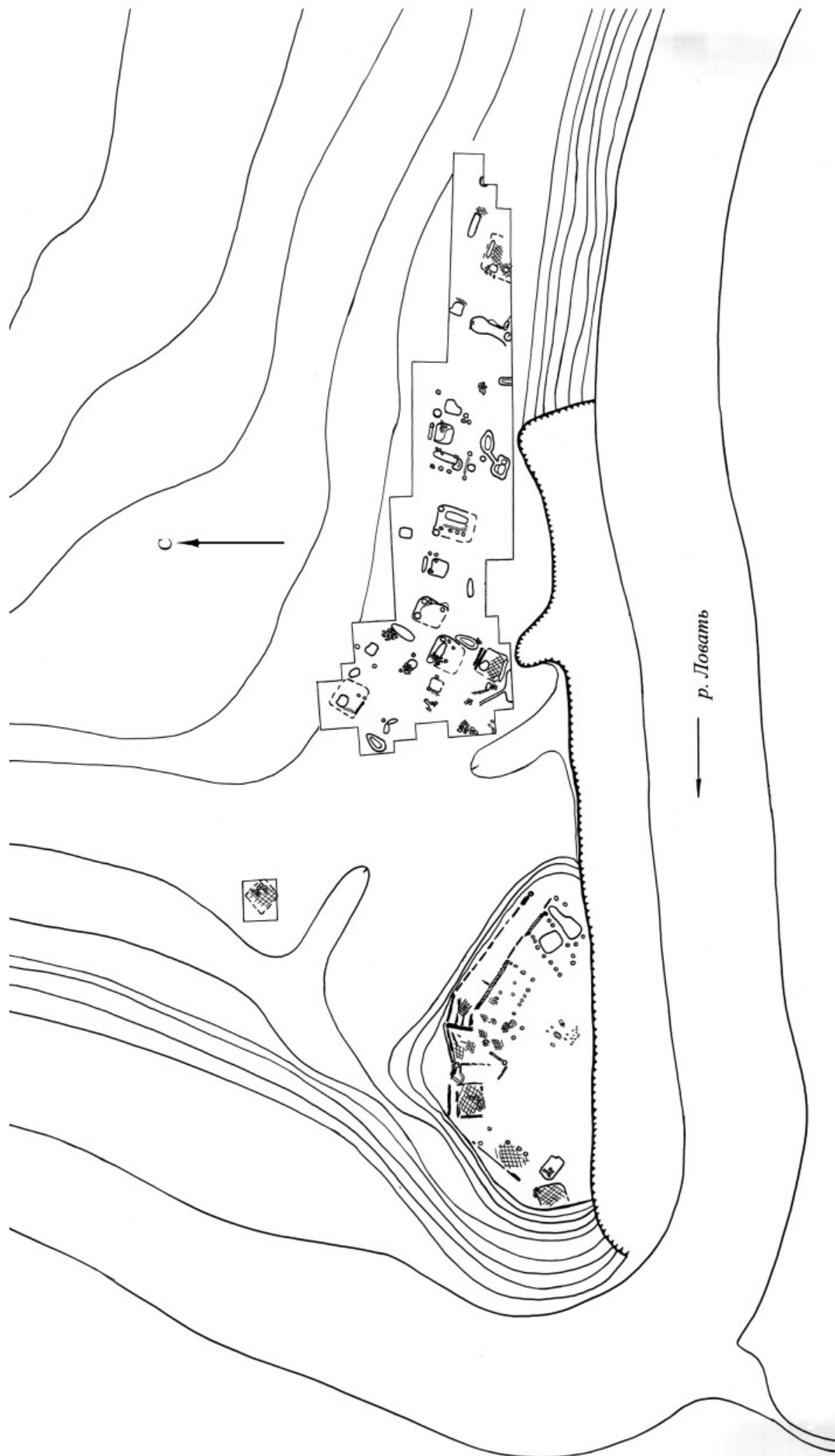

Рис. 2. Схема застройки Городка на Ловати в X — начале XI в.

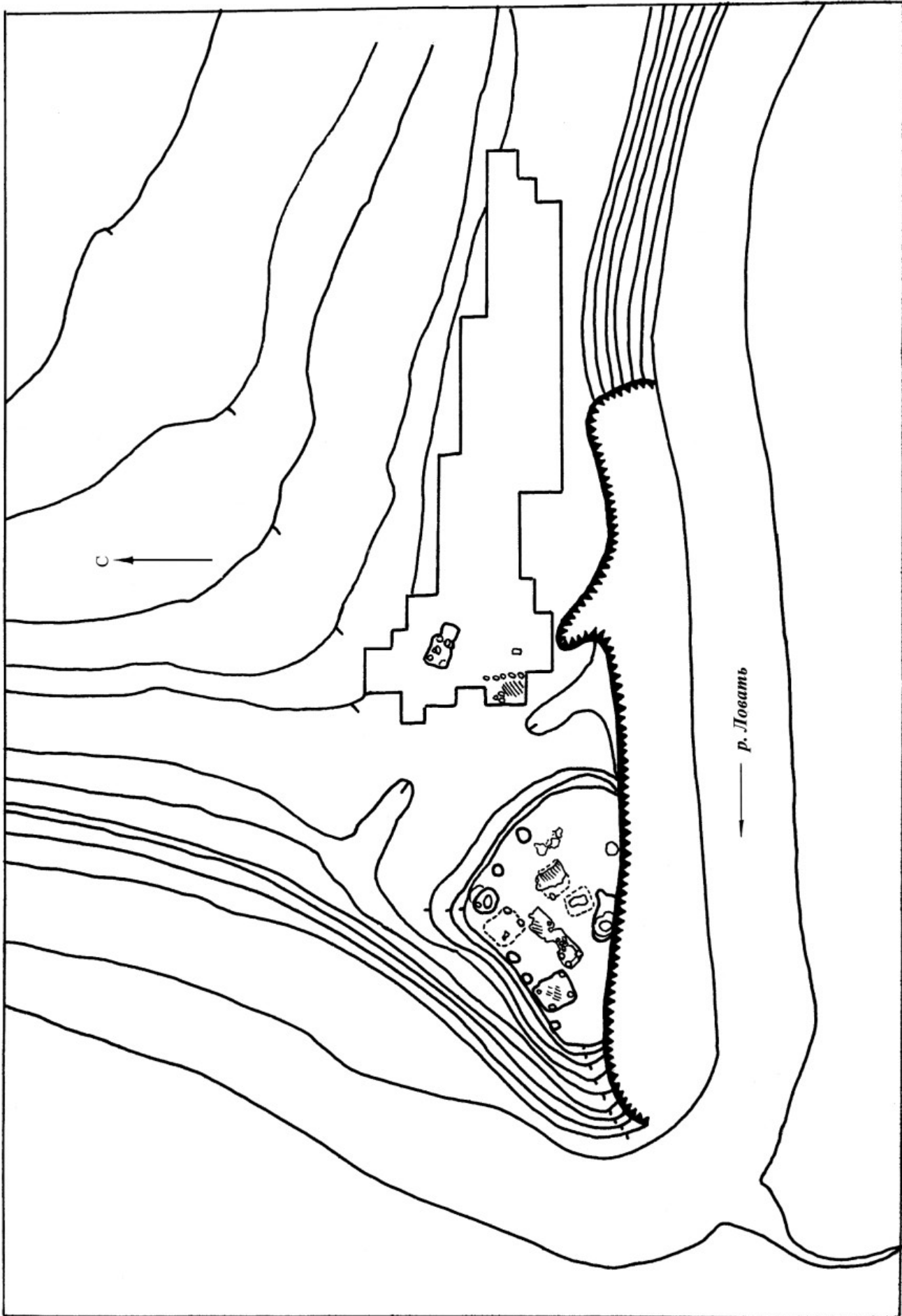

Рис. 3. Схема застройки Городка на Ловати в поздний период

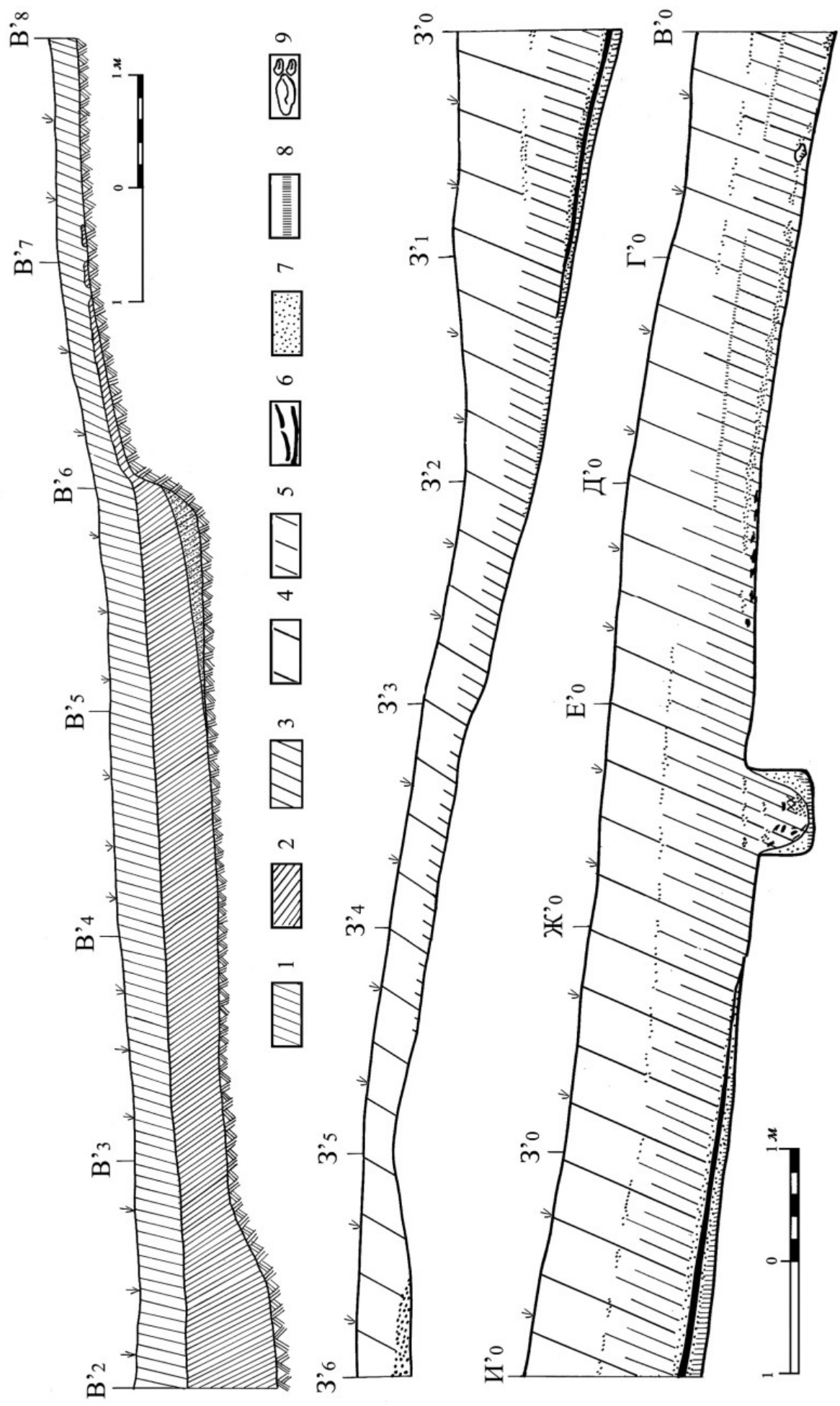

Рис. 4. Селище. Разрезы культурного слоя: 1, 4 — пахотный переотложенный слой; 2, 3 — черная гумусированная супесь; 5 — серая гумусированная супесь; 6 — угольный слой; 7 — светлый песок; 8 — углистая прослойка; 9 — камни

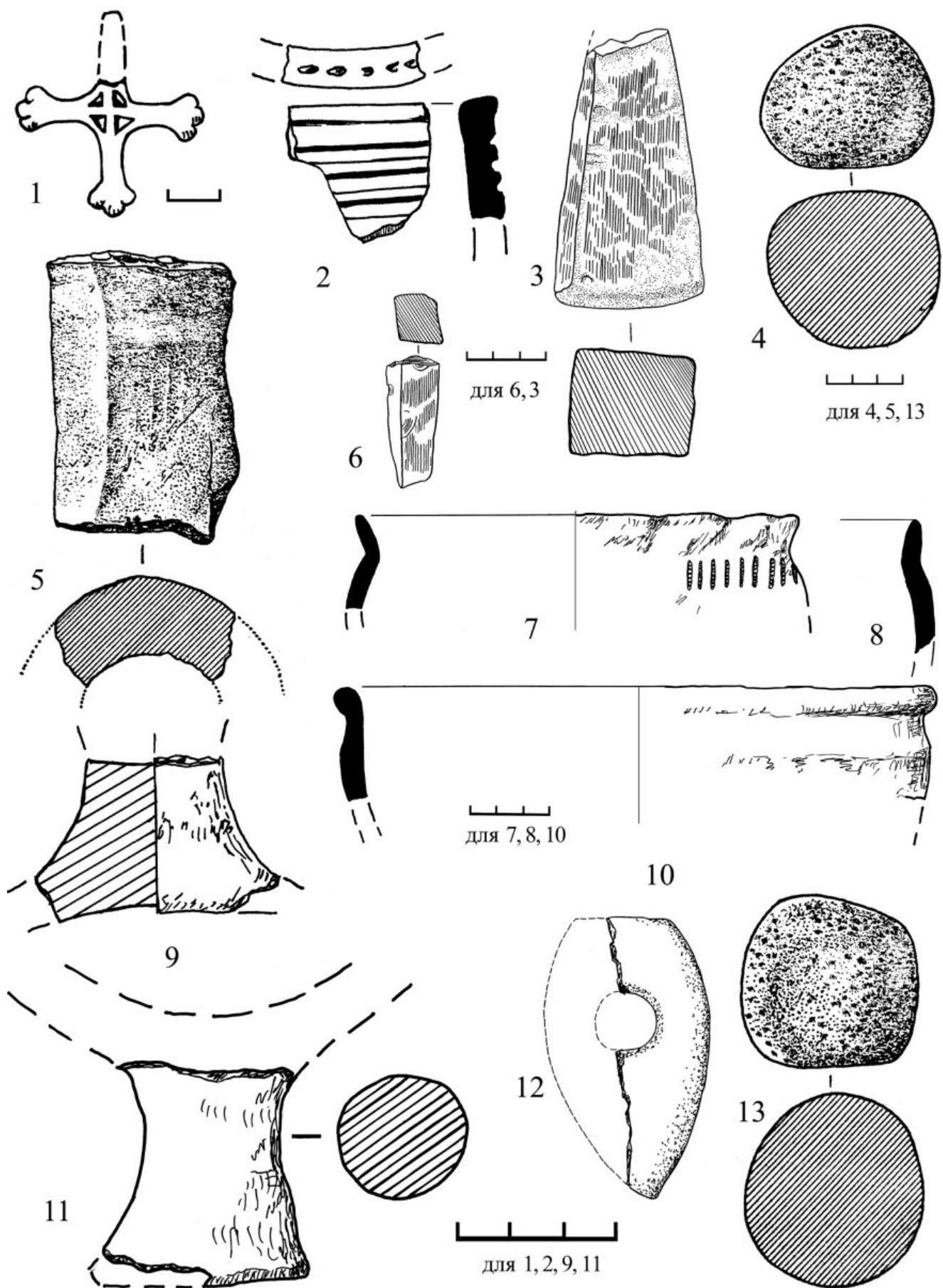

Рис. 5. Материал предшествующего времени. Городище: 1, 4, 13 — культурный слой над постройкой 15; 3, 6 — постройка 1; 5, 11 — постройка 6; 12 — депаспортизован, без масштаба. Селище: 2 — кв. М₂, шт. 1; 7 — кв. Н₁₅, шт. 1; 8, 10 — кв. Д₀, материк; 9 — сооружение 30 (1 — бронза; 2, 7—11 — лепная керамика; 3—6, 12, 13 — камень)

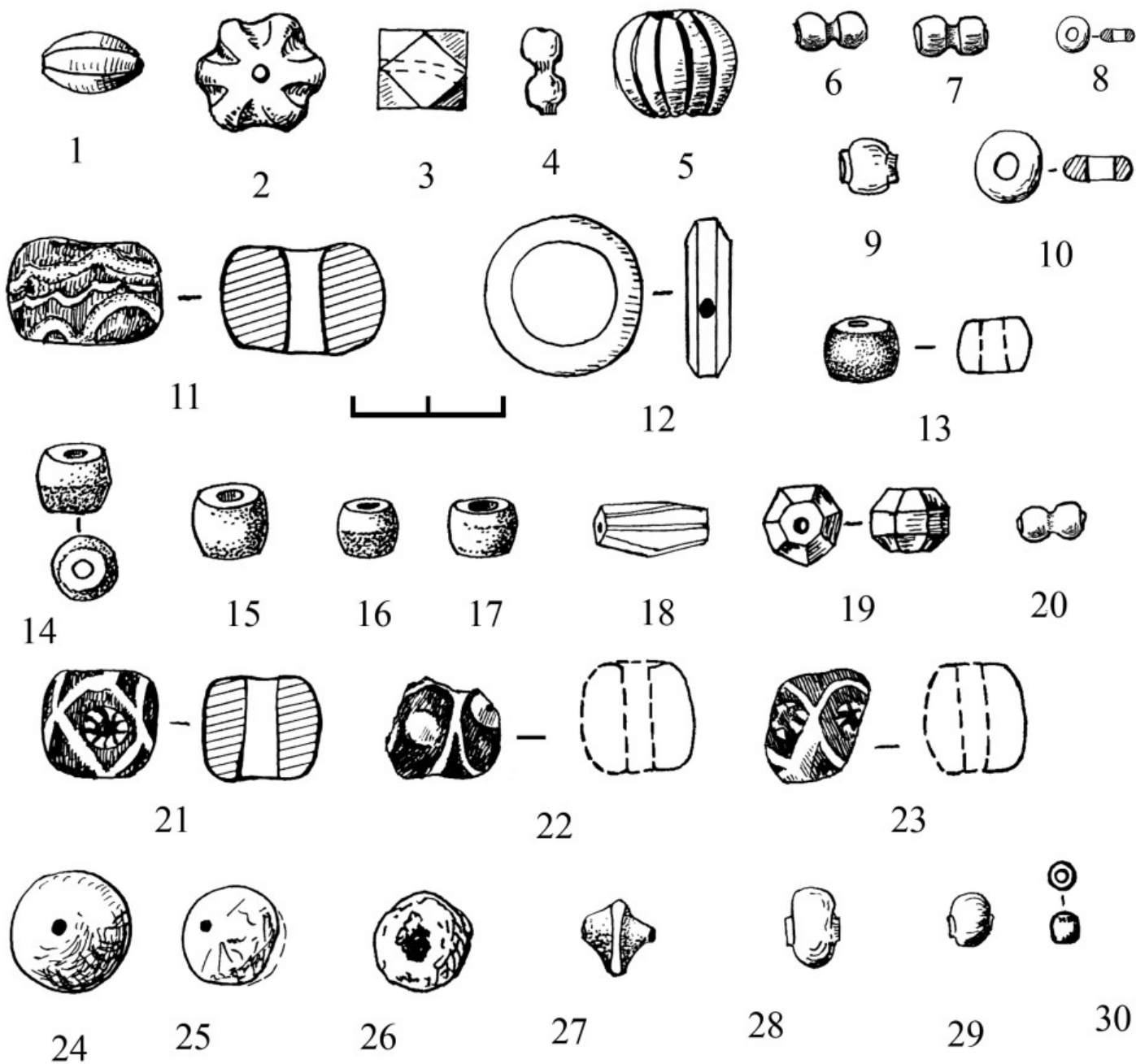

Рис. 6. Бусы. Городище: 1—4, 11, 12 — постройка 5; 5 — постройка 6; 8 — постройка 11; 9 — постройка 1; 10 — депортирована, 1956 г.; 14—17 — постройка 2; 24 — постройка 17. Селище: 6 — кв. Ж₁, шт. 3; 7 — кв. О₂, шт. 5; 13 — кв. Н₁ (ниже линзы ярко-желтой супеси с обмазкой); 18 — кв. О₁, материк; 19 — кв. Ж₀, предматерик; 20 — кв. Л₂, шт. 1; 21 — кв. В₃, шт. 1; 22 — шурф 5, предматерик; 23 — кв. О₁₄, шт. 1; 25 — кв. М₃, шт. 5; 26 — кв. В₆, шт. 2; 27 — кв. П₁₃, шт. 1; 28 — кв. О₃, шт. 4; 29 — кв. А₁, шт. 1; 30 — кв. К₁, шт. 2 (1, 2, 24, 25 — хрусталь; 3, 12, 18 — сердолик; 4 — стекло с золотой прокладкой; 5—11, 21—23, 26, 29, 30 — стекло; 13—17, 27 — паста; 19 — стекло резное; 20, 28 — стекло с серебряной прокладкой)

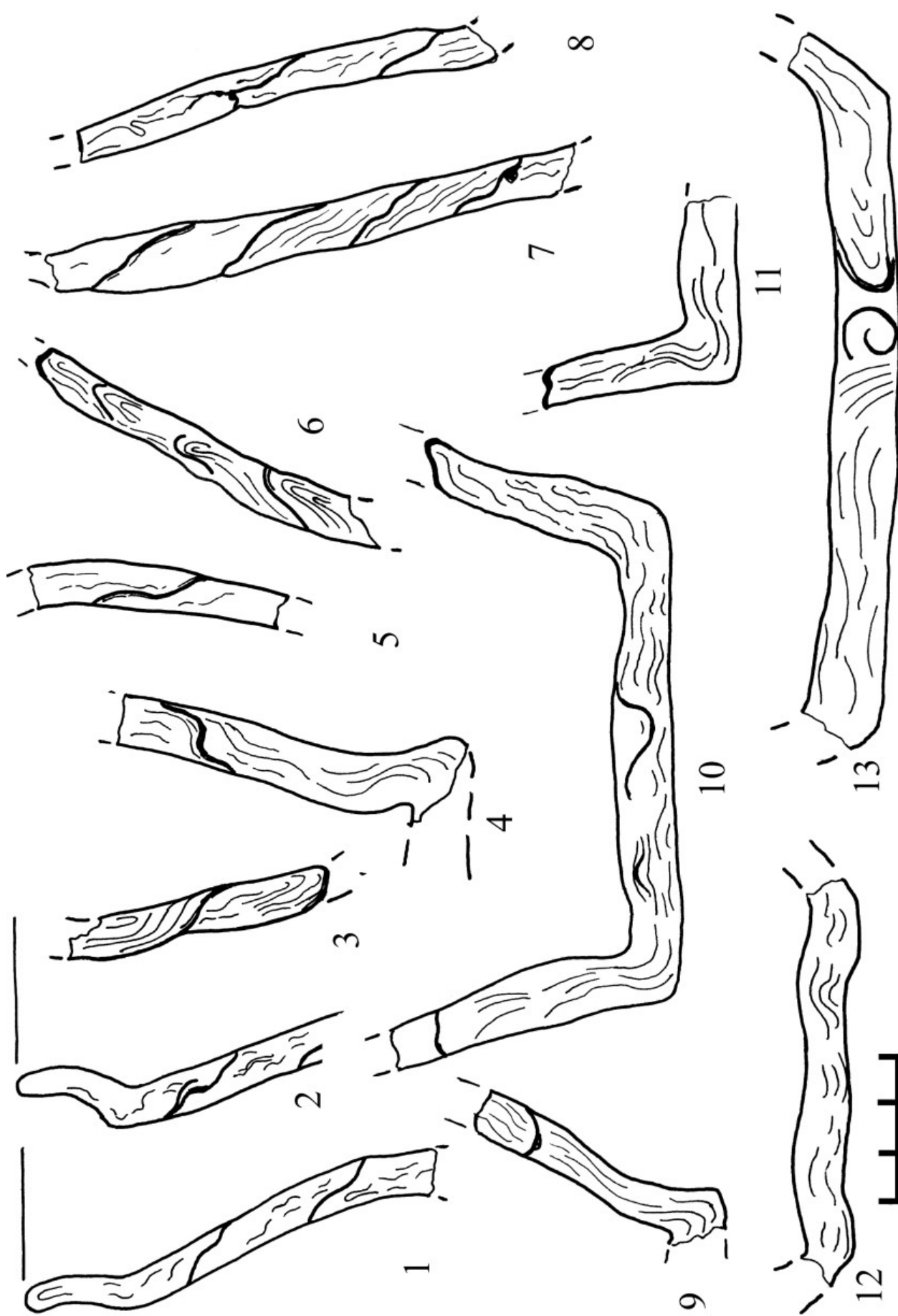

Рис. 7. Технология изготовления лепной посуды: 1—3, 5—8 — признаки спирально-жгутового налета с последующим незначительным выдавливанием; 4, 9—13 — признаки донно-емкостного начина

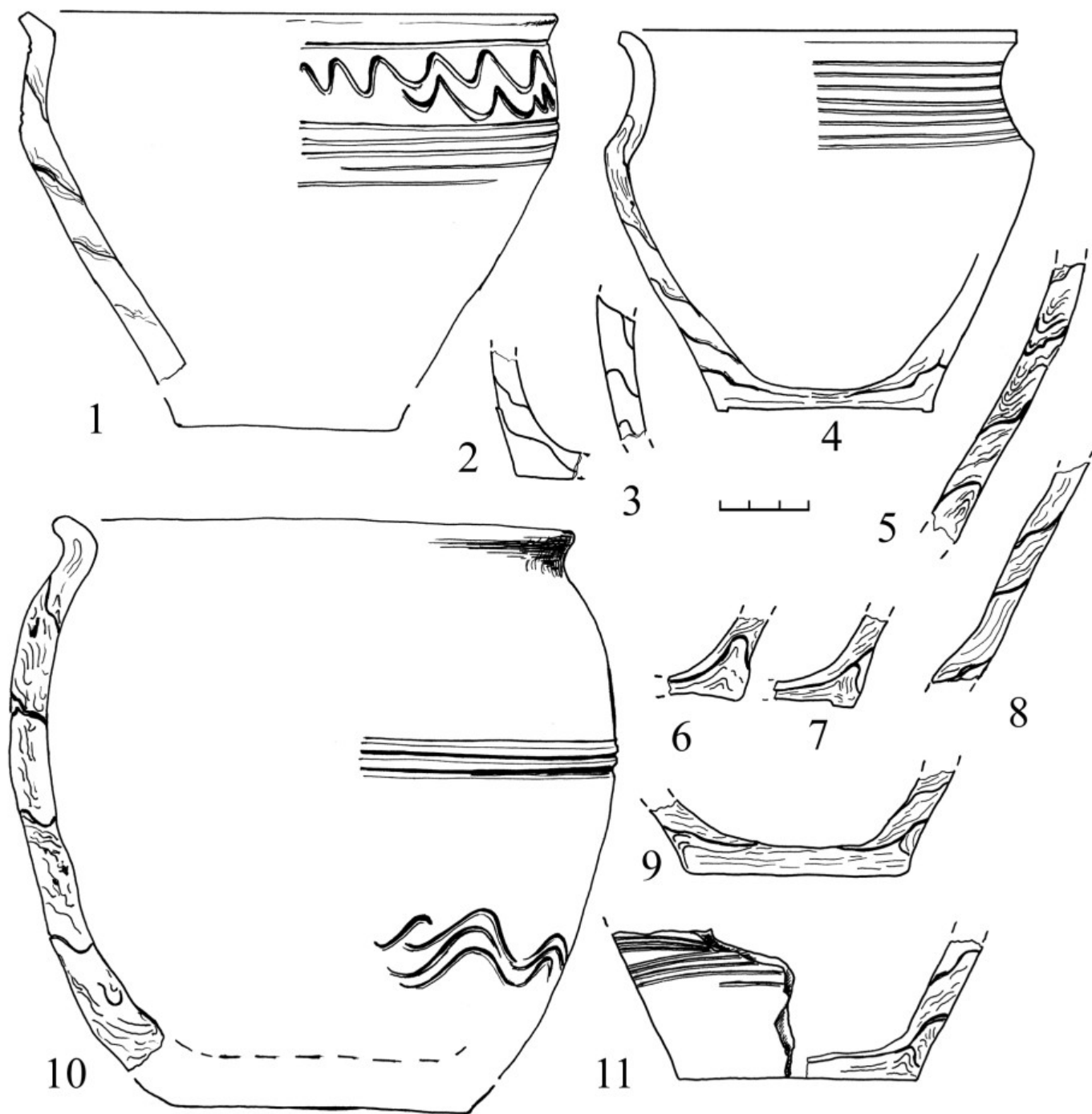

Рис. 8. Технология конструирования раннегончарной керамики: 1, 3—5, 8, 10 — признаки спирально-жгутового налепа; 2, 4, 6, 7, 9, 11 — признаки донного монолитного мелкого доэлементного начина

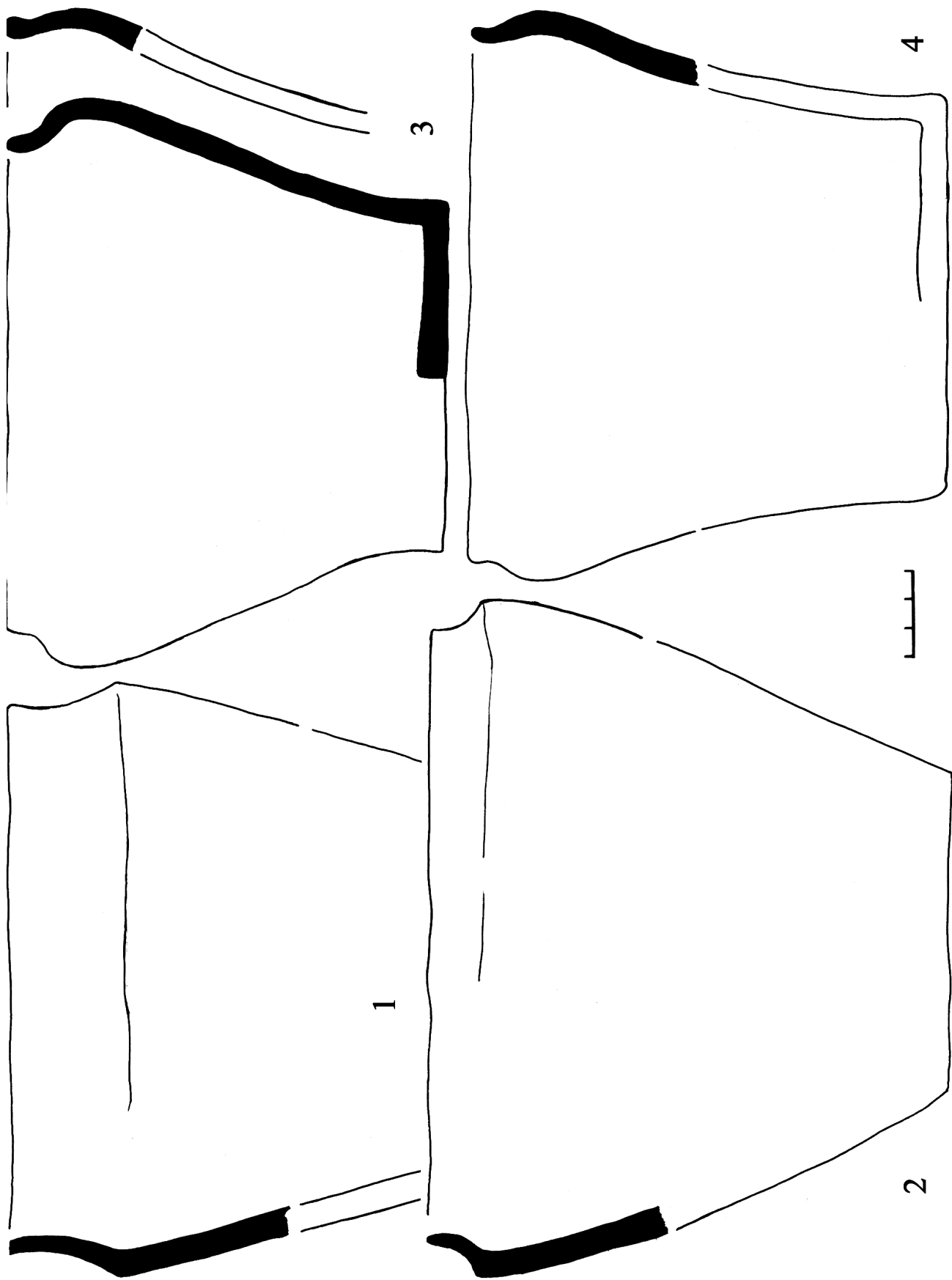

Рис. 9. Типология лепной керамики: 1 — группа I-A; 2 — группа I-B; 3, 4 — группа II

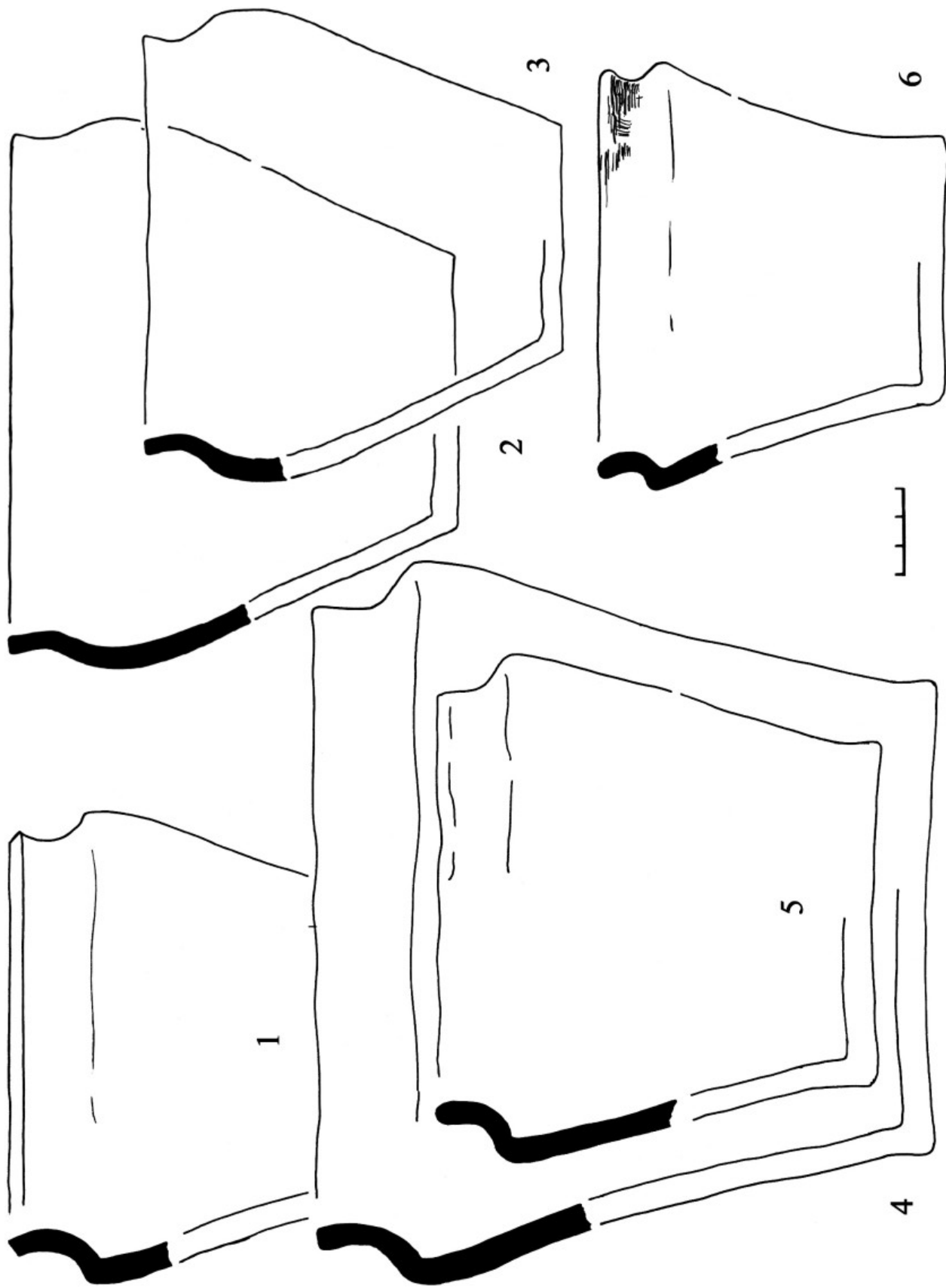

Рис. 10. Типология лепной керамики: 1, 6 — группа Ш-Б; 4, 5 — группа Ш-А; 2, 3 — группа IV

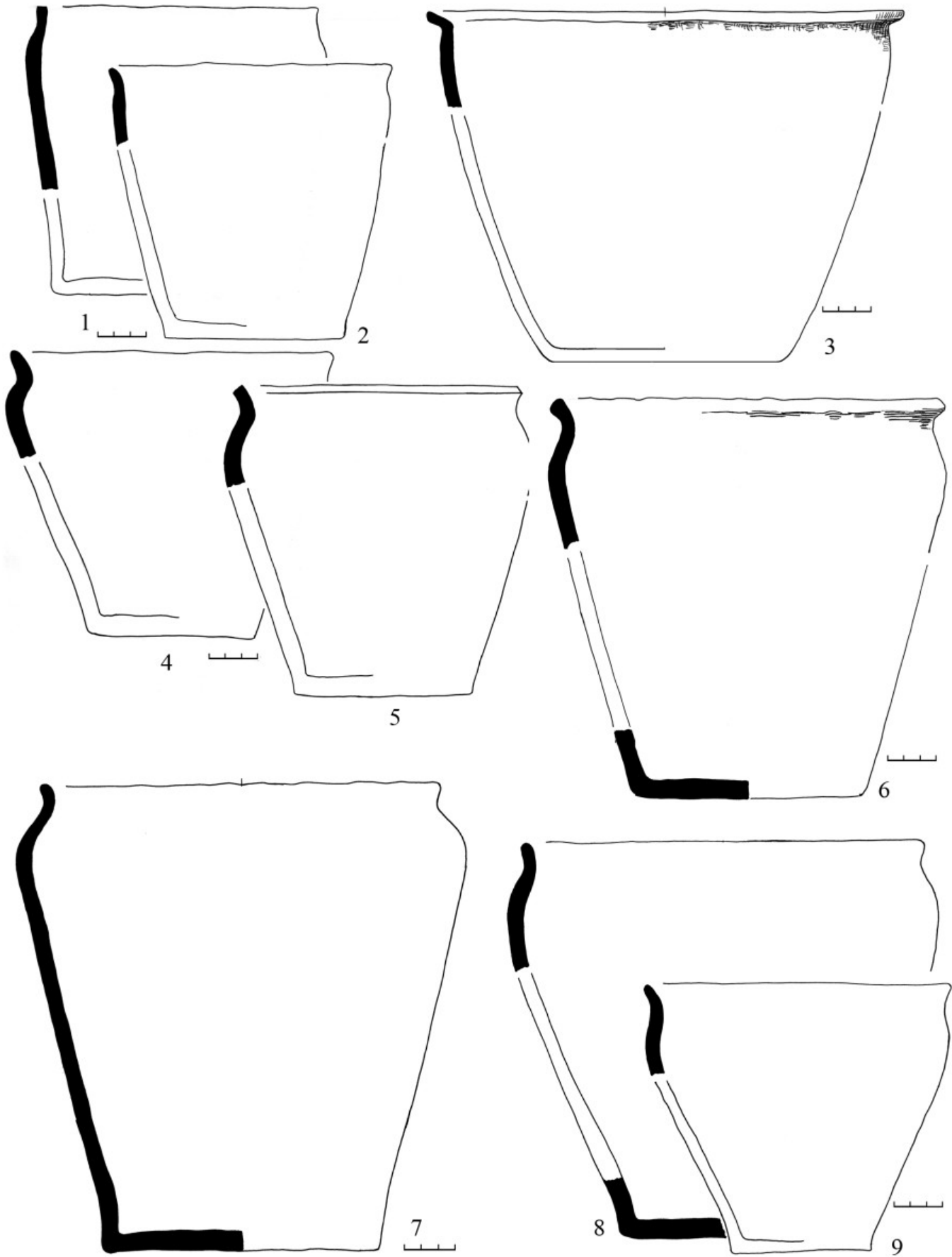

Рис. 11. Типология лепной керамики: 1—3 — группа V; 4, 5 — группа VI-A; 6, 7 — группа VI-B; 8, 9 — группа VI-B

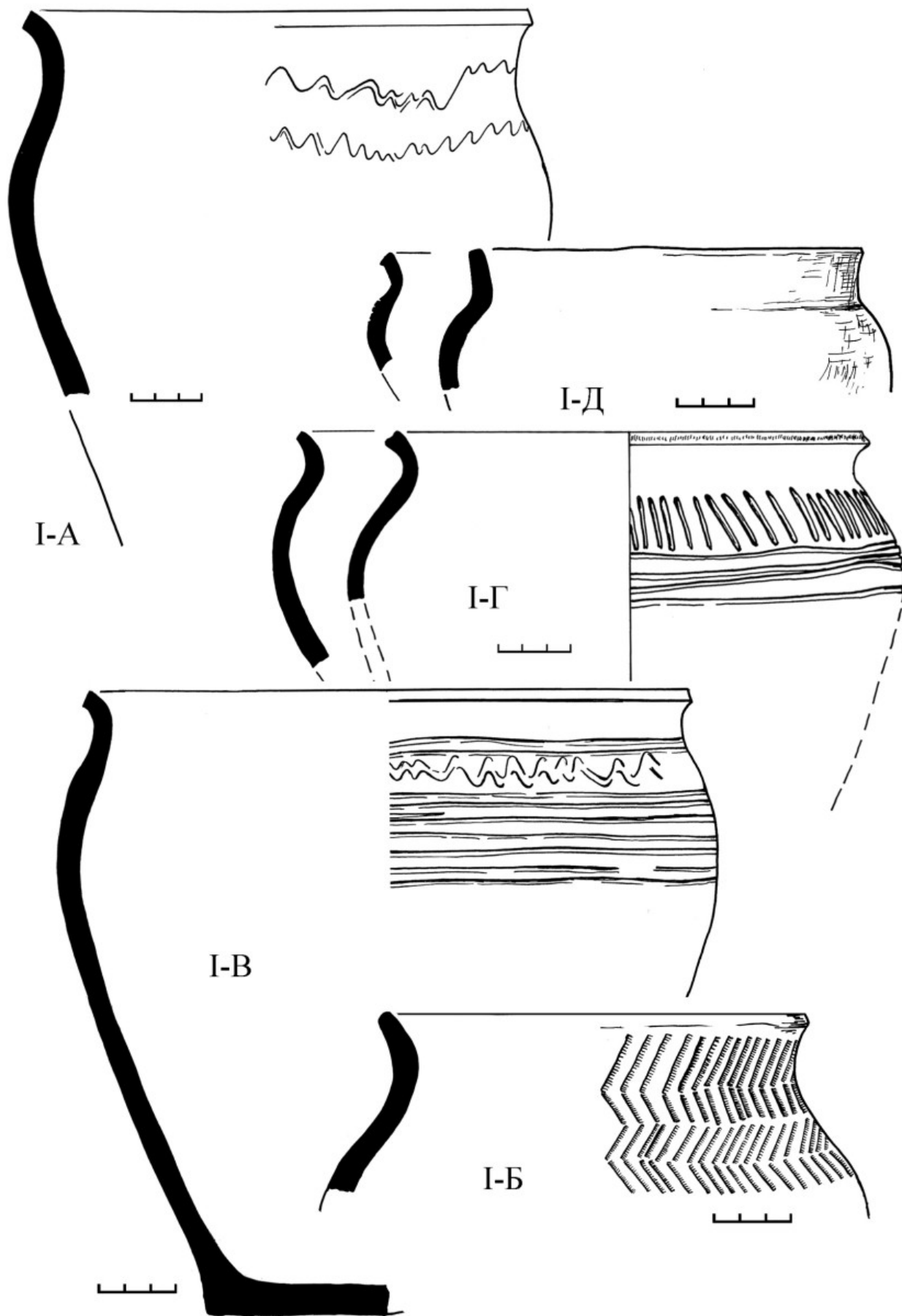

Рис. 12. Типология раннегончарной керамики. Тип I

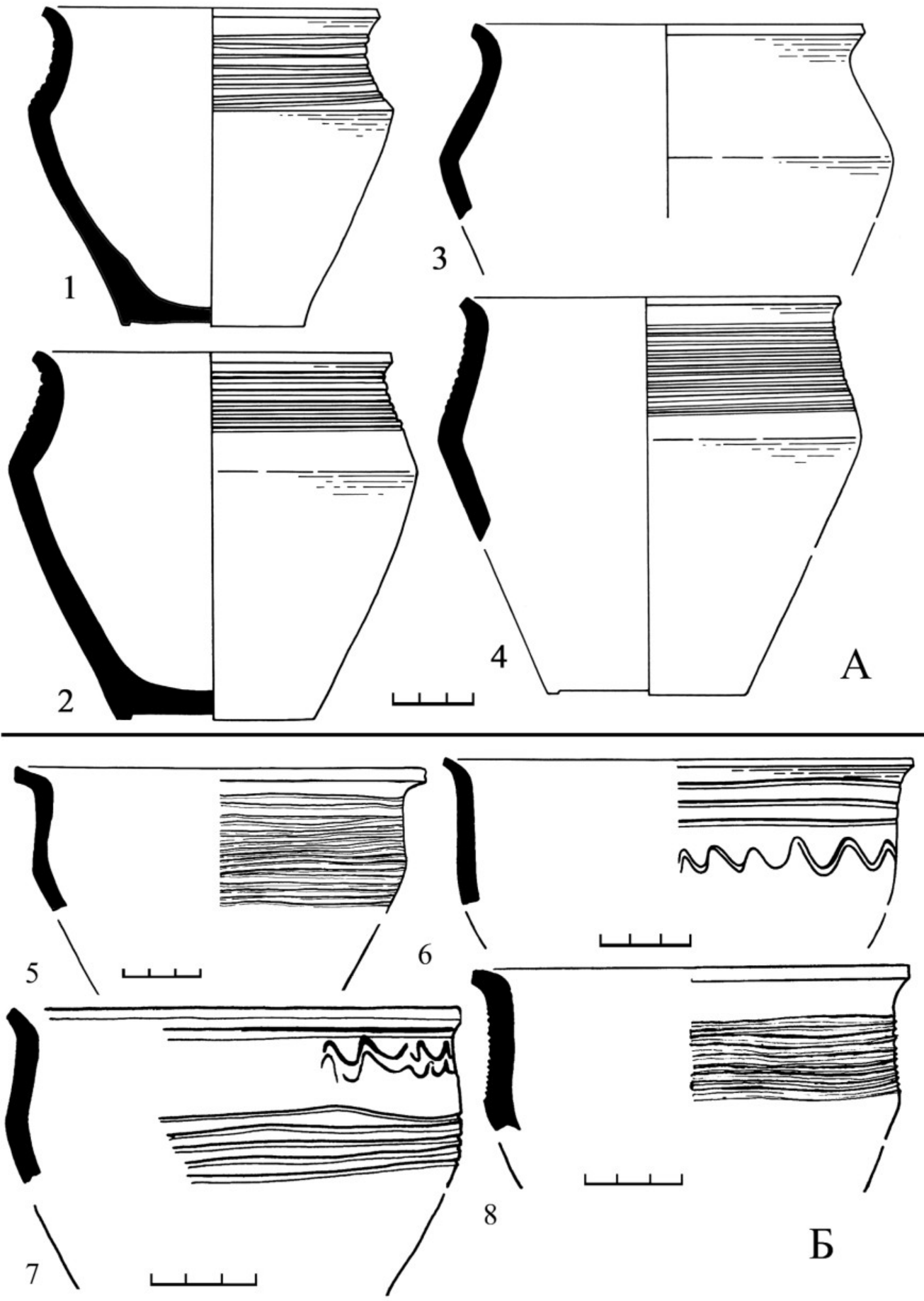

Рис. 13. Типология раннегончарной керамики: А — тип II, торновский;
 Б — торновско-менкендорфские гибриды

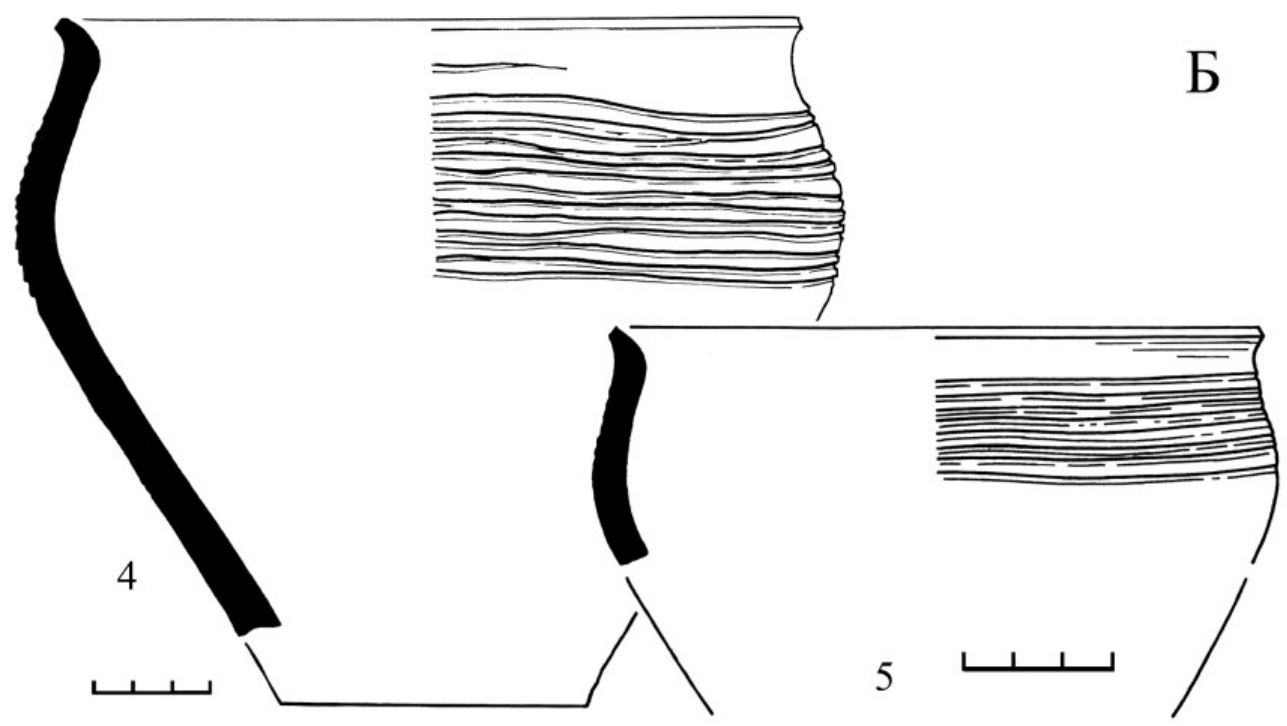
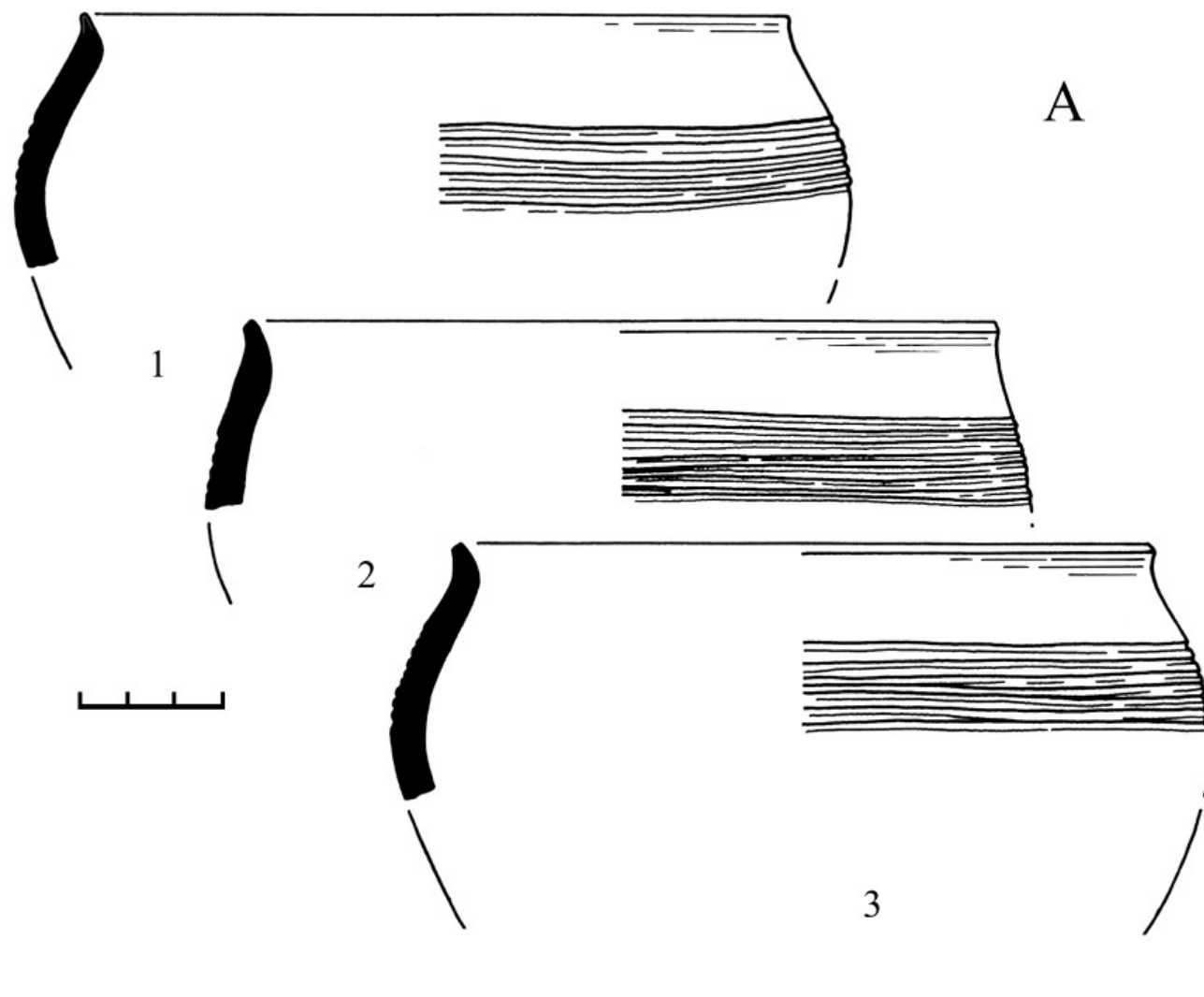

Рис. 14. Типология раннегончарной керамики; А — тип III, фрезендорфский; Б — местные реплики Фрезендорфа; 3 — о. Рюген, Германия (рис. В. Лосиньского)

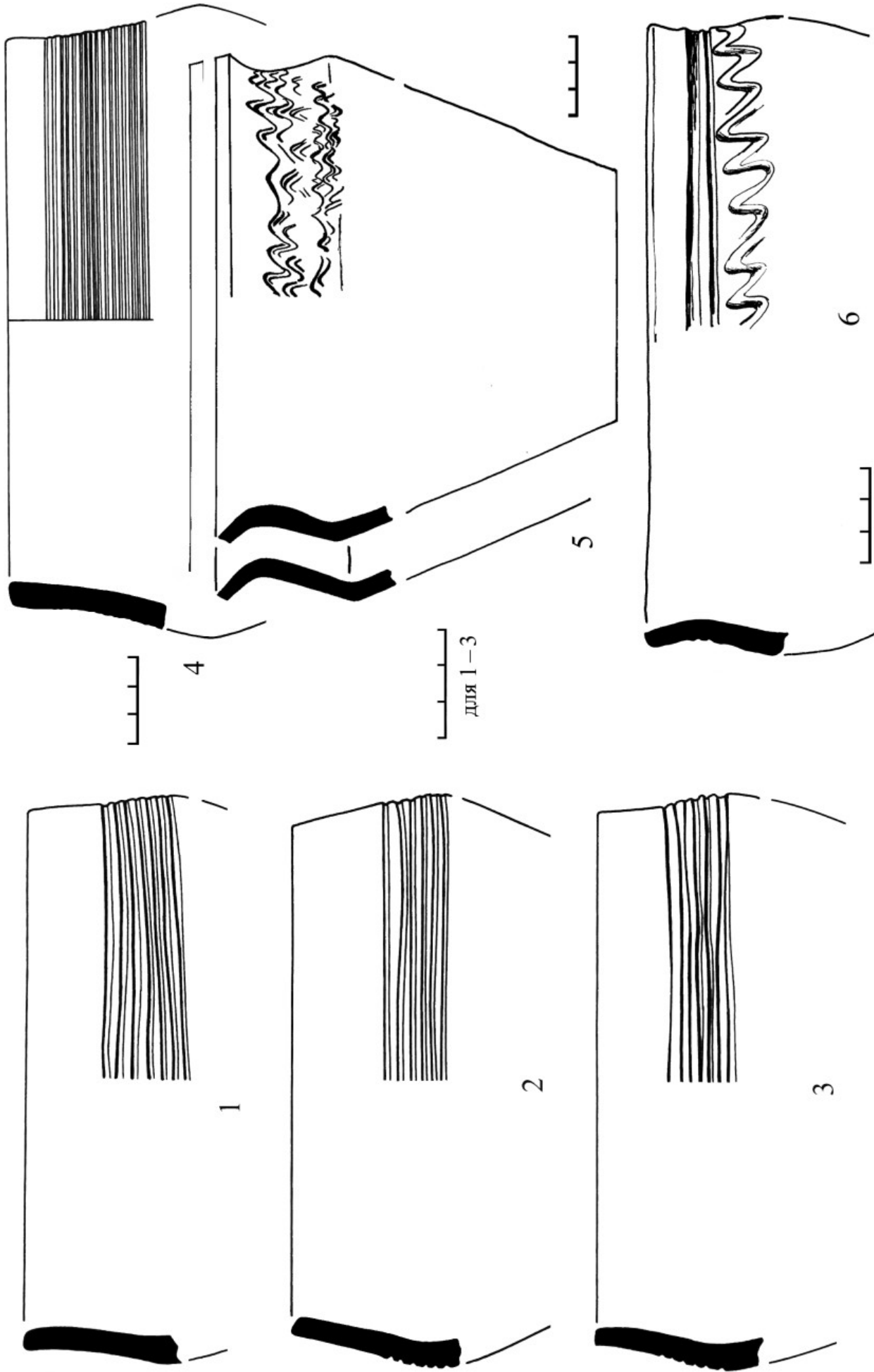

Рис. 15. Типология раннегончарной керамики. Тип IV: 1—4, 6; тип V: 5. Менкendorf

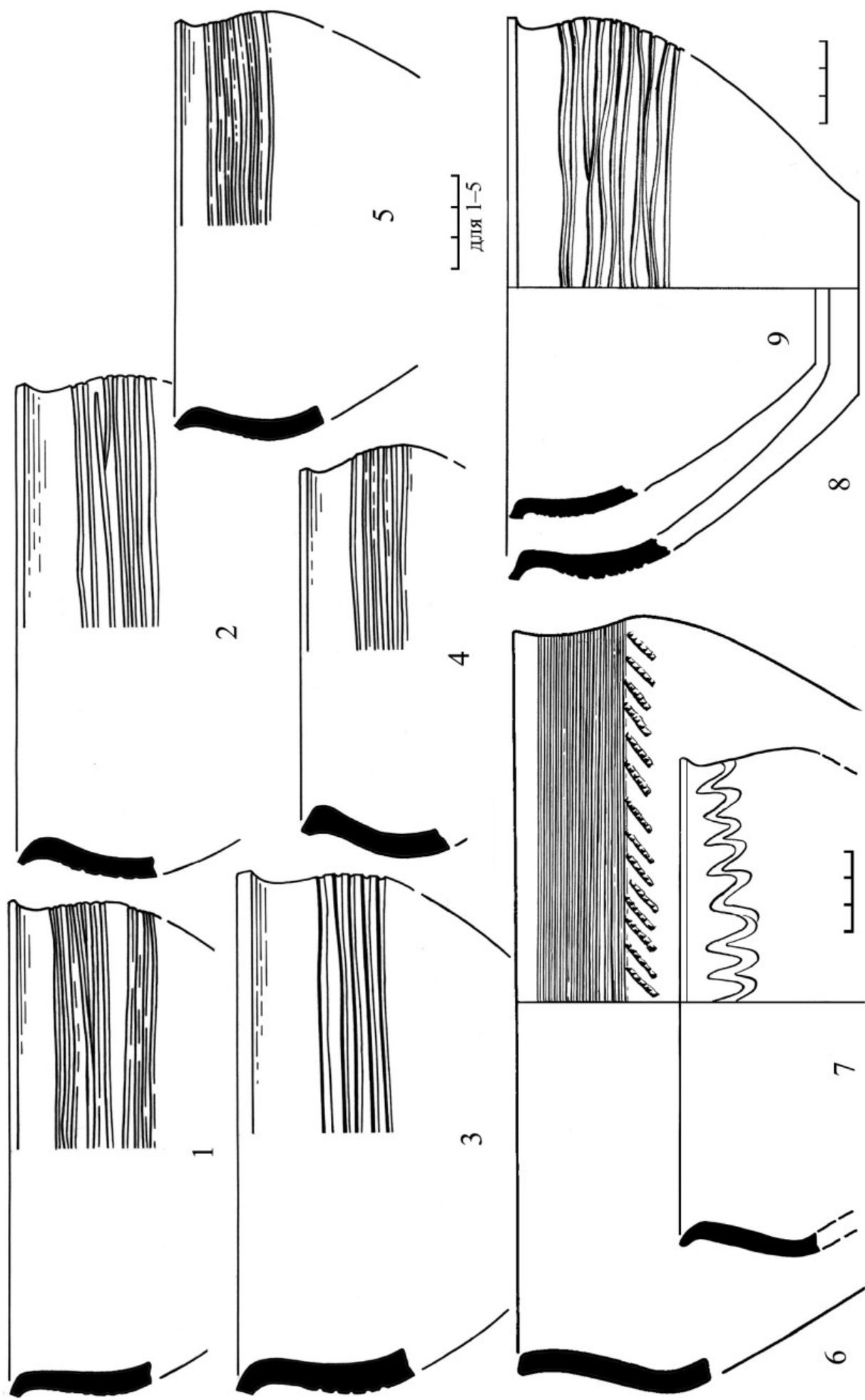

Рис. 16. Типология раннегончарной керамики. Подражания и гибридные формы: 1—5, 8, 9 — реплики Фрезендорфа; 6, 7 — фрезендорфско-менкендорфские гибриды

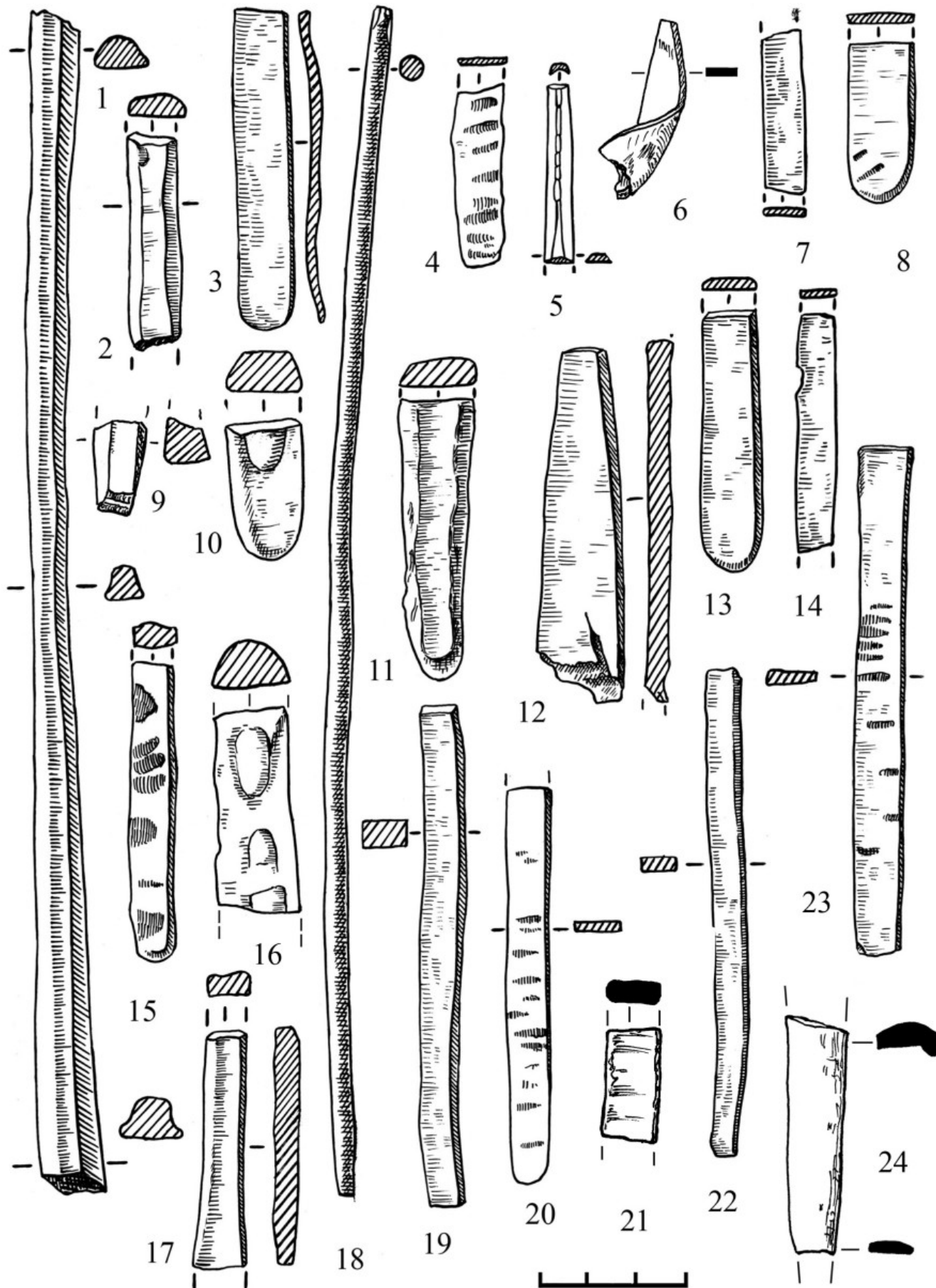

Рис. 17. Селище. Слитки, поковки и массивные пластины: 1 — кв. И₀, К₀, угольная линза на материке; 2 — сооружение 2; 3 — кв. Н₁₄, шт. 1; 4 — кв. И₃, предматерик; 5 — сооружение 31; 6 — скопление камней в кв. Е_{1,2}, Ж₂; 7 — кв. Л₂, шт. 1; 8 — кв. Ж₁, шт. 1; 9 — кв. Е₁, шт. 1; 10 — кв. Д₆, шт. 2; 11 — сооружение 6; 12 — кв. Г₇, шт. 1; 13 — кв. Н₀, шт. 2; 14 — сооружение 15; 15 — кв. В₆, материк; 16 — кв. Е₀, шт. 1; 17 — кв. И₀, шт. 3; 18 — сооружение 1; 19 — сооружение 20; 20, 22 — сооружение 14; 21 — кв. М₀, шт. 2; 23 — сооружение 29; 24 — кв. Е₁, материк (1—8, 10—24 — бронза; 9 — свинец)

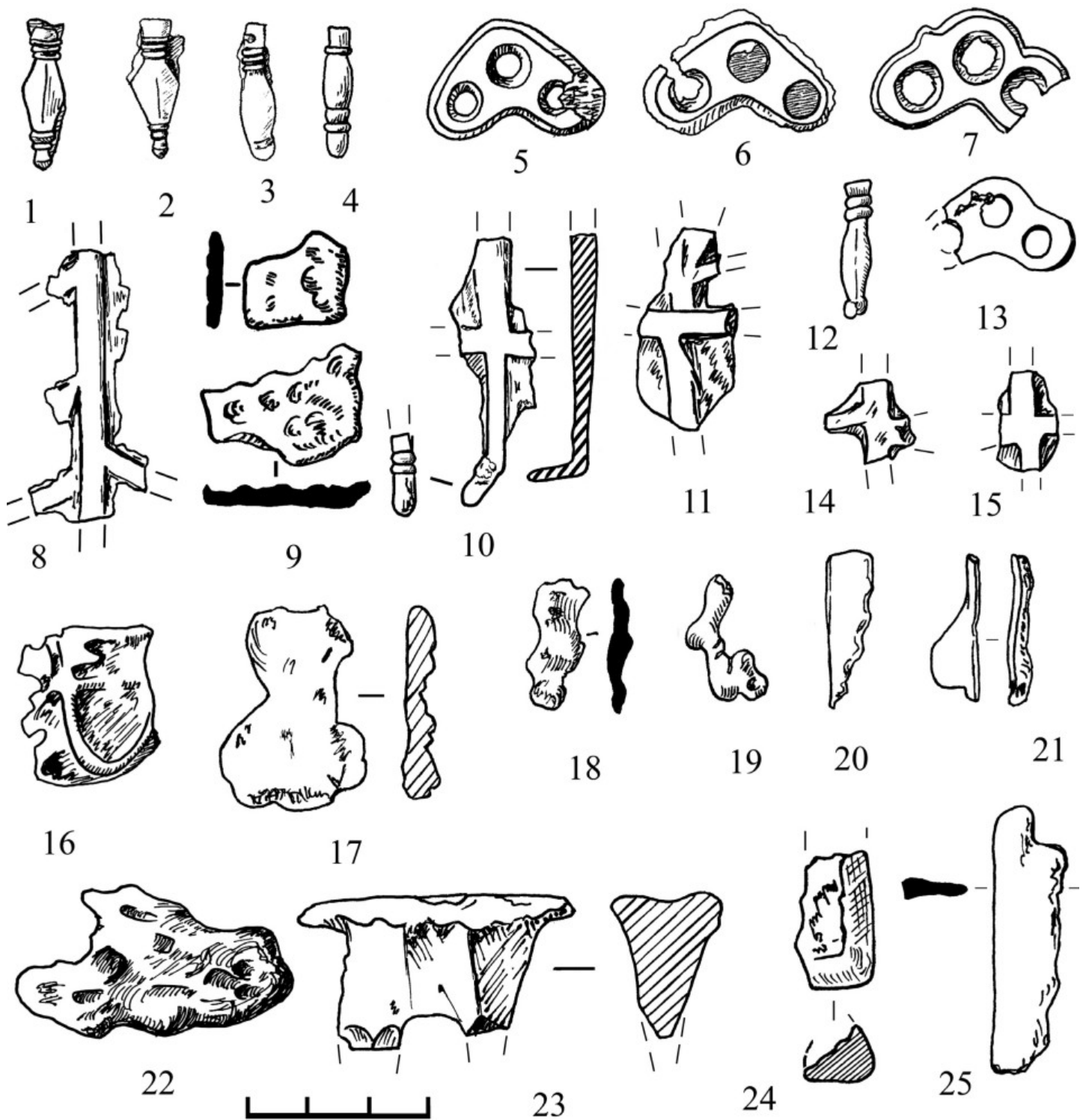

Рис. 18. Селище. Отходы литейного производства: 1 — кв. Б'₃, шт. 1; 2, 3 — кв. Г₆, шт. 1; 4 — сооружение 14; 5, 6, 8, 18 — сооружение 17/18; 7 — сооружение 16; 9 — сооружение 31; 10 — сооружение 10; 11 — кв. Л'₀, шт. 3; 12 — кв. Б'₄, шт. 1; 13 — кв. Ж'₃, материк; 14 — кв. Г₄, шт. 2; 15 — кв. Д₅, шт. 2; 16, 22 — сооружение 16; 17 — кв. К₀, шт. 2; 19 — сооружение 14; 20 — кв. И₇, шт. 2; 21 — кв. Е₈, шт. 2; 23 — кв. К₃, шт. 2; 24 — кв. М'₁, шт. 1; 25 — кв. Б'₃, шт. 1. Бронза

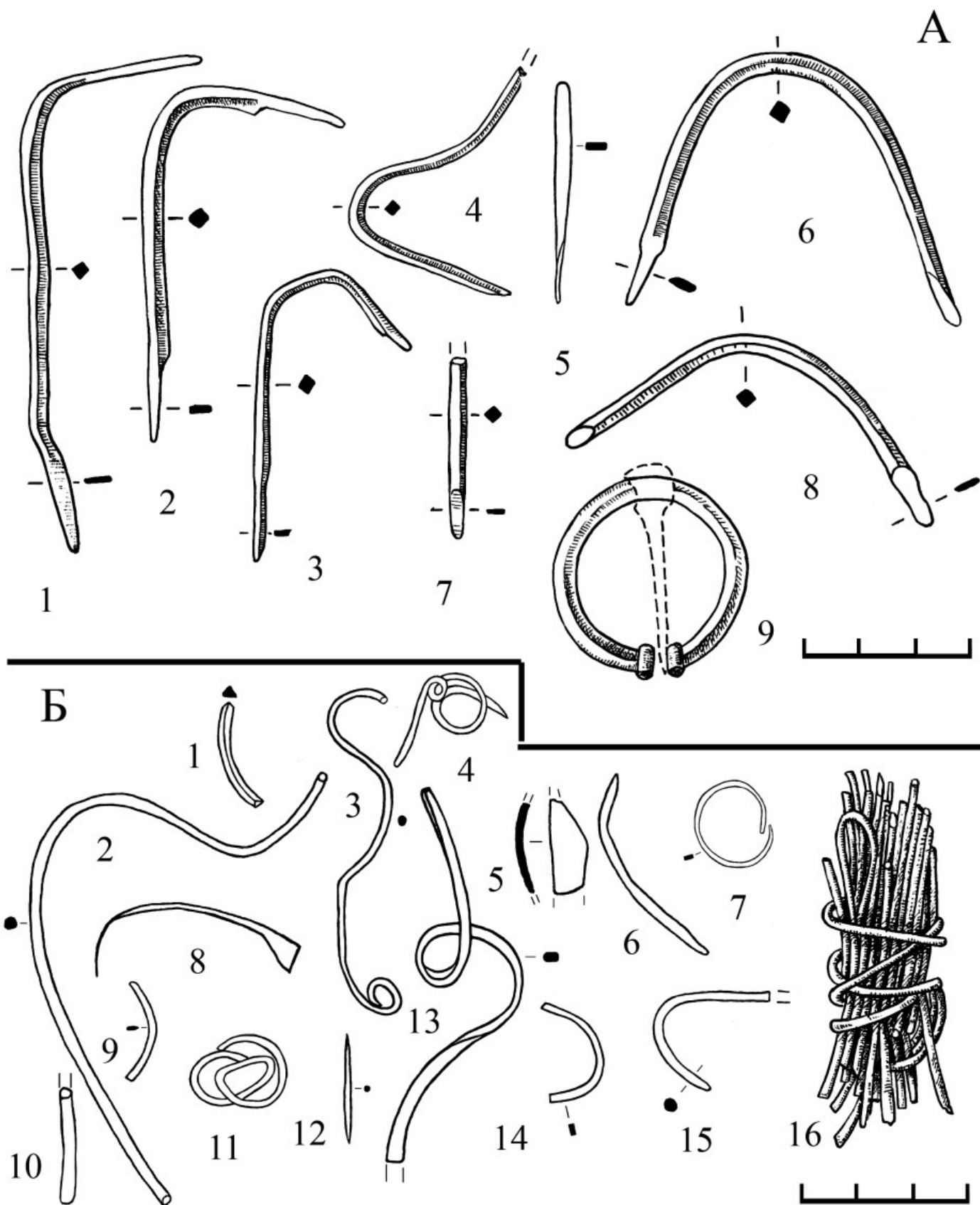

Рис. 19. Селище: А — заготовки кольцевидных фибул со спиральными концами: 1, 5 — кв. Е'₂, скопление камней; 2 — кв. В₈, предматерик; 3 — кв. Л'₂, предматерик; 4, 7 — сооружение 19; 6 — кв. К'₁, шт. 1; 8 — сооружение 10; 9 — для примера; Б — отходы и заготовки проволочно-пластинчатой техники: 1—15 — материк; 16 — сооружение 6. Бронза

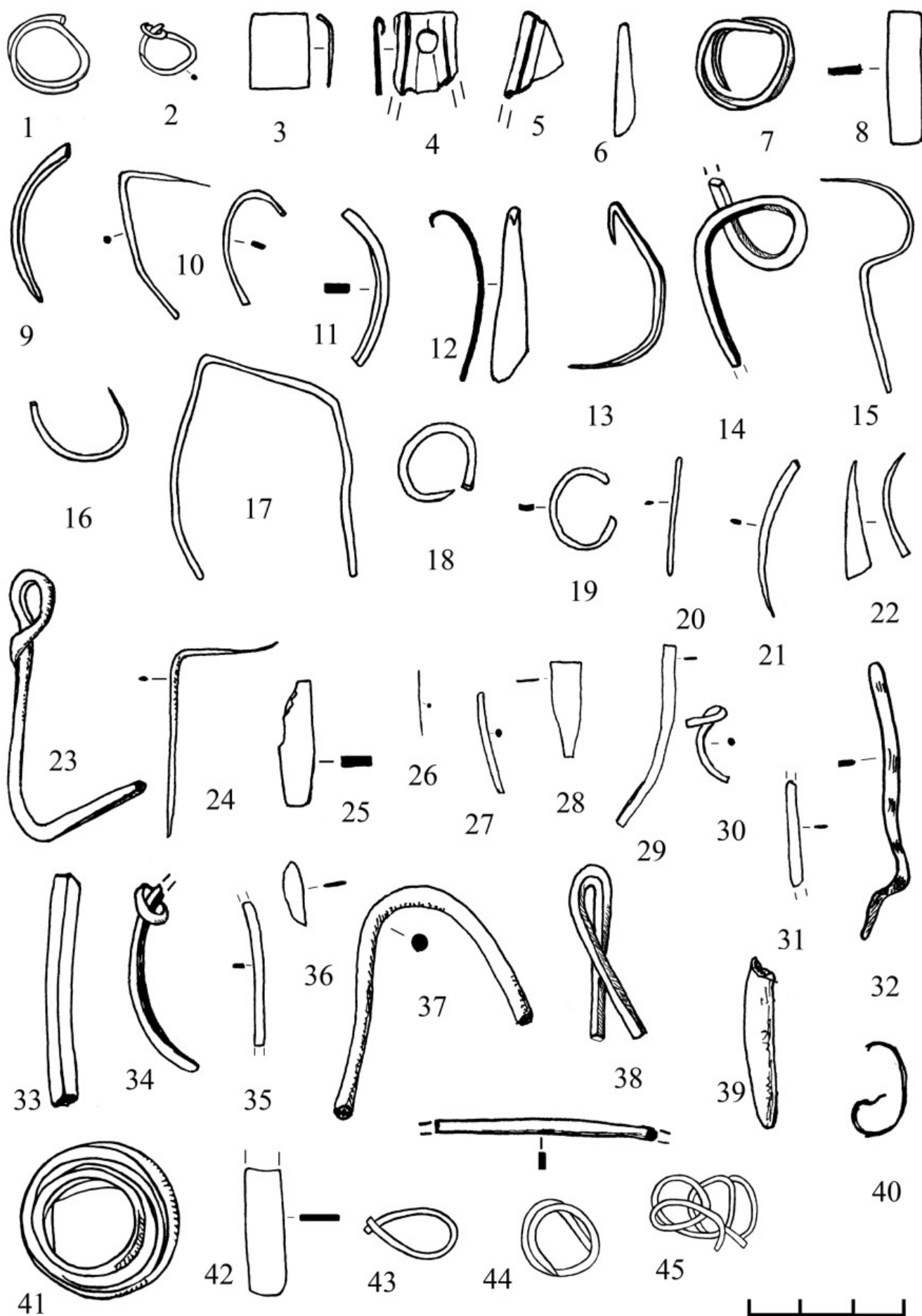

Рис. 20. Селище. Отходы проволочно-пластинчатой техники из культурного слоя. Бронза

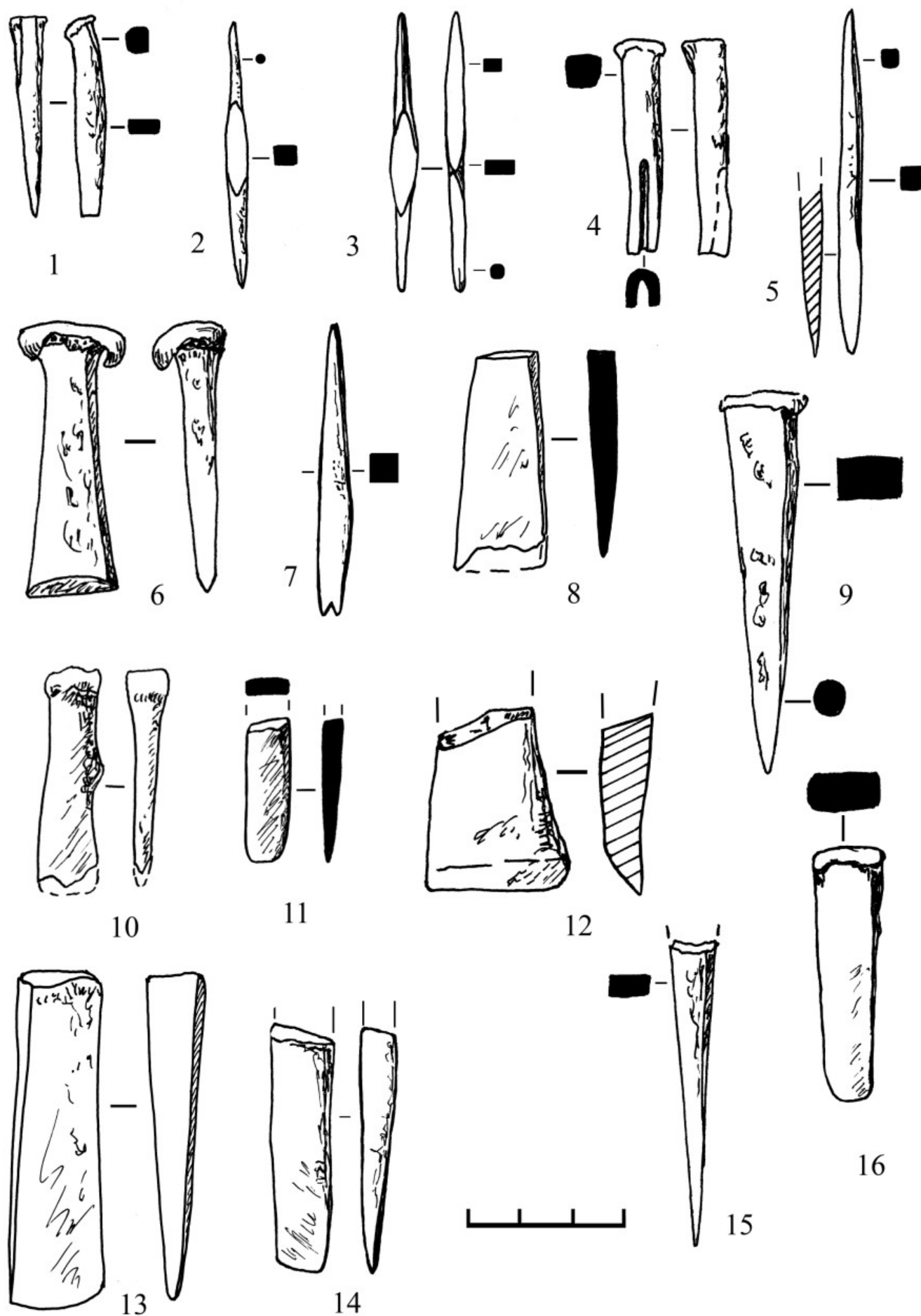

Рис. 21. Селище. Железные инструменты: 1 — кв. В₁, шт. 3; 2 — РП 1977 г., кв. Т₁₅, шт. 1; 3 — кв. А₁, шт. 2; 4 — культурный слой; 5 — кв. Б₄, шт. 1—2; 6, 10 — сооружение 12—12-а; 7 — кв. Л₂, шт. 2; 8 — кв. И₀, шт. 3; 9 — кв. Ж₆, шт. 3; 11 — кв. П₂, шт. 1; 12 — кв. П₁, шт. 1; 13 — кв. З₀, шт. 1; 14 — кв. М₀, шт. 1; 15 — кв. Е₂, предматерик; 16 — кв. П₁₃, шт. 2

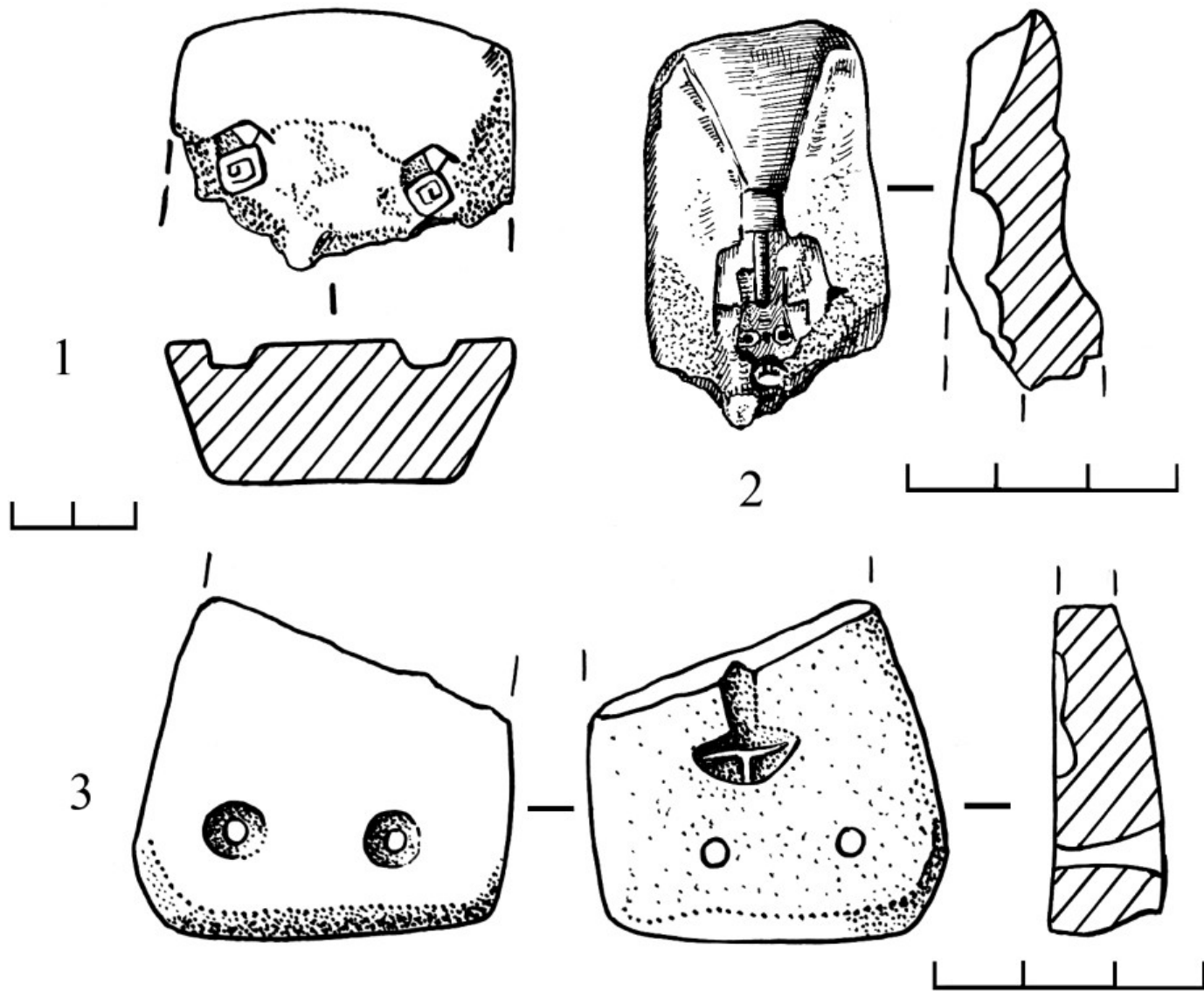

Рис. 22. Селище. Формочки для отливки украшения: 1 — сооружение 2; 2 — сооружение 12-а;
3 — сооружение 30 (1, 2 — глина; 3 — камень)

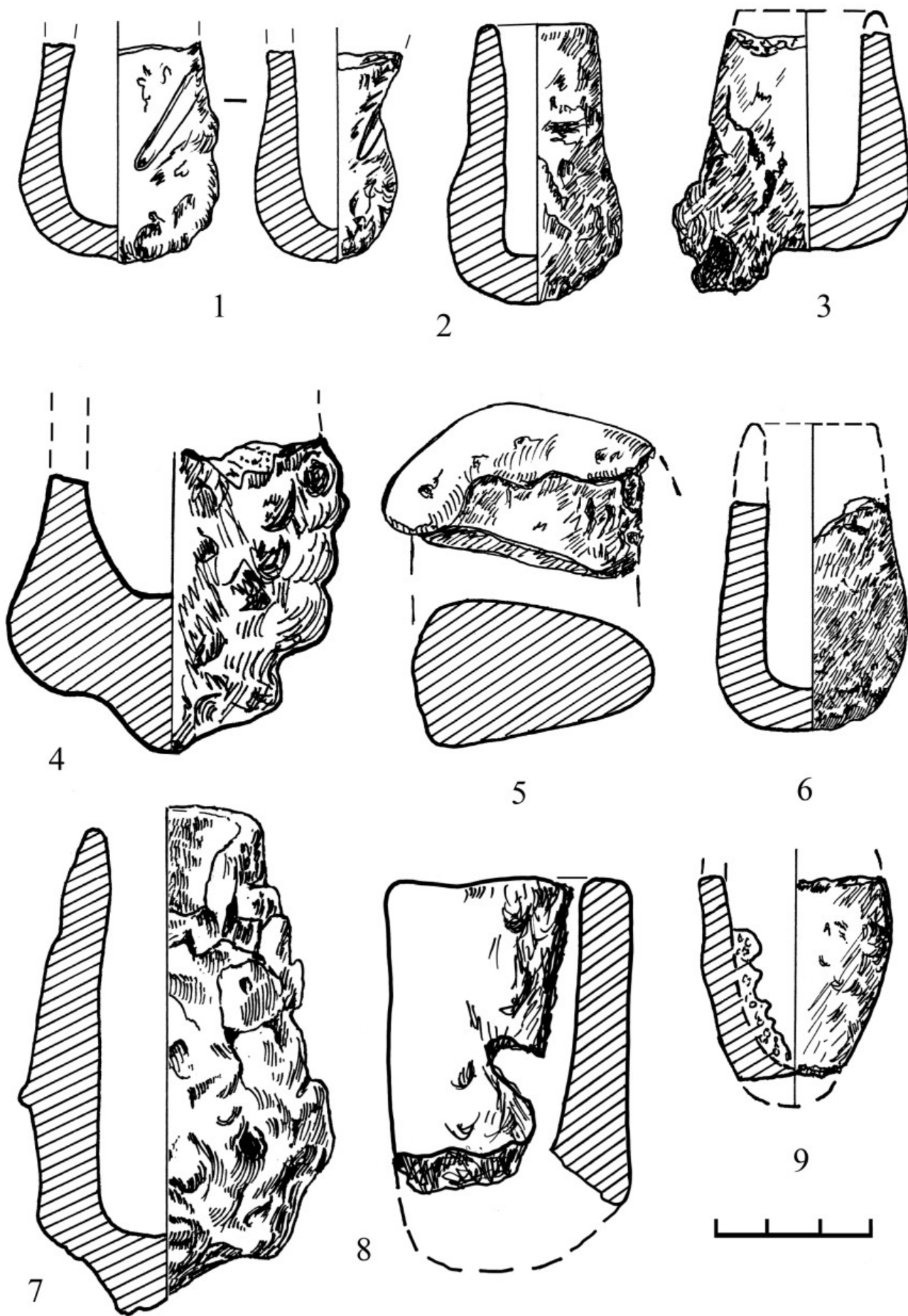

Рис. 23. Селище. Тигли (1—4, 6—9) и грибовидная деталь горна (5) из культурного слоя: 1 — кв. Н'₀, шт. 3; 2 — кв. Н₀, шт. 1; 3 — кв. З₃, шт. 2; 4 — кв. И₃, шт. 4; 5 — кв. И₁, шт. 2; 6 — кв. М₀, шт. 3; 7 — кв. З₂, шт. 3; 8 — кв. З₁, шт. 2; 9 — подъемный материал (1—8 — ошлакованная глина; 9 — ошлакованная глина с остатками бронзы)

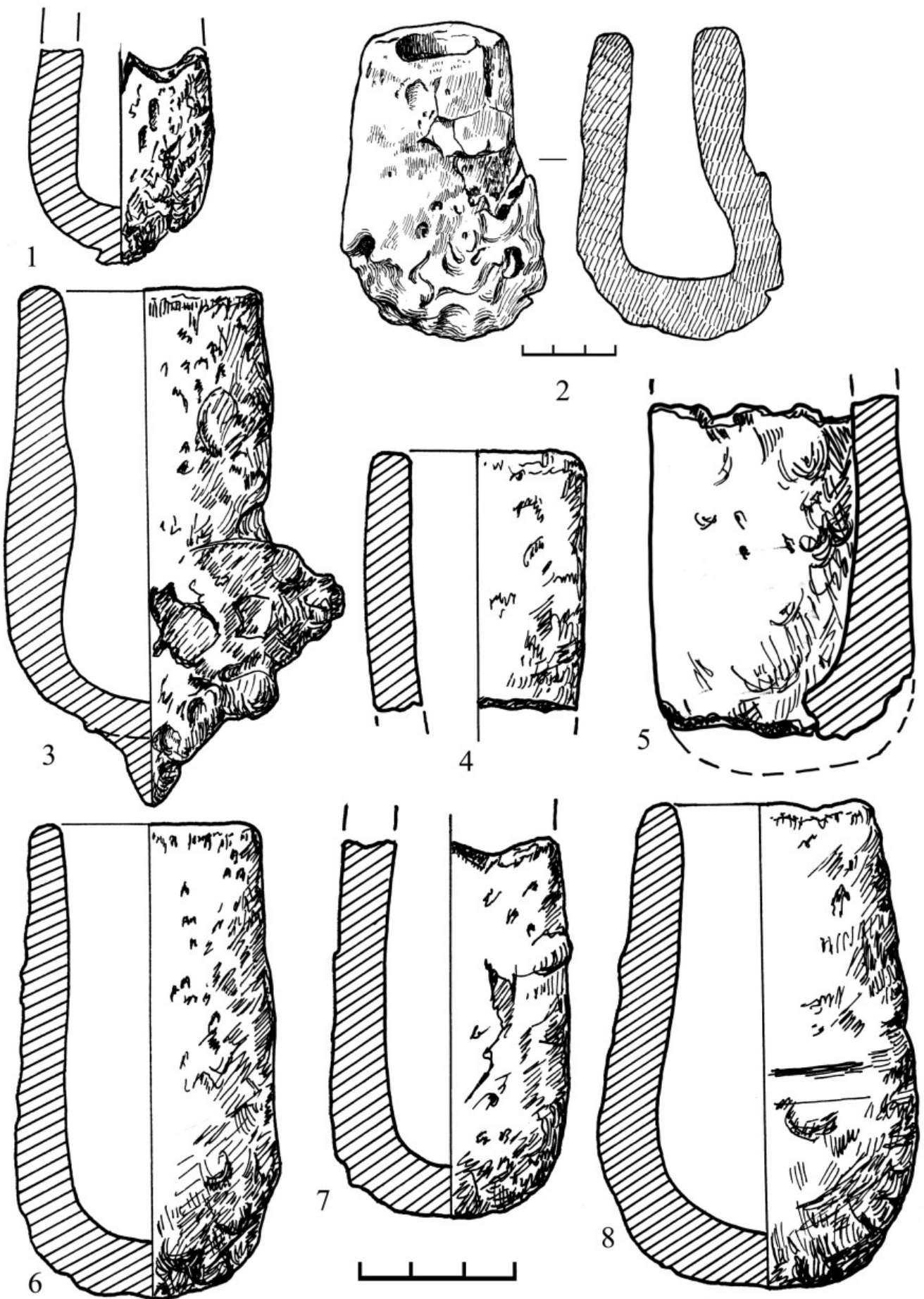

Рис. 24. Селище. Тигли, найденные на материке: 1 — кв. O_5 ; 2 — кв. A'_2 ; 3, 6, 7 — кв. O_2 ; 4 — кв. H_1 ; 5 — кв. I', K'_0 , угольная прослойка; 8 — кв. O_1 (1—8 — ошлакованная глина)

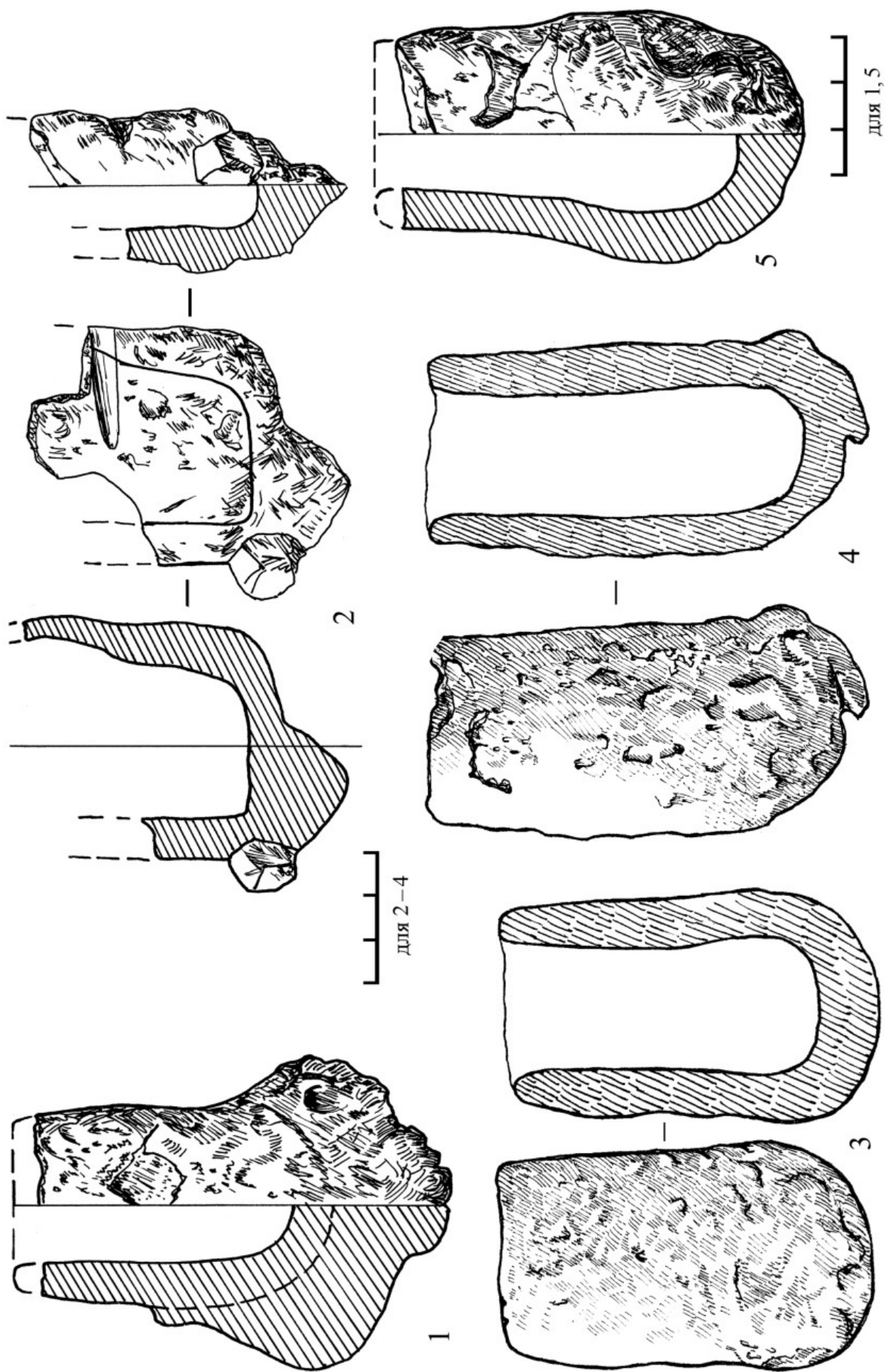

Рис. 25. Селище. Тигли, найденные на материке: 1 — РП 1977 г., кв. С₁₆; 2—4 — кв. М₂, скопление камней; 5 — РП 1977 г., кв. Р₁₅ (1—5 — ошлакованная глина)

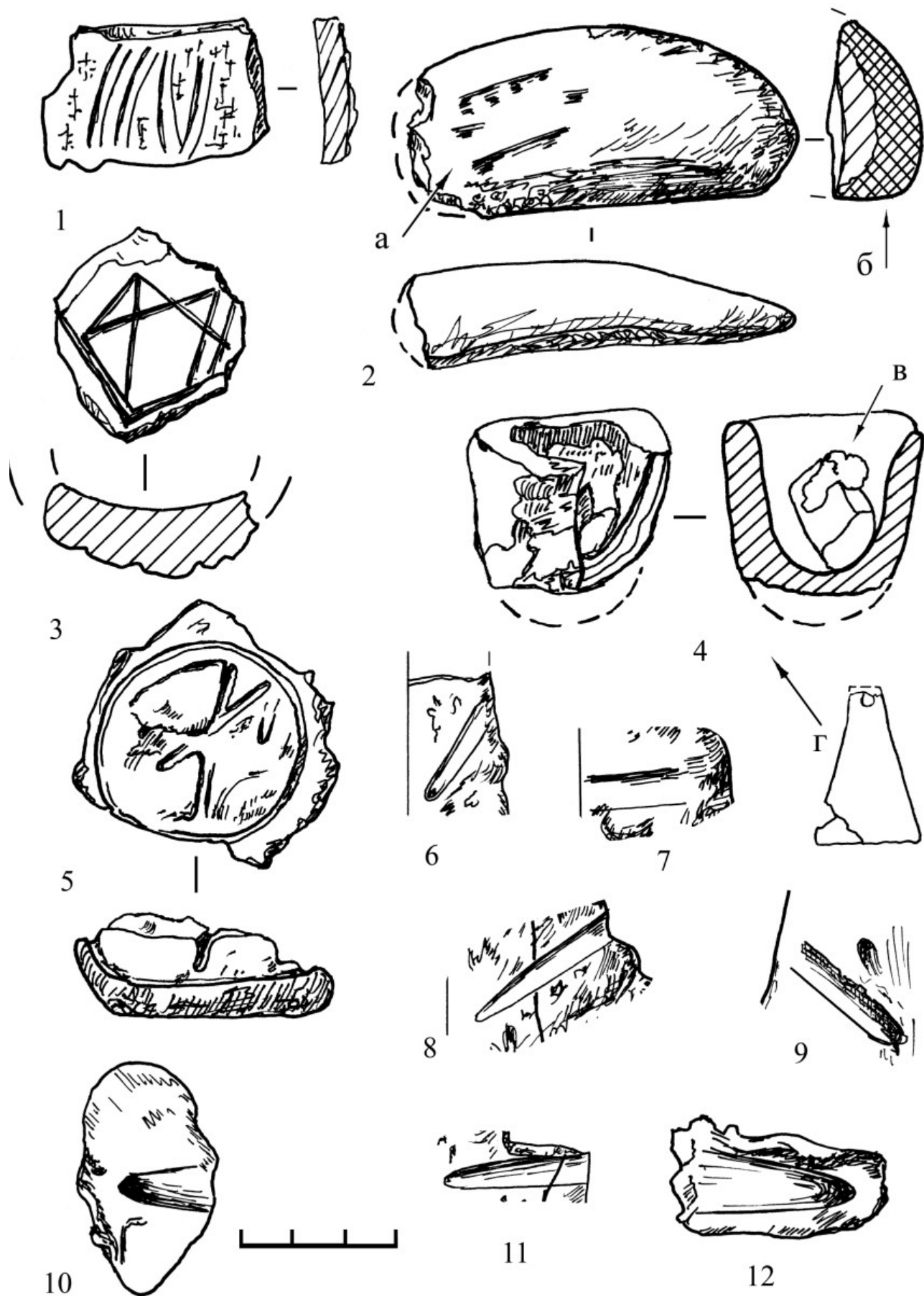

Рис. 26. Селище. Фрагменты тиглей с отпечатками и песчано-суглинистые конгломераты, связанные с литейным производством:
 1 — сооружение 4; 2 — развал горна, сооружение 21; 3 — кв. Д'₁, шт. 1; 4 — зачистка берега к востоку от городища;
 5 — сооружение 1; 6 — кв. Н'₀, шт. 3; 7 — кв. О₁, материк; 8, 9 — сооружение 27; 10, 12 — кв. Е'₁,₂, Ж'₂, развал камней;
 11 — кв. М₂, скопление камней (а — отпечатки соломы (травы?); б — плотная, слегка прокаленная поверхность;
 в — галька с накипью бронзы; г — заготовка подвески из внутренней части конгломерата)

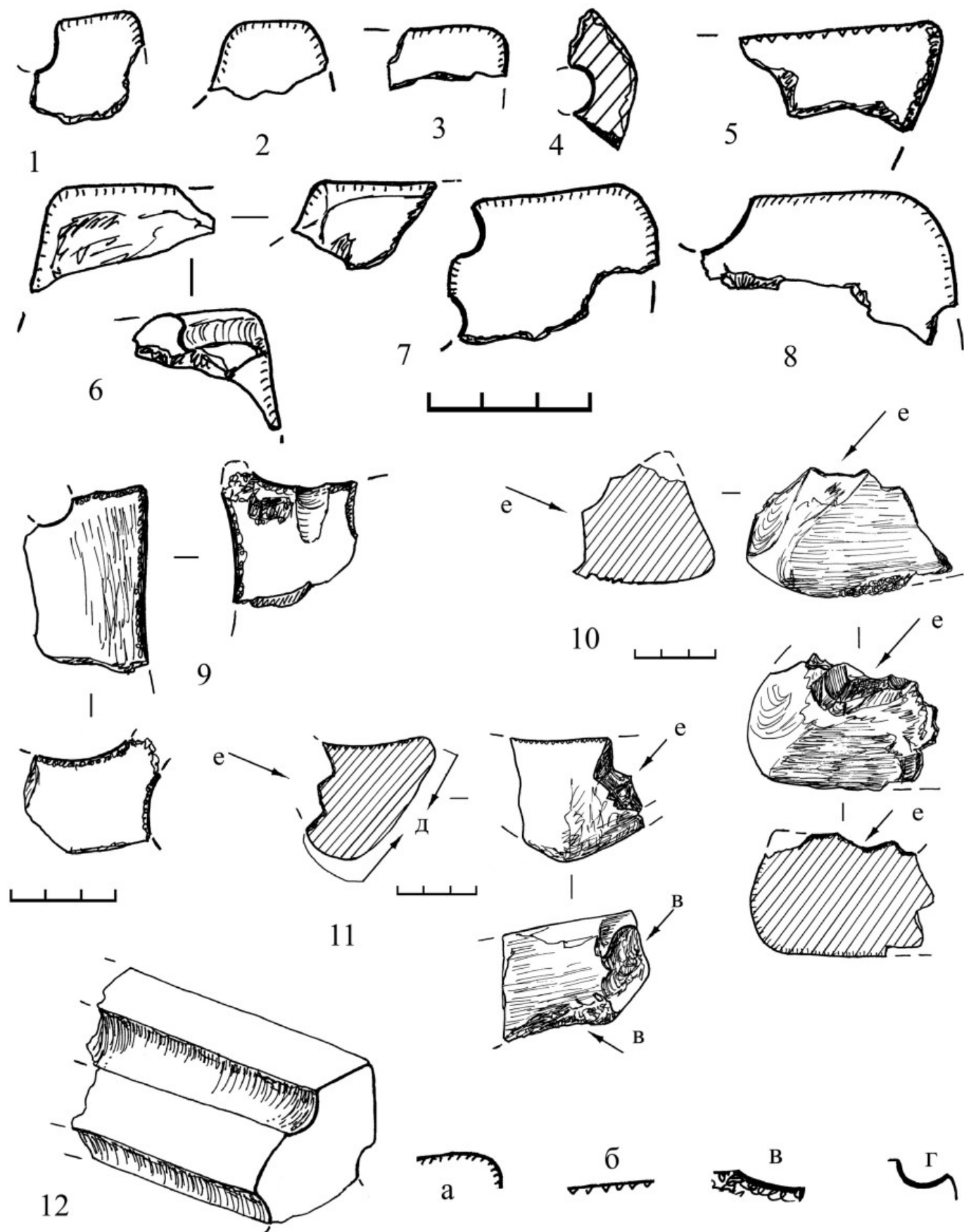

Рис. 27. Селище. Фрагменты глиняных деталей горна («кирпичей») с полуцилиндрическими отверстиями: 1 — кв. Г'₄, шт. 1; 2, 4 — кв. В'₄, шт. 1; 3, 6 — кв. Б'₄, шт. 1; 5 — кв. З₃, предматерик; 7 — кв. Д₅, шт. 2; 8 — кв. Н'₂, шт. 2; 9 — кв. Б'₀, шт. 2; 10 — кв. К₉, предматерик; 11 — кв. Д'₀, предматерик; 12 — реконструкция «кирпича» (а — заглаженная поверхность; б — поверхность с отпечатками дерева; в — ошлакованная поверхность; г — цилиндрические каналы; д — отпечатки соломы, половы и зерна; е — отпечатки колотого камня)

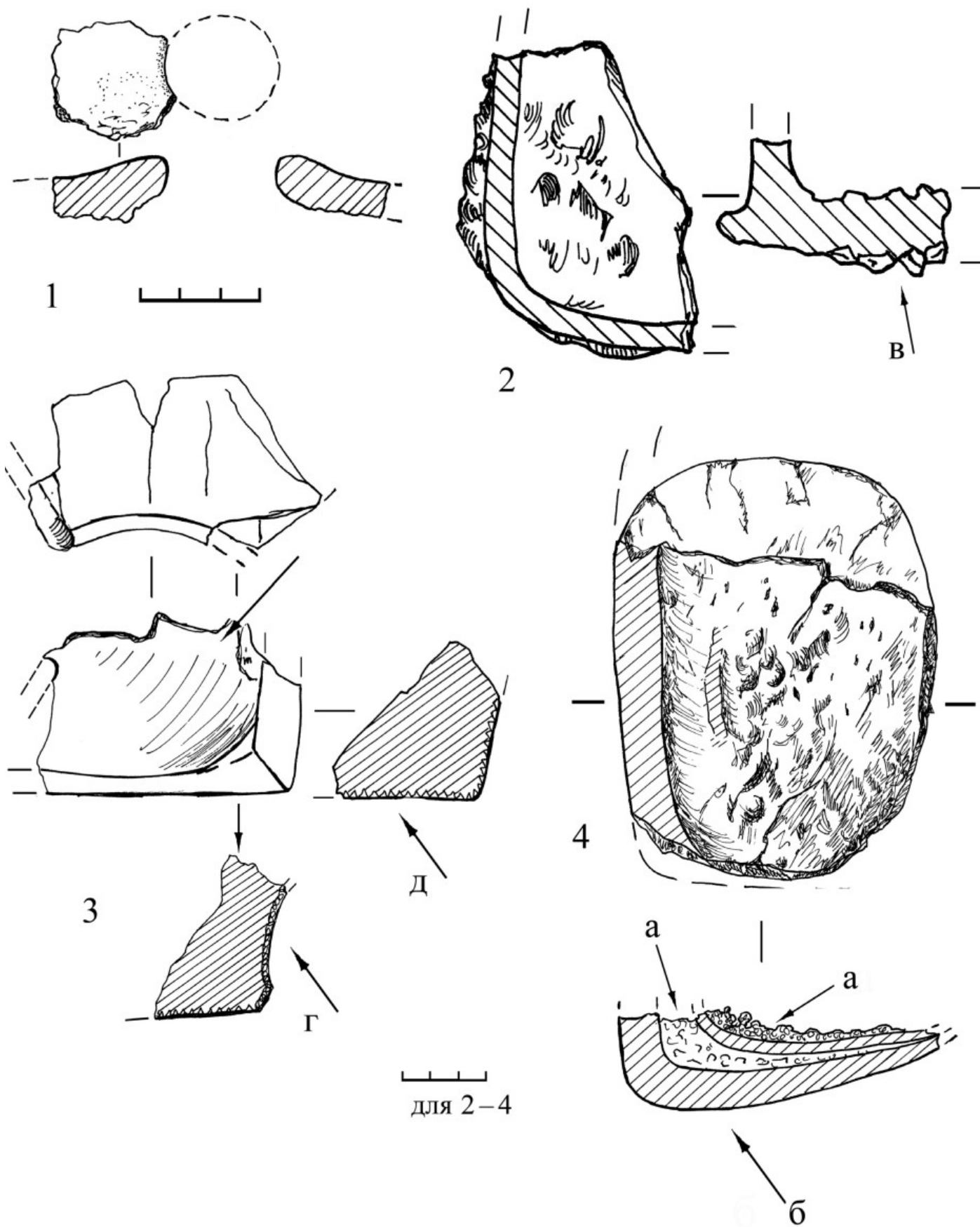

Рис. 28. Селище. Ошлакованные части горна: 1 — кв. Д₆, шт. 2; 2 — Г₈, предматерик; 3 — кв. З₈, предматерик; 4 — кв. Б, В₆, шт. 2—3 (1 — стенка горна; 2, 4 — фрагмент обделки дна горна; 3 — фрагмент «кирпича» с полуцилиндрическим каналом (а — шлаковая накипь; б — слои глиняной обделки; в — куски камня; г — ошлакованная поверхность; д — поверхность с отпечатками дерева))

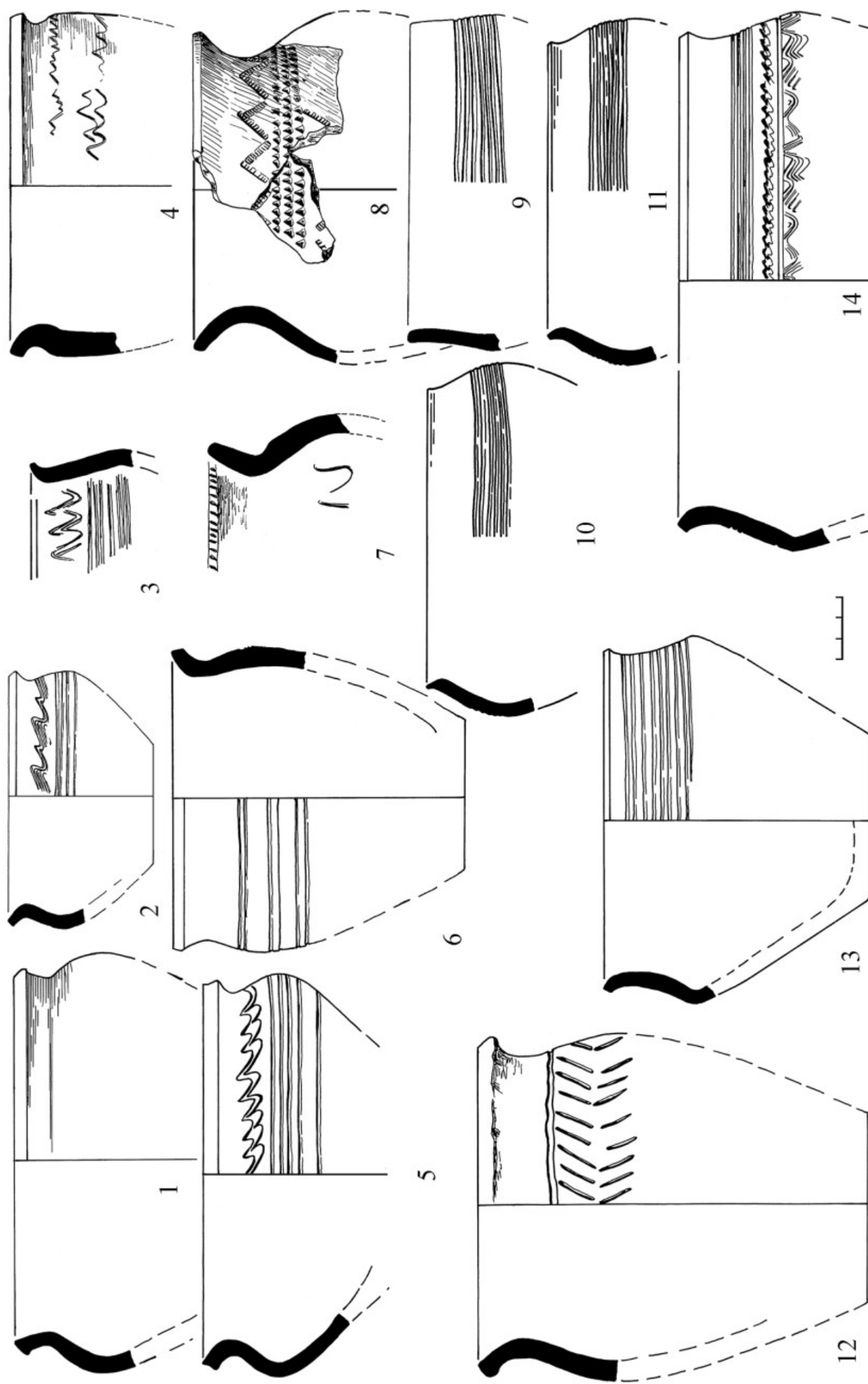

Рис. 29. Городище. Кульгурный слой. Раннегончарная керамика

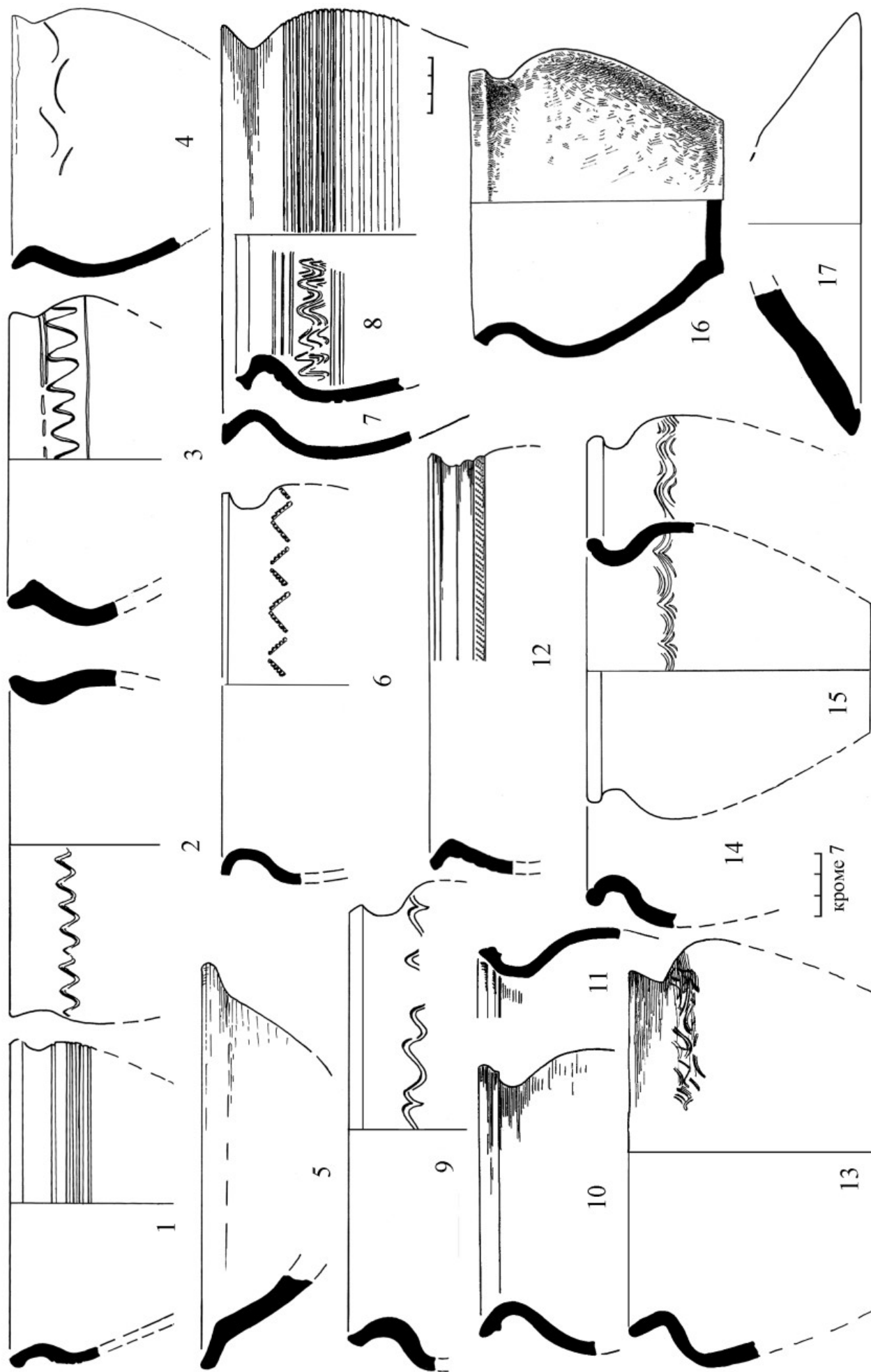

Рис. 30. Городище. Культурный слой. Керамика: 1, 3, 5—12, 14—16 — позднегончарная; 2, 4, 13 — раннегончарная; 17 — лепная

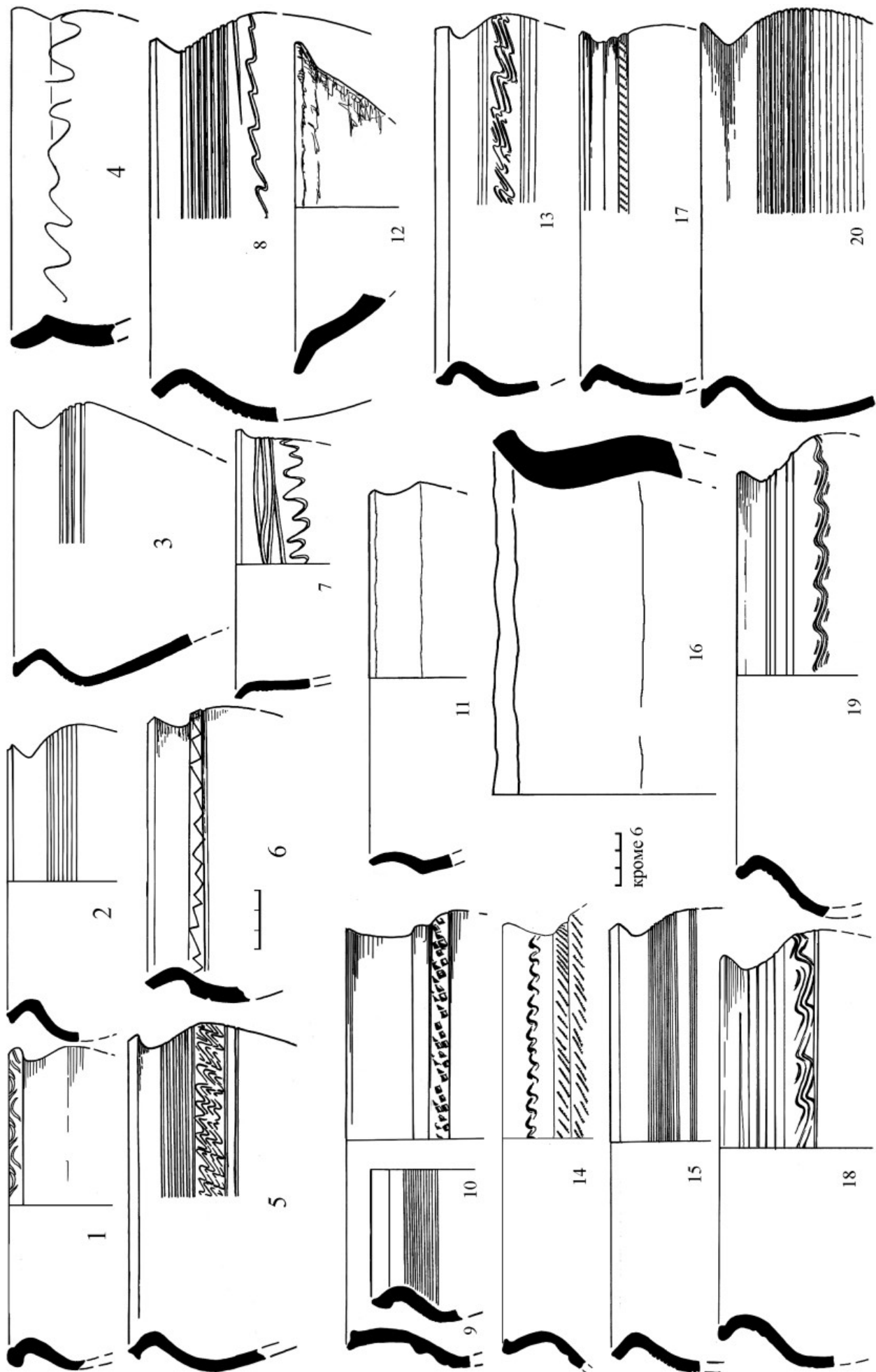

Рис. 31. Городище. Культурный слой под каменной вымосткой северо-западного края площадки городища. Керамика: 1—10, 12—15, 17—20 — позднегончарная; 11, 16 — лепная

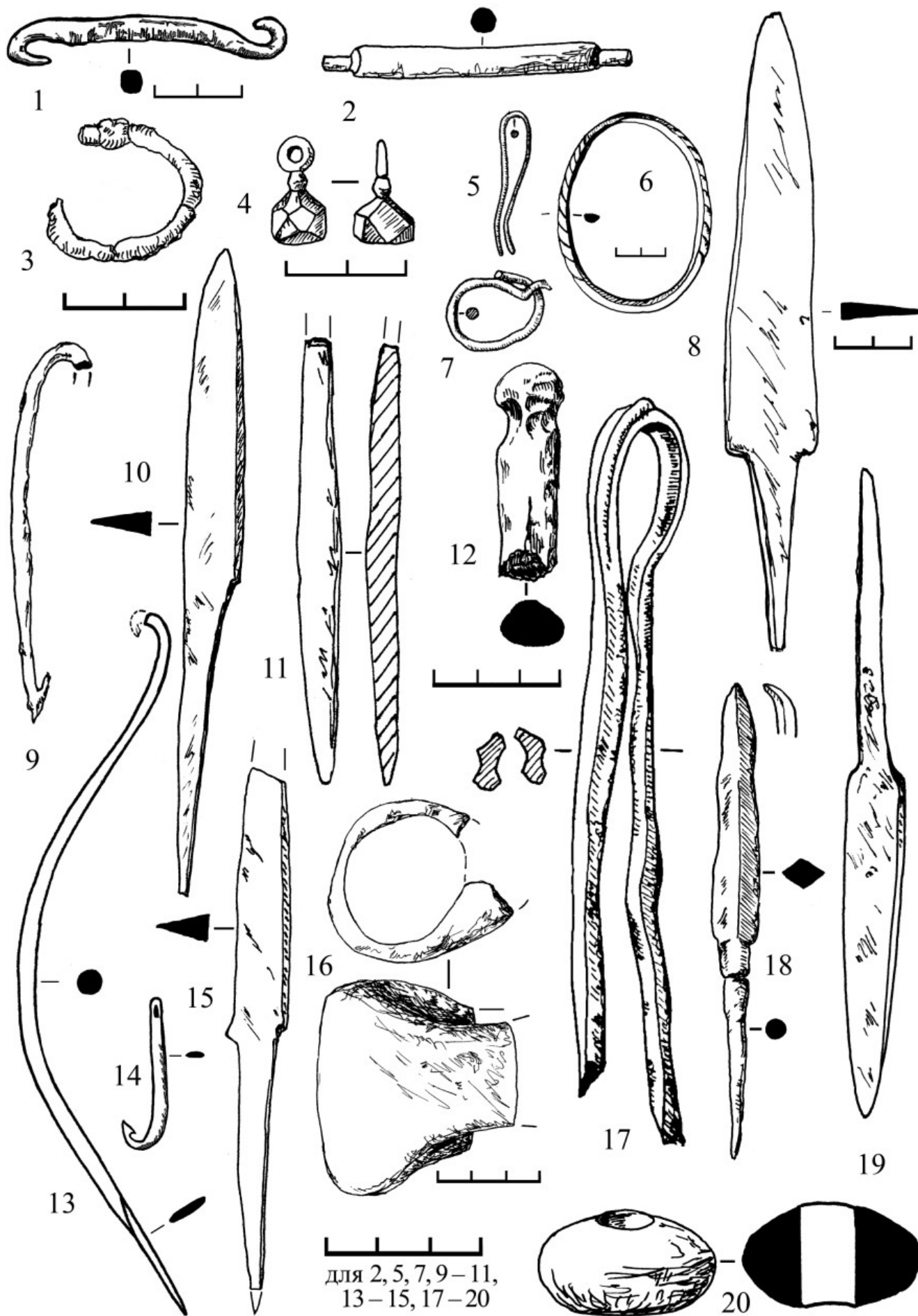

Рис. 32. Городище. Культурный слой. Находки: 1 — кв. Е₂, шт. 2; 2 — кв. Л₁₀; 3 — кв. Ж₆; 4 — кв. А₀; 5, 7 — кв. Г₁₁; 6 — кв. Т₁₁; 8 — Р 1955 г., шт. 2; 9 — кв. Т₁₂, гл. 0,6 м; 10 — кв. Т₁₂; 11 — кв. Х, Ф₈, гл. 0,4 м; 12 — кв. Т, У₁₀₋₁₁; 13 — кв. Л₉, шт. 2; 14 — кв. Х, Ф₈, гл. 0,8 м; 15 — кв. Х, Ч₇, гл. 0,6 м; 16 — кв. Ф₈, гл. 0,9 м; 17 — кв. Ф₈, гл. 0,55 м; 18 — кв. М₄, гл. 0,22 м; 19 — кв. Г₁₂; 20 — кв. Ж₁₁, шт. 1 (1—3, 8—11, 14—19 — железо; 4—7, 13 — бронза; 12 — кость; 20 — глина)

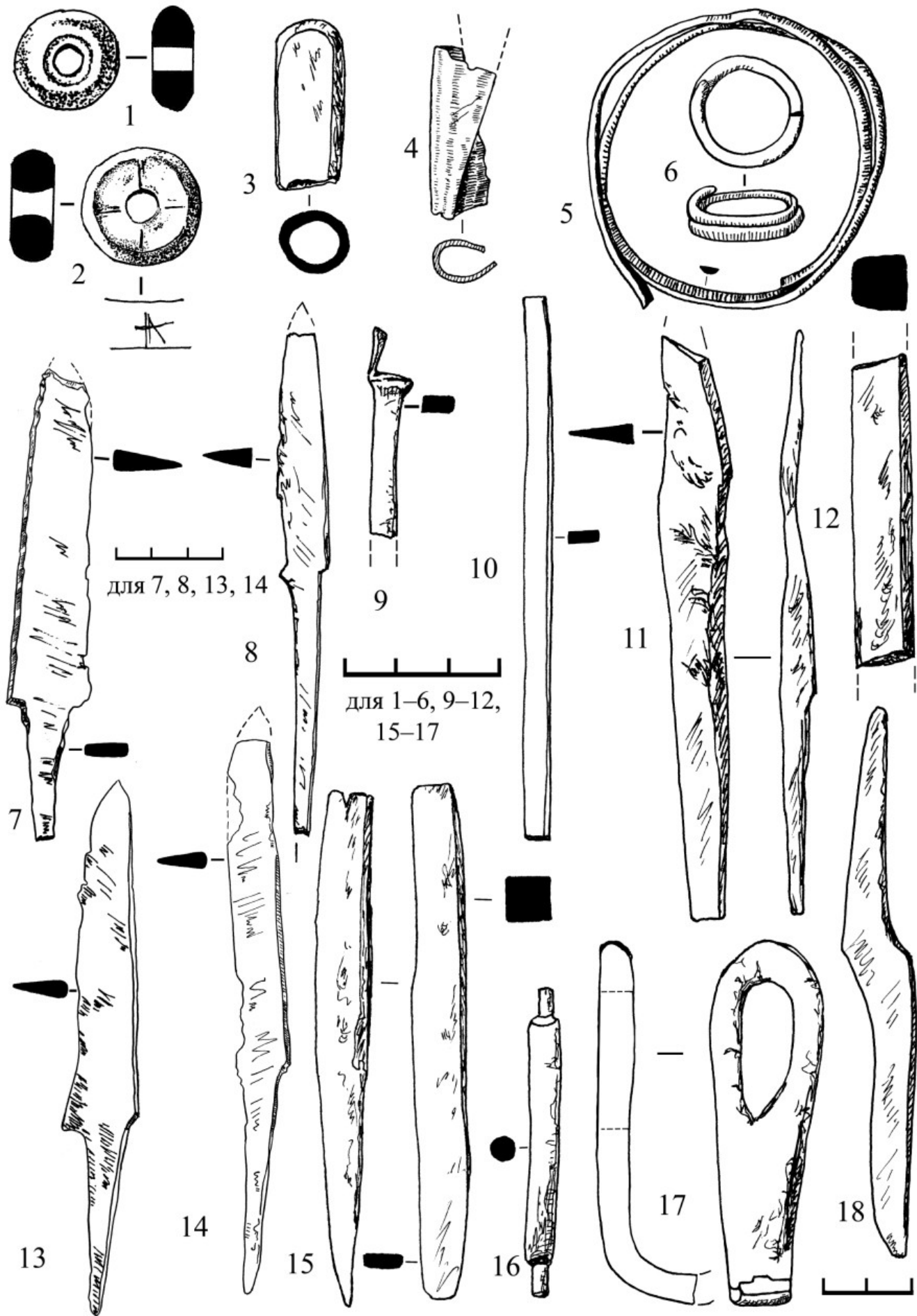

Рис. 33. Городище. Культурный слой. Находки: 1 — кв. Ч₁, гл. 0,3 м; 2 — кв. Е₁₂, шт. 1; 3, 12 — кв. Т₅; 4 — кв. Э₄, гл. 0,15 м; 5, 6, 17 — кв. Х₅, вымостка камня; 7, 13 — культурный слой; 8 — кв. С₆; 9 — кв. Б₅, шт. 1; 10 — 1955 г. южная часть раскопа; 11 — кв. Щ₄; 14 — культурный слой; 15 — кв. Х, У₁; 16 — кв. Л₁₀; 18 — кв. Х₇₋₈ (1, 2 — шифер; 3, 7—18 — железо; 4—6 — бронза)

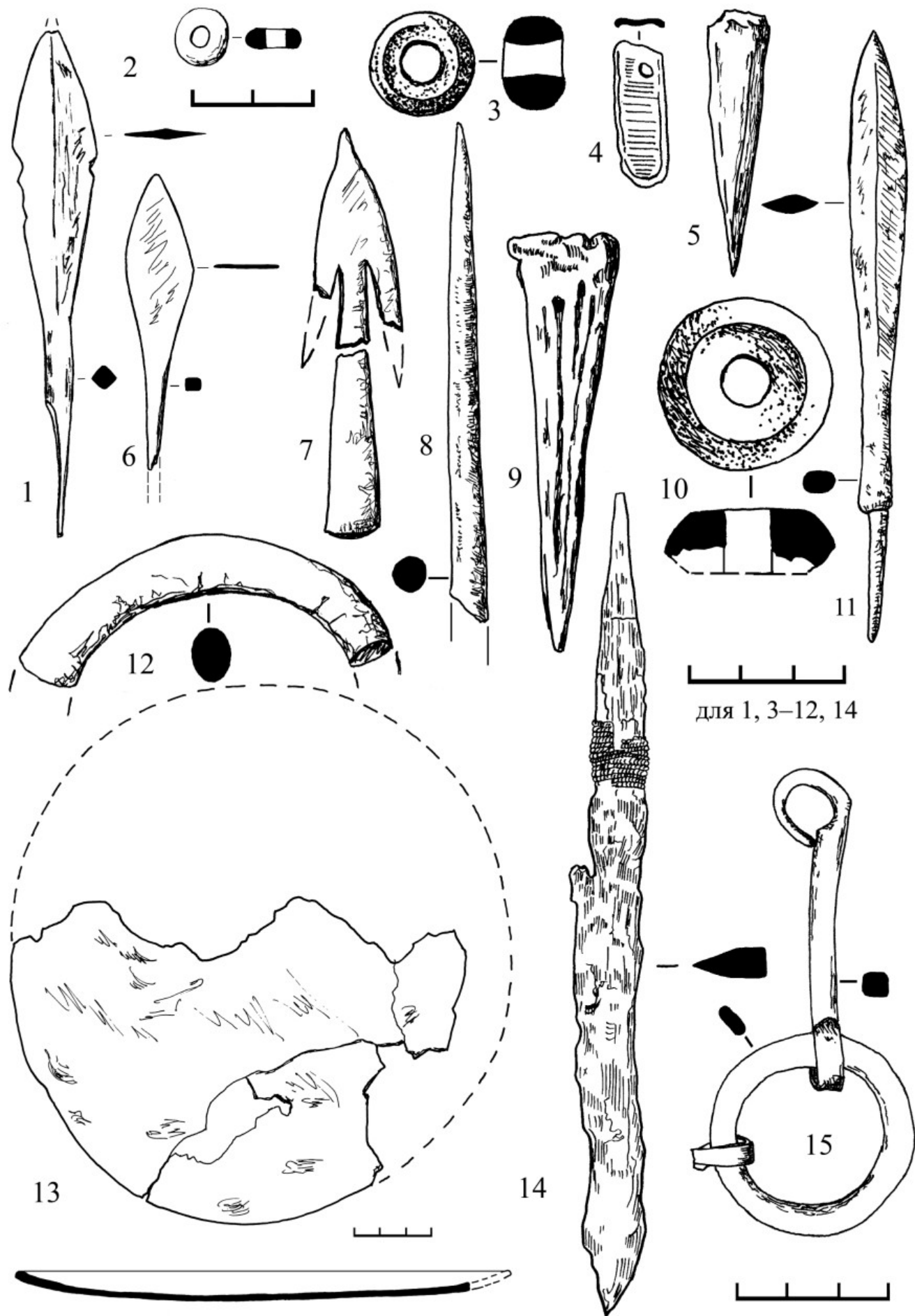

Рис. 34. Городище. Культурный слой. Находки: 1, 6, 11, 13, 15 — из раскопок 1913 г. Д. Н. Эдинга; 2—5, 7—10, 12, 14 — депортированный материал из раскопок 1954—1957 гг. Я. В. Станкевич (1, 5, 9 — кость; 2 — стекло; 3 — шифер; 4 — бронза; 6—8, 11—13, 15 — железо; 10 — глина; 14 — железо, бронза, дерево)

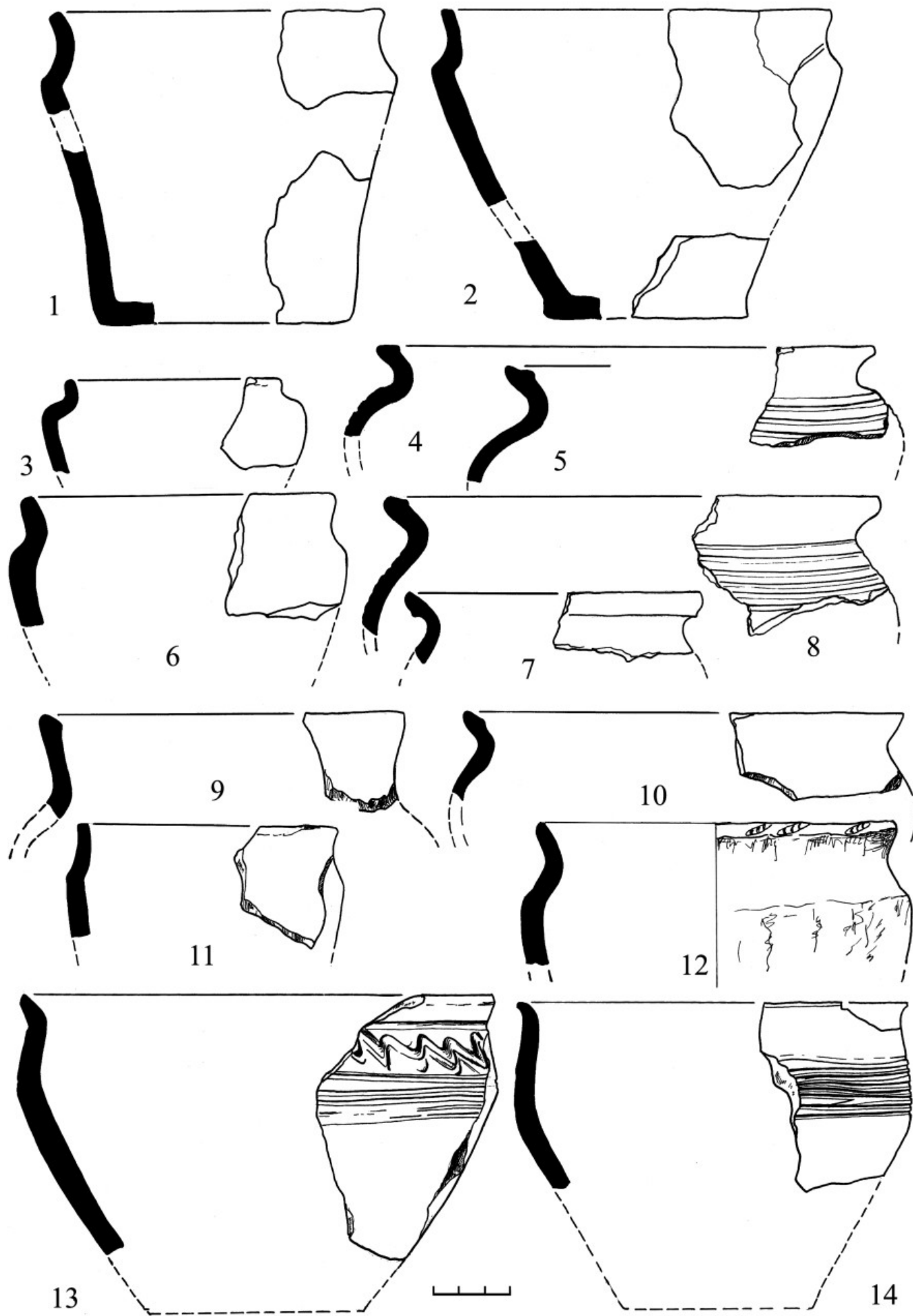

Рис. 35. Селище. Керамика из культурного слоя: 1—3, 6, 11, 12 — лепная; 4, 5, 7—10 — позднегончарная; 13, 14 — раннегончарная

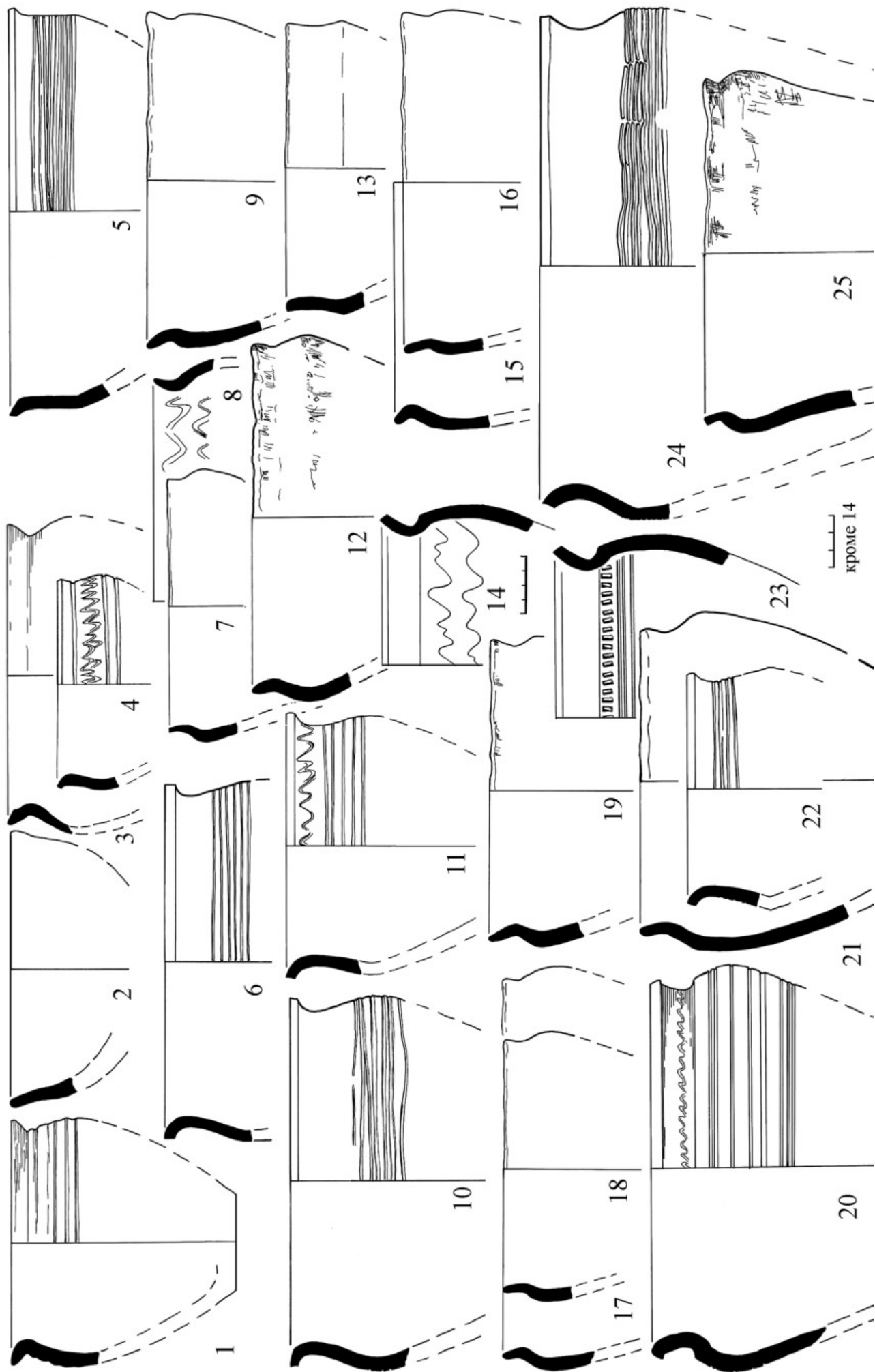

Рис. 36. Селище. Культурный слой. Керамика: 1—3, 14, 23 — позднегончарная; 4—6, 8, 10, 11, 20, 22, 24 — раннегончарная; 7, 9, 12, 13, 15—19, 21, 25 — лесная

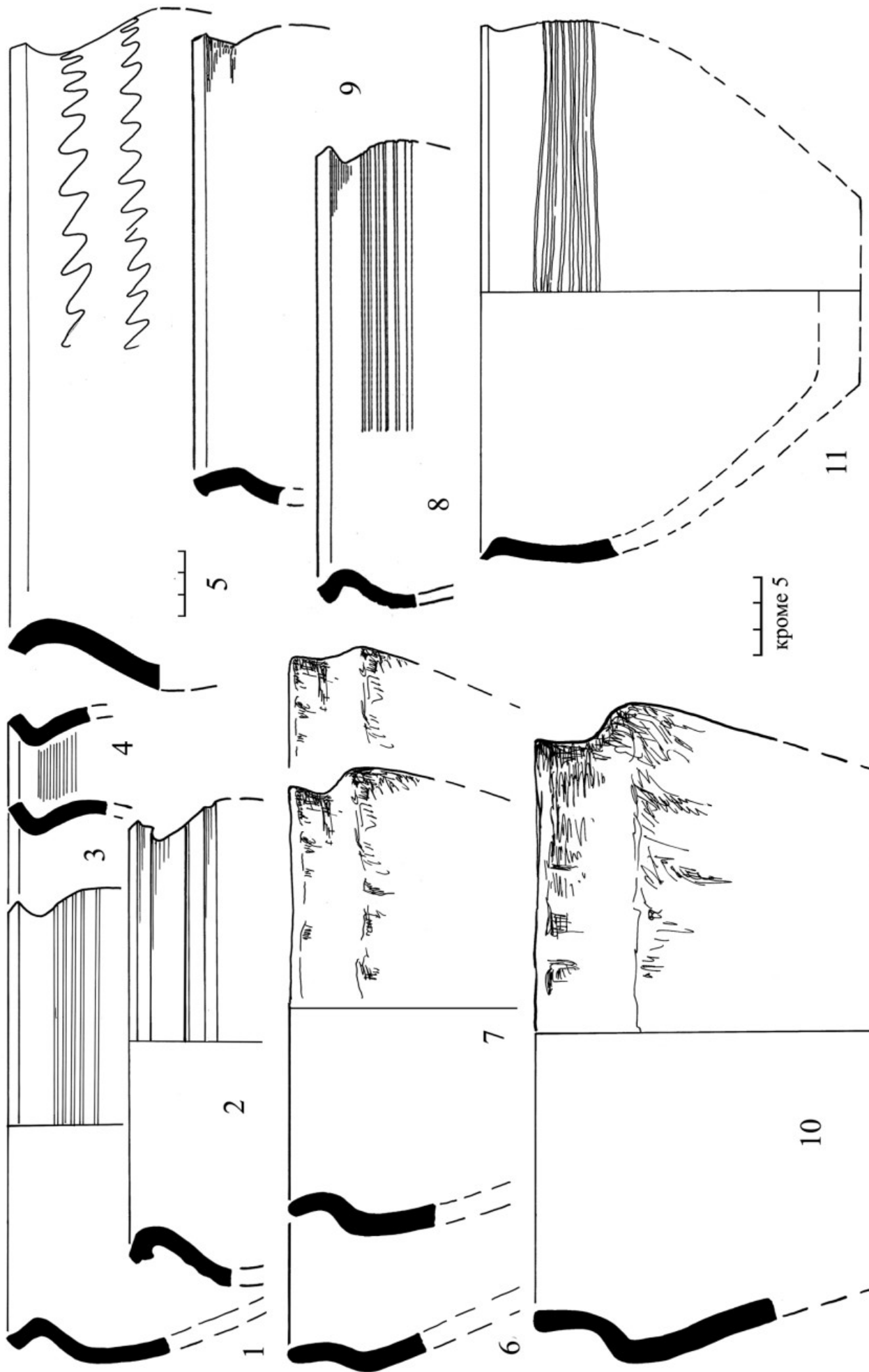

Рис. 37. Селище. Культурный слой. Керамика: 1—4, 8, 9 — позднегончарная из гумусно-песчаной линзы в кв. Ж, 3, И, К, Л₁₋₄, шт. 2—3; 5 — раннегончарная на материке; 6, 7, 10 — лепная; 11 — раннегончарная из предметерикового слоя под гумусно-песчаной линзой

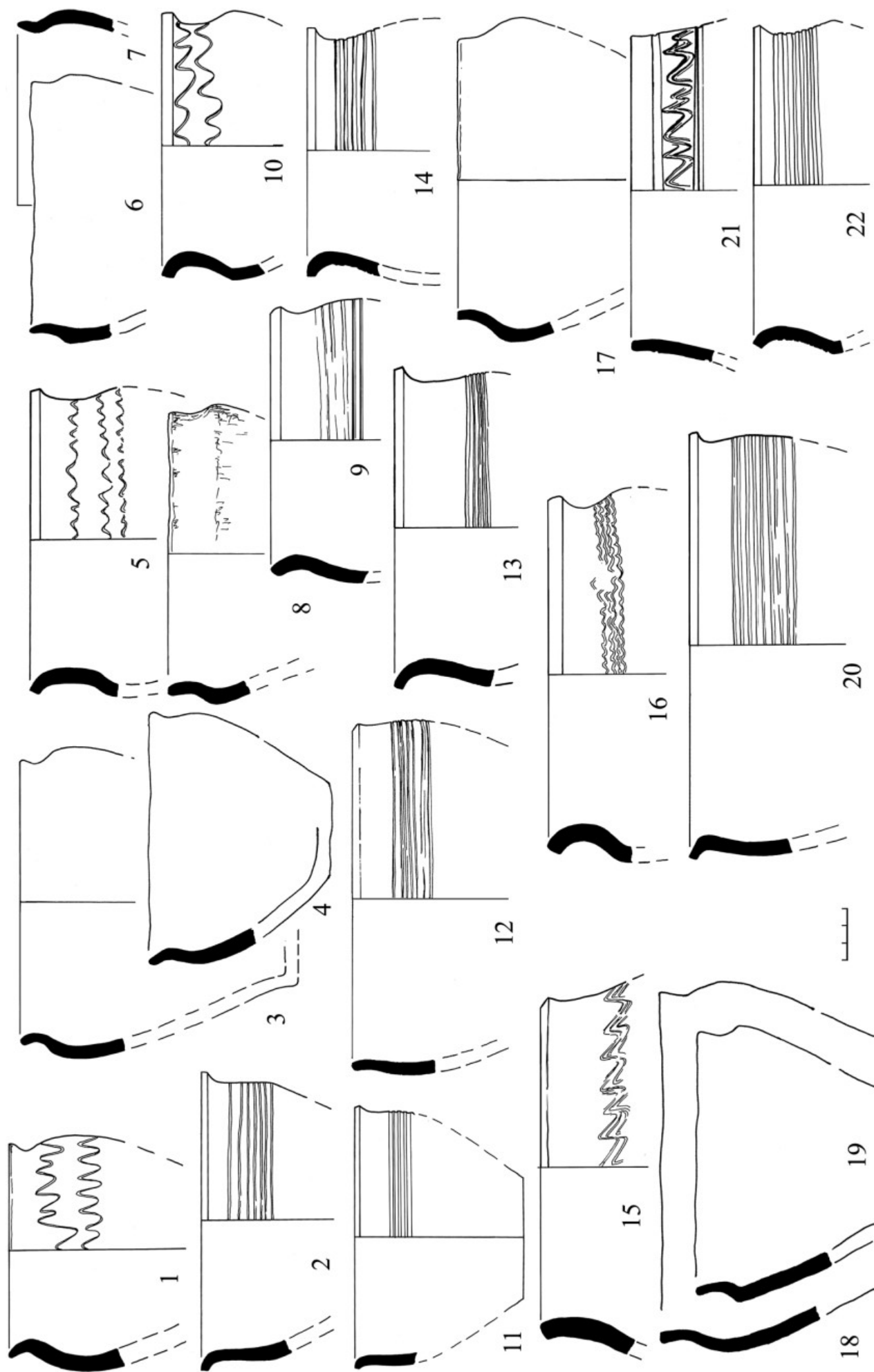

Рис. 38. Селище. Керамика: 1—12, 18, 19 — материк; 13—17, 20—22 — предматерик
 (1, 2, 5, 9—16, 20—22 — раннегончарная; 3, 4, 6—8, 17 — лепная)

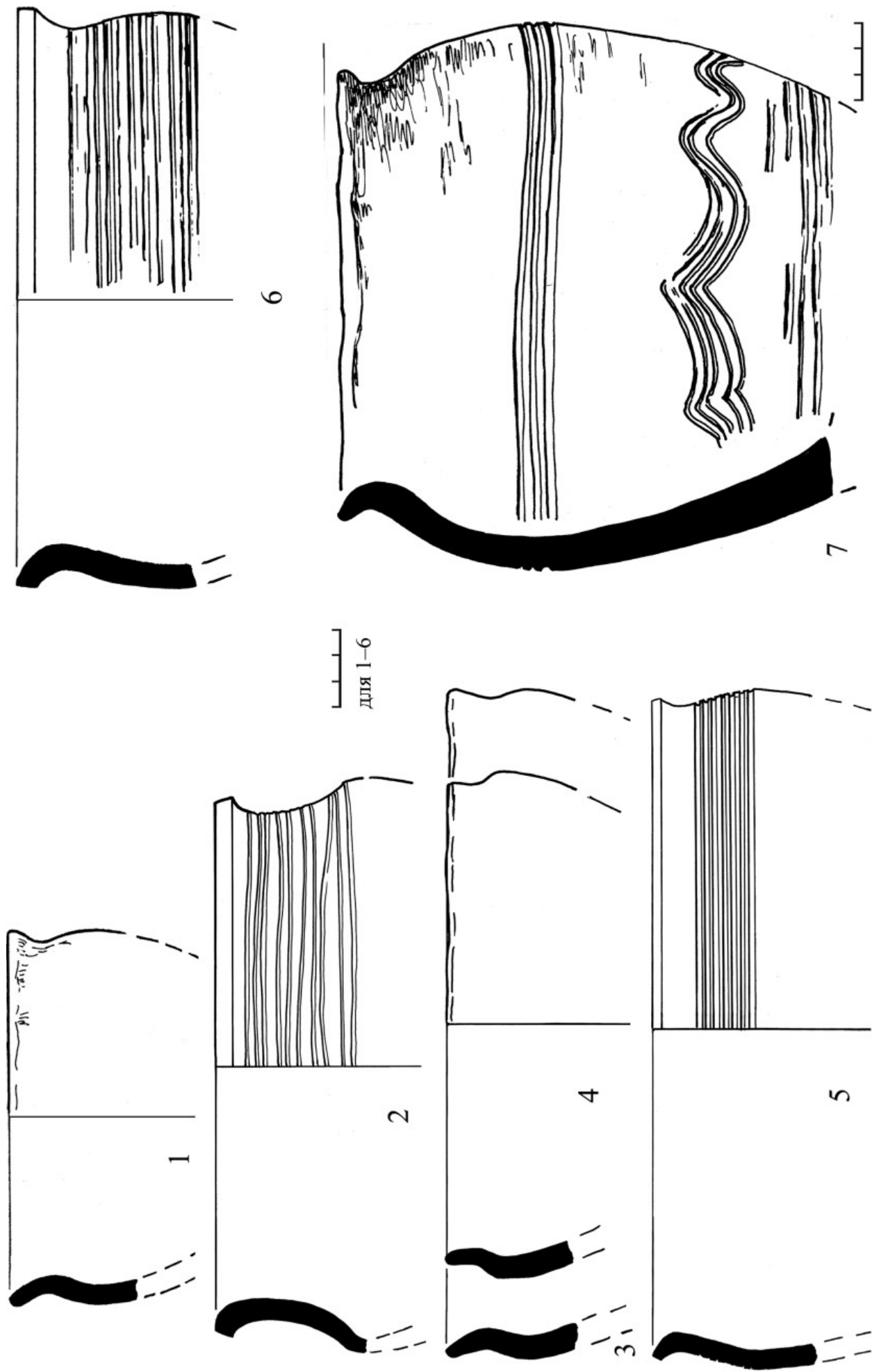

Рис. 39. Селище. Материк. Керамика: 1, 3—6 — развал камней в кв. Е'₁,₂, Ж'₂; 2 — угольная прослойка вокруг скопления камней в кв. М₂; 7 — угольная прослойка в кв. З', И'₀ (1, 3, 4 — лепная; 2, 5—7 — раннегончарная)

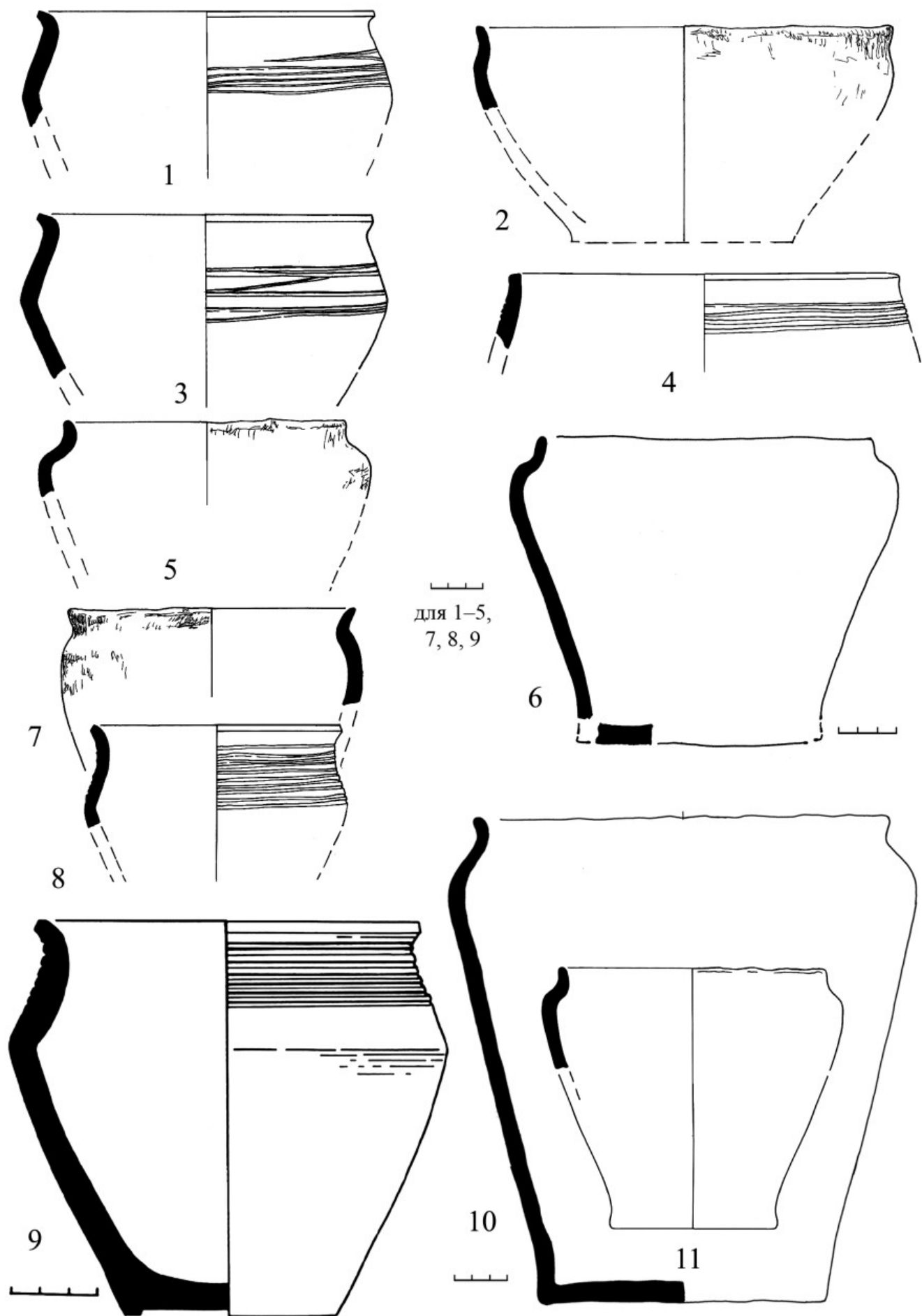

Рис. 40. Селище. РП 1977 г. Материк. Керамика: 1, 3, 4, 8, 9 — раннегончарная; 2, 5—7, 10—11 — лепная

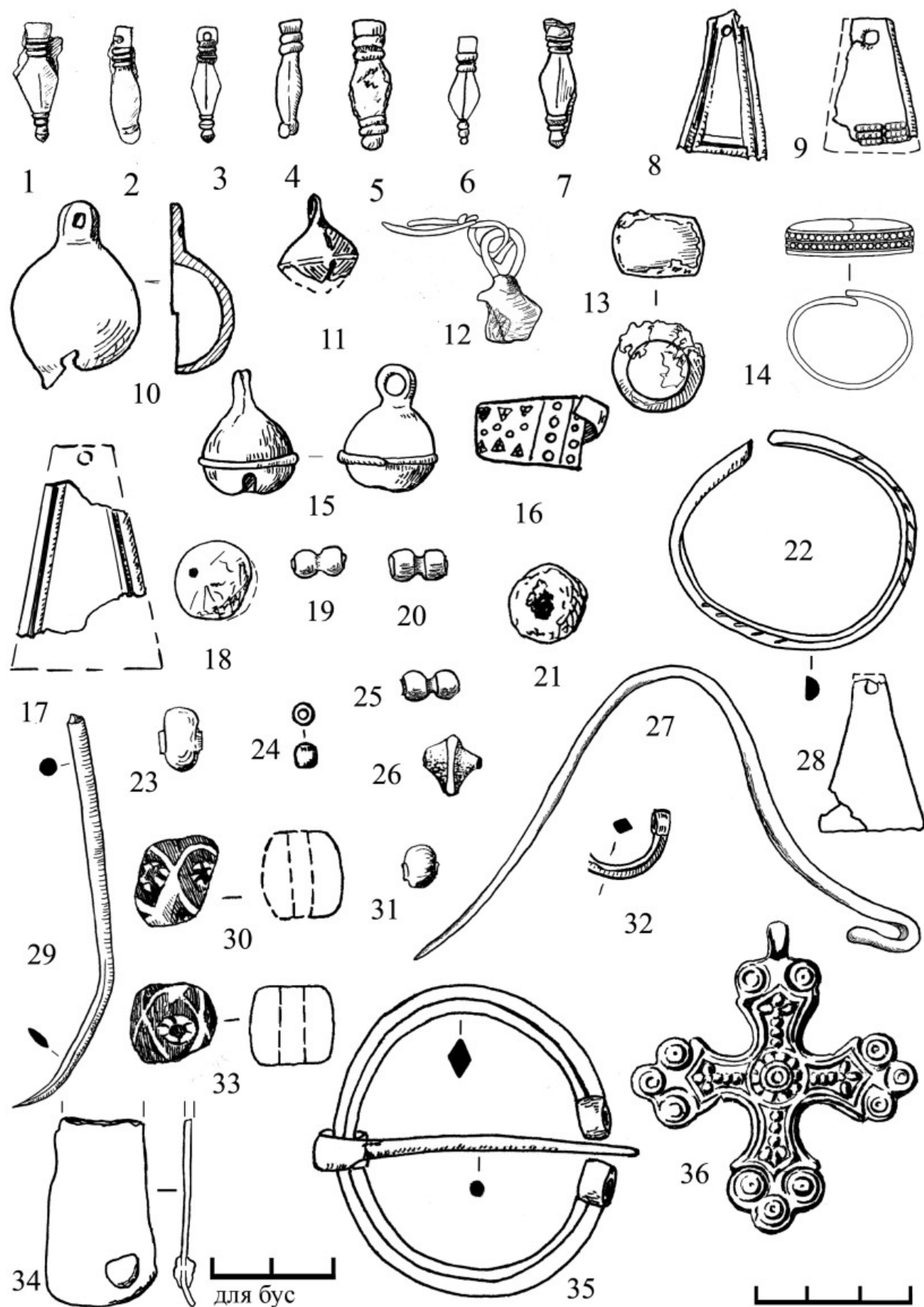

Рис. 41. Селище. Культурный слой. Находки: 1, 2 — кв. Г₆, шт. 1; 3 — кв. Е₁, шт. 1; 4 — кв. Б₄, шт. 1; 5 — кв. Н₂, шт. 1; 6 — кв. Н₁₂, шт. 1; 7 — кв. Б₃, шт. 1; 8 — кв. С₁, шт. 2; 9 — кв. О₁, шт. 2; 10 — кв. З₅, шт. 2; 11 — кв. З₁, Ж₁₋₂, шт. 2; 12 — кв. М, Н, О₀₋₁, шт. 2-3; 13 — кв. Г₄, шт. 1; 14 — кв. К₀, шт. 1; 15 — кв. М₀₋₀, шт. 1; 16 — кв. Е₇, шт. 2; 17 — подъемный материал; 18 — кв. М₃, шт. 5; 19 — кв. Л₂, шт. 1; 20 — кв. О₂, шт. 5; 21 — кв. В₆, шт. 2; 22 — кв. Л₂, шт. 2; 23 — кв. О₃, основание шт. 4; 24 — кв. К₁, шт. 2; 25 — кв. Ж₁, шт. 3; 26 — кв. П₁₃, шт. 1; 27 — кв. О₀, шт. 4; 28 — зачистка берега к востоку от городища; 29 — кв. Н₁, шт. 1; 30 — кв. О₁₄, шт. 1; 31 — кв. А₁, шт. 1; 32 — кв. З₄, шт. 1; 33 — кв. В₃, шт. 1; 34 — кв. Н₃, шт. 4; 35 — кв. И₄, зачистка поверхности гумусно-песчаной прослойки, шт. 2; 36 — кв. Н₁₁, шт. 1 (1-12, 14-17, 22, 27-29, 32, 34-36 — бронза; 13 — железо в бронзовой оболочке; 18 — хрусталь; 19-21, 24, 30, 31, 33 — стекло; 23, 25 — стекло с серебряной прокладкой; 26 — паста)

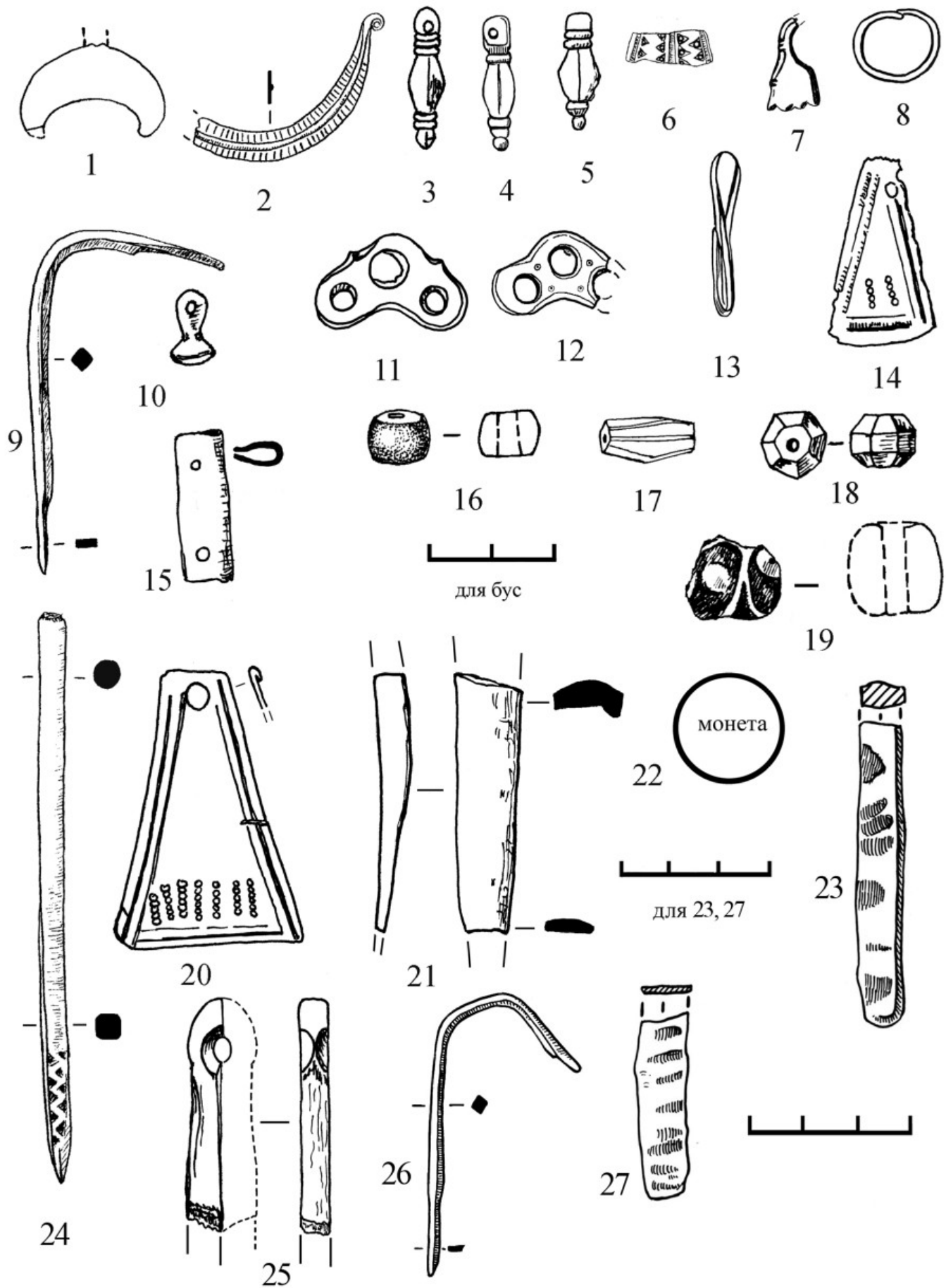

Рис. 42. Селище. Материк. Находки: 1 — кв. В₈; 2 — кв. В₃; 3, 5—7 — кв. Ж'₄; 4 — кв. Н'₁; 8 — кв. З'₀; 9 — кв. В₈; 10 — кв. Е'₃₋₄; 11, 12 — кв. Ж'₃; 13 — кв. Н₂; 14 — кв. Б₁; 15 — кв. Д'₂; 16 — кв. Н₁; 17 — кв. О₁; 18 — кв. Ж₀; 19 — шурф 5; 20 — кв. П'₄; 21 — кв. Е₁; 22, 26 — кв. Л'₂; 23, 24 — кв. В'₆; 25 — кв. М'₀; 27 — кв. И₃ (1—15, 20, 21, 23, 24, 26, 27 — бронза; 16 — паста; 17 — сердолик; 18, 19 — стекло; 22 — дирхем, Аббасиды ар Рейс, 795/796 гг.; 25 — кость)

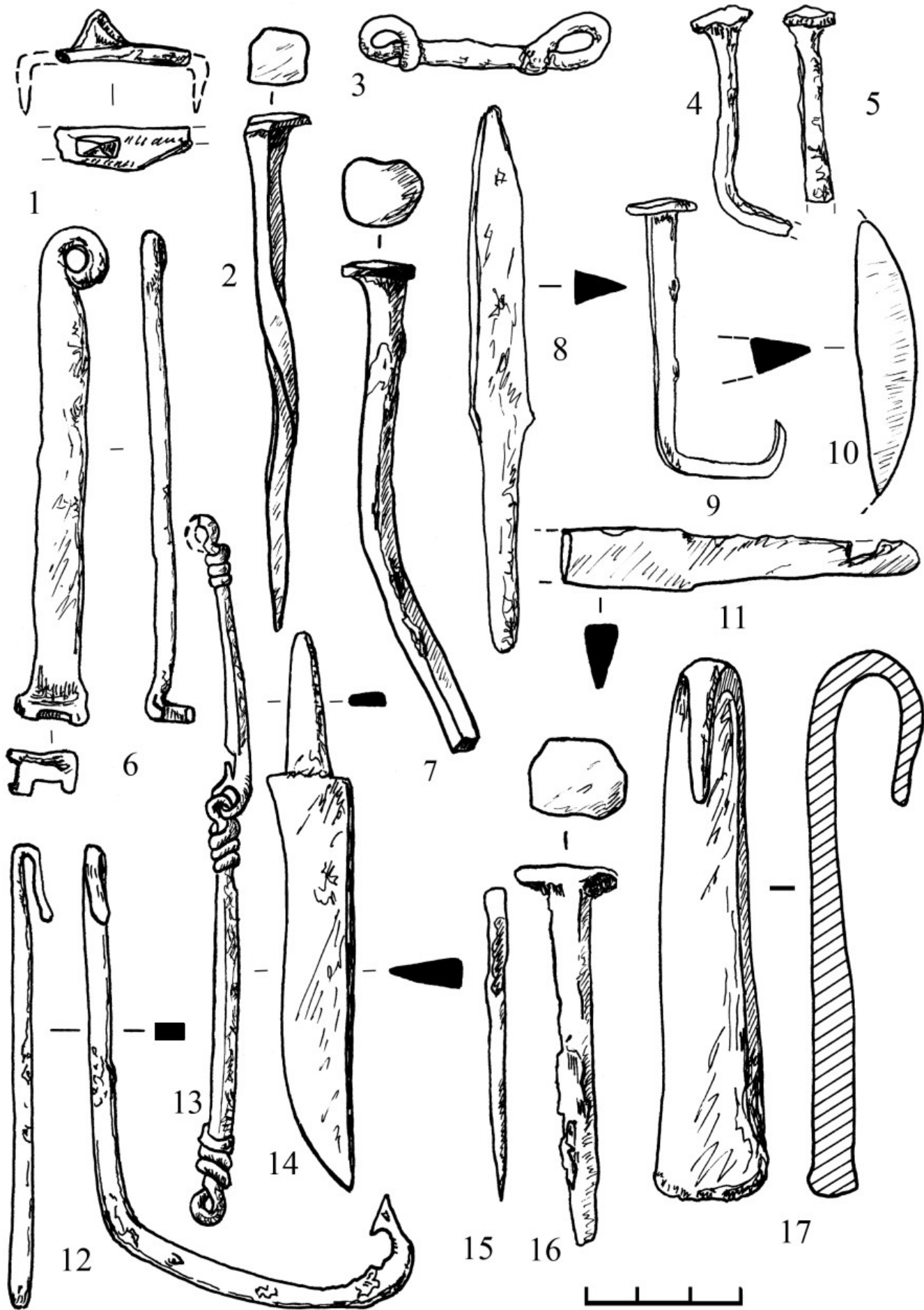

Рис. 43. Селище. Культурный слой. Железные предметы: 1 — кв. А'₁, шт. 1; 2 — кв. В₄, шт. 2; 3 — кв. Н₁, шт. 4; 4, 5 — кв. Д₃, шт. 2; 6 — кв. М₀, шт. 3; 7 — кв. Д, Г₃, шт. 2; 8 — кв. И₄, шт. 1; 9 — кв. Б₄, шт. 1—2; 10 — кв. В₆, шт. 2; 11 — кв. Г₈, шт. 1; 12 — кв. К₂, шт. 2; 13 — кв. Б'₅, шт. 1; 14 — кв. Г'₂, шт. 1; 15 — кв. Б₄, шт. 1—2; 16 — подъемный материал; 17 — кв. А—Д'₃-₇, шт. 1

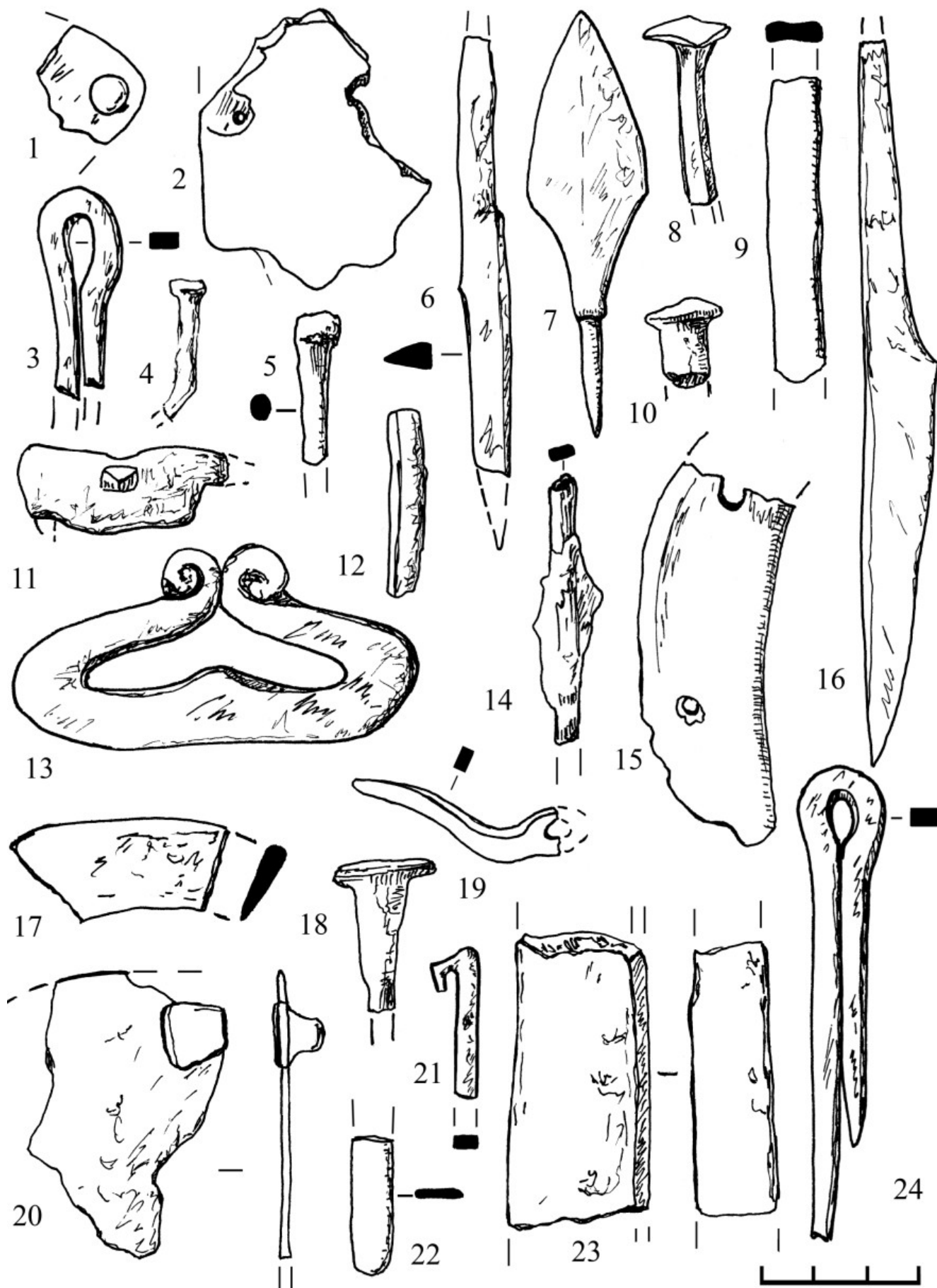

Рис. 44. Селище. Культурный слой. Железные предметы: 1, 2 — кв. Л₂, шт. 2; 3 — кв. Ж₄, шт. 3; 4 — кв. П'₂, шт. 1; 5 — кв. Л'₀, шт. 3; 6 — кв. З₀₀, шт. 2; 7 — кв. С₁₇, шт. 1; 8 — кв. Л₂, шт. 2; 9 — кв. О₁₂, шт. 2; 10 — кв. А'₂, шт. 1; 11 — кв. Р₁₅, шт. 1; 12 — кв. Е₅, шт. 2; 13 — кв. Д₁, шт. 1; 14 — кв. И'₀, шт. 3; 15 — кв. Н₂, шт. 1; 16 — кв. Л₇, шт. 2; 17 — подъемный материал; 18 — кв. Ж'₁, шт. 2; 19 — кв. А₀, шт. 3; 20 — кв. Е'₀, шт. 2; 21 — кв. Н'₁, шт. 1; 22 — кв. Н₂, шт. 1; 23 — кв. Л₁, шт. 2; 24 — кв. Ж₆, шт. 3

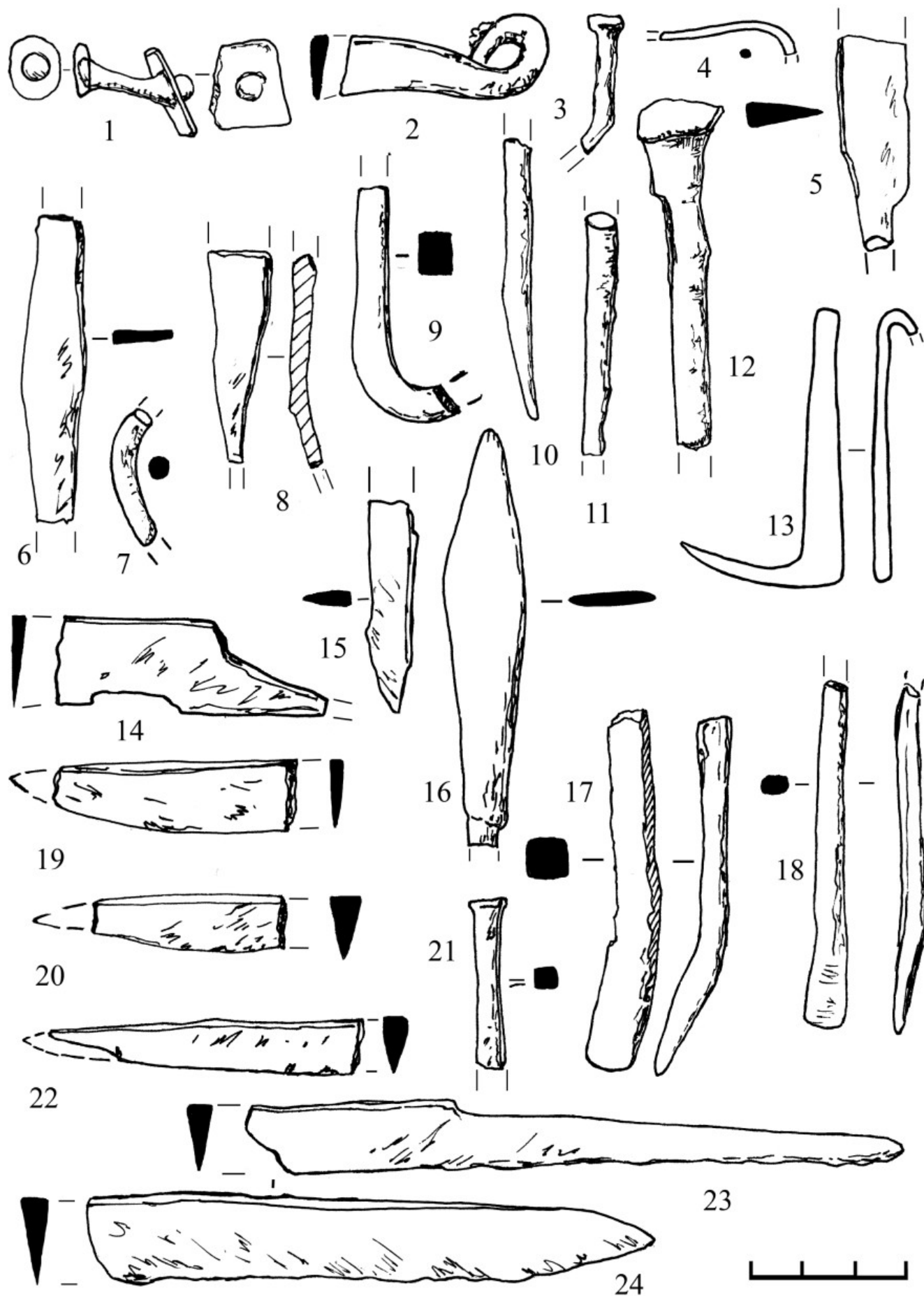

Рис. 45. Селище. Железные предметы. Культурный слой (1—22). Материк (23, 24): 1 — кв. М'₁, шт. 2; 2 — кв. Н₁₄, шт. 1; 3 — кв. П'₂, шт. 1; 4, 5, 7 — кв. М'₀, шт. 2; 6, 14 — кв. Р'₁, шт. 1; 8 — кв. А₃, шт. 2; 9 — кв. О₂, шт. 2; 10 — кв. П₁₄, шт. 1; 11, 12 — кв. О₁₂, шт. 1; 13 — кв. О₃, шт. 1; 15 — кв. О₁₀, шт. 2; 16 — кв. М'₀, шт. 1; 17 — кв. М₀, шт. 1; 18 — кв. Е₂, шт. 1; 19 — кв. Л'₂, шт. 1; 20 — кв. Б₁, шт. 1; 21 — кв. А'₁, шт. 1; 22 — кв. Е₄, шт. 2; 23 — кв. Е₃, материк; 24 — кв. У'₃, материк

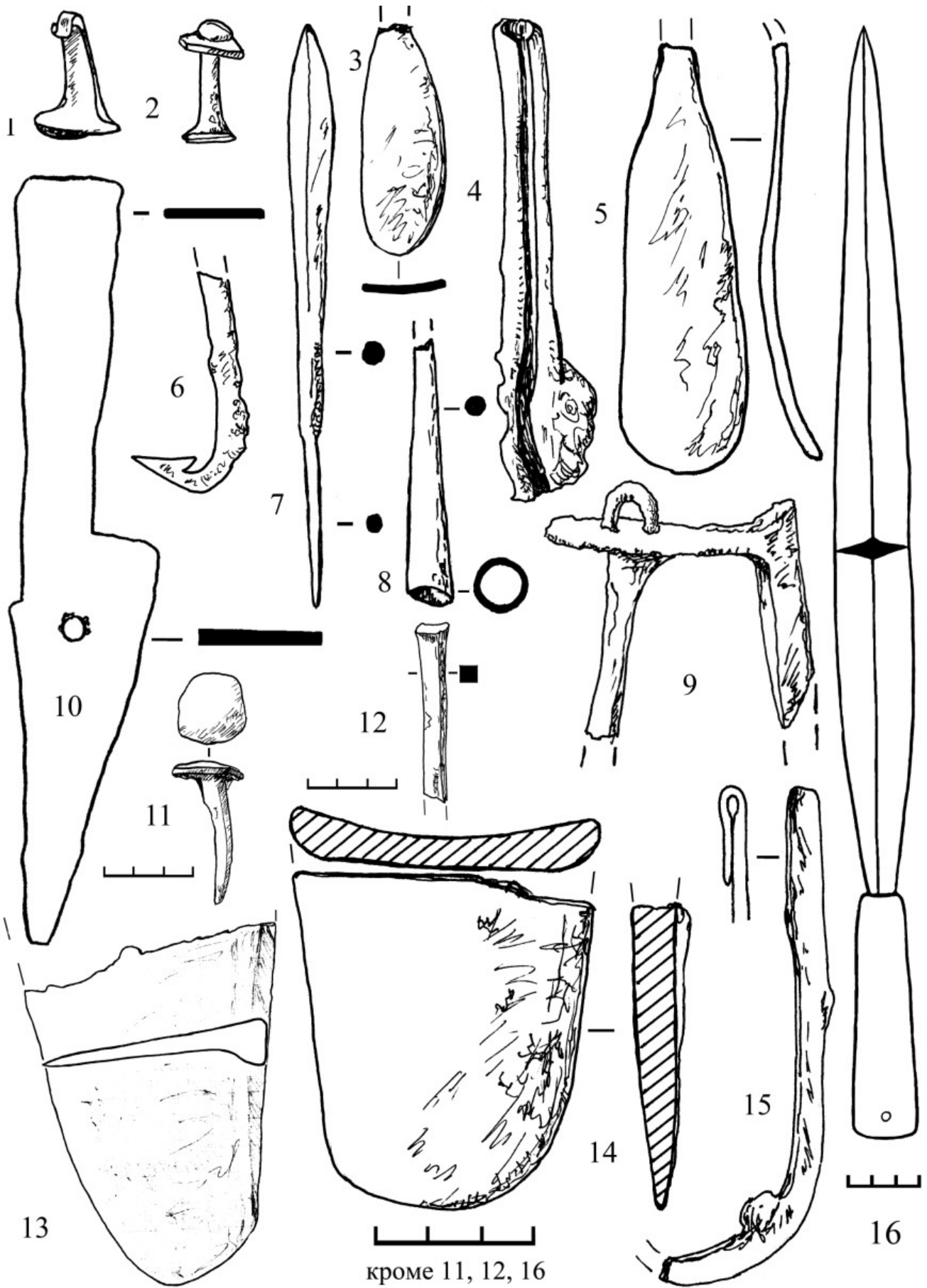

Рис. 46. Селище. Материк. Железные предметы: 1 — кв. Г₃; 2 — кв. Е₁, горелая прослойка; 3 — кв. Г₂; 4 — кв. М₃; 5 — кв. Н₃; 6 — кв. Н₄; 7 — кв. Е₃; 8 — кв. Н₁₄; 9 — кв. М₀₀; 10 — кв. Б₃; 11 — кв. Г₇; 12 — кв. Е₁₂; 13 — кв. В₃; 14 — кв. Н₁; 15 — кв. О₁; 16 — кв. Д₅, линза белого песка на материке

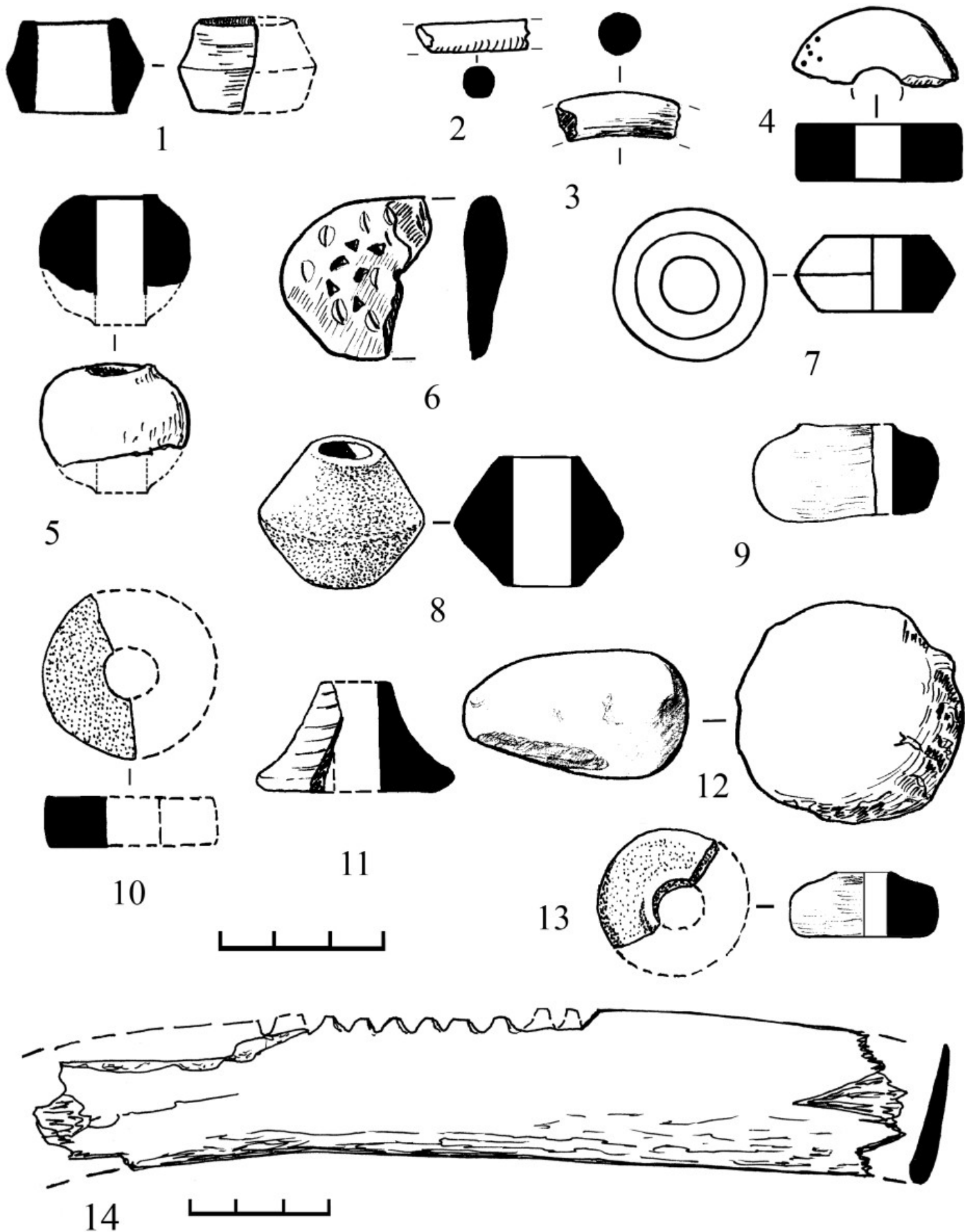

Рис. 47. Селище. Находки. Культурный слой (1, 2, 4—7, 9—11, 13, 14) и на материке (3, 8, 12): 1 — кв. В₃, шт. 1; 2 — кв. М₁, шт. 1; 3 — кв. Б₃, материк; 4 — кв. И₂, шт. 1; 5 — кв. Ж₀, шт. 3; 6 — кв. Г₃, шт. 2; 7 — кв. А₀, шт. 2; 8 — кв. Е₁₀, материк; 9 — кв. Г₃, шт. 3; 10 — кв. А₀, шт. 2; 11 — кв. М₄, шт. 2; 12 — кв. Б₃, материк; 13 — кв. Л₁, шт. 2; 14 — кв. Е₂, шт. 3 (1—13 — глина; 14 — кость)

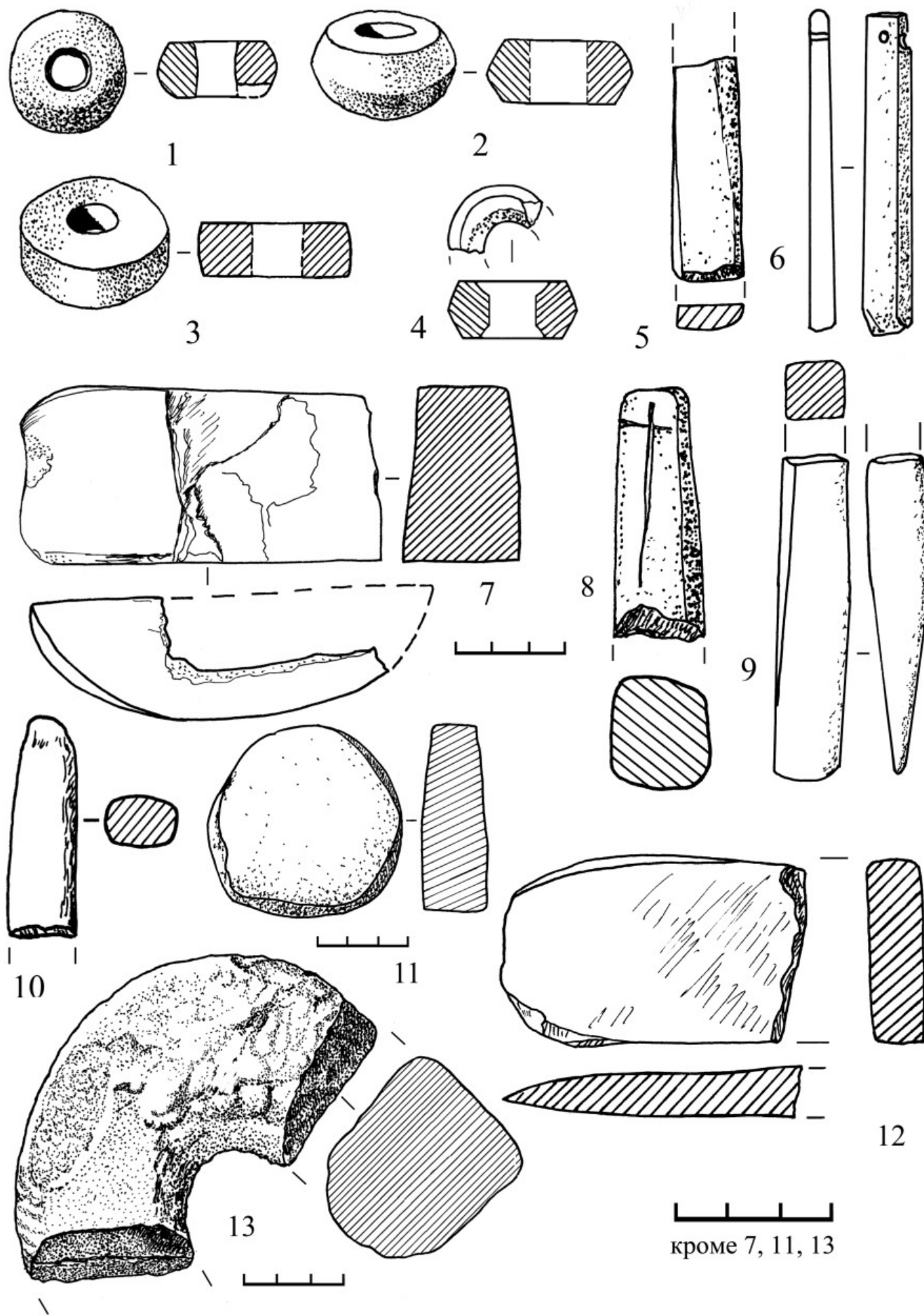

Рис. 48. Селище. Каменные предметы. Культурный слой (1—6, 8, 10, 11) и на материке (7, 9, 12, 13): 1 — кв. О₃, шт. 3; 2 — кв. А'₄, шт. 1; 3 — кв. О₀, шт. 5; 4 — кв. Н₄, шт. 4; 5 — кв. Ж₅, шт. 1; 6 — кв. К'₁, шт. 1; 7 — кв. Б₃, предматерик; 8 — кв. Л, М₆, шт. 3—4; 9 — кв. Н'₁, материк; 10 — кв. Д₃, шт. 1; 11 — кв. К₀₀, шт. 3; 12 — кв. Б₃, предматерик; 13 — кв. О₁₂, предматерик (1, 2, 4 — шифер; 3, 5, 8, 11 — песчаник; 6, 7, 9, 12 — сланец; 10 — песчано-суглинистый конгломерат; 13 — крупнозернистый кварцит)

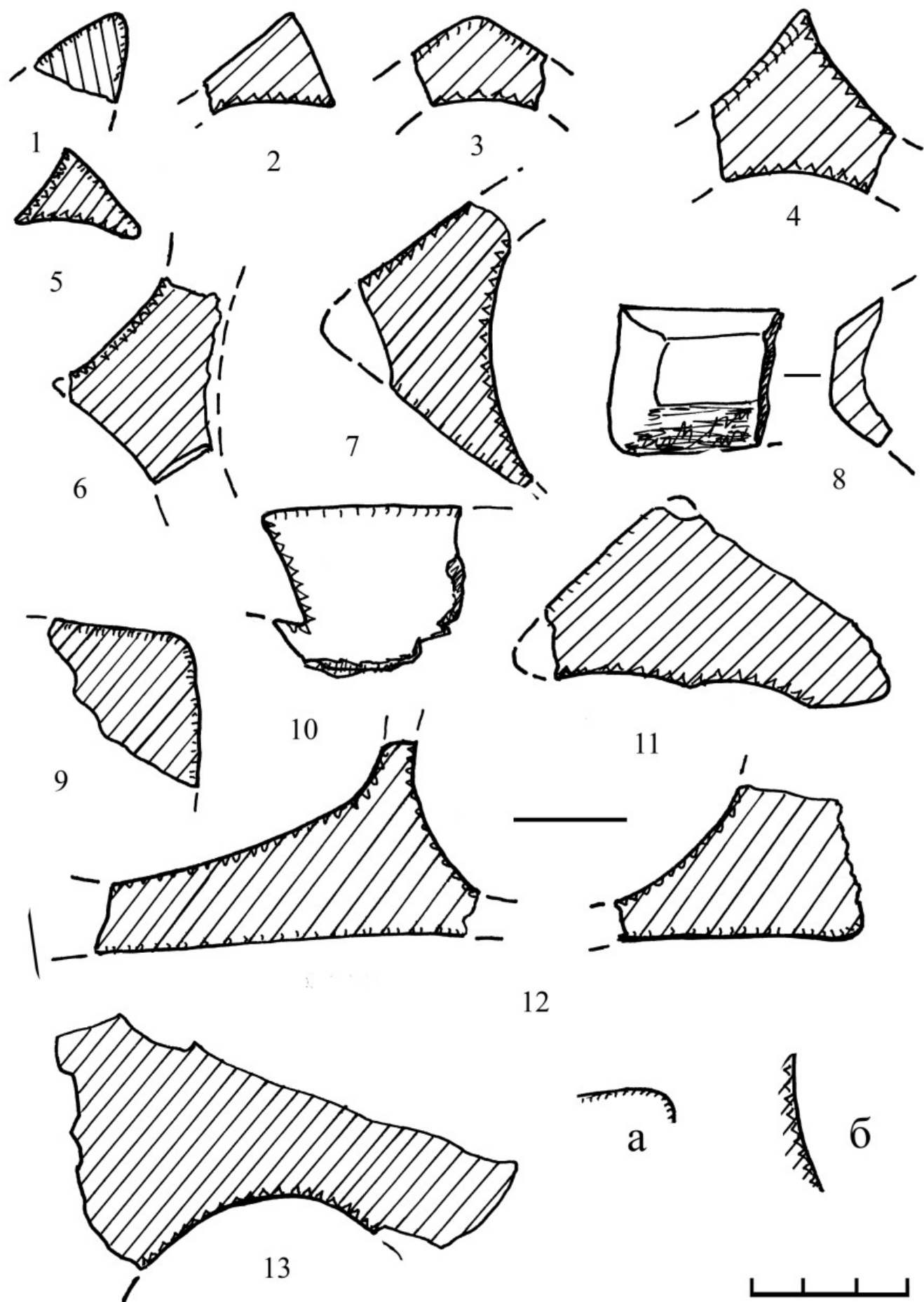

Рис. 49. Селище. Культурный слой. Куски глиняной обмазки с отпечатками деревянных конструкций (1—4, 6—9, 12) и на материке (5, 10, 11): 1 — кв. Ж₈, шт. 2; 2 — кв. Ж'₂, шт. 1; 3 — кв. А'₂, шт. 3; 4 — кв. В'₁, шт. 2; 5 — РП 1977 г., кв. Р₁₇, материк; 6 — кв. В'₁, шт. 2; 7 — кв. О₄, шт. 2; 8 — кв. А₃, шт. 3; 9 — кв. Л₇, шт. 1; 10 — кв. З₁₁, материк; 11 — кв. Б'₀, материк; 12 — кв. З₀, шт. 2; 13 — РП 1977 г., С₁₅, линза красной глины сооружения 34 (а — заглаженная поверхность; б — отпечатки дерева)

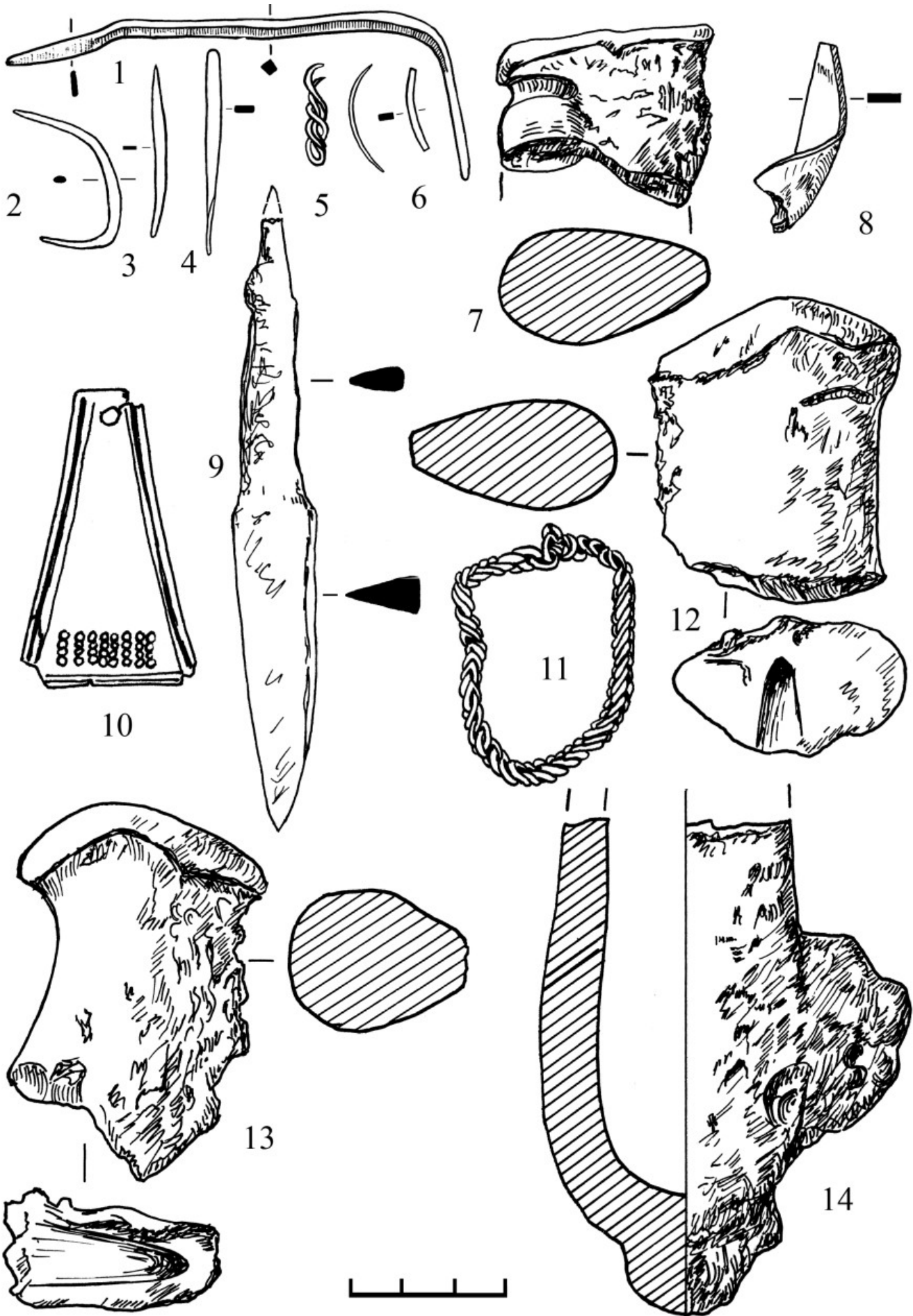

Рис. 50. Селище. Находки из развала камней на материке в кв. Е'₁,₂, Ж'₂ (1—6, 8, 10, 11 — бронза; 7, 12—14 — ошлакованная глина; 9 — железо)

Рис. 51. Городище. Схема застройки в X — начале XI в.

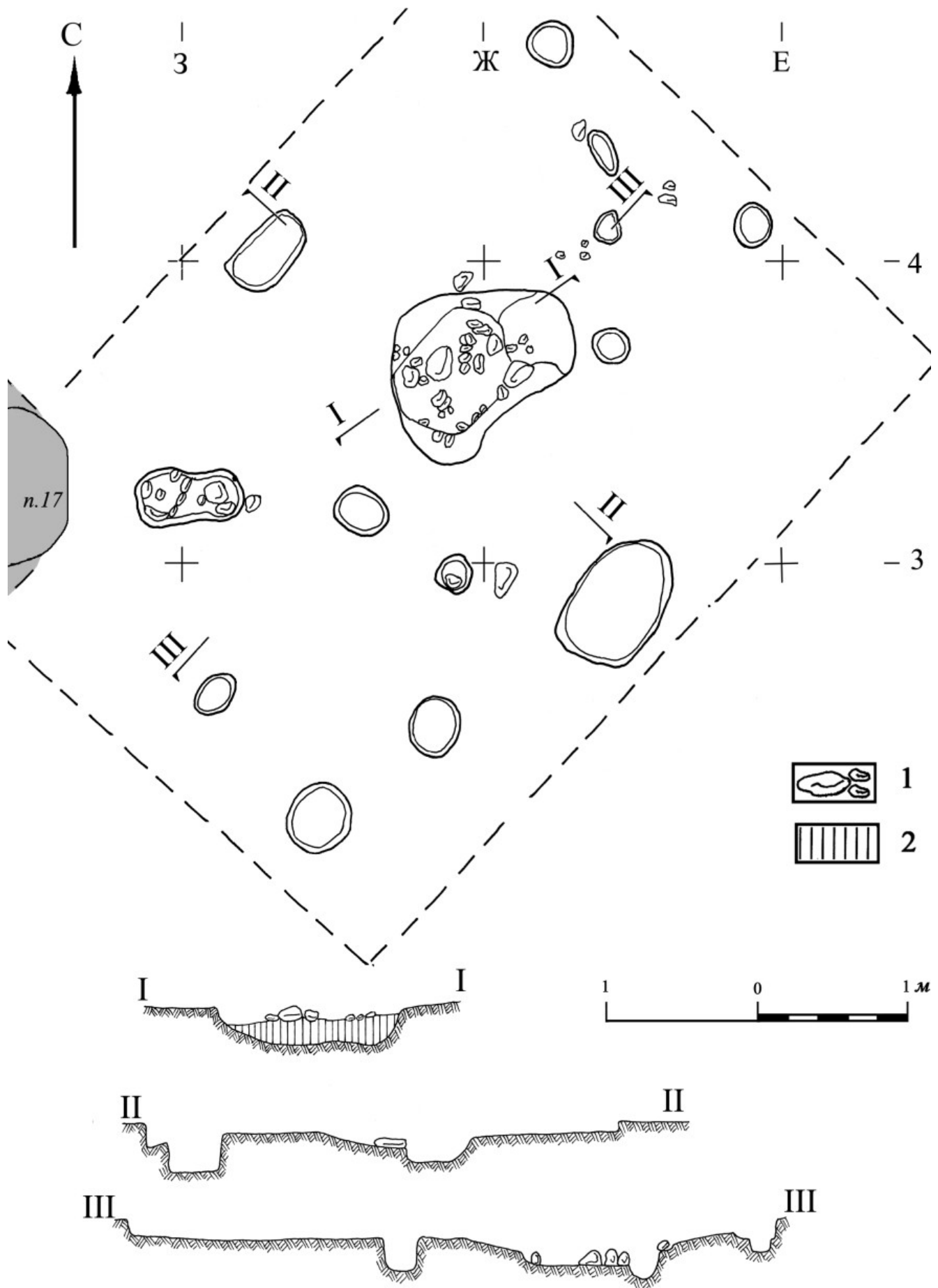

Рис. 52. Городище. Ранний период. Постройка 0. План: 1 — камни; 2 — темно-серая гумусированная супесь

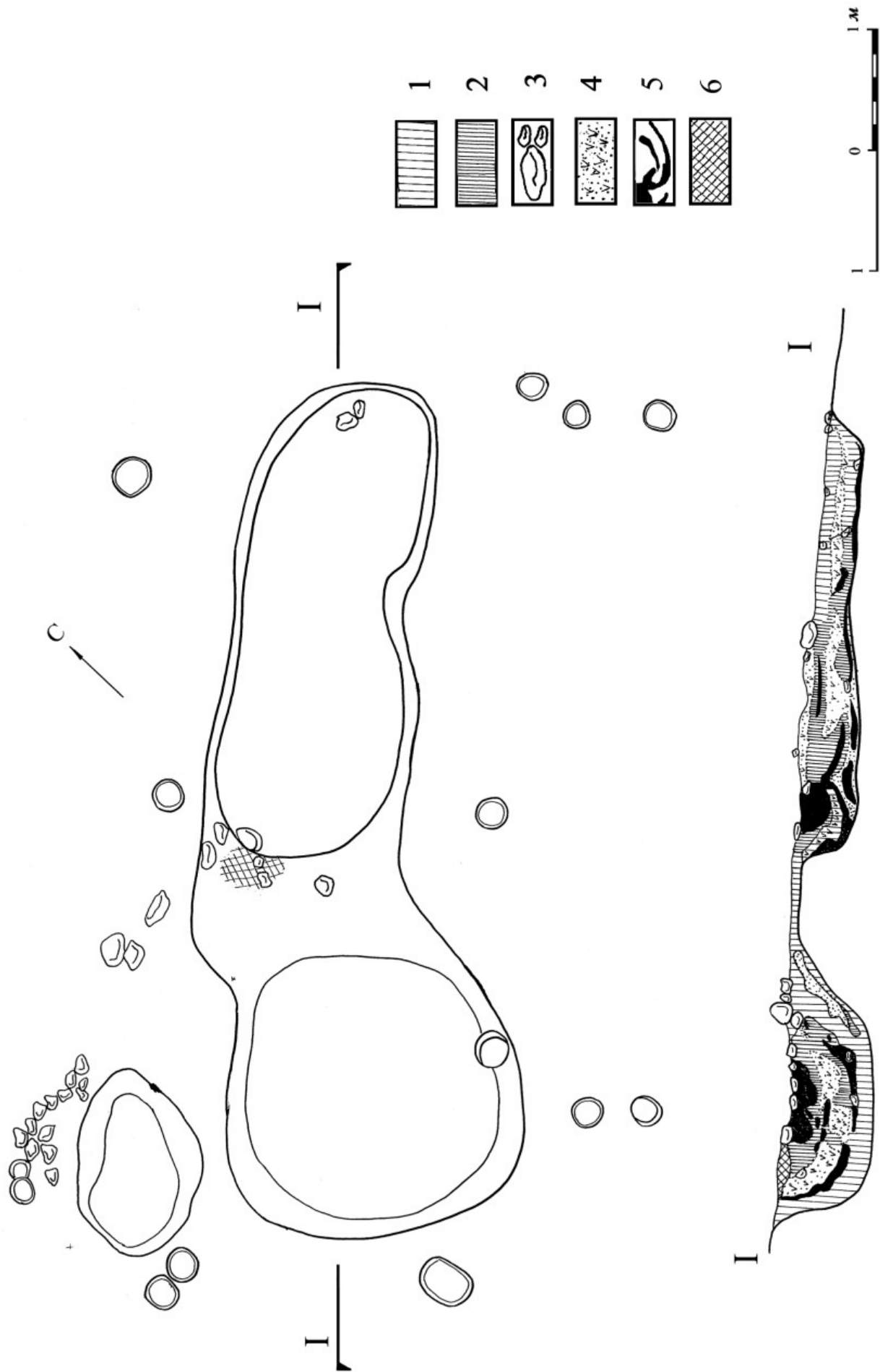

Рис. 53. Городище. Ранний период. Постройка 1. План и разрез: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — черная гумусированная супесь; 3 — камни; 4 — обожженная оранжевая супесь с включениями угля; 5 — угольно-сажистый слой; 6 — красная глина

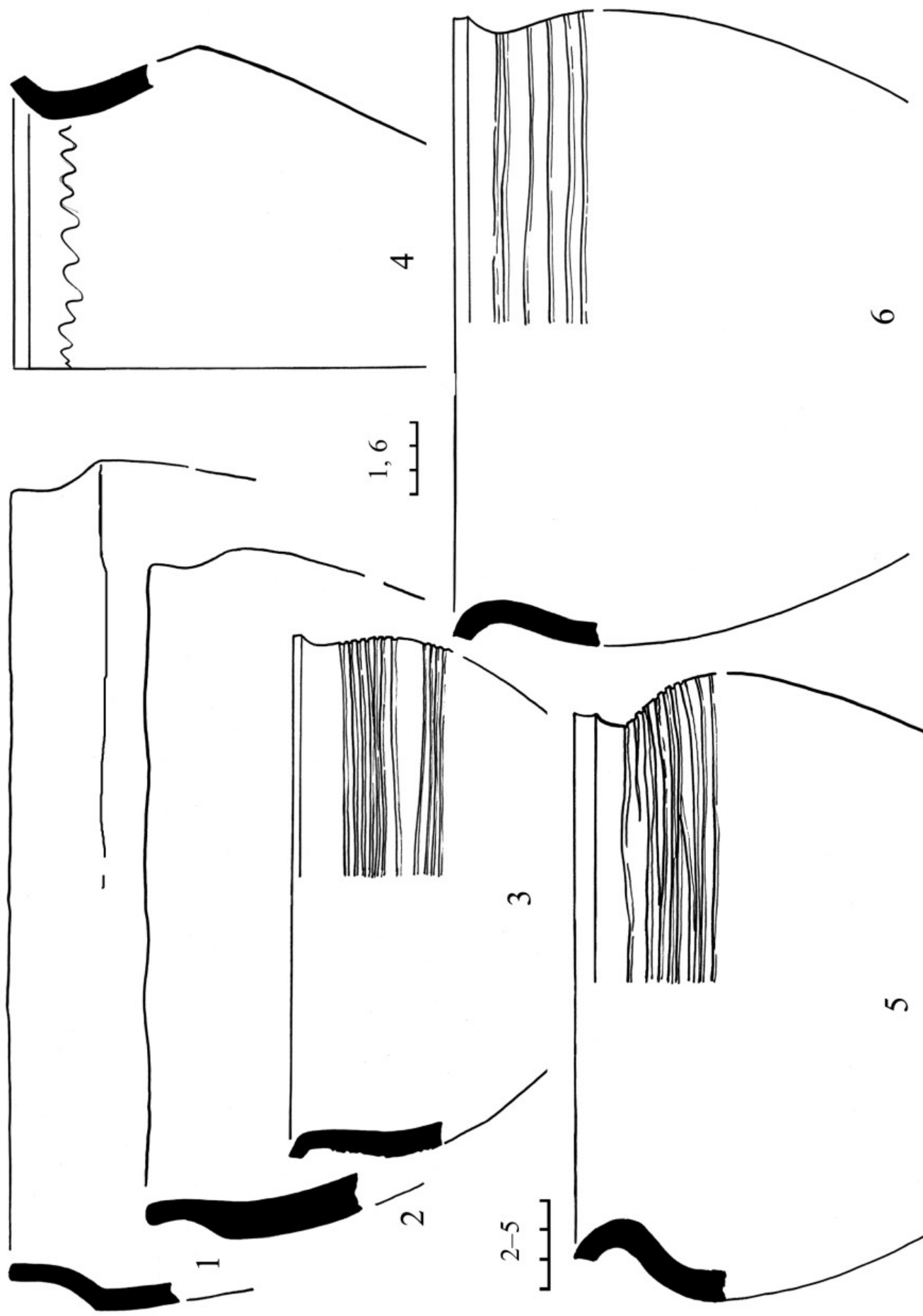

Рис. 54. Городище. Ранний период. Постройка 1. Керамика: 1, 2 — лепная; 3—6 — раннегончарная

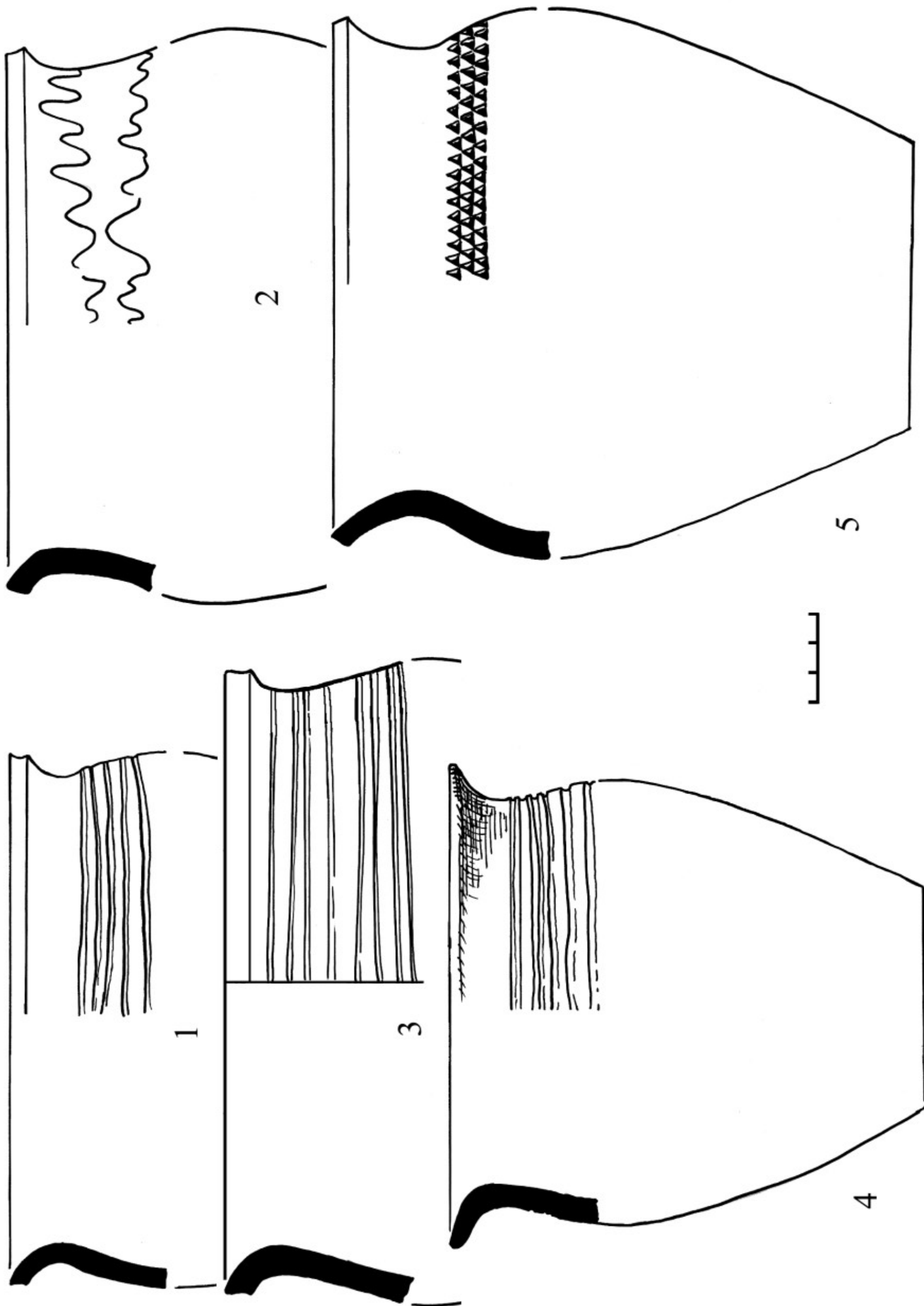

Рис. 55. Городище. Ранний период. Постройка 1. Раннегончарная керамика

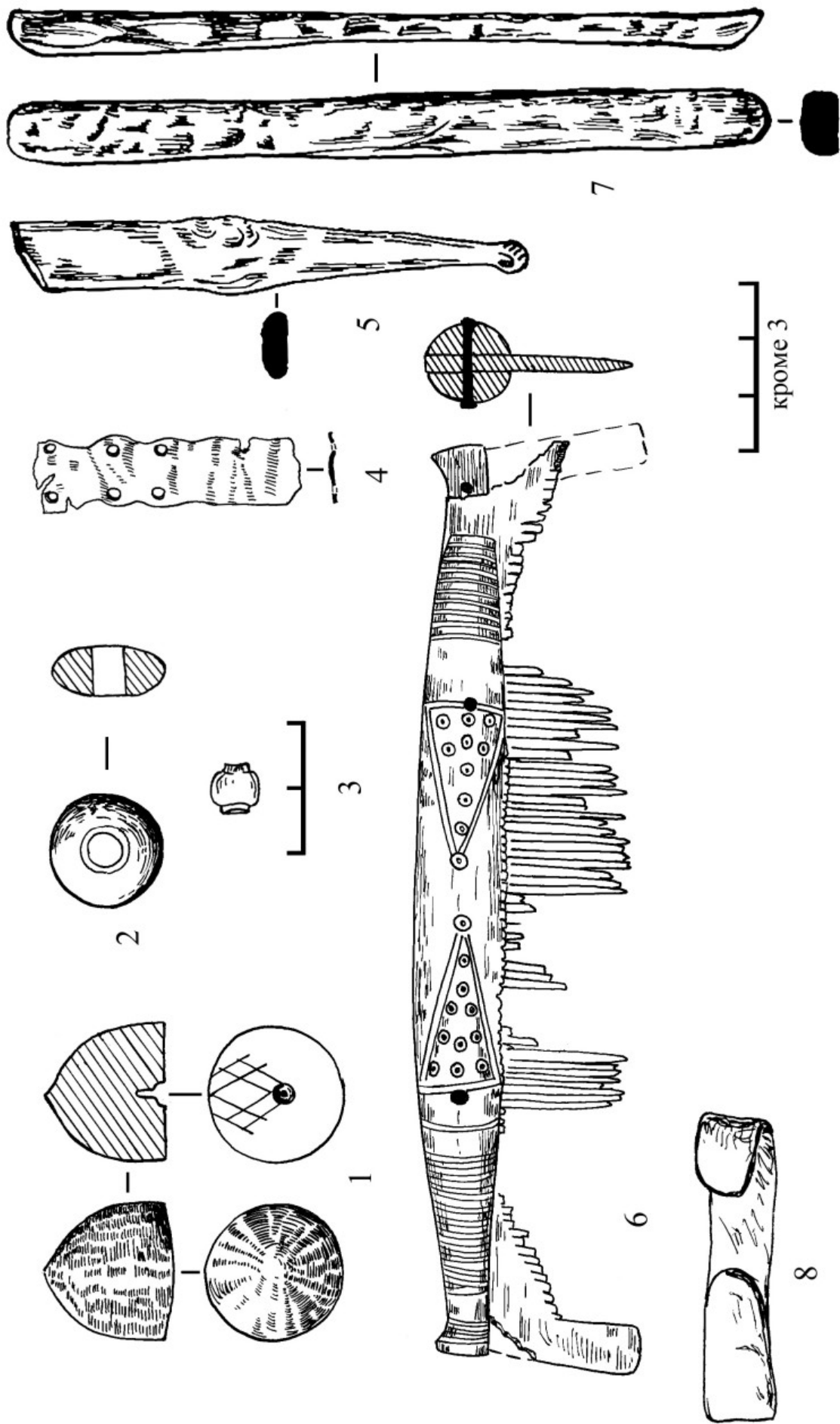

Рис. 56. Городище. Ранний период. Постройка 1. Находки: 1, 5—7 — кость; 2 — шифер; 3 — стекло; 4 — бронза; 8 — железо

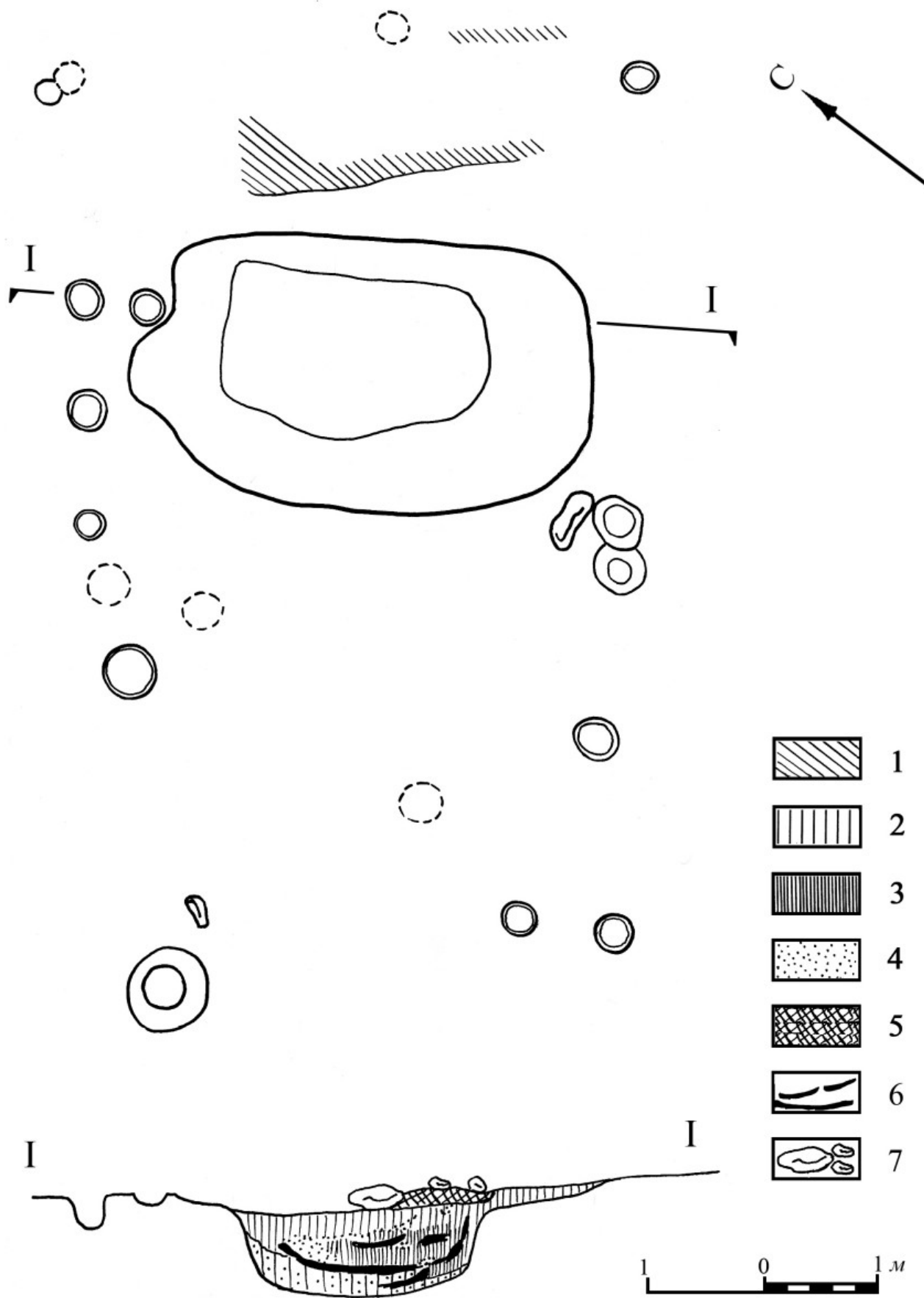

Рис. 57. Городище. Ранний период. Постройка 2. План и разрез: 1, 2 — темно-серая гумусированная супесь; 3 — черная гумусированная супесь; 4 — светлая материковая супесь; 5 — красная глина; 6 — угольно-сажистые прослойки; 7 — камни

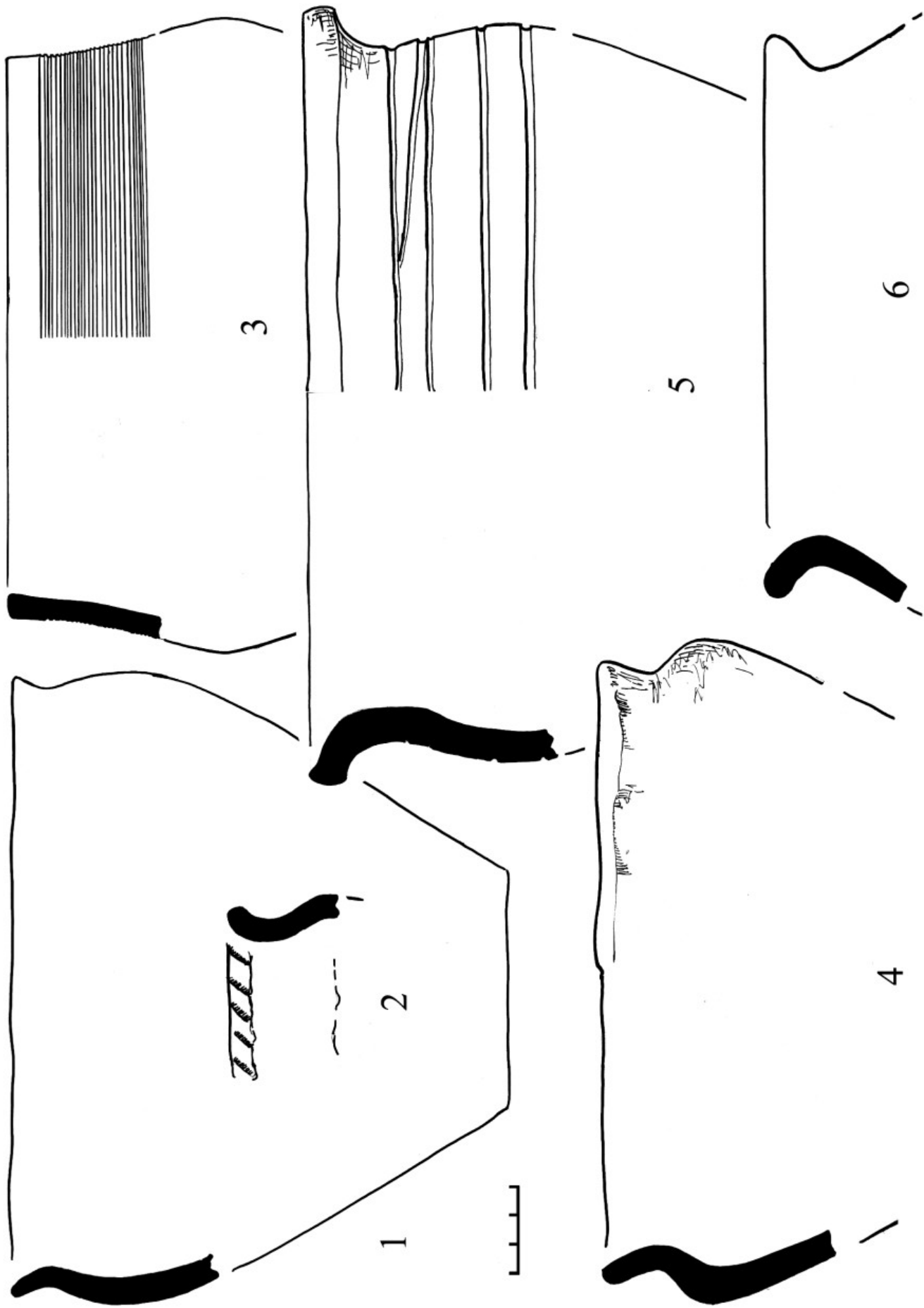

Рис. 58. Городище. Ранний период. Постройка 2. Керамика: 1, 2, 4 — лепная; 3, 5, 6 — раннегончарная

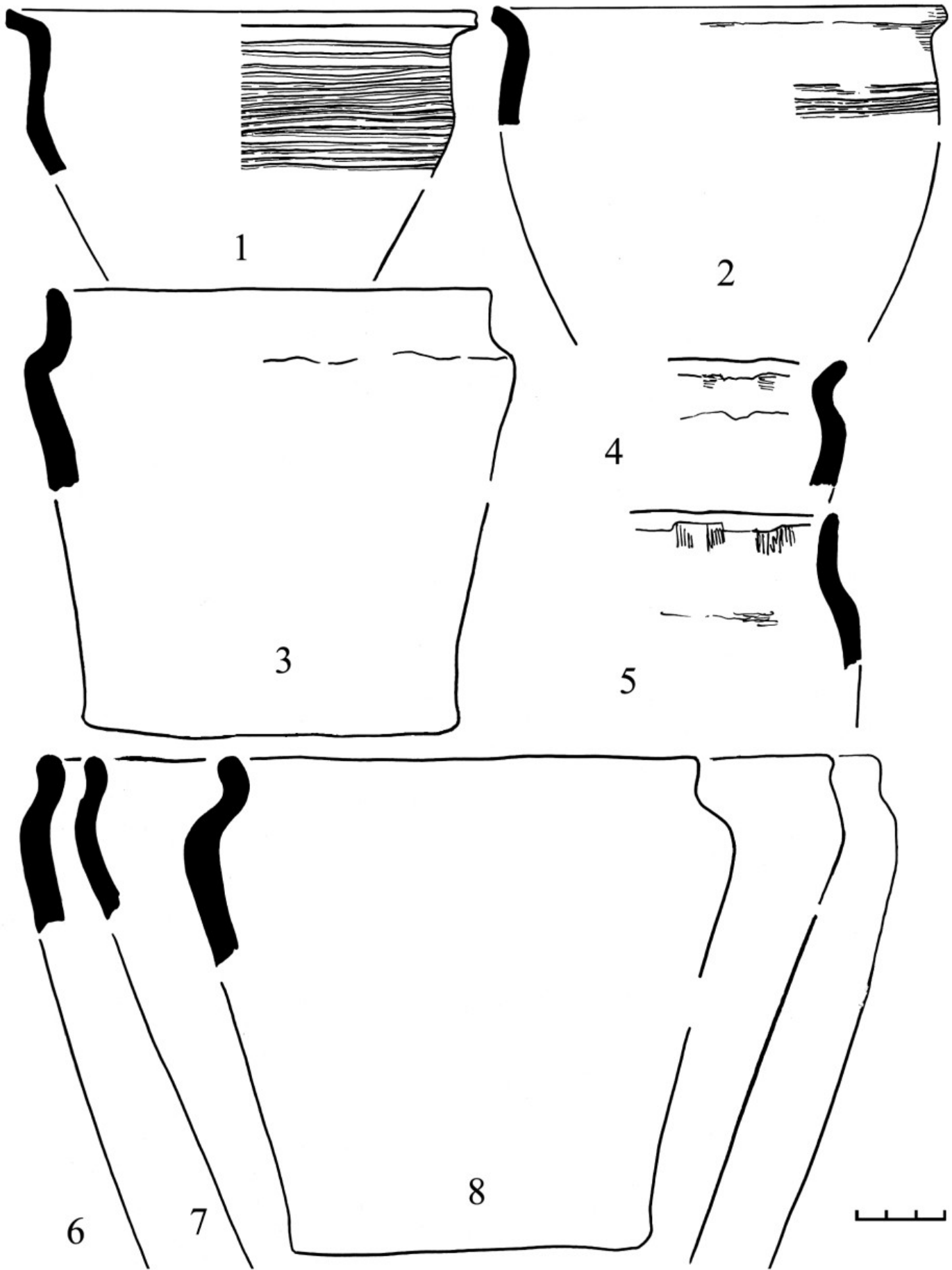

Рис. 59. Городище. Ранний период. Постройка 2. Керамика: 1, 2 — раннегончарная; 3—8 — лепная

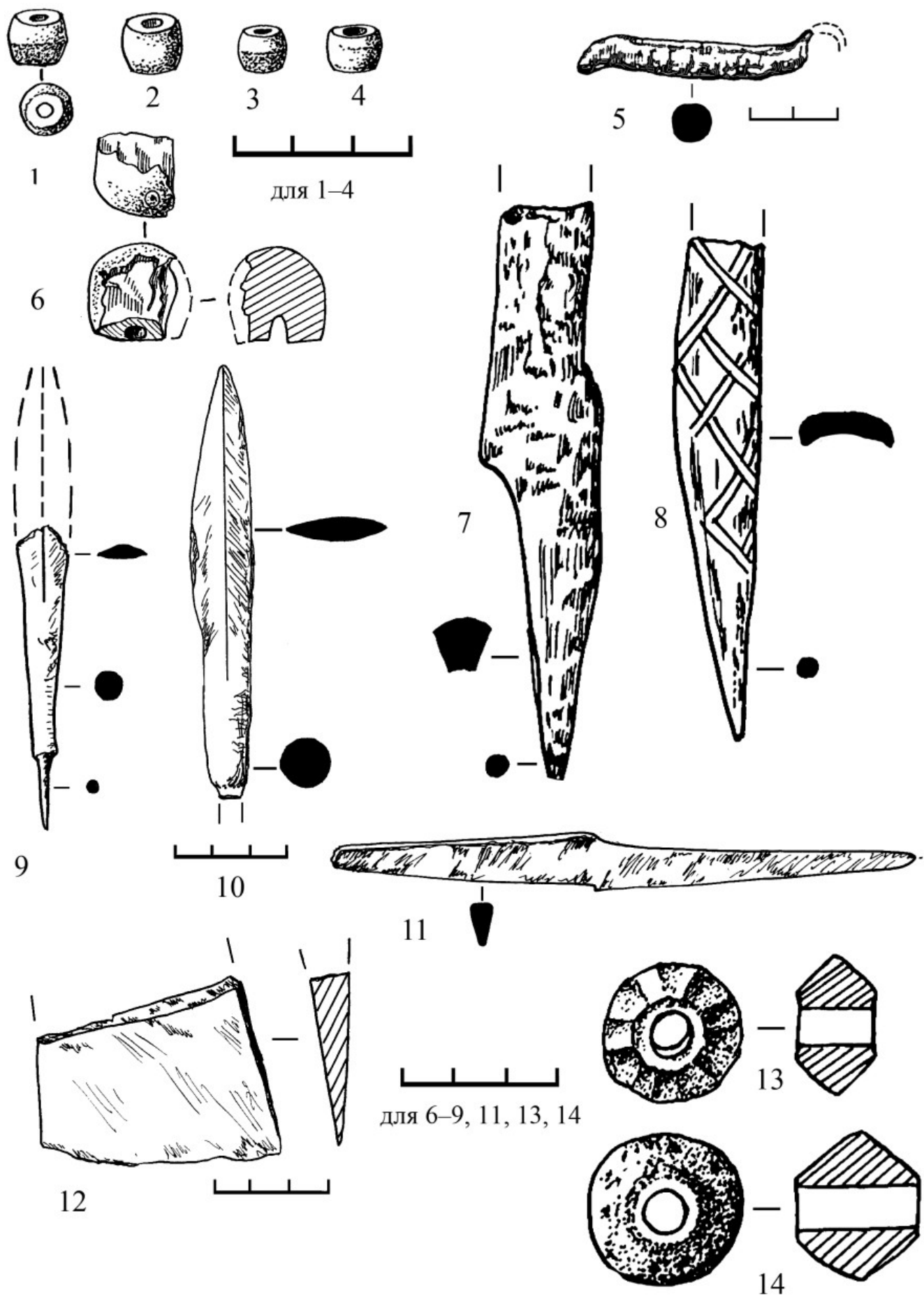

Рис. 60. Городище. Ранний период. Постройка 2. Находки: 1-4 — паста; 5, 9-12 — железо; 6-8 — кость; 13, 14 — глина

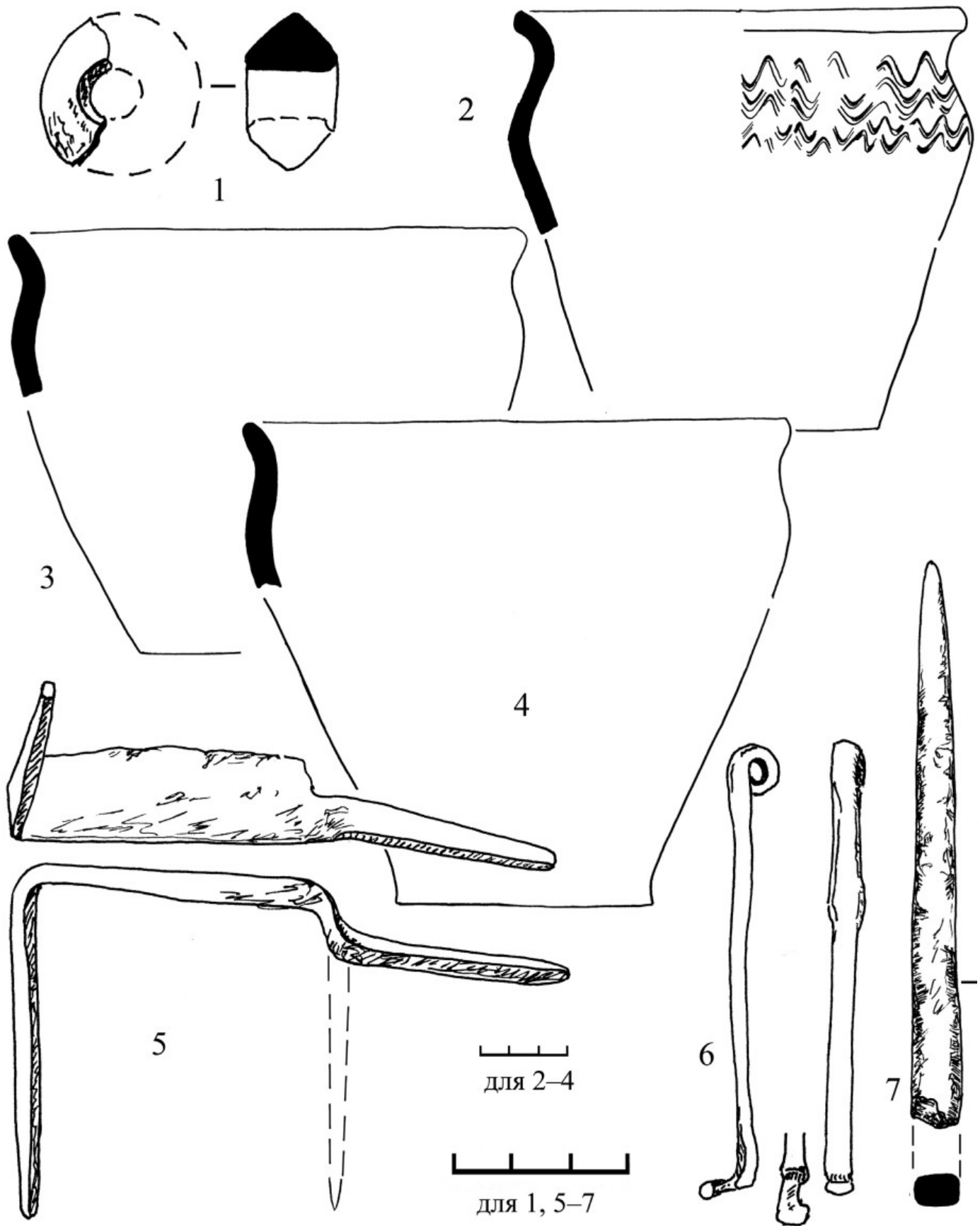

Рис. 61. Городище. Ранний период. Постройка 3. Находки: 1 — глина; 2 — раннегончарная керамика; 3, 4 — лепная керамика; 5—7 — железо

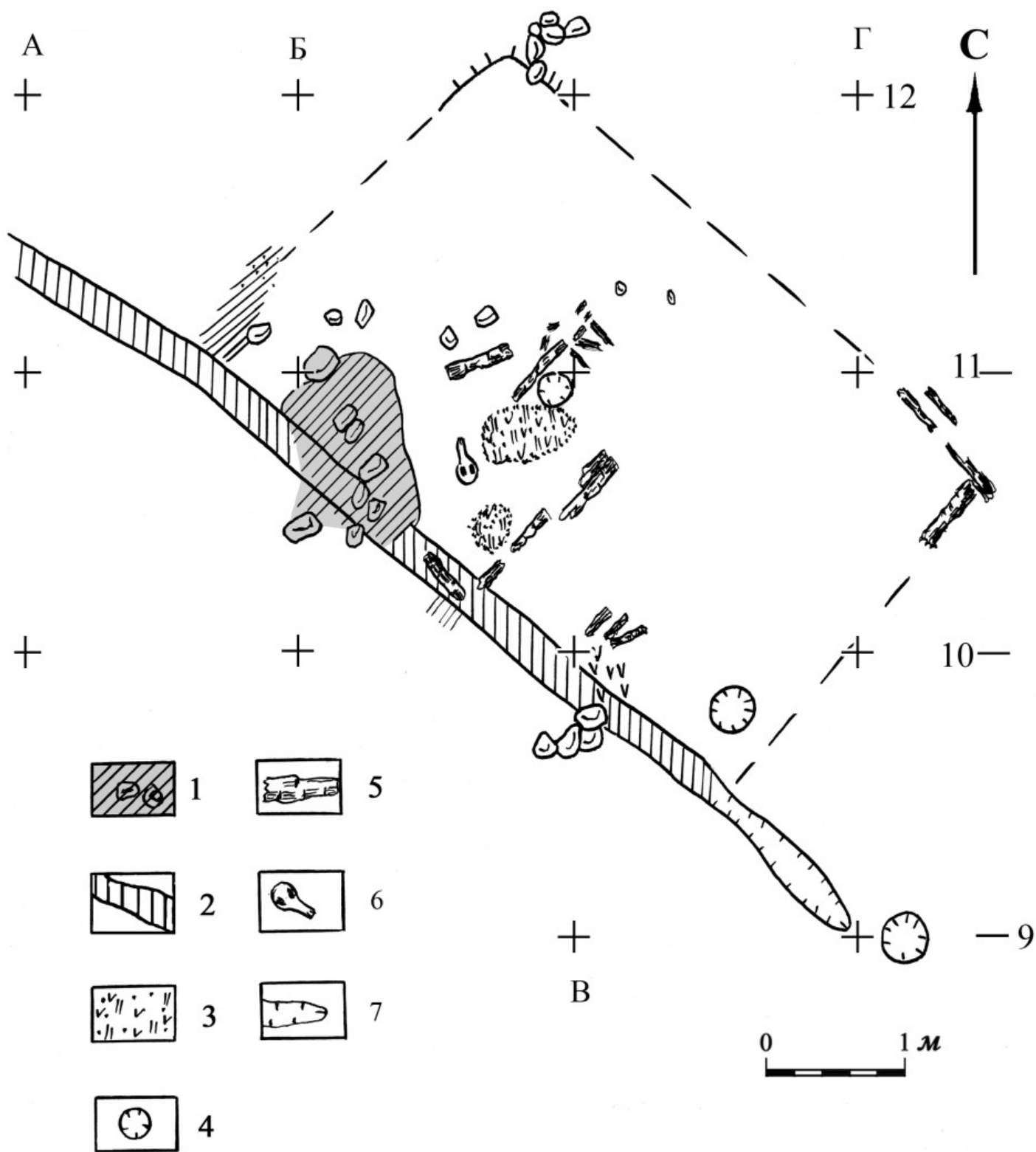

Рис. 62. Городище. Ранний период. Постройка 4. План: 1 — красная глина с камнем (нарушение XII в. — очаг в кв. Б₁₀); 2 — гумусный след от бревенчатой стены; 3 — прокаленный песок с включениями угля и золы; 4 — столбовые ямы; 5 — горелое дерево; 6 — череп жеребенка; 7 — канавка в материке

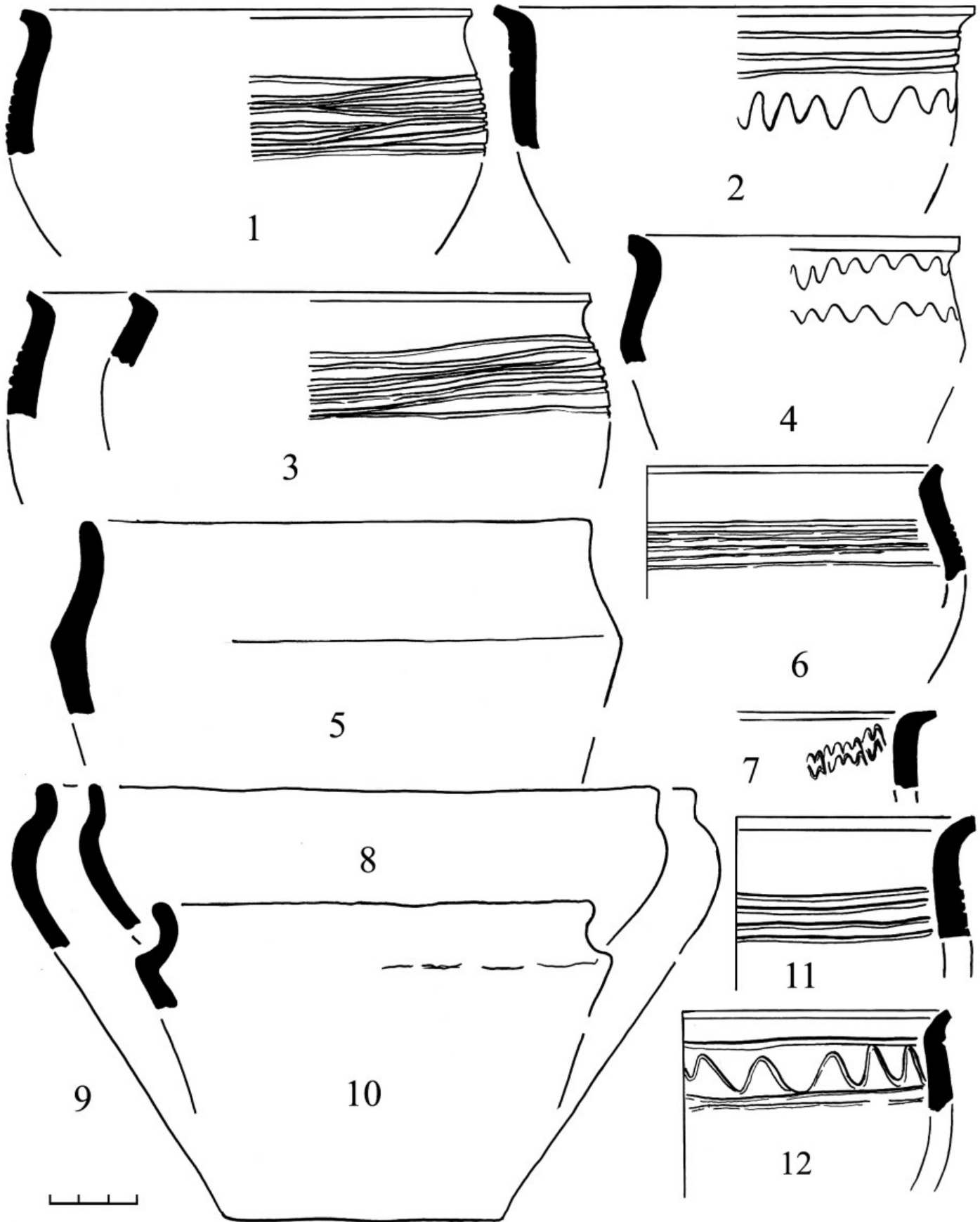

Рис. 63. Городище. Ранний период. Постройка 4. Керамика: 1—4, 6, 7, 11, 12 — раннегончарная; 5, 8—10 — лепная

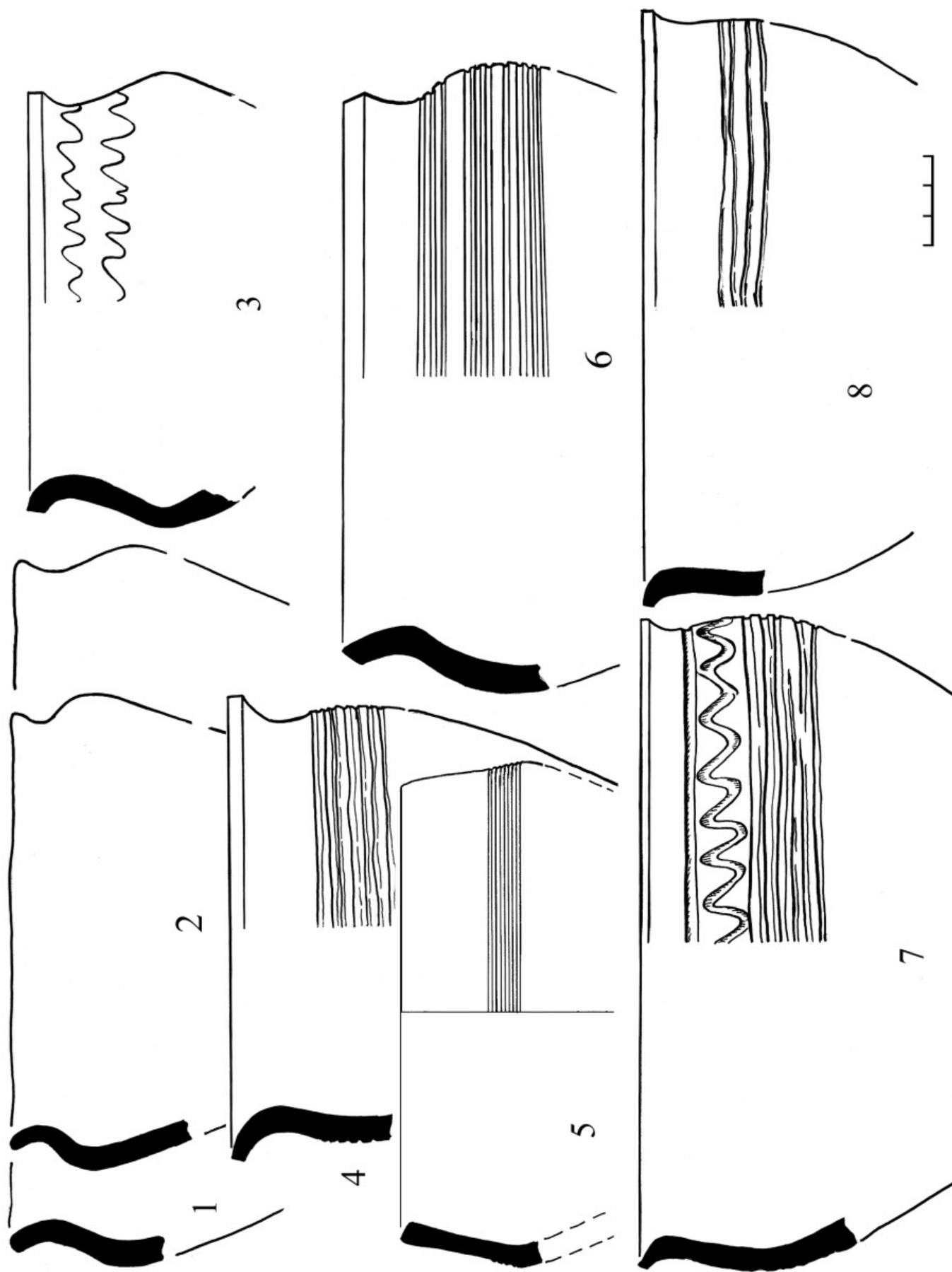

Рис. 64. Городище. Ранний период. Постройка 4. Керамика: 1, 2 — лепная; 3—8 — раннегончарная

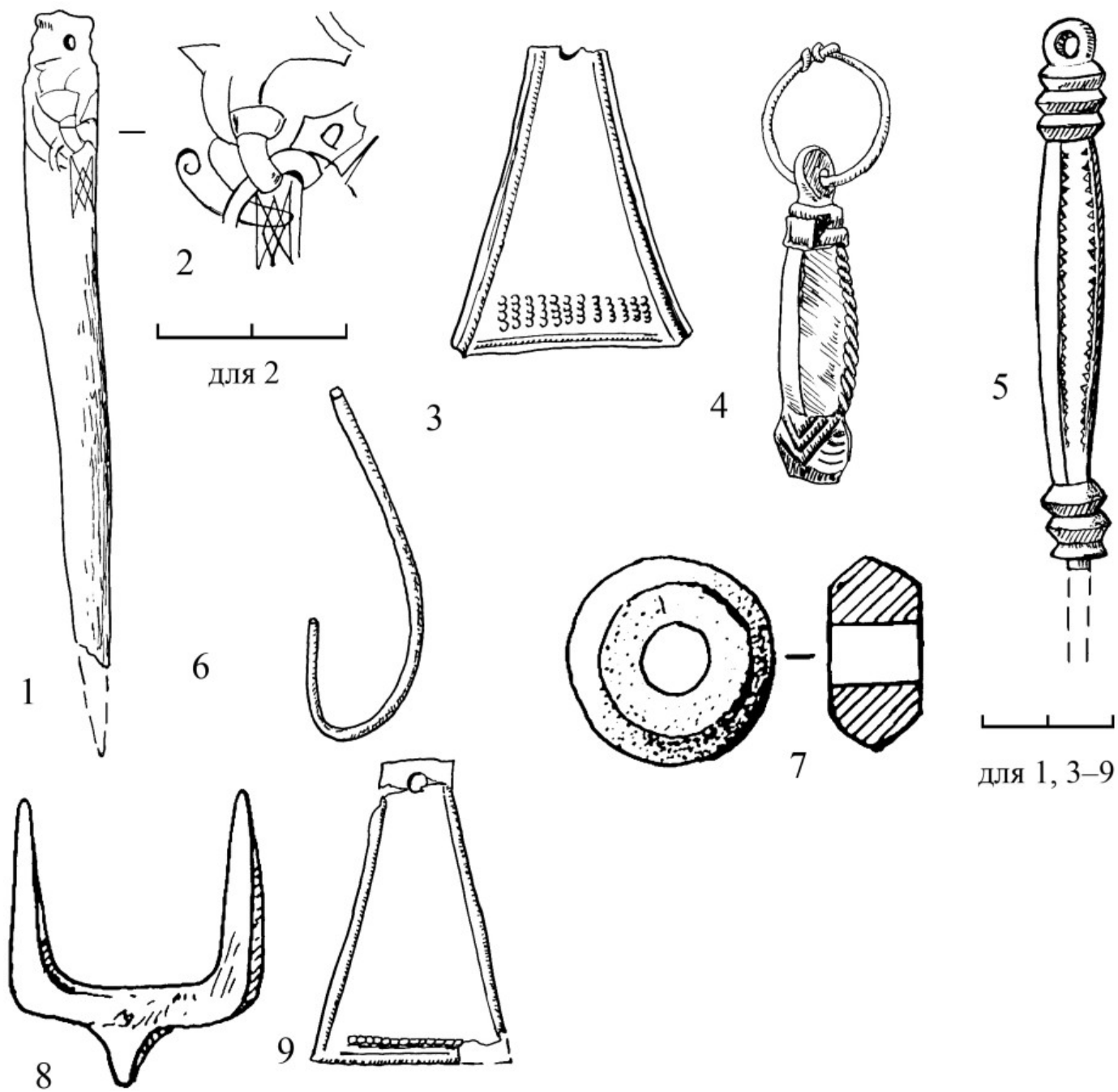

Рис. 65. Городище. Ранний период. Постройка 4. Находки: 1, 2 — кость; 3, 5, 6, 9 — бронза; 4 — бронза с позолотой; 7 — глина; 8 — железо

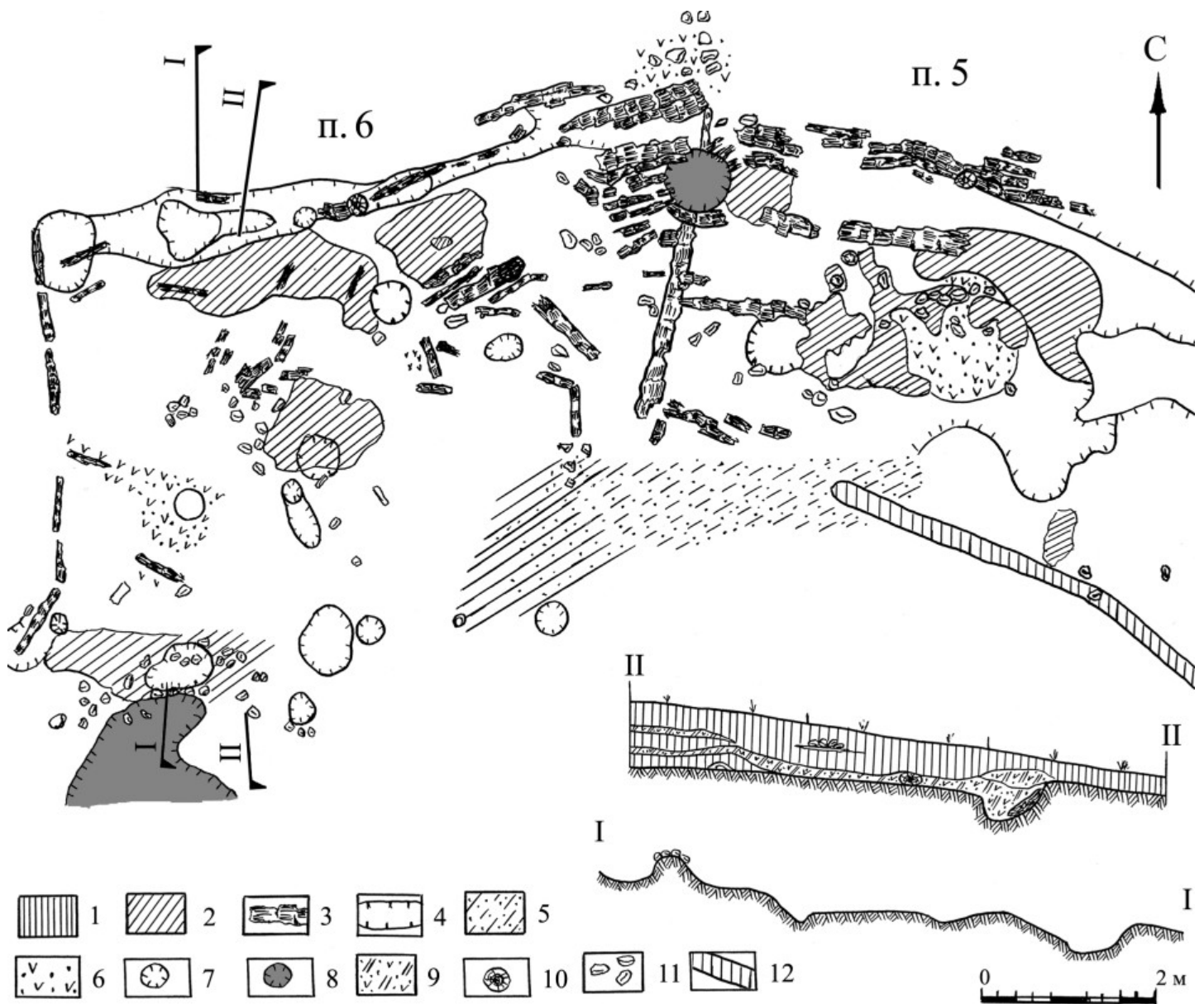

Рис. 66. Городище. Ранний период. Постройка 5 и 6. План, разрез и профиль: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — красная глина; 3, 10 — горелое дерево; 4 — канавка в материке; 5 — обожженная глинисто-песчаная смесь; 6 — прокаленный материк с углем; 7 — столбовые ямы; 8 — ямы XI—XII вв.; 9 — обожженная красная глина в разрезе; 11 — камни; 12 — гумусный след от бревенчатой стены

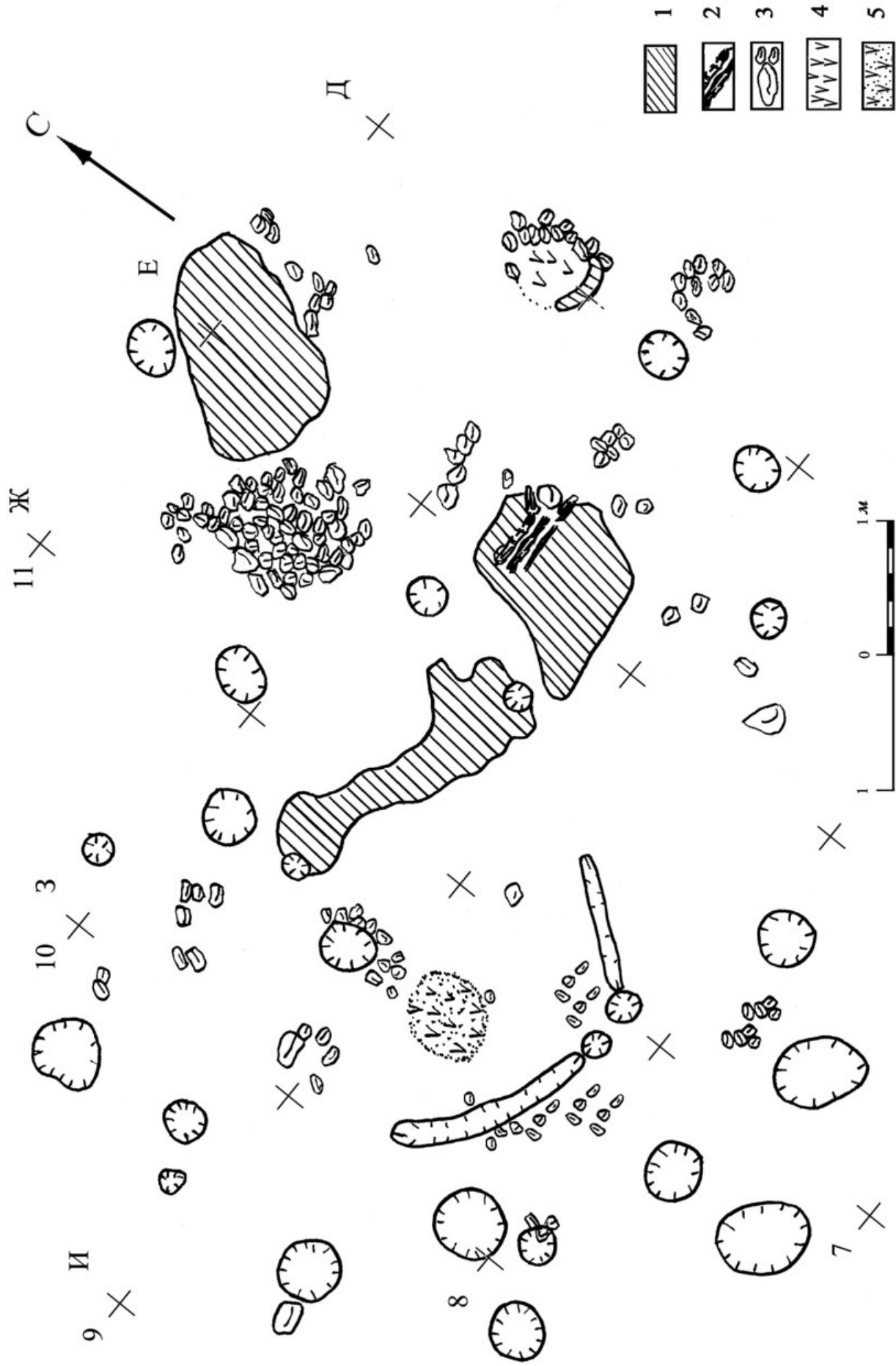

Рис. 67. Городище. Ранний период. Постройка 7. План: 1 — красная глина; 2 — горелое дерево; 3 — камни; 4 — уголь; 5 — прокаленный песок с углем

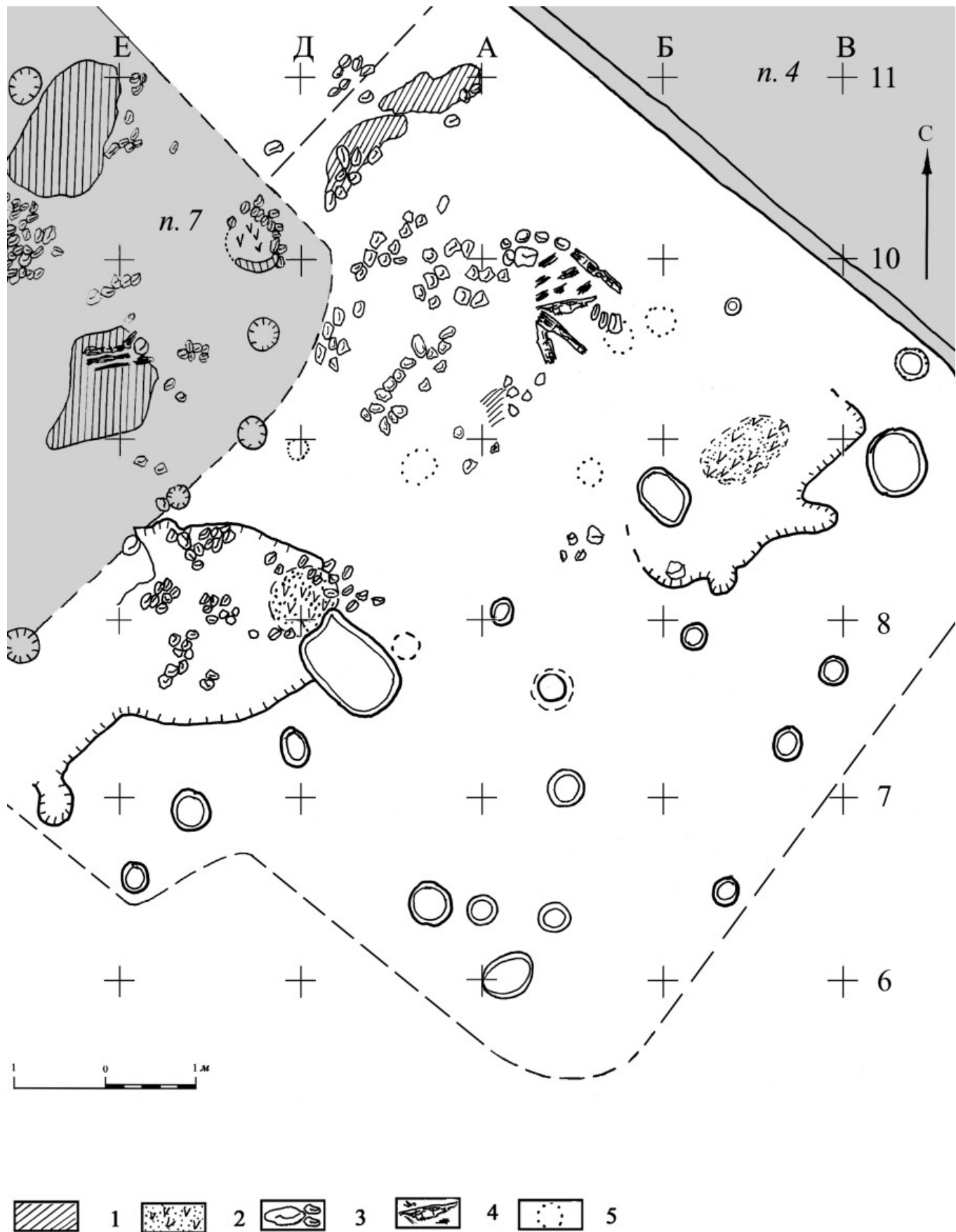

Рис. 68. Городище. Ранний период. Постройка 8. План: 1 — красная глина; 2 — прокаленный песок с включениями угля и золы; 3 — камни; 4 — горелое дерево; 5 — следы столбовых ям (гл. до 0,2 м)

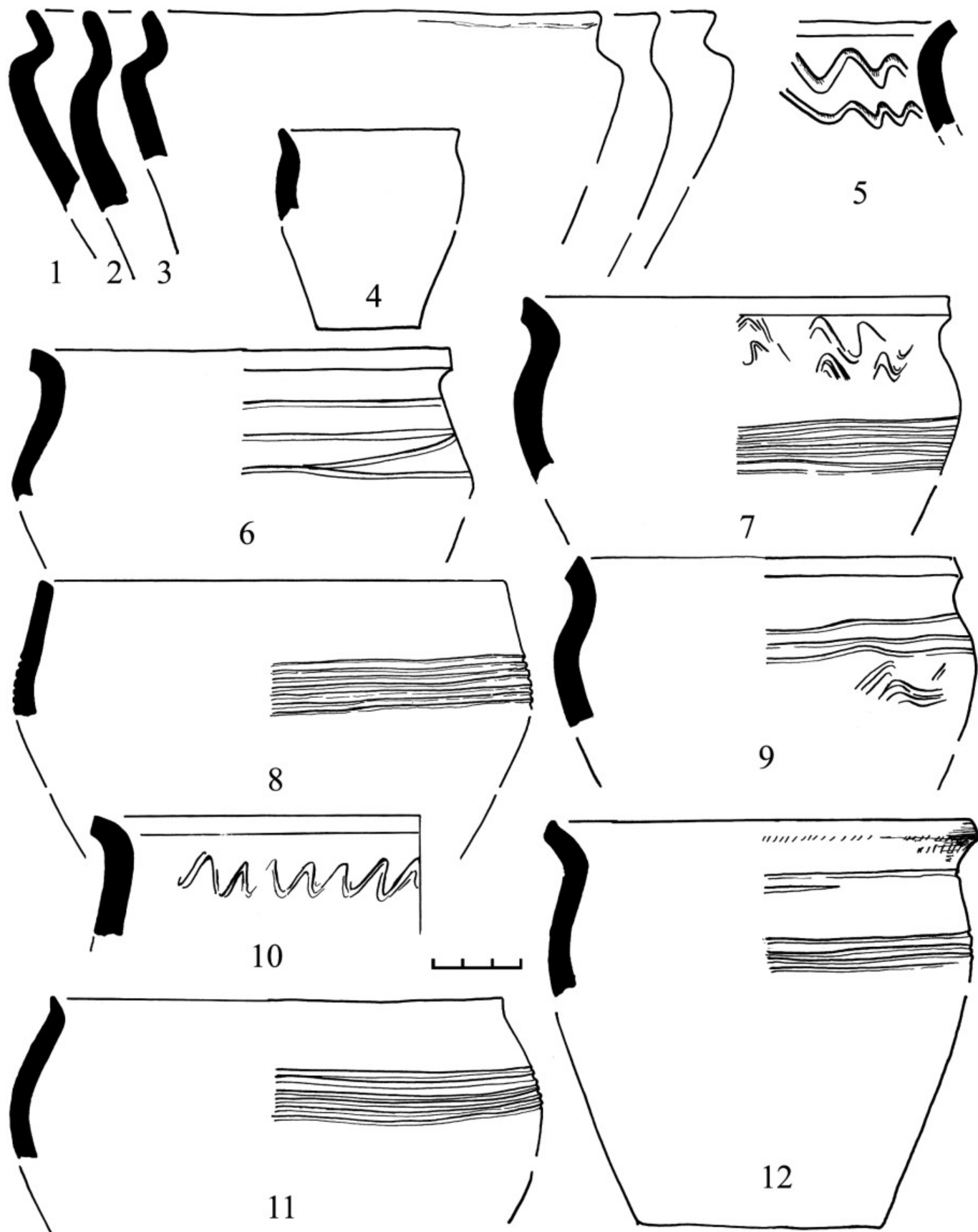

Рис. 69. Городище. Ранний период. Постройка 5. Керамика: 1—4 — лепная; 5—12 — раннегончарная

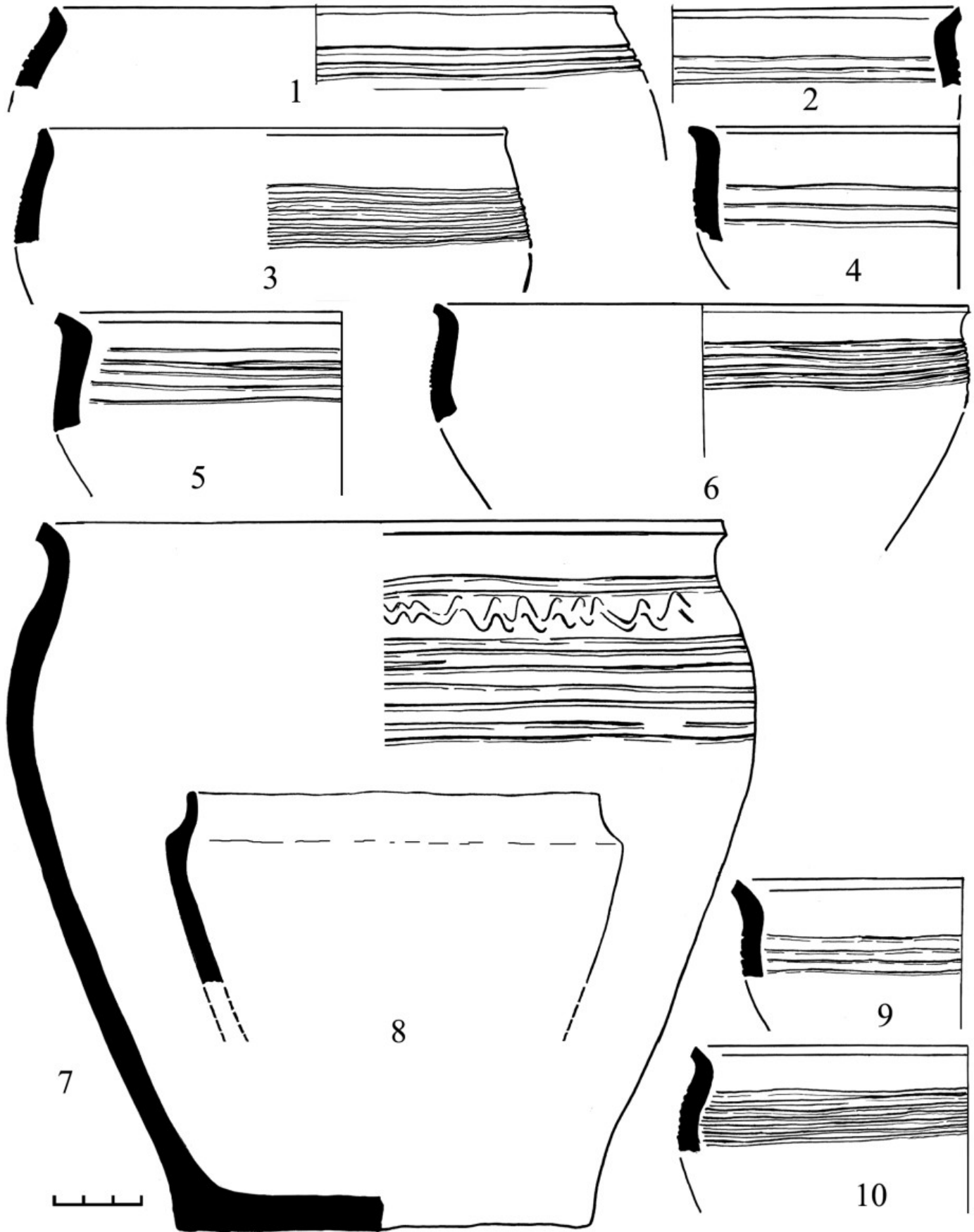

Рис. 70. Городище. Ранний период. Постройка 5. Керамика: 1—7, 9, 10 — раннегончарная; 8 — лепная

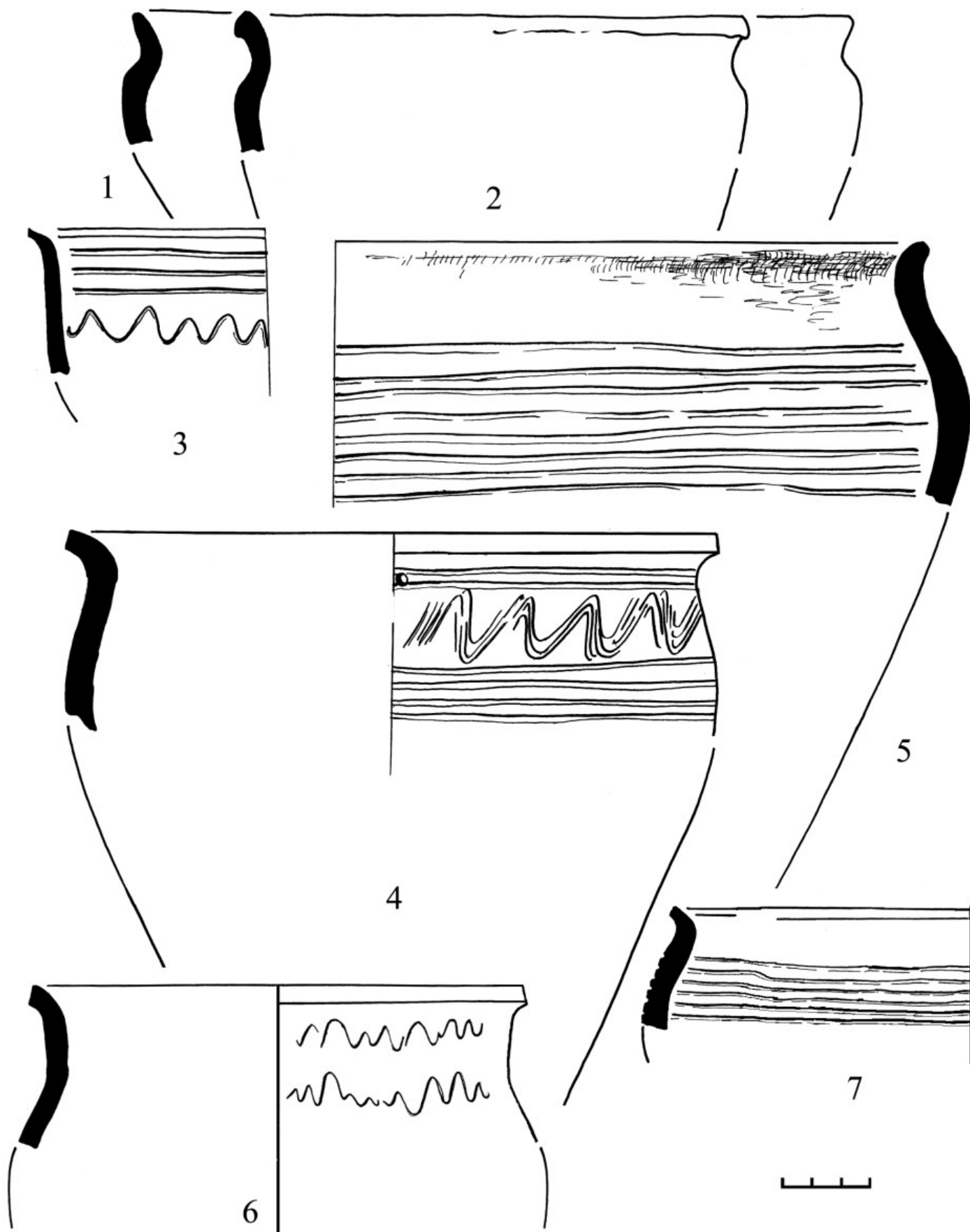

Рис. 71. Городище. Ранний период. Постройка 5. Керамика: 1, 2 — лепная; 3—7 — раннегончарная

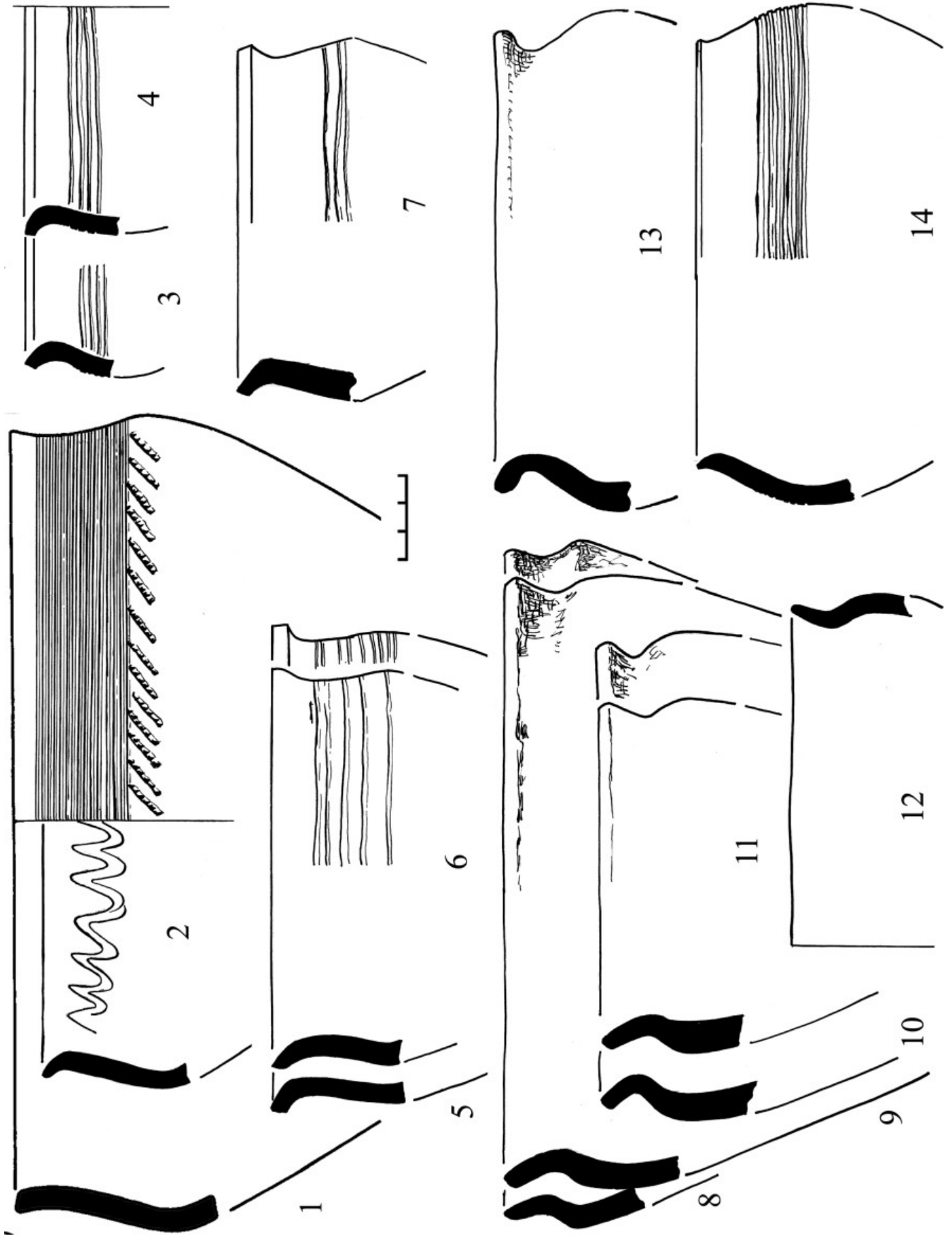

Рис. 72. Городище. Ранний период. Постройка 5. Керамика: 1—7, 14 — раннегончарная; 8—13 — лепная

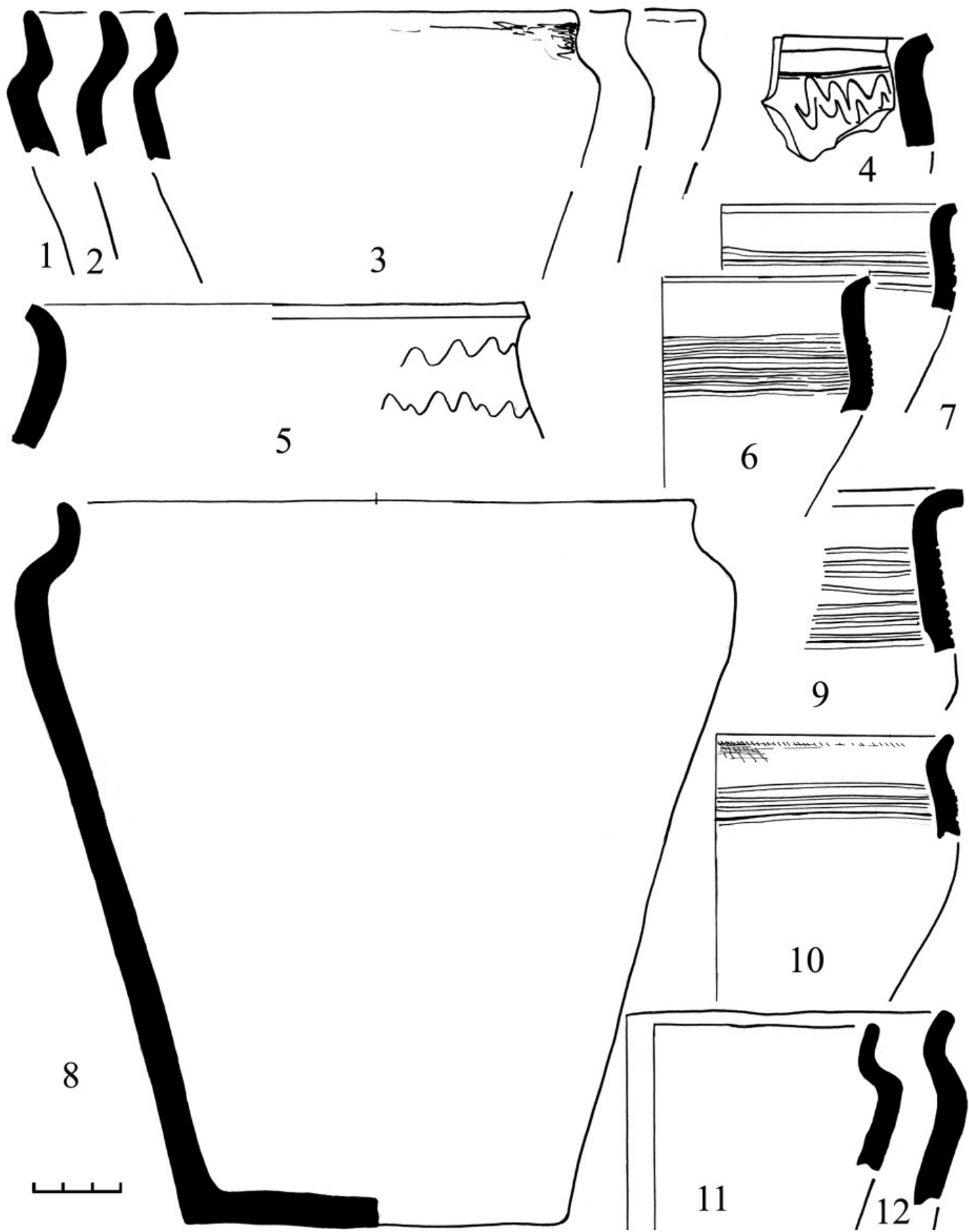

Рис. 73. Городище. Ранний период. Постройка 6. Керамика: 1—3, 8, 11, 12 — лепная; 4—7, 9, 10 — раннегончарная

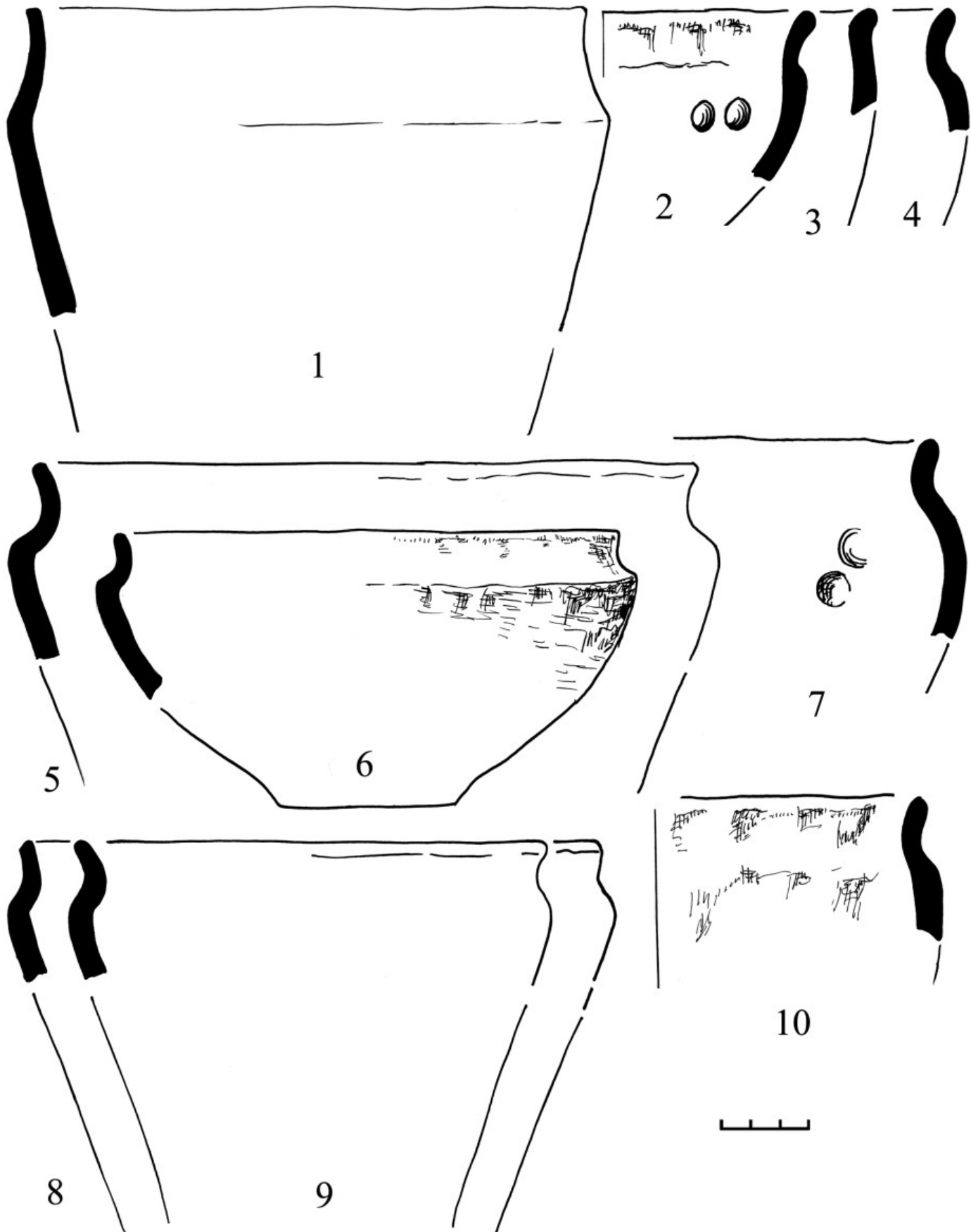

Рис. 74. Горищице. Ранний период. Постройка 6. Лепная керамика

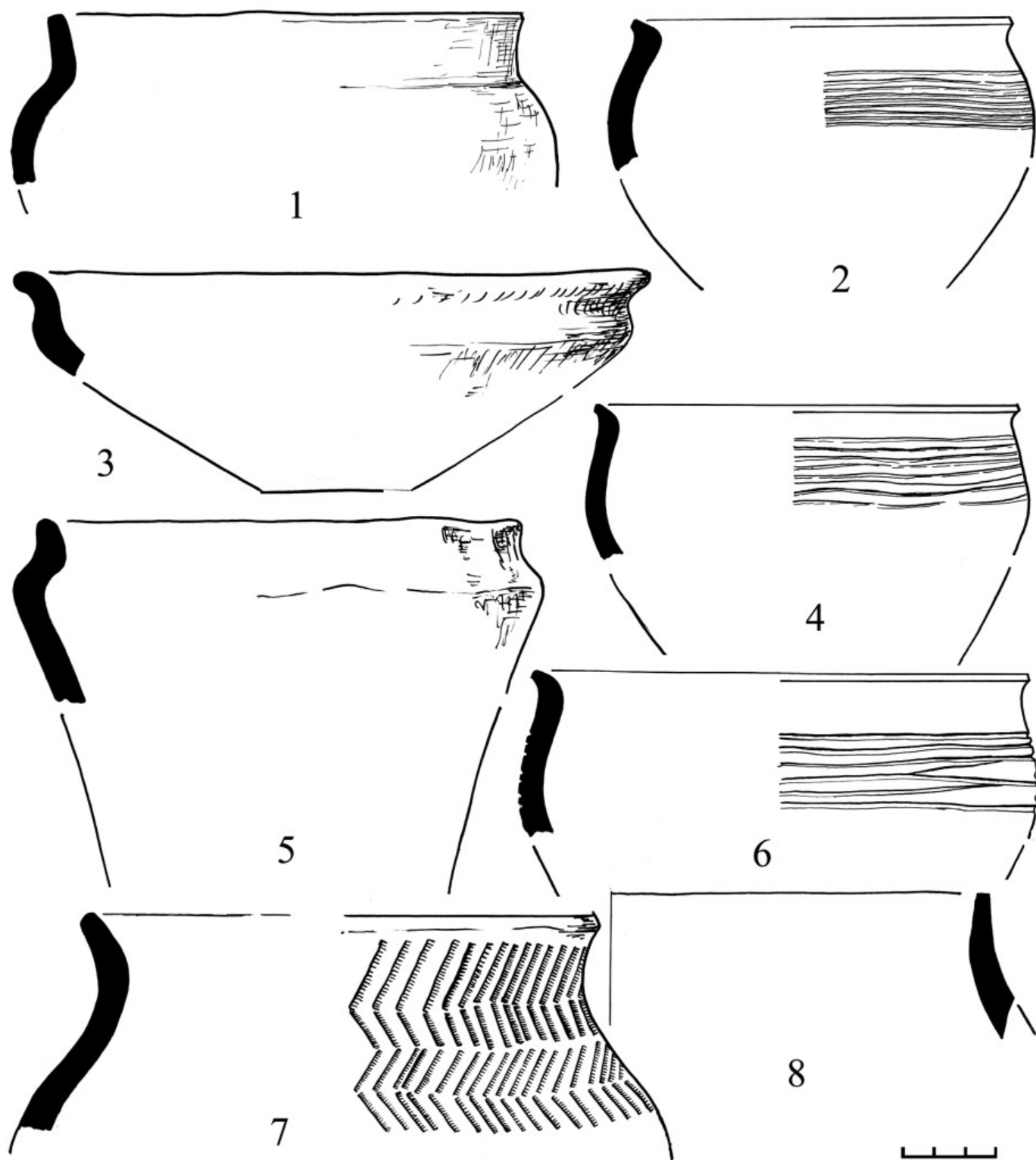

Рис. 75. Городище. Ранний период. Постройка 6. Керамика: 1, 2, 4—8 — раннегончарная; 3, 5 — лепная

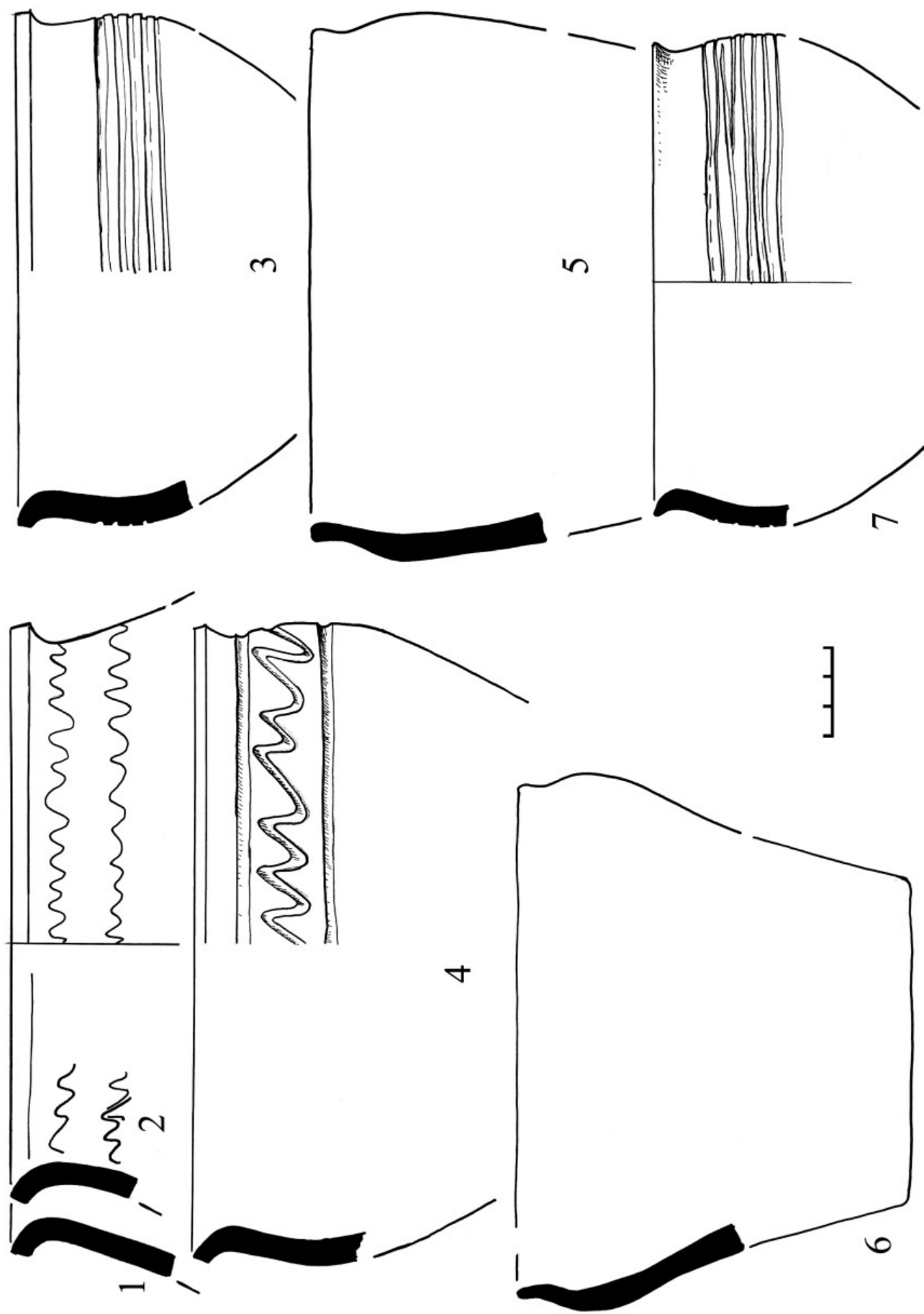

Рис. 76. Городище. Ранний период. Постройка 6. Керамика: 1—4, 7 — раннегончарная; 5, 6 — лепная

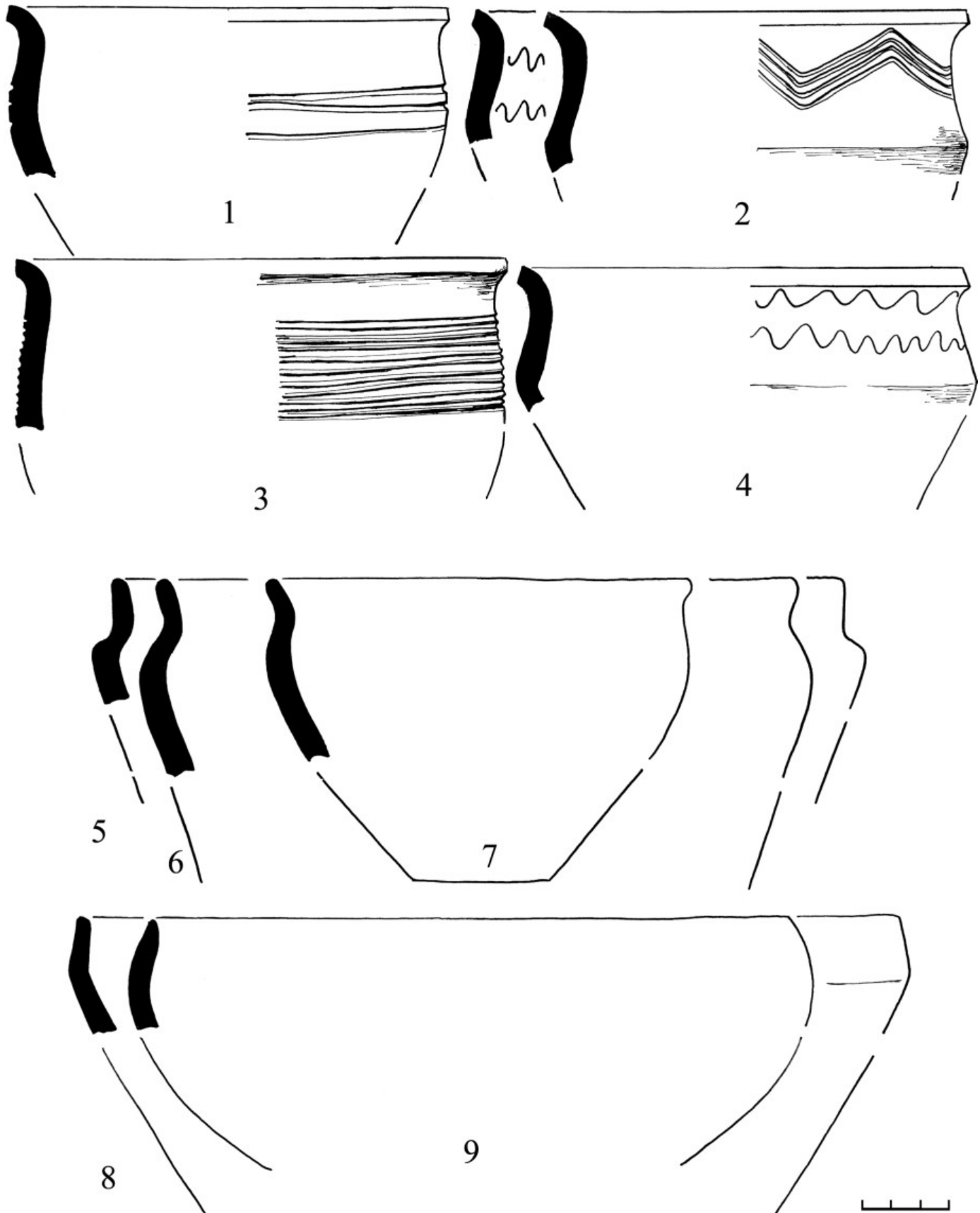

Рис. 77. Городище. Ранний период. Постройки 7/8. Керамика: 1—4 — раннегончарная; 5—9 — лепная

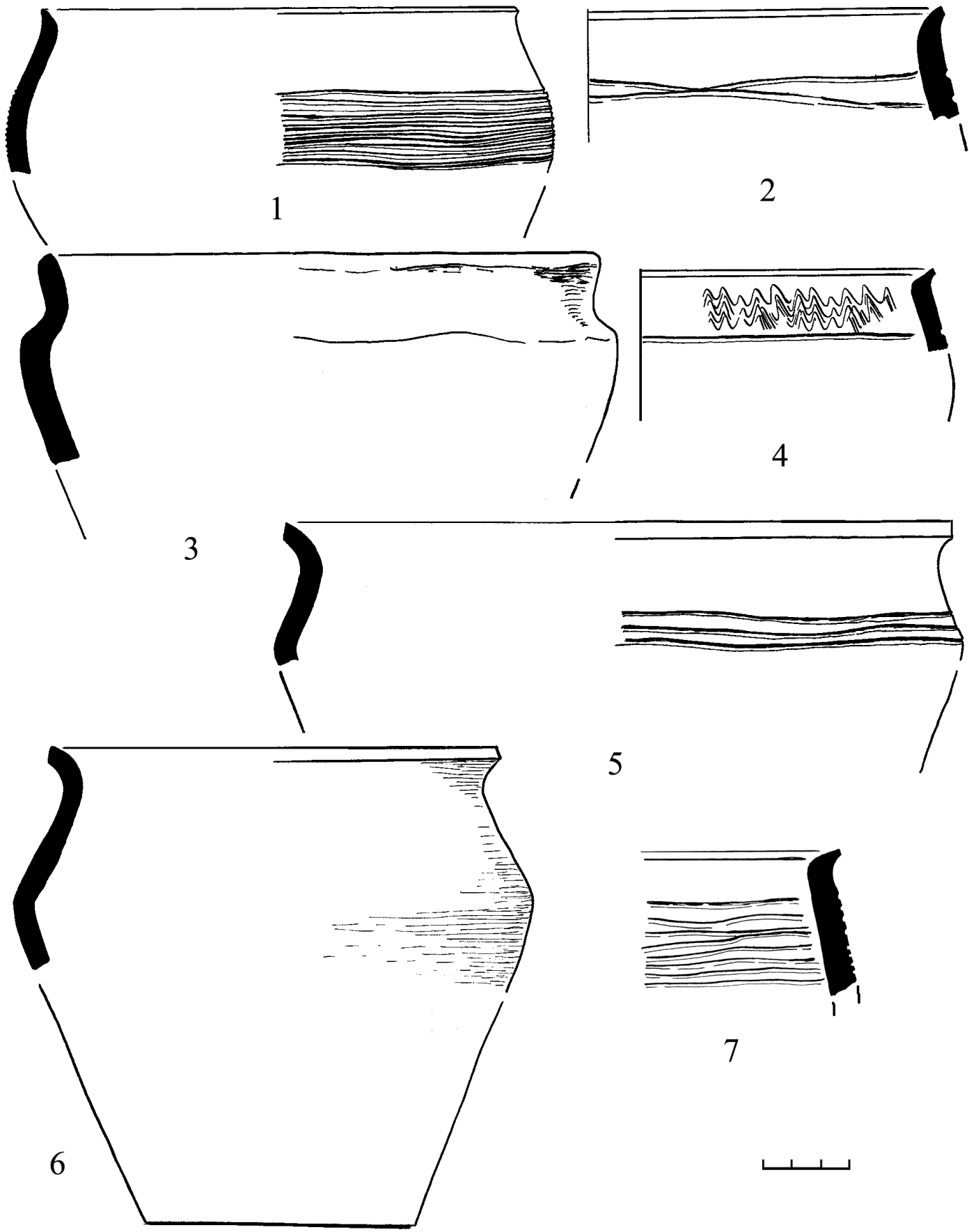

Рис. 78. Городище. Ранний период. Постройки 7/8. Керамика: 1, 2, 4—7 — раннегончарная; 3 — лепная

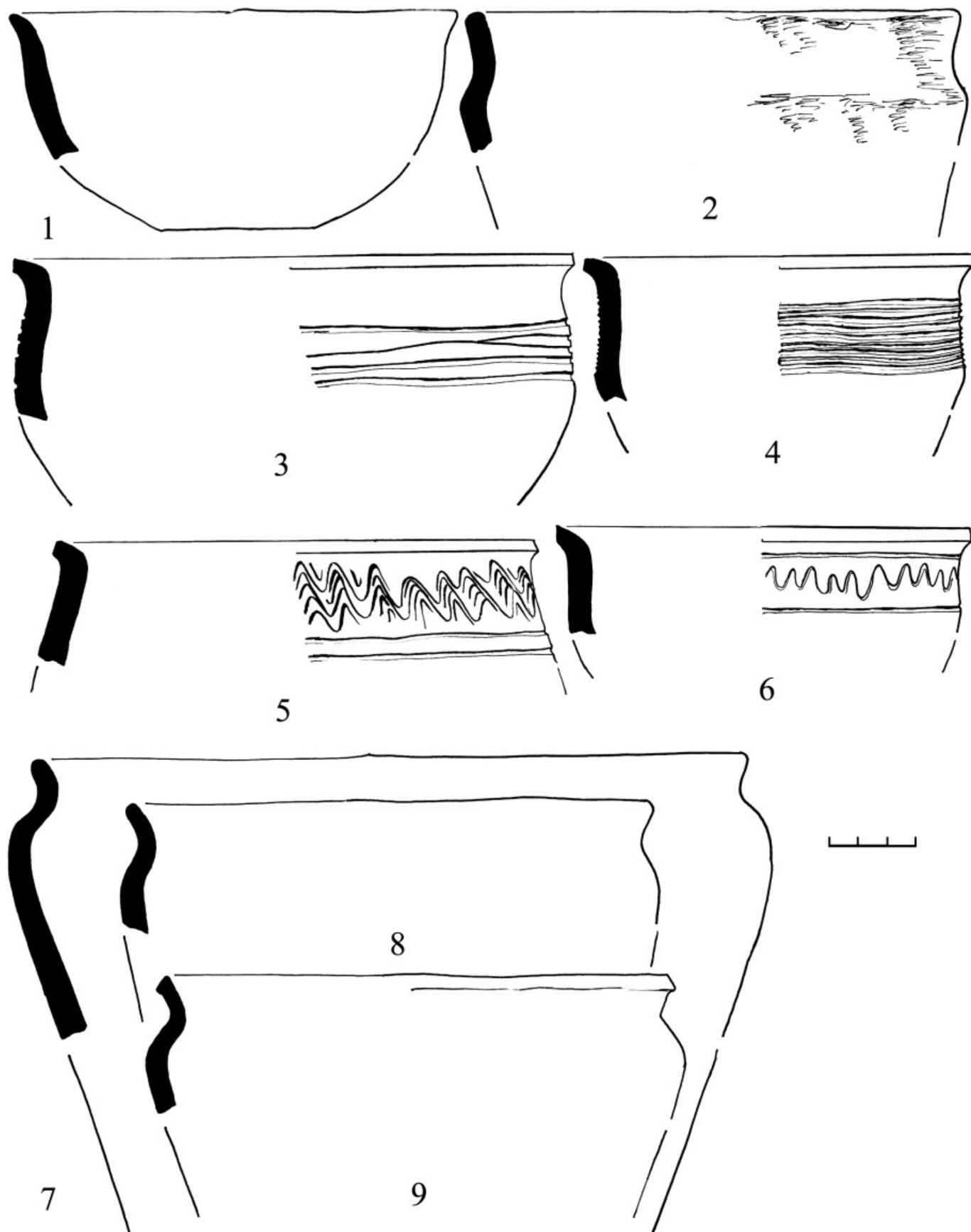

Рис. 79. Городище. Ранний период. Постройки 7/8. Керамика: 1, 2, 7—9 — лепная; 3—6 — раннегончарная

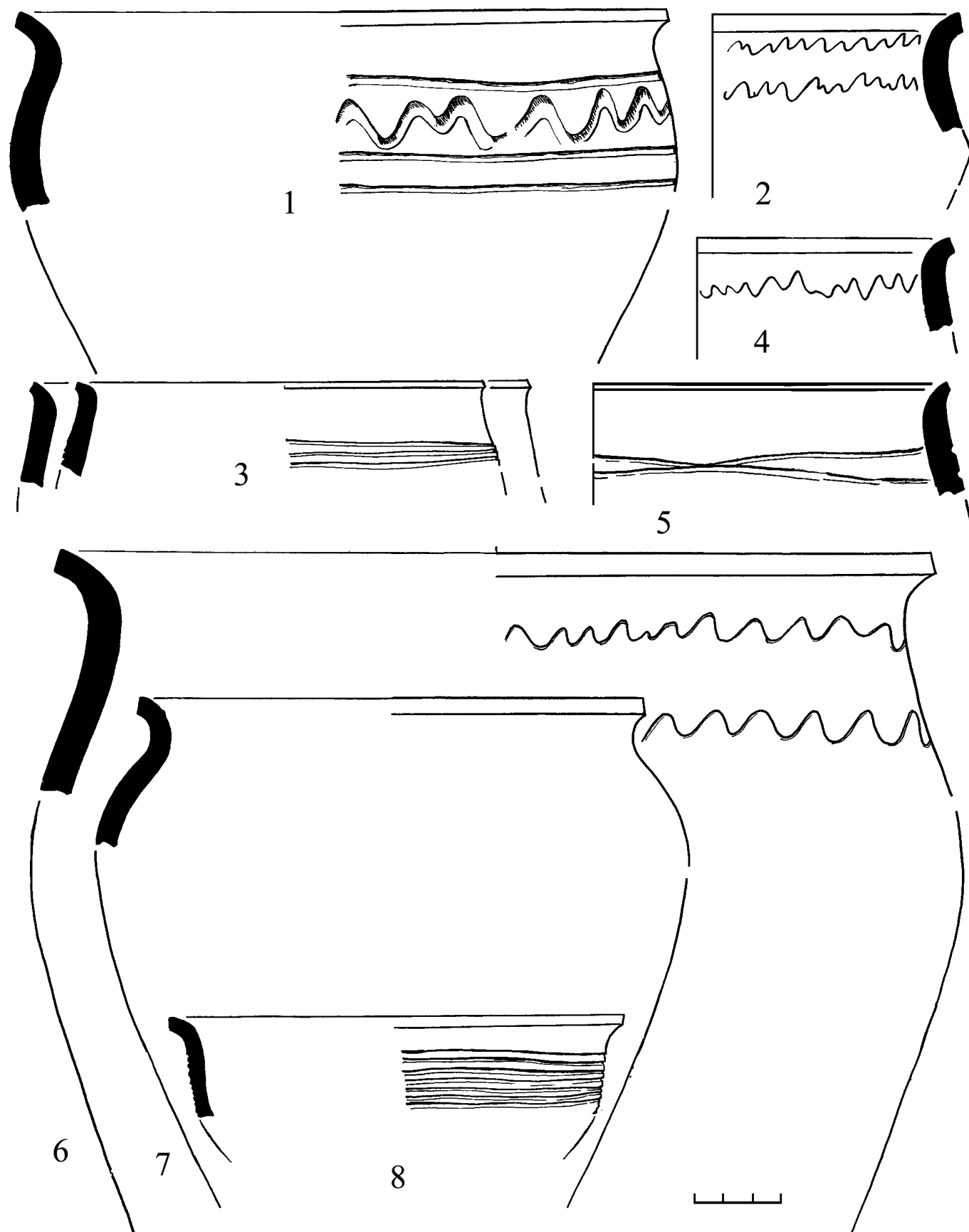

Рис. 80. Городище. Ранний период. Постройки 7/8. Раннегончарная керамика

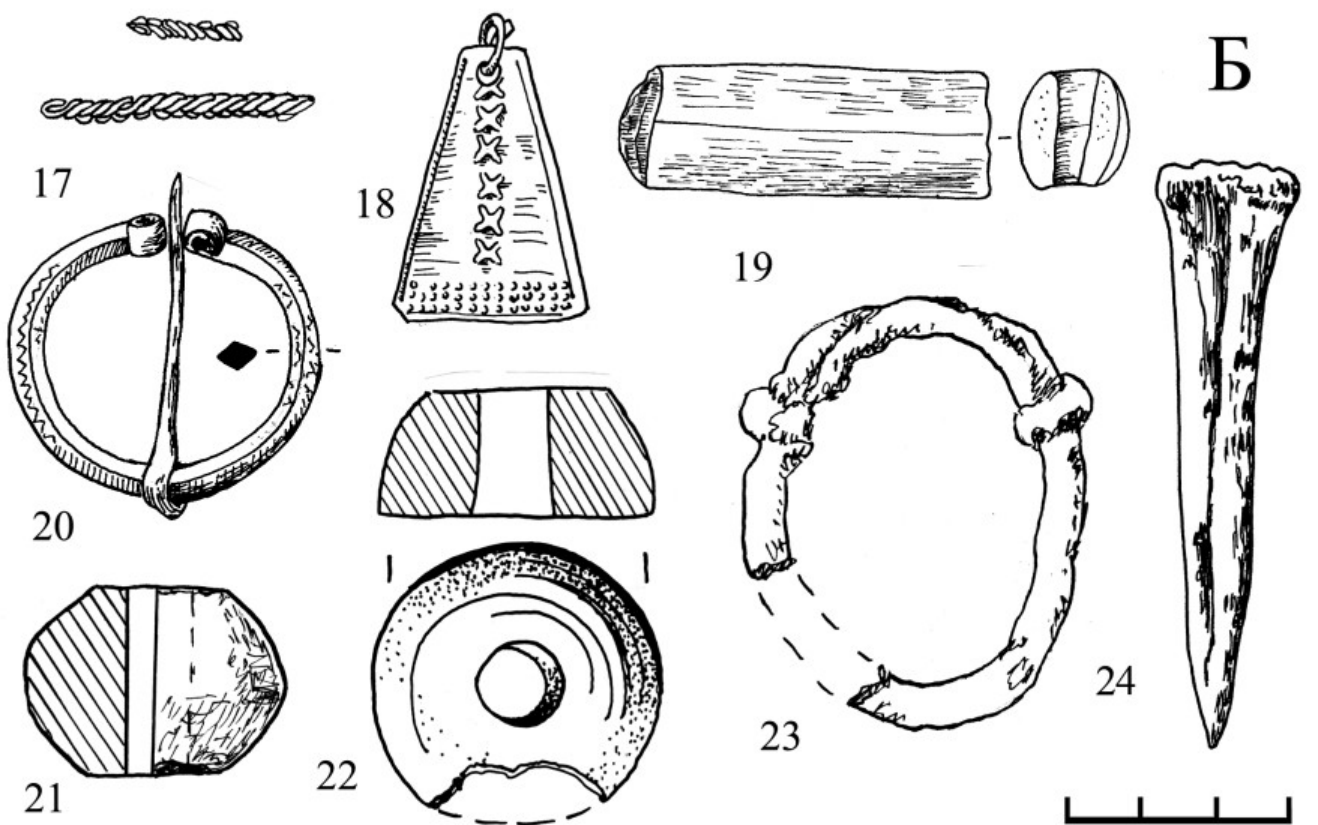
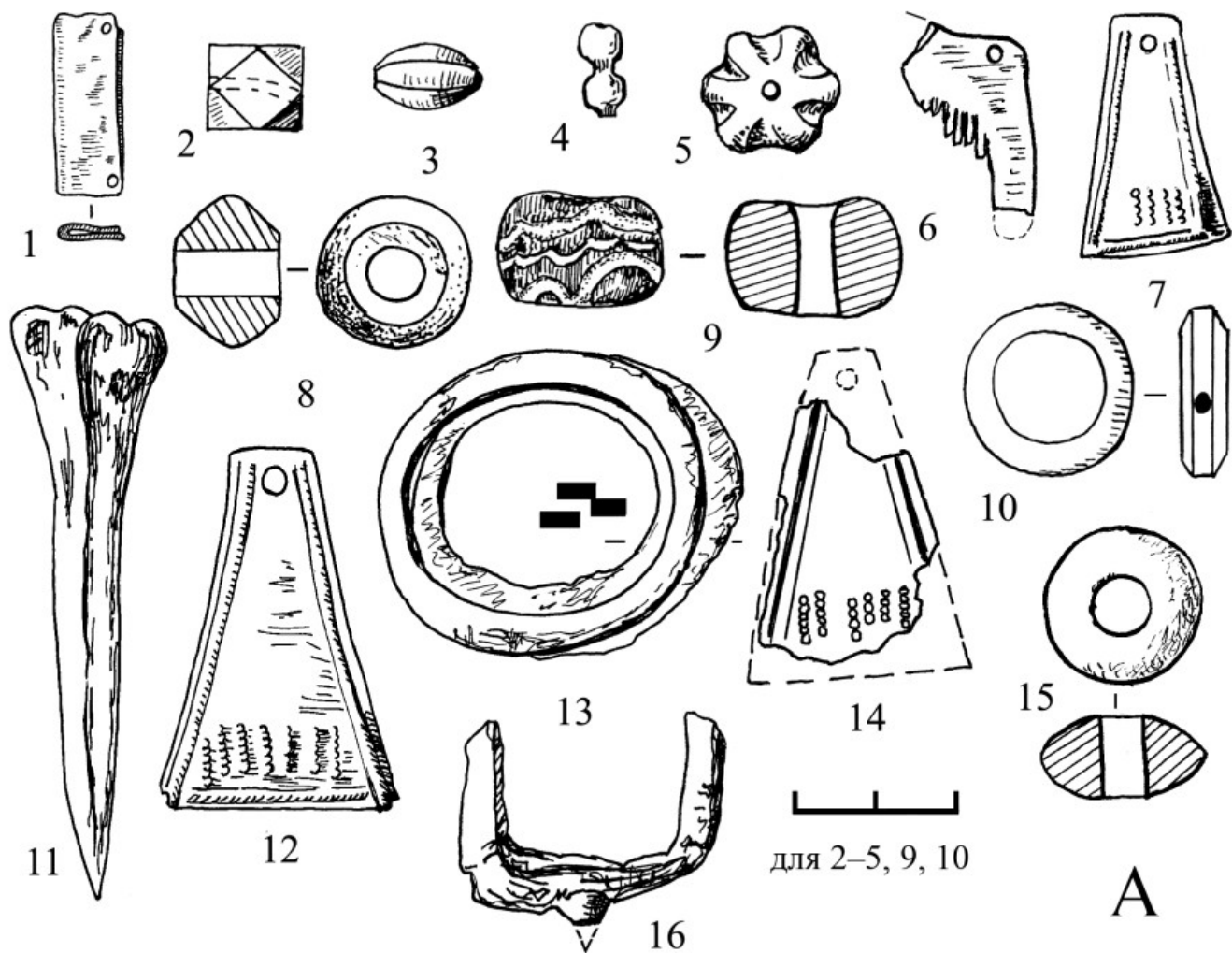

Рис. 81. Городище. Ранний период. А — постройка 5; Б — постройка 6. Находки: 1, 7, 12, 14, 17, 18, 20 — бронза; 2, 10 — сердолик; 3, 5 — хрусталь; 6, 11, 19, 24 — кость; 4, 9 — стекло; 13, 16, 23 — железо; 8, 15, 21 — глина; 22 — кварцит

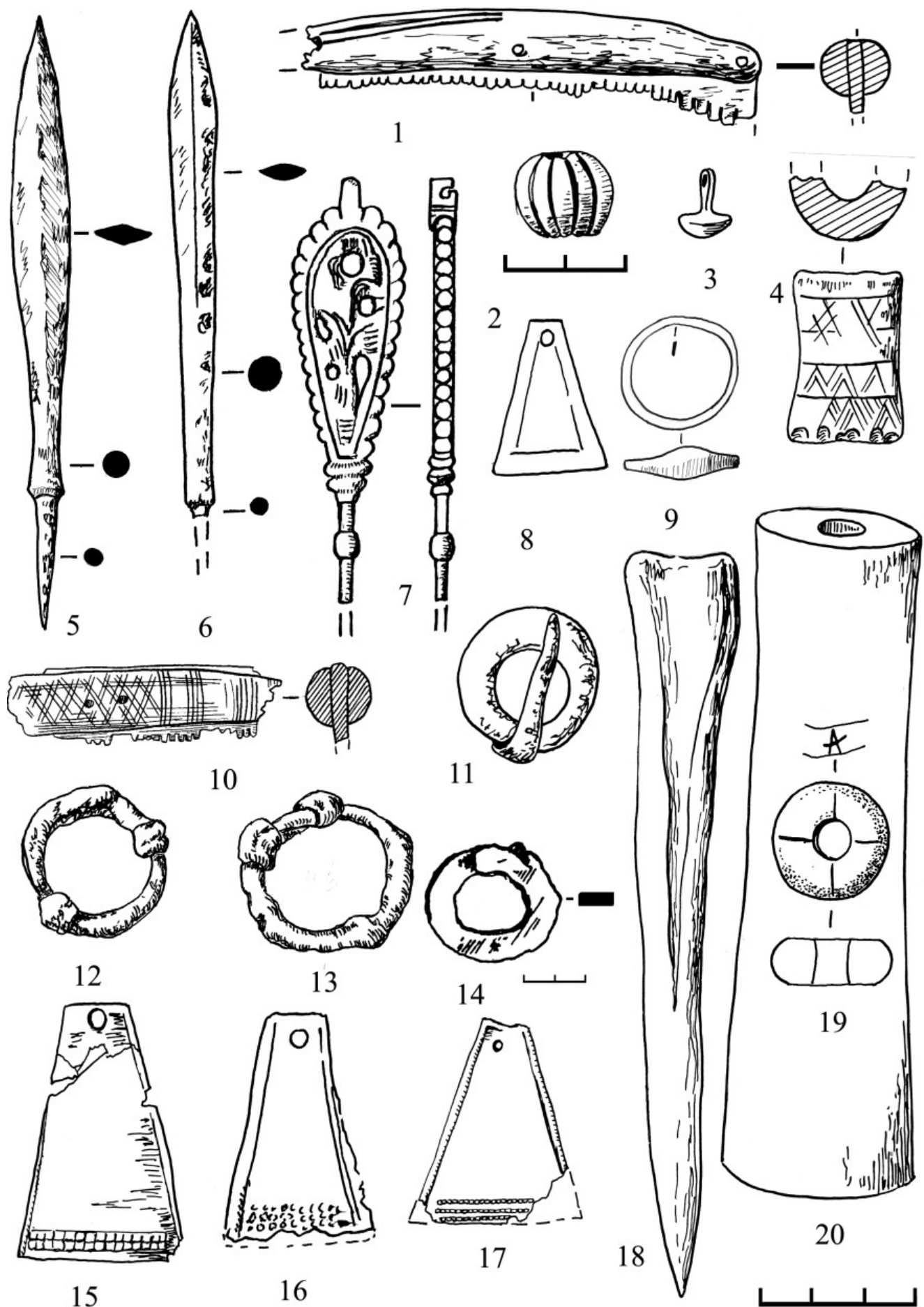
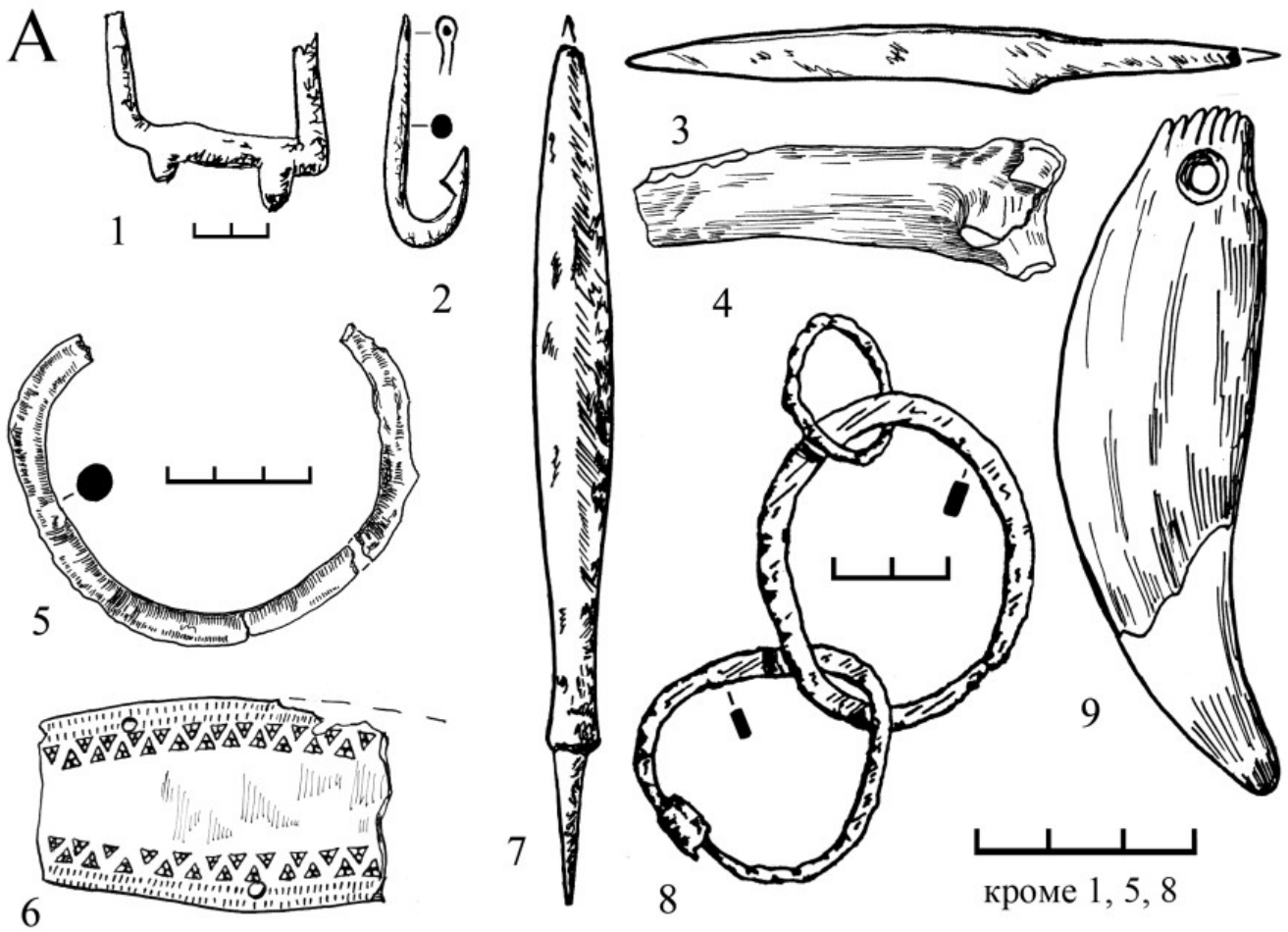

Рис. 82. Городище. Ранний период. Постройка 6. Находки: 1, 4, 10, 18, 20 — кость; 2 — стекло; 3, 7—9, 15—17 — бронза; 5, 6, 11—14 — железо; 19 — шифер

Б

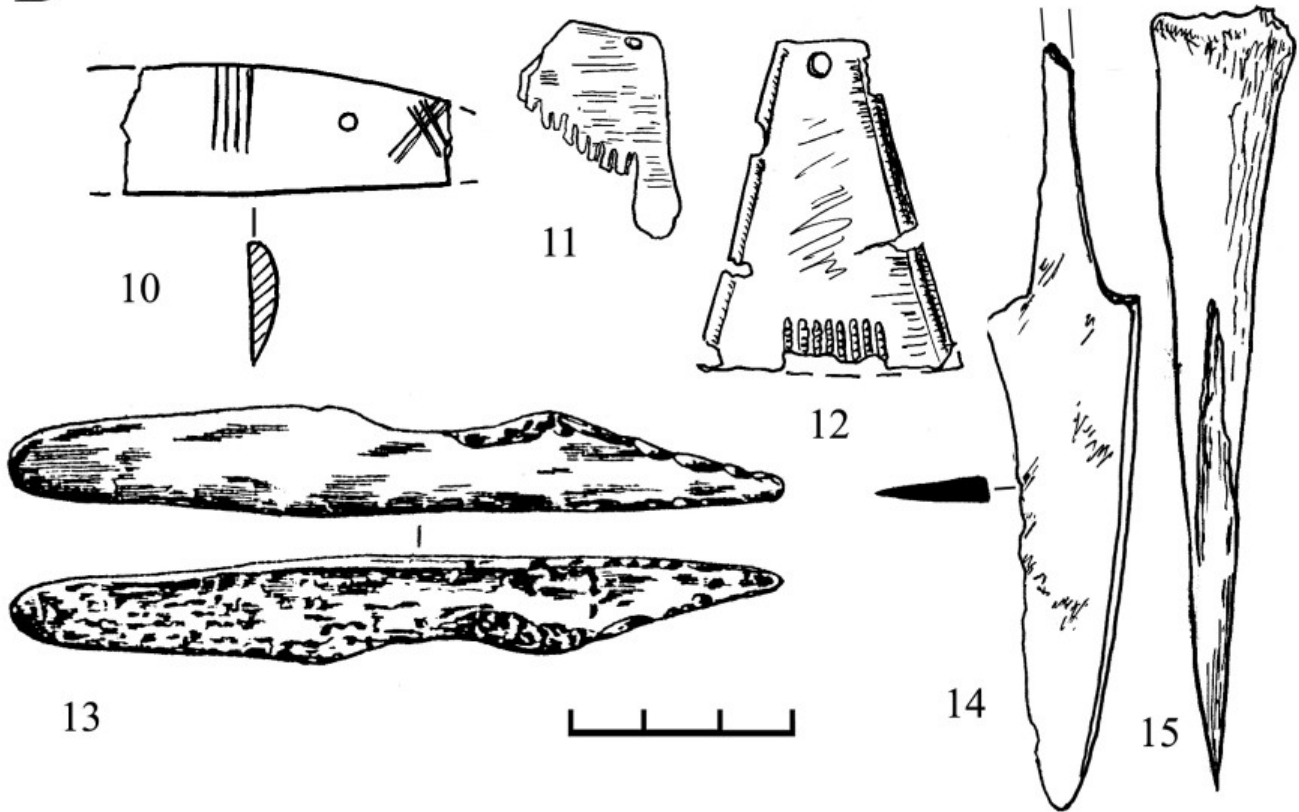

Рис. 83. Городище. Ранний период. А — постройка 6; Б — постройка 7. Находки: 1—3, 5—8, 14 — железо; 4, 9—11, 13, 15 — кость; 6, 12 — бронза

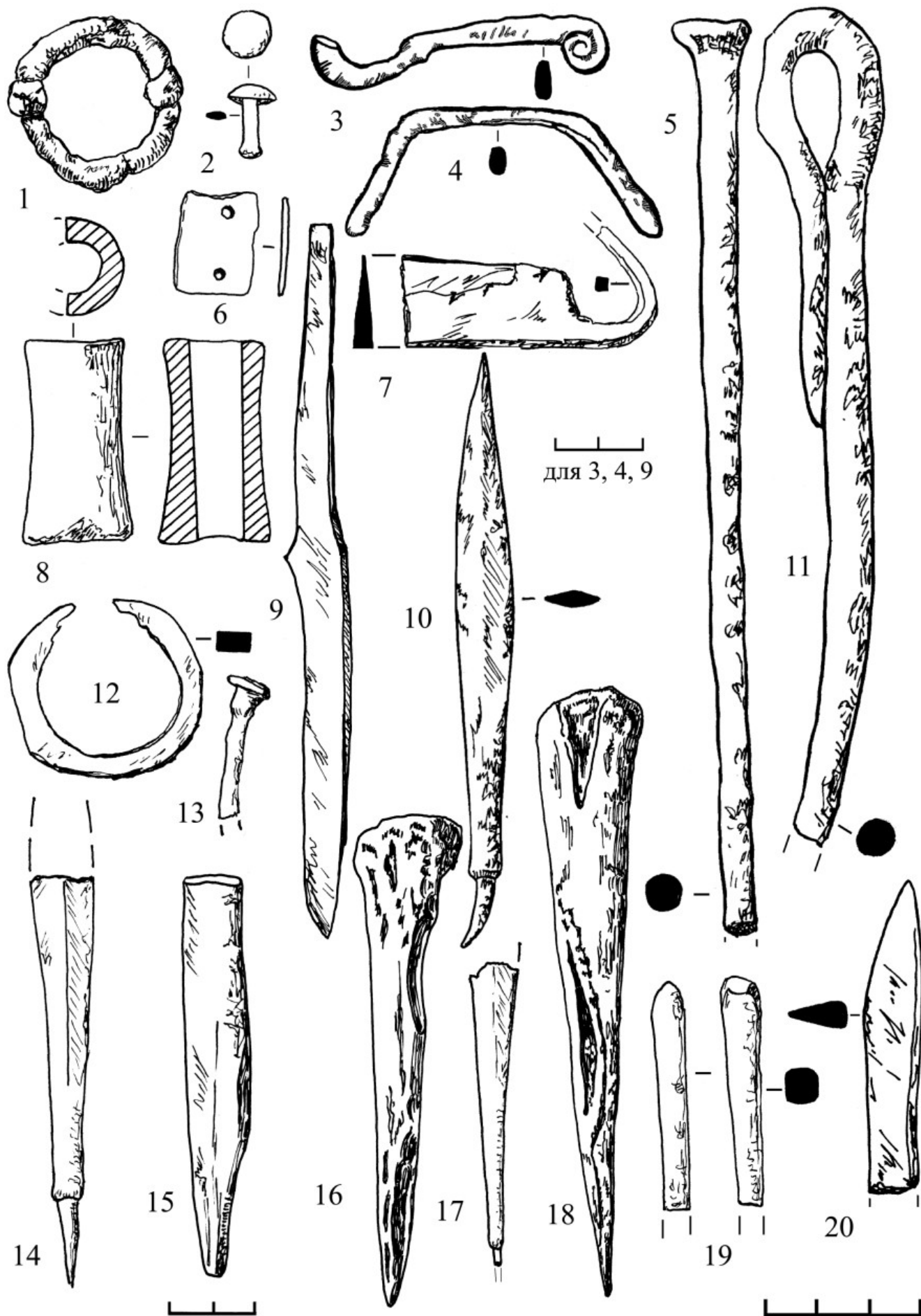

Рис. 84. Городище. Ранний период. Постройка 7. Находки: 1, 3—5, 7, 9—15, 17 — железо; 2, 6 — бронза; 8, 16, 18 — кость

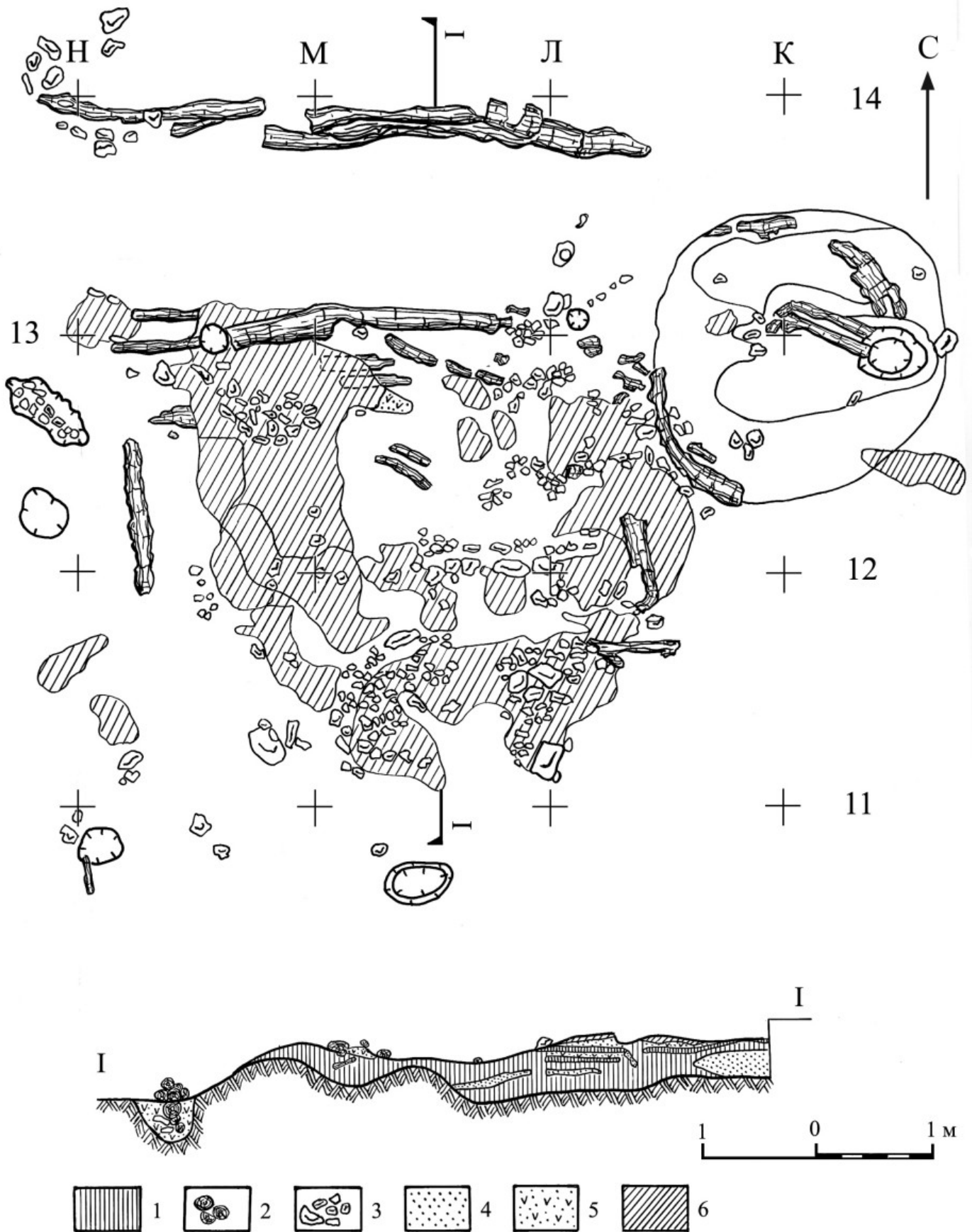

Рис. 85. Городище. Ранний период. Постройка 9. План, разрез: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — горелое дерево; 3 — камни; 4 — светлые песчаные прослойки; 5 — прокаленная супесь с углем; 6 — красная глина

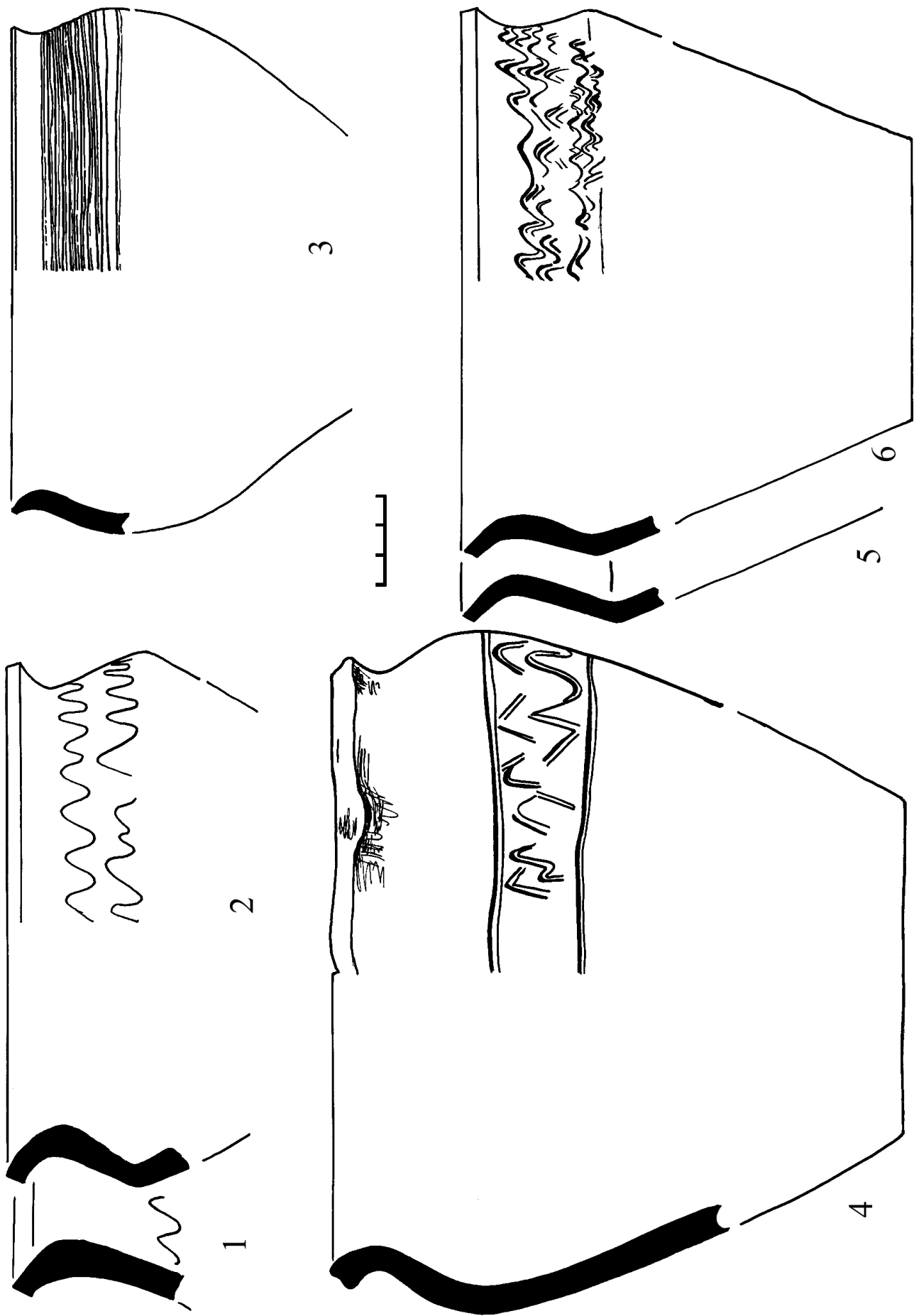

Рис. 86. Городище. Ранний период. Постройка 9. Раннегончарная керамика

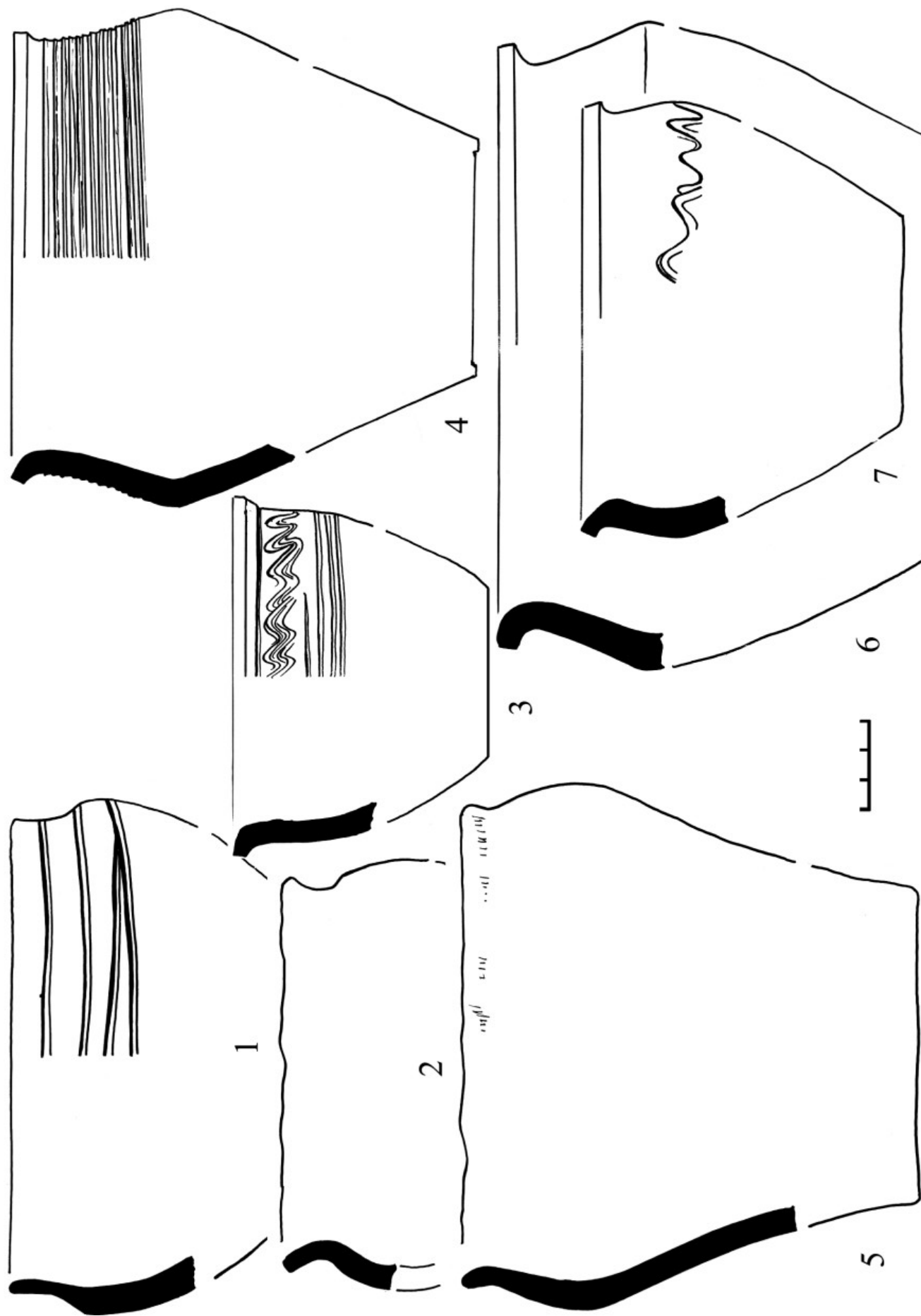

Рис. 87. Городище. Ранний период. Постройка 9. Керамика: 1—4, 6, 7 — раннегончарная; 5 — лепная

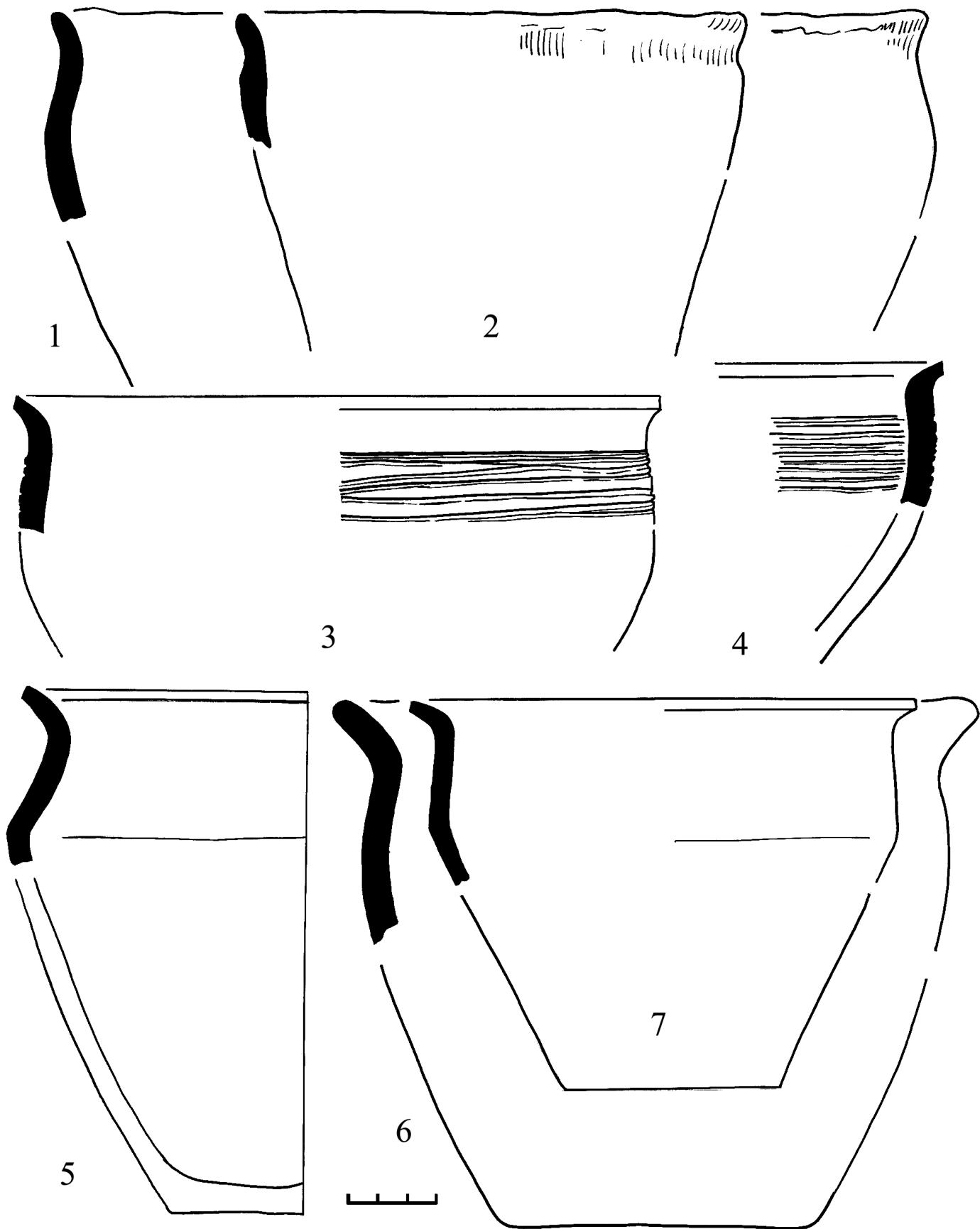

Рис. 88. Городище. Ранний период. Постройка 9. Керамика: 1, 2, 6 — лепная; 3—5, 7 — раннегончарная

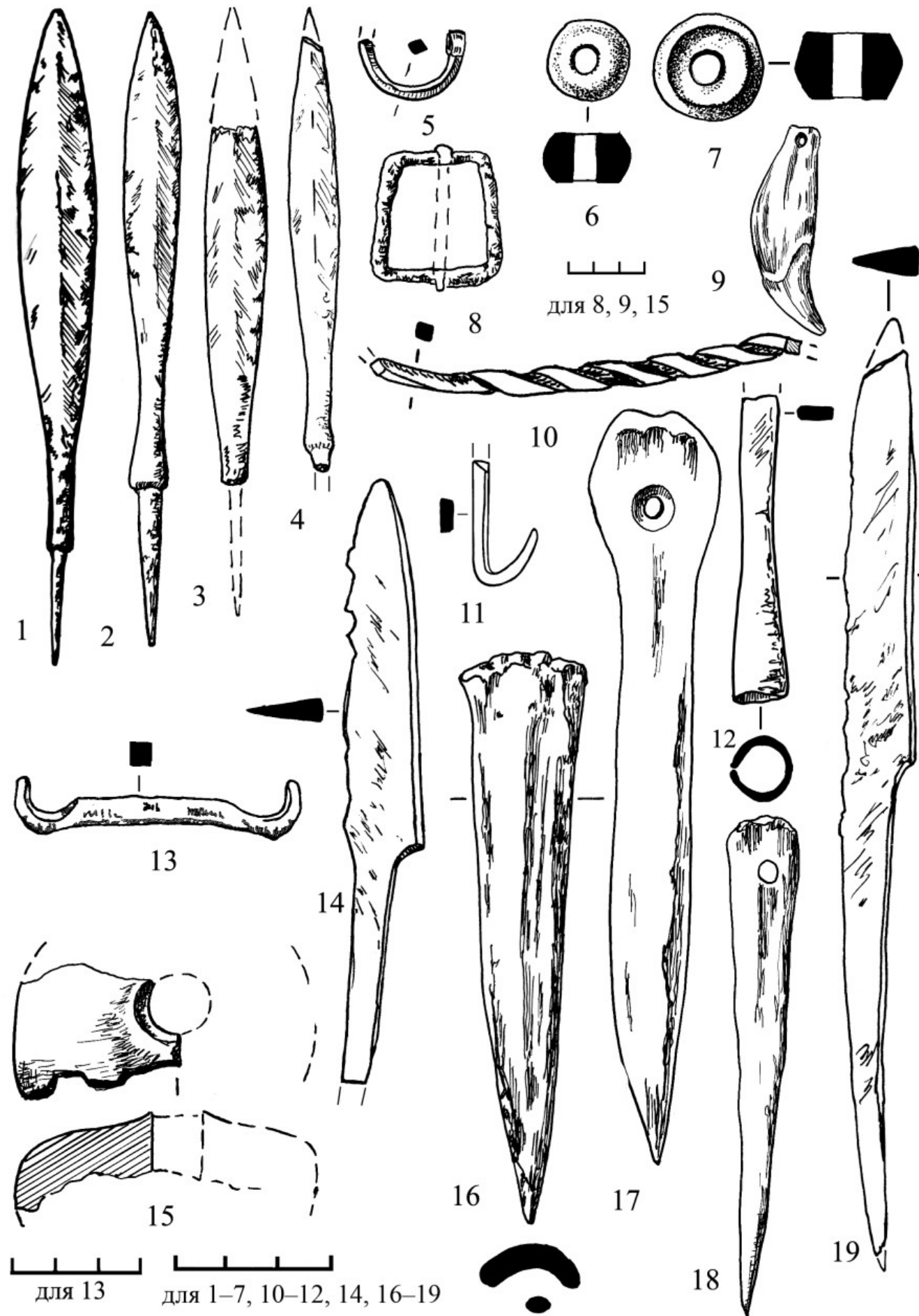

Рис. 89. Городище. Ранний период. Постройка 9. Находки: 1—4, 8, 10—14, 19 — железо; 5 — бронза; 6, 7 — шифер; 9, 16—18 — кость; 15 — глина

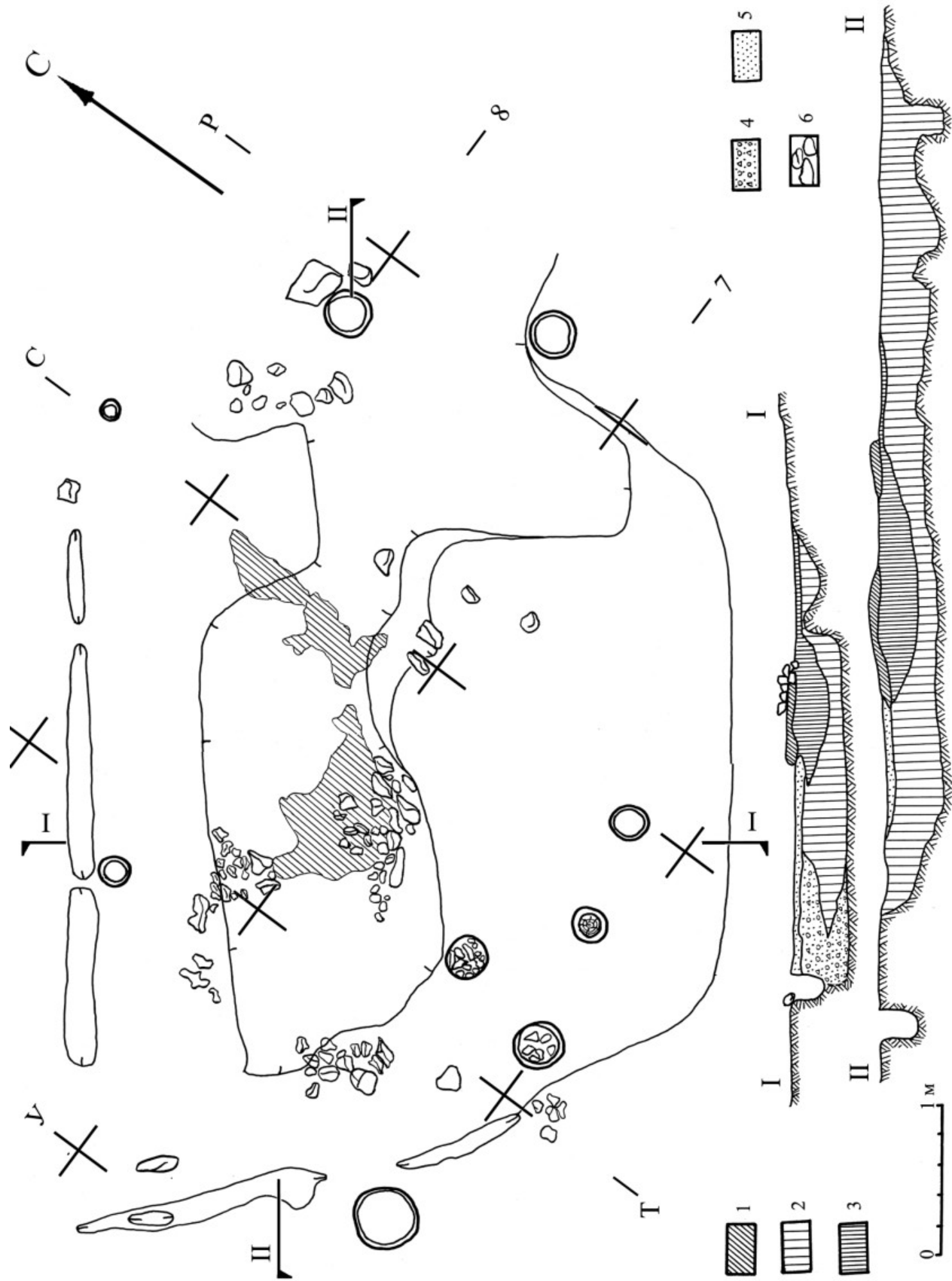

Рис. 90. Городище. Ранний период. Постройка 10. План, разрезы: 1 — красная глина; 2 — темно-серая супесь; 3 — черная гумусированная супесь; 4 — глинисто-песчаный слой с включениями гальки и щебня; 5 — песок; 6 — камни

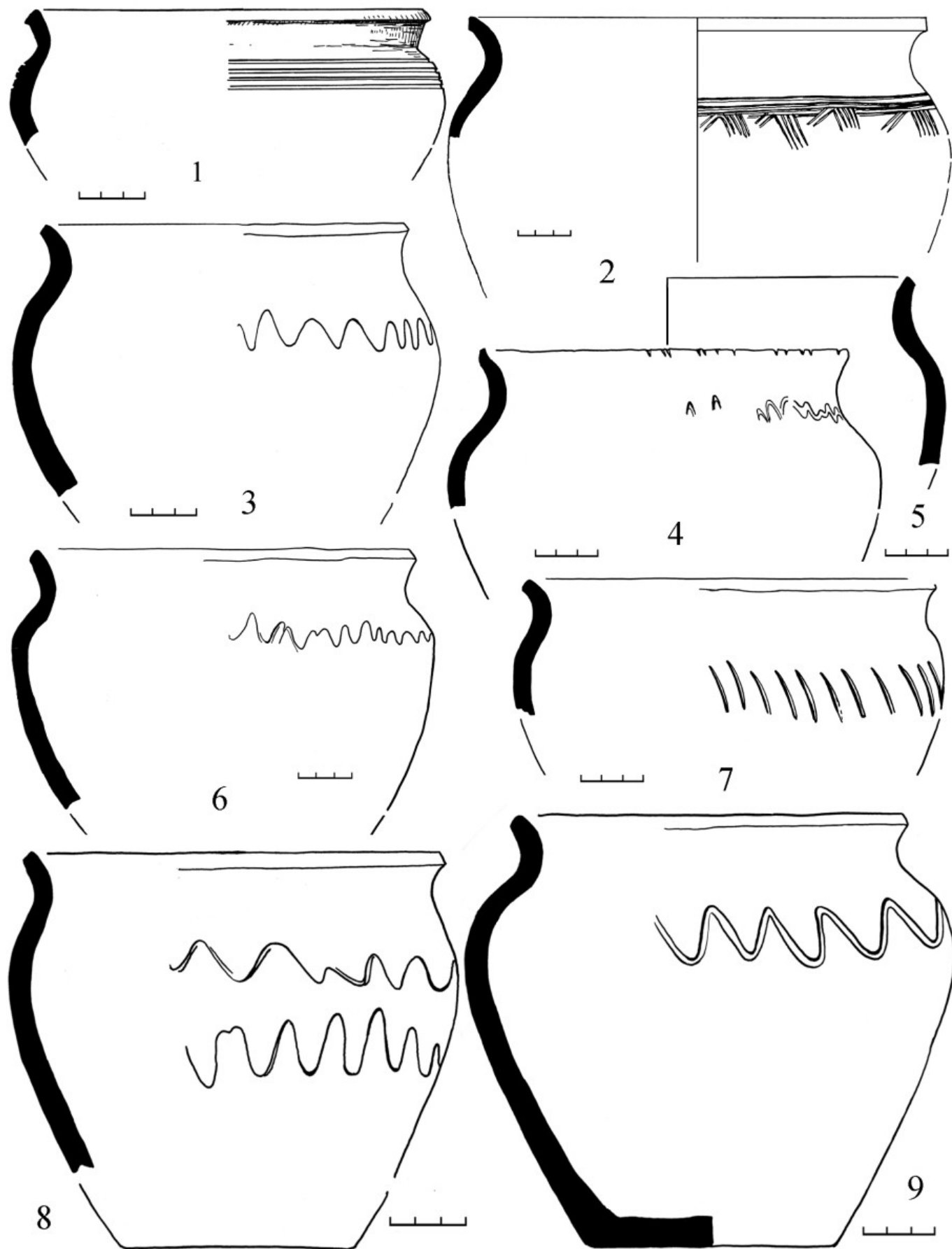

Рис. 91. Городище. Ранний период. Постройка 10. Раннегончарная керамика

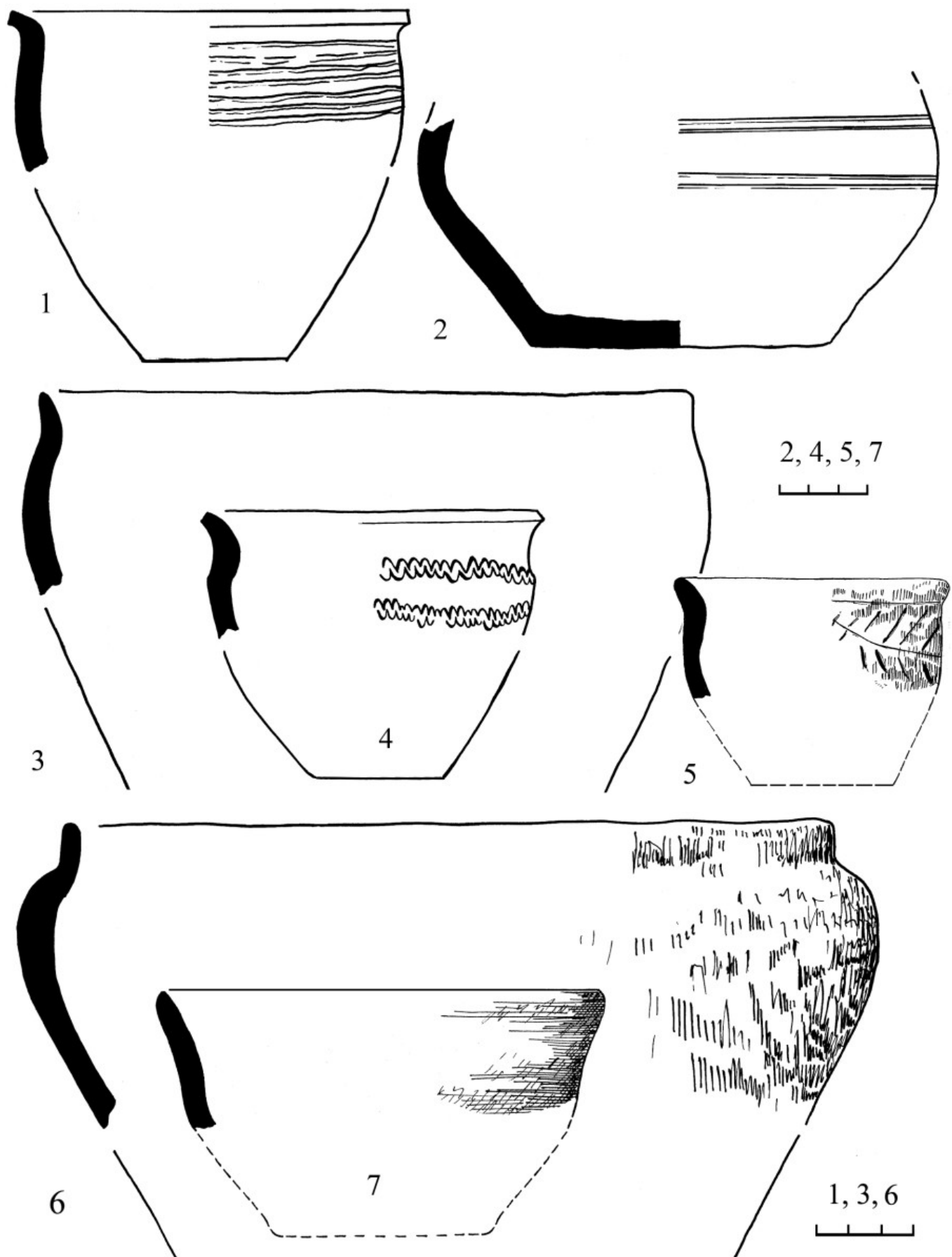

Рис. 92. Городище. Ранний период. Постройка 10. Керамика: 1—4, 7 — раннегончарная; 5, 6 — лепная

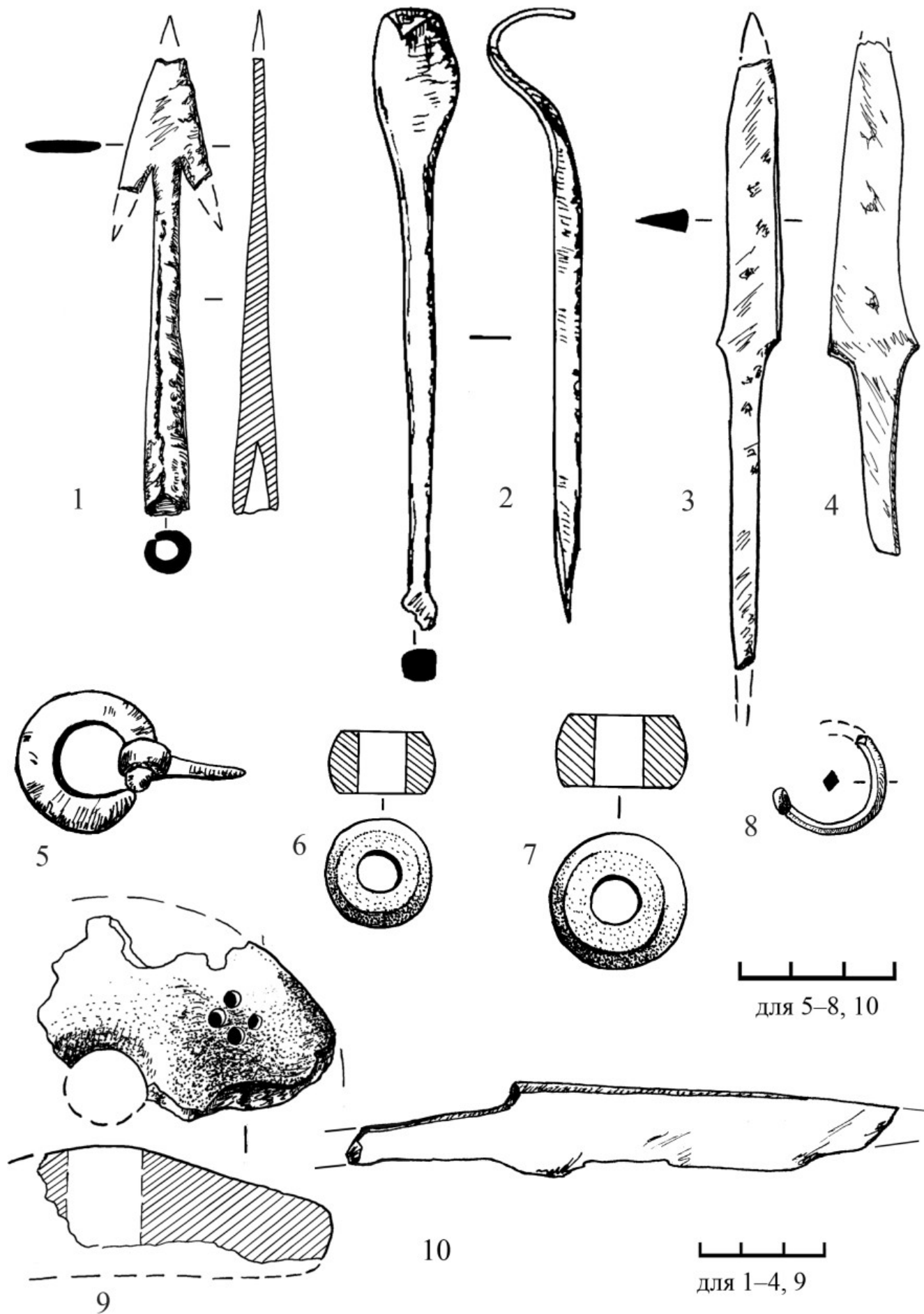

Рис. 93. Городище. Ранний период. Постройка 10. Находки: 1—4, 10 — железо; 5, 8 — бронза; 6, 7 — шифер; 9 — глина

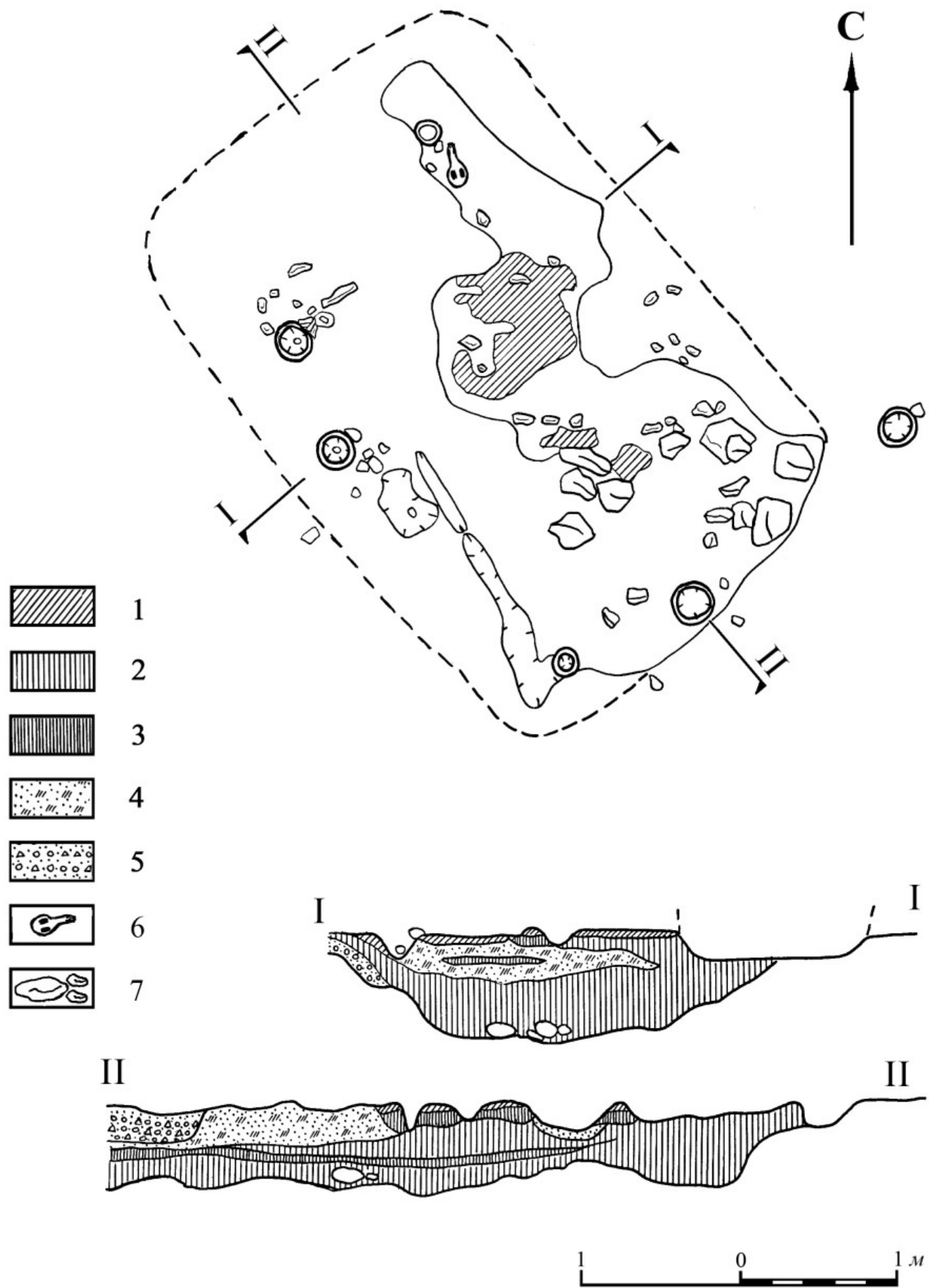

Рис. 94. Городище. Ранний период. Постройка 11. План, разрезы: 1 — красная глина; 2 — темно-серая супесь; 3 — черная гумусированная супесь; 4 — песчано-глинистая светлая линза; 5 — слой с включениями гальки и щебня; 6 — часть черепа лошади; 7 — камни

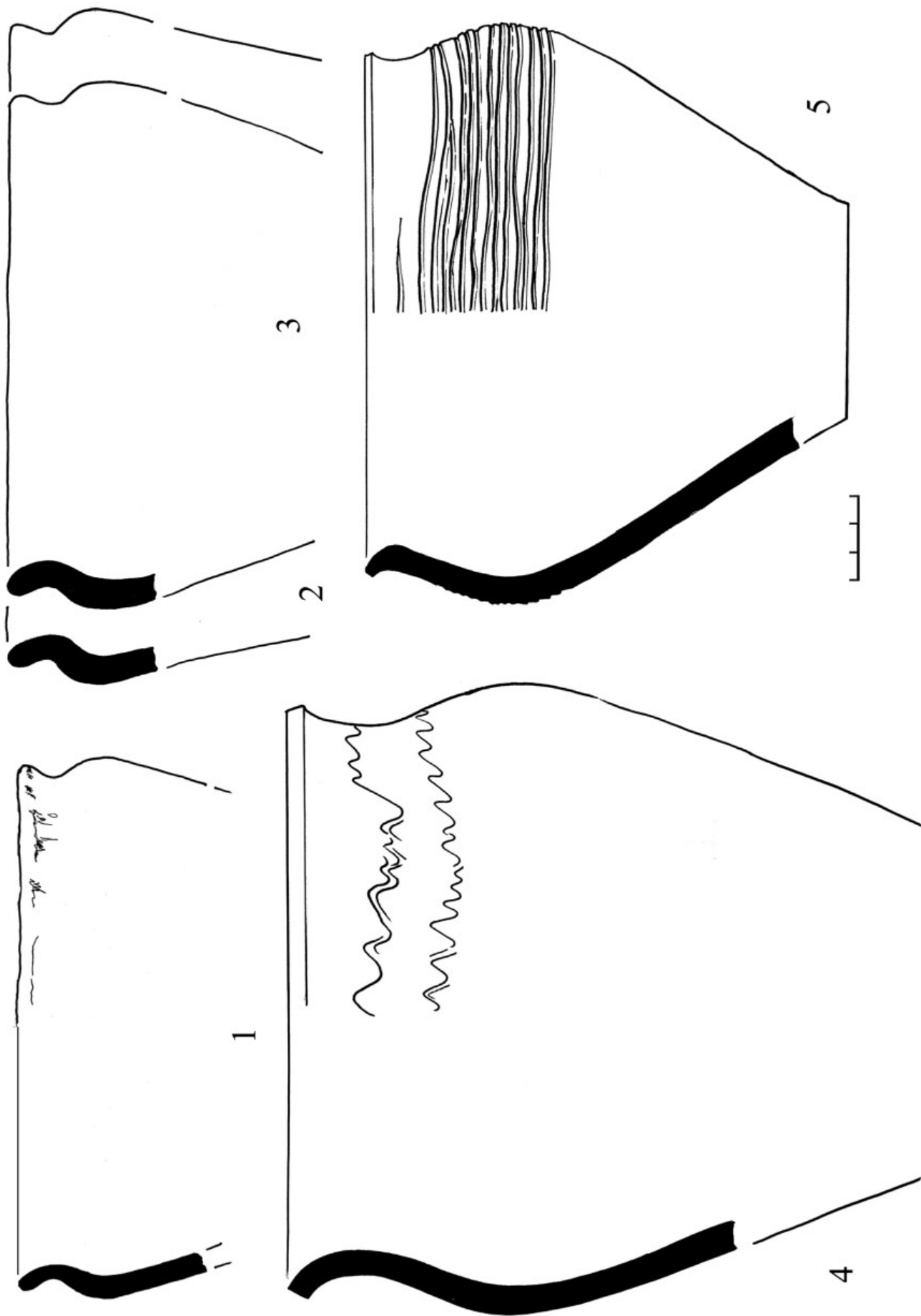

Рис. 95. Городище. Ранний период. Постройка 11. Керамика: 1—3 — лепная; 4, 5 — раннегончарная

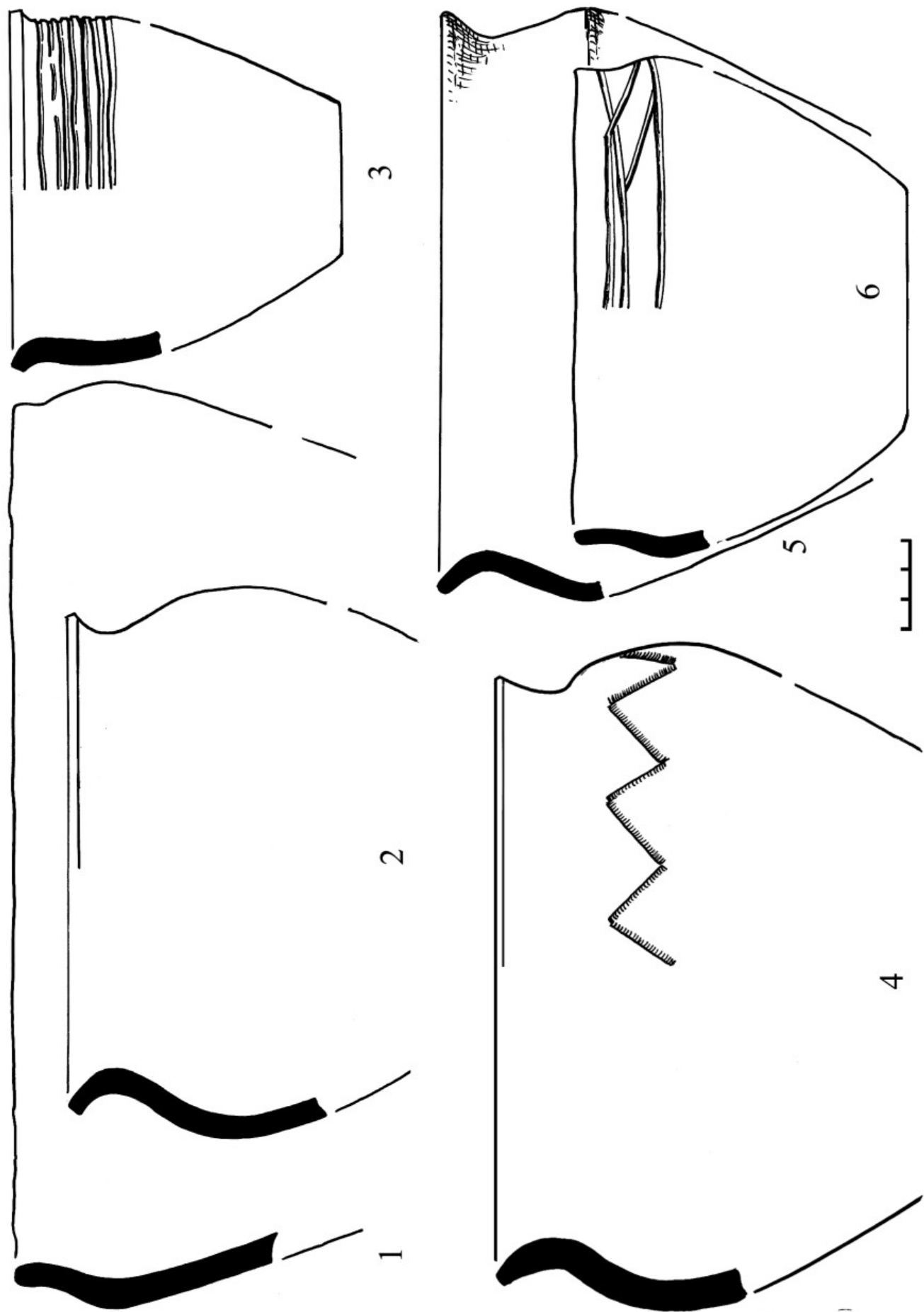

Рис. 96. Городище. Ранний период. Постройка 11. Керамика: 1 — лепная; 2—6 — раннегончарная

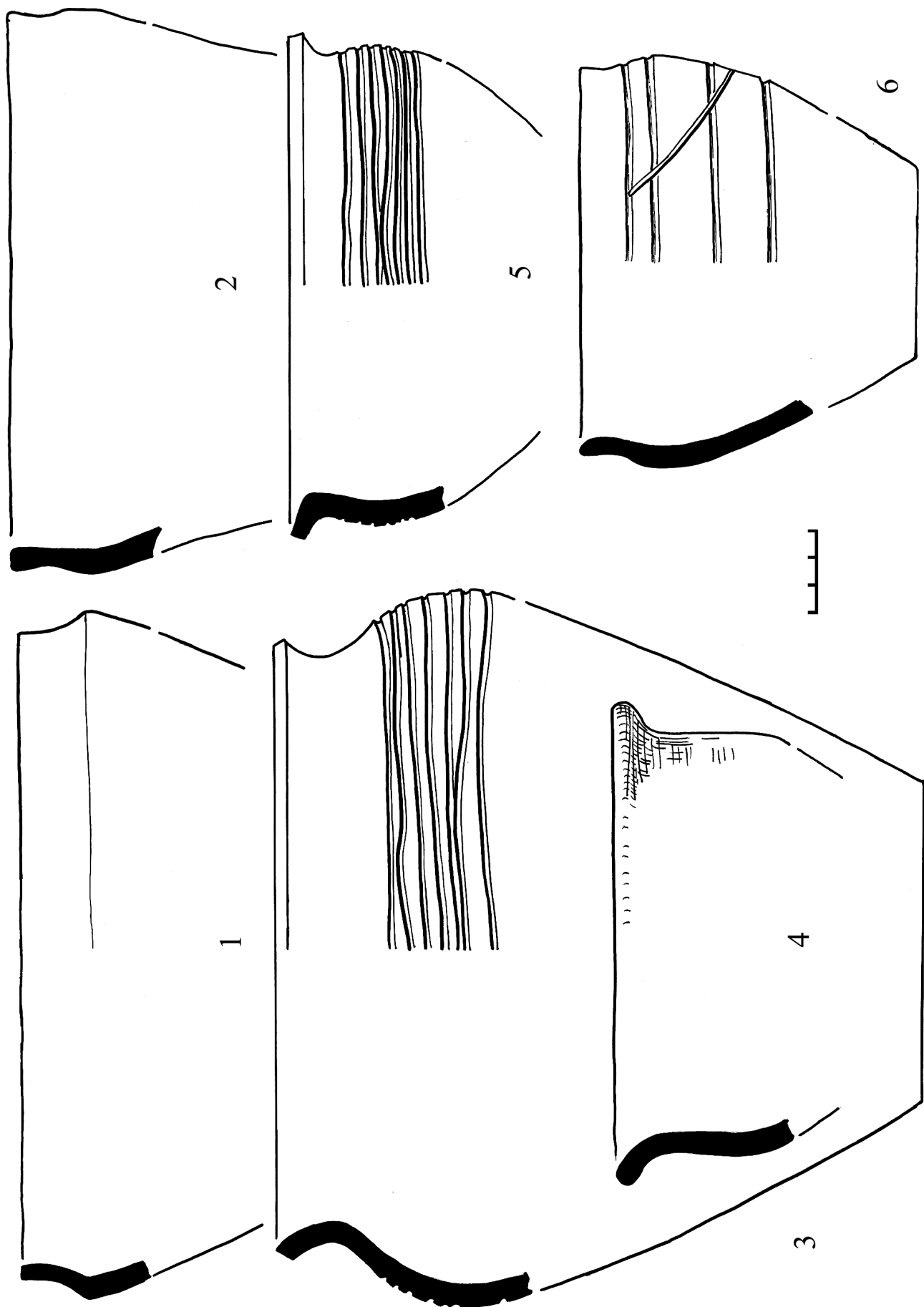

Рис. 97. Городище. Ранний период. Постройка 11. Керамика: 1, 2 — лепная; 3—6 — раннегончарная

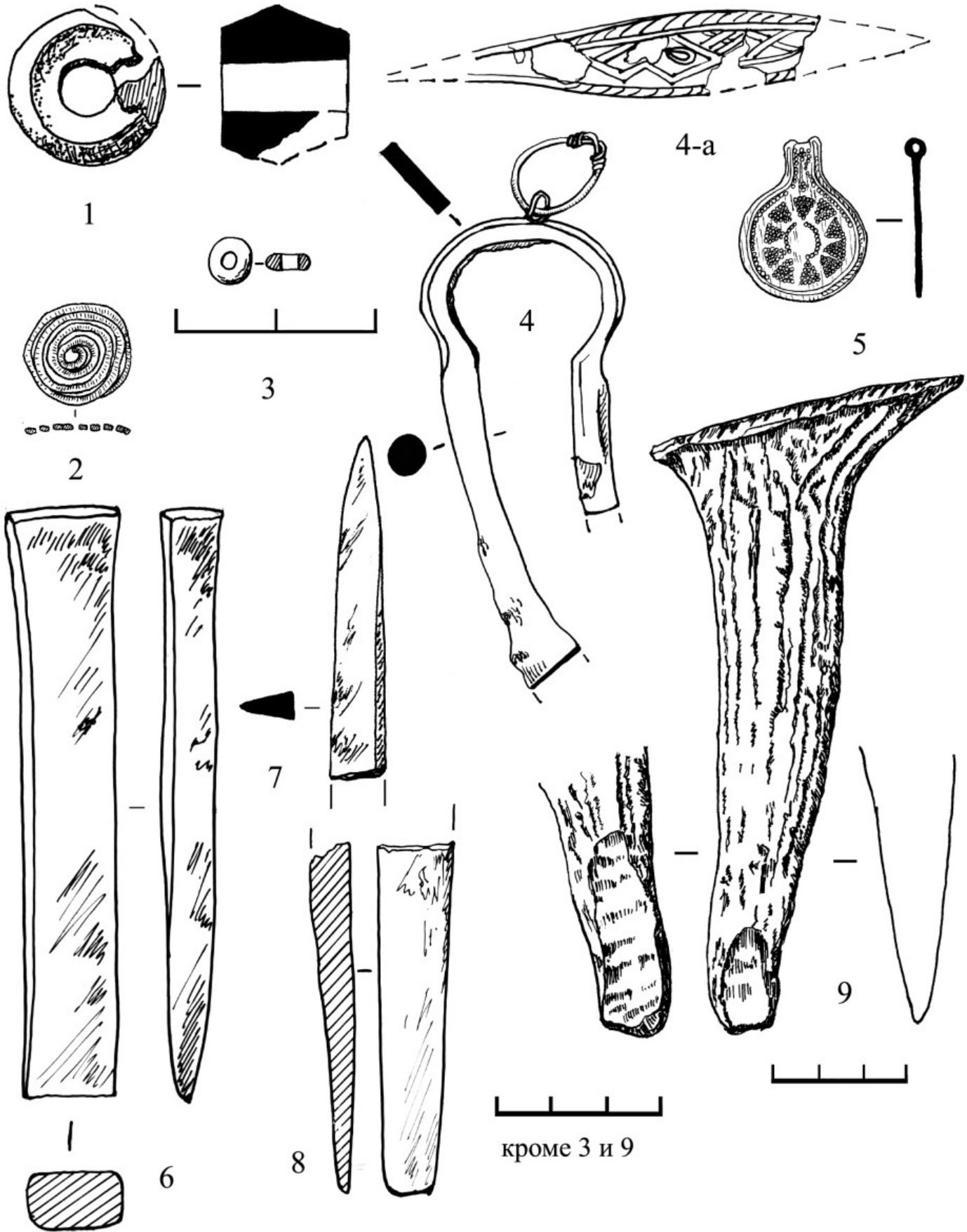

Рис. 98. Городище. Ранний период. Постройка 11. Находки: 1 — глина; 2 — бронза; 3 — стекло; 4 — железо; 4-а — бронза, позолота; 5 — серебро; 6—8 — железо; 9 — рог

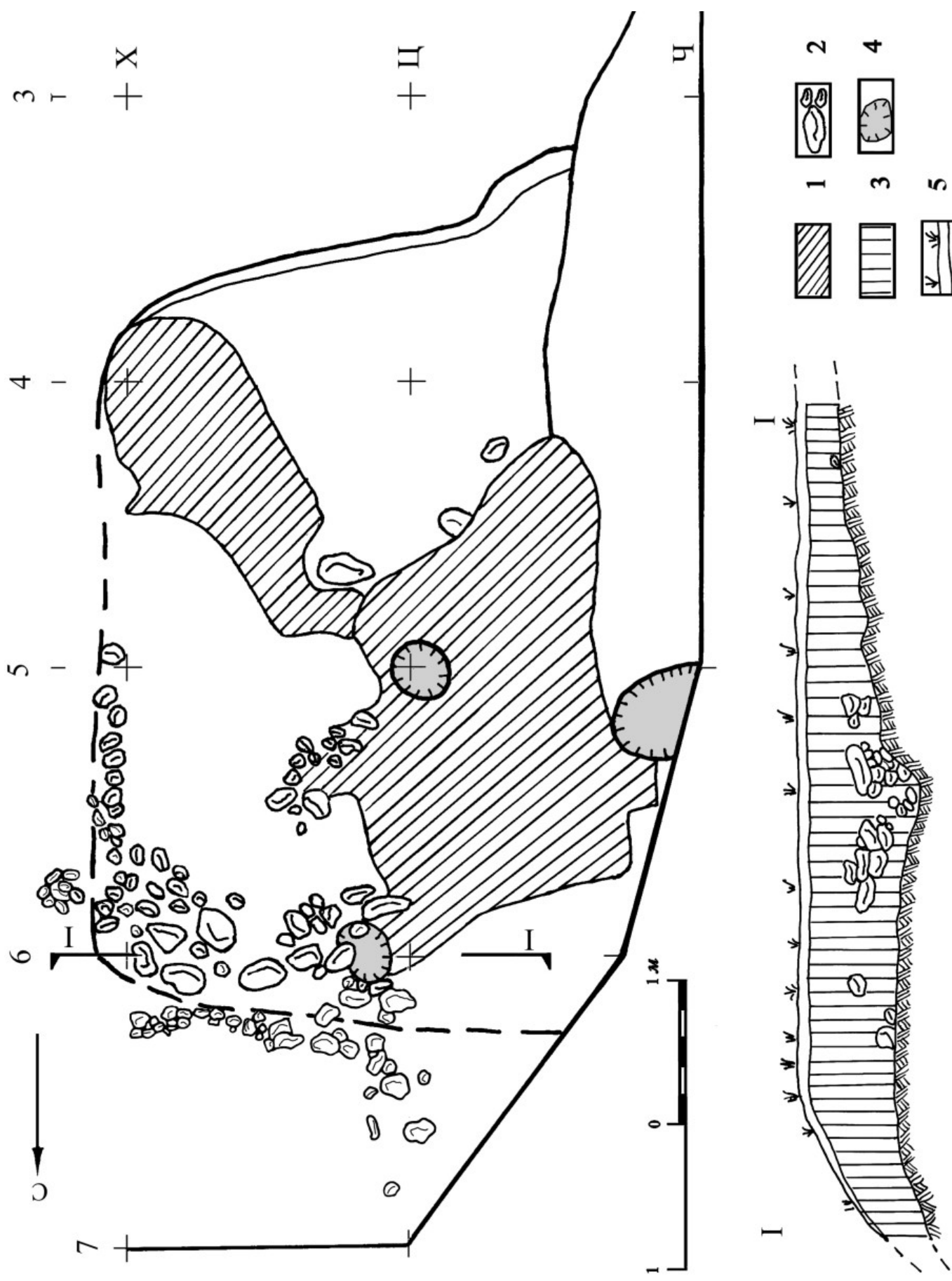

Рис. 99. Городище. Ранний период. Постройка 12. План и разрез: 1 — красная глина; 2 — камни; 3 — темно-серая гумусированная супесь; 4 — столбовые ямы XI—XII вв.; 5 — дерновый слой

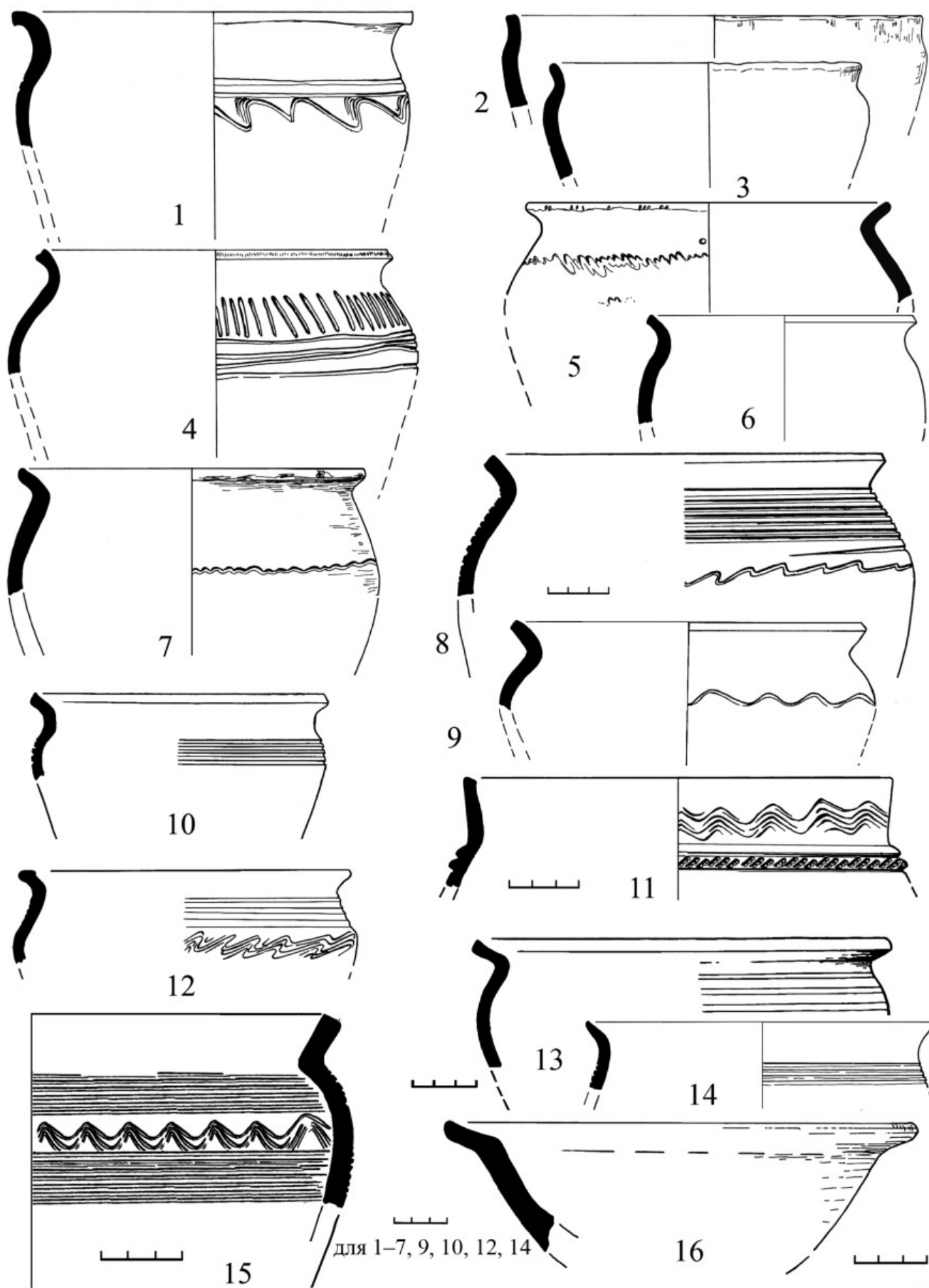

Рис. 100. Городище. Ранний период. Постройка 12. Керамика: 1, 4—9, 14, 15 — раннегончарная; 2, 3 — лепная; 10—13, 16 — позднегончарная

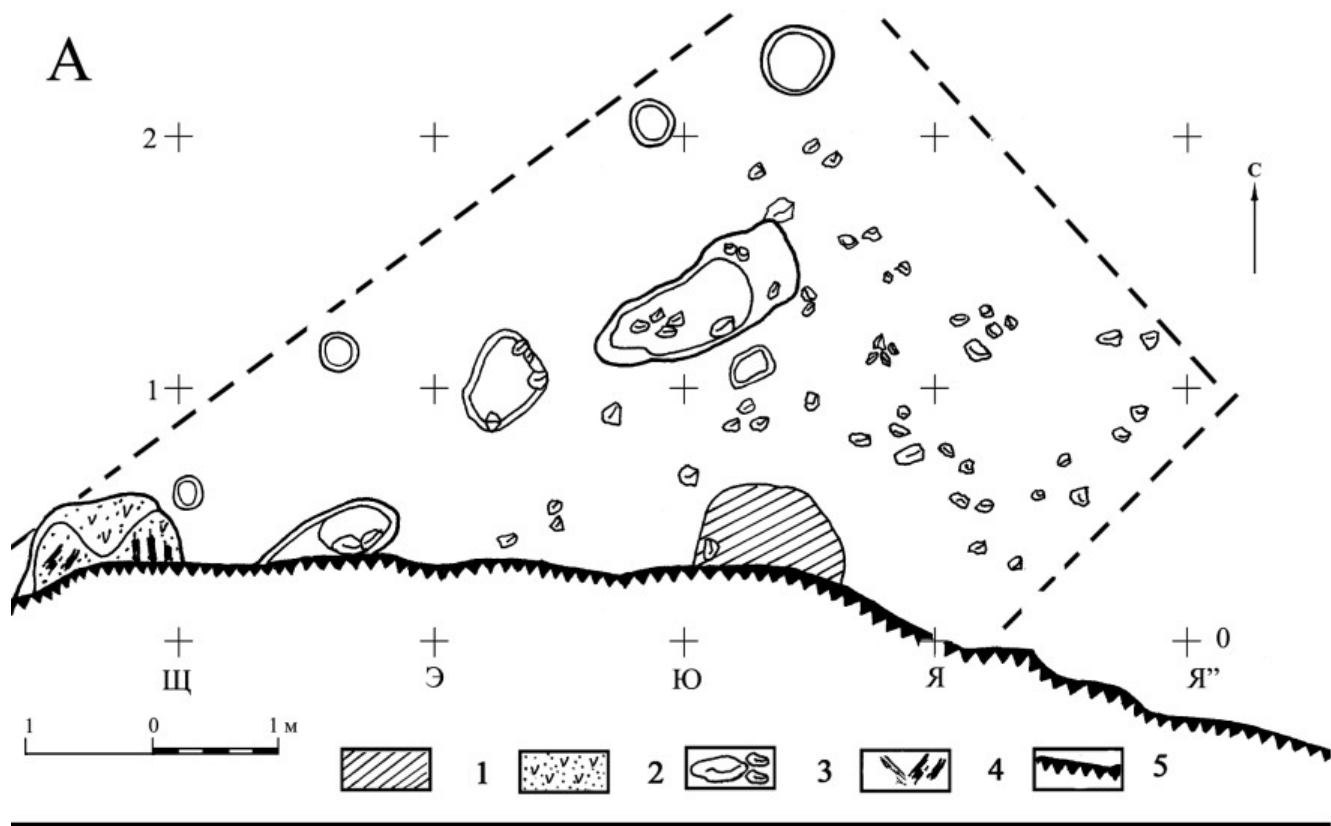

Рис. 101. Городище. Ранний период. Постройка 21. А — план (1 — красная глина; 2 — прокаленный песок с углем; 3 — камни; 4 — горелое дерево; 5 — обрыв берега); Б — находки (1—7 — железо)

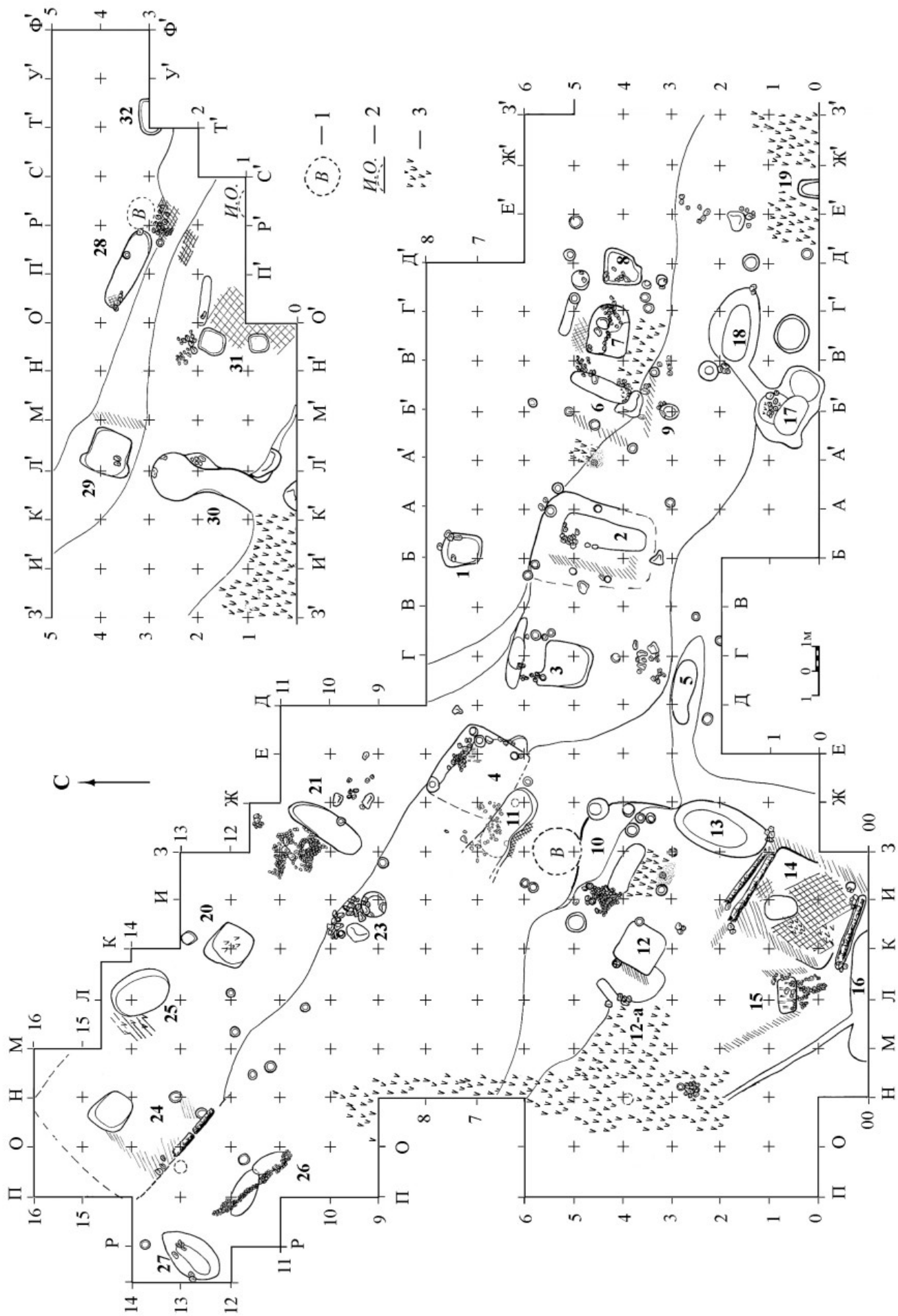

Рис. 102. Селище. Схема застройки селища в ранний период: 1 — воронки времен Великой Отечественной войны; 2 — индивидуальный окоп времен Великой Отечественной войны; 3 — угольные линзы на материке

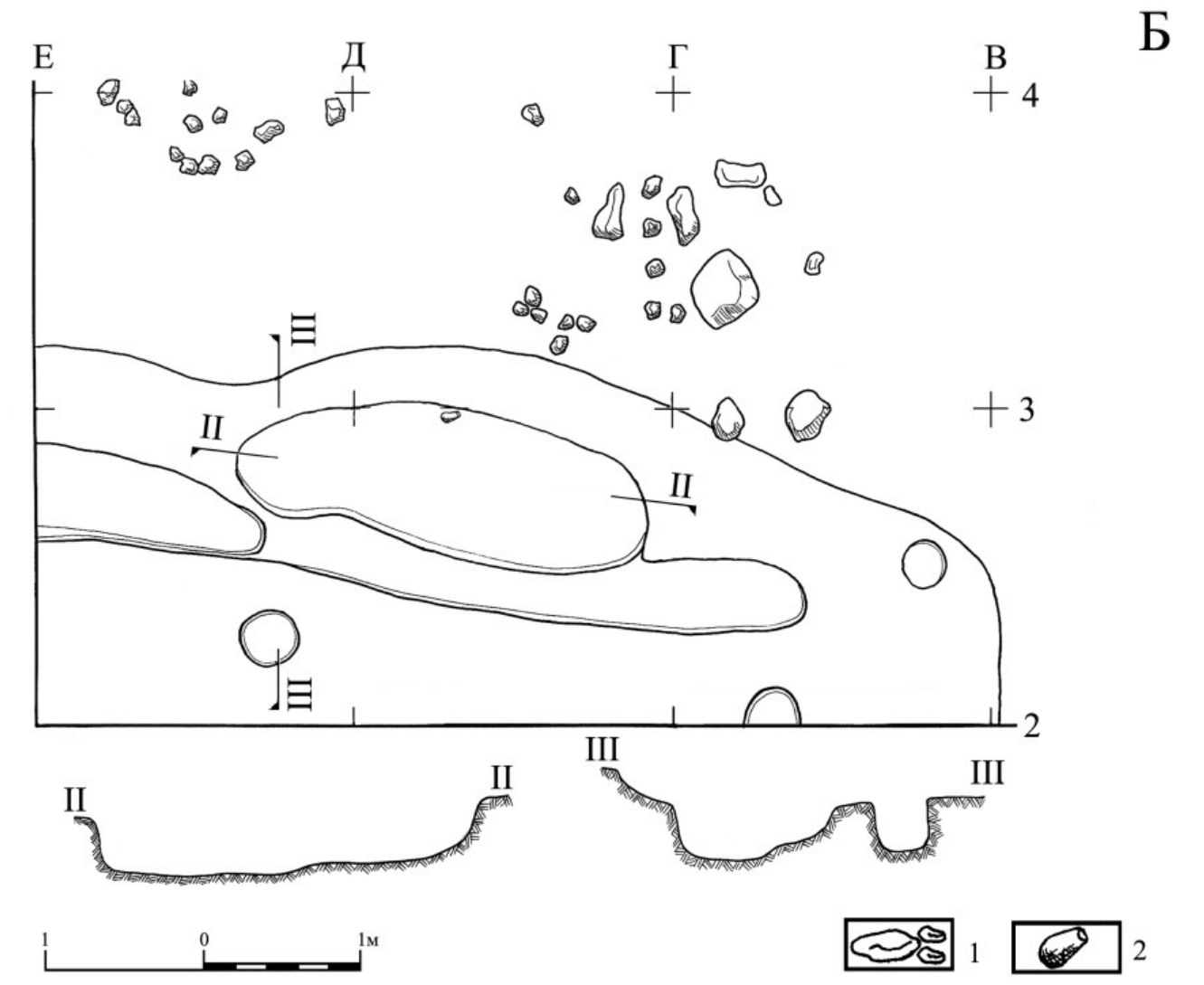
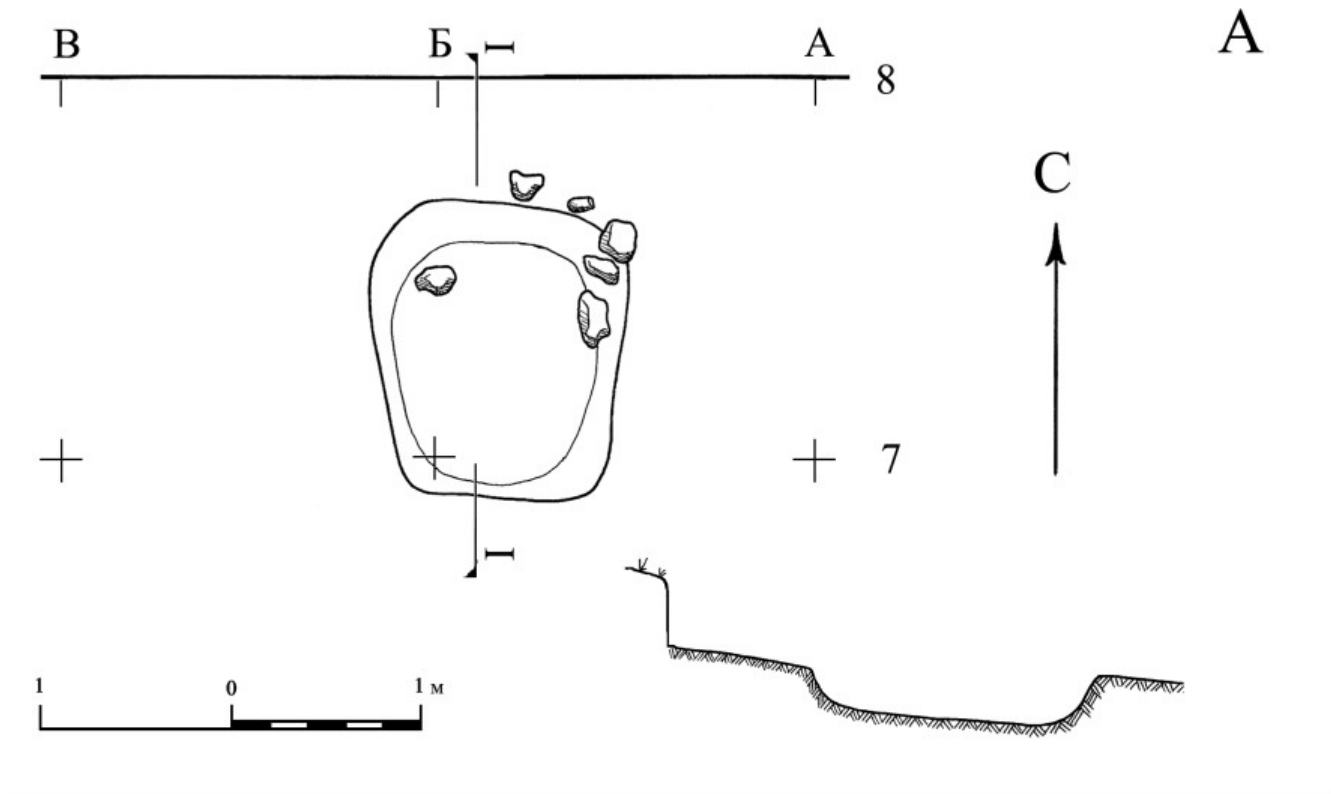

Рис. 103. Селище. Ранний период. А — сооружение 1; Б — сооружение 5. Планы и профили: 1 — камни; 2 — тигель

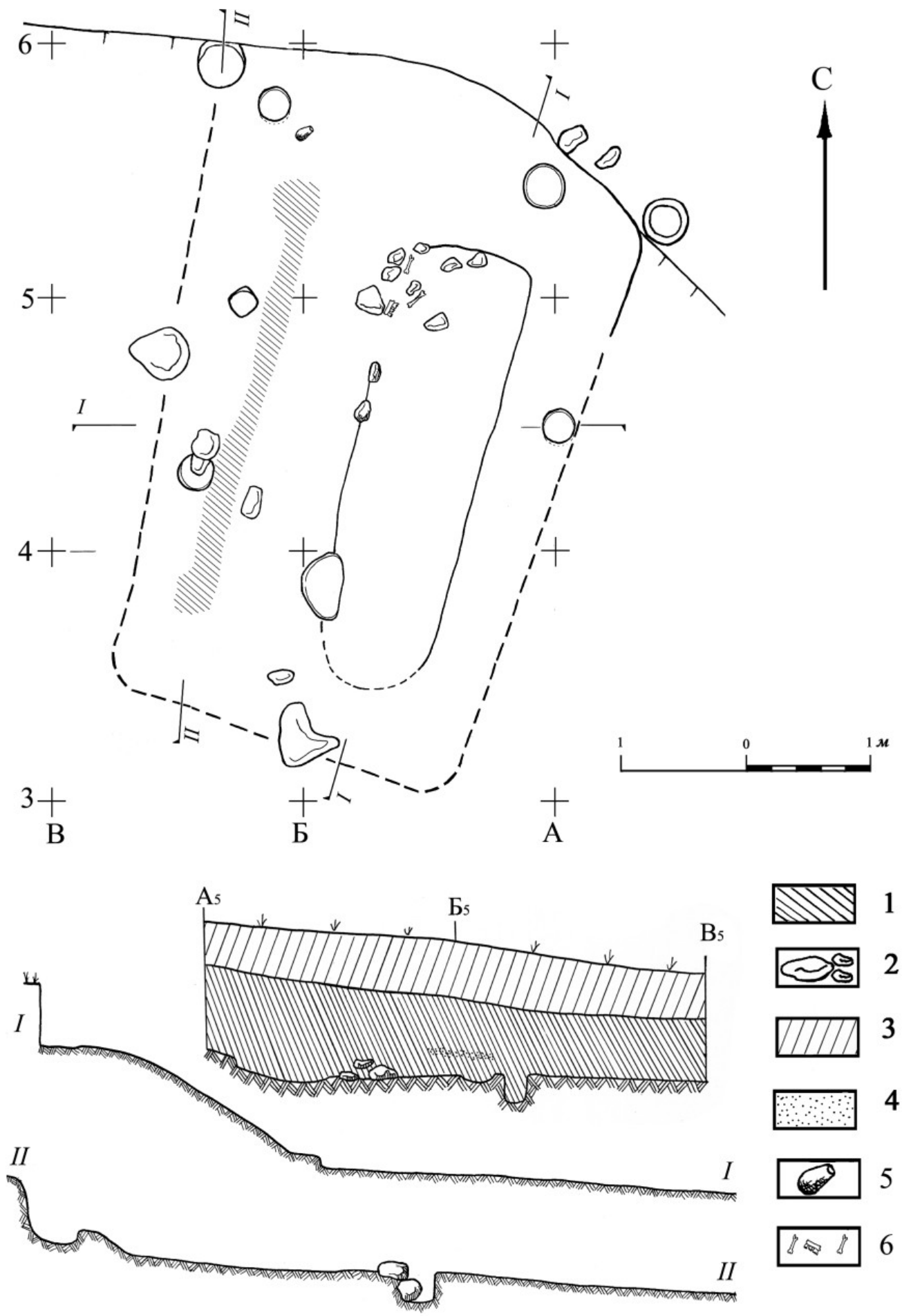

Рис. 104. Селище. Ранний период. Сооружение 2. План, разрез и профили: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — камни; 3 — пахотный и переотложенный слой; 4 — светлая материковая супесь; 5 — тигель; 6 — кости животных

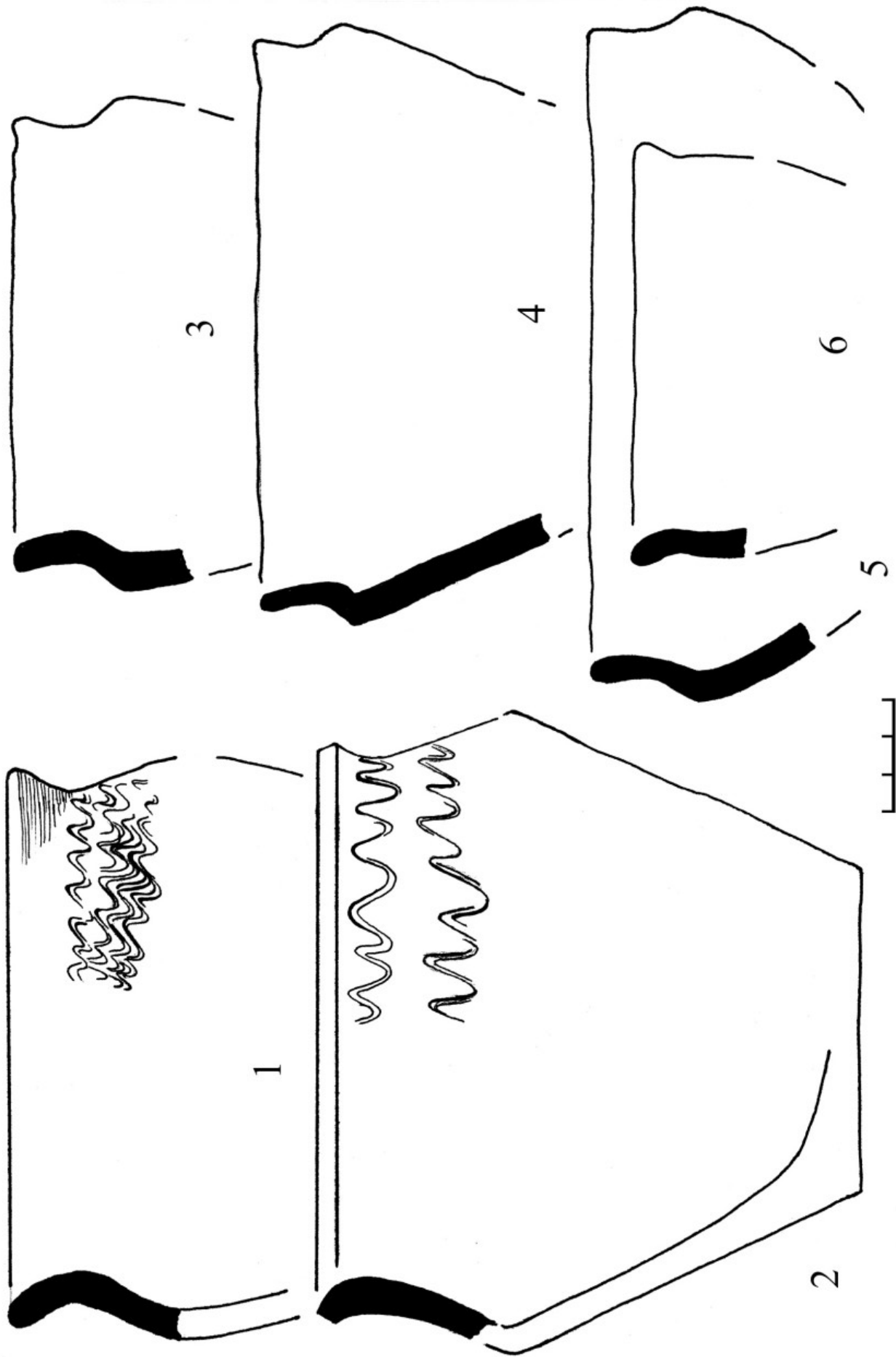

Рис. 105. Селище. Ранний период. Сооружение 2. Керамика: 1, 2 — раннегончарная; 3—6 — лепная

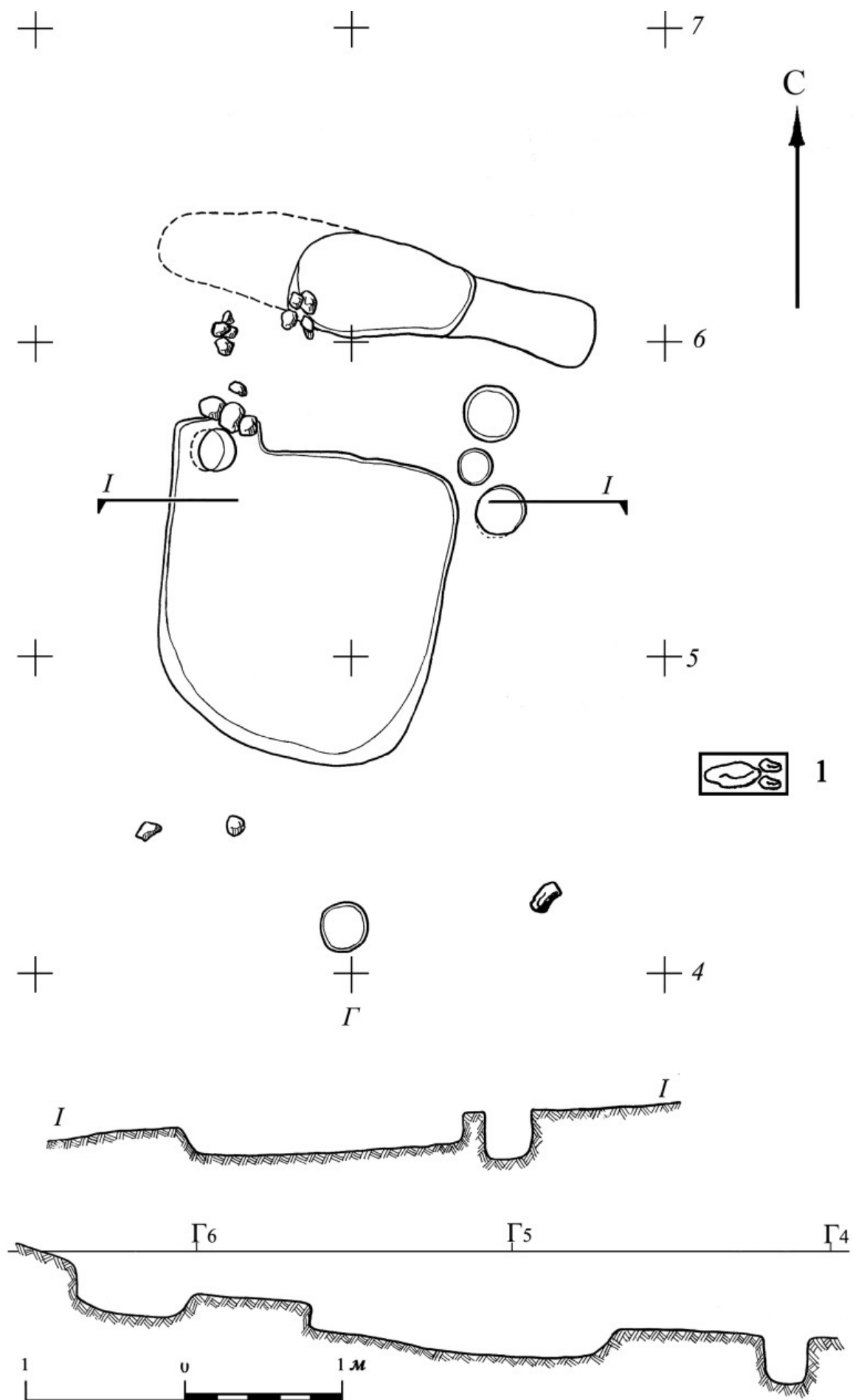

Рис. 106. Селище. Ранний период. Сооружение 3. План и профили: 1 — камни

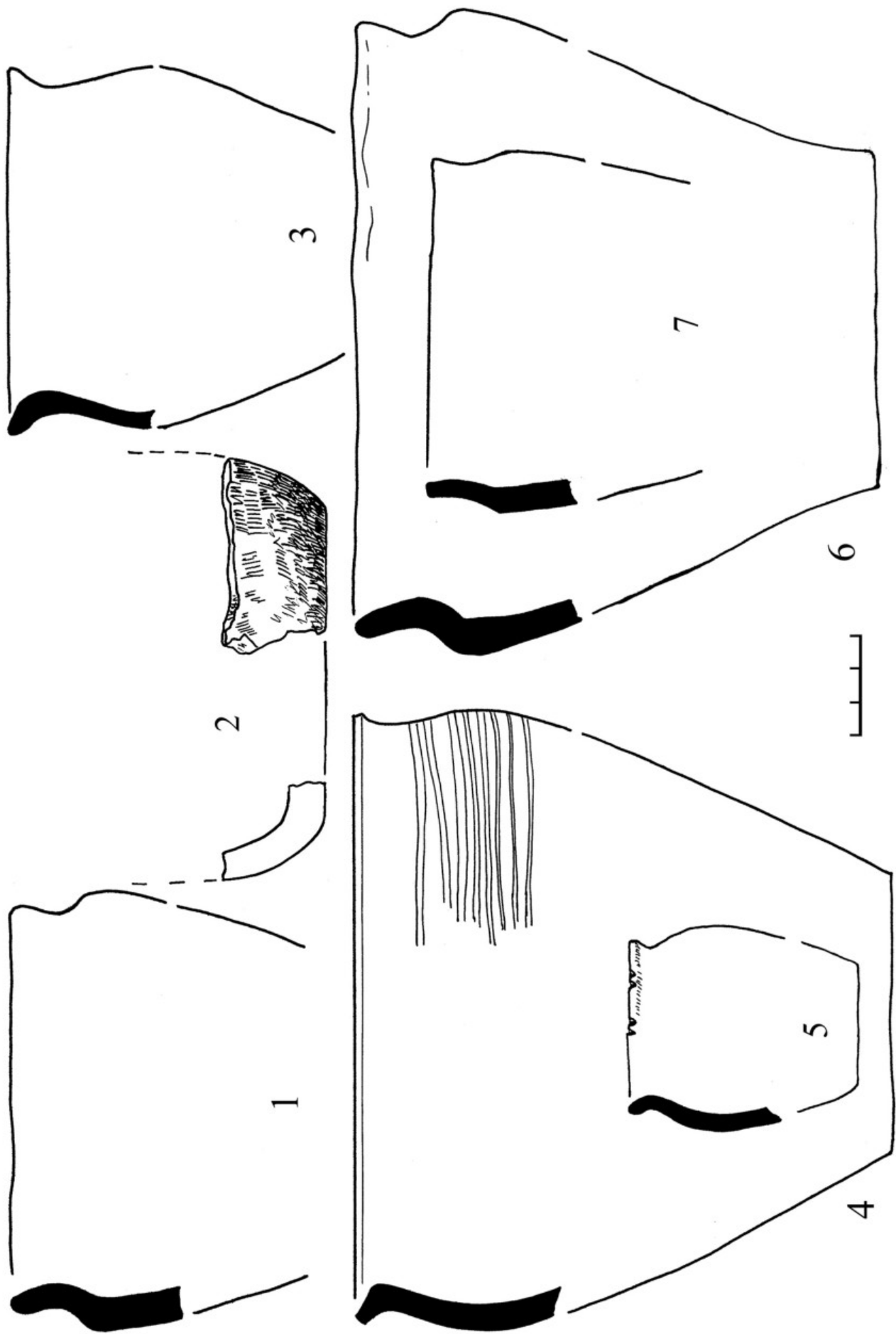

Рис. 107. Селище. Ранний период. Сооружение 3. Керамика: 1—3, 5—7 — лепная; 4 — раннегончарная

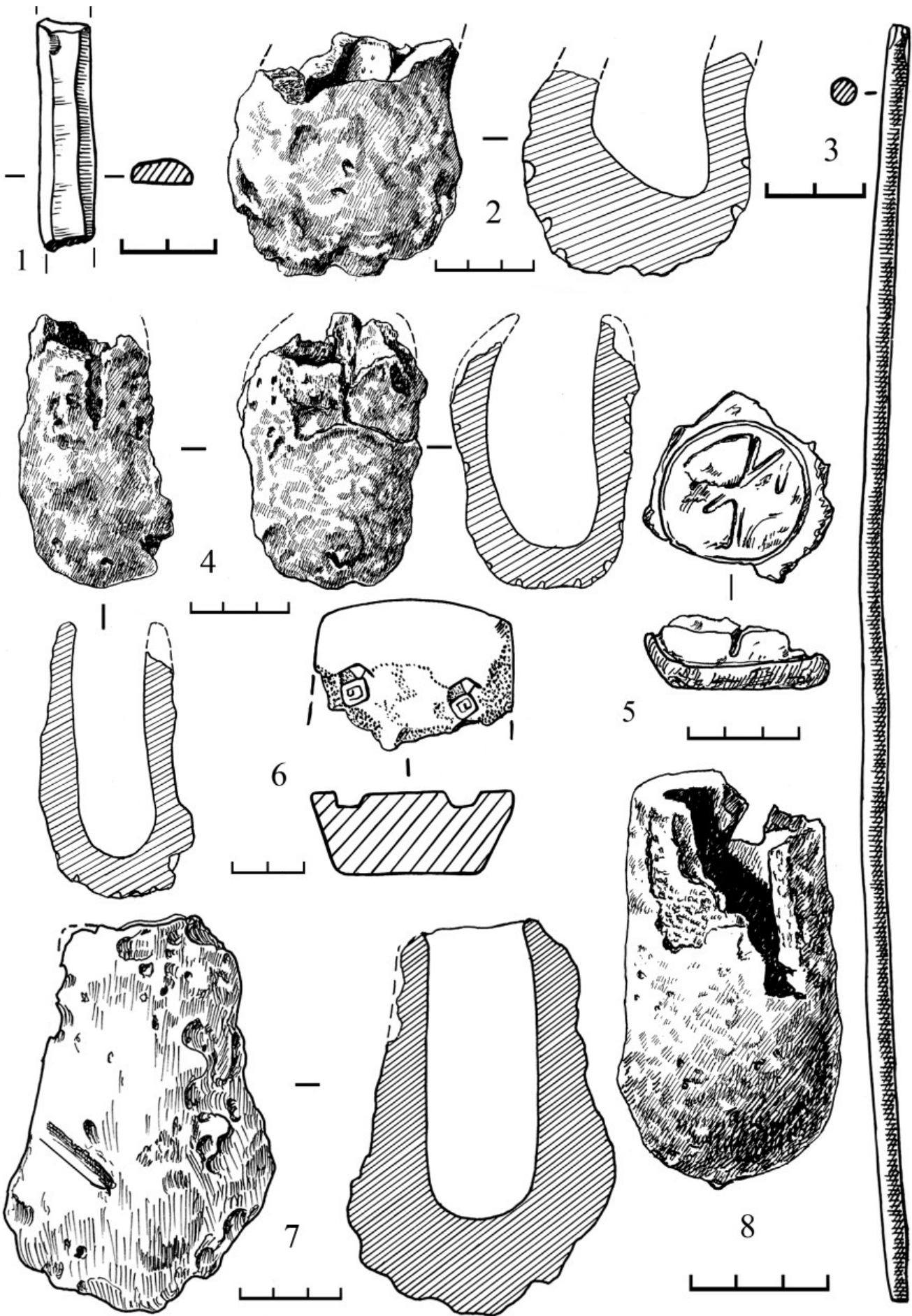

Рис. 108. Селище. Ранний период. Сооружение 1 (3, 4, 5). Сооружение 2 (1, 6—8). Сооружение 3 (2).
 Находки: 1, 3 — бронза; 2, 4, 5, 7, 8 — ошлакованная глина; 6 — глина

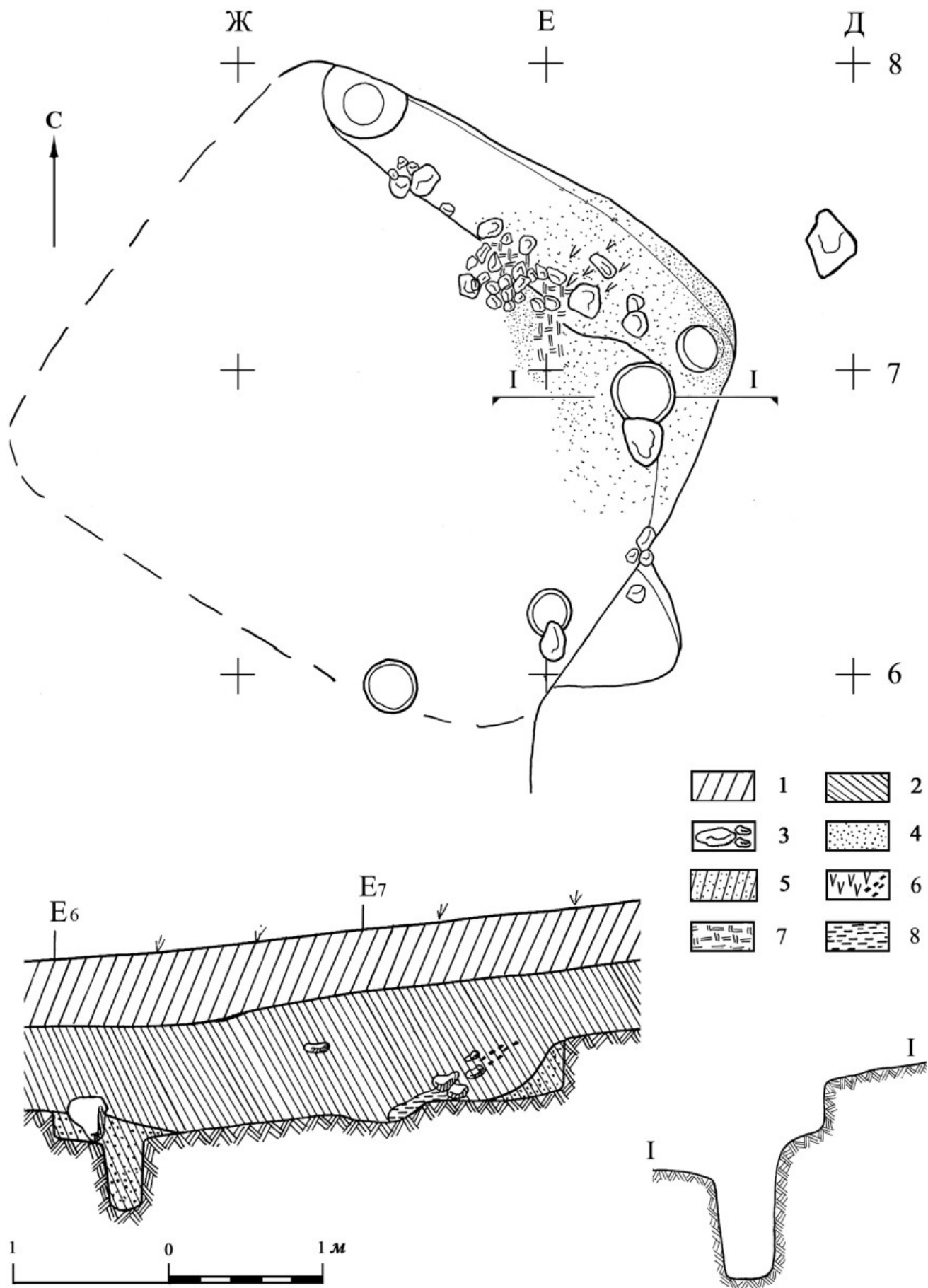

Рис. 109. Селище. Ранний период. Сооружение 4. План и разрез: 1 — пахотный и переотложенный слой; 2 — черная гумусированная супесь; 3 — камни; 4 — обожженная материковая супесь; 5 — культурный слой с примесью материковой светлой супеси; 6 — уголь; 7, 8 — белая глина

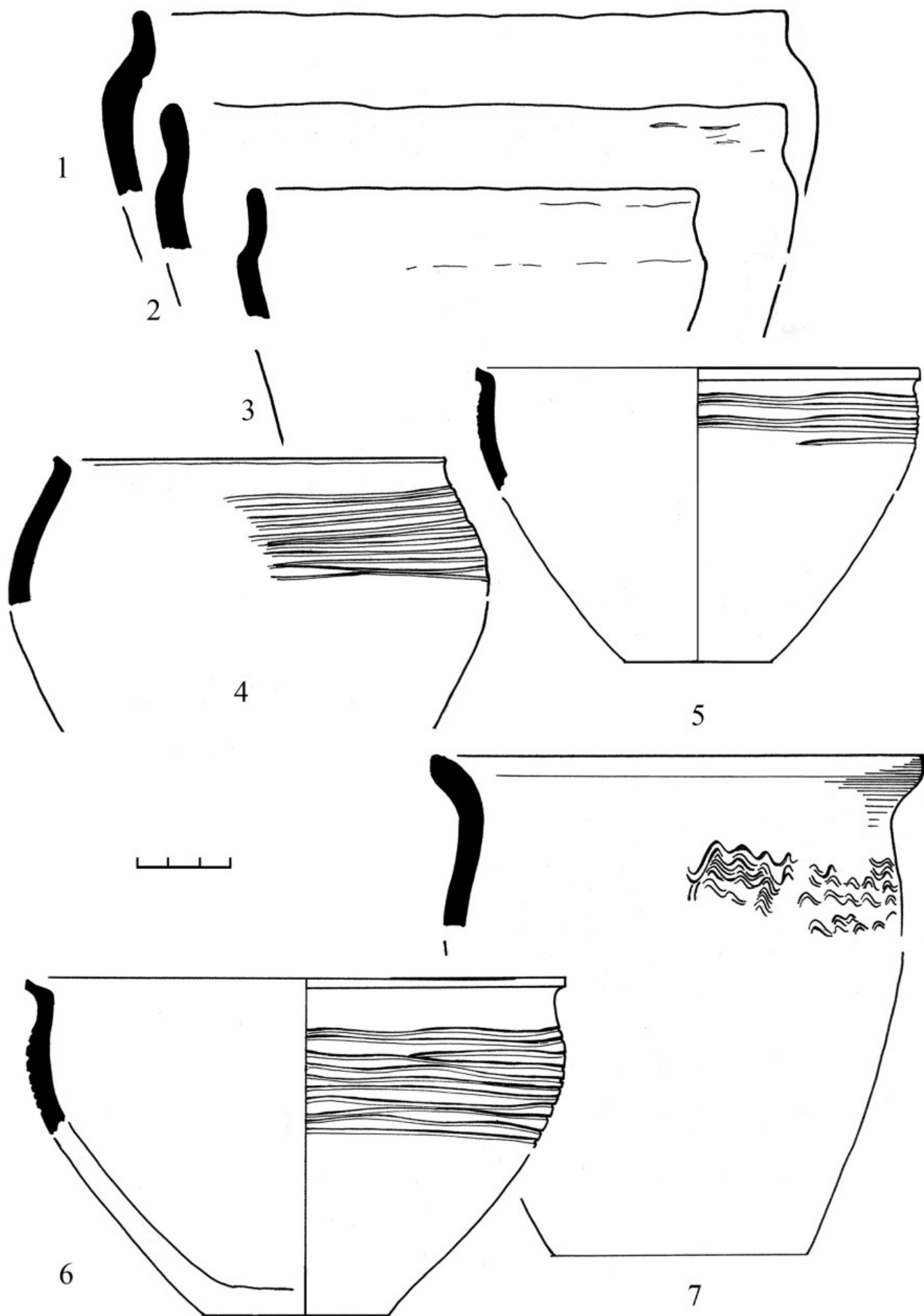

Рис. 110. Селище. Ранний период. Сооружение 4. Керамика: 1—3 — лепная; 4—7 — раннегончарная

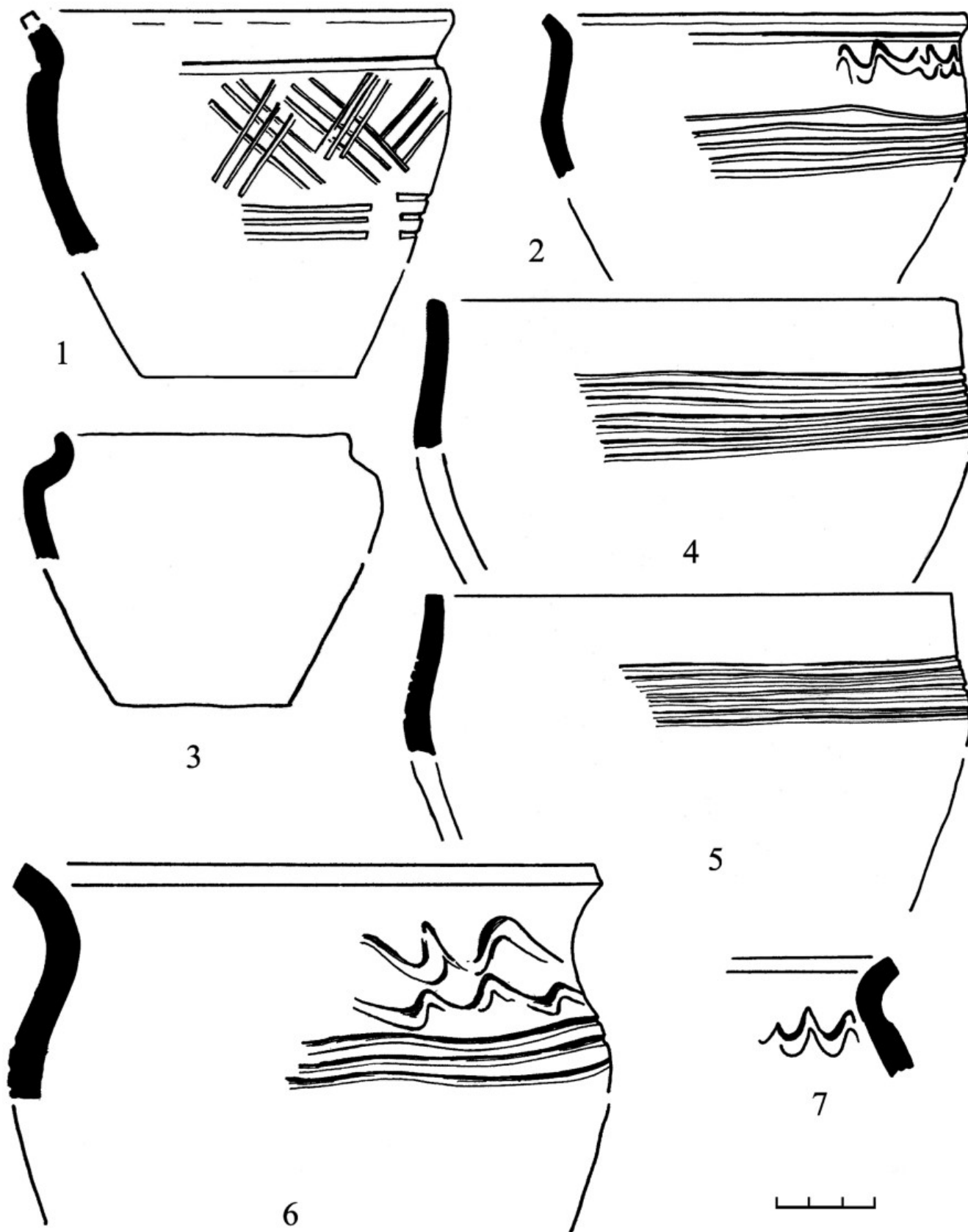

Рис. 111. Селище. Ранний период. Сооружение 4. Керамика: 1, 2, 4—7 — раннегончарная; 3 — лепная

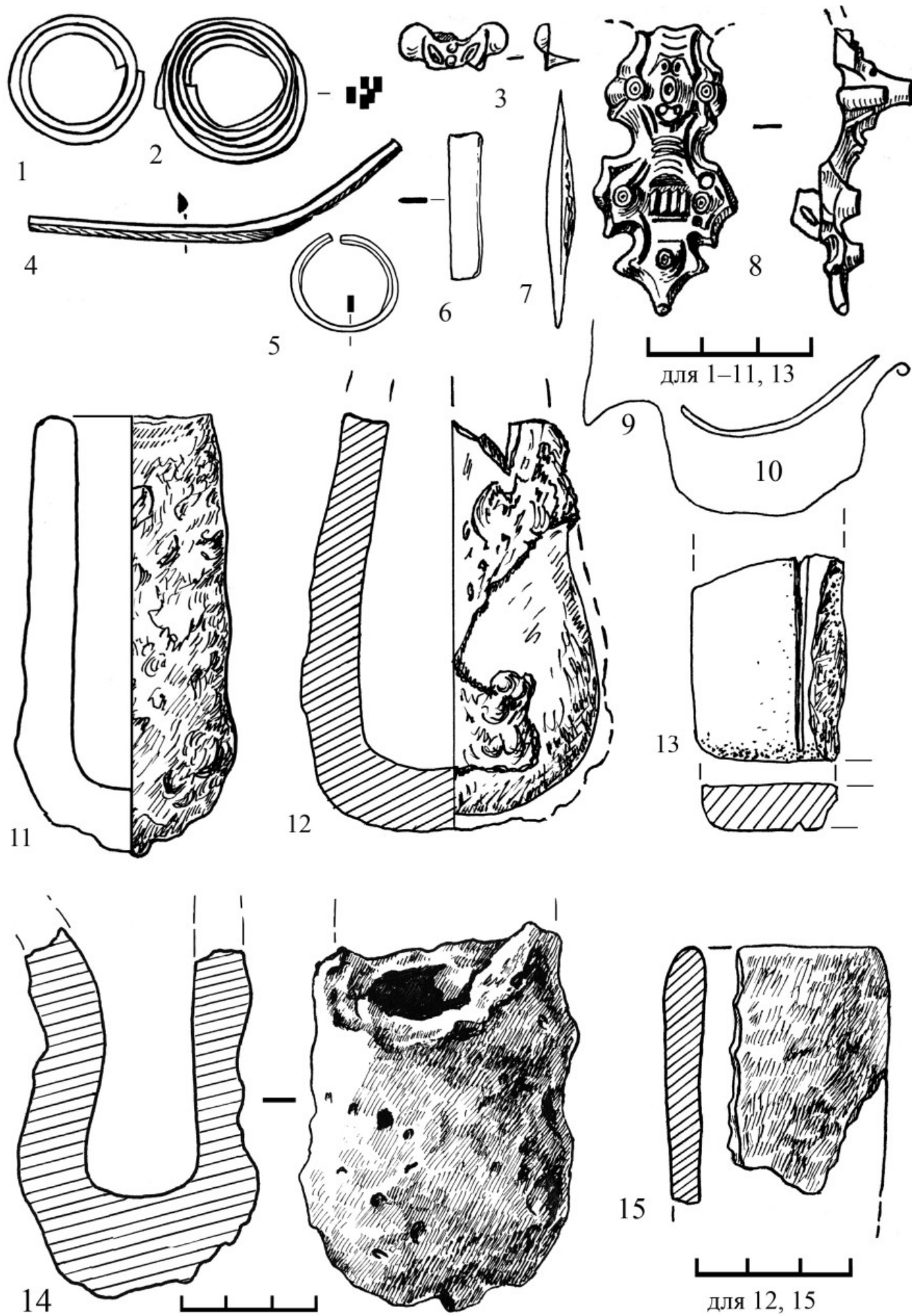

Рис. 112. Селище. Ранний период. Сооружение 4. Находки: 1—10 — бронза; 11, 12, 14, 15 — ошлакованная глина; 13 — сланец

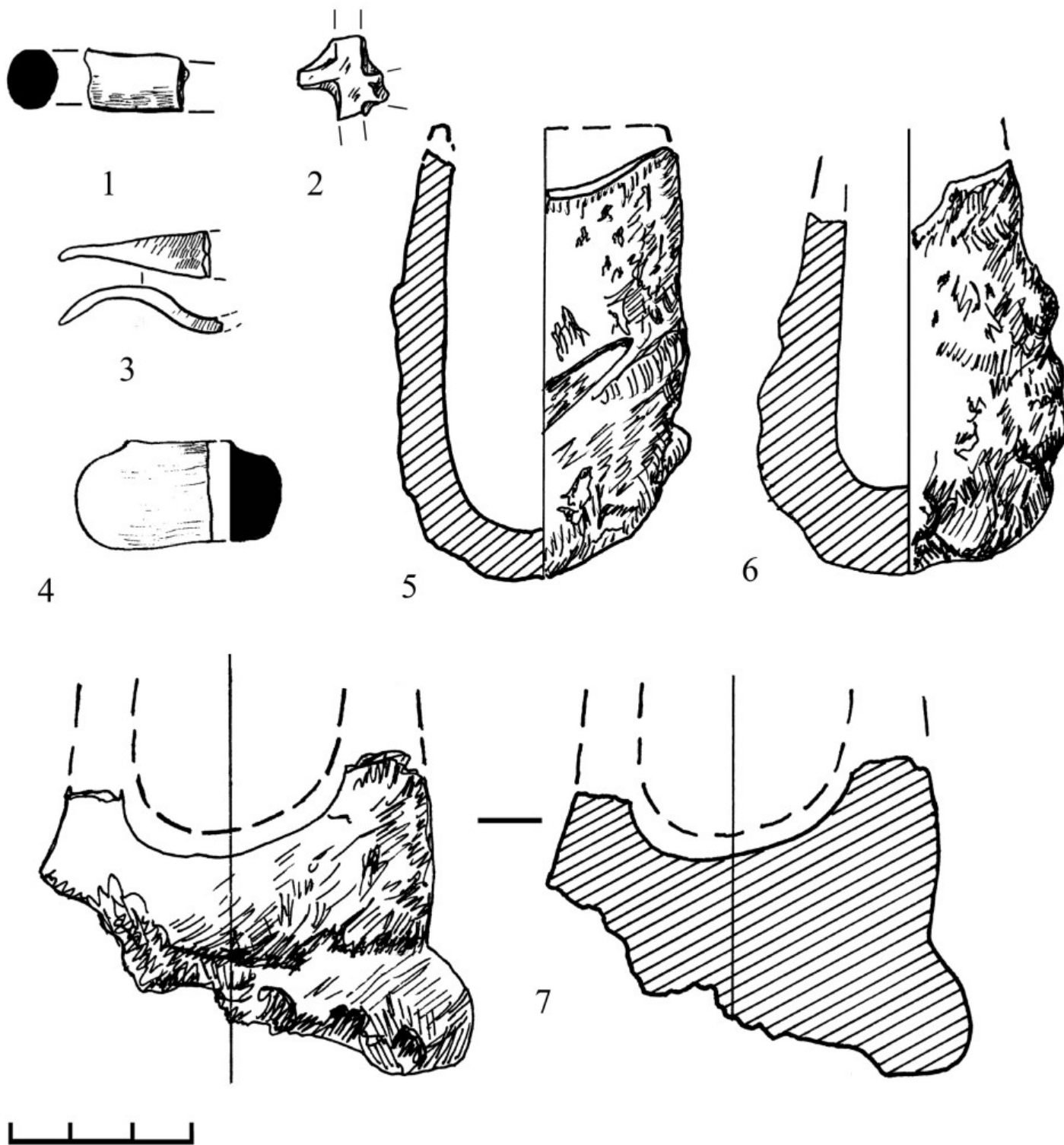

Рис. 113. Селище. Ранний период. Сооружение 5. Находки: 1, 4 — глина; 2, 3 — бронза; 5—7 — ошлакованная глина

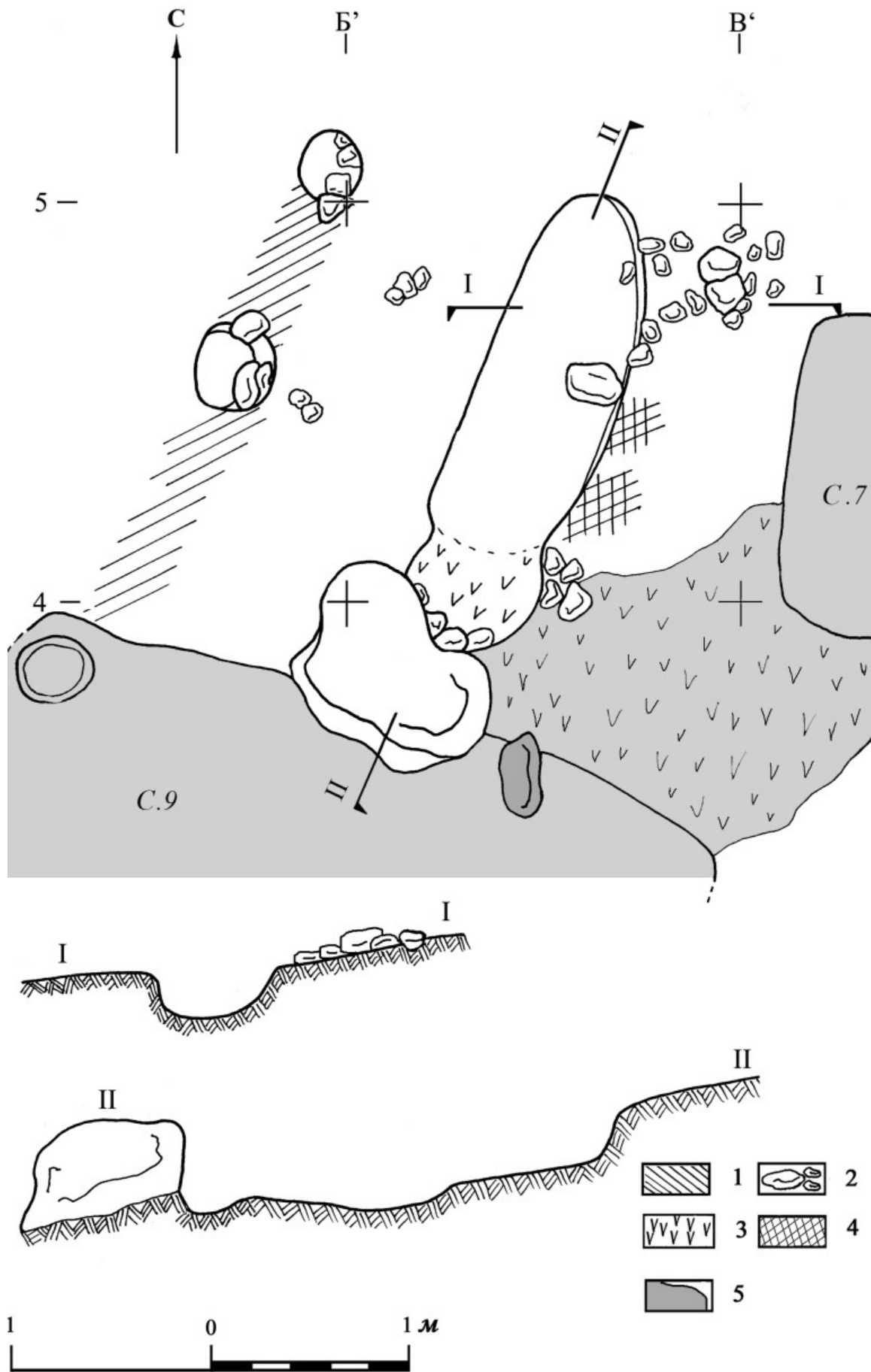

Рис. 114. Селище. Ранний период. Сооружение 6. План и профили: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — камни; 3 — уголь; 4 — красная глина; 5 — соседние сооружения

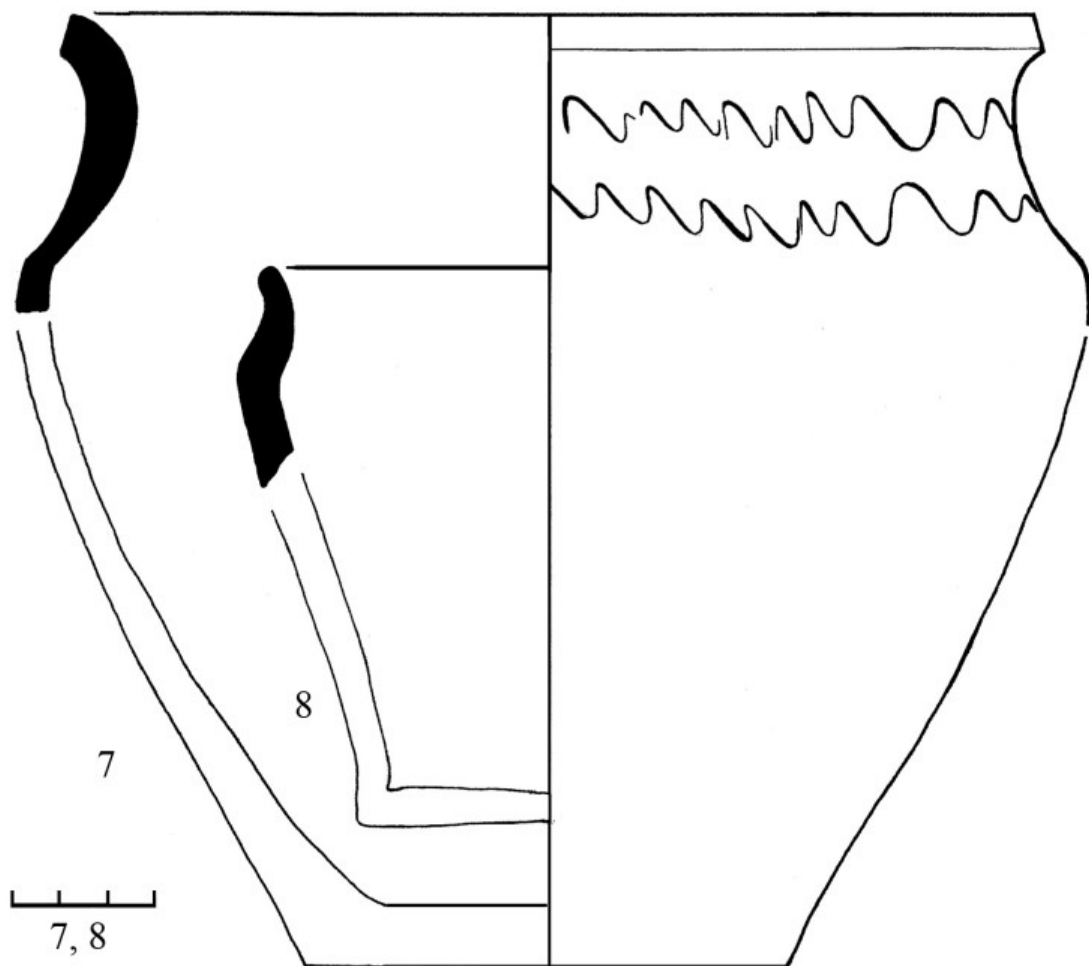
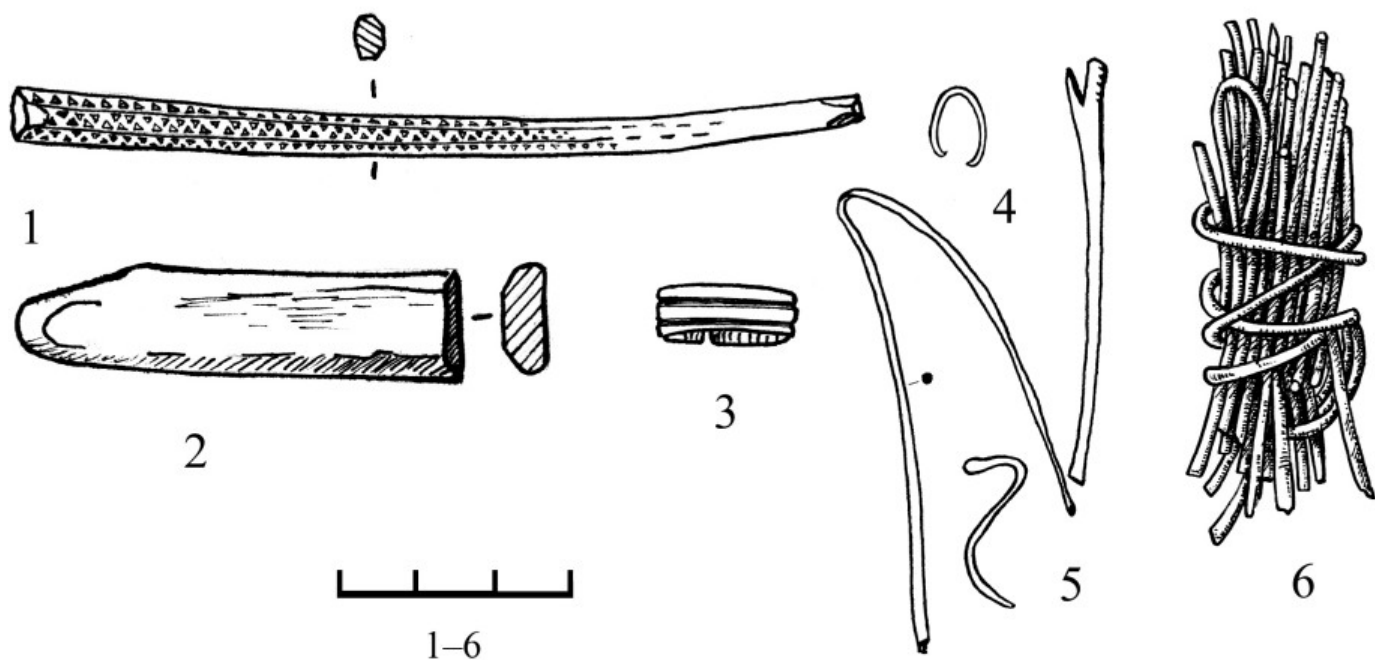

Рис. 115. Селище. Ранний период. Сооружение 6. Находки: 1—6 — бронза; 7 — раннегончарная керамика; 8 — лепная керамика

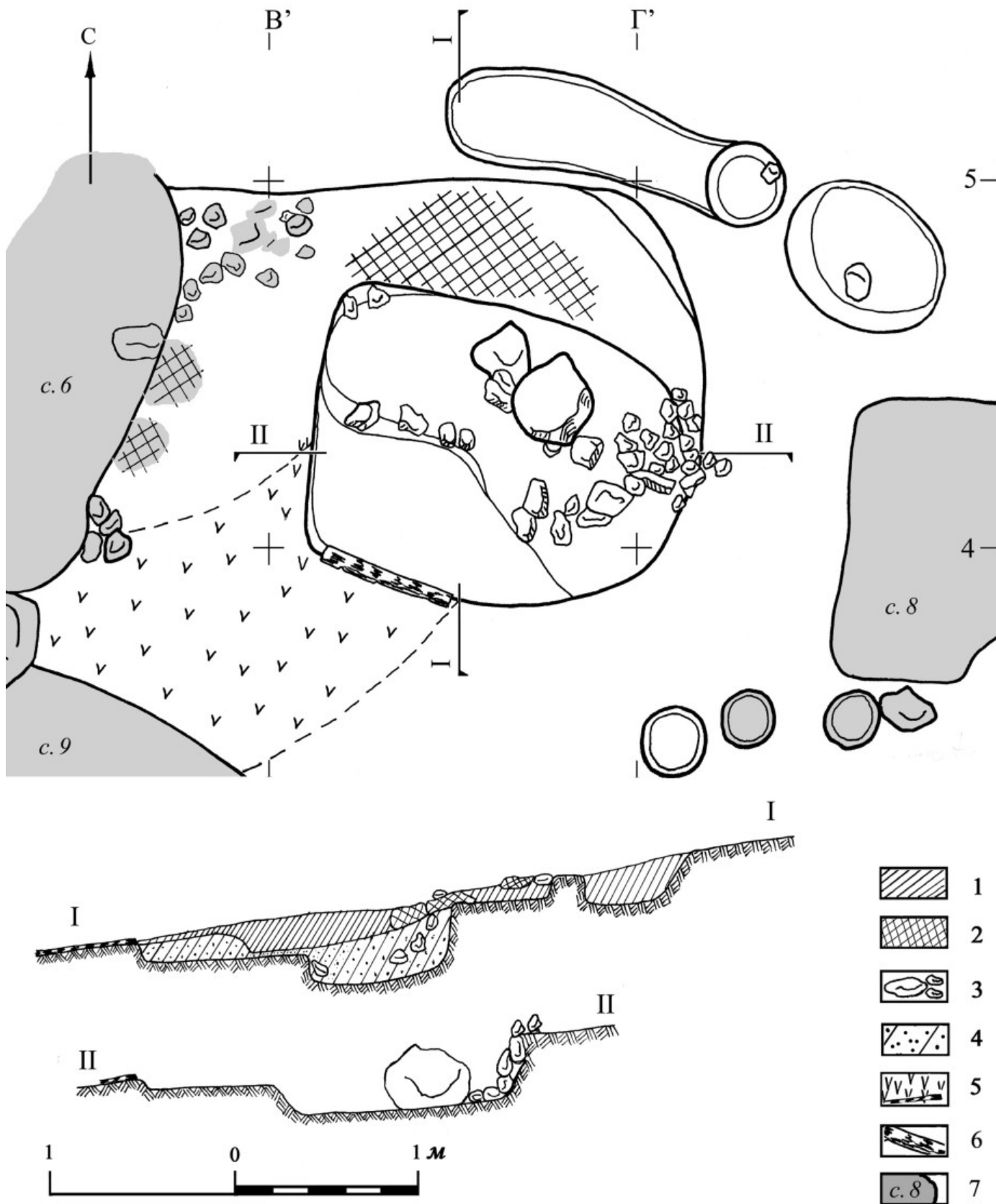

Рис. 116. Селище. Ранний период. Сооружение 7. План, разрез и профиль: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — красная глина; 3 — камни; 4 — серая гумусированная супесь с примесью светлой материковой супеси; 5 — угольные линзы; 6 — горелое дерево; 7 — соседние сооружения

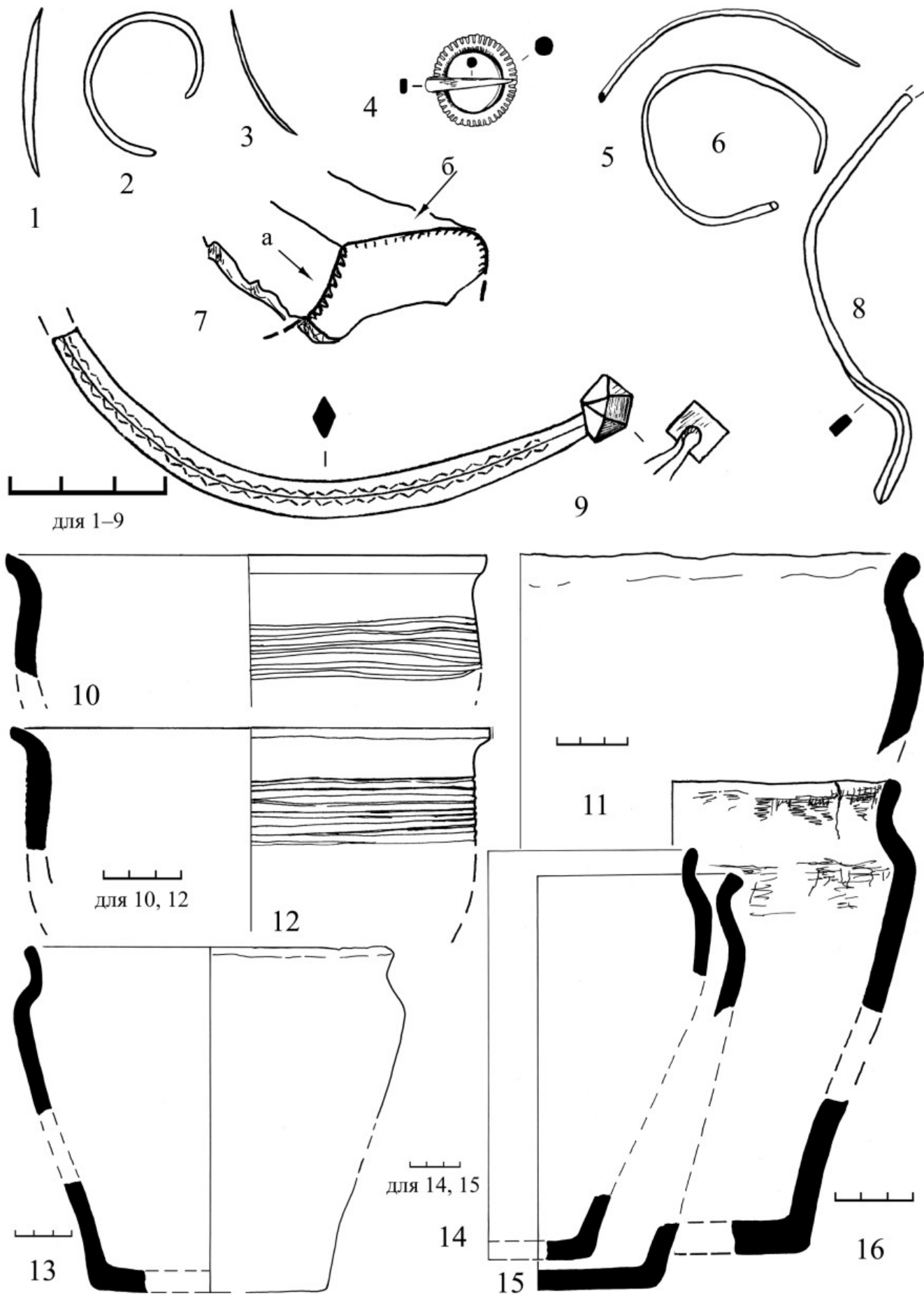

Рис. 117. Селище. Ранний период. Сооружение 7. Находки: 1, 2, 4, 9, 11—16 — угольная линза к югу от сооружения; 3, 5, 6—8, 10 — заполнение сооружения (1—6, 8, 9 — бронза; 7 — глина; 10, 12, 13 — раннегончарная керамика; 11, 14—16 — лепная керамика)

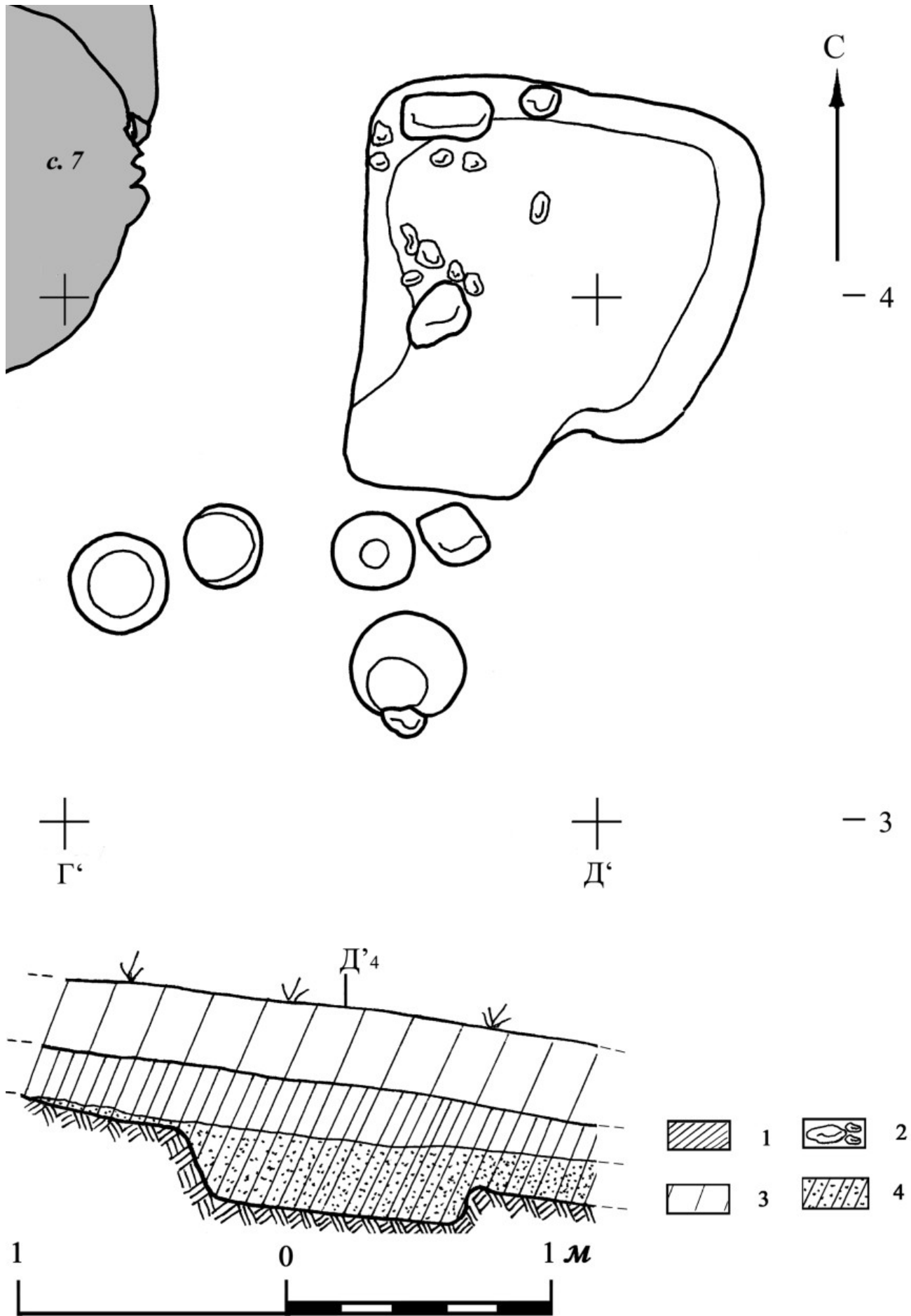

Рис. 118. Селище. Ранний период. Сооружение 8. План и разрез: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — камни; 3 — пахотный и переотложенный слой; 4 — серая гумусированная супесь с примесью материковой светлой супеси

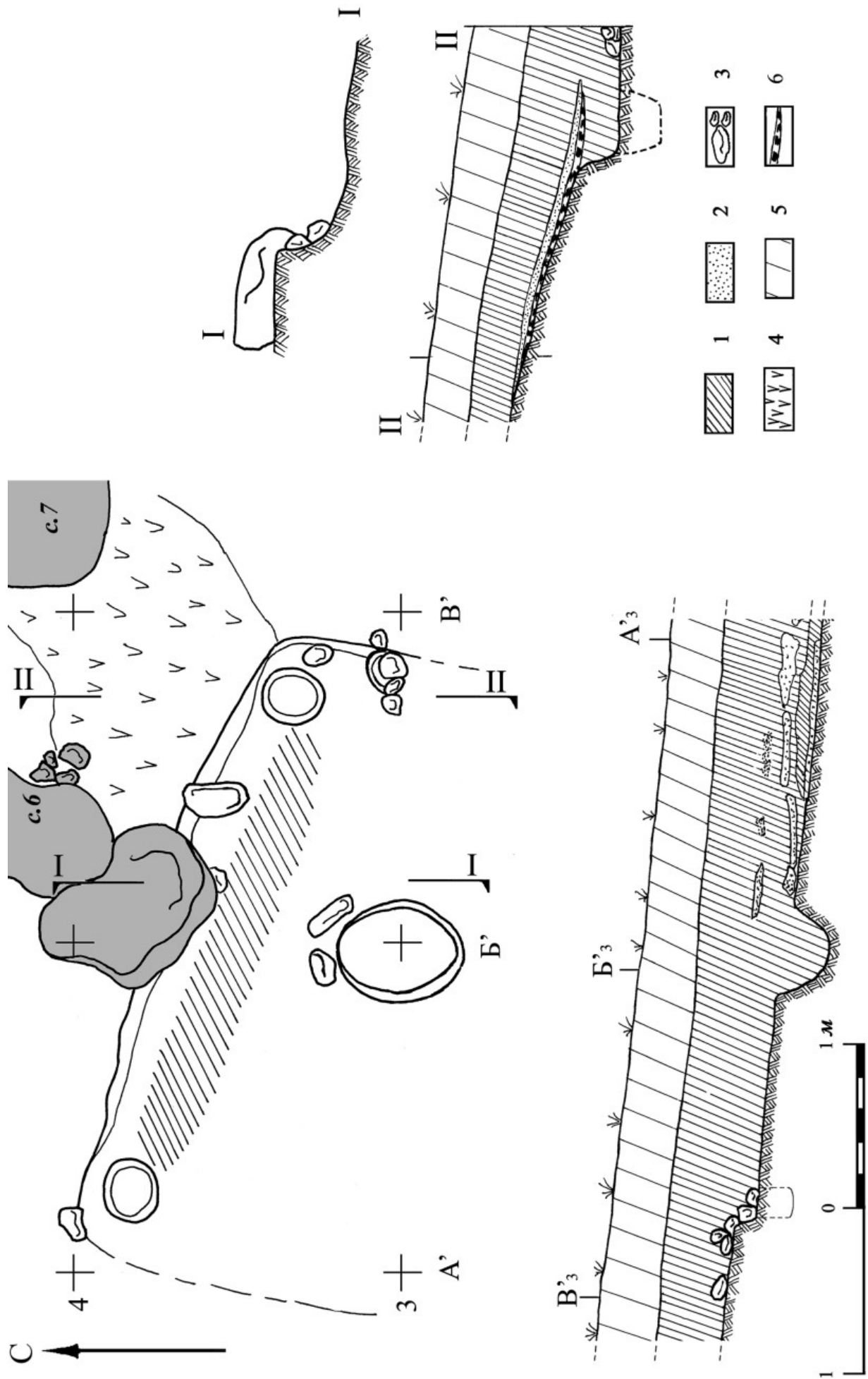

Рис. 119. Селище. Ранний период. Сооружение 9. План, профиль и разрезы: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — песок; 3 — камни; 4, 6 — угловая линза; 5 — пахотный и переотложенный слой

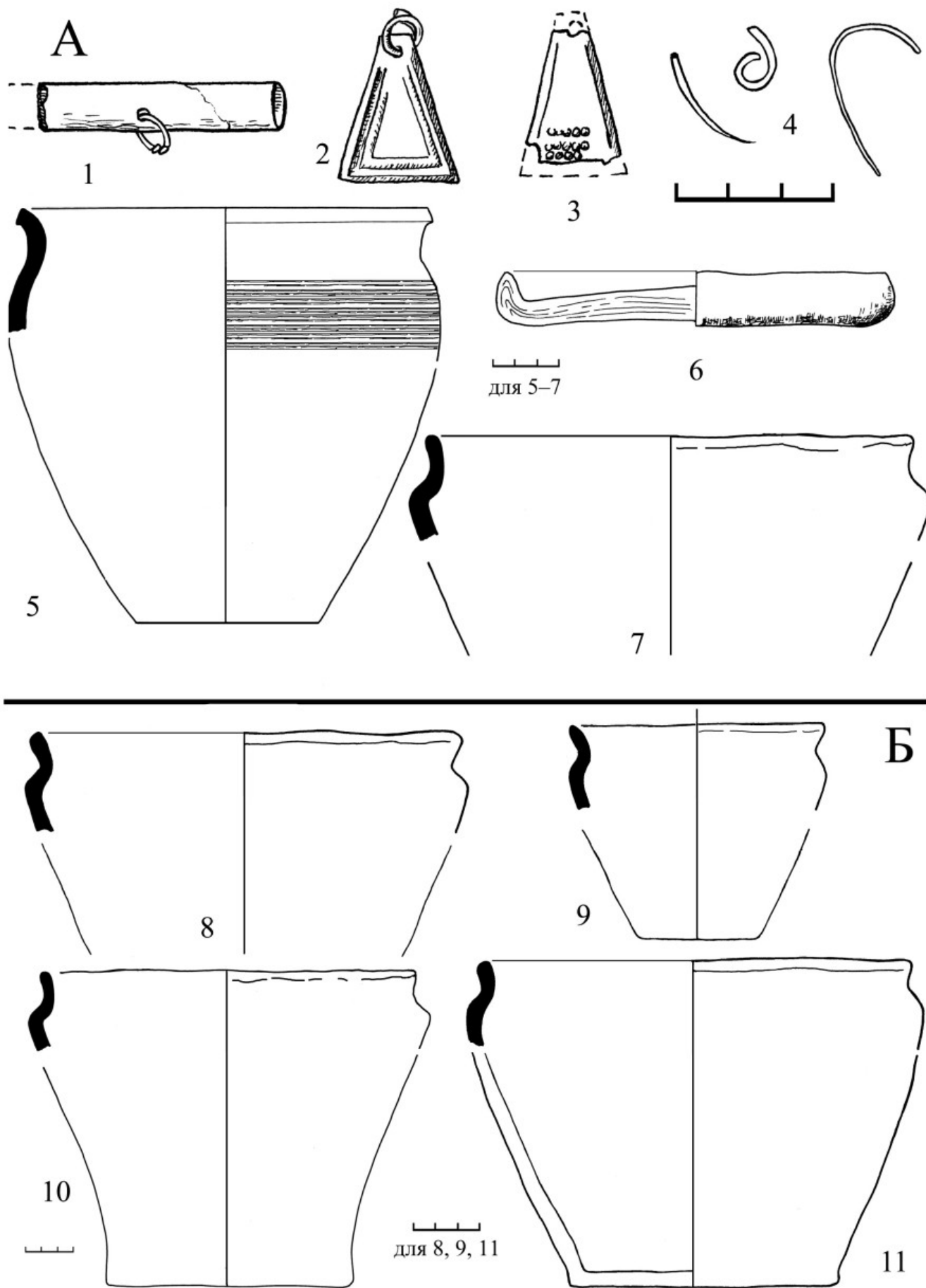

Рис. 120. Селище. Ранний период. А — сооружение 8; Б — сооружение 9. Находки: 1 — кость; 2—4 — бронза; 5 — раннегончарная керамика; 6—11 — лепная керамика

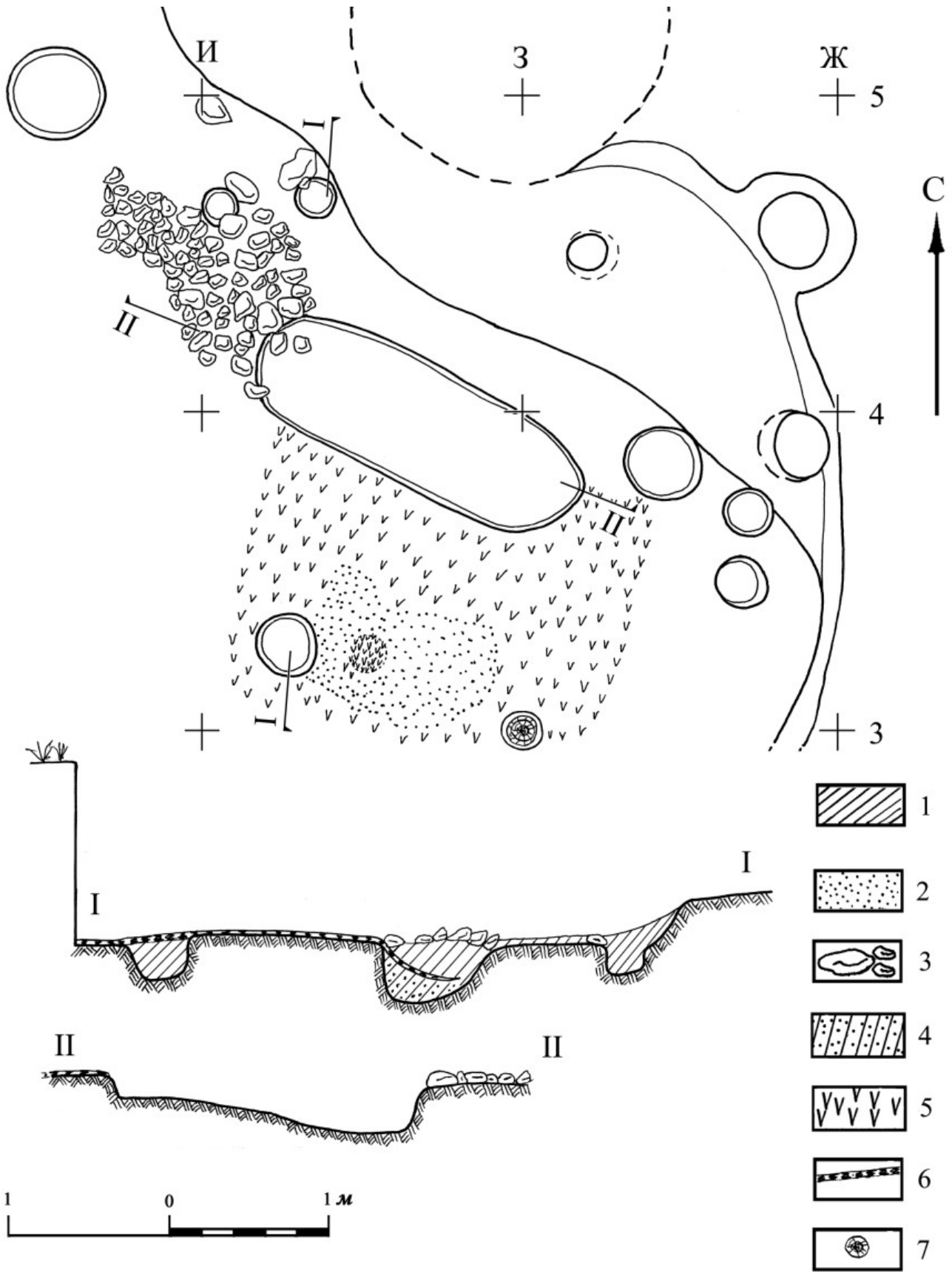

Рис. 121. Селище. Ранний период. Сооружение 10. План, разрез и профиль: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — прокаленный песок; 3 — камни; 4 — темно-серый слой с включениями материковой светлой супеси; 5, 6 — угольная линза; 7 — горелое дерево

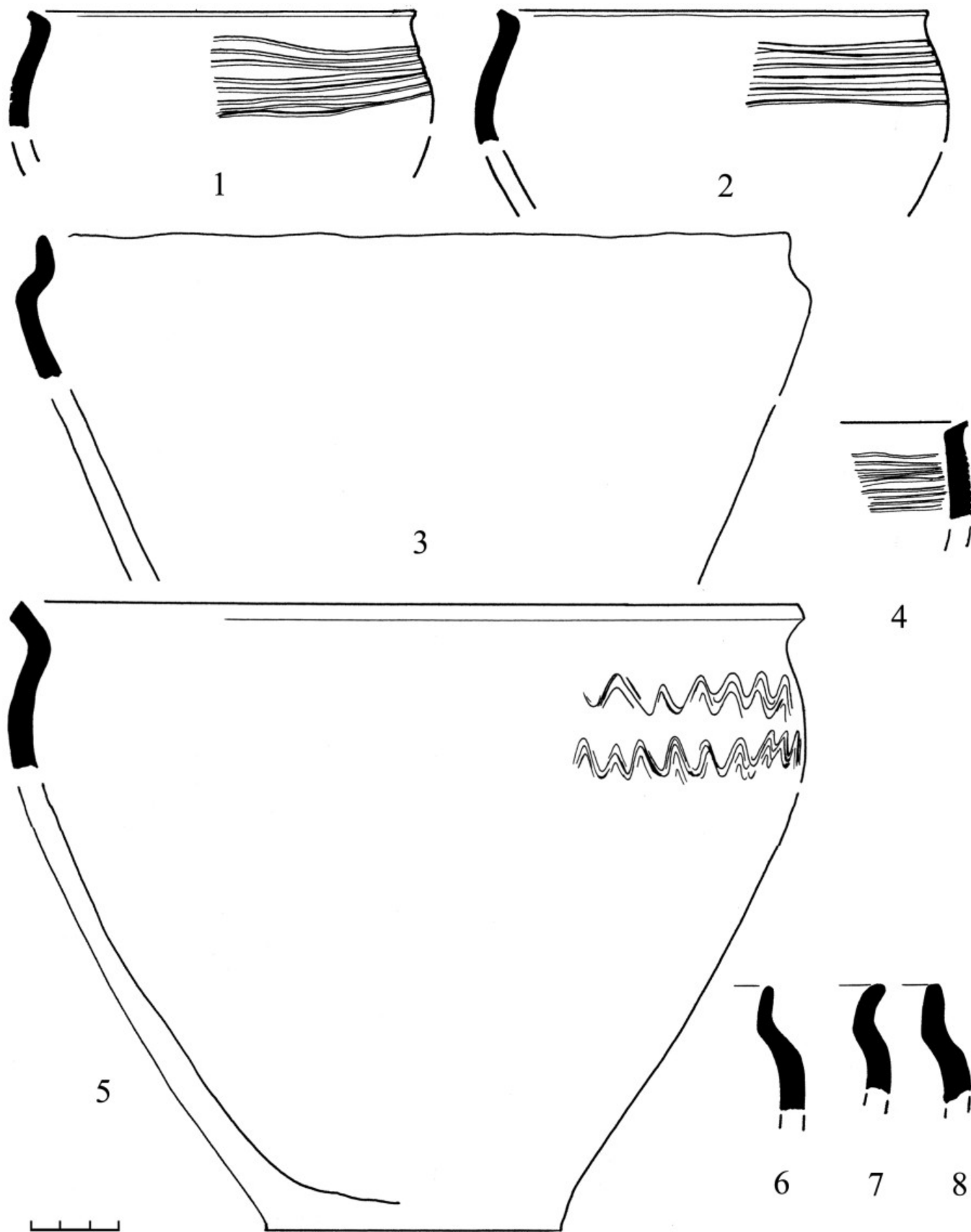
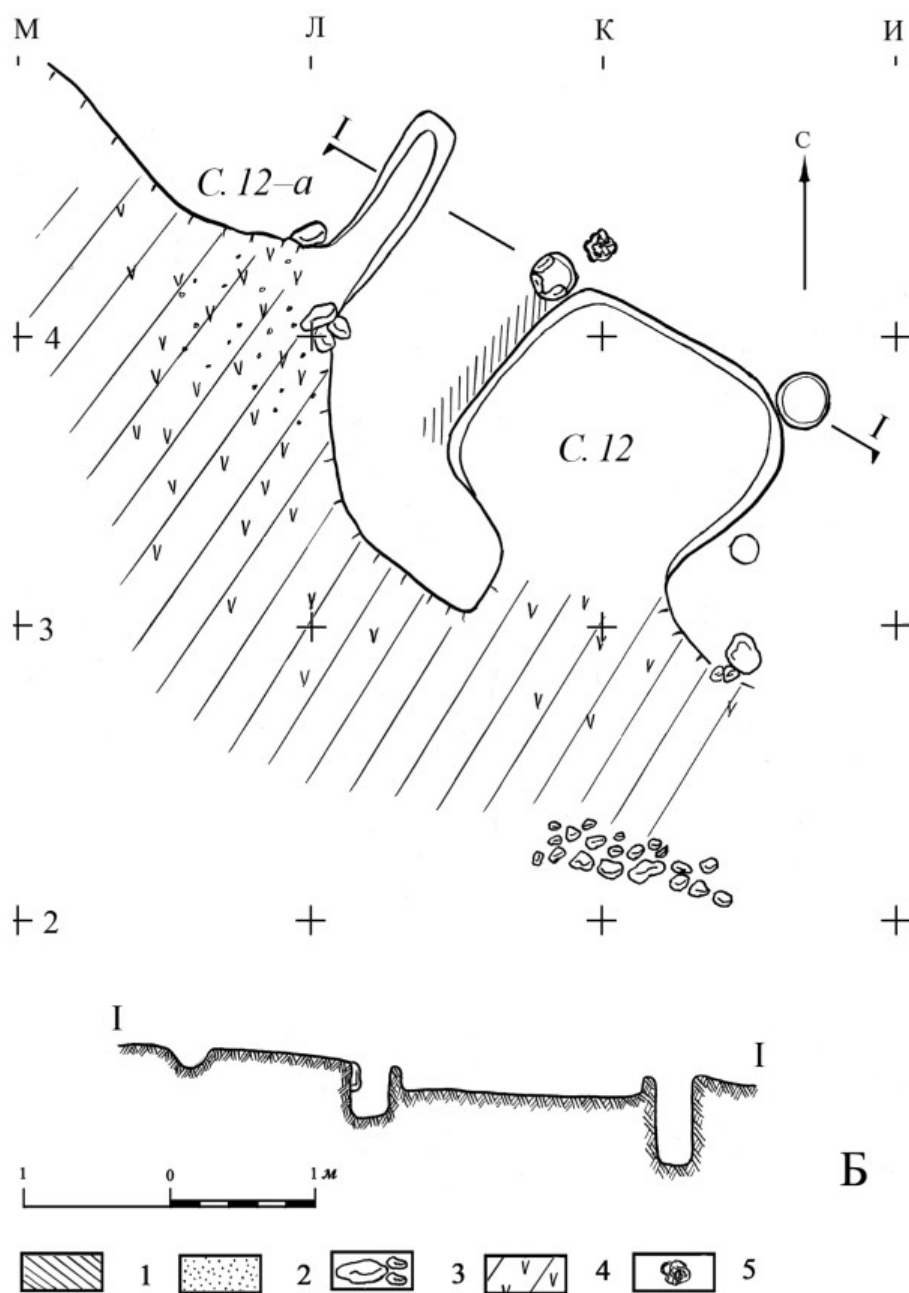
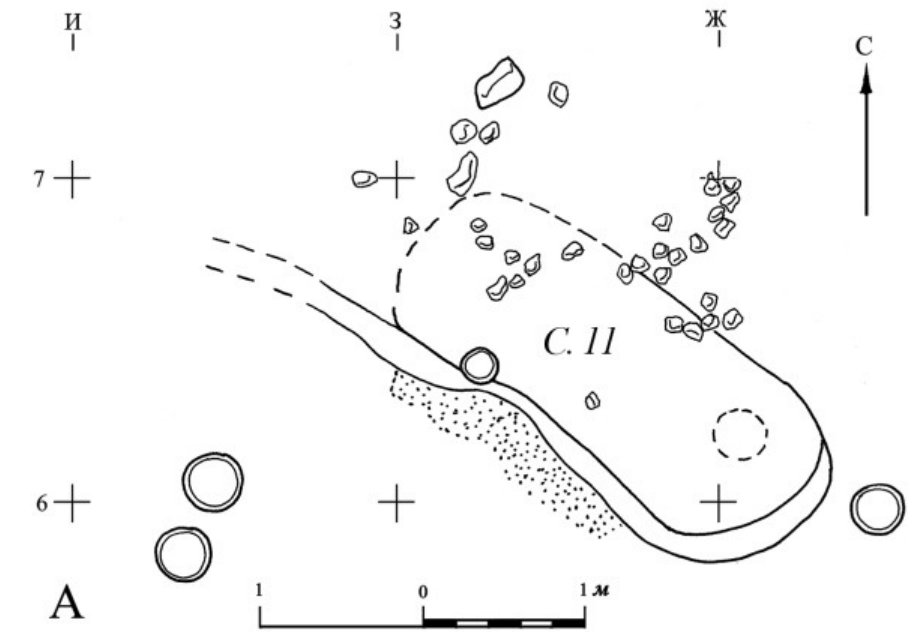

Рис. 122. Селище. Ранний период. Сооружение 10. Керамика: 1, 2, 4, 5 — раннегончарная; 3, 6—8 — лепная

Б

Рис. 123. Селище. Ранний период. Сооружения 11 и 12—12-а. Планы и профиль:
 1 — темно-серая гумусированная супесь;
 2 — прокаленная супесь; 3 — камни;
 4 — черная супесь с включениями угля;
 5 — металлургический конгломерат

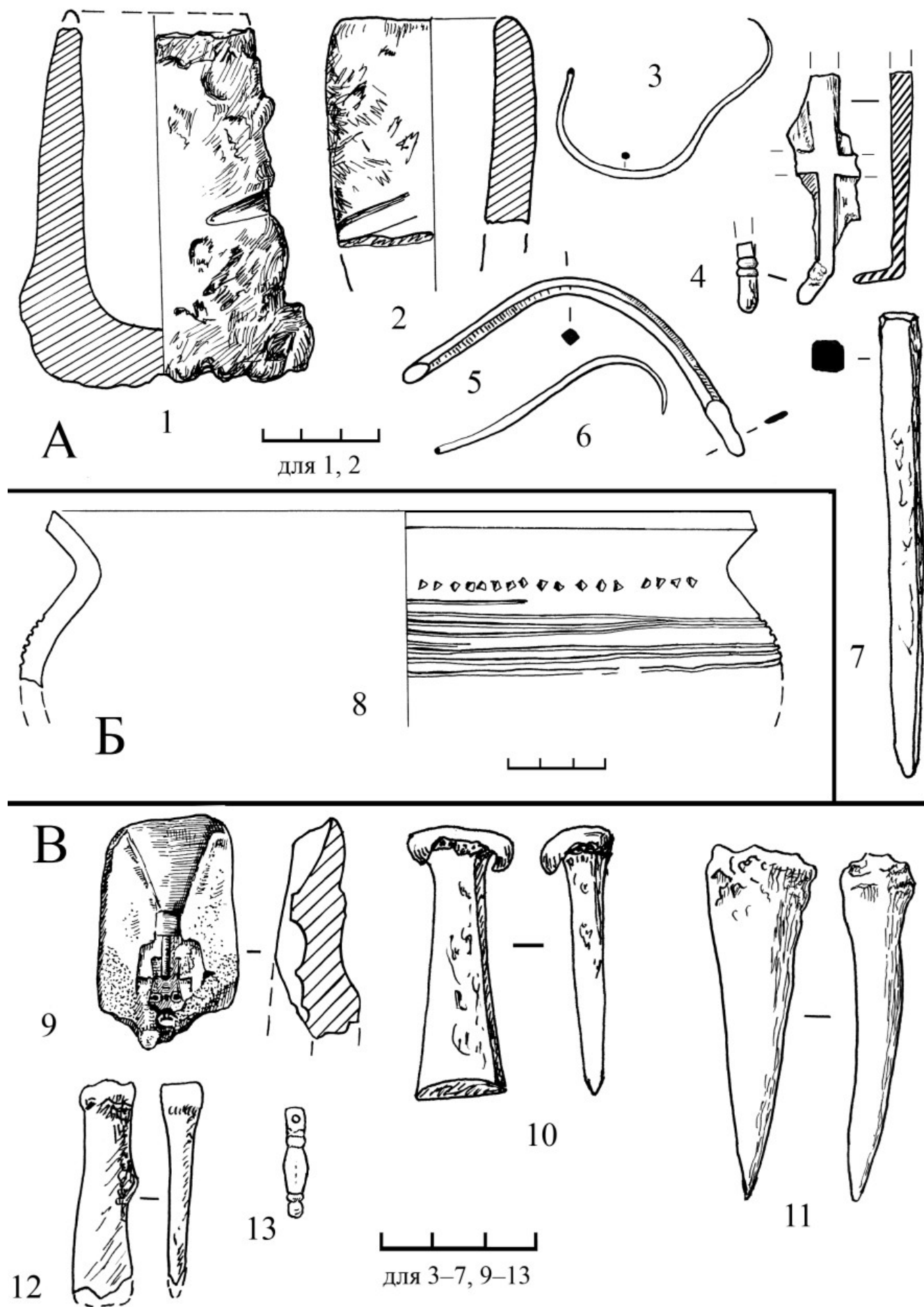

Рис. 124. Селище. Ранний период. А — сооружение 10; Б — сооружение 11; В — сооружение 12—12-а.
 Находки: 1, 2 — ошлакованная глина; 3 — серебро; 4—6, 13 — бронза; 7, 10, 12 — железо;
 8 — раннегончарная керамика; 9 — глина; 11 — кость

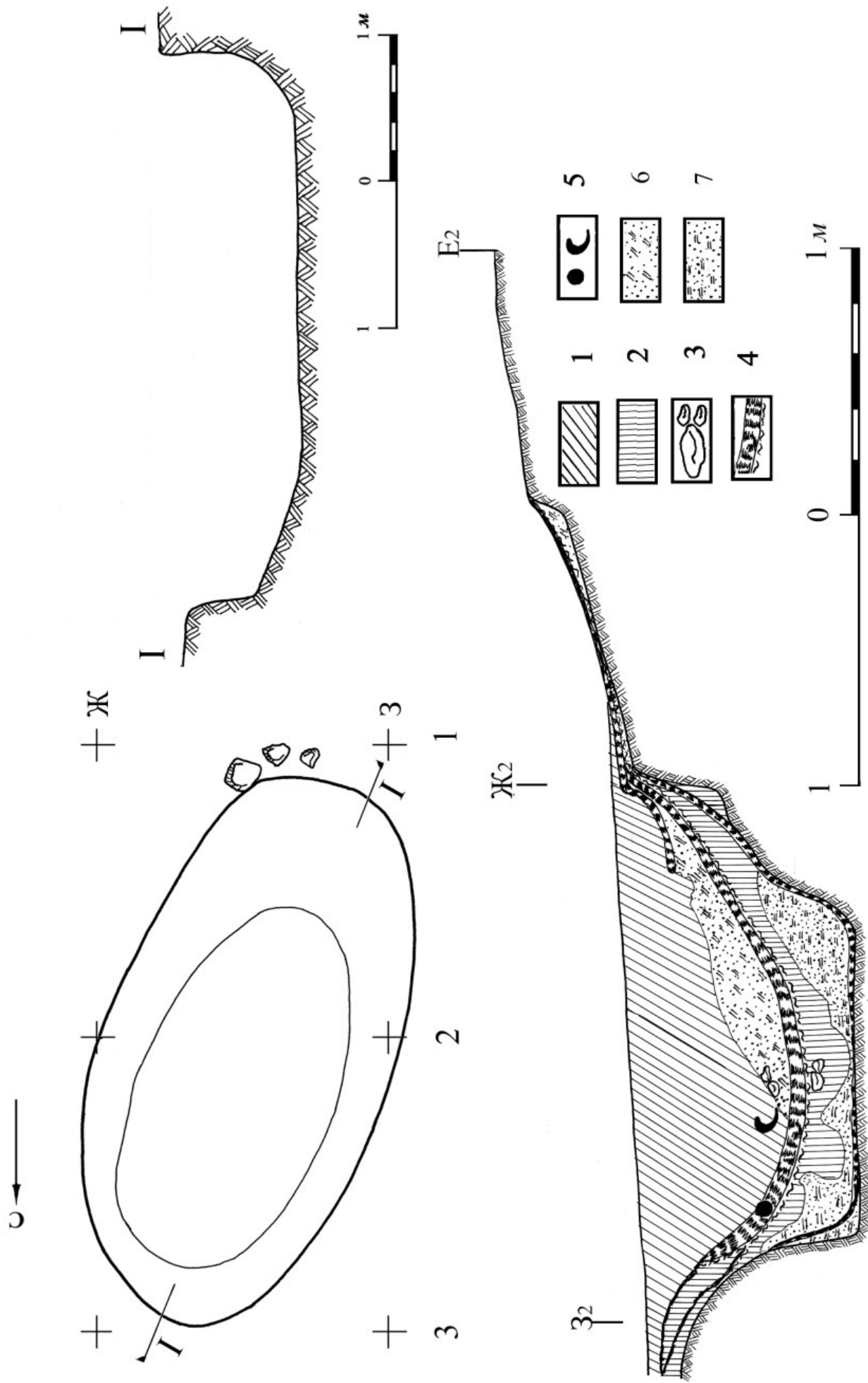

Рис. 125. Селище. Ранний период. Сооружение 13. План, профиль, разрез: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — серая слабо гумусированная супесь; 3 — камни; 4 — угольный слой с древесным пленом; 5 — горелое дерево; 6 — ярко-желтый с красной песок; 7 — материковая супесь с включениями светлой глины

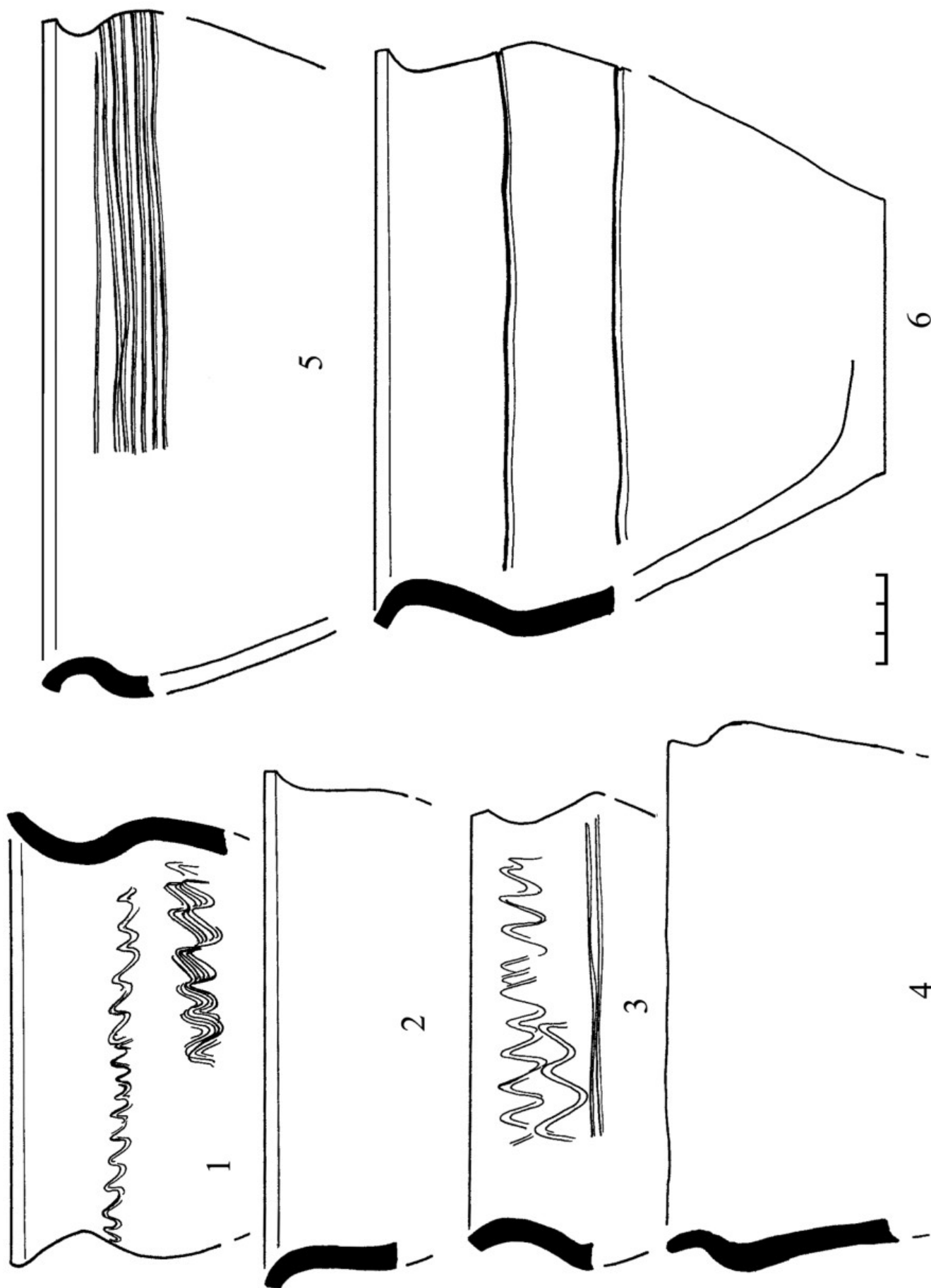

Рис. 126. Селище. Ранний период. Сооружение 13. Керамика: 1—3, 5, 6 — раннегончарная; 4 — лепная

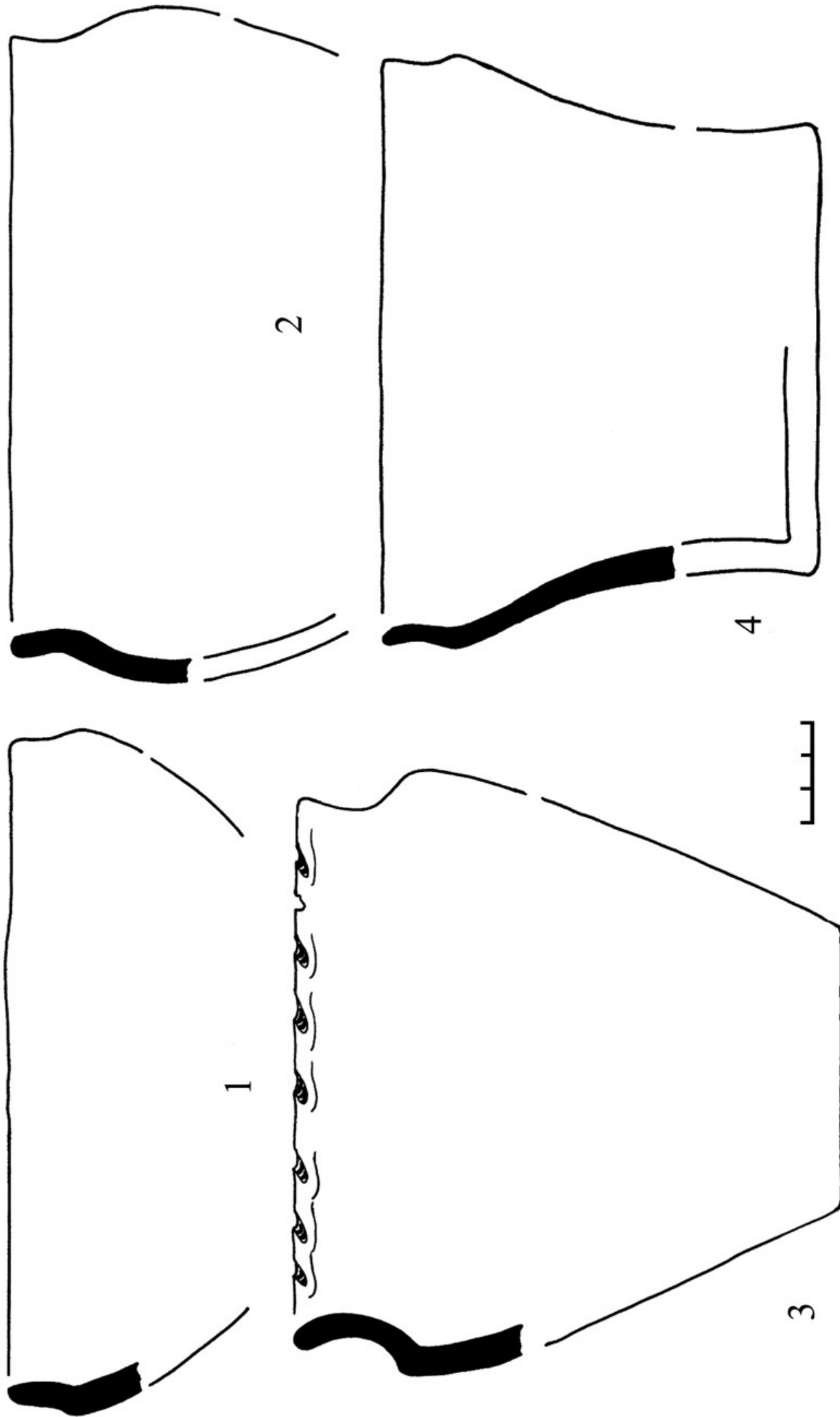

Рис. 127. Селище. Ранний период. Сооружение 13. Лепная керамика

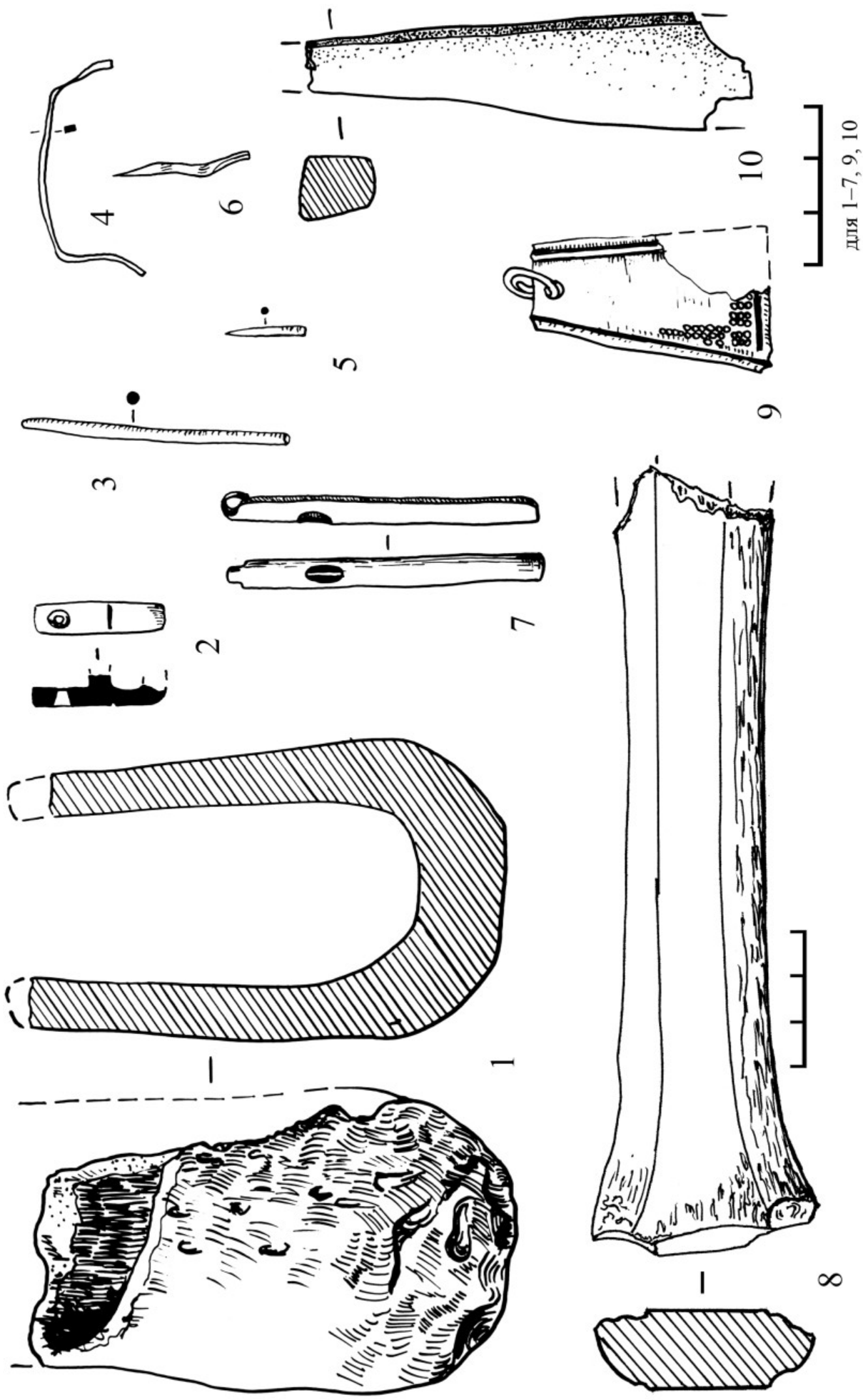

Рис. 128. Селище. Ранний период. Сооружение 13. Находки: 1 — оплакованная глина; 2, 8 — кость; 3—7, 9 — бронза; 10 — сланец

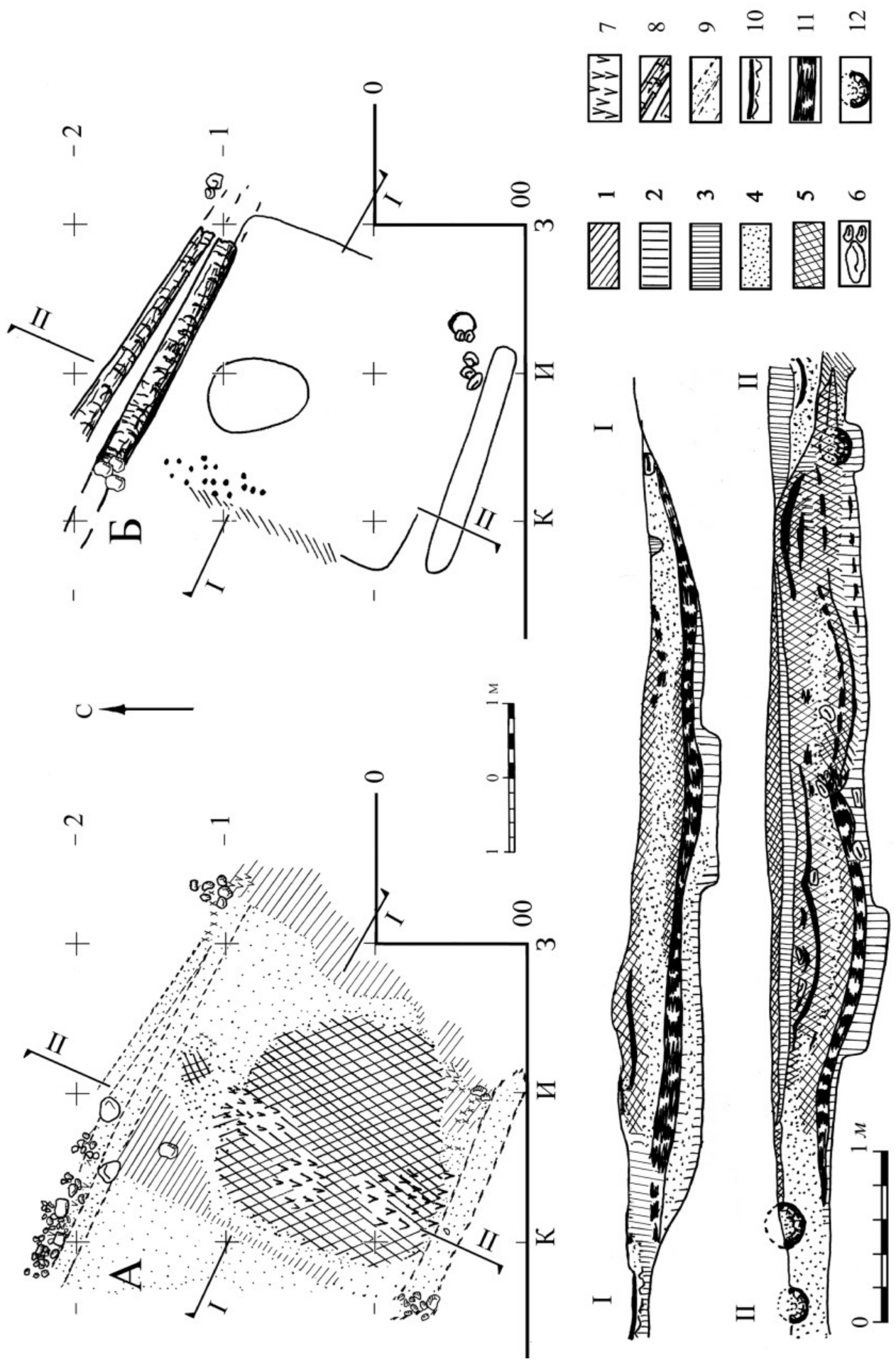

Рис. 129. Селище. Ранний период. Сооружение 14: 1, 3 — черная гумусированная супесь; 2 — светло-серая супесь; 4 — белый песок; 5 — красная глина; 6 — камни; 7 — уголь; 8, 12 — обугленные бревна; 9 — следы обугленных бревен в белом песке; 10 — угольный слой с древесным тленом; 11 — угольно-сажистые линзы

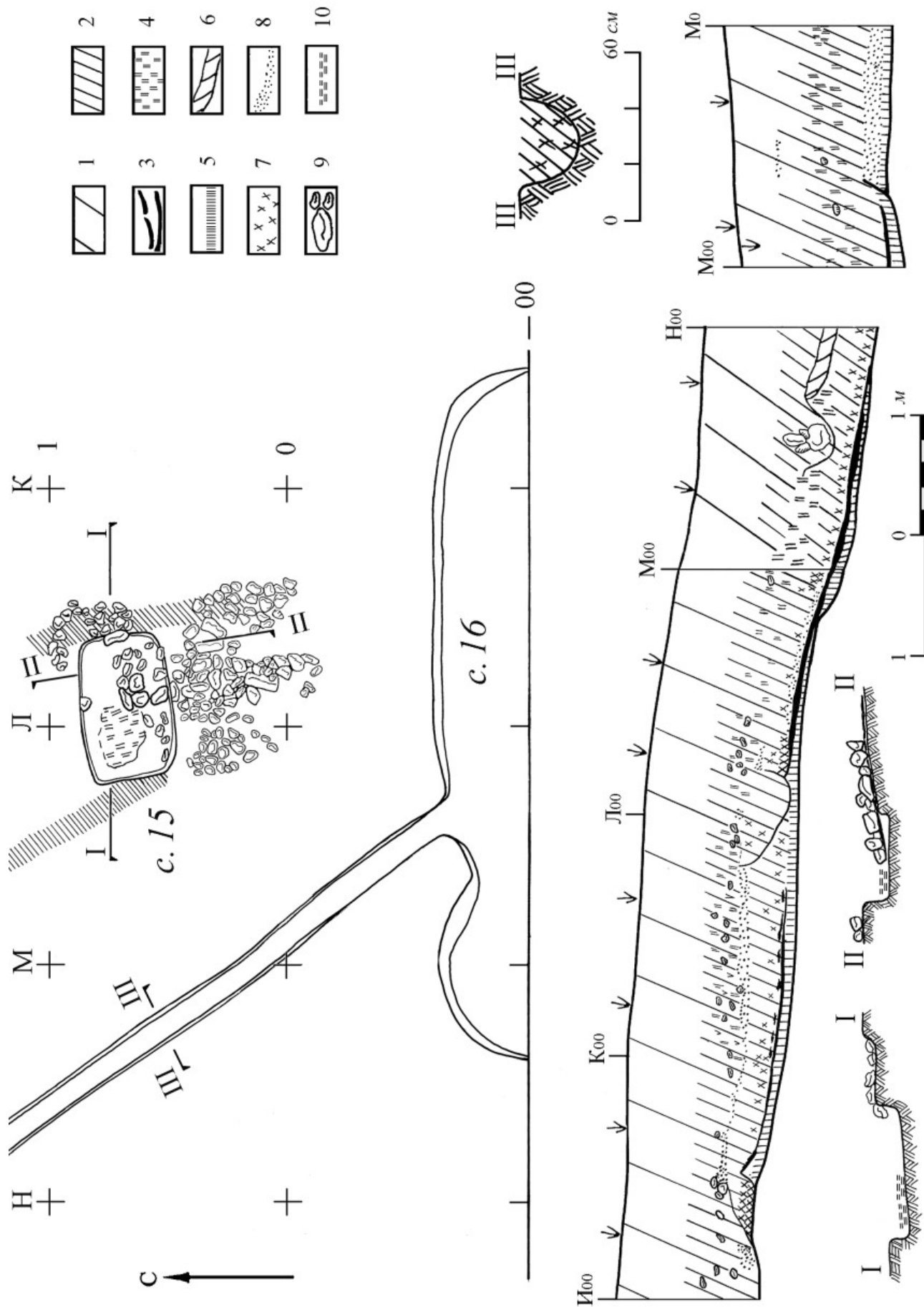

Рис. 130. Селище. Ранний период. Сооружения 15 и 16. Планы, разрезы, профили: 1 — пахотный и переотложенный слой; 2 — черная гумусированная супесь; 3 — угольные прослойки; 4, 10 — белая глина; 5 — слабогумусированный глинистый слой; 6 — линза ярко-желтого песка с обмозкой; 7 — красная глина; 8 — прослойки светлого песка; 9 — камни

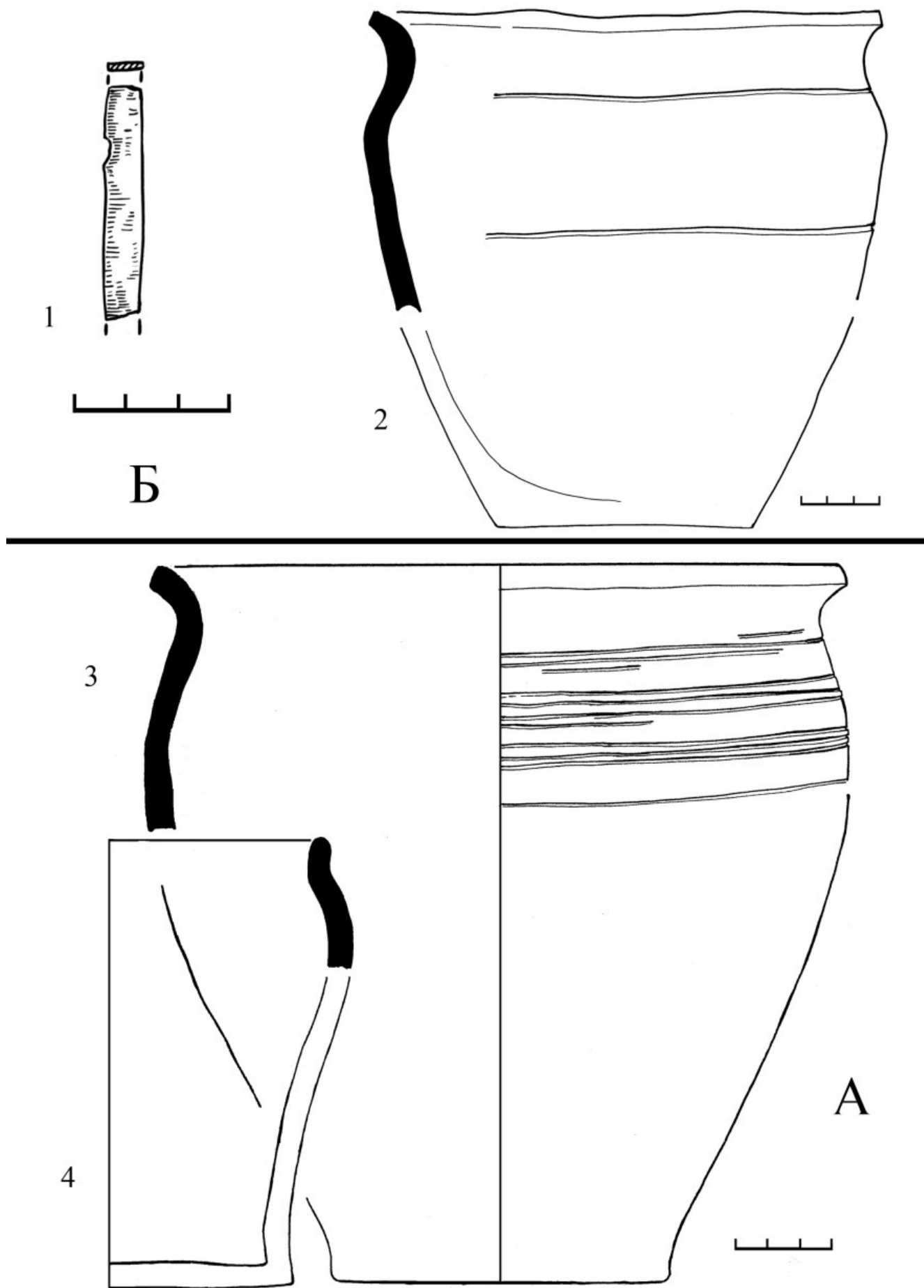

Рис. 131. Селище. Ранний период. А — сооружение 14; Б — сооружение 15. Находки: 1 — бронза; 2, 3 — раннегончарная керамика; 4 — лепная керамика

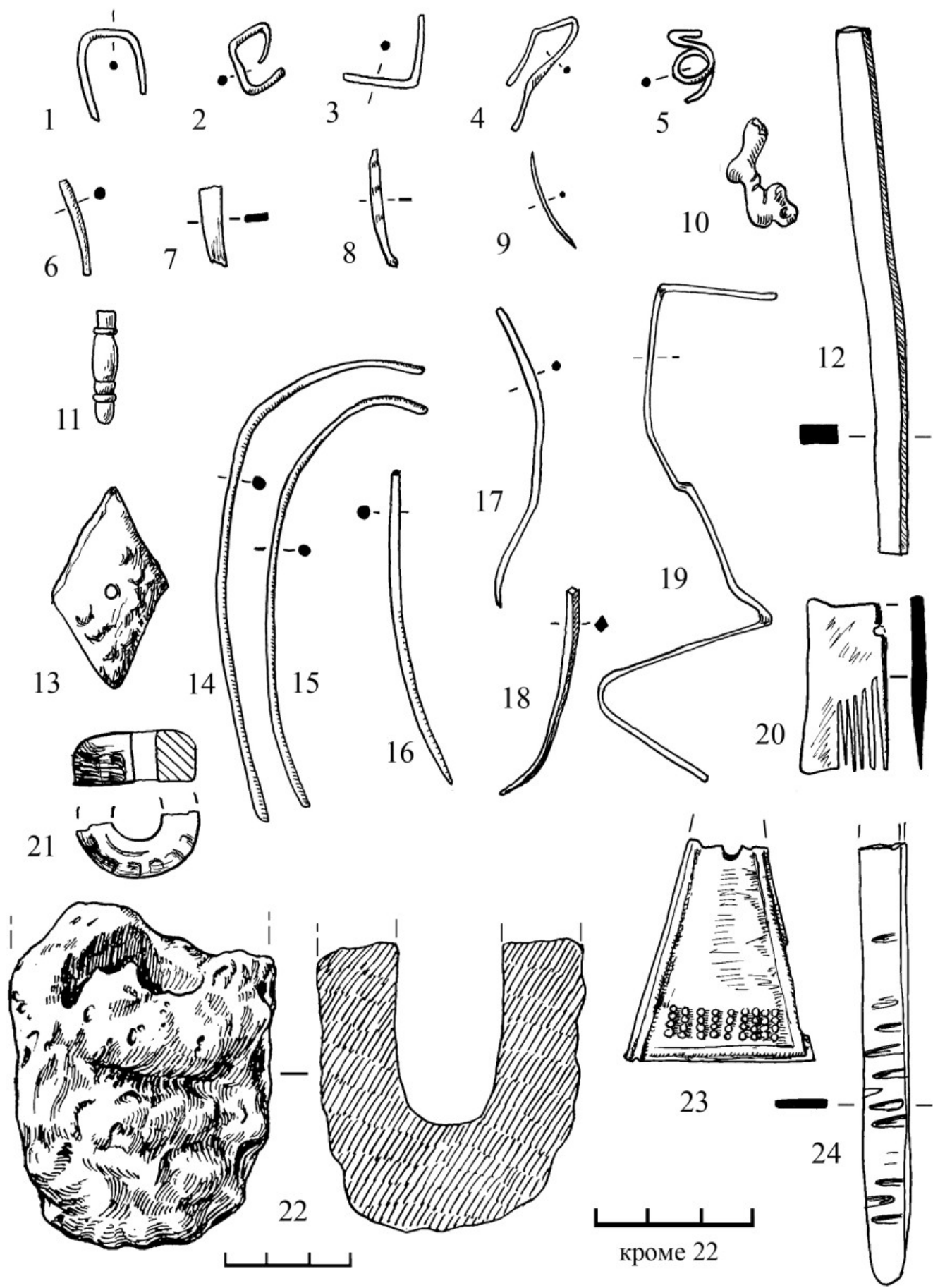

Рис. 132. Селище. Ранний период. Сооружение 14. Находки: 1—12, 14—19, 23, 24 — бронза; 13 — железо; 20, 21 — кость; 22 — ошлакованная глина

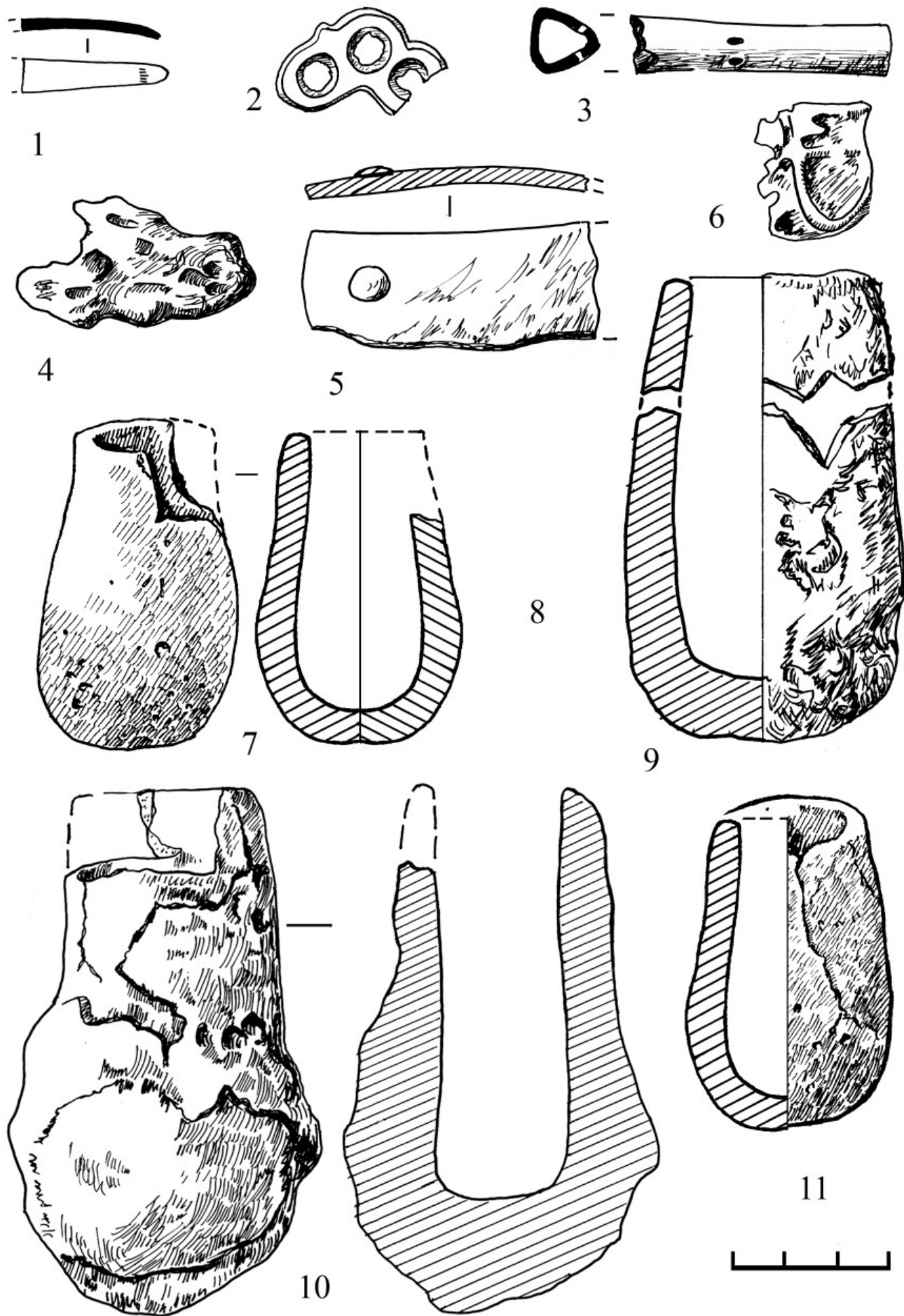

Рис. 133. Селище. Ранний период. Сооружение 16. Находки: 1, 2, 4, 6, 8 — бронза; 3 — кость; 5 — железо; 7, 9—11 — ошлакованная глина

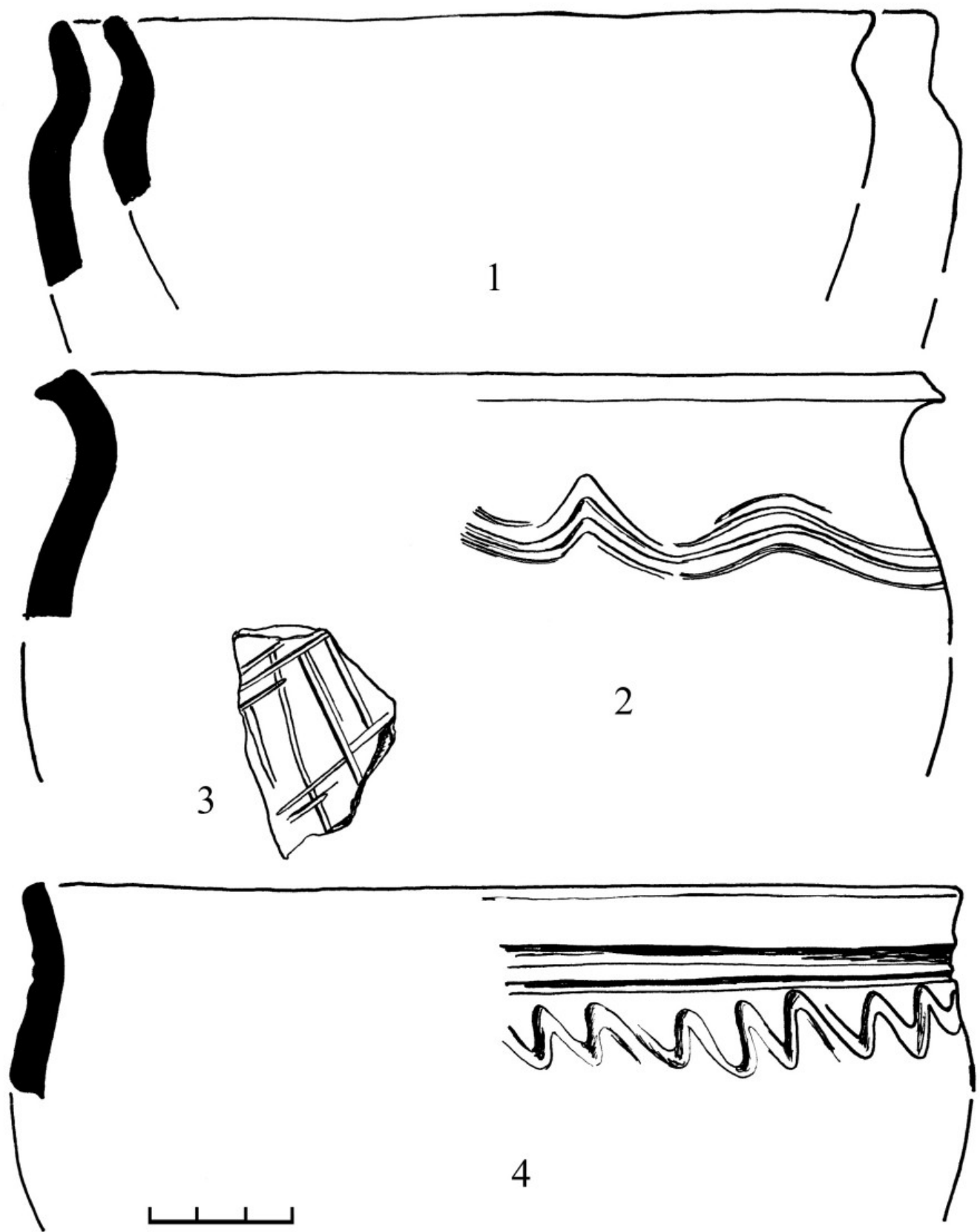

Рис. 135. Селище. Ранний период. Сооружения 17/18. Керамика: 1 — лепная; 2—4 — раннегончарная

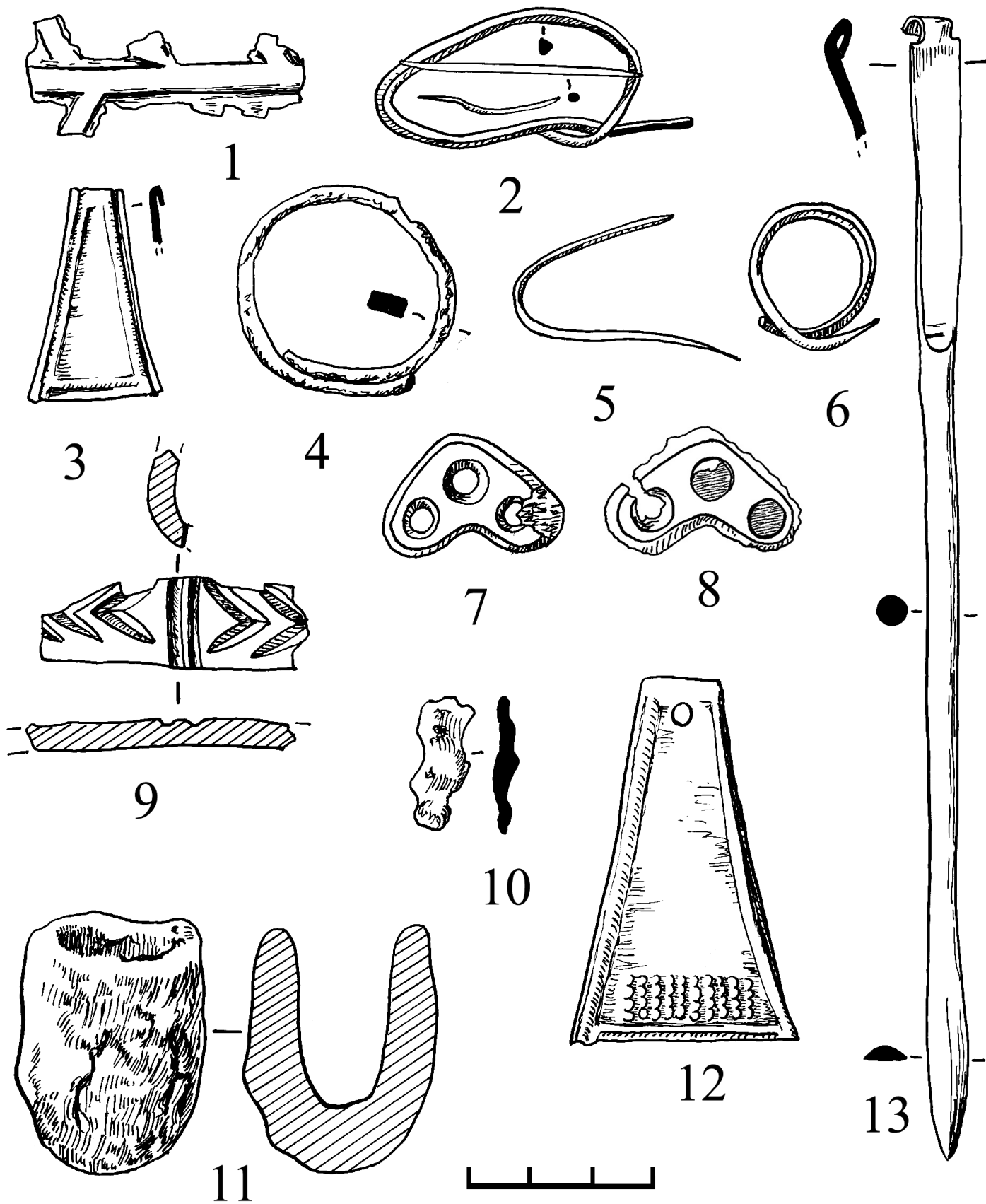

Рис. 136. Селище. Ранний период. Сооружения 17/18. Находки: 1—3, 5—10, 12, 13 — бронза; 4 — железо; 11 — ошлакованная глина

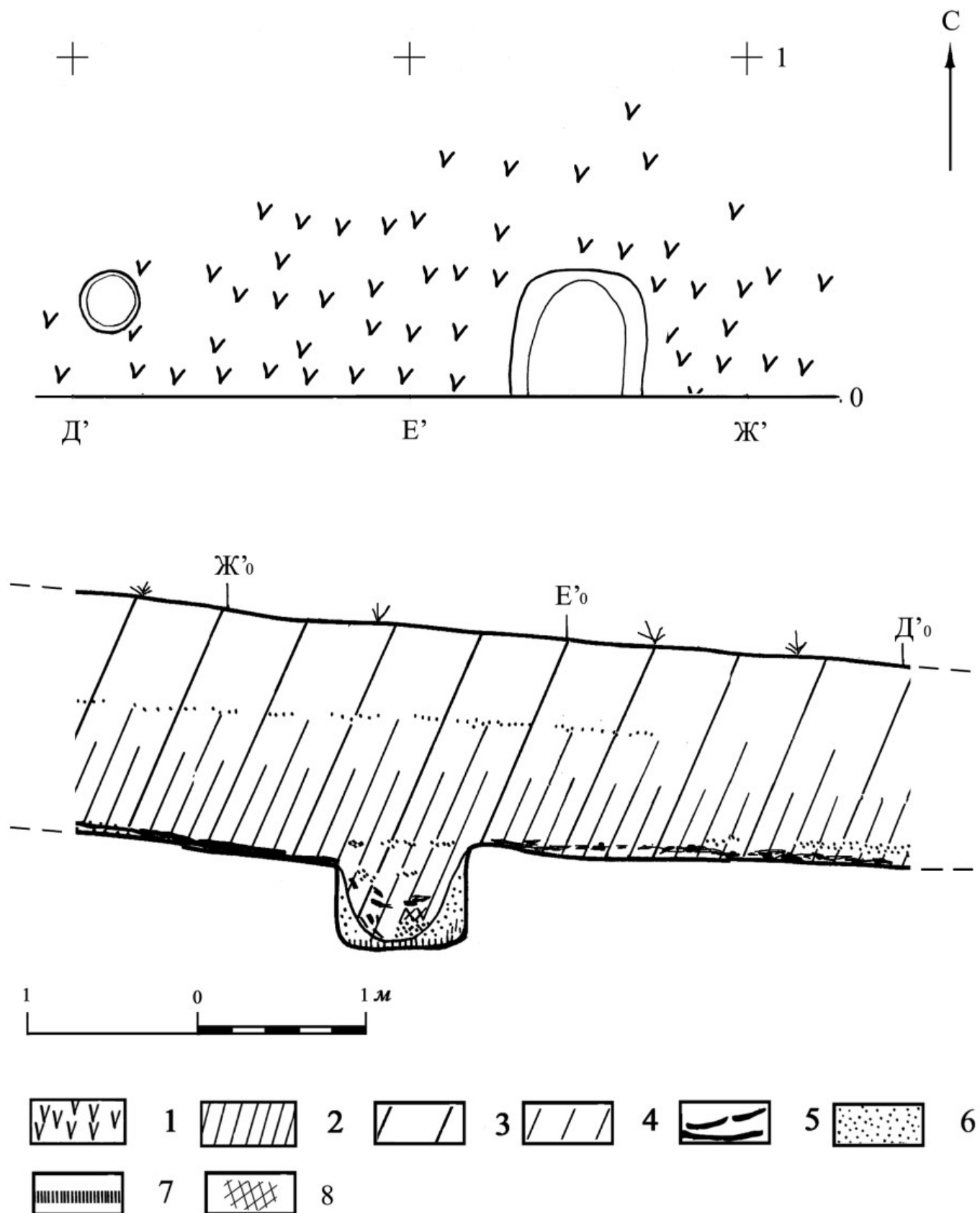

Рис. 137. Селище. Ранний период. Сооружение 19. План и разрез: 1 — угольная линза; 2 — черная гумусированная супесь; 3 — пахотный переотложенный слой; 4 — серая слабогумусированная супесь; 5 — угольная линза и куски угля; 6 — светлый песок; 7 — слабо гумусированная серая супесь; 8 — красная глина

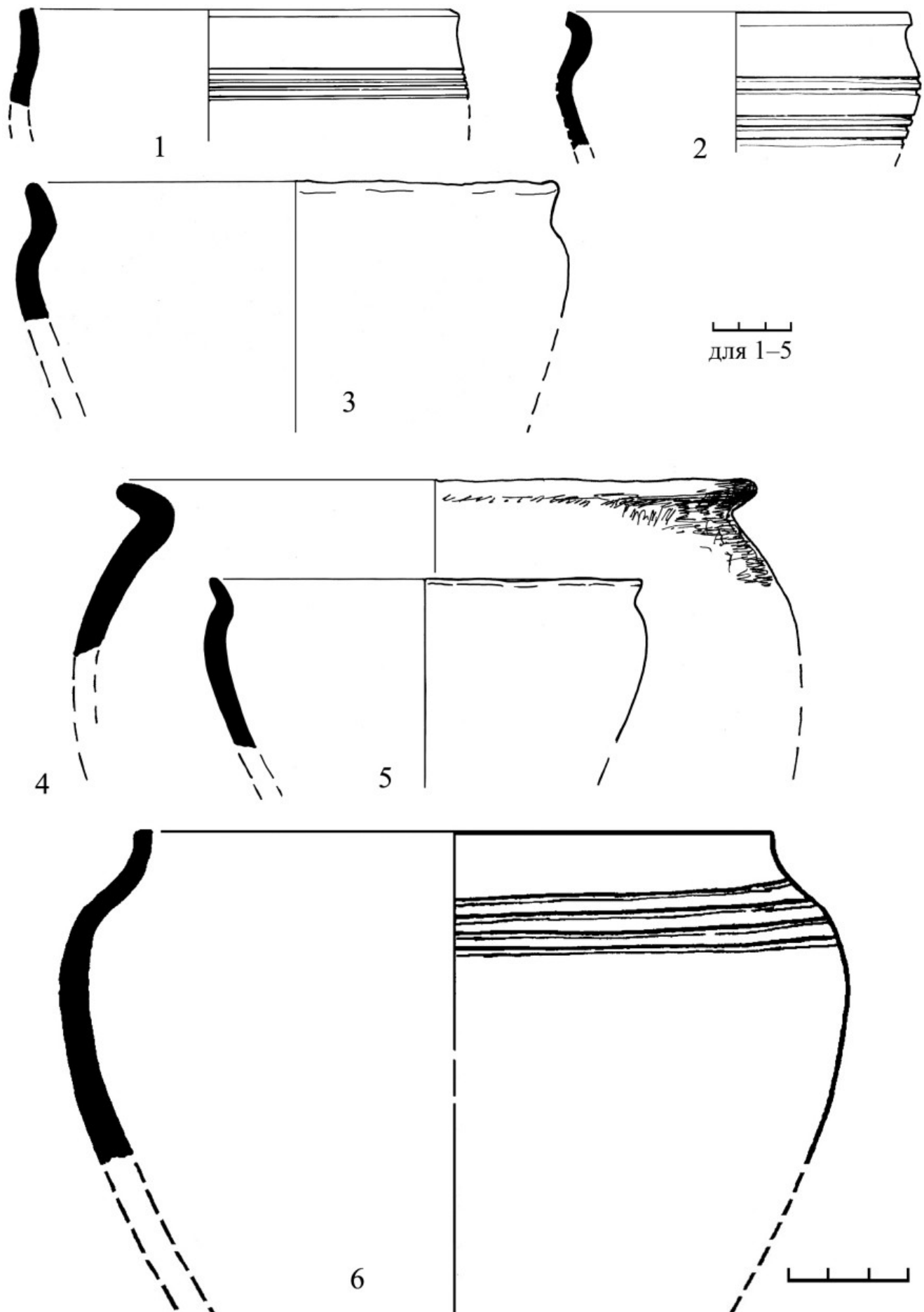

Рис. 138. Селище. Ранний период. Сооружение 19. Керамика: 1, 2, 6 — раннегончарная; 3—5 — лепная

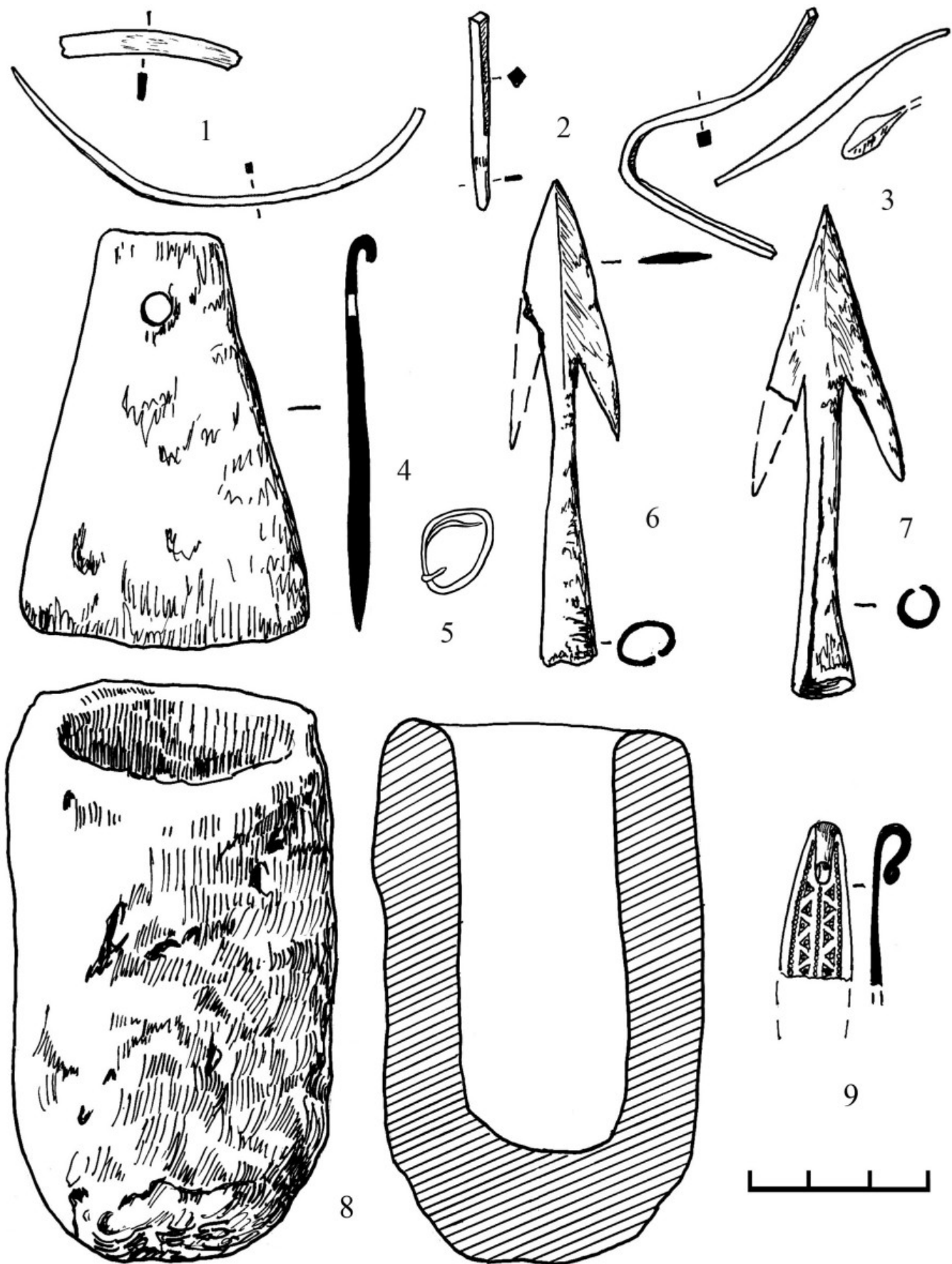

Рис. 139. Селище. Ранний период. Сооружение 19. Находки: 1—3, 5, 9 — бронза; 4, 6, 7 — железо; 8 — ошлакованная глина

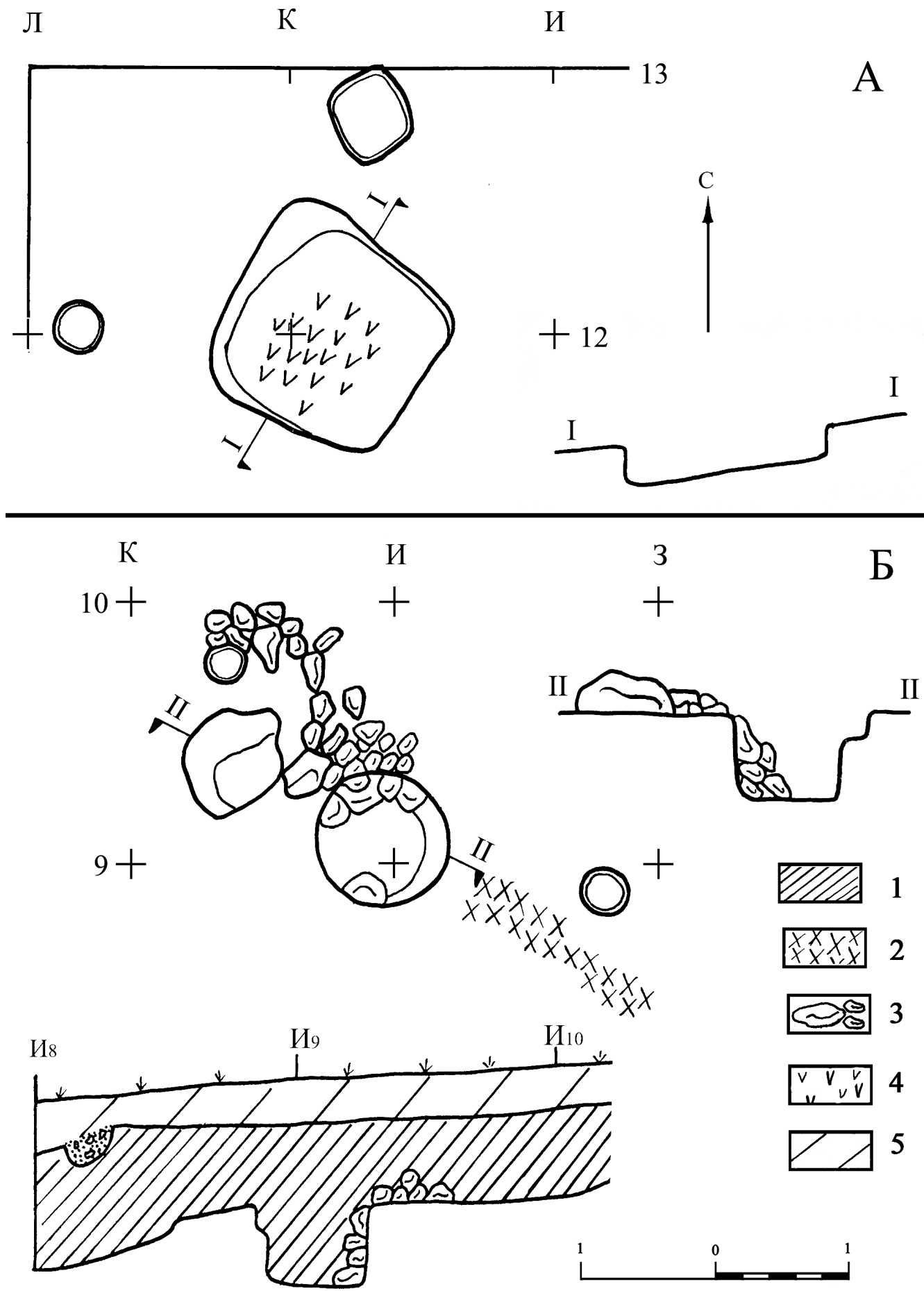

Рис. 140. Селище. Ранний период. А — сооружение 20; Б — сооружение 23. Планы, профили, разрез:
 1 — черная гумусированная супесь; 2 — красная глина; 3 — камни; 4 — угольно-сажистое пятно;
 5 — пахотный и переотложенный слой

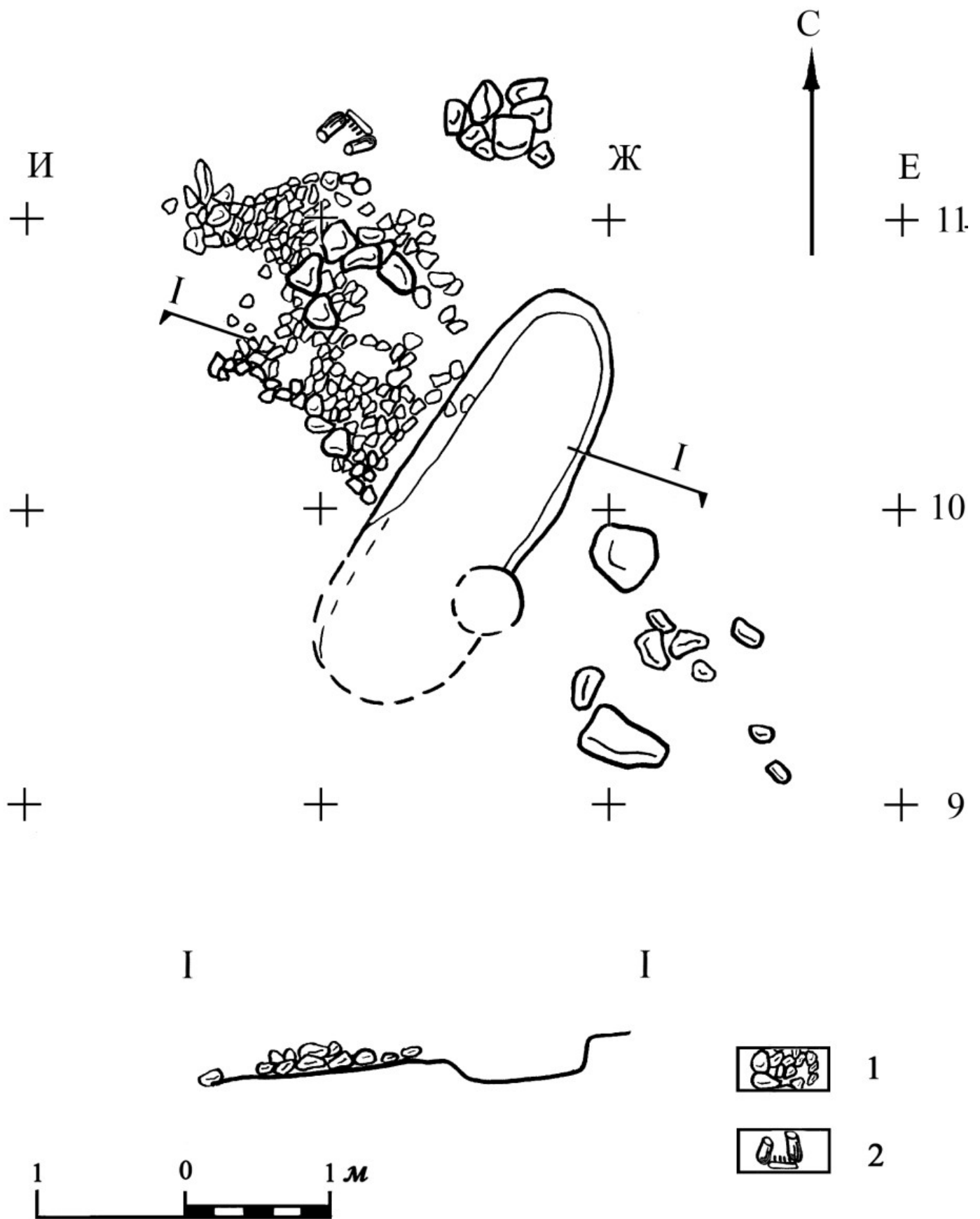

Рис. 141. Селище. Ранний период. Сооружение 21. План и профиль: 1 — камни; 2 — тигли и кости животных

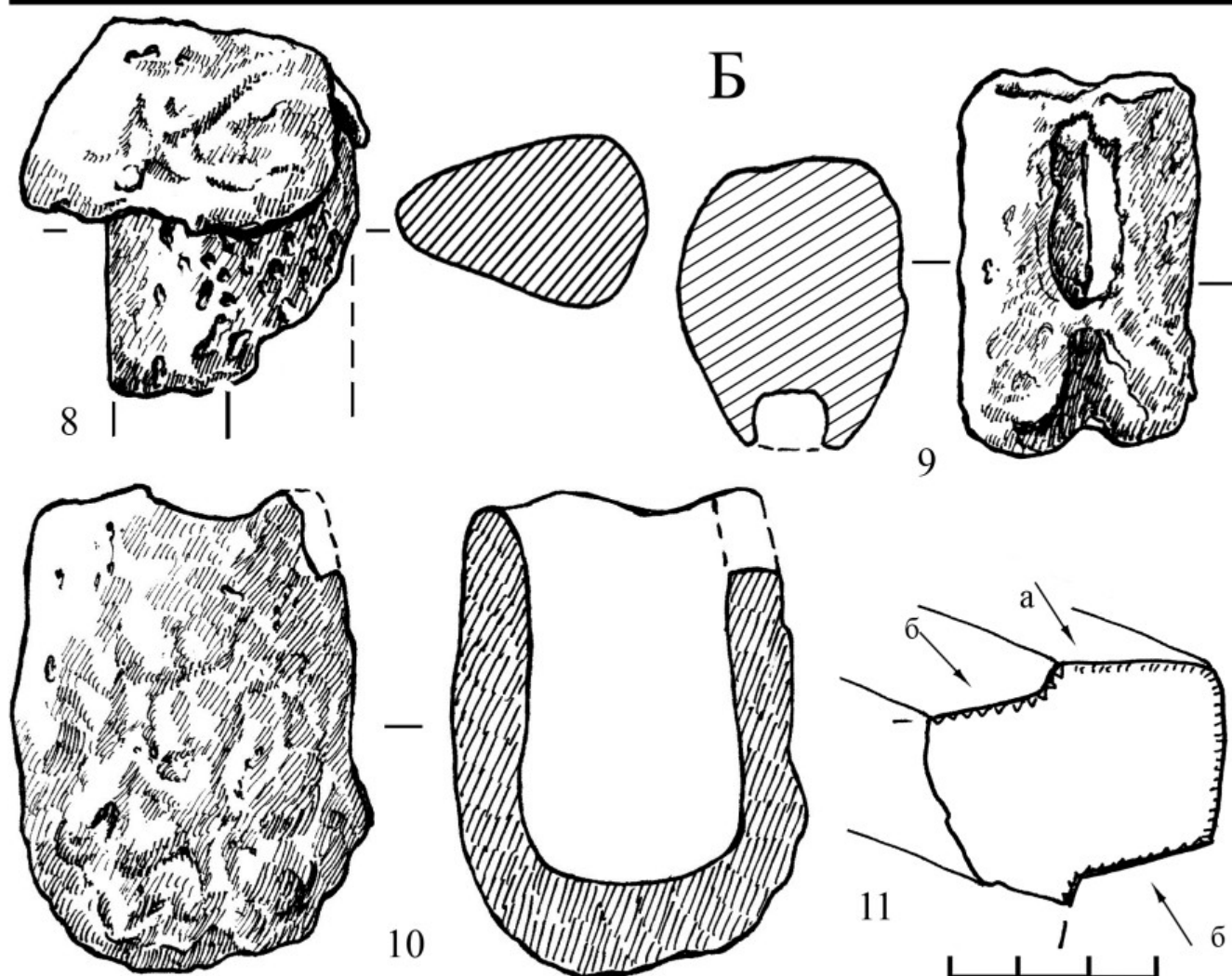
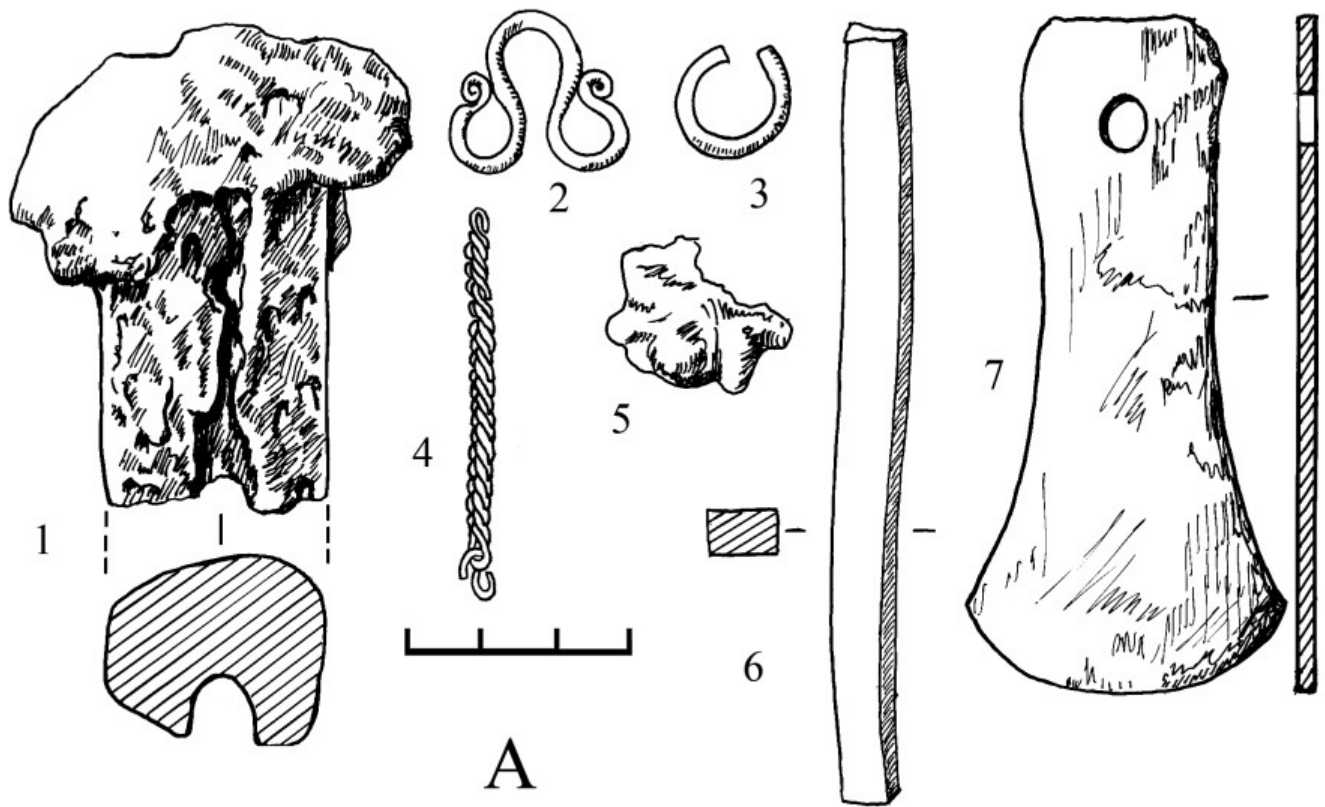

Рис. 142. Селище. Ранний период. А — сооружение 20; Б — сооружение 23. Находки: 1, 8—10 — ошлакованная глина; 2—6 — бронза; 7 — железо; 11 — глина; а — заглаженная поверхность; б — отпечатки дерева

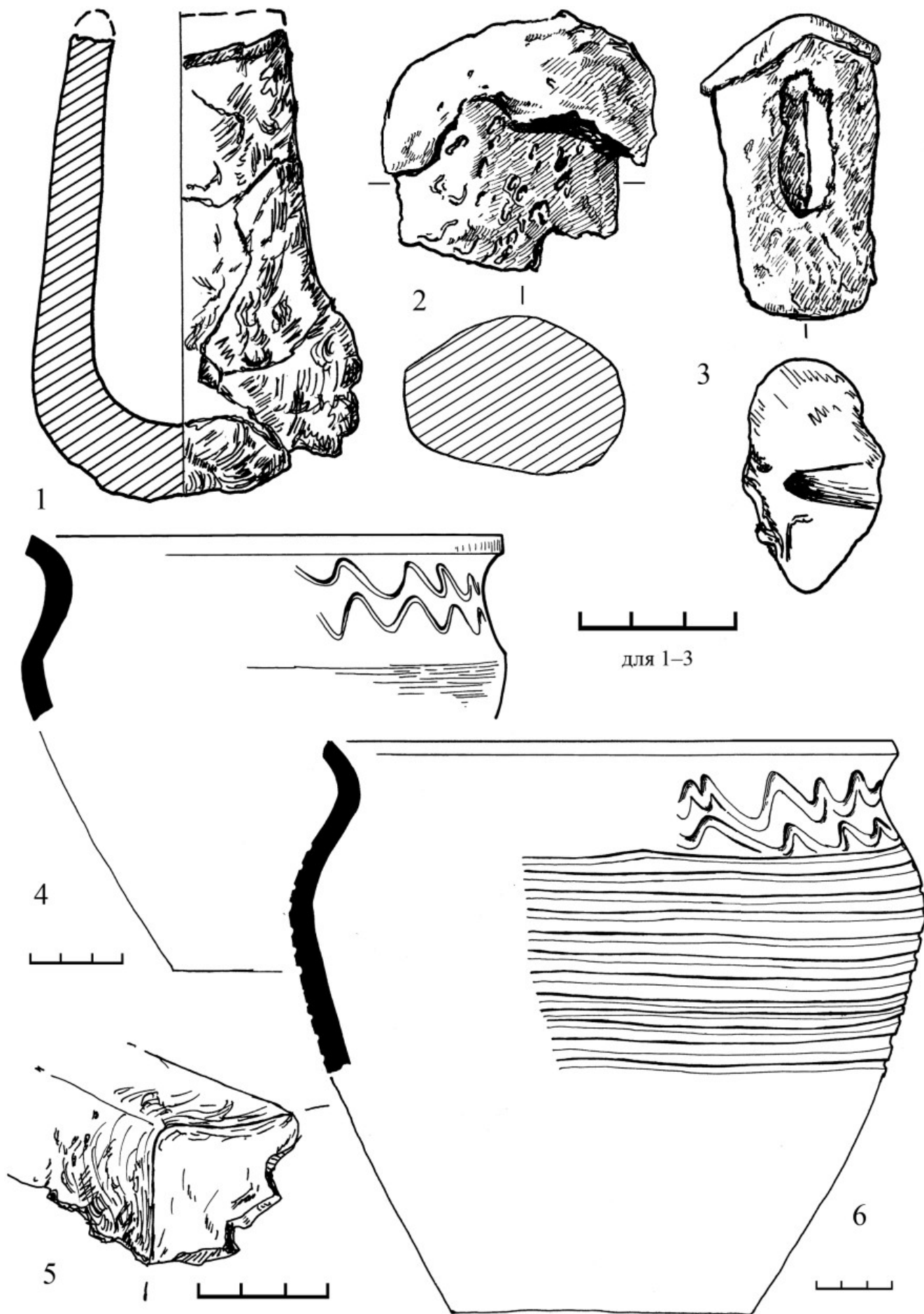

Рис. 143. Селище. Ранний период. Сооружение 21. Находки: 1—3, 5 — ошлакованная глина; 4, 6 — раннегончарная керамика

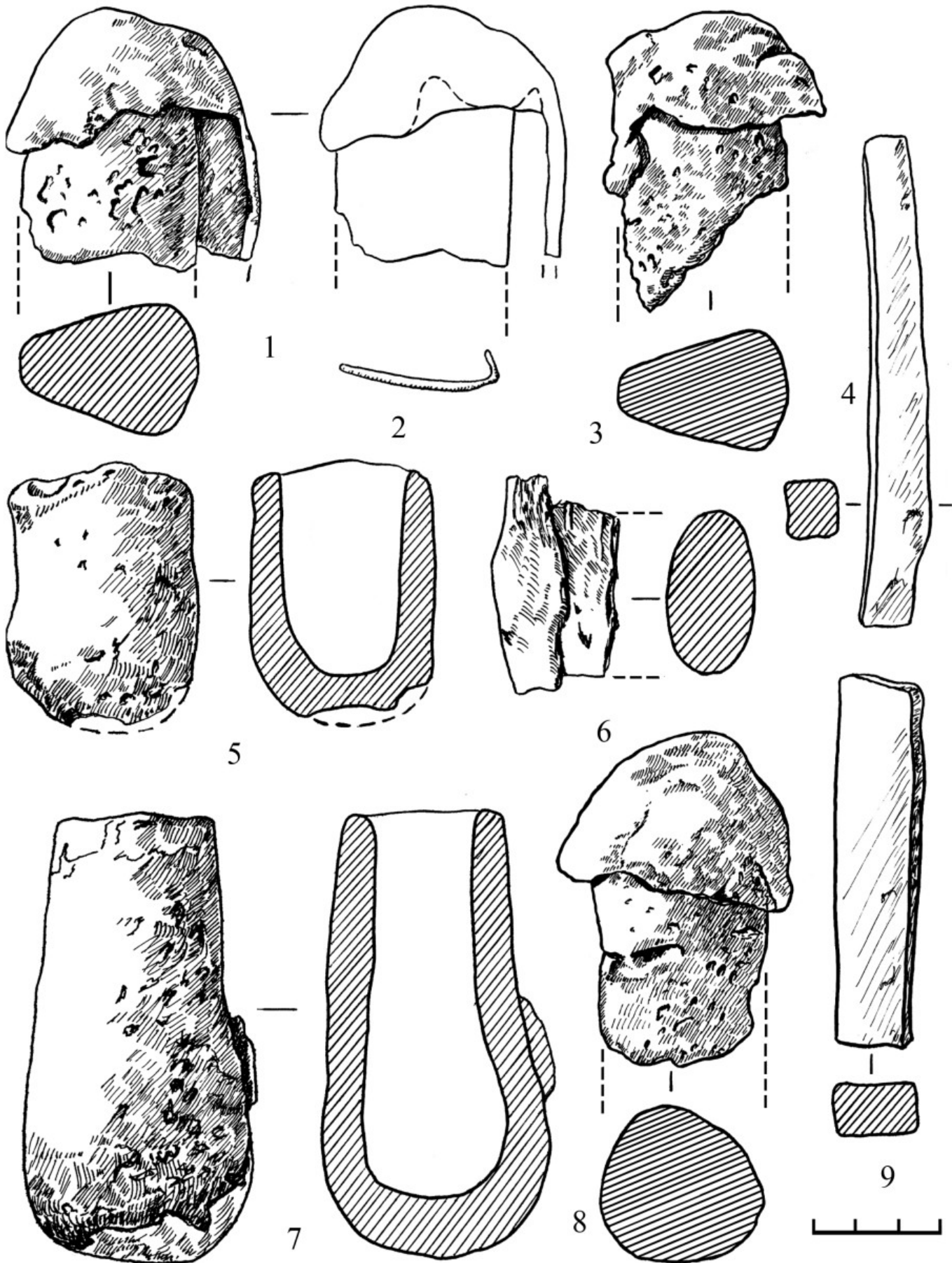

Рис. 144. Селище. Ранний период. Сооружение 21. Находки: 1, 3, 5—8 — ошлакованная глина; 2 — бронза; 4, 9 — железо

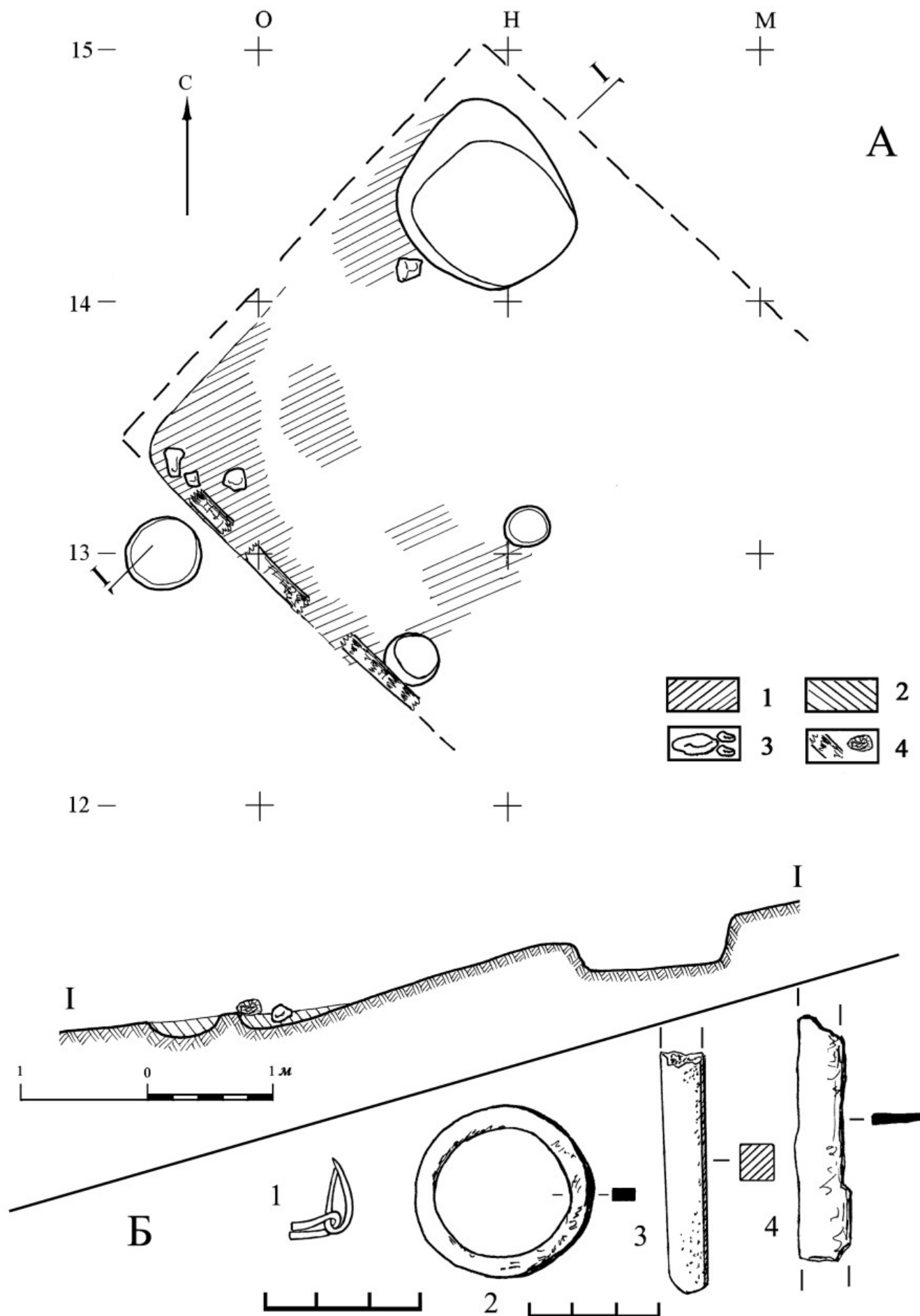

Рис. 145. Селище. Ранний период. Сооружение 24. А — план и профиль (1, 2 — темно-серая гумусированная супесь; 3 — камни; 4 — горелое дерево); Б — находки (1 — бронза; 2, 4 — железо; 3 — сланец)

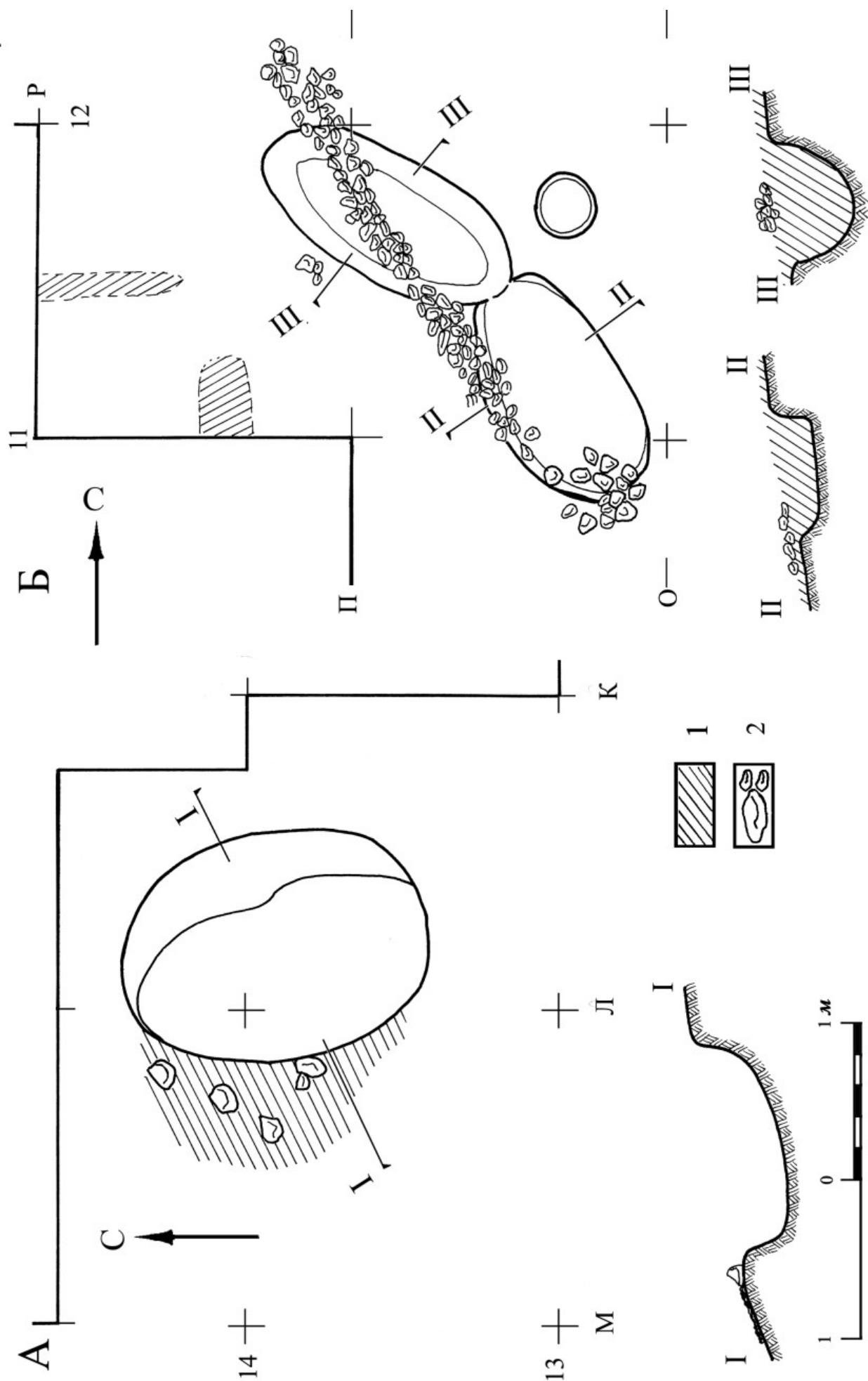

Рис. 146. Селище. Ранний период. А — сооружение 25; Б — сооружение 26. Планы, профили и разрезы: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — камни

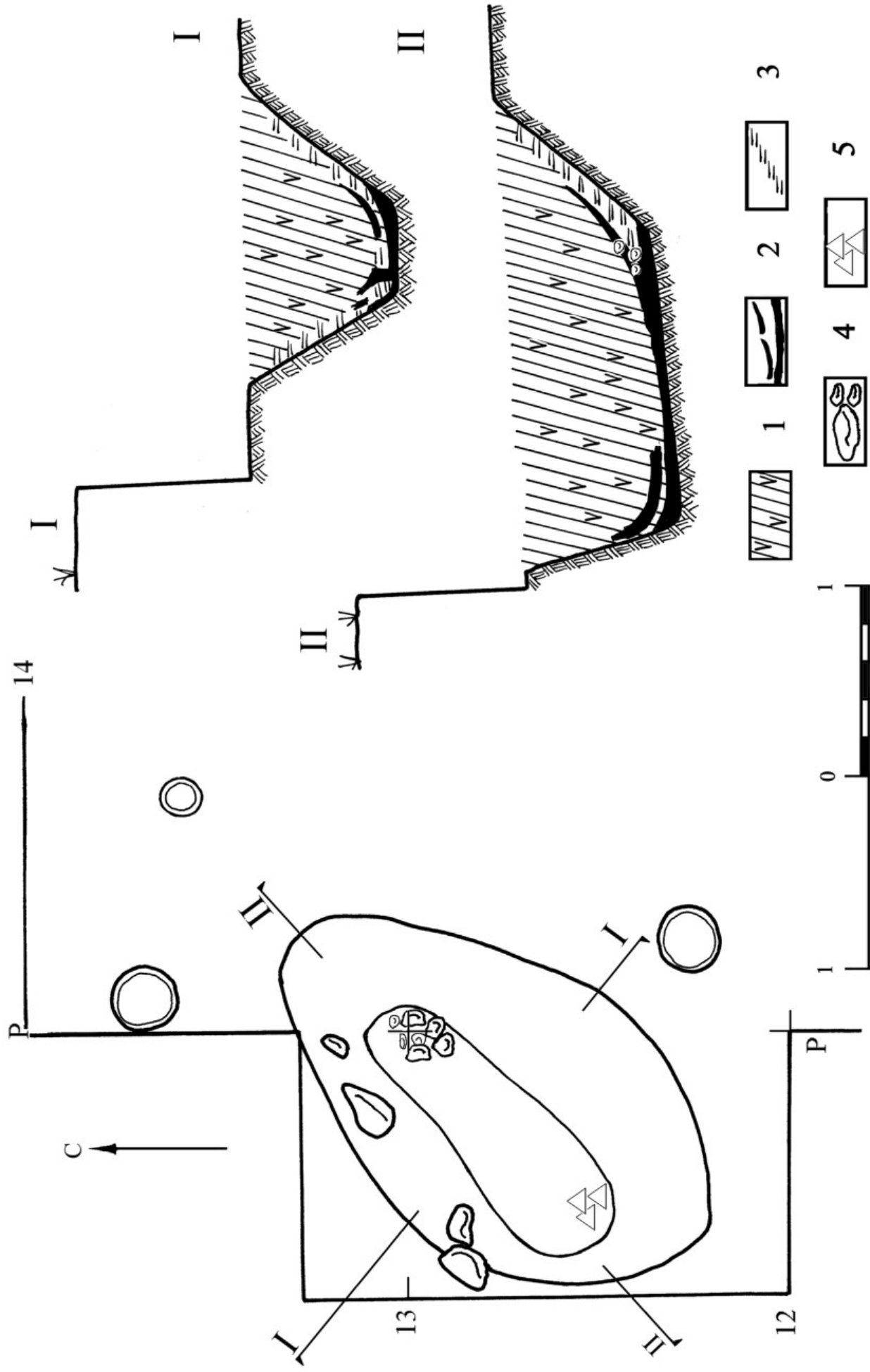

Рис. 147. Селище. Ранний период. Сооружение 27. План и разрезы: 1 — черная гумусированная супесь с включениями угля; 2 — уголисто-сажистые прослойки; 3 — светло-зеленая глина; 4 — камни; 5 — развал сосуда

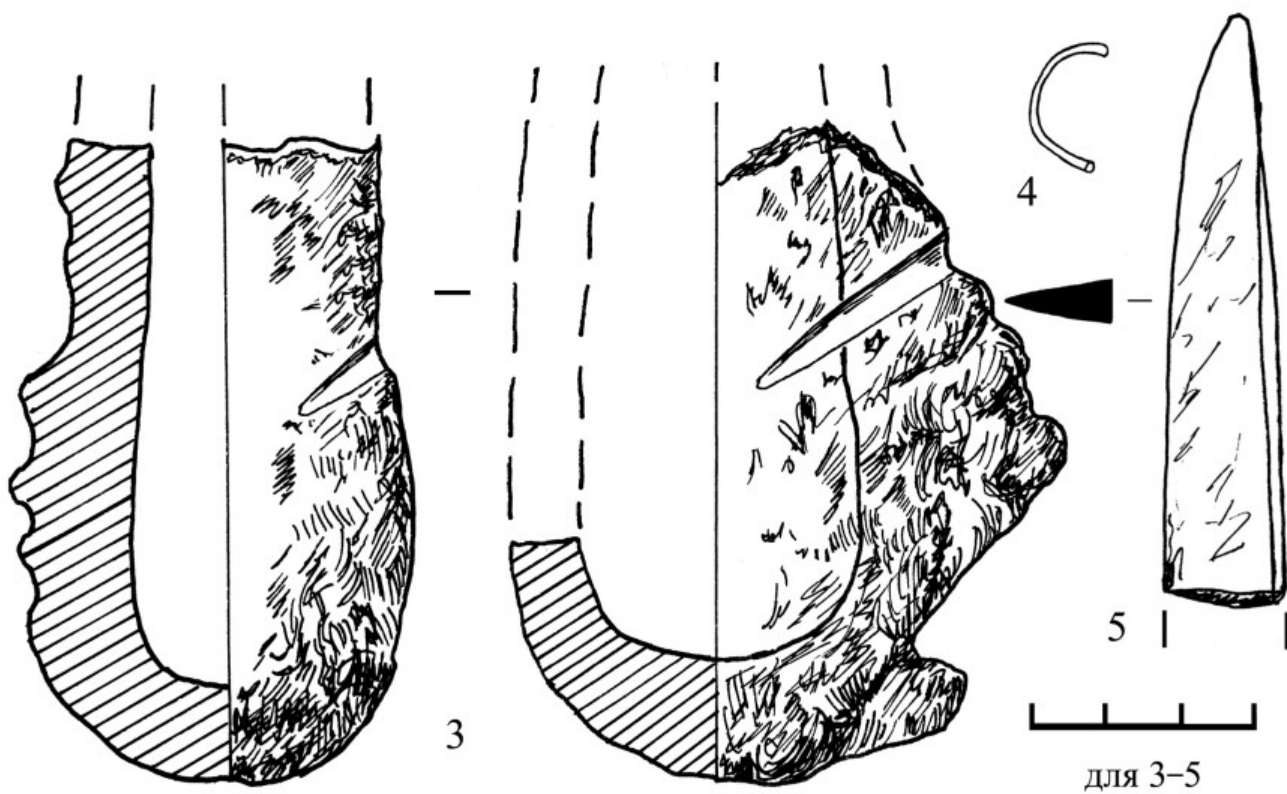
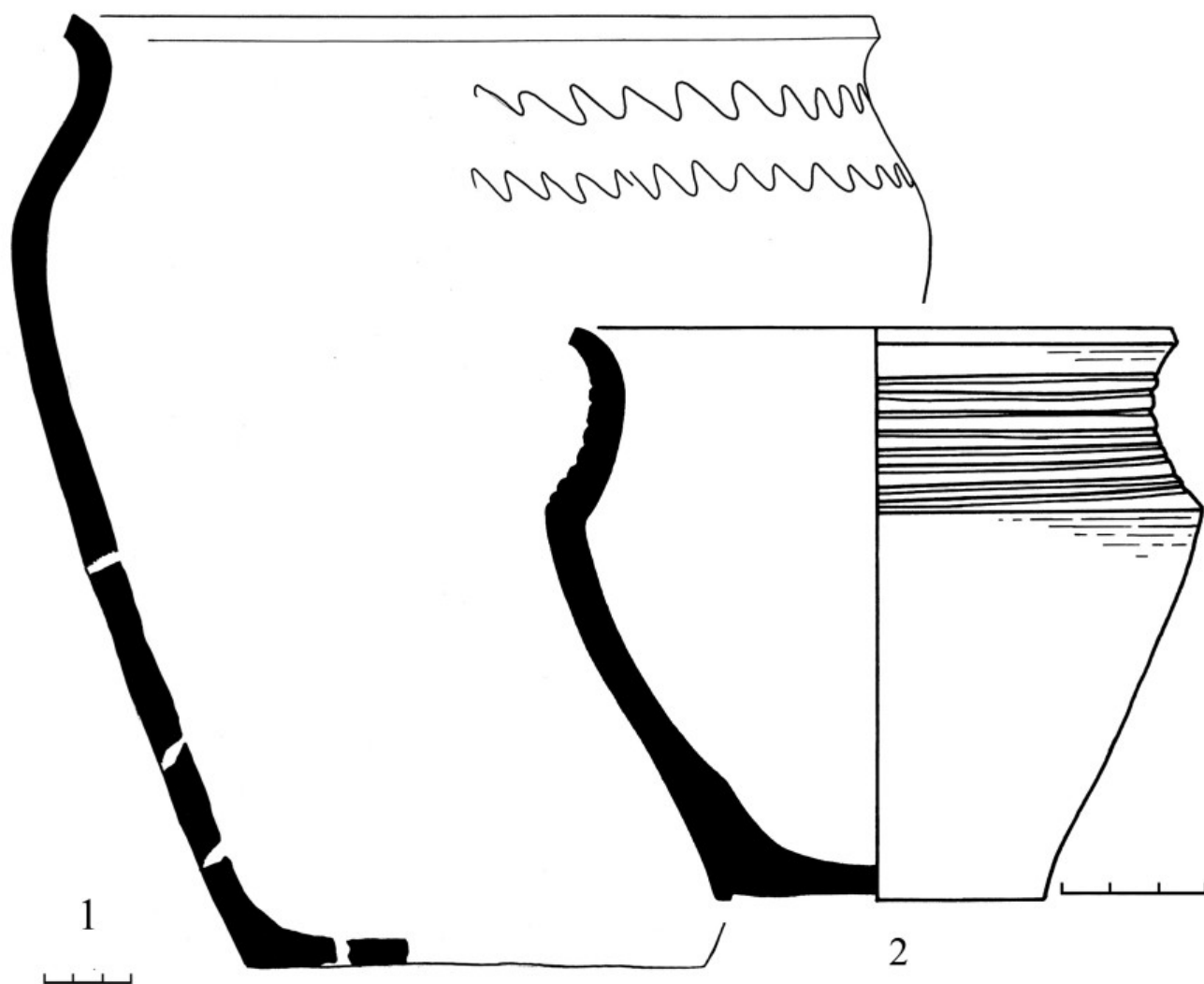

Рис. 148. Селище. Ранний период. Сооружение 25 (4 — бронза; 5 — железо); сооружение 26 (2 — раннегончарная керамика); сооружение 27 (1 — раннегончарная керамика; 3 — ошлакованная глина)

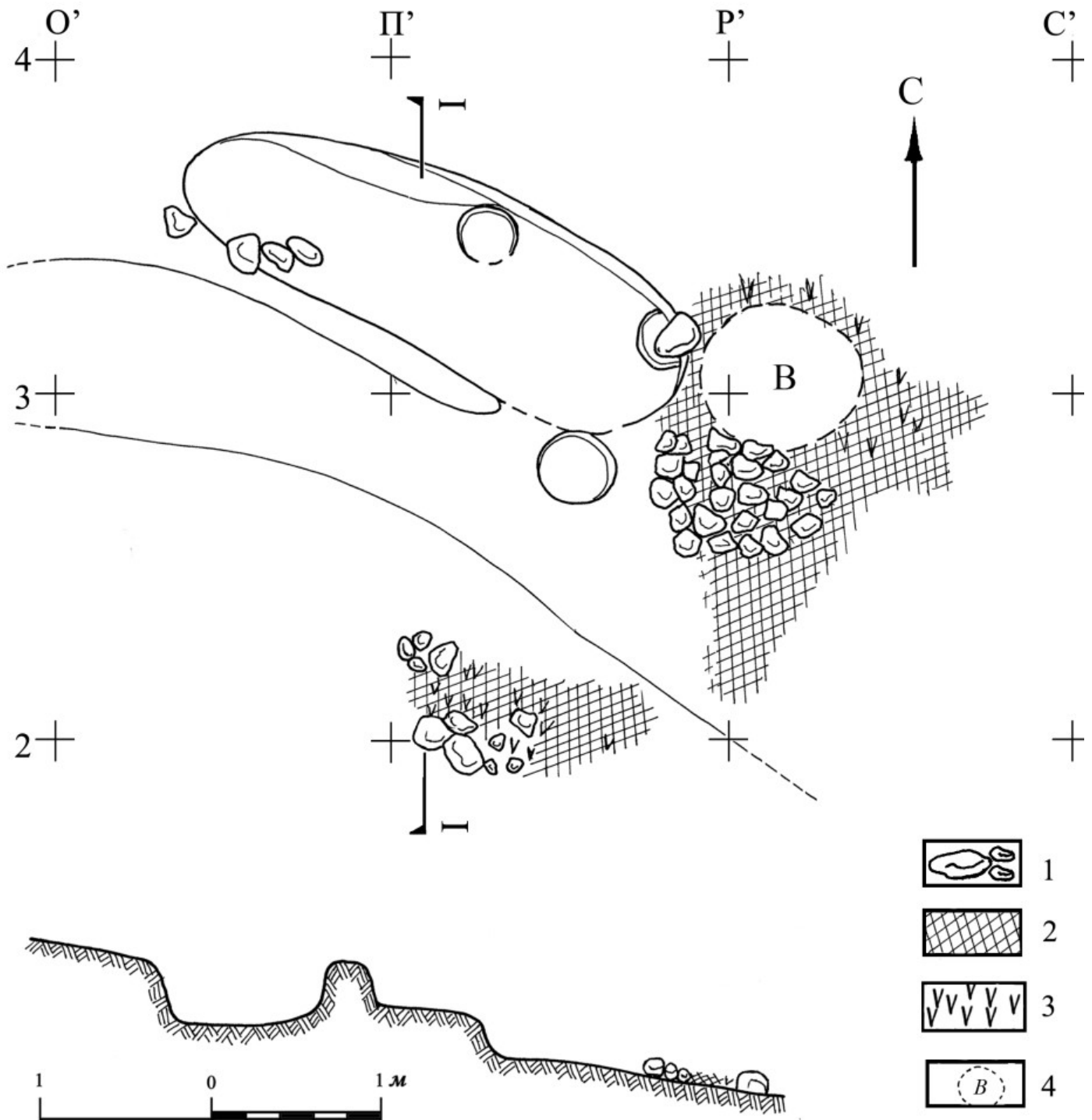

Рис. 149. Селище. Ранний период. Сооружение 28. План и профиль: 1 — камни; 2 — красная глина; 3 — включения угля и сажи; 4 — воронка времени Великой Отечественной войны

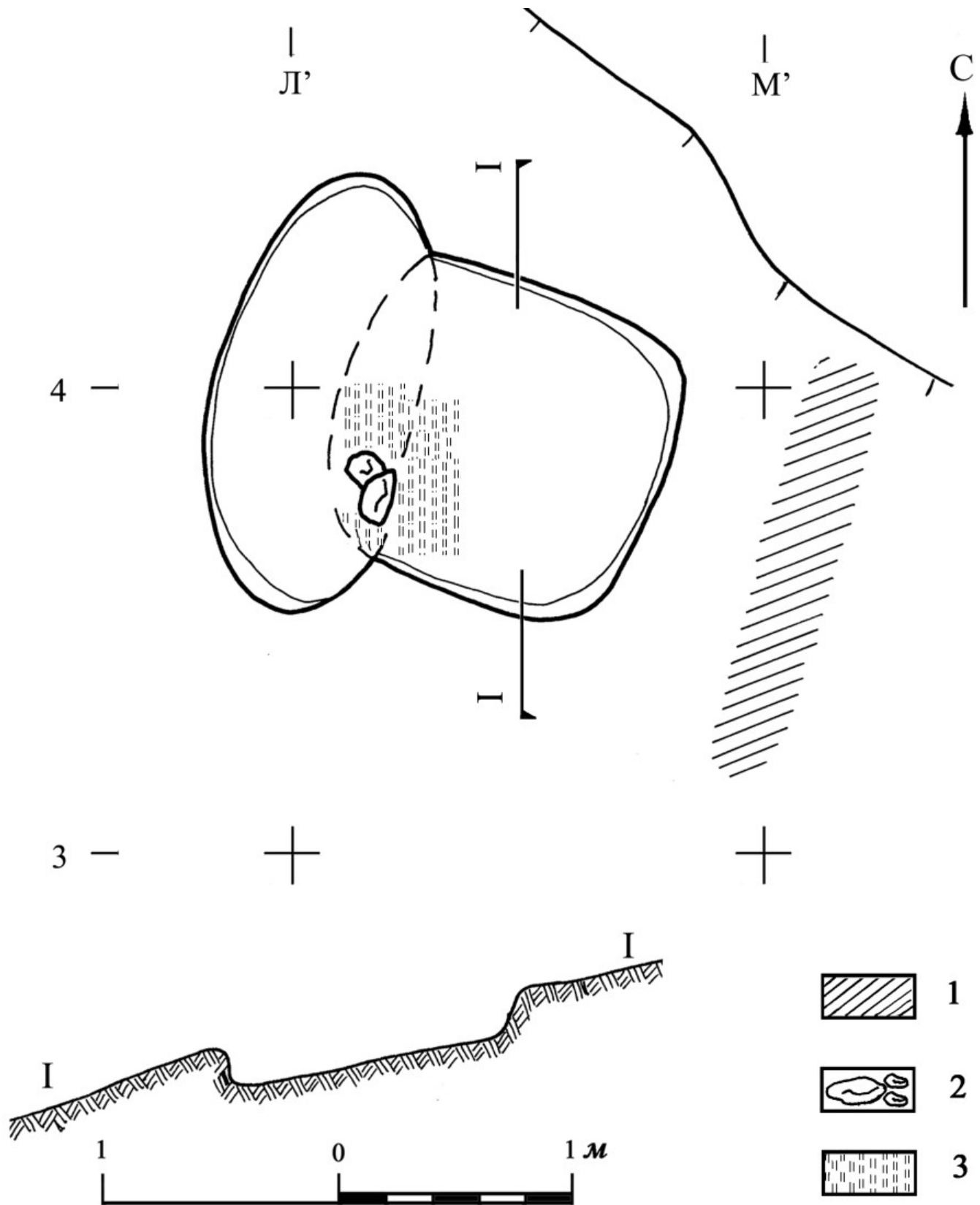

Рис. 150. Селище. Ранний период. Сооружение 29. План и профиль: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — камни; 3 — белая глина

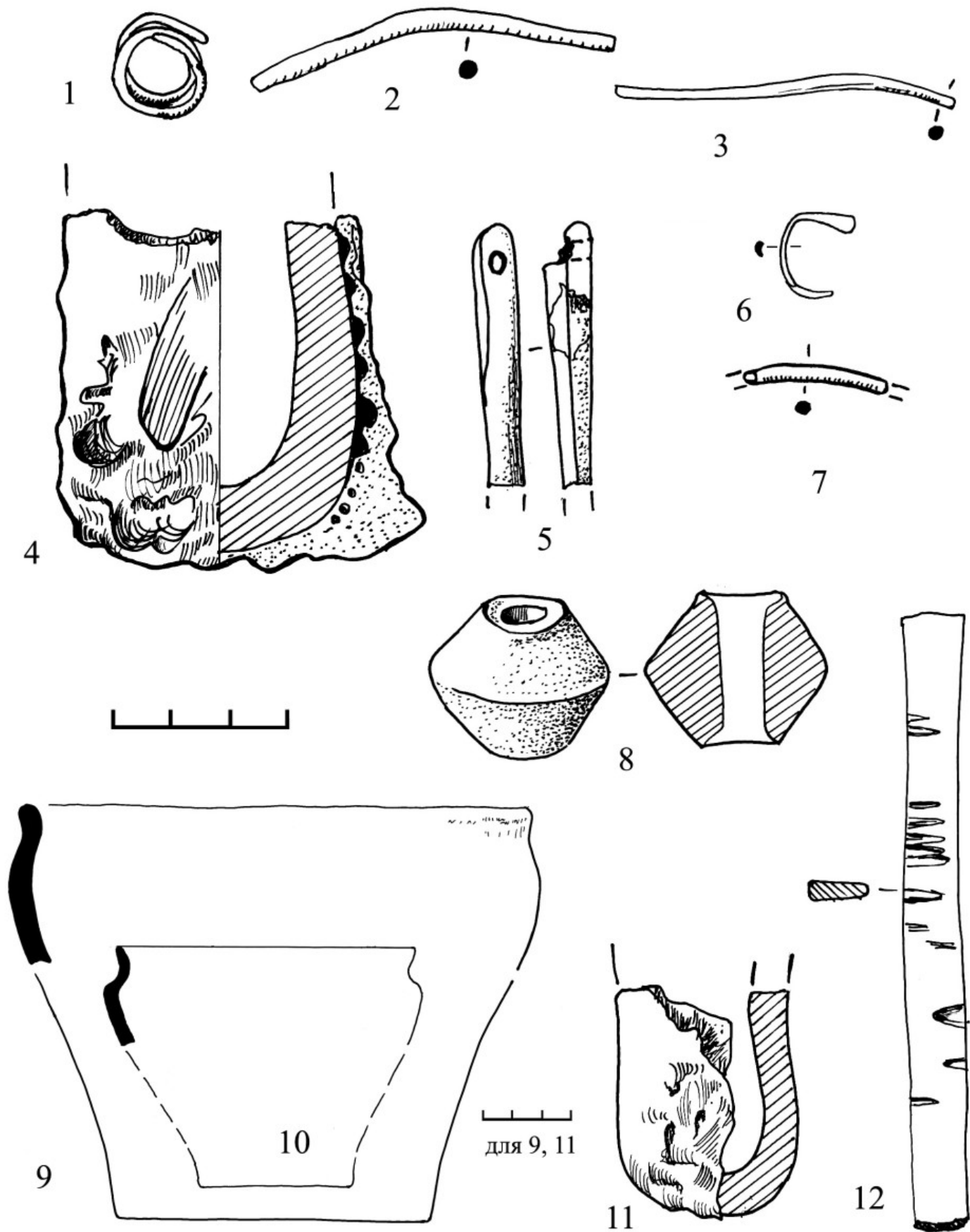

Рис. 151. Селище. Ранний период. Сооружение 28 (6, 7 — бронза; 10 — лепная керамика);
 сооружение 29 (1—3, 12 — бронза; 4, 11 — ошлакованная глина; 5 — сланец; 8 — глина;
 9 — лепная керамика)

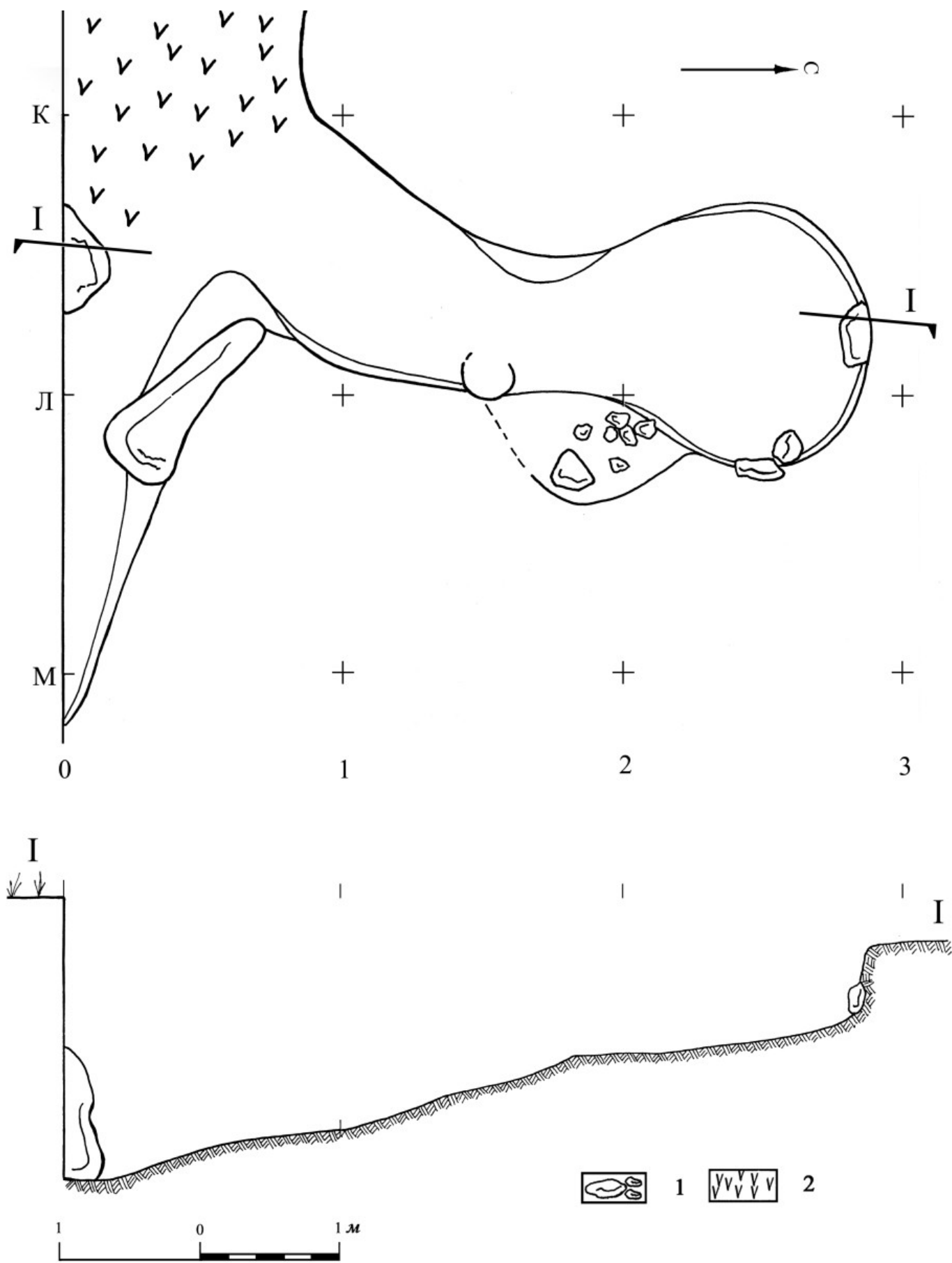

Рис. 152. Селище. Ранний период. Сооружение 30. План и профиль: 1 — камни; 2 — угольная линза на материке

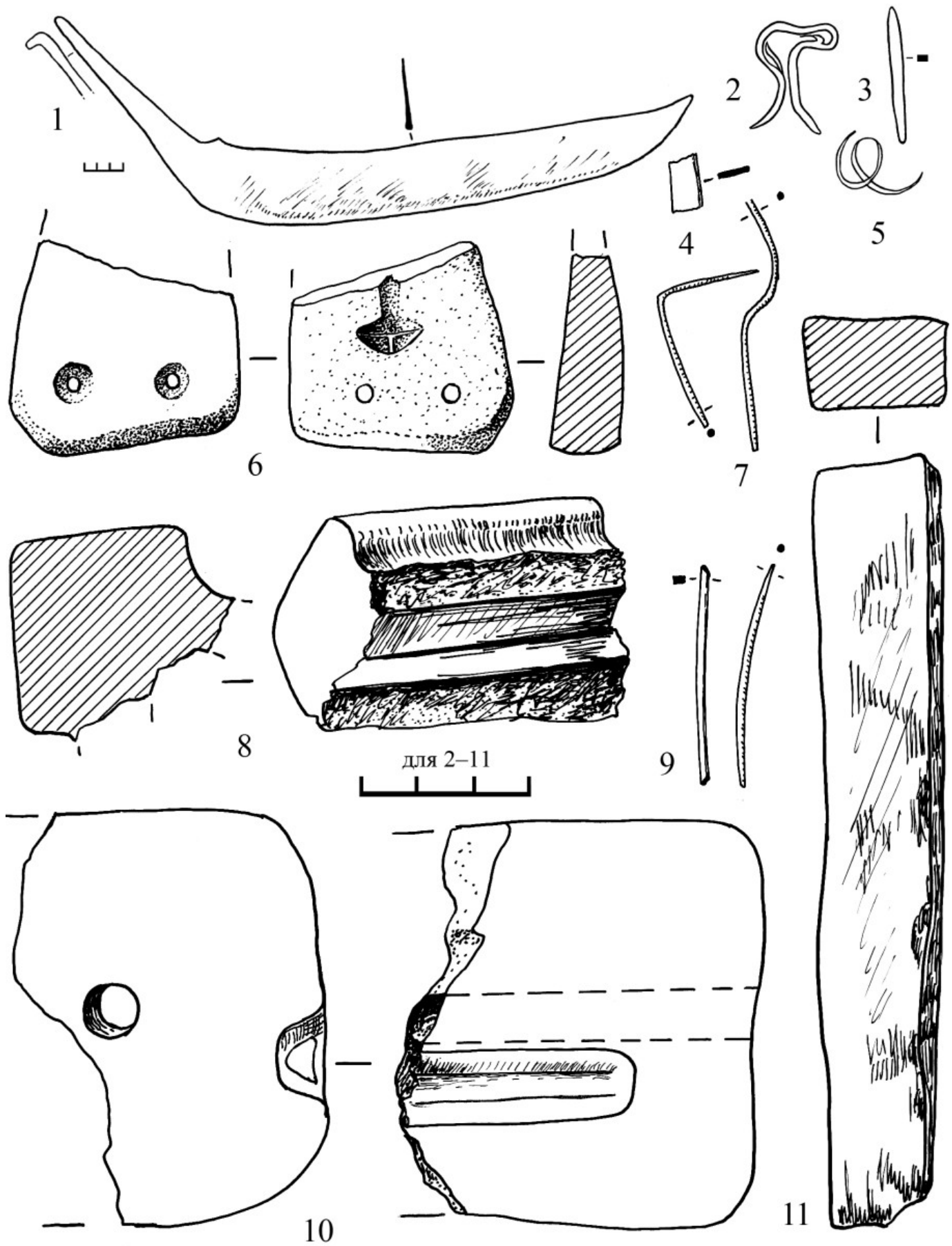

Рис. 153. Селище. Ранний период. Сооружение 30. Находки: 1, 11 — железо; 2—5, 7, 9 — бронза; 6 — песчаник; 8, 10 — глина

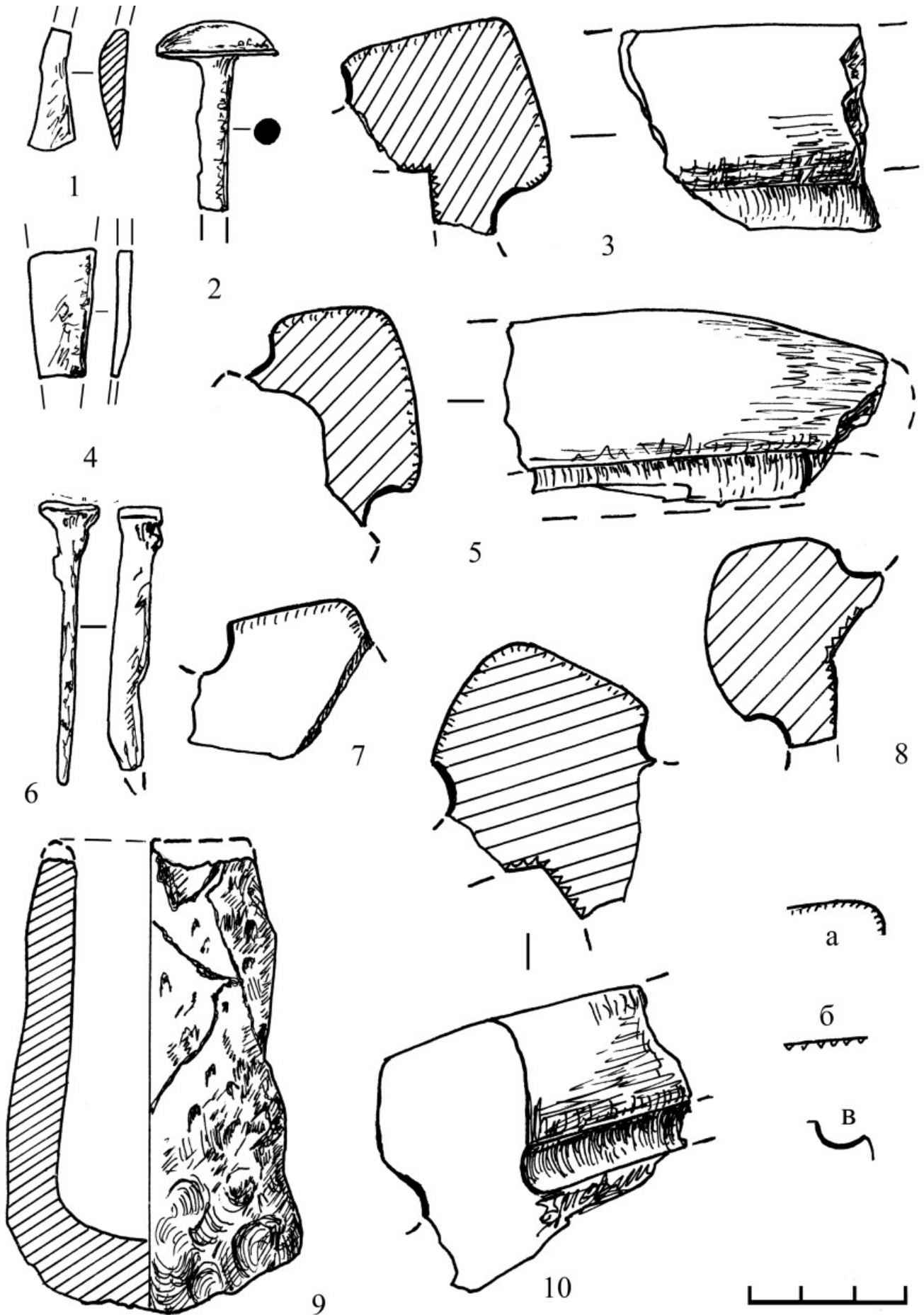

Рис. 154. Селище. Ранний период. Сооружение 30. Находки: 1, 2, 4, 6 — железо; 3, 5, 7, 8, 10 — глина; 9 — ошлакованная глина; а — заглаженная поверхность; б — отпечатки дерева; в — полуцилиндрические каналы

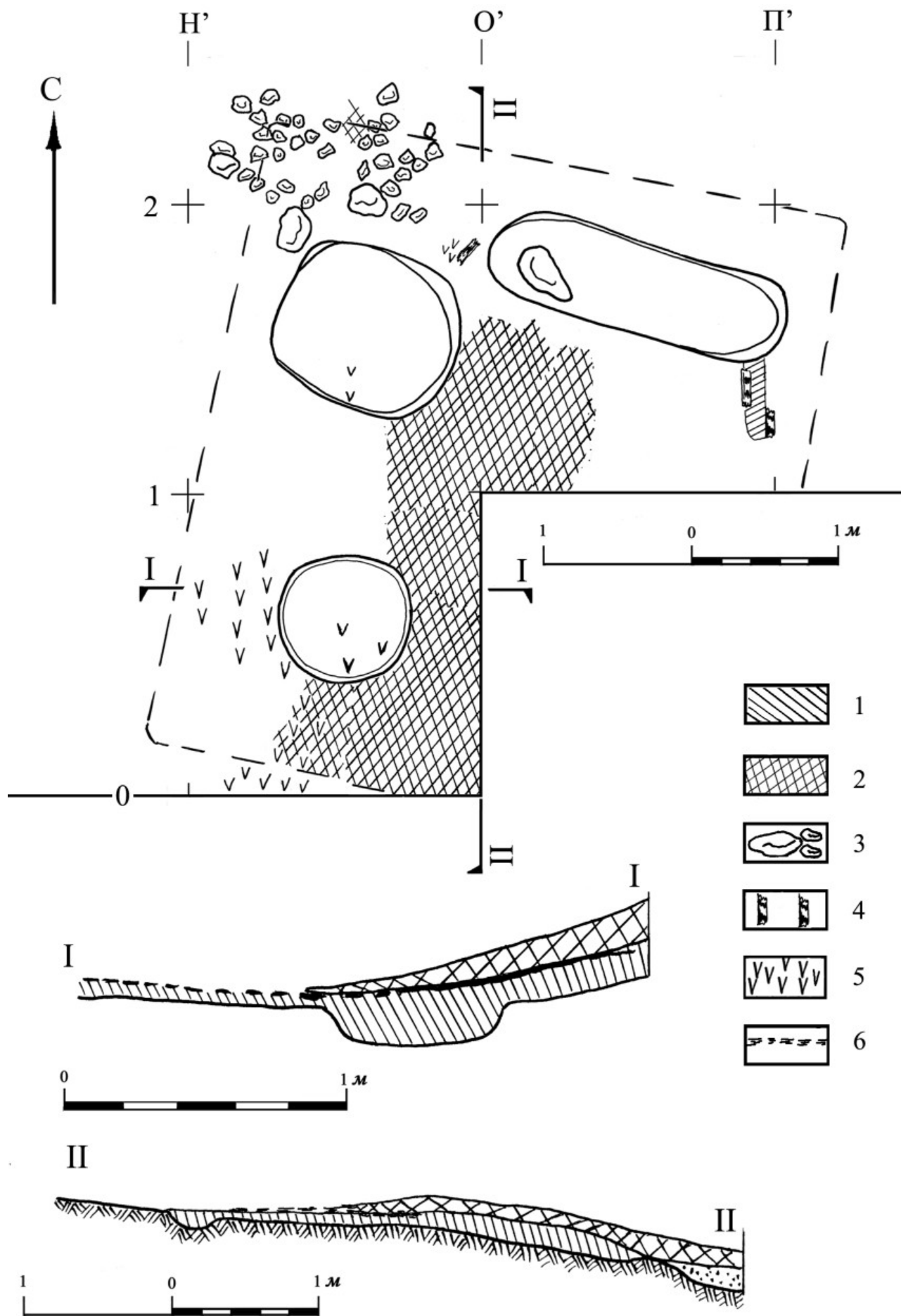

Рис. 155. Селище. Ранний период. Сооружение 31. План и разрезы: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — красная глина; 3 — камни; 4 — горелое дерево; 5 — включения угля; 6 — угольная прослойка

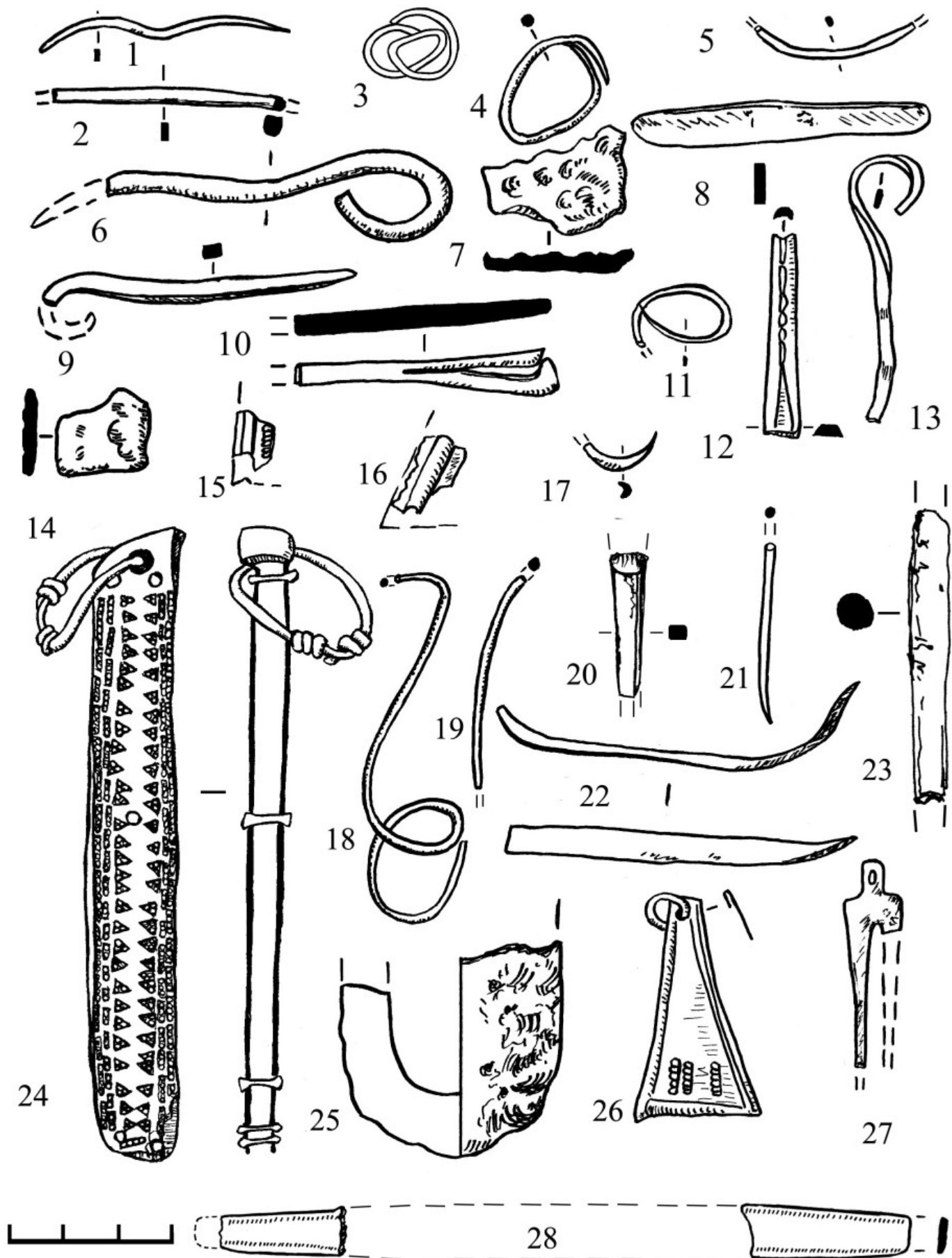

Рис. 156. Селище. Ранний период. Сооружение 31. Находки: 1—5, 7, 10—19, 21, 26, 28 — бронза; 6, 8, 9, 20, 22, 23, 27 — железо; 24 — серебро, бронза; 25 — ошлакованная глина

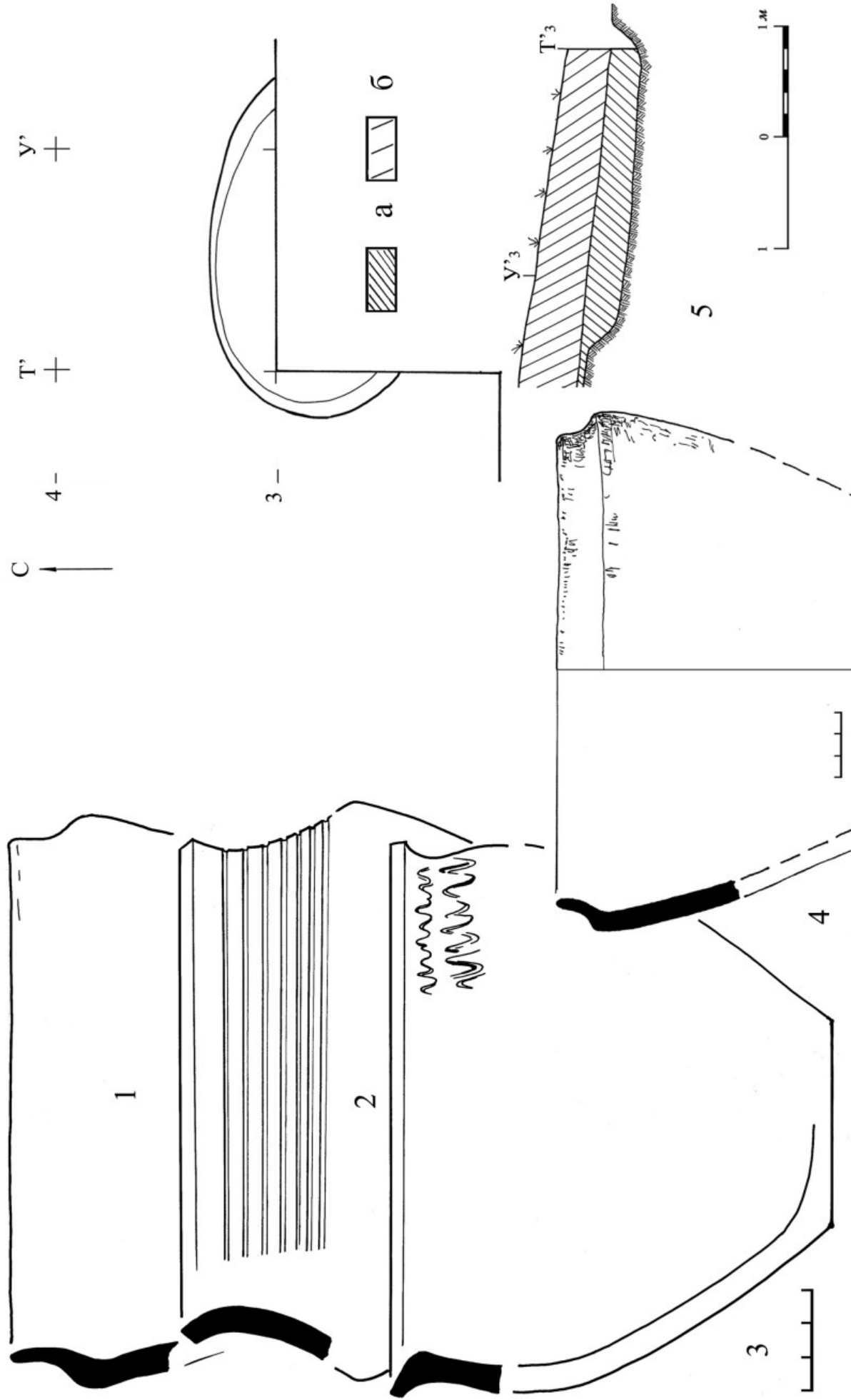

Рис. 157. Селище. Ранний период. Сооружение 31 (4 — лепная керамика); сооружение 32. План и разрез (5): а — черная гумусированная супись; б — пахотный и перетолженный слой. Керамика (1 — лепная; 2, 3 — раннегончарная)

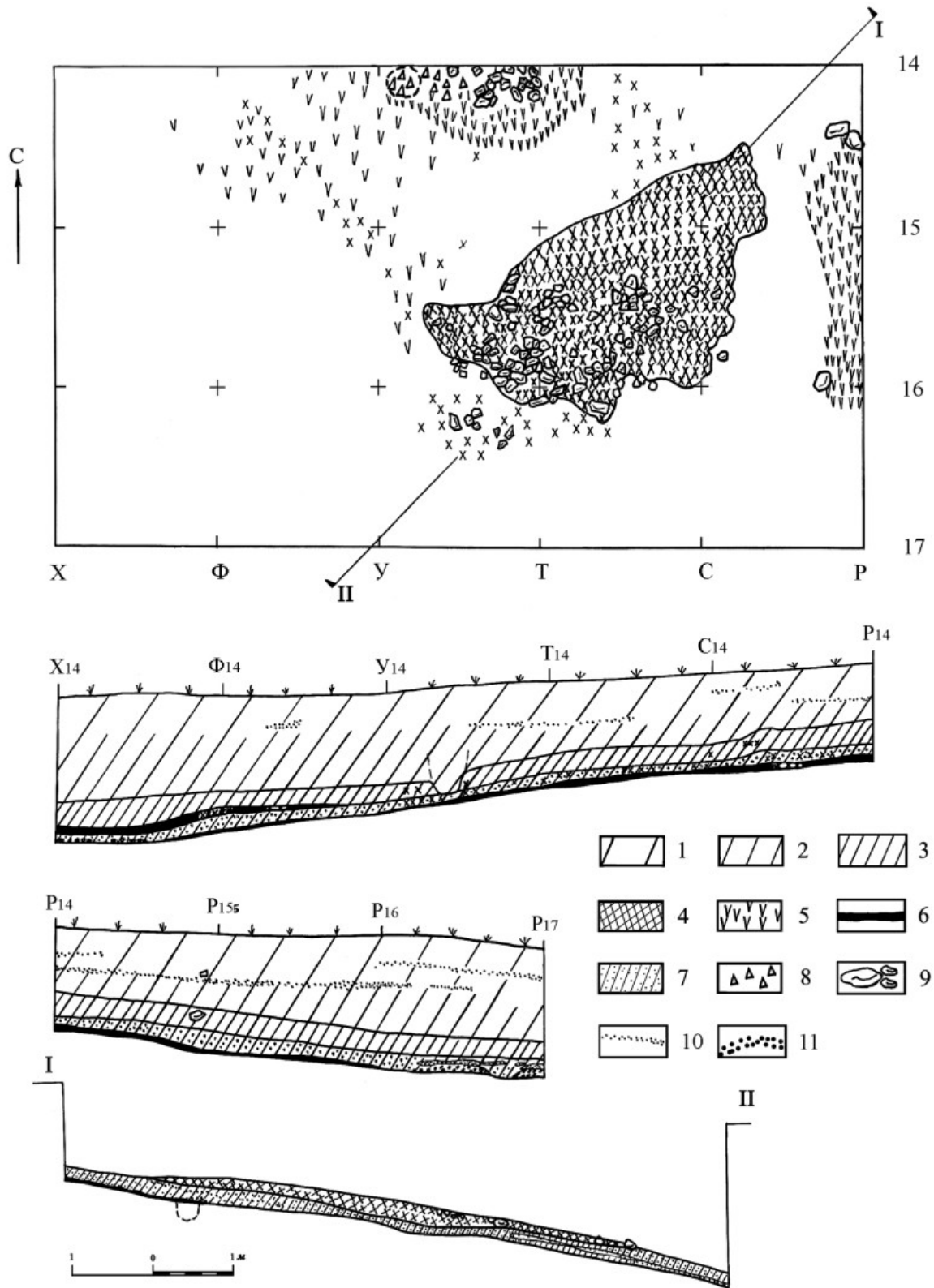

Рис. 158. Селище. Ранний период. Раскоп II 1977 г. Сооружение 34. План и разрезы:
 1 — пахотный и переотложенный слой; 2 — серая слабогумусированная супесь; 3 — черная гумусированная супесь;
 4 — красная глина; 5, 6 — угольные прослойки и линзы; 7 — гумусированный песок; 8 — фрагменты керамики;
 9 — камни; 10 — светлые песчаные прослойки; 11 — мелкозернистый желтый песок на материке

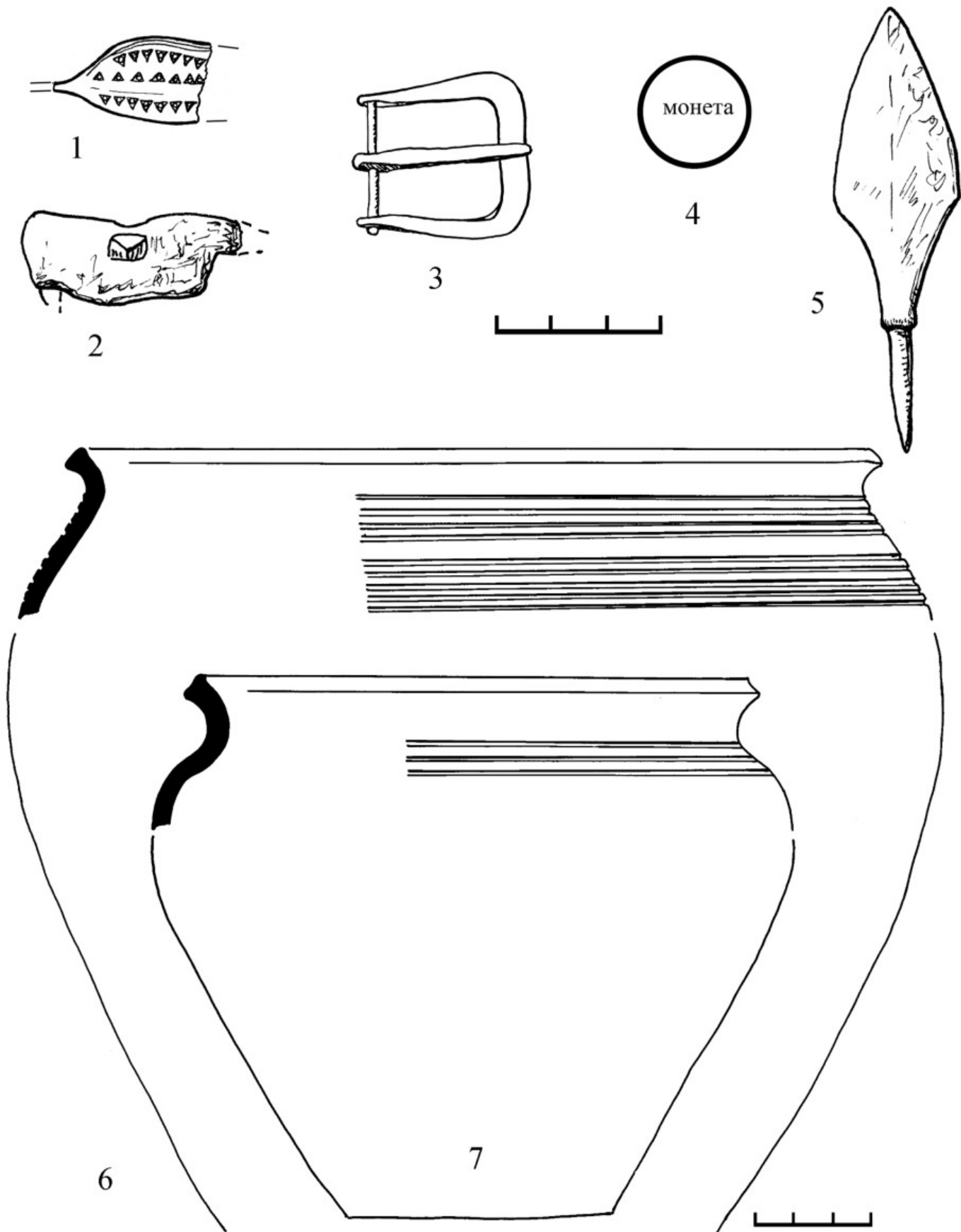

Рис. 159. Селище. Раскоп II 1977 г. Находки: 1, 2, 4, 5 — культурный слой; 3, 6, 7 — сооружение 34, под развалом красной глины (1 — посеребренный; 2, 5 — железо; 3 — бронза; 4 — дирхем, Ахмад ибн Исмаил, аш-Шаш (?), 909/10 г.; 6, 7 — позднегончарная керамика)

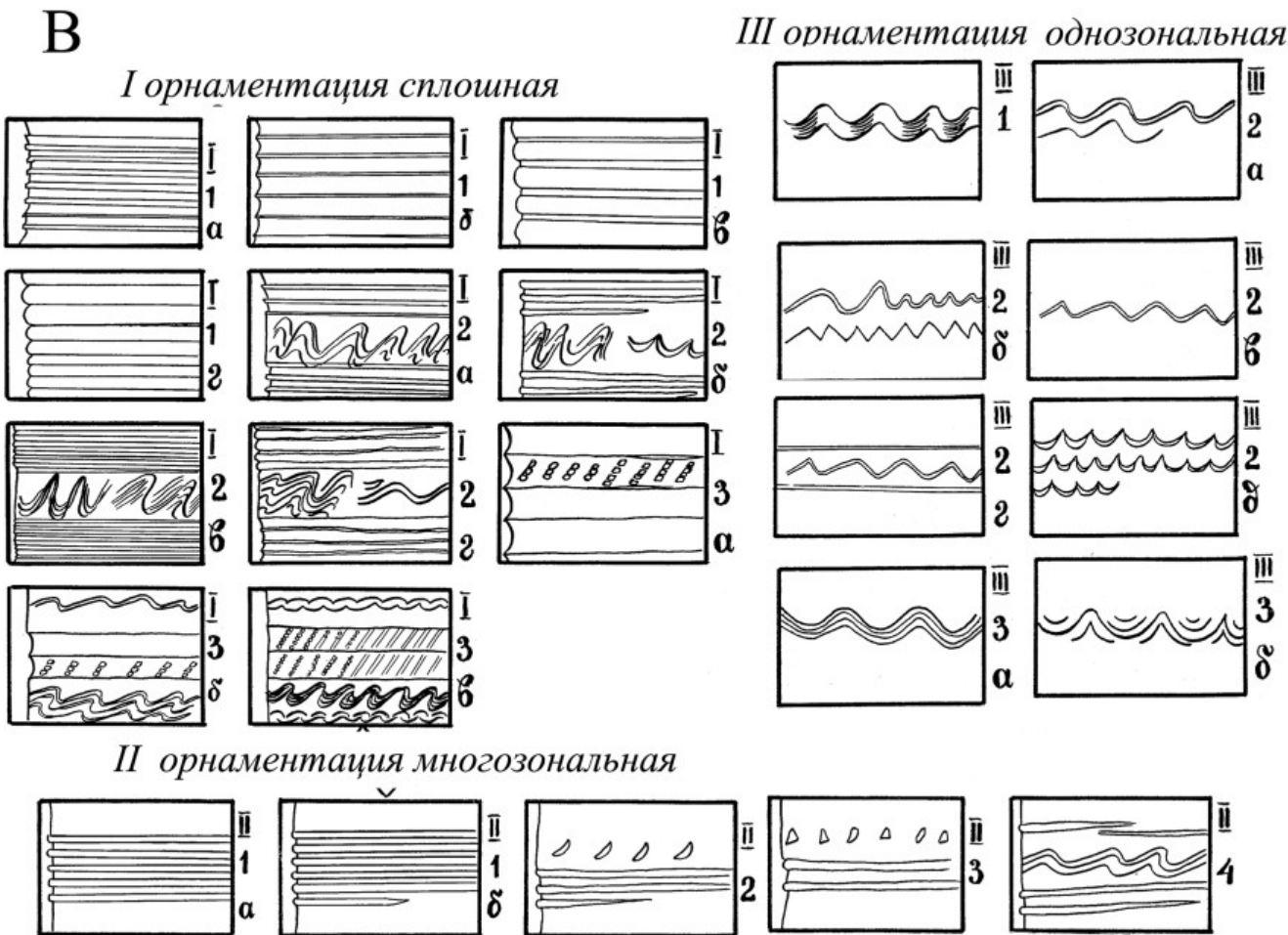
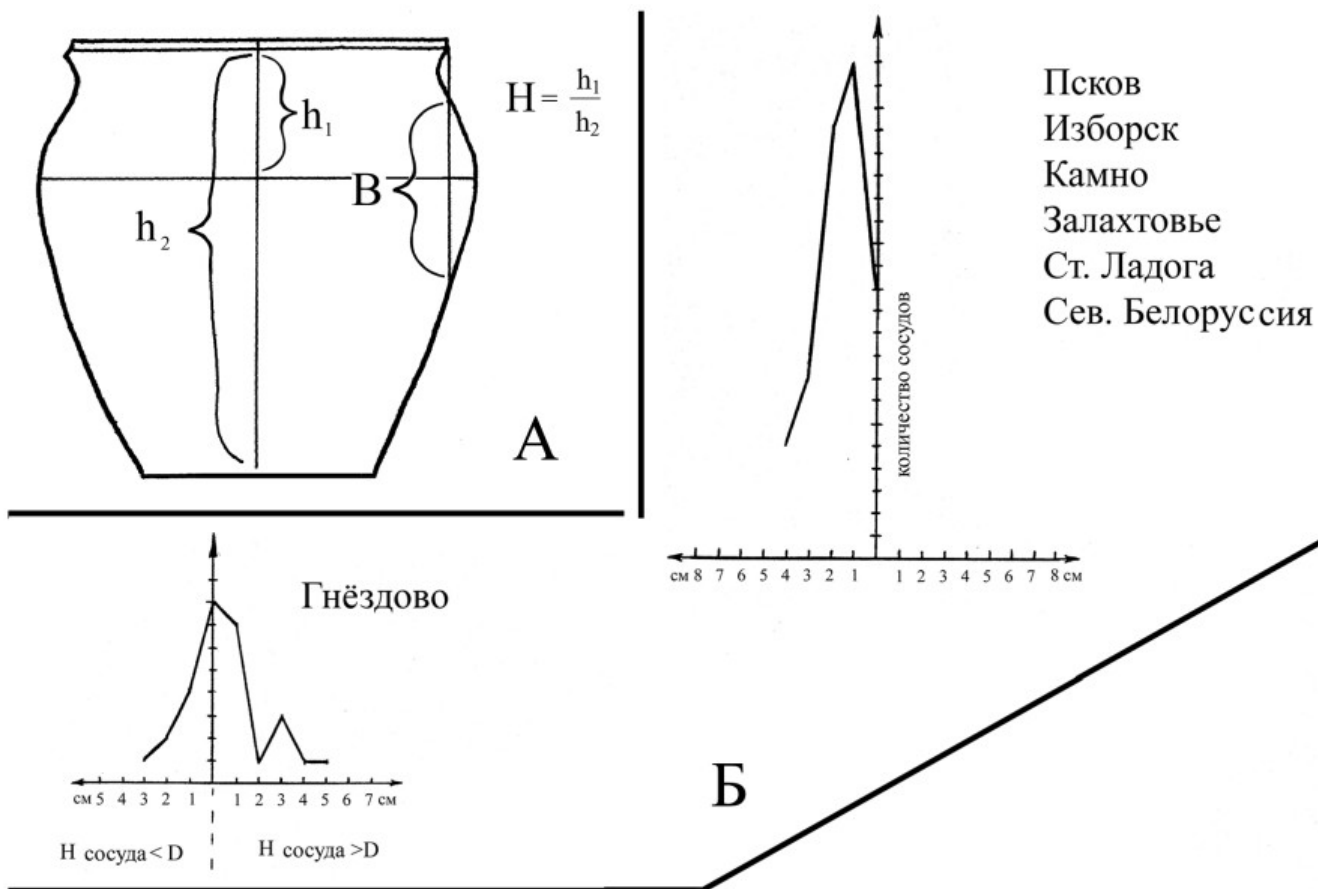

Рис. 160. Типология позднегончарной керамики: А — пропорции сосуда и показатель В, положенные в основу типологии; Б — график распределения пропорций сосудов на памятниках Северо-Запада и в Гнёздове; В — группы орнаментальных композиций

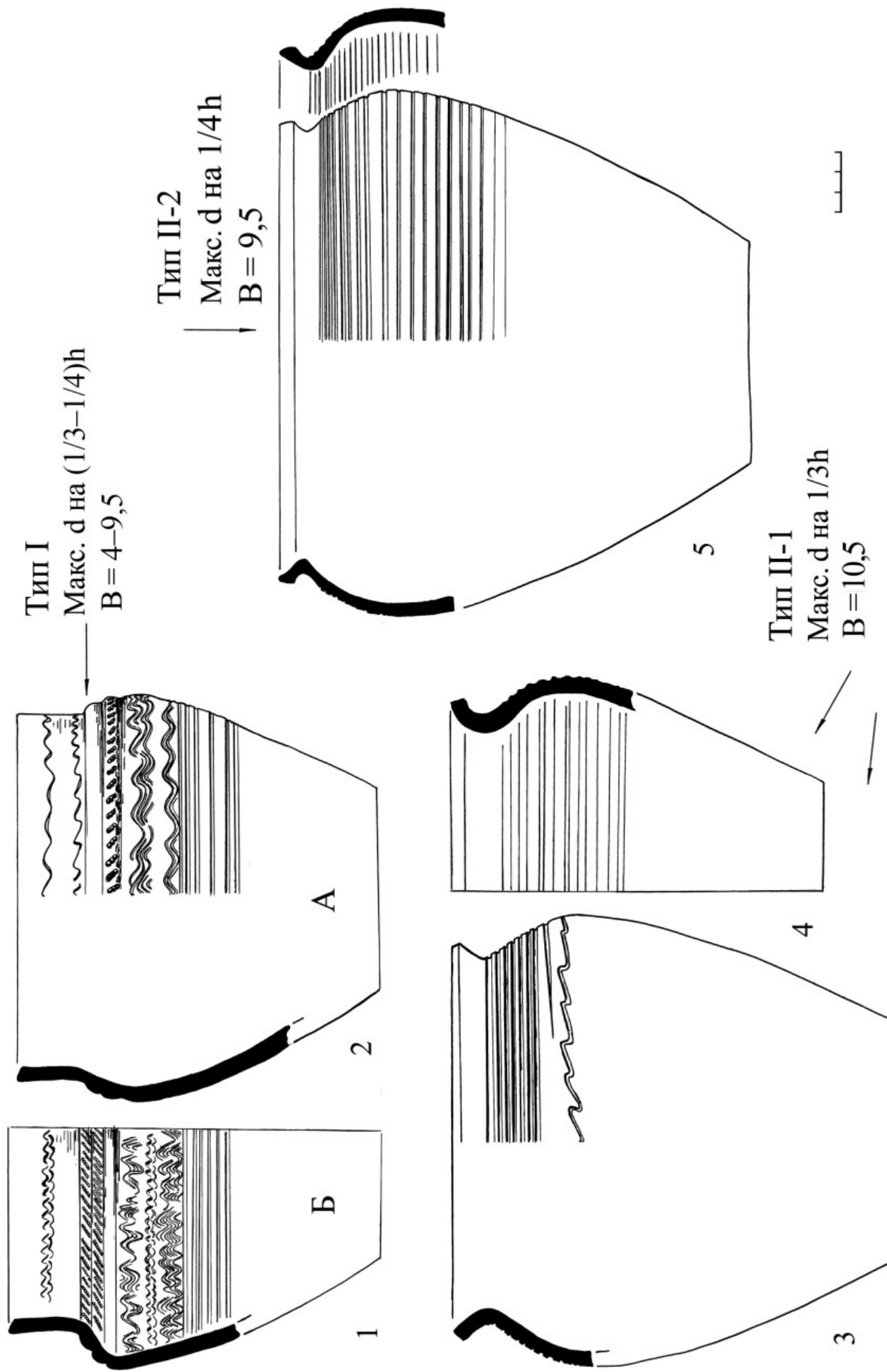
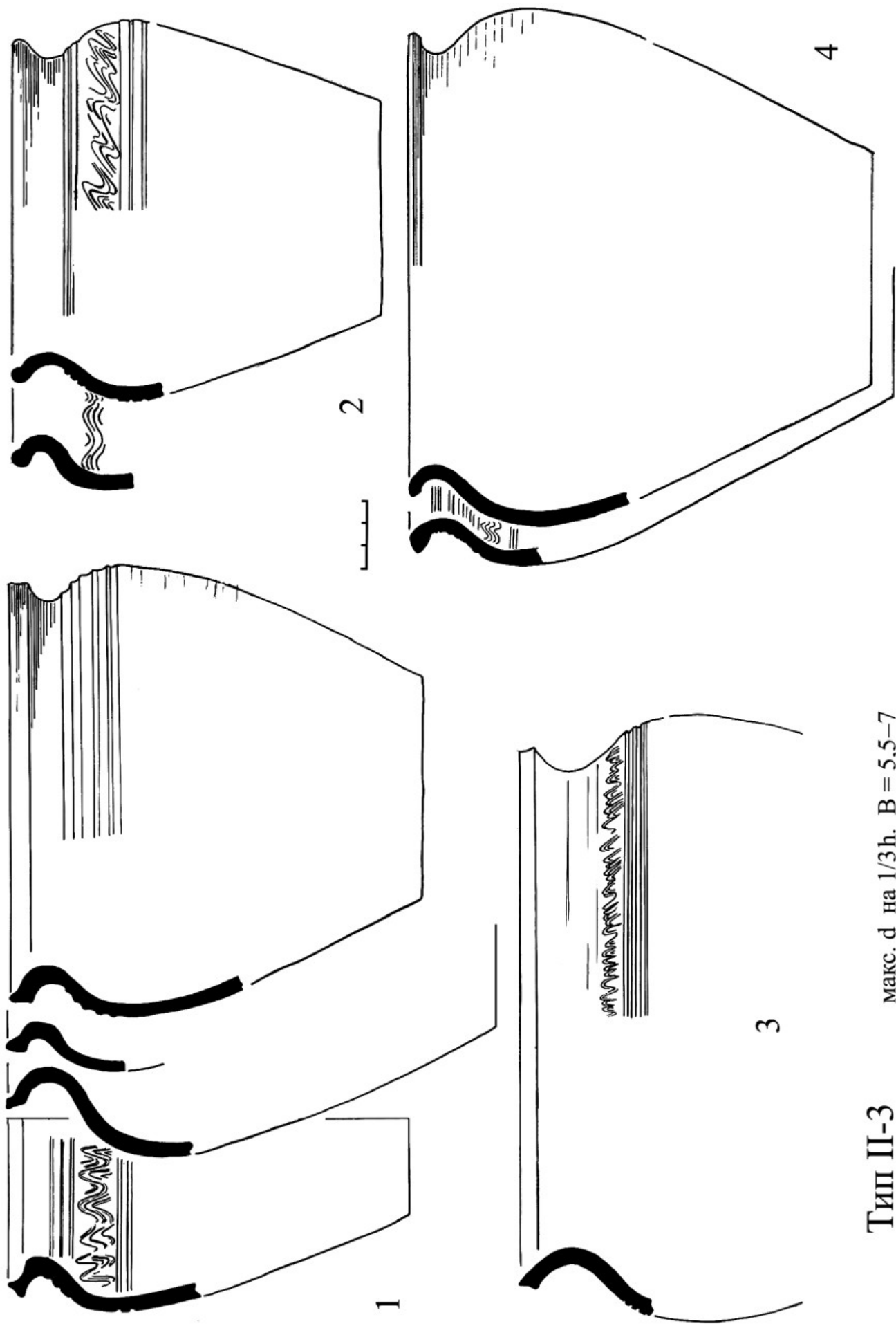

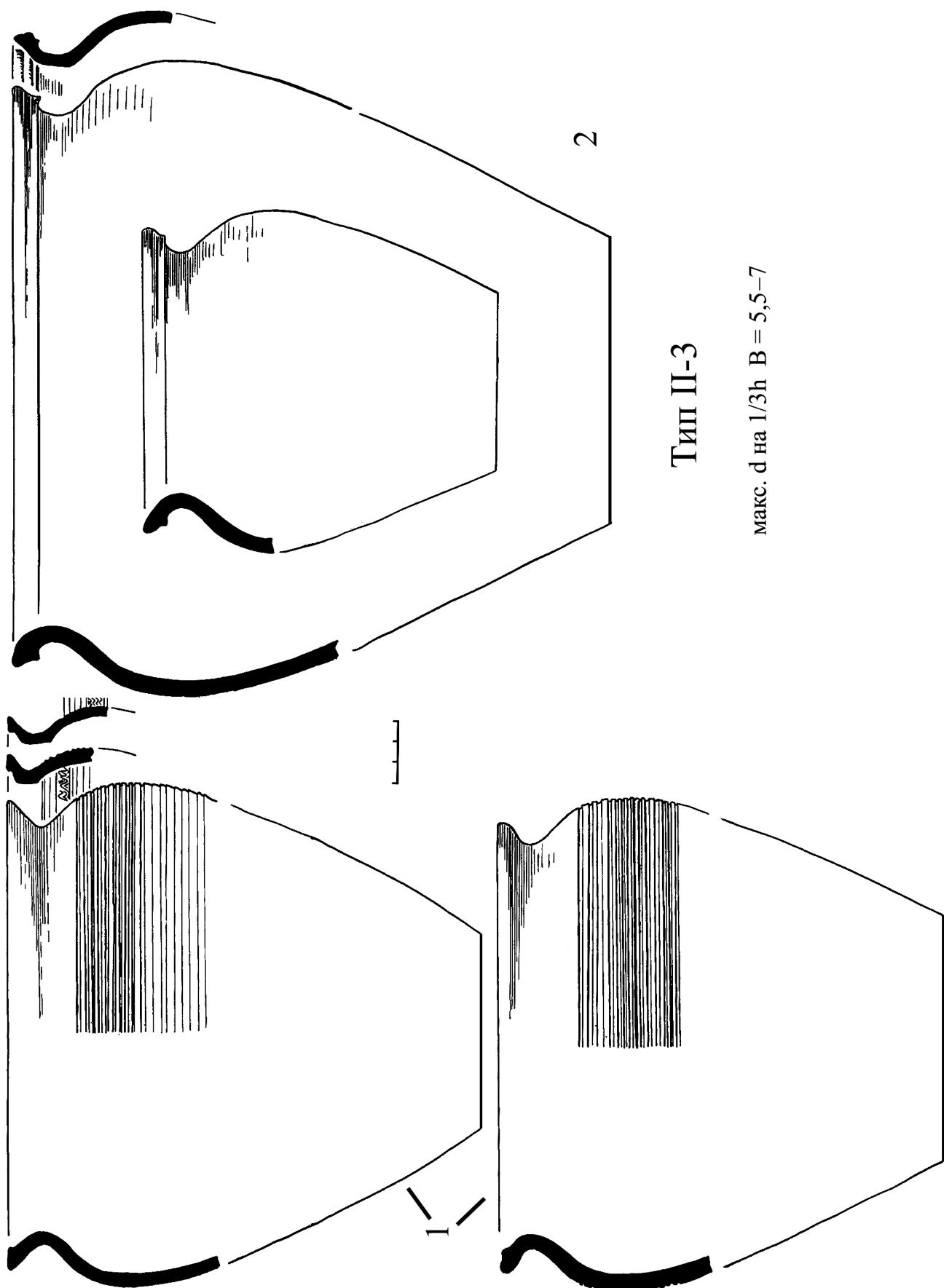
Рис. 161. Типология позднебронзовой керамики. Тип I (1 — вариант Б; 2 — вариант А); тип II (3, 4 — вариант II-1; 5 — вариант II-2)

Тип П-3

макс. d на 1/3h. B = 5,5-7

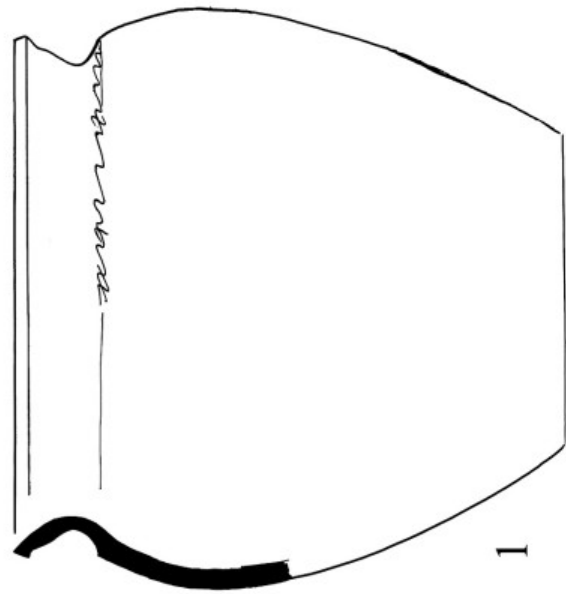
Рис. 162. Типология позднегончарной керамики. Тип П, вариант П-3

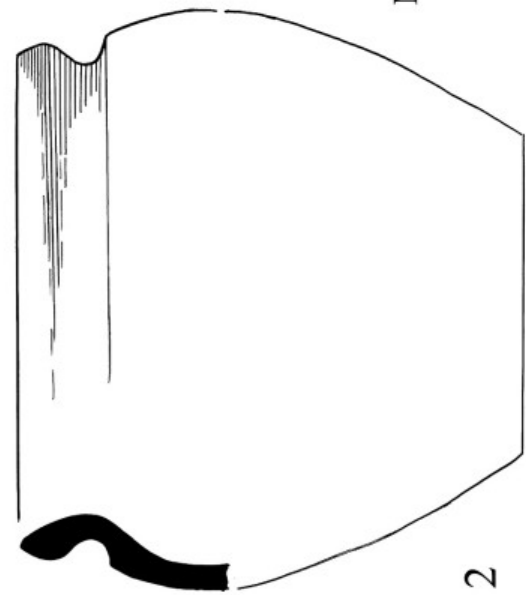
Тип II-3

макс. d на 1/3h B = 5,5-7

Рис. 163. Типология позднегончарной керамики. Тип II, вариант II-3

1

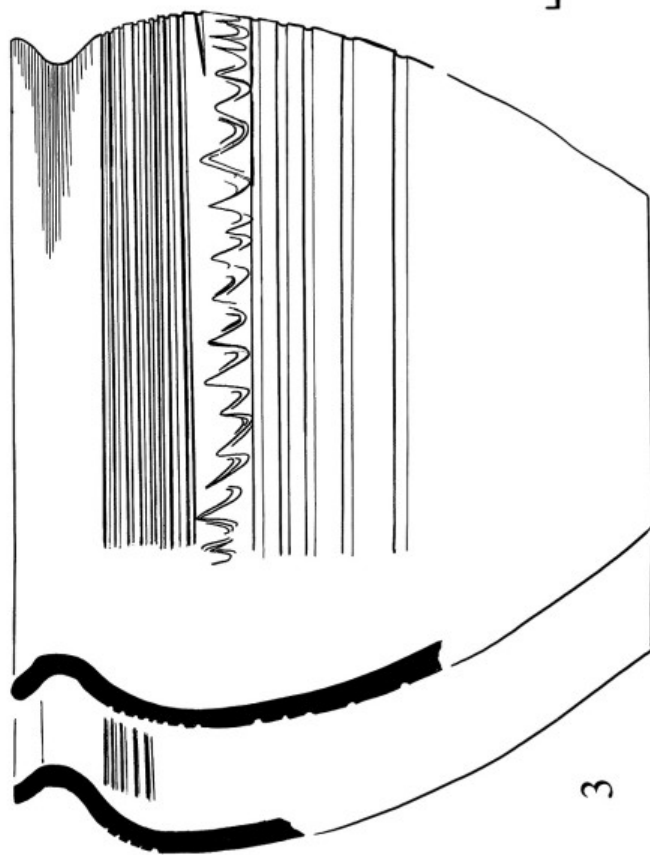

2

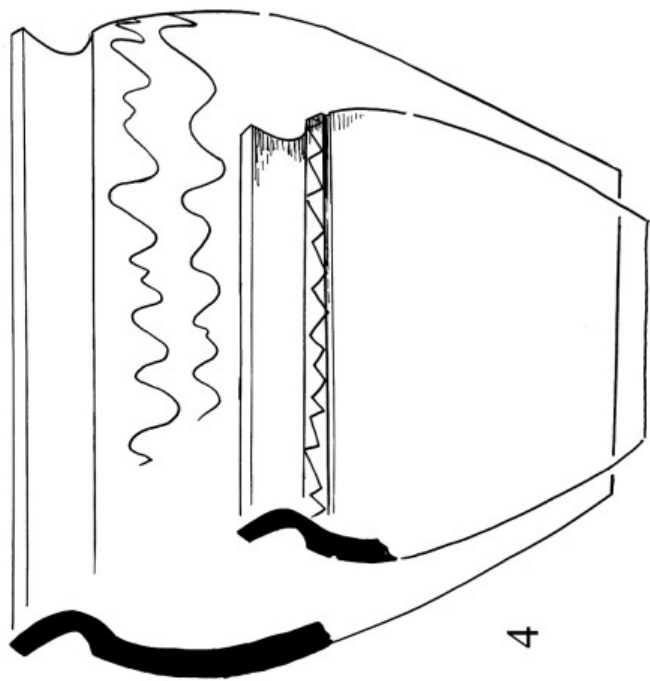
Тип II-4

Макс. d на 1/2: >1/3h

B = 7,5-9

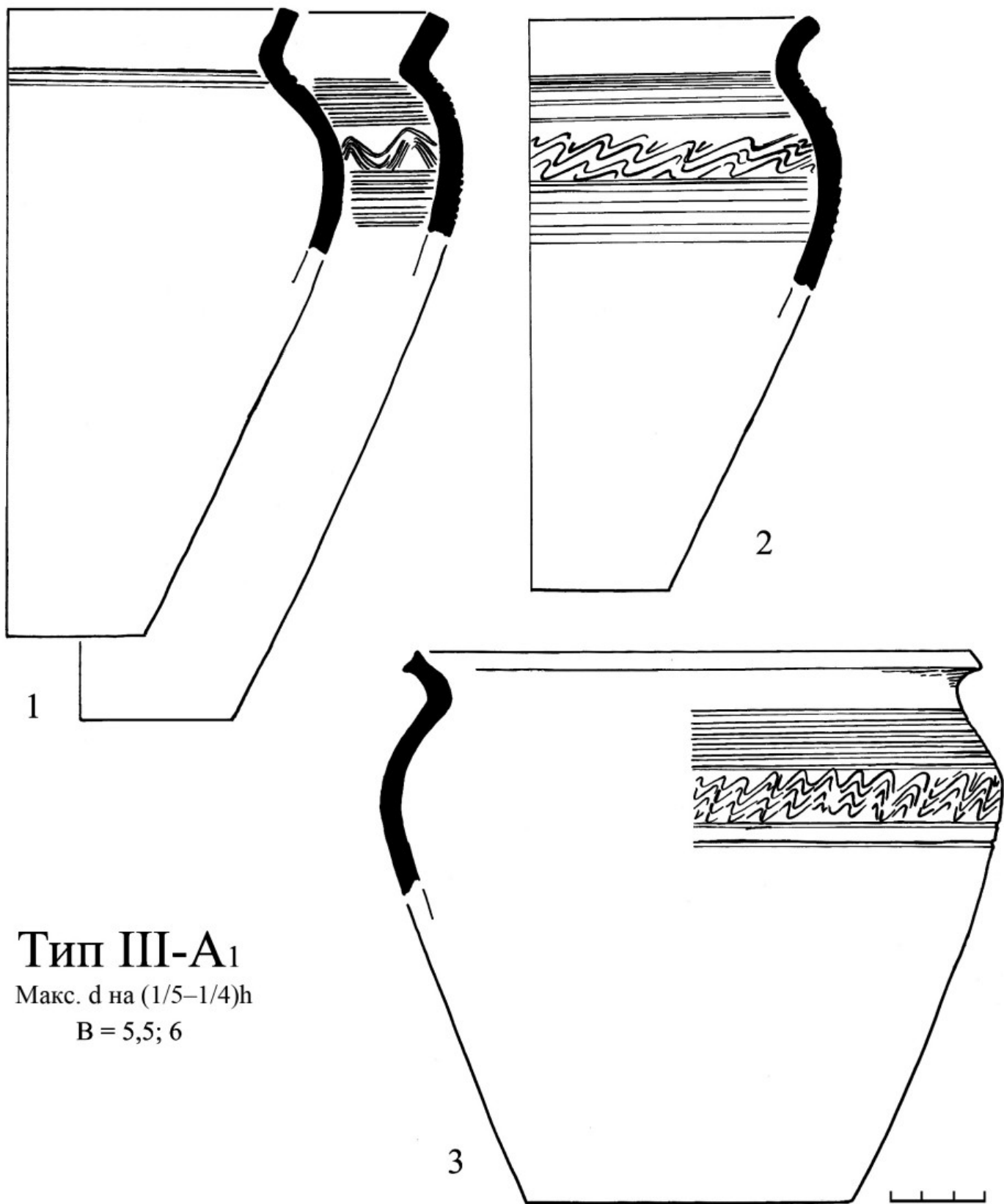
3

4

Рис. 164. Типология позднегончарной керамики. Тип II, вариант II-4

Тип III-A₁
 Макс. d на (1/5–1/4)h
 B = 5,5; 6

Рис. 165. Типология позднегончарной керамики. Тип III, вариант III-A₁

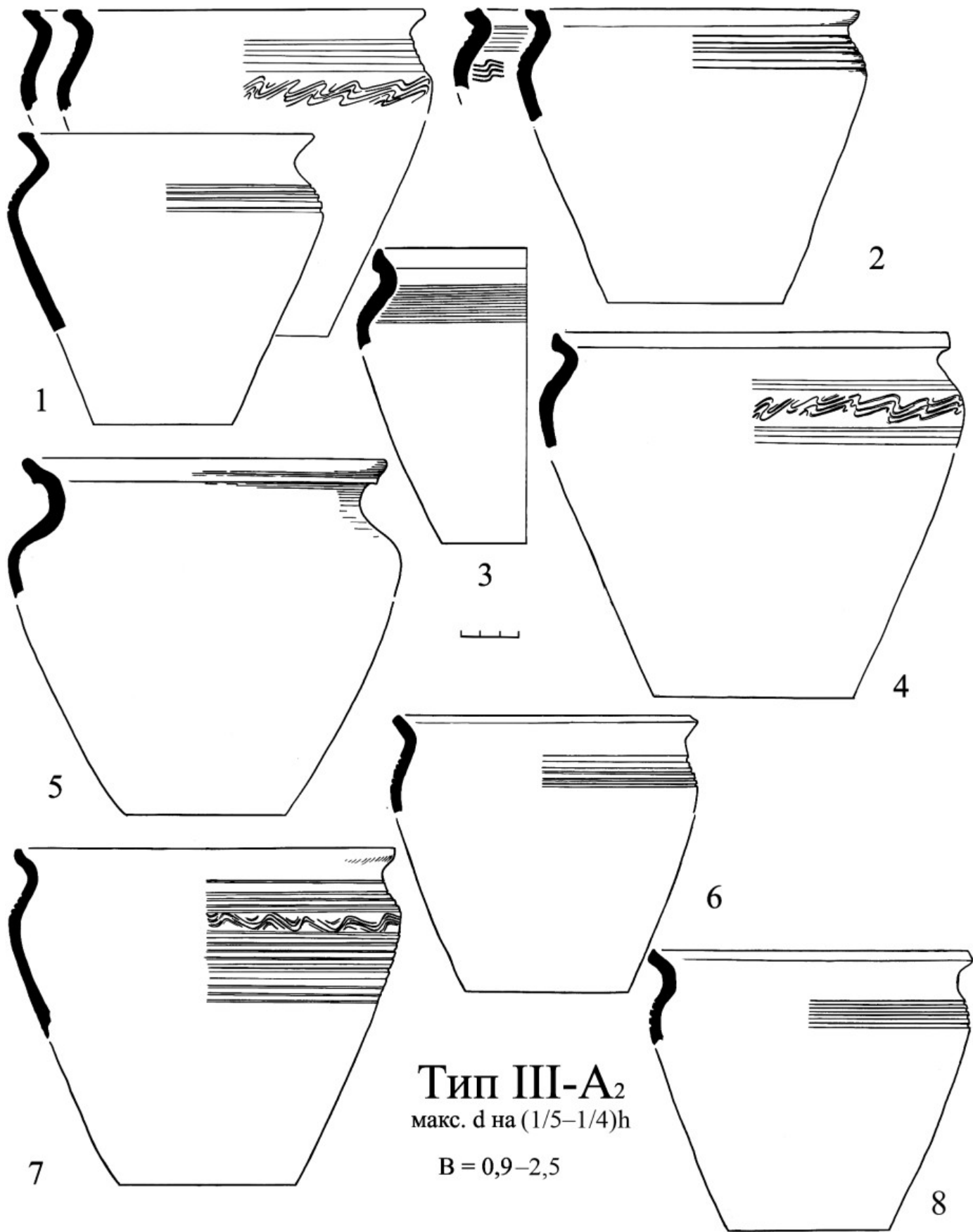

Рис. 166. Типология позднегончарной керамики. Тип III, вариант III-A₂

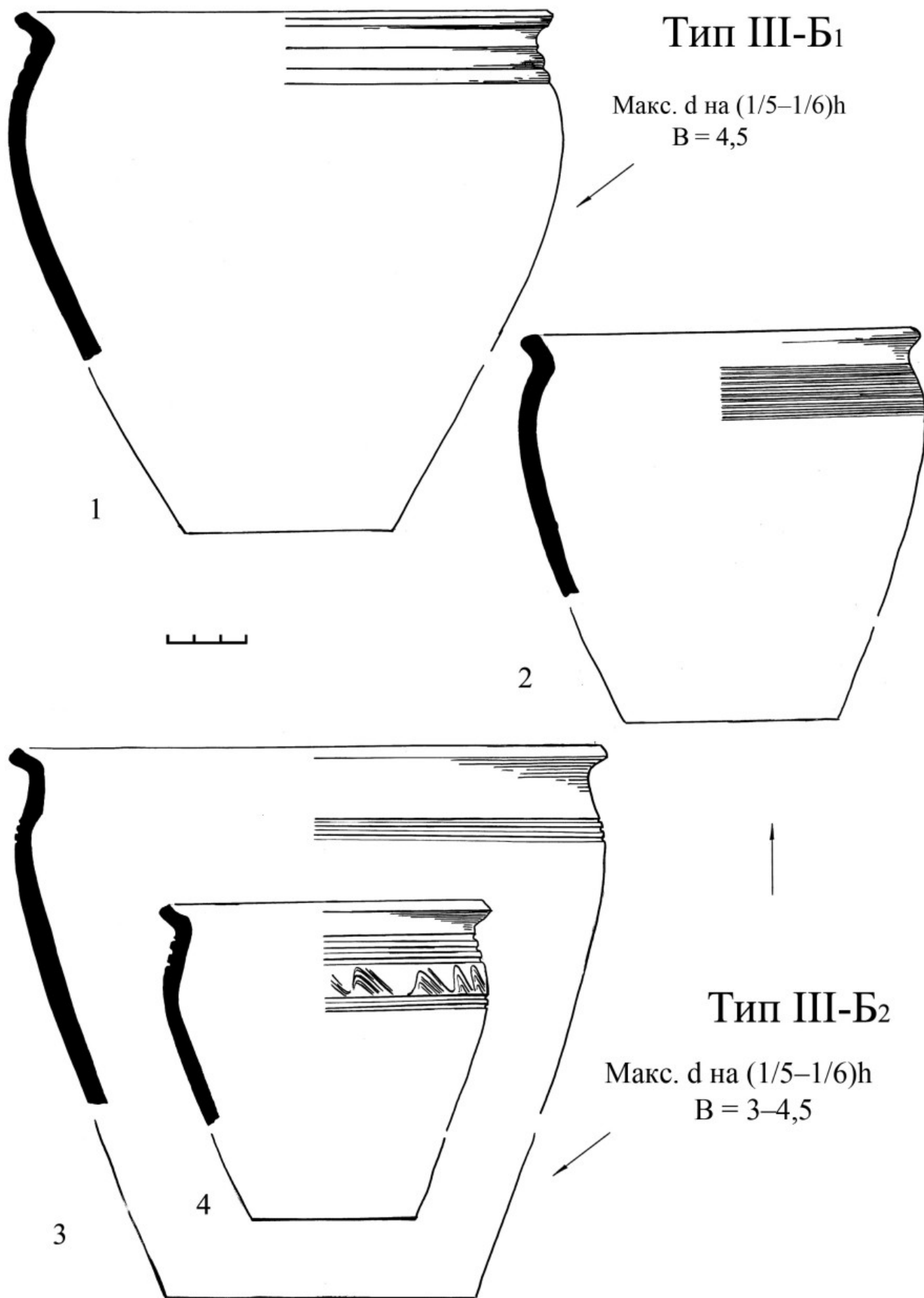
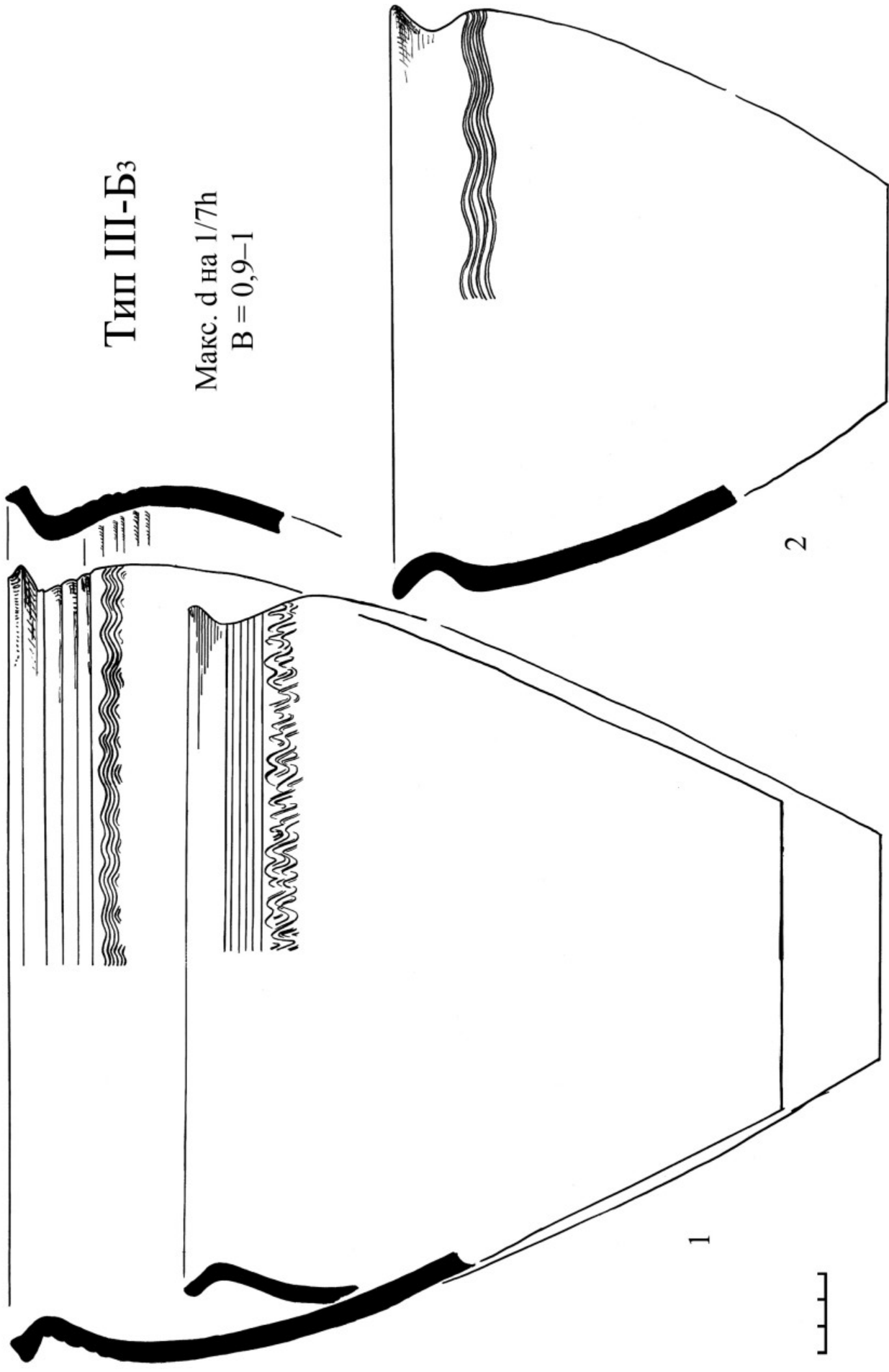

Рис. 167. Типология позднегончарной керамики. Тип III (1, 2 — вариант III-Б₁; 3, 4 — вариант III-Б₂)

Тип III-Б₃

Макс. d на 1/7h
 B = 0,9-1

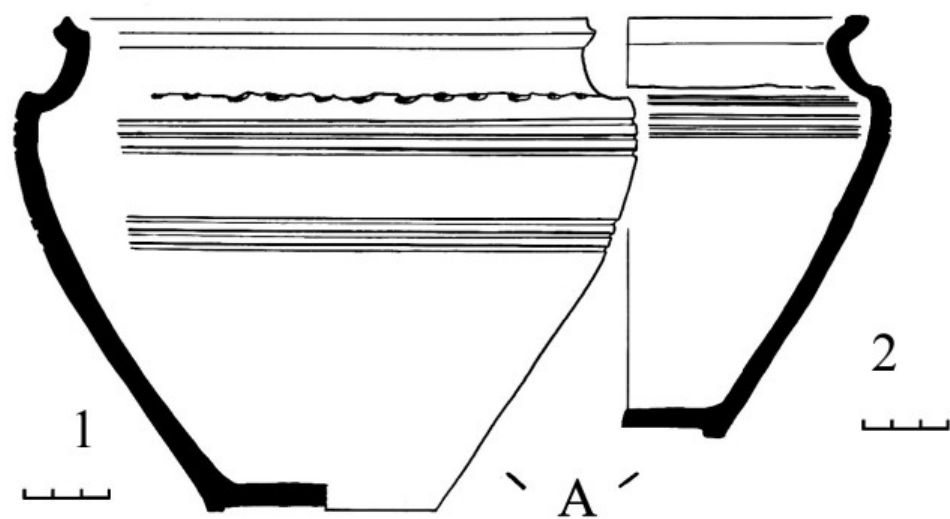
1

2

Рис. 168. Типология позднегончарной керамики. Тип III, вариант III-Б₃

Тип IV
 макс. d на (1/5–1/6)h

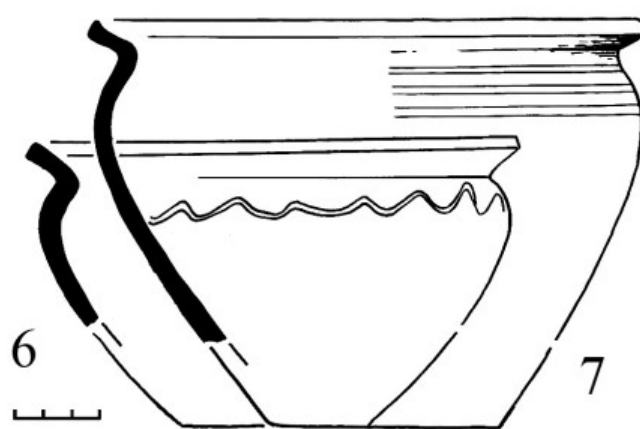
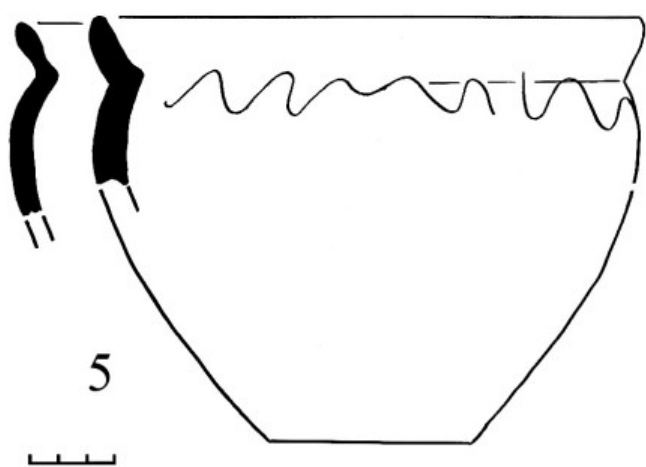
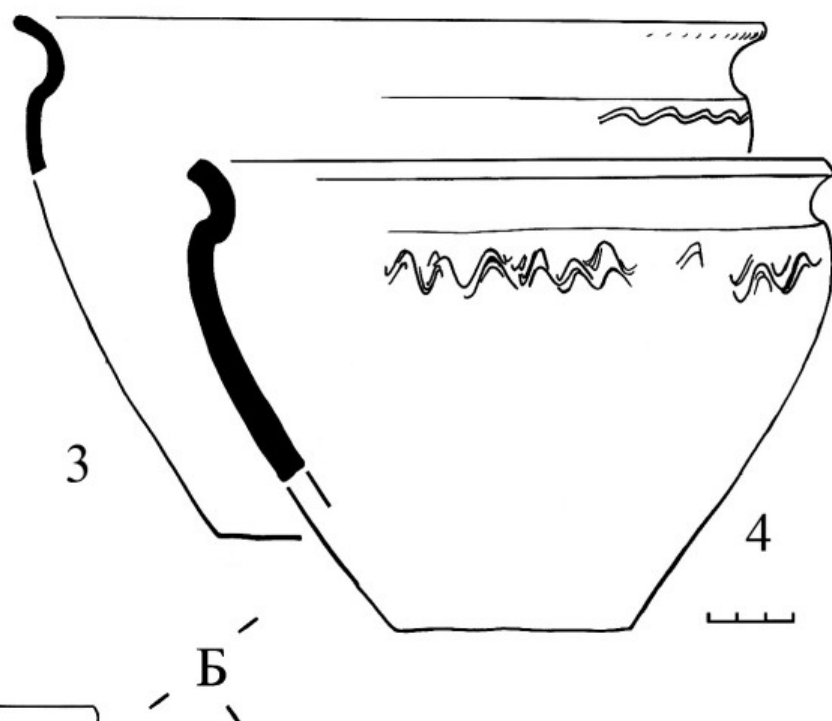

Рис. 169. Типология позднегончарной керамики. Тип IV (1, 2 — вариант А; 3—7 — вариант Б)

Аналогии венчикам	II группа			I группа			III группа		IV группа		V группа			VI	VII	I	VIII группа	VII	IX	
	А	Б	В	Г	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
Т С																				
И О																				
П С																				
Ы У																				
Д О																				
В																				
I																				
II-1																				
II-4																				
II-2																				
II-3																				
III-A1																				
III-A2																				
III-Б1																				
III																				
Б2-3																				
IV																				
XI в.	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород
XII в.	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород
XIII в.	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород	Новгород

Рис. 170. Совместимость типов позднегончарных сосудов и групп венчиков (по горизонтали — группы венчиков; по вертикали — типы сосудов).
Аналогии венчикам и дата

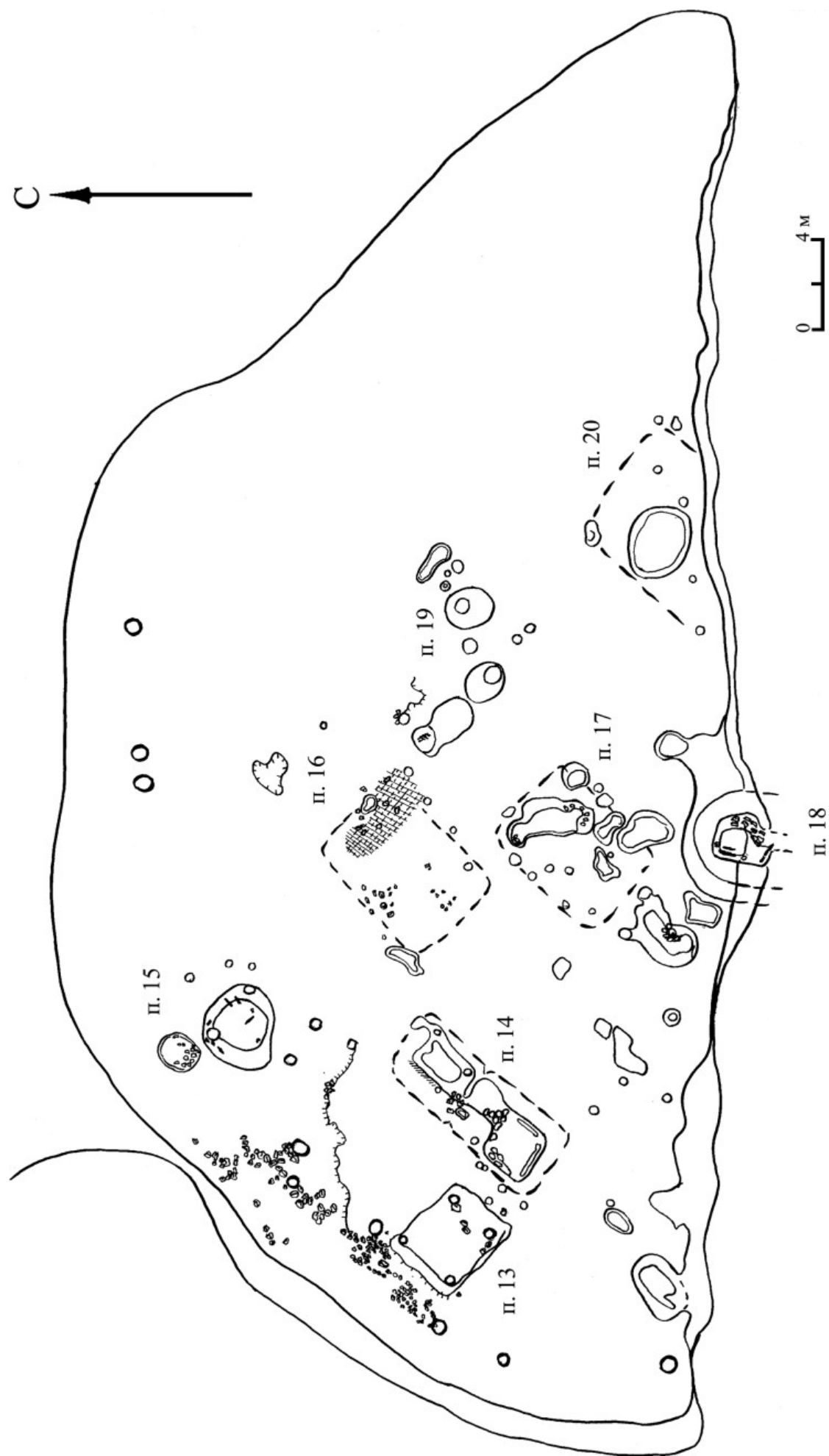

Рис. 172. Городище. Схема застройки в поздний период

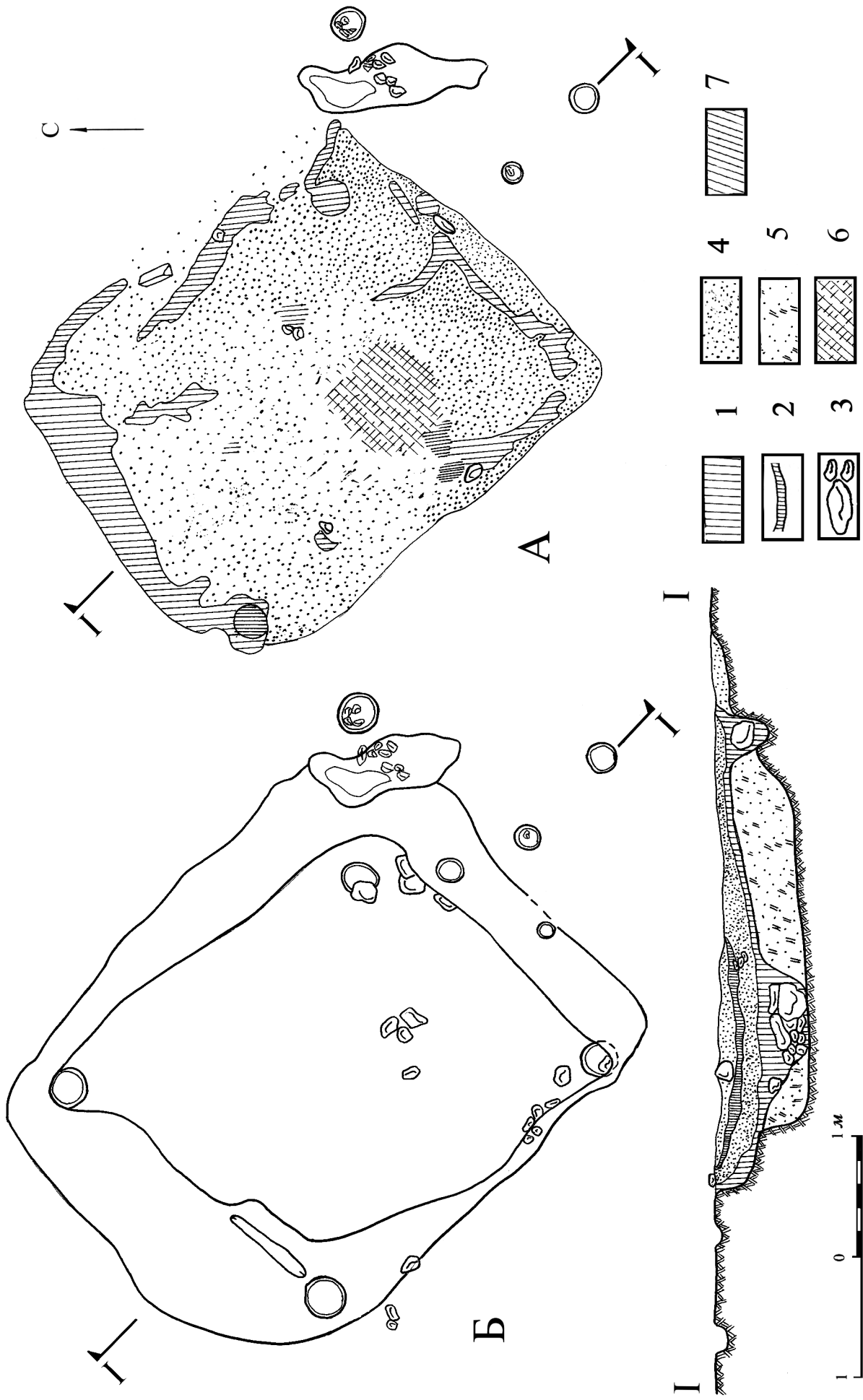

Рис. 173. Городище. Поздний период. Постройка 13. А — план подольной части постройки; Б — план пятна постройки на уровне материка. Разрез: 1, 7 — черная гумусированная супесь; 2 — углистая прослойка; 3 — камни; 4 — желтый песок; 5 — супесь с белой глиной; 6 — красная глина

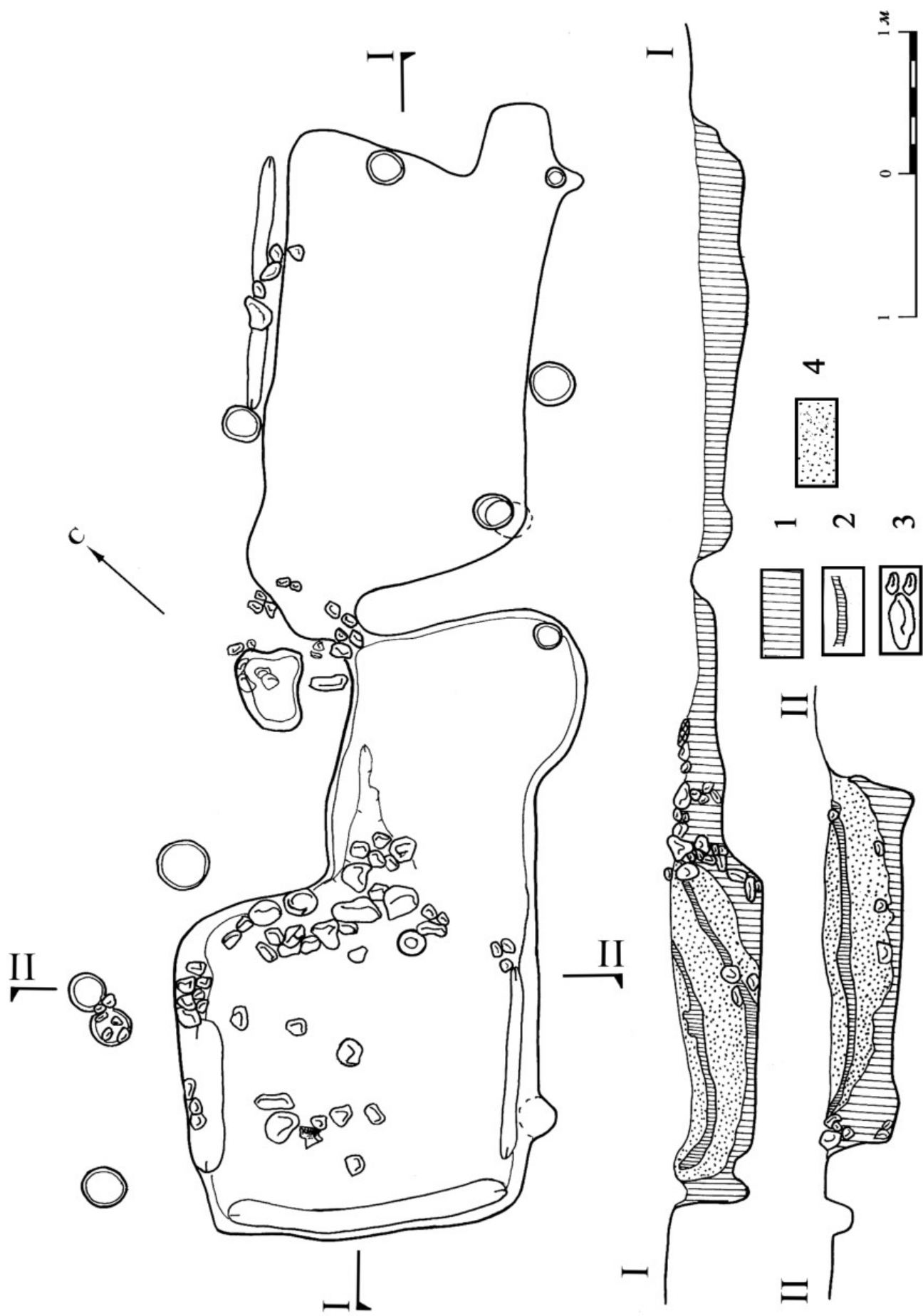

Рис. 174. Городище. Поздний период. Постройка 14. План и разрезы: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — черная углисто-сажистая прослойка; 3 — камни; 4 — желтый песок

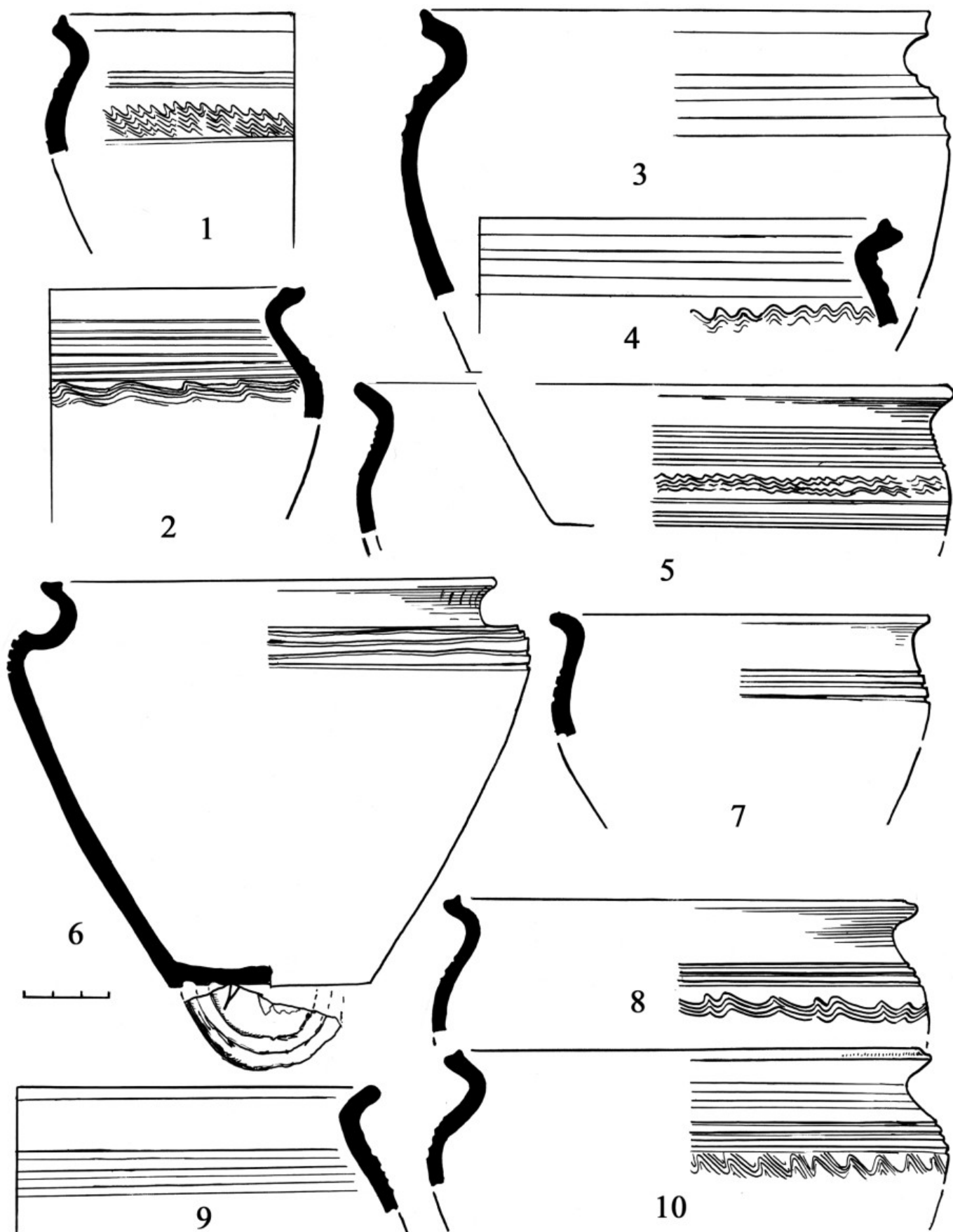

Рис. 175. Городище. Поздний период. Постройка 13. Позднегончарная керамика

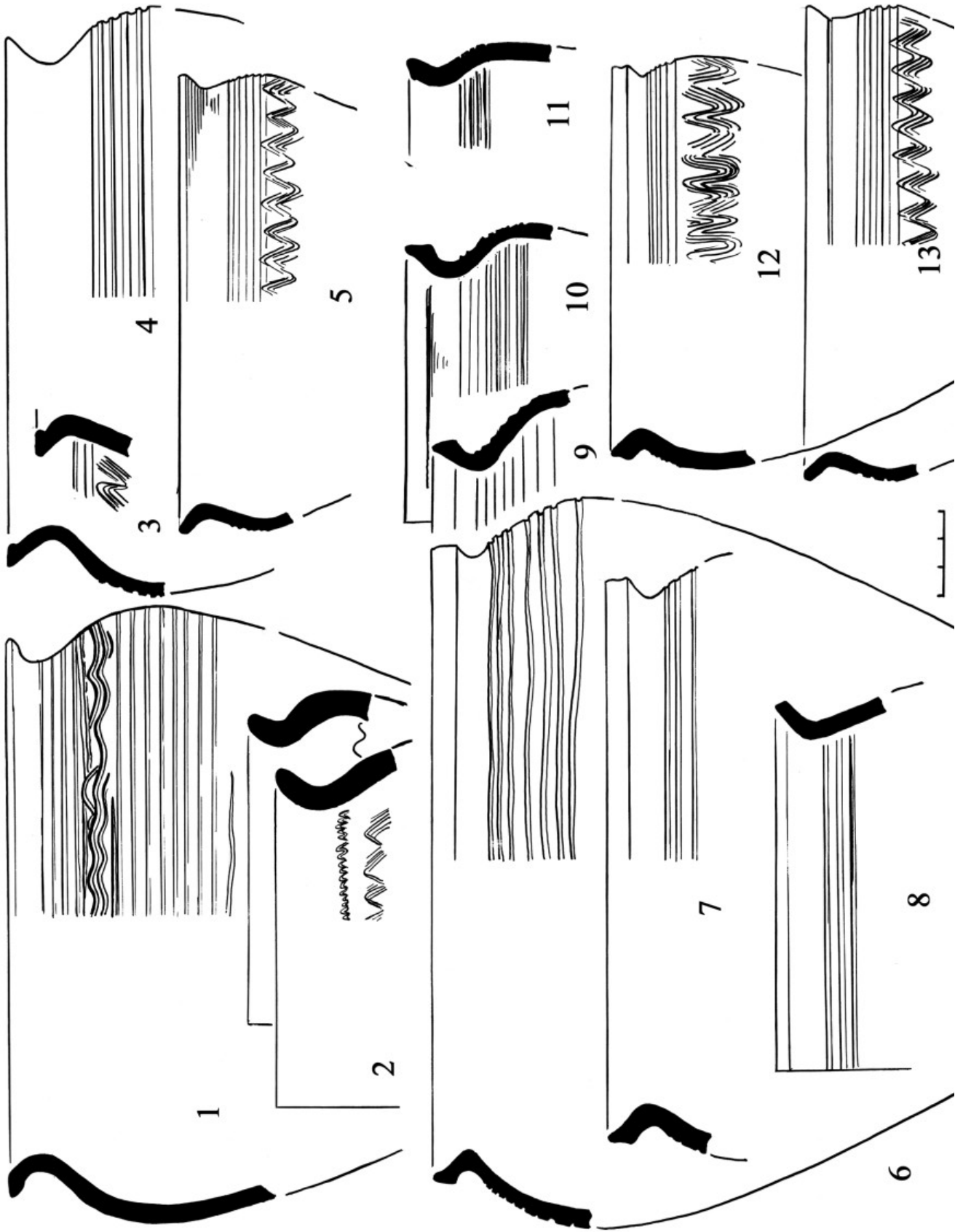

Рис. 176. Городище. Поздний период. Постройка 13. Позднегончарная керамика

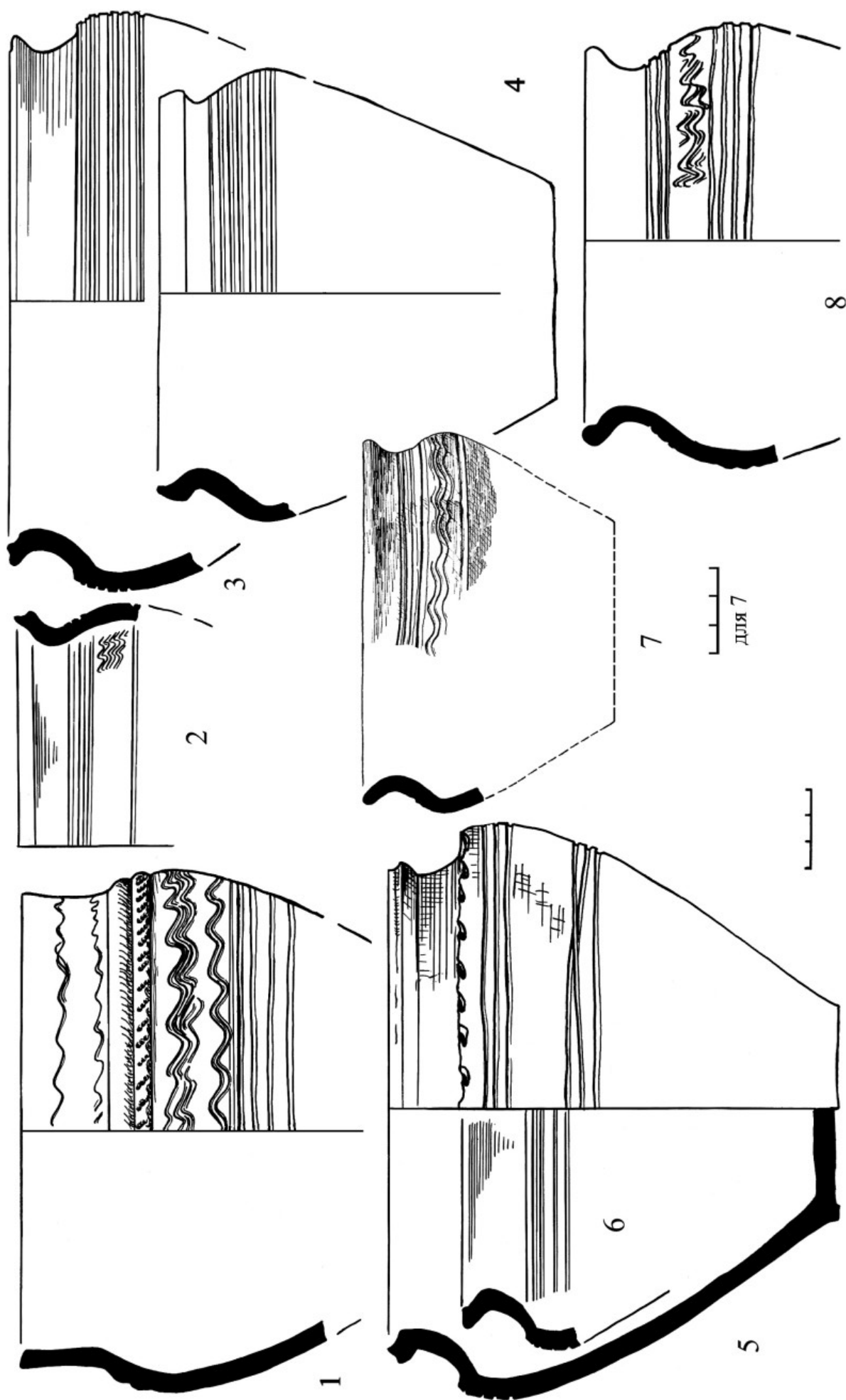

Рис. 177. Городище. Поздний период. Постройка 13. Позднегончарная керамика

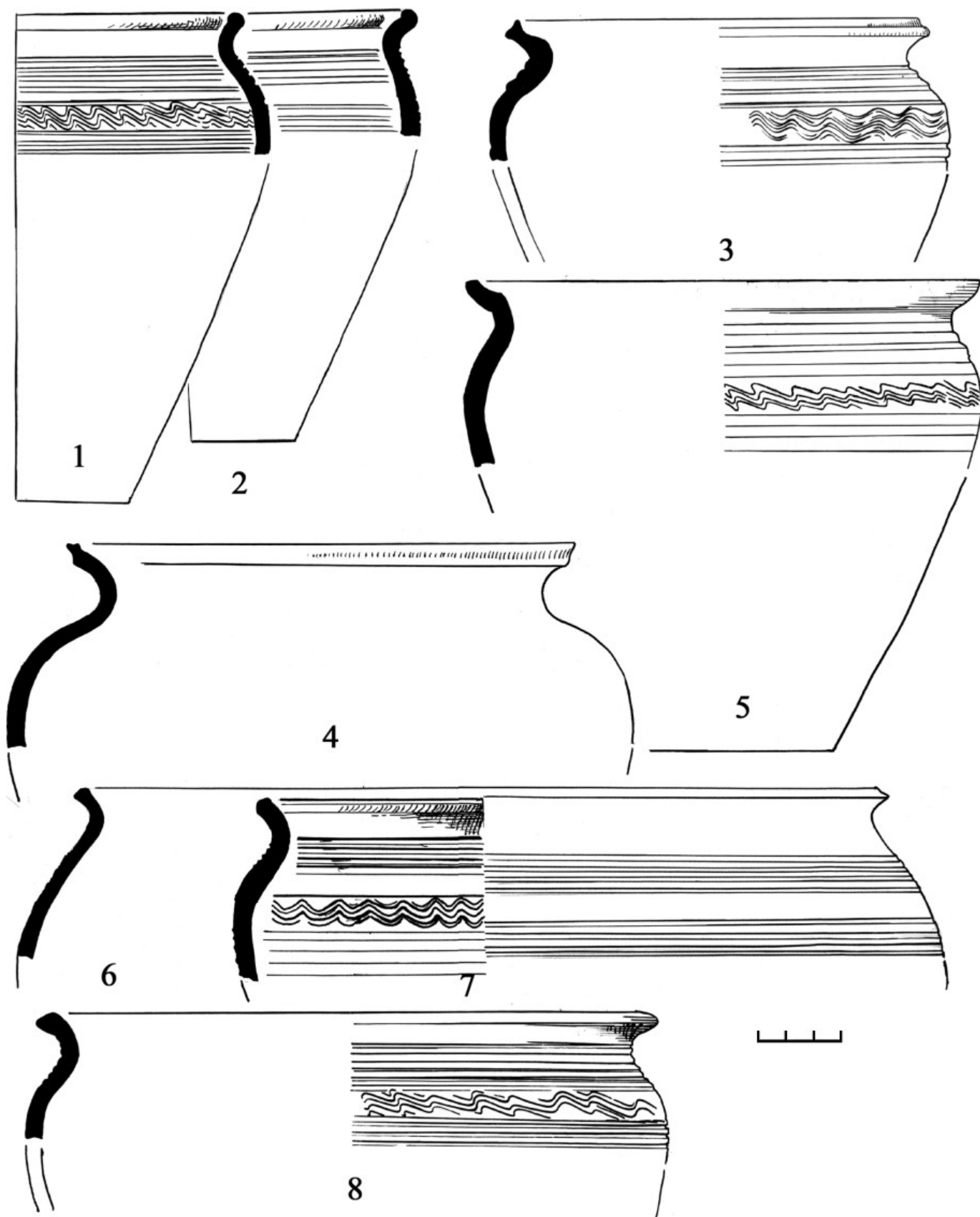

Рис. 178. Городище. Поздний период. Постройка 14. Позднегончарная керамика

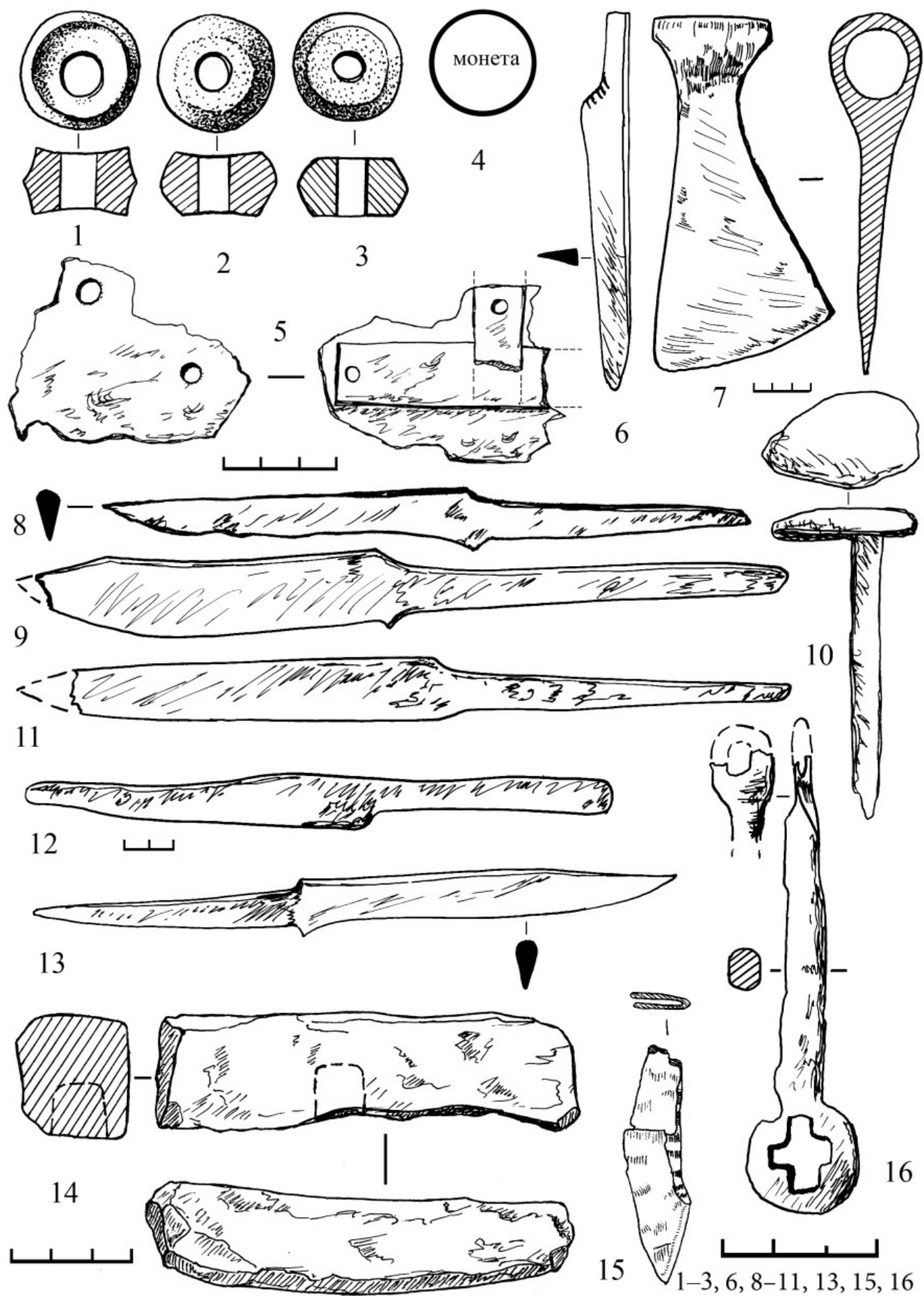

Рис. 179. Городище. Поздний период. Постройка 13 (3, 7, 12—14); постройка 14 (1, 2, 4—6, 8—11, 15, 16).
 Находки: 1—3 — шифер; 4 — денарий Отгона-Адельгейды 991—995 гг.; 5—14, 16 — железо; 15 — бронза

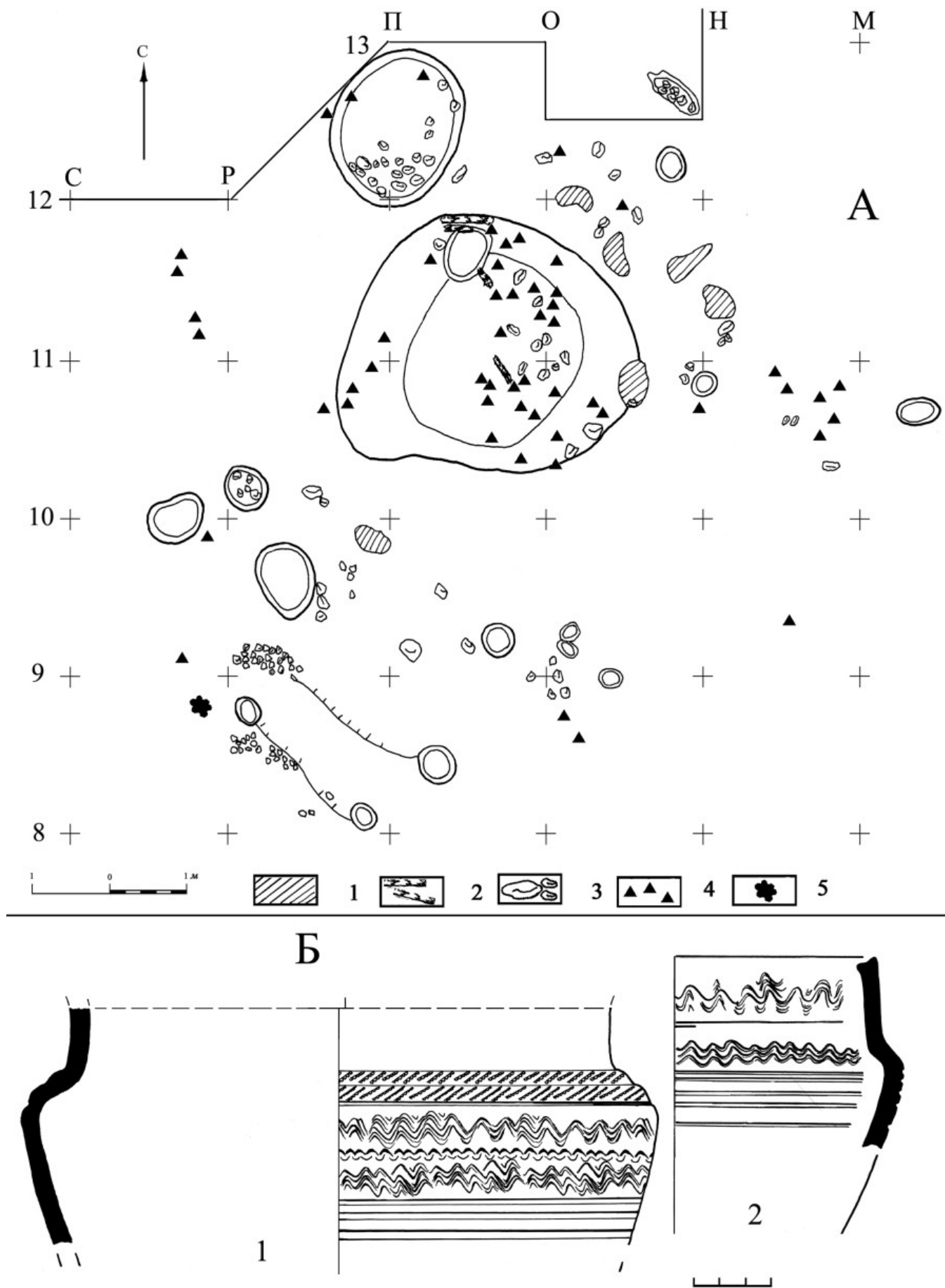

Рис. 180. Городище. Поздний период. Постройка 15. А — план: 1 — красная глина; 2 — горелое дерево; 3 — камни; 4 — индивидуальные находки; 5 — металлургический конгломерат; Б — позднегончарная керамика (1, 2)

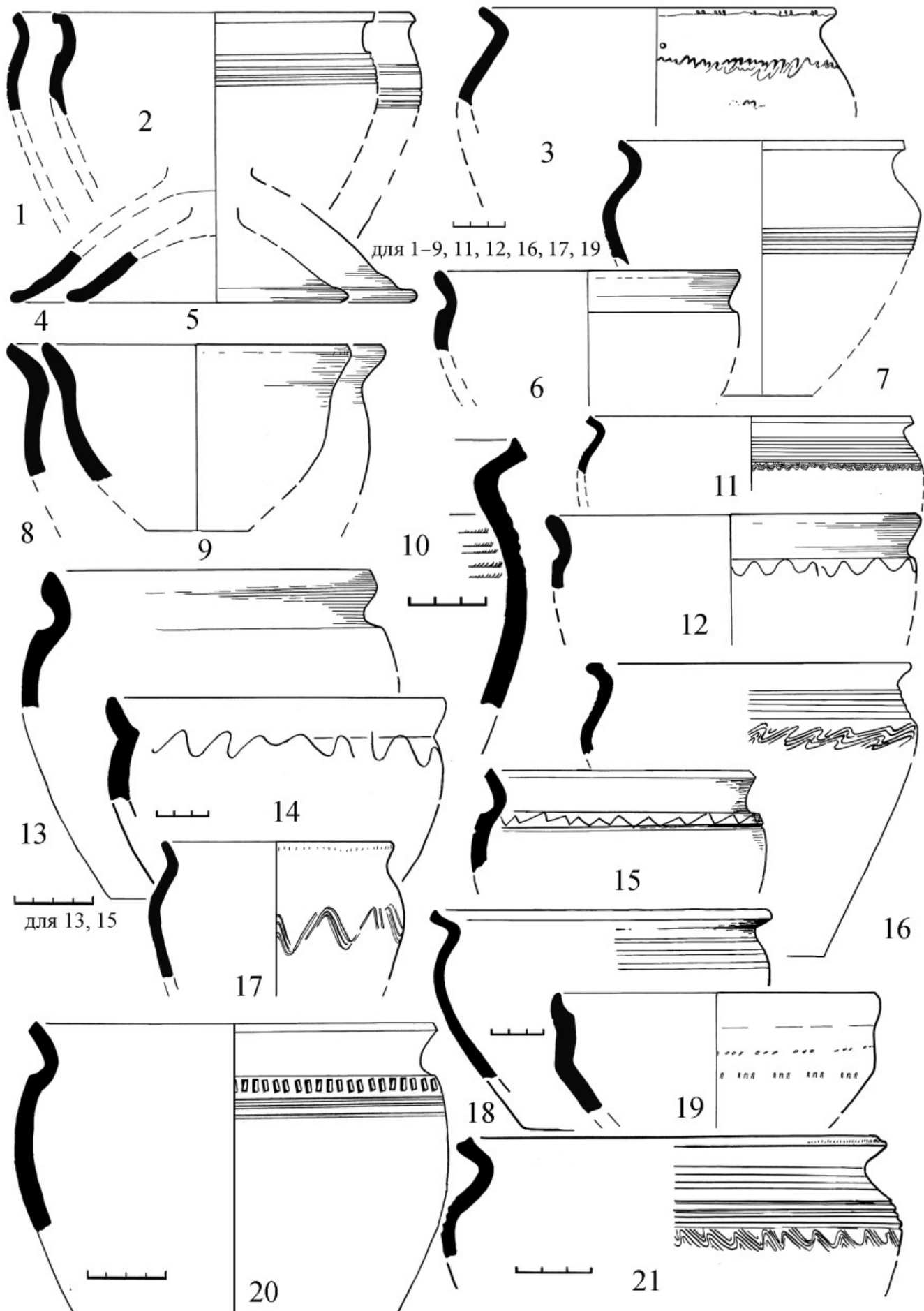

Рис. 181. Городище. Поздний период. Постройка 15. Керамика: 1, 2, 4—21 — позднегончарная; 3 — раннегончарная

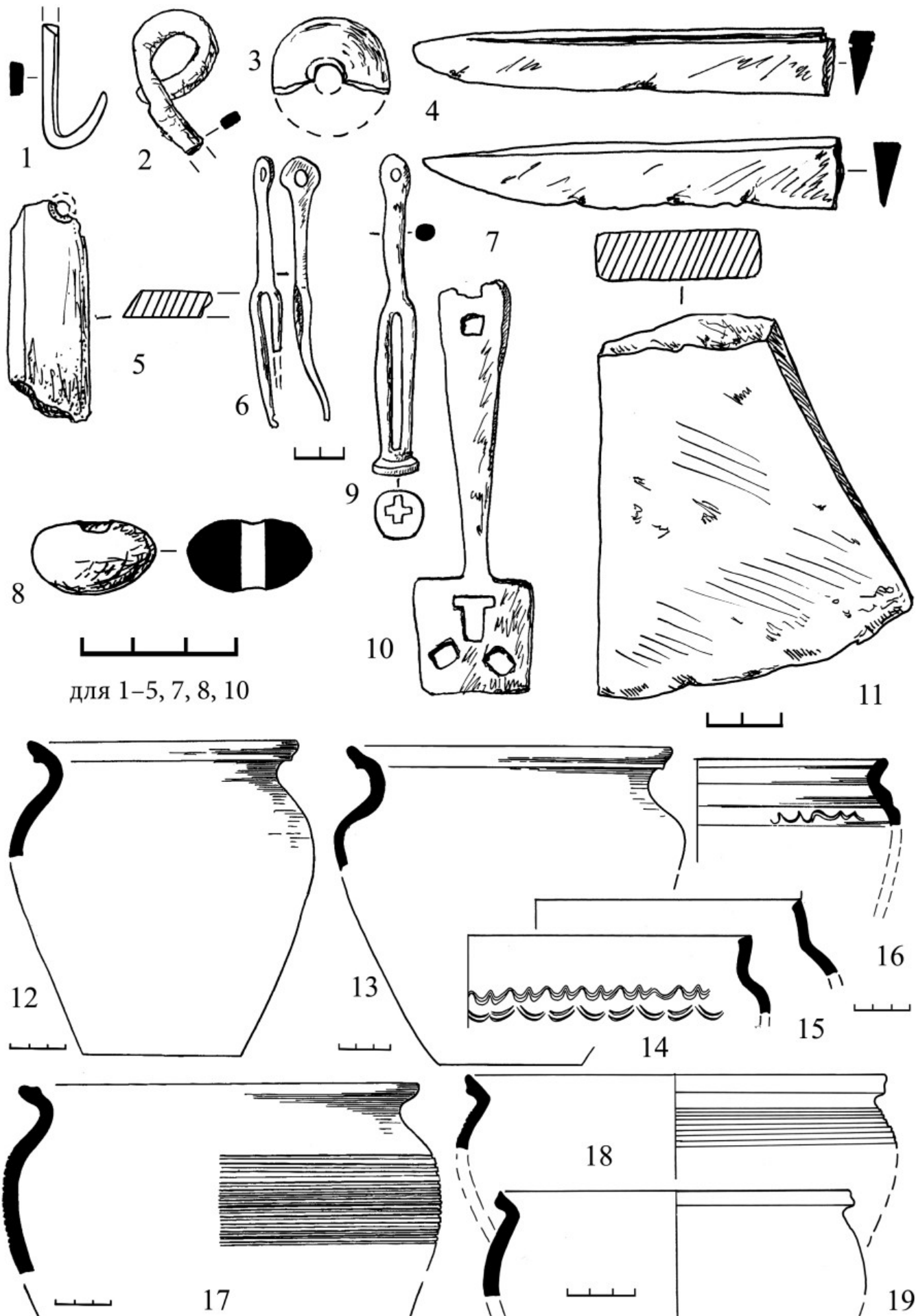

Рис. 182. Городище. Поздний период. Постройка 15. Керамика и находки: 1, 2, 4, 6, 7, 9—11 — железо; 3, 8 — глина; 5 — сланец; 12—19 — позднегончарная керамика

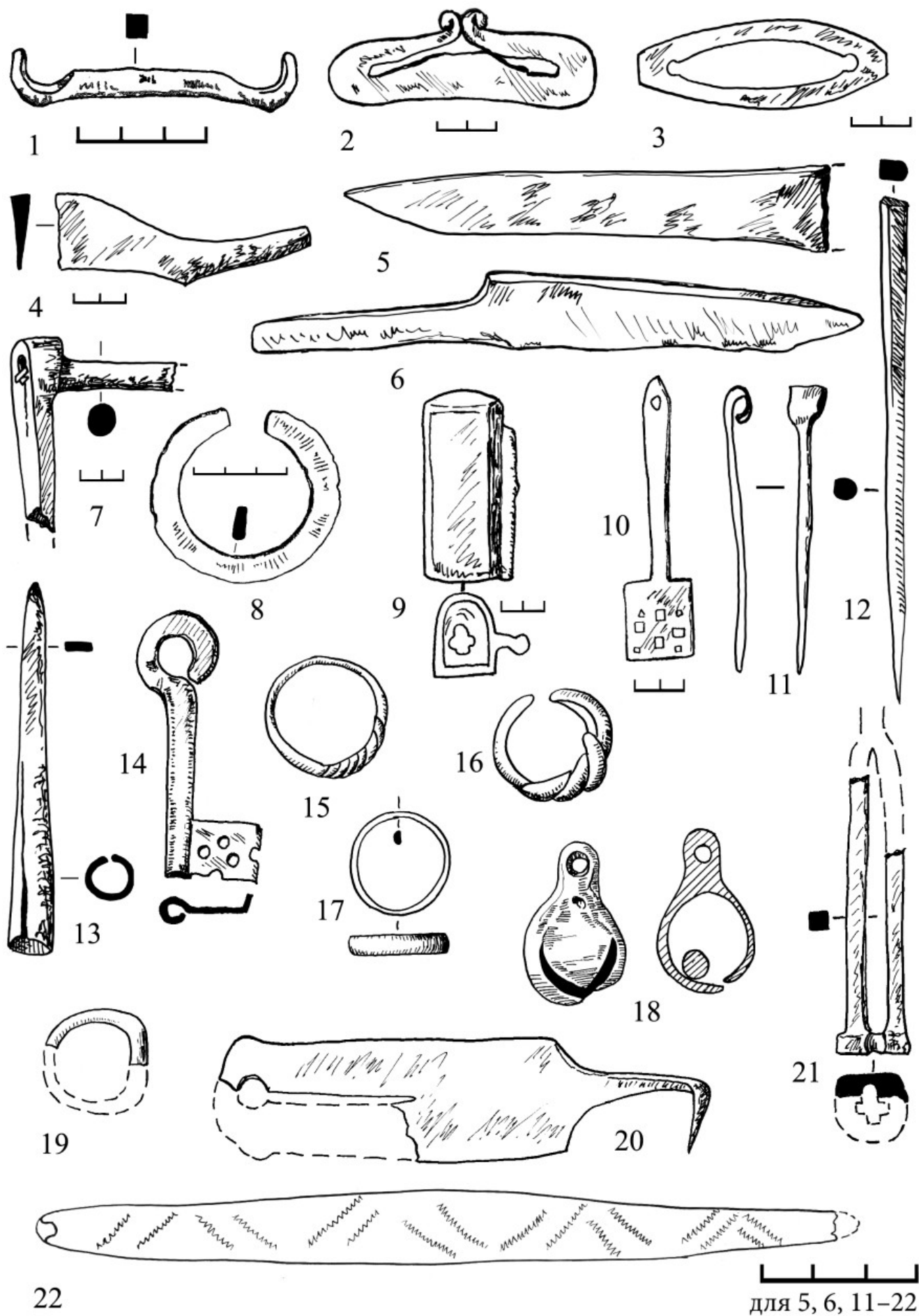

Рис. 183. Горище. Поздний период. Постройка 15. Находки: 1—14, 20—22 — железо; 15—18 — бронза; 19 — стекло

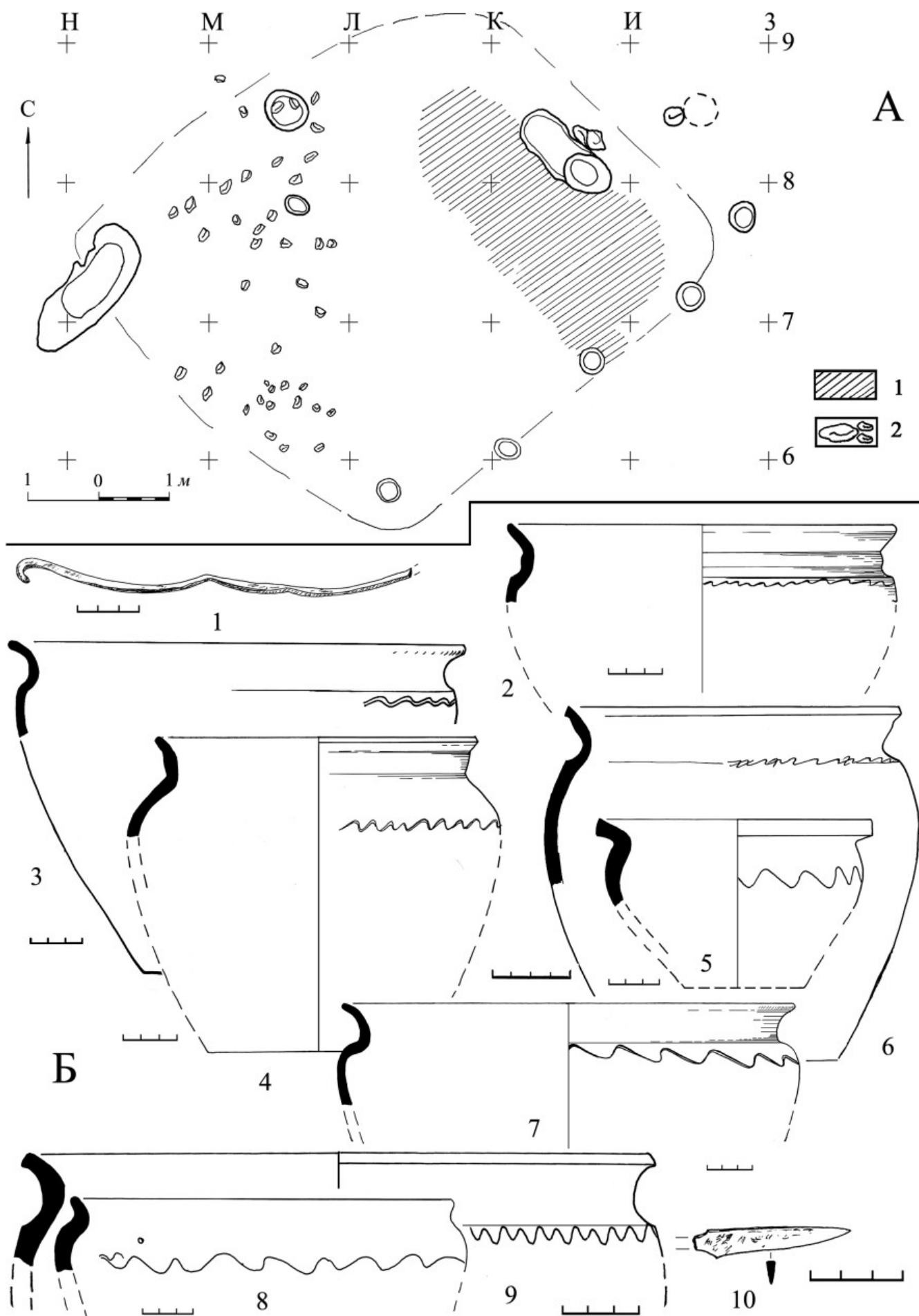

Рис. 184. Городище. Поздний период. Постройка 16. А — план (1 — красная глина; 2 — камни);
 Б — находки (1, 10 — железо) и позднегончарная керамика (2—9)

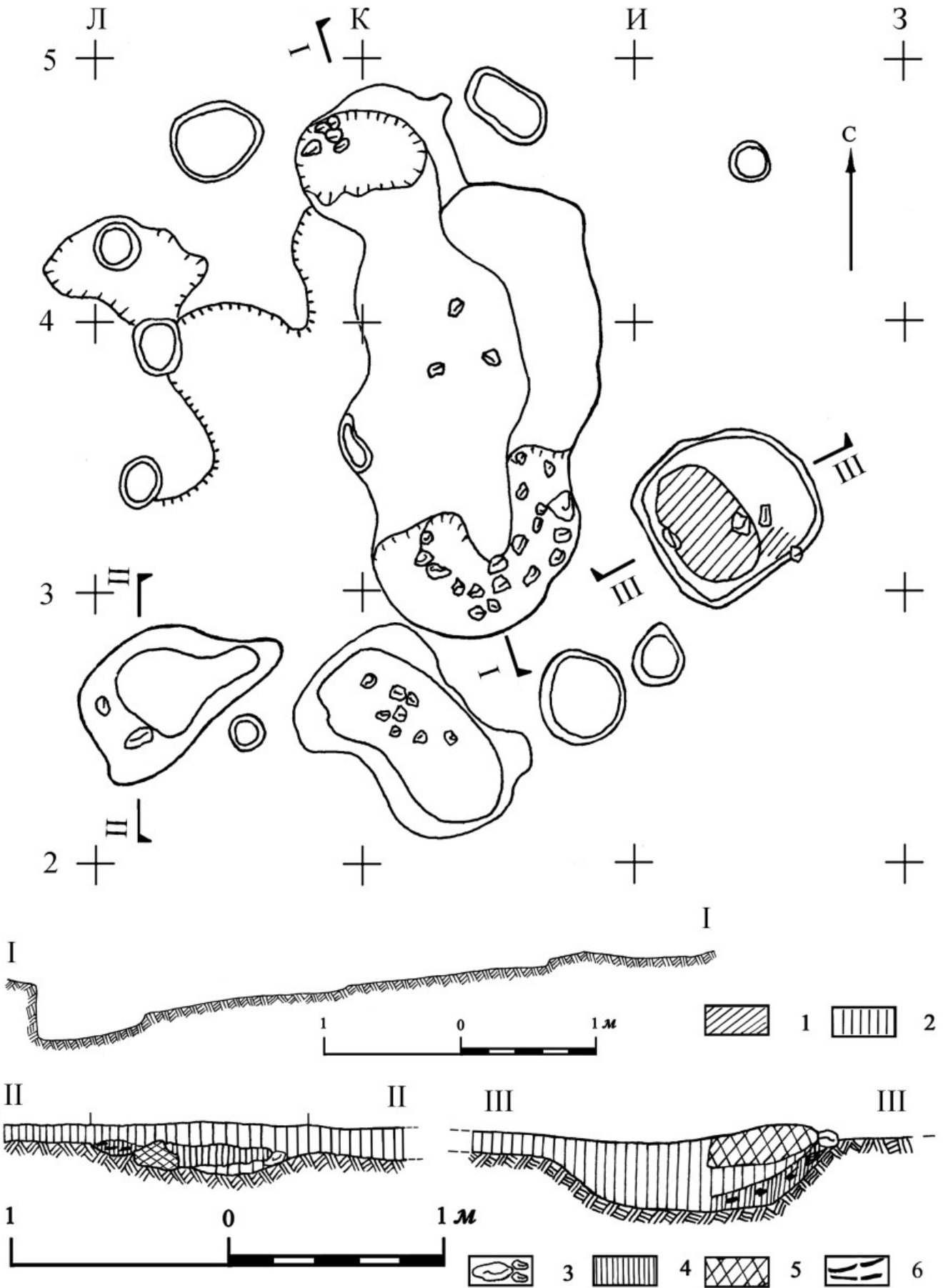

Рис. 185. Городище. Поздний период. Постройка 17. План профиль и разрезы: 1, 5 — красная глина; 2 — темно-серая гумусированная супесь; 3 — камни; 4 — черная гумусированная супесь; 6 — углистые прослойки

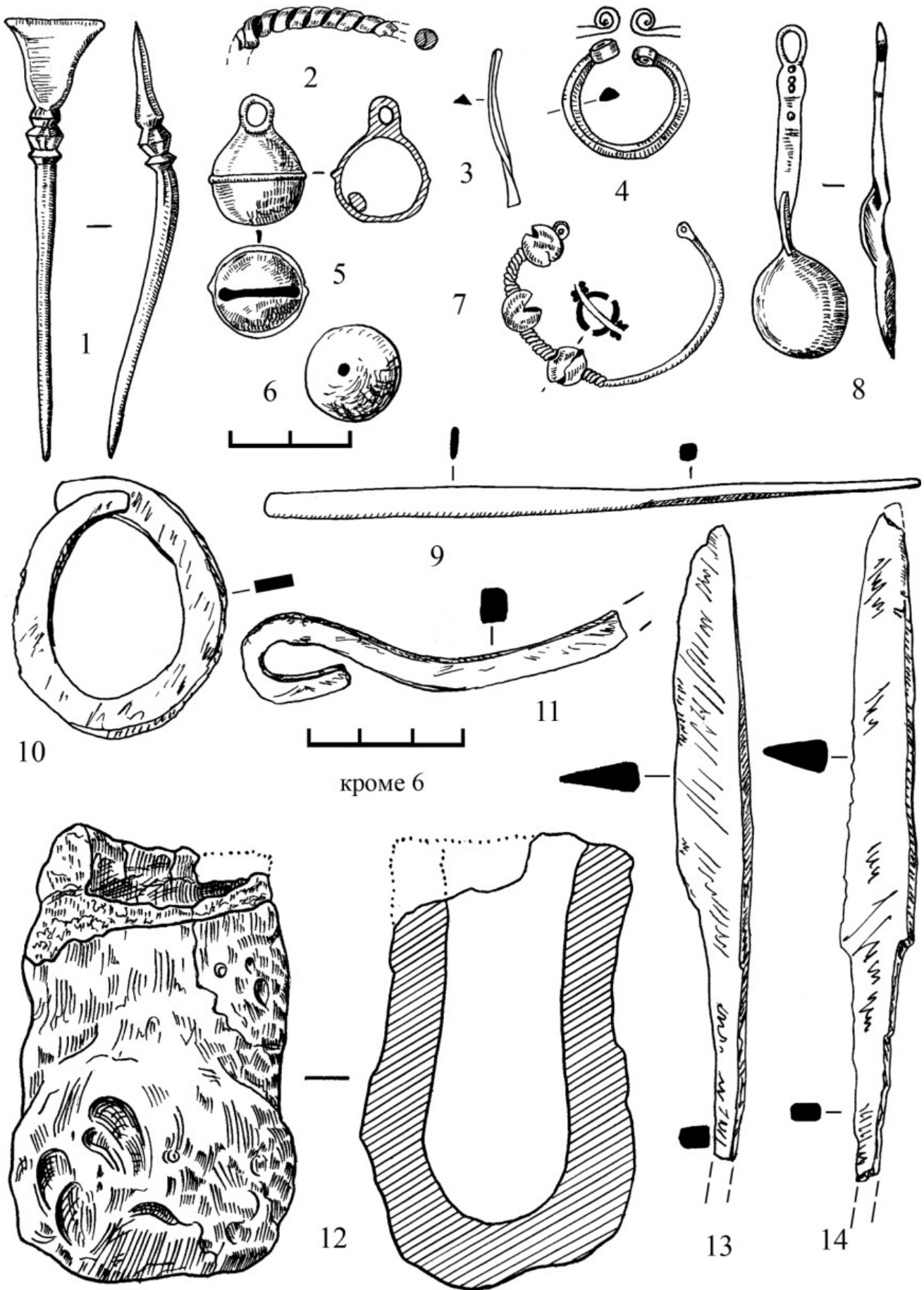

Рис. 186. Городище. Поздний период. Постройка 17. Находки: 1—5, 8 — бронза; 6 — хрусталь; 7 — бронза с позолотой; 9—11, 13, 14 — железо; 12 — ошлакованная глина

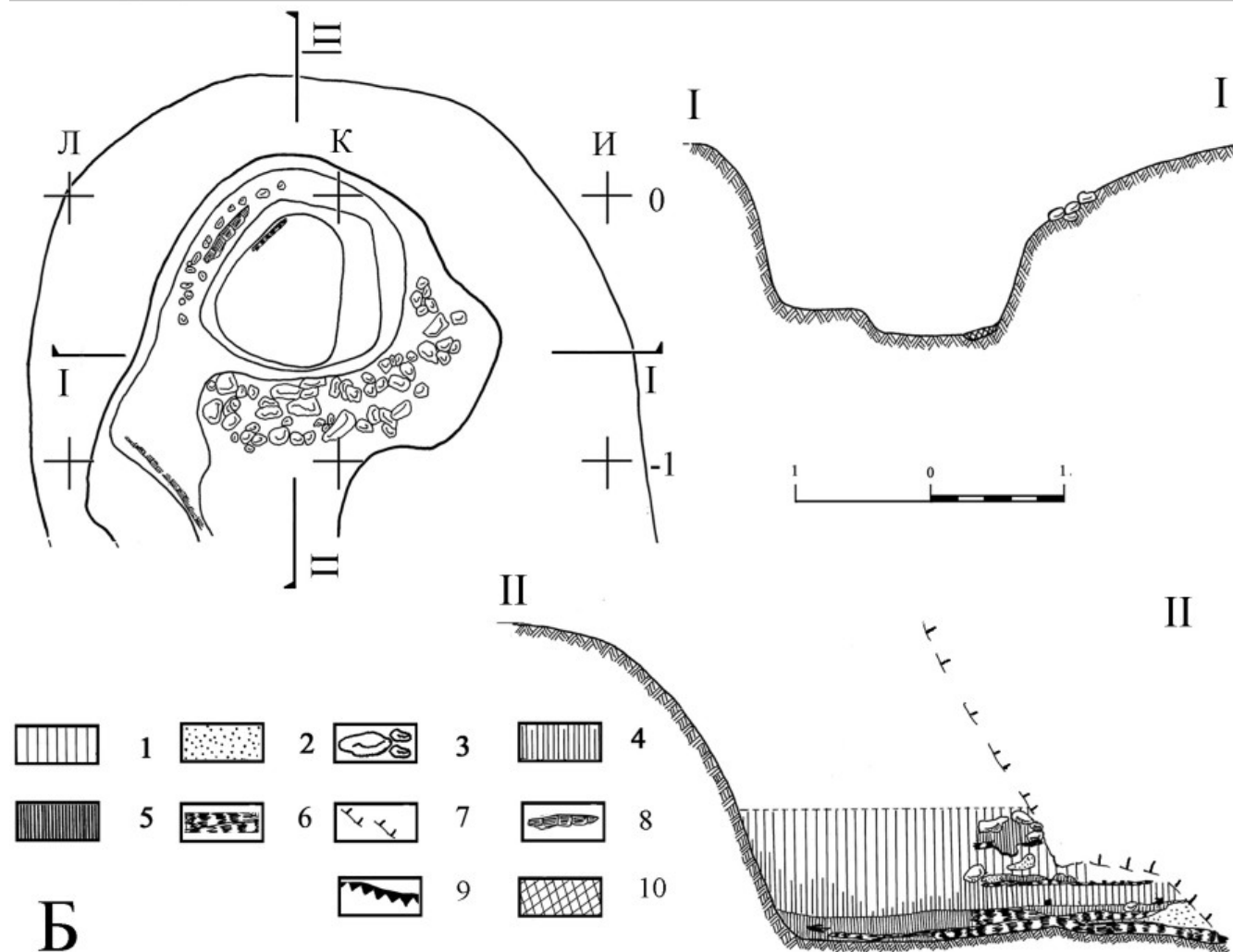
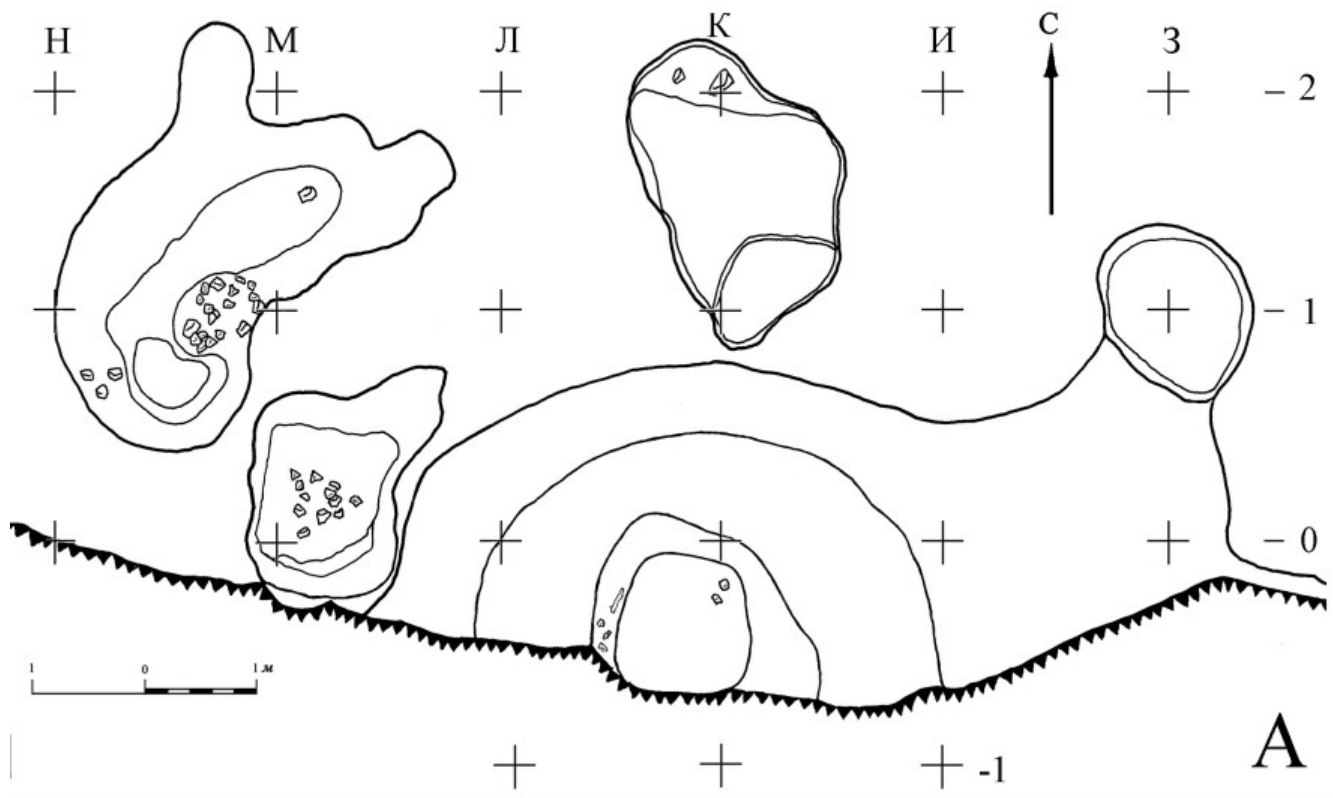

Рис. 187. Городище. Поздний период. Постройка 18. А — общий план; Б — план, профиль и разрез центральной ямы:
 1 — серая плотная гумусированная супесь с примесью мелких камней; 2 — материковая светлая супесь; 3 — камни;
 4 — черная гумусированная супесь; 5 — угольно-сажистая прослойка; 6 — линзы с кусками угля;
 7, 9 — обрыв берега р. Ловать; 8 — горелое дерево; 10 — красная глина

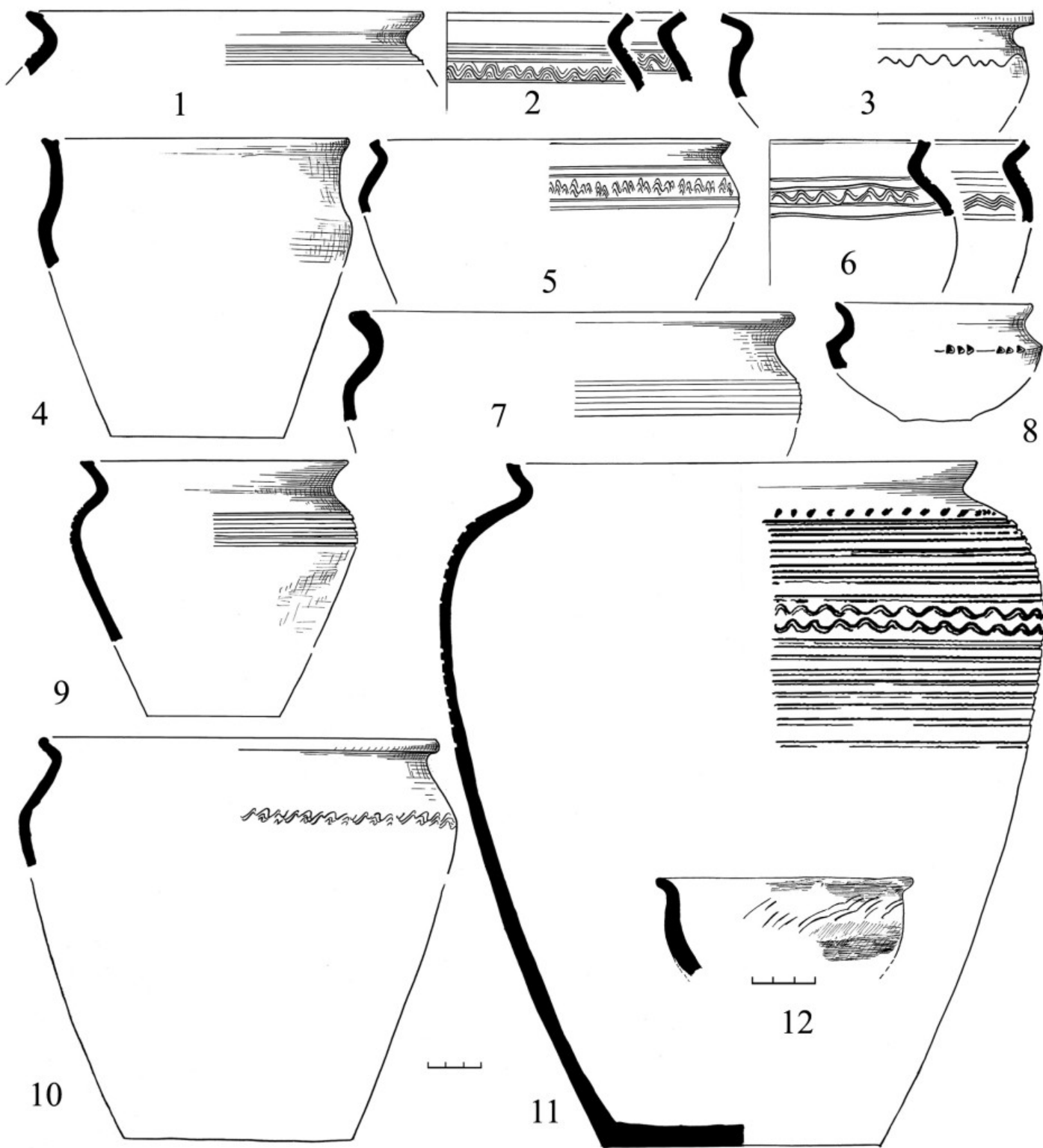

Рис. 188. Городище. Поздний период. Постройка 18. Позднеегончарная керамика

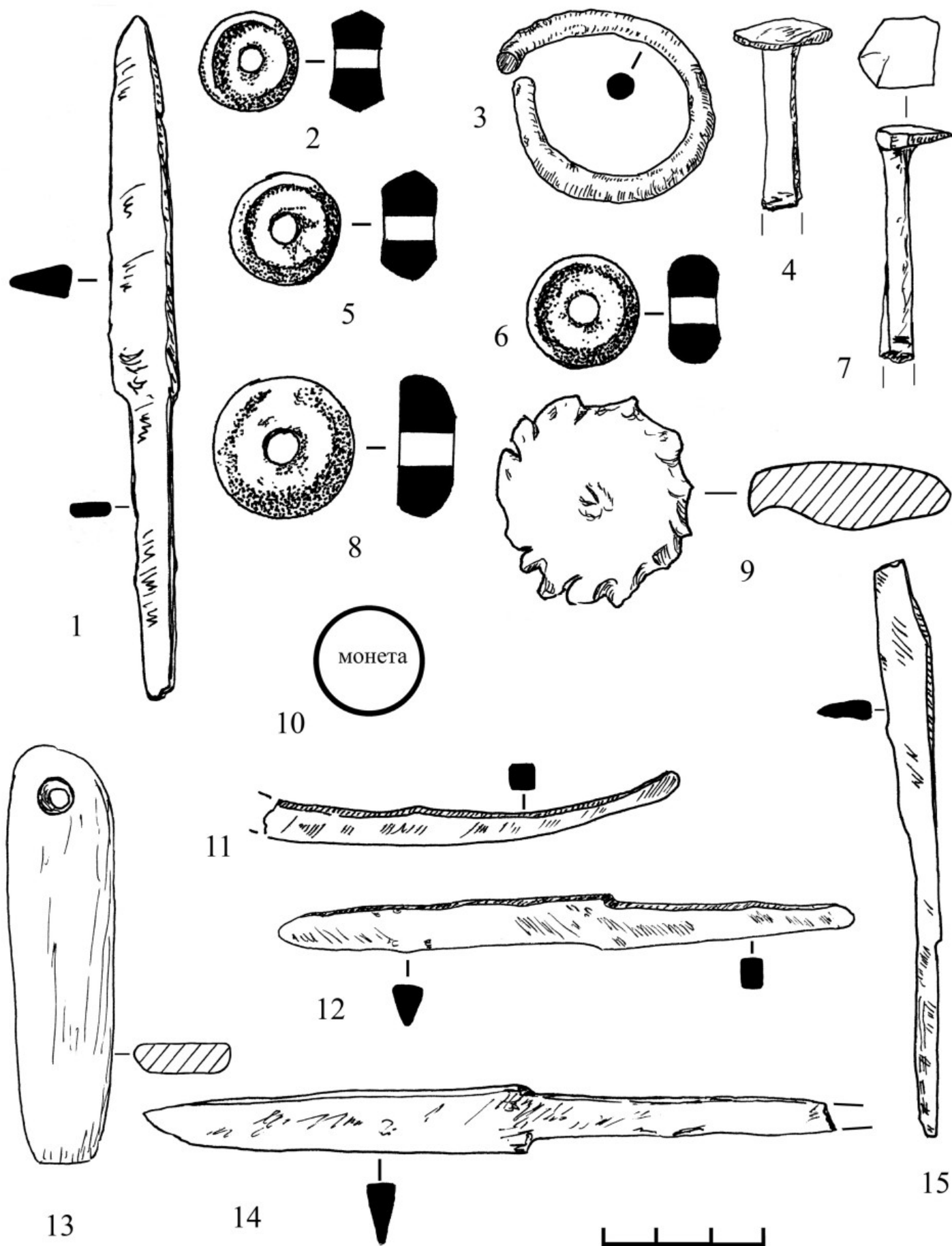

Рис. 189. Городище. Поздний период. Постройка 18. Находки: 1, 3, 4, 7, 11, 12, 14, 15 — железо; 2, 5, 6, 8 — шифер; 9 — глина; 10 — дирхем, Ахмад ибн Исмаил, Аш-Шаш, 910 г.; 13 — сланец

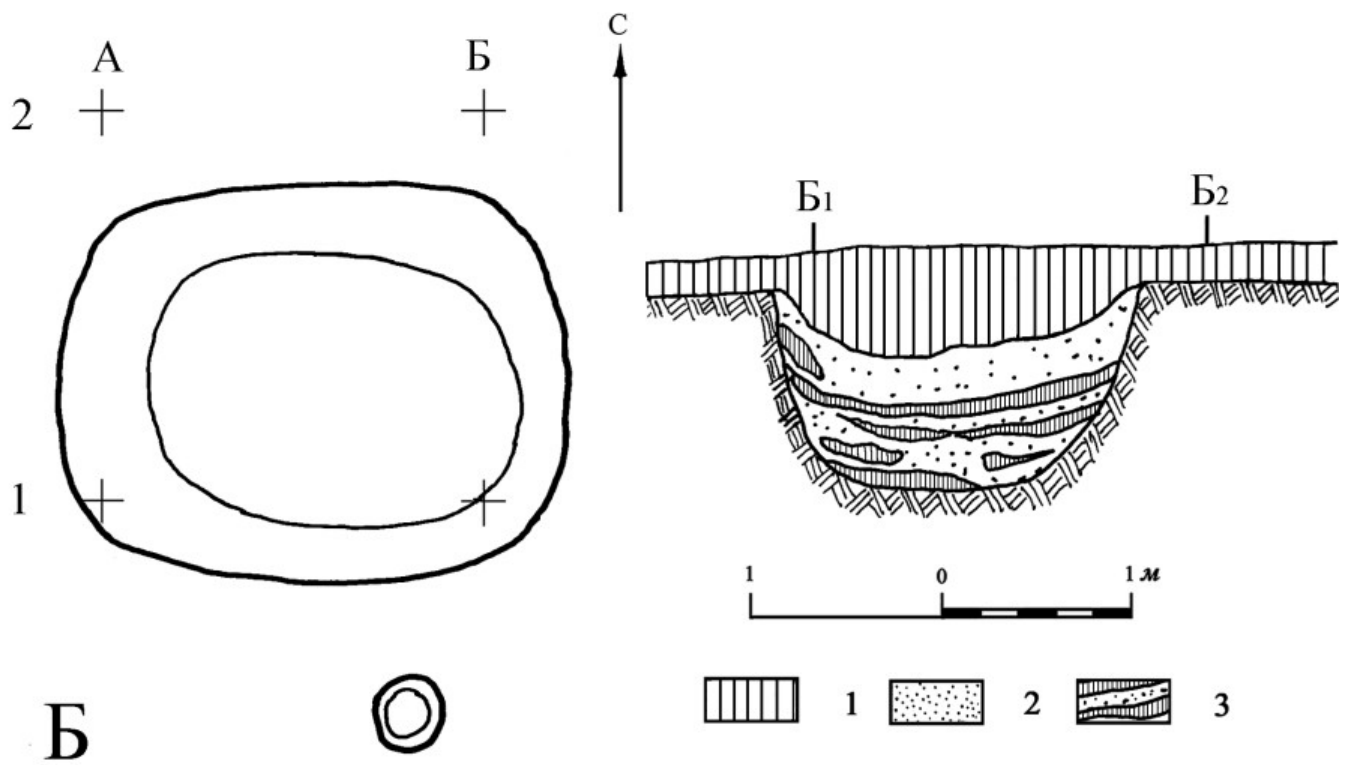
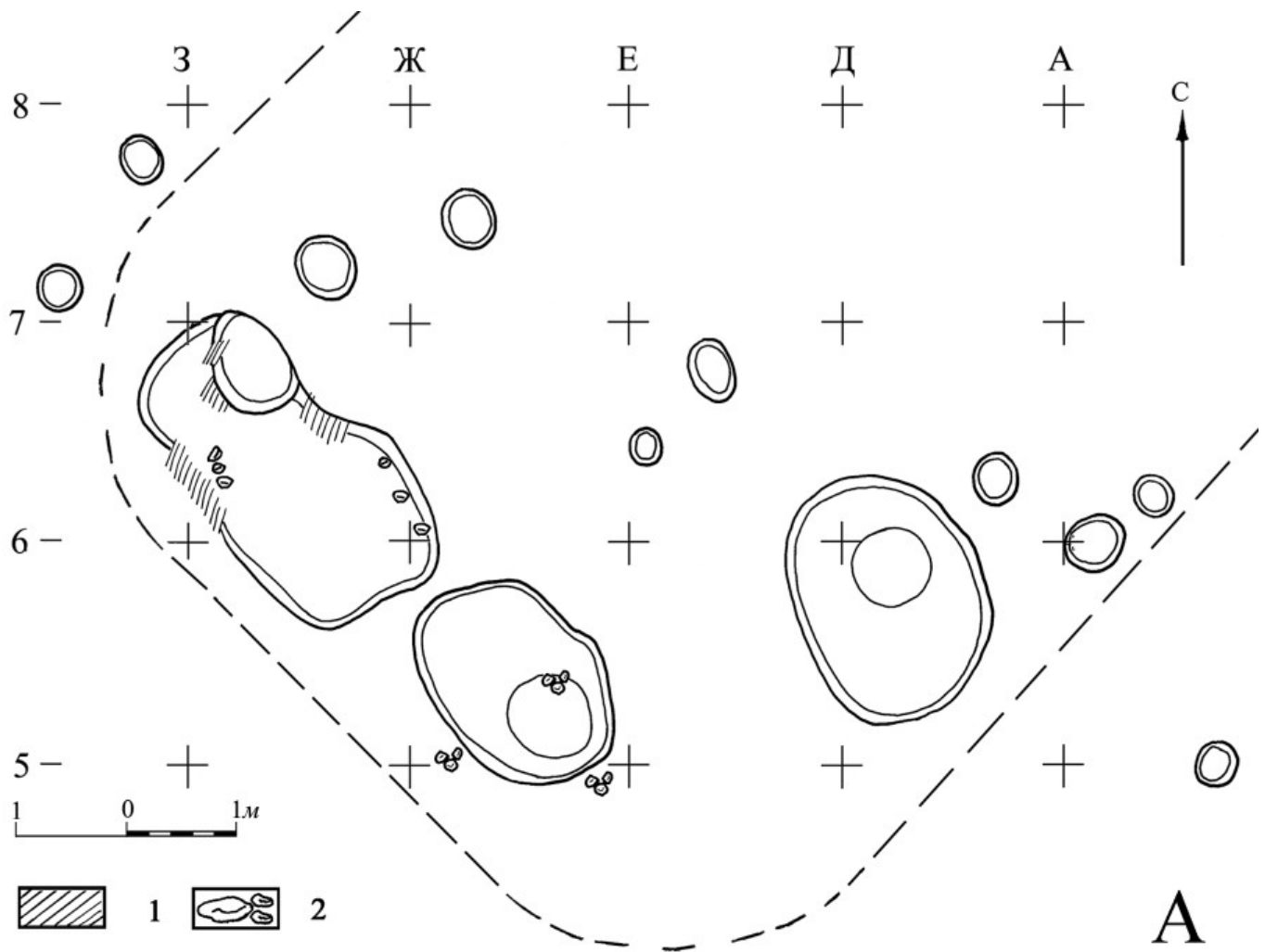

Рис. 190. Городище. Поздний период. А — постройка 19, план (1 — красная глина; 2 — камни); Б — постройка 20, план и разрез (1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — материковая светлая супесь; 3 — прослойки черной гумусированной супеси)

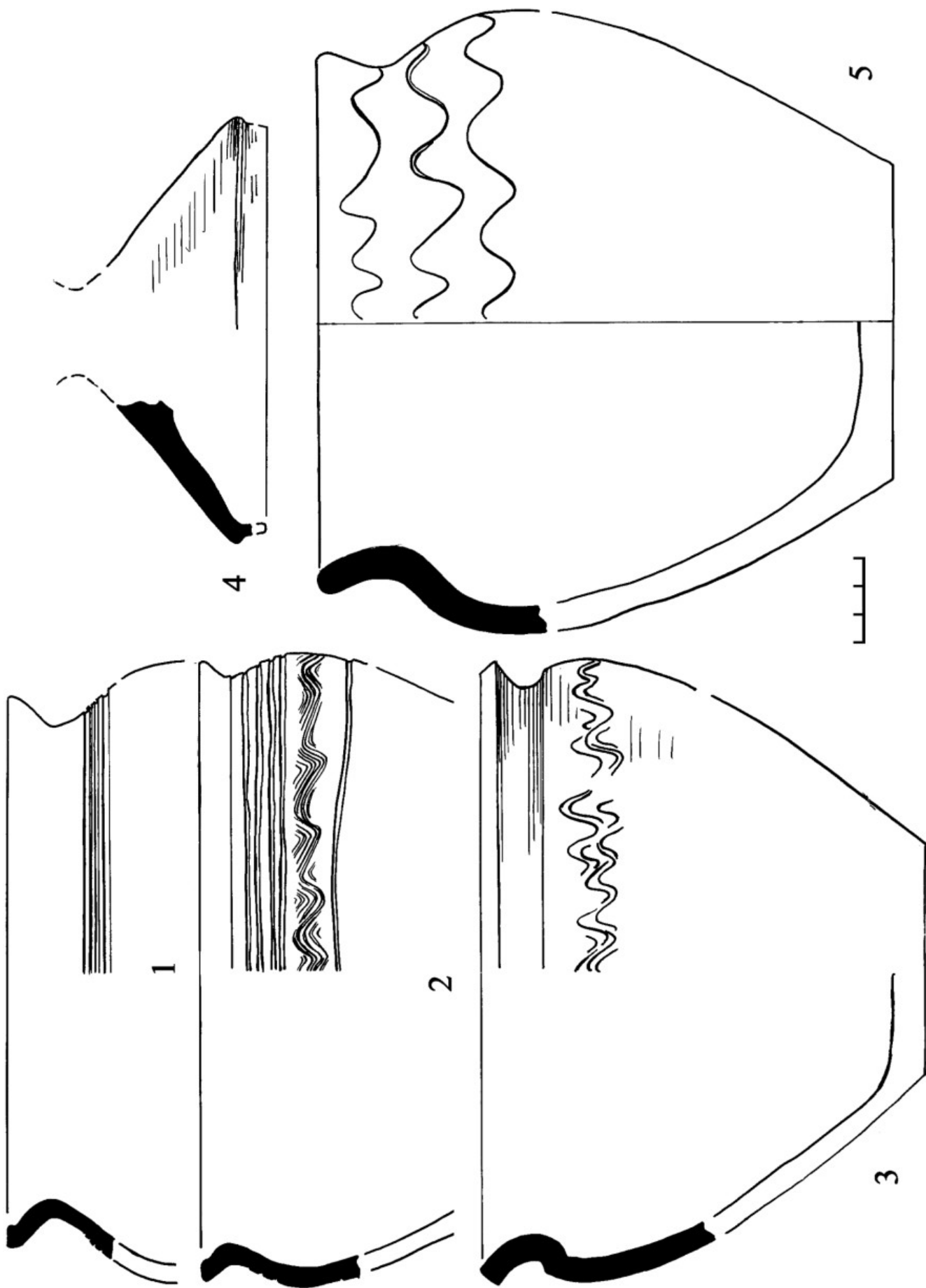

Рис. 191. Городище. Поздний период. Постройка 19. Позднегончарная керамика

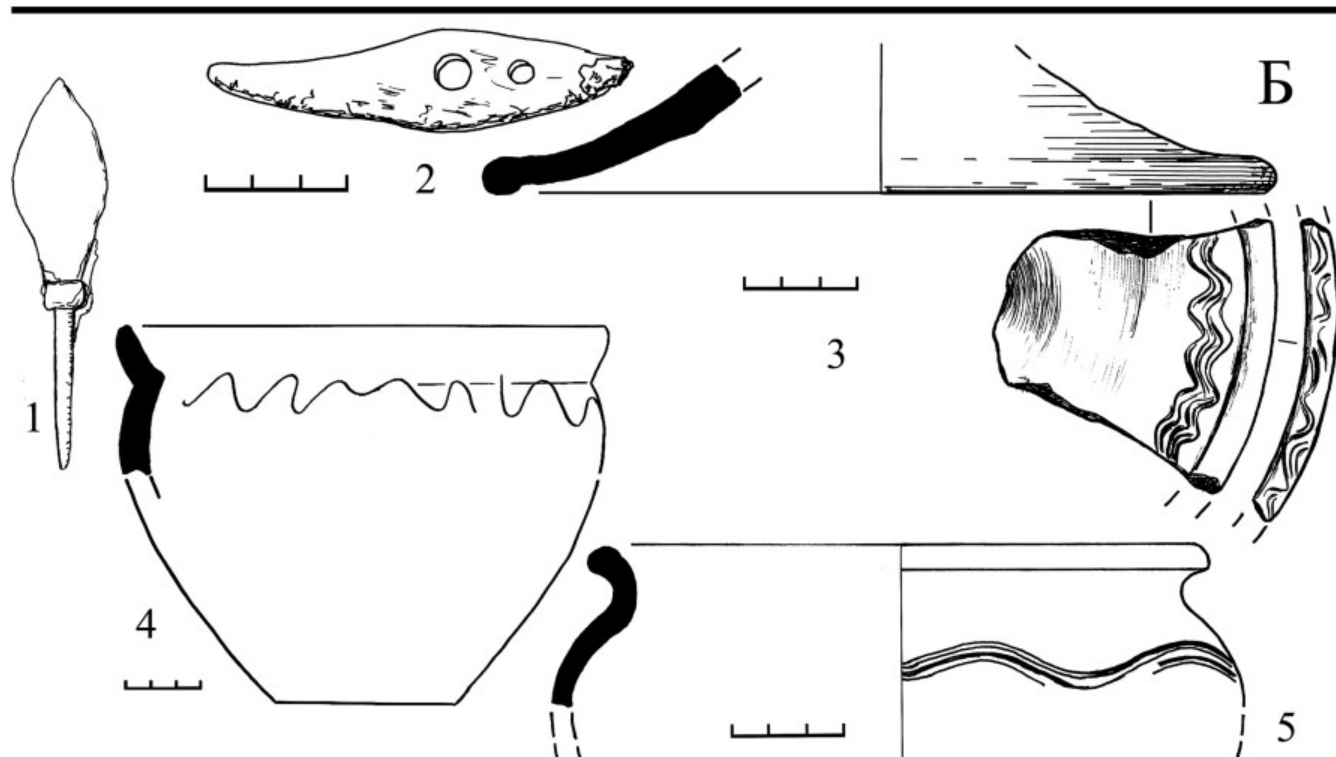
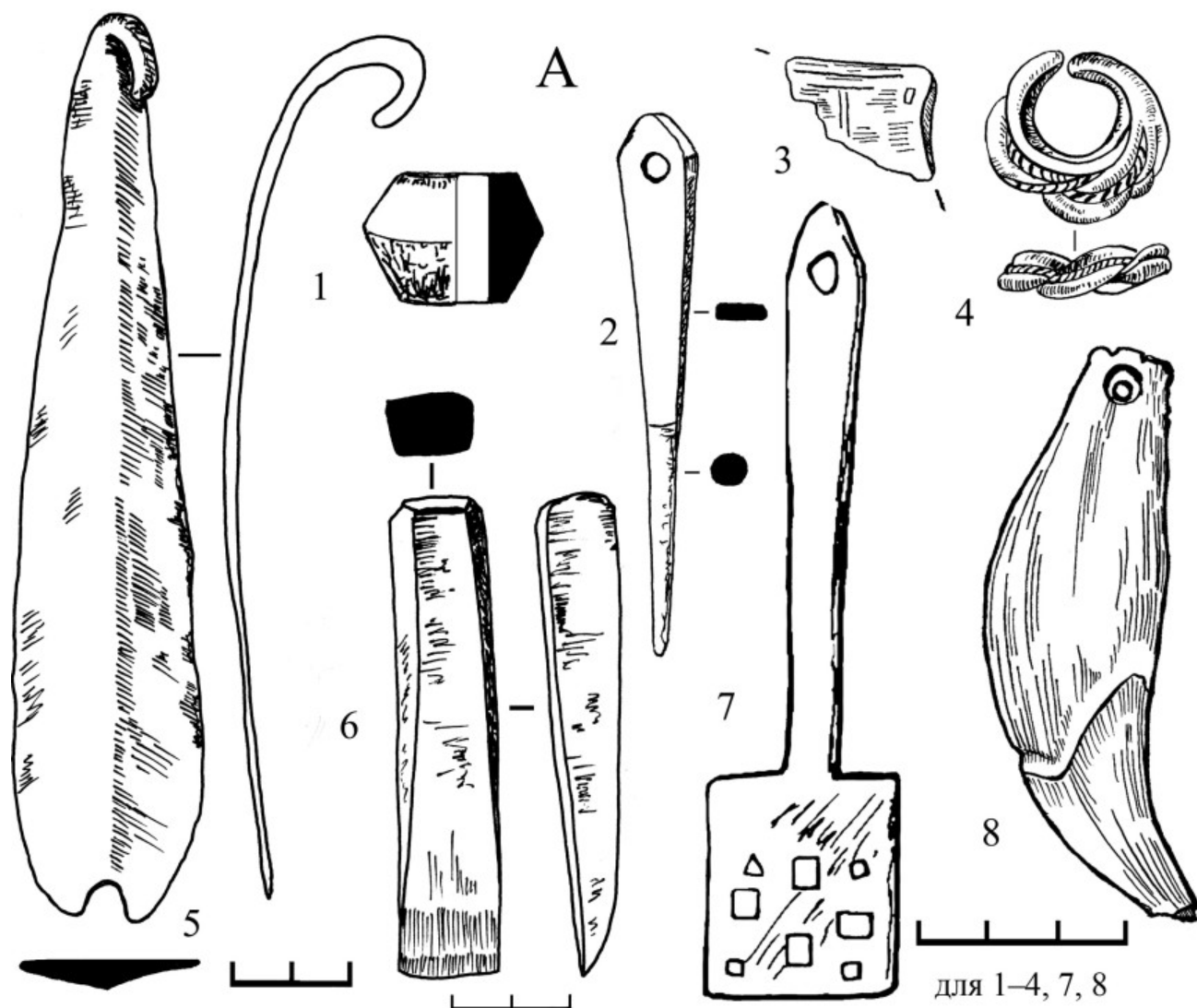

Рис. 192. Городище. Поздний период. А — постройка 19, находки (1 — глина; 2, 5—7 — железо; 3, 8 — кость; 4 — бронза); Б — «очаг» в кв. Б₁₀ (1, 2 — железо; 3—5 — позднегончарная керамика)

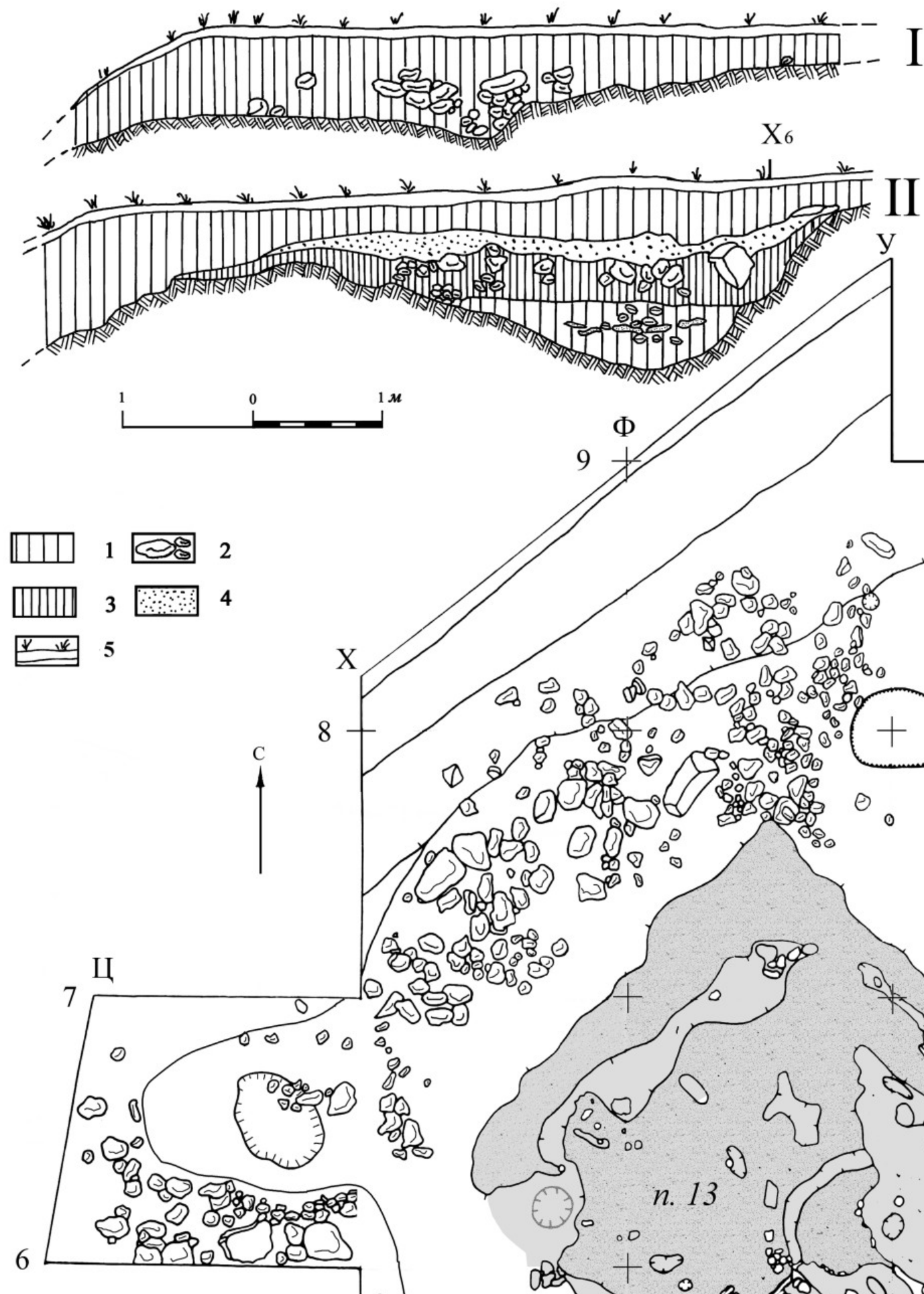

Рис. 193. Городище. Поздний период. Каменная вымостка по северо-западному краю городища из раскопа III 1956 г.
 План и разрезы (I — по линии 6; II — по линии X): 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — камни;
 3 — черная гумусированная супесь; 4 — желтая супесь; 5 — дерновый слой

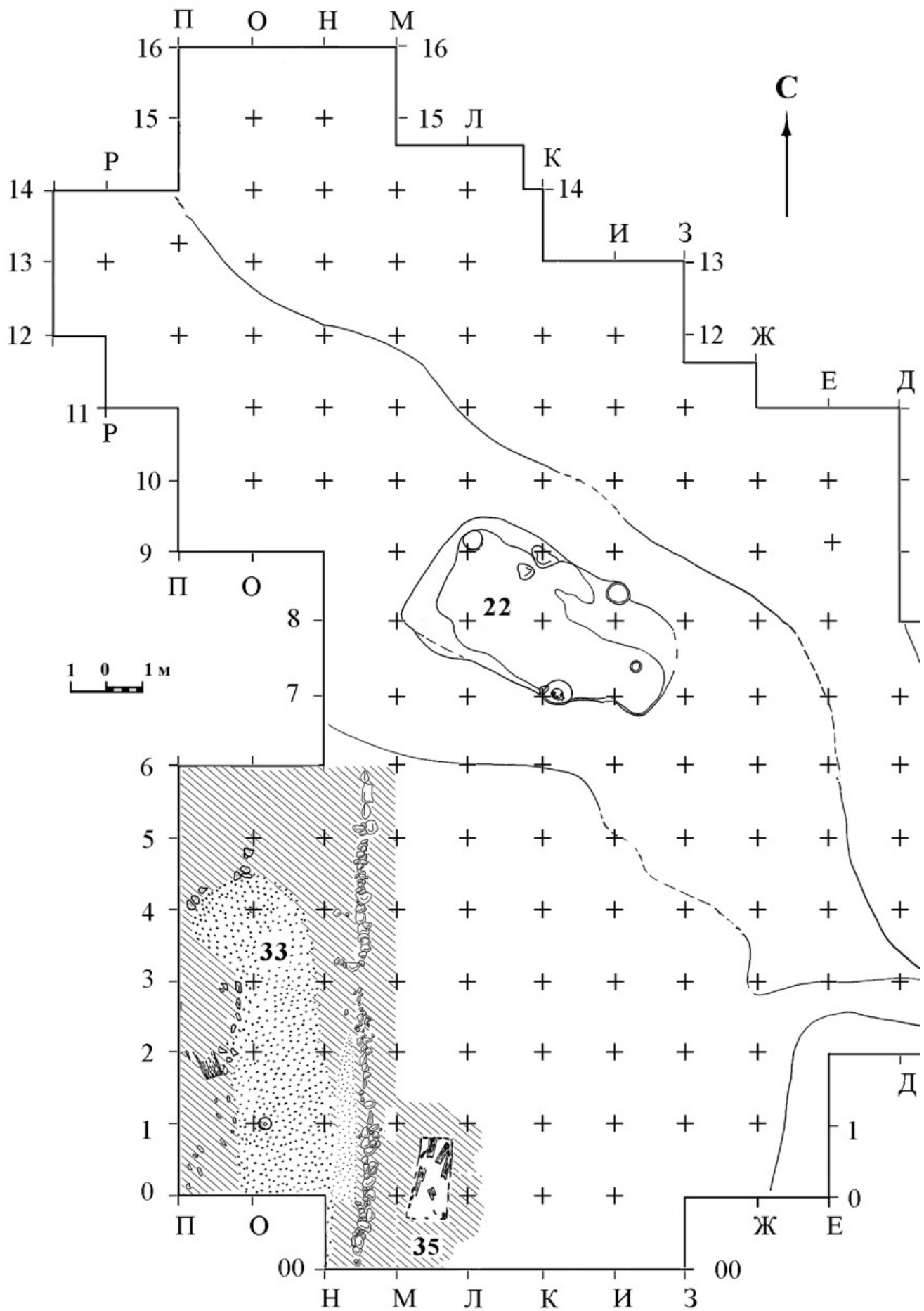

Рис. 194. Селище. Общий план поздних сооружений: сооружение 22 — на уровне материка; сооружение 33 — на уровне шт. 3—5; сооружение 35 — на уровне шт. 2

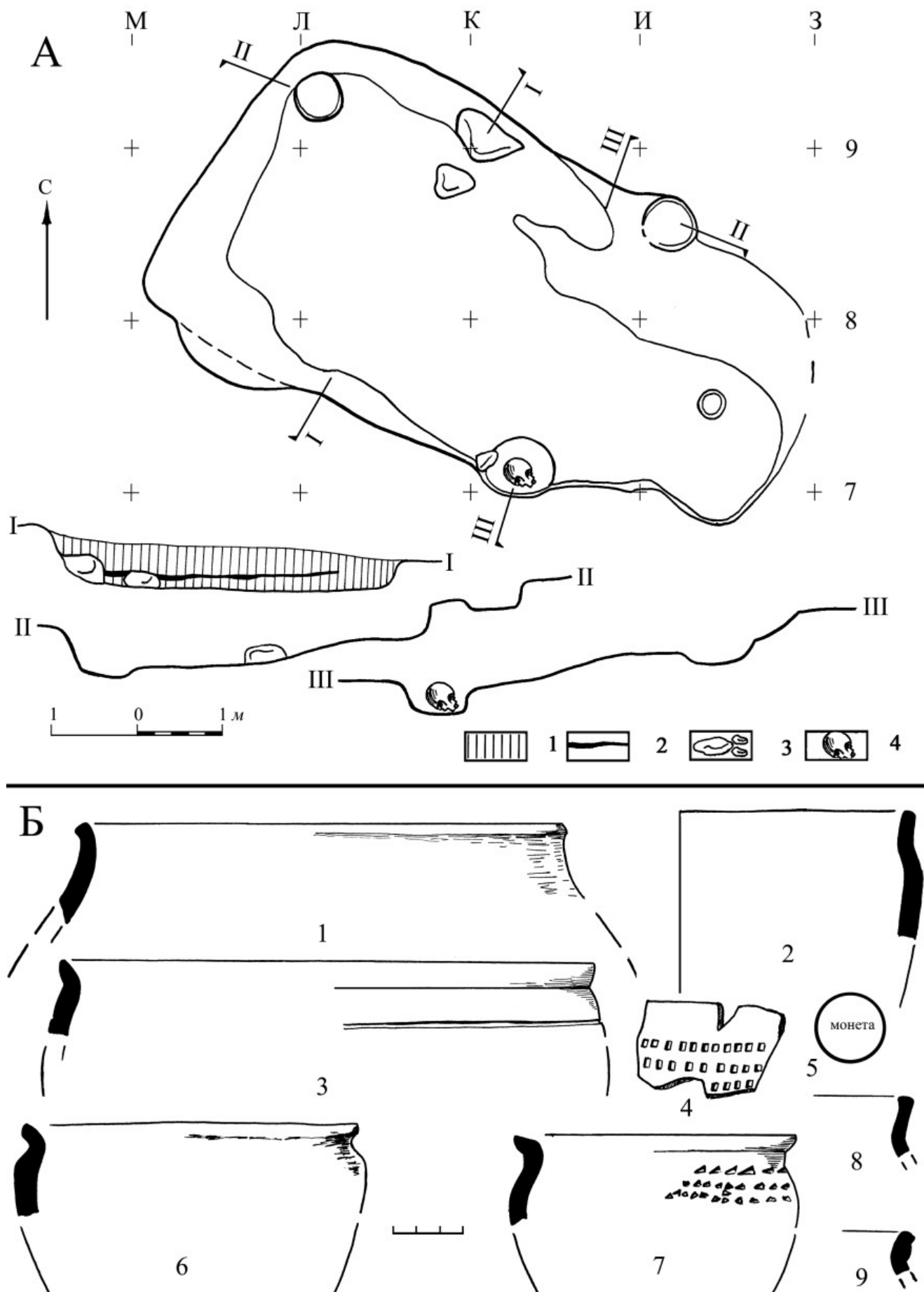

Рис. 195. Селище. Поздний период. Сооружение 22: А — план, разрез и профили (1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — углистая прослойка; 3 — камни; 4 — череп собаки); Б — находки (1, 3, 4, 6—9 — позднегончарная керамика; 2 — лепная керамика; 5 — дирхем, Исмил ибн Ахмад, Самарканд, 894—902 гг.)

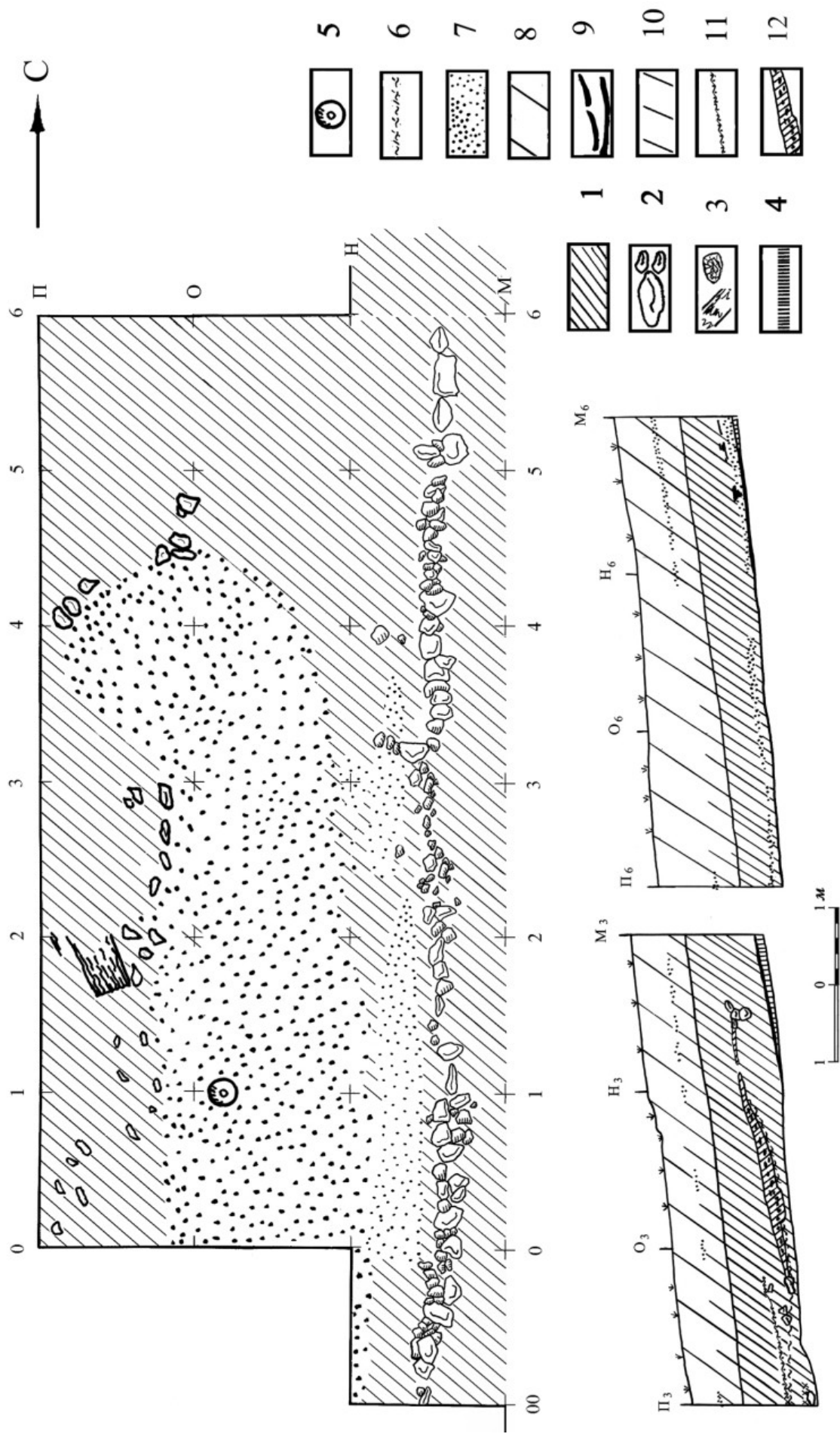

Рис. 196. Селище. Поздний период. Сооружение 33. План на уровне шт. 3—5. Разрезы стенки и бровки: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — камни; 3 — горелое дерево; 4 — слегка гумусированный глинистый слой; 5 — жернов; 6 — прослойка древесного тлена; 7, 12 — линза ярко-желтой супеси с обмазкой; 8 — пахотный и переотложенный слой; 9 — угольные прослойки; 10 — серая гумусированная супесь; 11 — прослойка железистого слабогумусированного песка

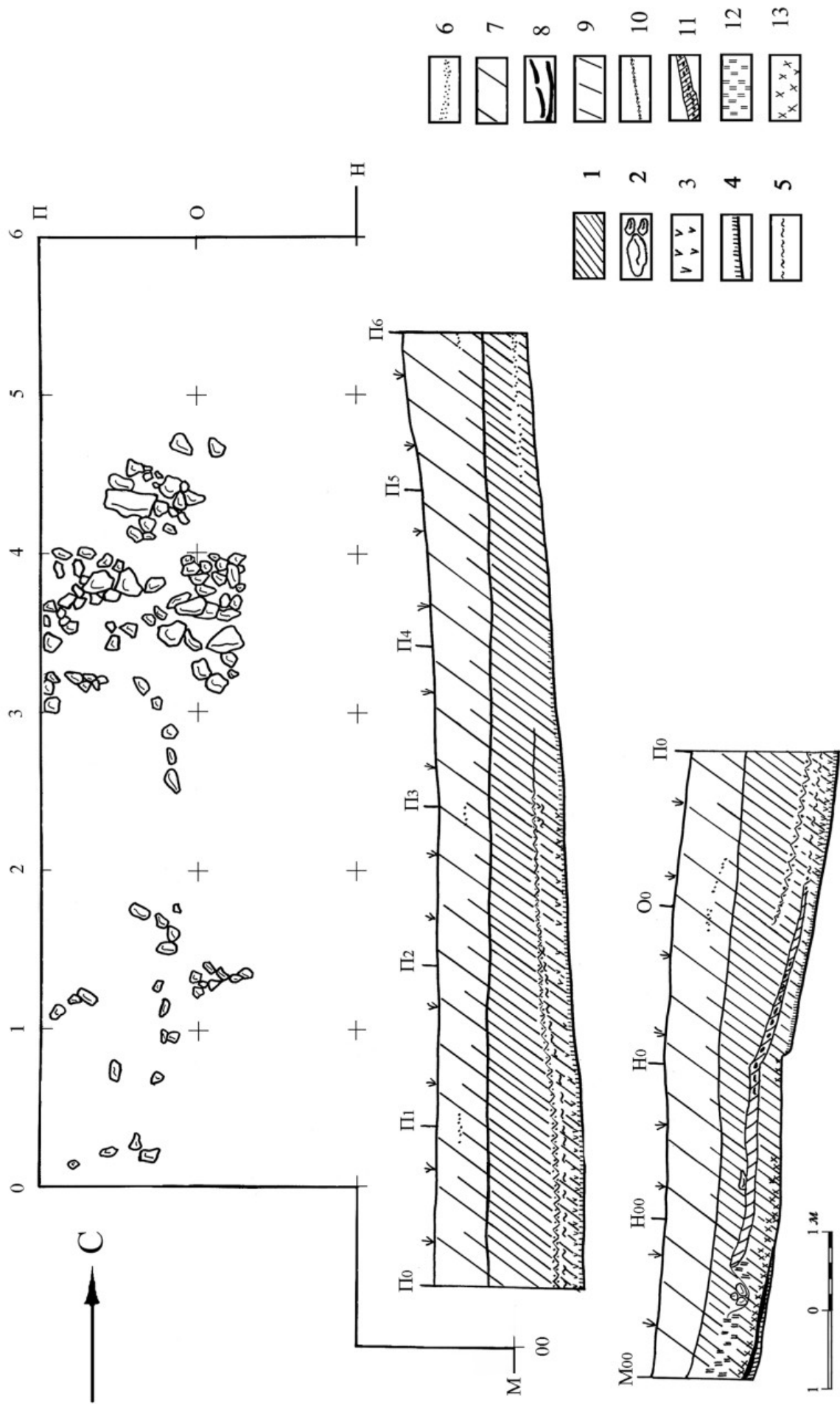

Рис. 197. Селище. Поздний период. Сооружение 33. План на уровне шт. 5. Разрезы стенок раскопа: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — камни; 3 — уголь; 4 — слегка гумусированный глинистый слой; 5 — прослойка древесной глина; 6 — прослойка светлого песка; 7 — пахотный и переложженный слой; 8 — угольные прослойки; 9 — серая гумусированная супесь; 10 — прослойка желтого слабогумусированного песка; 11 — линза ярко-желтой супеси с обмазкой; 12 — белая глина; 13 — красная глина

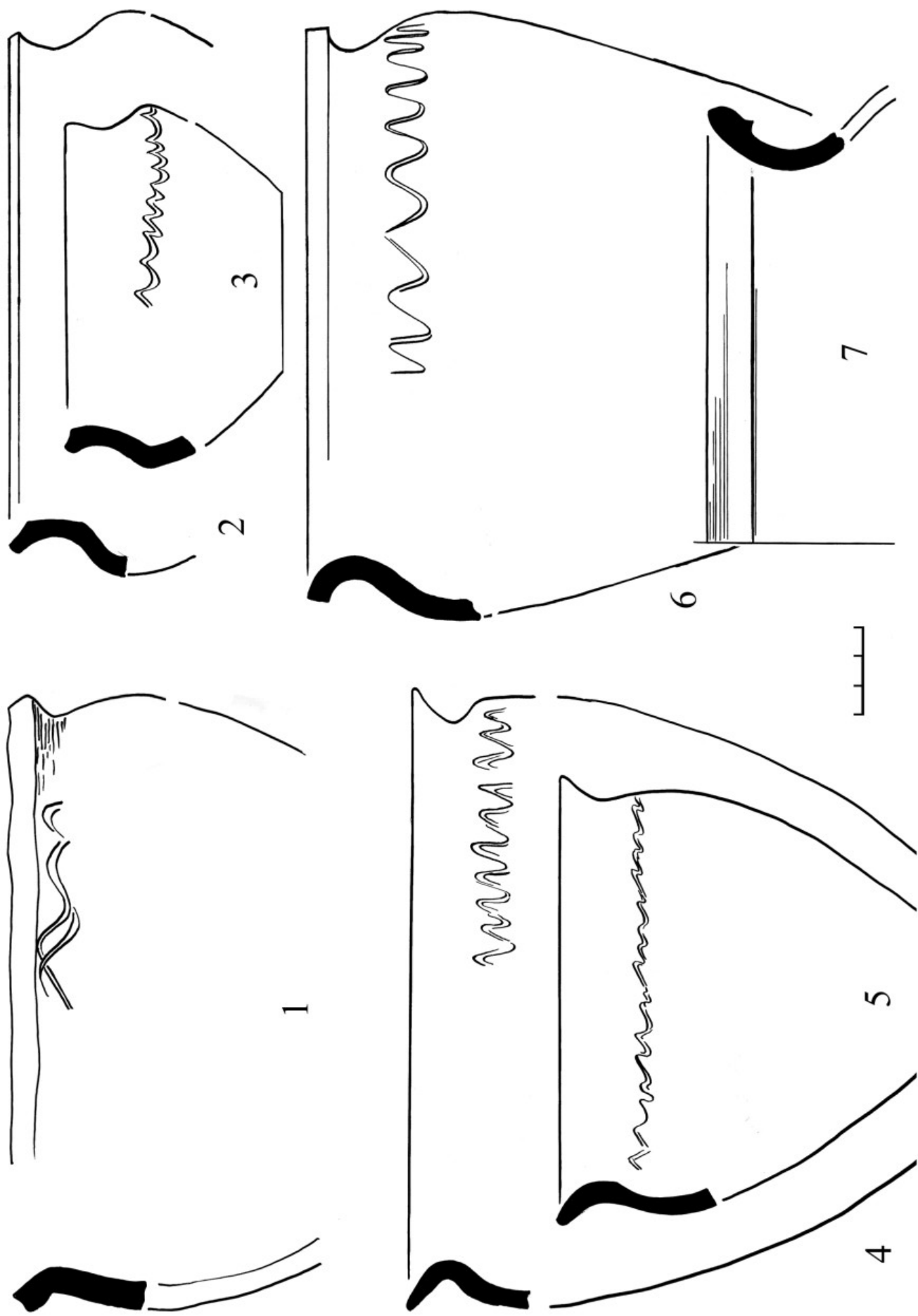

Рис. 198. Селище. Поздний период. Сооружение 33. Позднегончарная керамика

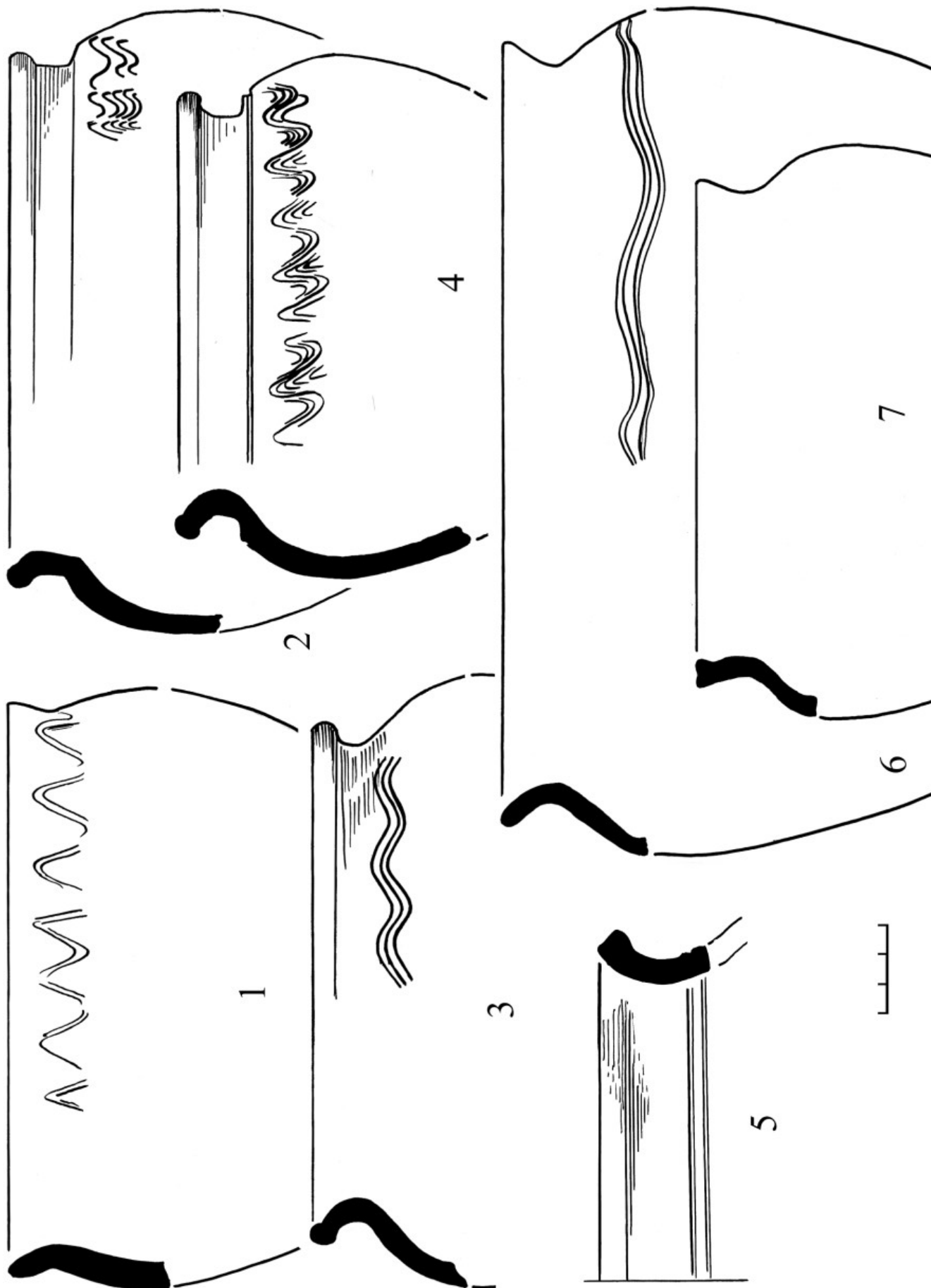

Рис. 199. Селище. Поздний период. Сооружение 33. Позднегончарная керамика

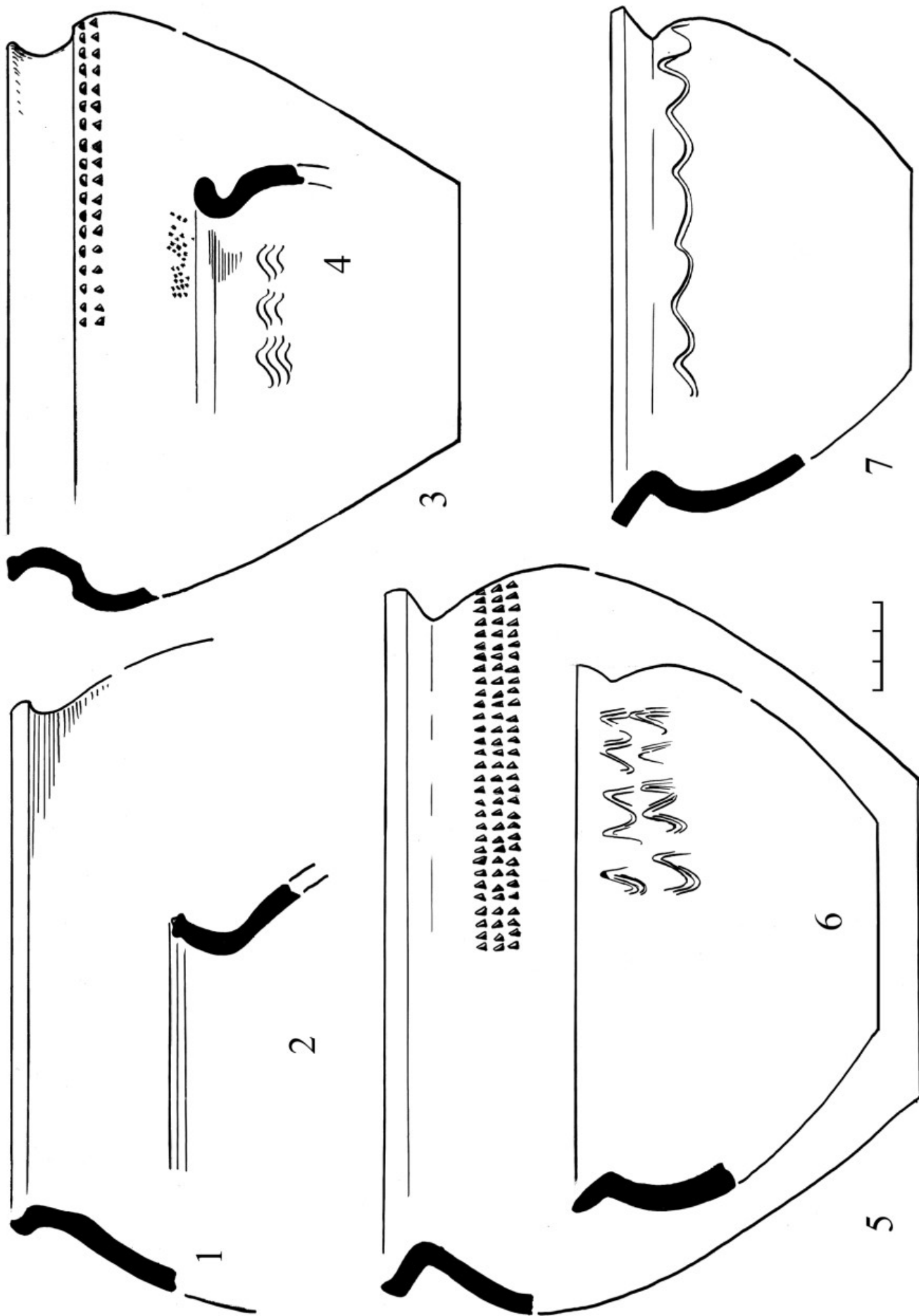

Рис. 200. Селище. Поздний период. Сооружение 33. Позднегончарная керамика

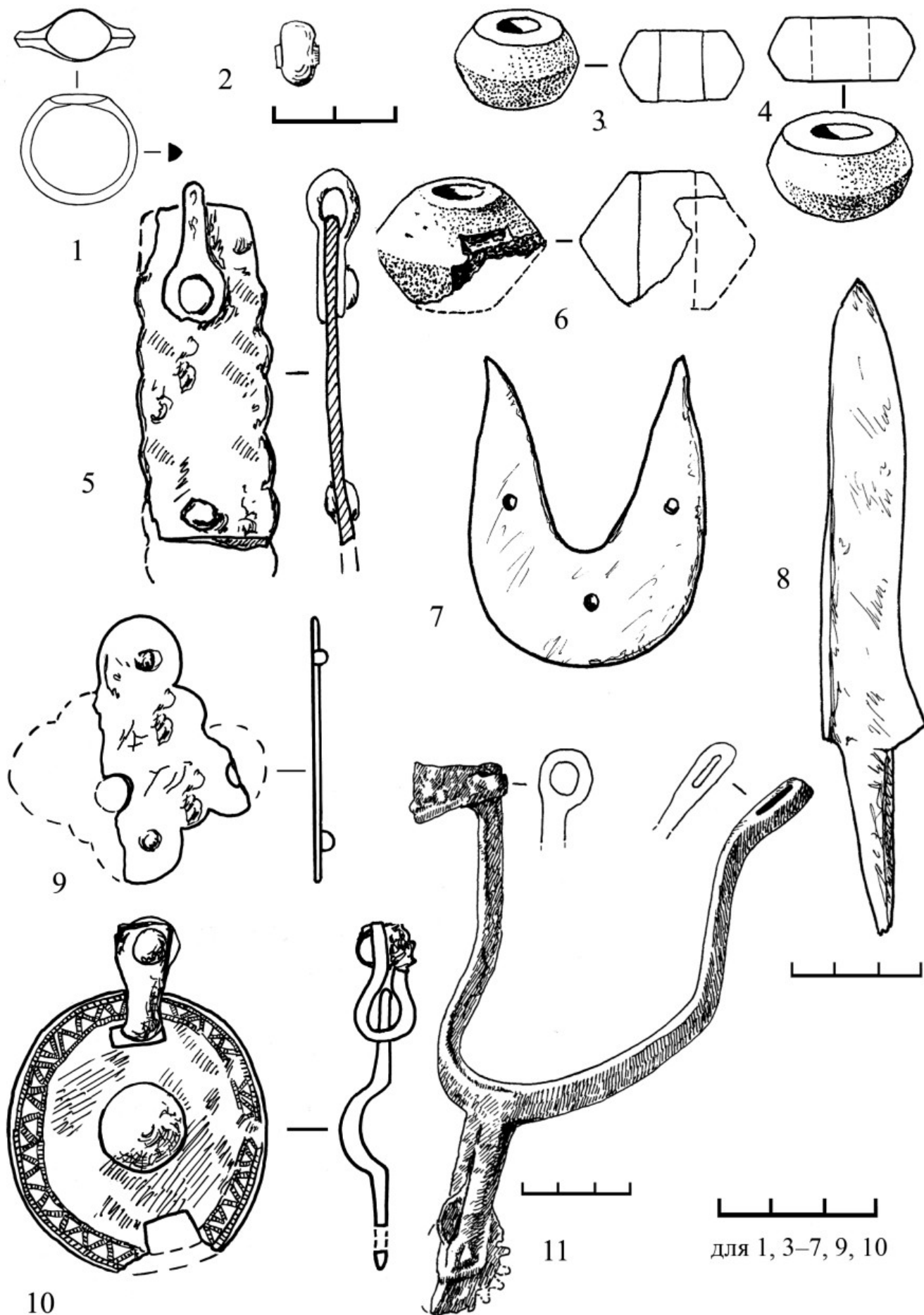

Рис. 201. Селище. Поздний период. Сооружение 33. Находки: 1 — оловянисто-свинцовый сплав; 2 — стекло с серебряной прокладкой; 3, 4 — шифер; 5, 9, 10 — посеребренное (полуда?) железо с серебряной (оловянной?) инкрустацией; 6 — глина; 7, 8, 11 — железо

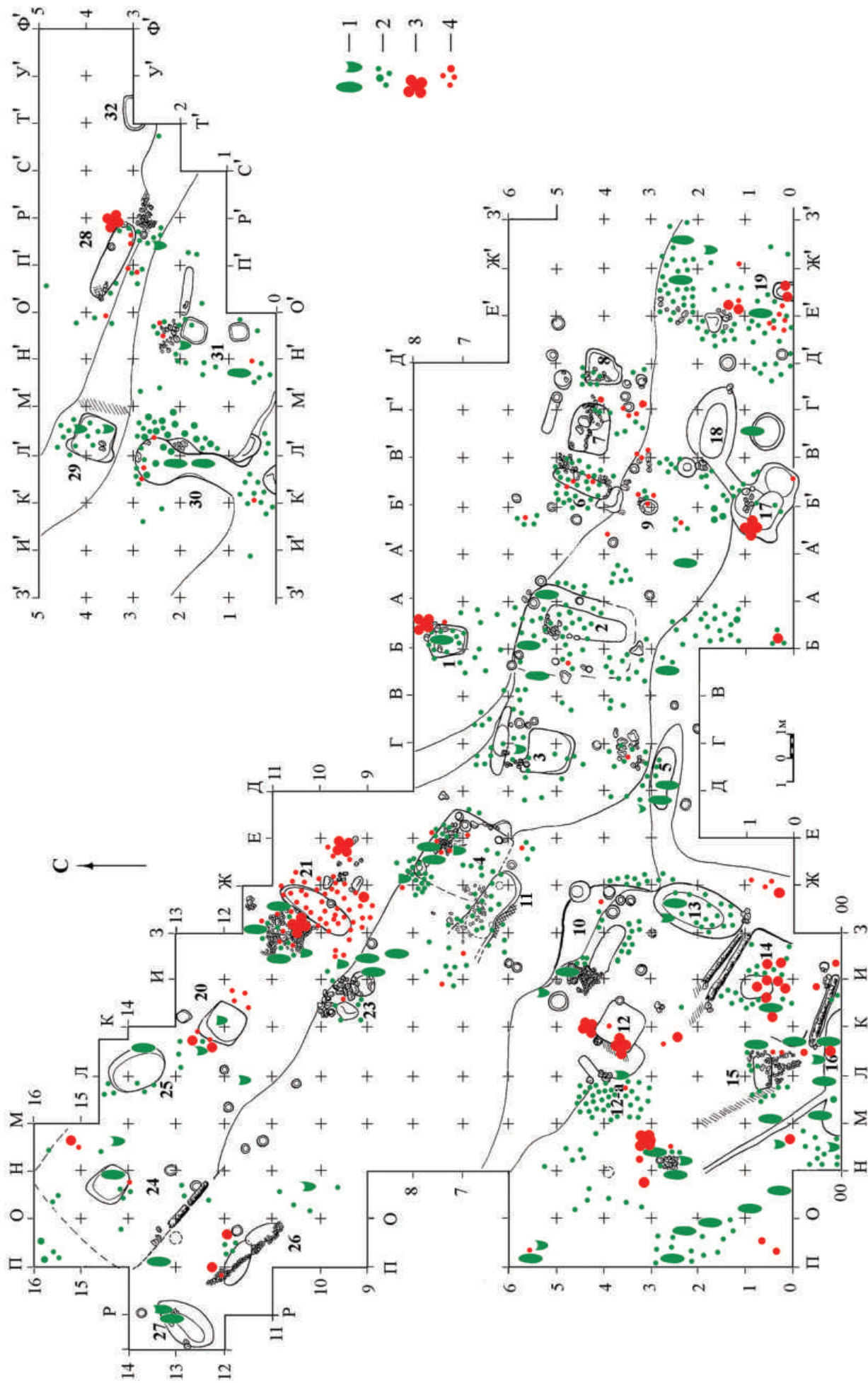

Рис. 1. Селище. Распространение тиглей и железистых шлаков: 1 — целые и крупные части тиглей; 2 — фрагменты тиглей; 3 — металлургические конгломераты; 4 — железистые шлаки

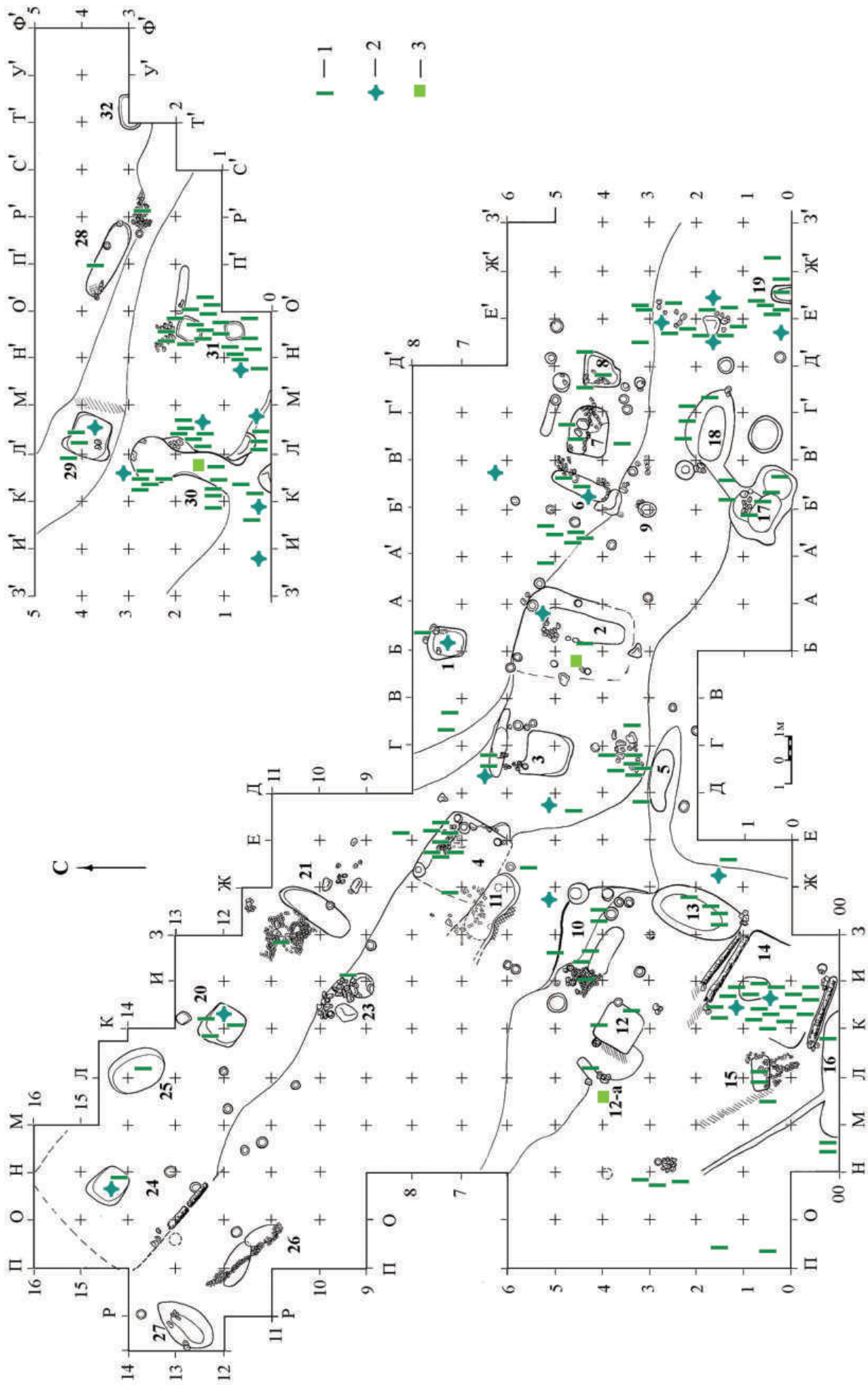

Рис. II. Селище. Распространение формочек, заготовок и отходов ювелирного производства: 1 — обрезки пластин, проволока, отходы литья и заготовки; 2 — слитки и крупные поковки; 3 — формочки

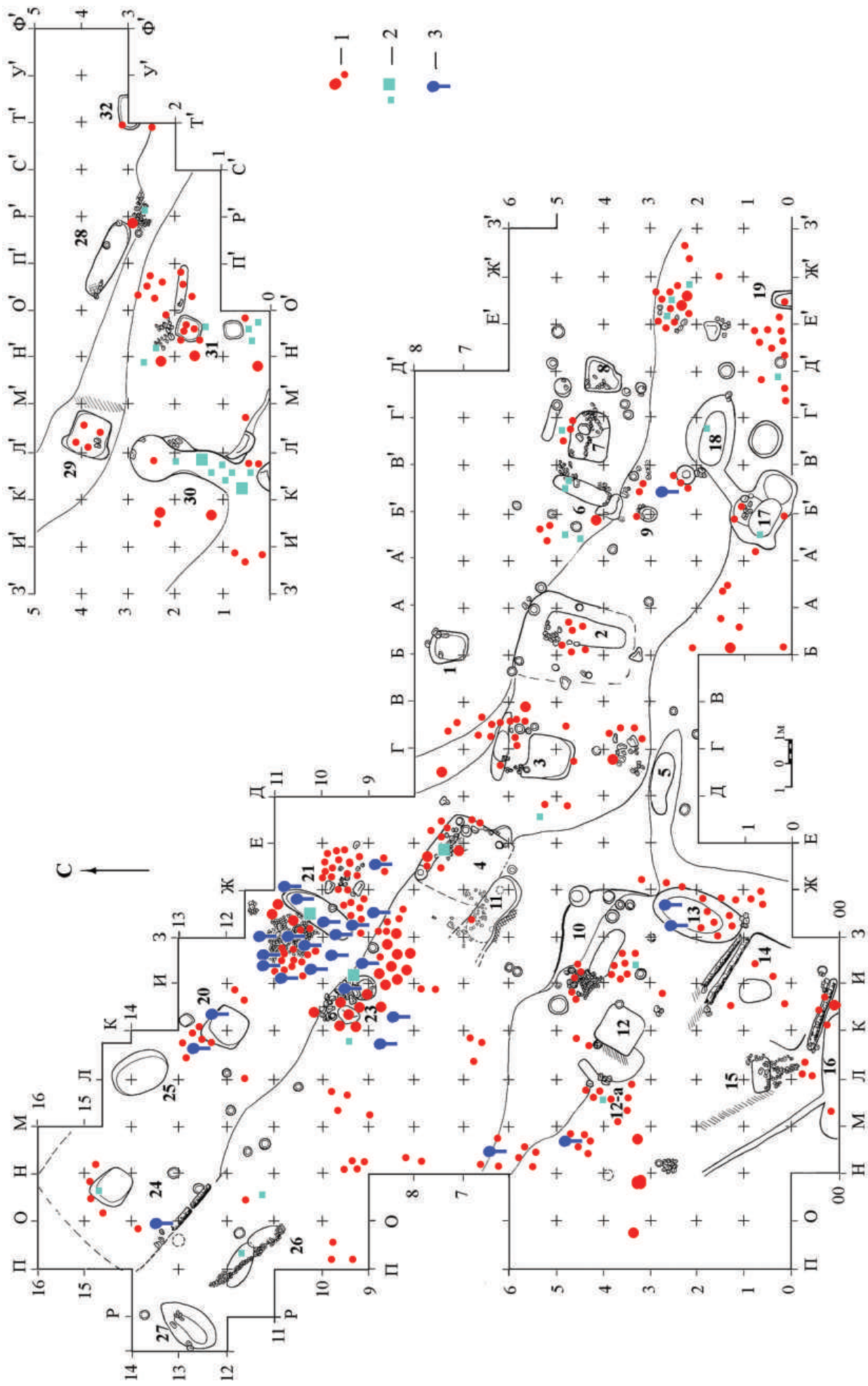

Рис. III. Селище. Распространение конструктивных деталей горнов: 1 — ошлакованная глиняная обмазка, фрагменты стенок и дна горнов; 2 — фрагментированные и целые так называемые «кирпичи»; 3 — грибовидные детали (так называемые «заглушки»)

Фото 1. Городок на Ловати. Вид с запада на городище и селище

Фото 2. Городок на Ловати. Вид с востока, с напольной стороны, на городище

Фото 3. Селище. Предметы убора культуры смоленских длинных курганов. Бронза: 1, 7 — материк, кв. Ж'₄; 2, 8 — кв. Г₆, шт. 1; 3 — кв. Н₁₂, шт. 1; 4 — кв. Е'₁, шт. 1; 5 — Н'₂, шт. 1; 6 — сооружение 12-а; 9 — сооружение 14; 10 — материк, кв. Ж'₃; 11 — сооружение 16; 12 — кв. С'₁, шт. 2; 13 — сооружение 31; 14 — кв. О'₁, шт. 2; 15 — сооружение 8; 16 — постройка 5; 17 — материк, кв. П'₄

Фото 4. Селище. Предметы убора культуры смоленских длинных курганов. Бронза: 1—3 — сооружение 20; 4 — сооружение 12-а; 5, 6 — кв. Г₆, шт. 1; 7 — материк, кв. Ж'₄; 8 — материк, кв. Ж'₃; 9 — сооружение 8; 10 — сооружение 17; 11 — материк, кв. Н'₁; 12 — кв. Ж'₂, шт. 2, скопление камней; 13 — сооружение 18; 14 — сооружение 13; 15 — сооружение 6; 16 — материк, кв. С'₃; 17 — материк, кв. Е'_{3,4}; 18 — материк, кв. В₃

Фото 5. Селище. Бусы: 1—10, 13—16 — селище; 11, 12 — гордище; 1 — кв. П₁₃, шт. 1; 2 — кв. О₃, основание шт. 4; 3 — кв. Ж₁, шт. 3; 4 — кв. О₂, шт. 5; 5 — кв. Л₂, шт. 1; 6 — кв. К₁, шт. 2; 7 — кв. А₁, шт. 1; 8 — кв. О₁₄, шт. 1; 9 — кв. В₃, шт. 1; 10 — шурф № 5 1975 г. — материк; 11, 12 — постройка 5; 13 — кв. М₃, шт. 5; 14 — кв. Ж₀, шт. 3 (предматерик); 15 — кв. Н₁ (ниже линзы ярко-желтой супеси с глиняной обмазкой); 16 — материк, кв. О₁ (1—10, 14, 15 — стекло; 11—13, 16 — камень)

Фото 6. Селище. Скандинавские вещи: 1, 5 — селище, сооружение 18; 2 — угольная линза к югу от сооружения 7; 3 — селище, материк, кв. Т₃; 4 — городище, постройка 5; 6 — кв. Н₁, шт. 1; 7 — селище, сооружение 4 (1, 2, 5—7 — бронза; 3 — железо; 4 — стекло)

Фото 7. Городище (1, 3, 6), селище (2, 4, 5): 1 — постройка 4, резьба на костяной проколке в стиле Борре;
 2 — кв. Л'₂, шт. 1, дирхем 795/6 г.; 3 — постройка 14, денарий Оттона-Адельгейды (991—995 гг.);
 4 — кв. У₁₆, шт. 1, дирхем 909/10 г.; 5 — сооружение 22, дирхем 894—902 гг.; 6 — постройка 18, дирхем 910 г.
 (2, 4, 5 — определение И. Г. Добровольского; 3, 6 — определение А. А. Марковой)

Фото 8. Селище. Вещи конца X — начала XI в. и XI—XII вв. из построек и культурного слоя:
 1 — сооружение 31, бронза, серебро; 2 — сооружение 34, бронза; 3 — культурный слой, кв. Н₁₁, шт. 1,
 бронза; 4 — кв. Е', шт. 2, бронза; 5 — фрагменты кожи и ниток, найденные между
 пластин оковки ножен из сооружения 31

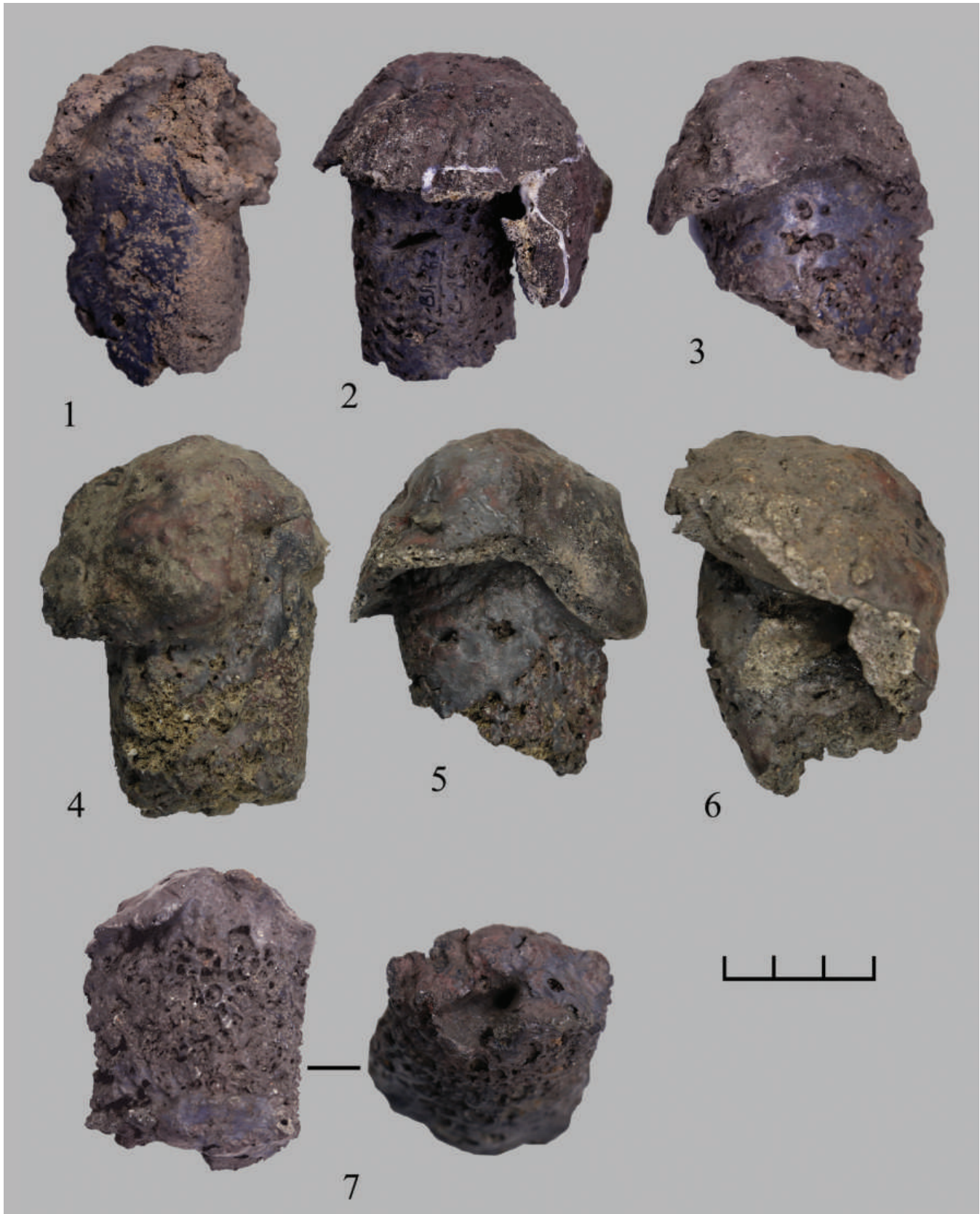

Фото 9. Селище. «Грибовидные» ошлакованные детали горна: 1 — сооружение 20; 2 — сооружение 23; 3—7 — сооружение 21

Фото 10. Селище. Тигли: 1 — материк, кв. А'₂; 2 — материк, кв. Н₀; 3 — сооружение 17/18; 4 — сооружение 16; 5 — материк, кв. Е'₀; 6 — сооружение 2; 7 — сооружение 21; * — отпечатки щипцов

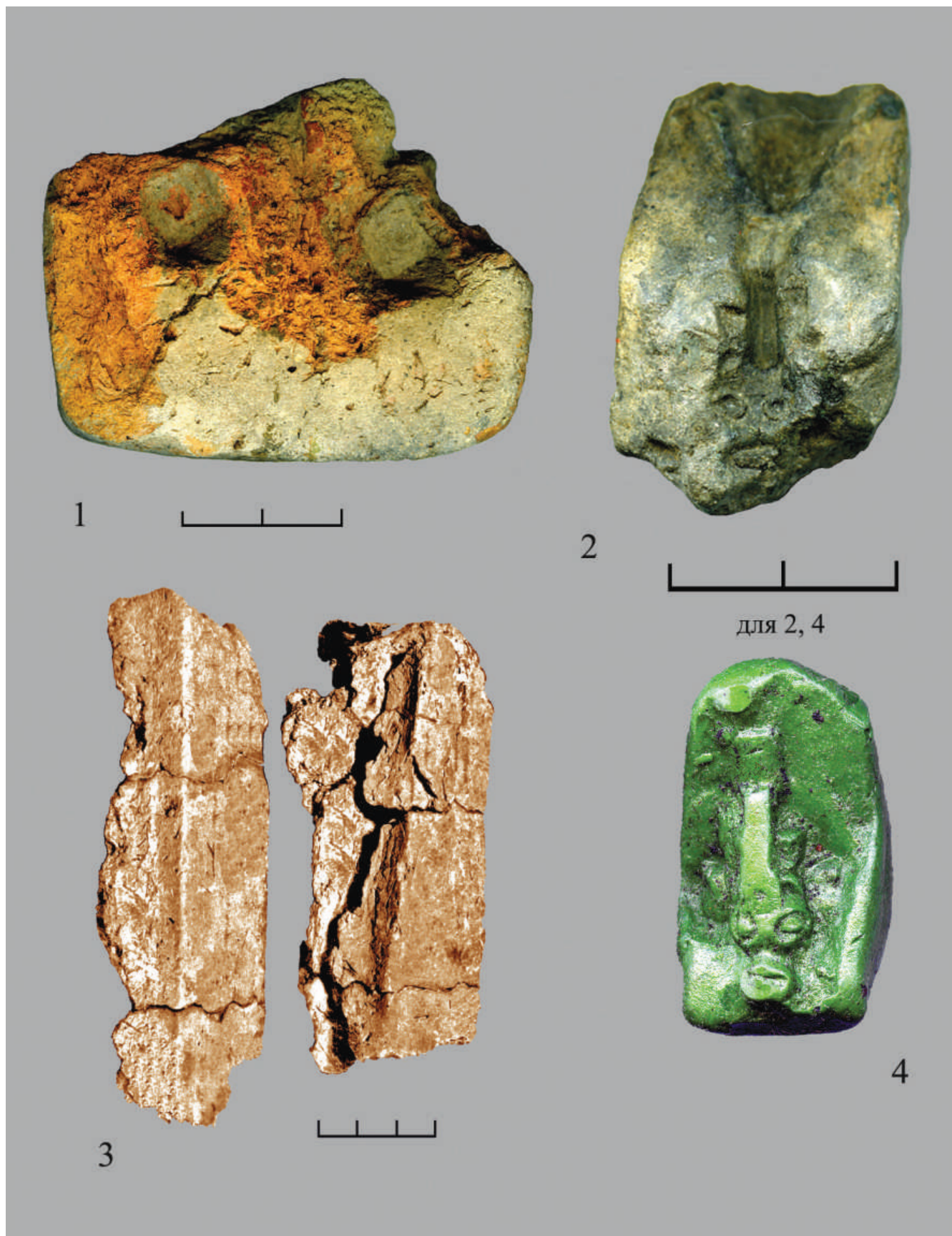

Фото 11. Селище: 1, 2 — глиняные формочки (1 — сооружение 2; 2 — сооружение 12-а);
 3 — глиняный обожженный «кирпич» с отпечатками дерева из сооружения 4;
 4 — слепок звериной головки в стиле Борре (формочка 2)

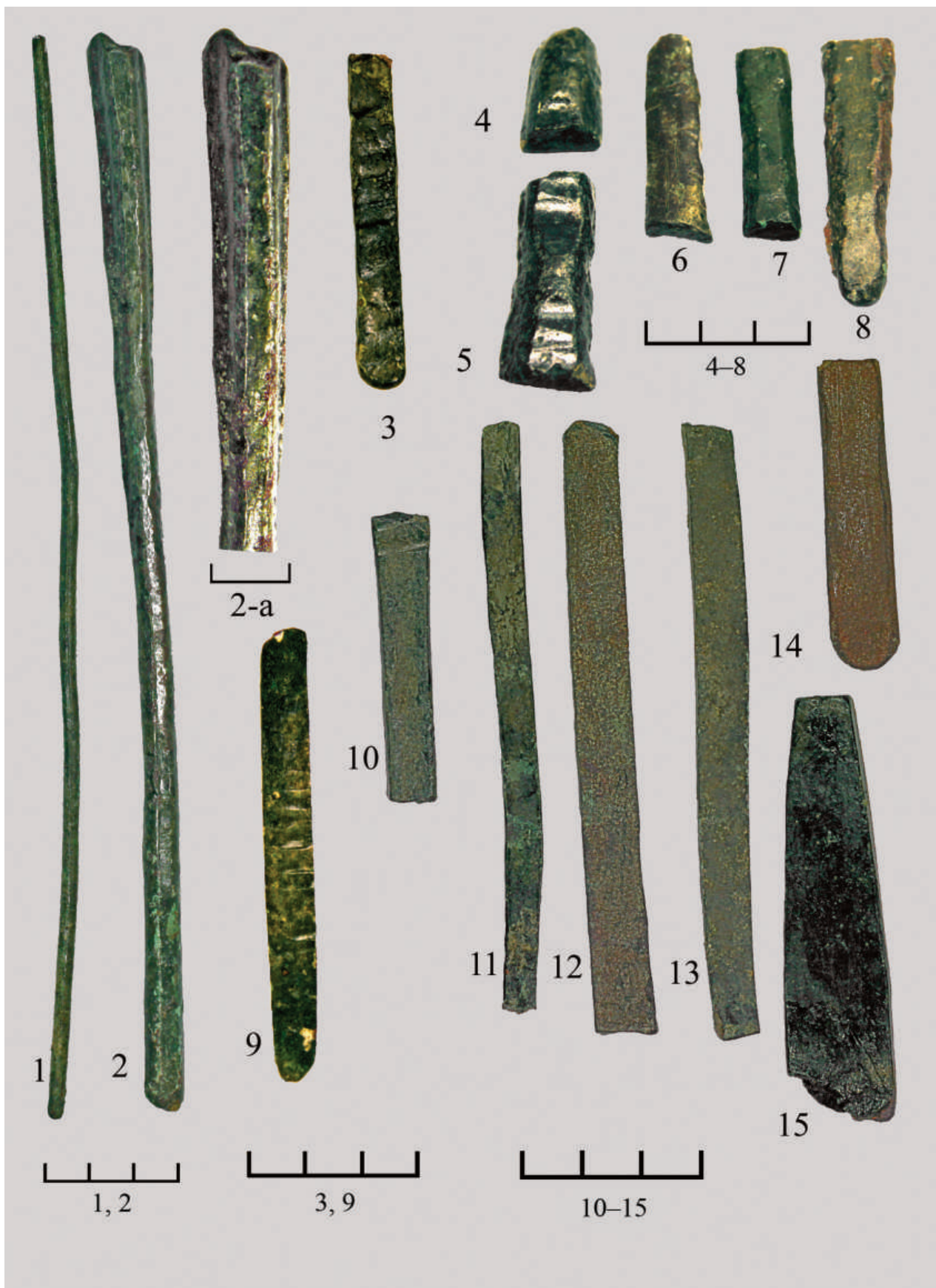

Фото 12. Селище. Слитки, поковки и пластинчатые заготовки. Бронза: 1 — сооружение 1; 2, 2-а — углистая линза на материке, кв. И'₀, К'₀; 3 — материк, кв. В'₀; 4 — кв. Д'₀, шт. 2; 5 — кв. Е'₀, шт. 1; 6 — материк, кв. Е₁; 7 — сооружение 2; 8 — сооружение 6; 9 — сооружение 14; 10 — кв. И'₀, шт. 3; 11, 13 — сооружение 20; 12 — сооружение 29; 14 — кв. Р'₀, шт. 2; 15 — кв. Г₇, шт. 1

Фото 13. Селище. Брак и отходы ювелирного производства. Бронза: 1 — фрагменты пластин и проволоки; 2 — литник с бракованной ромбовидной подвеской, сооружение 10; 3 — литник в «елку», сооружение 17/18; 4 — литник в «елку», кв. Г₄, шт. 2; 5 — литник двуканальный с входной воронкой, кв. К₃, шт. 2; 6 — 9 — бракованные трехдырчатые подвески-разделители (6 — материк, кв. Ж₃; 7, 8 — сооружение 17/18; 9 — сооружение 16); 10 — обрезки бронзовой пластины, сооружение 4

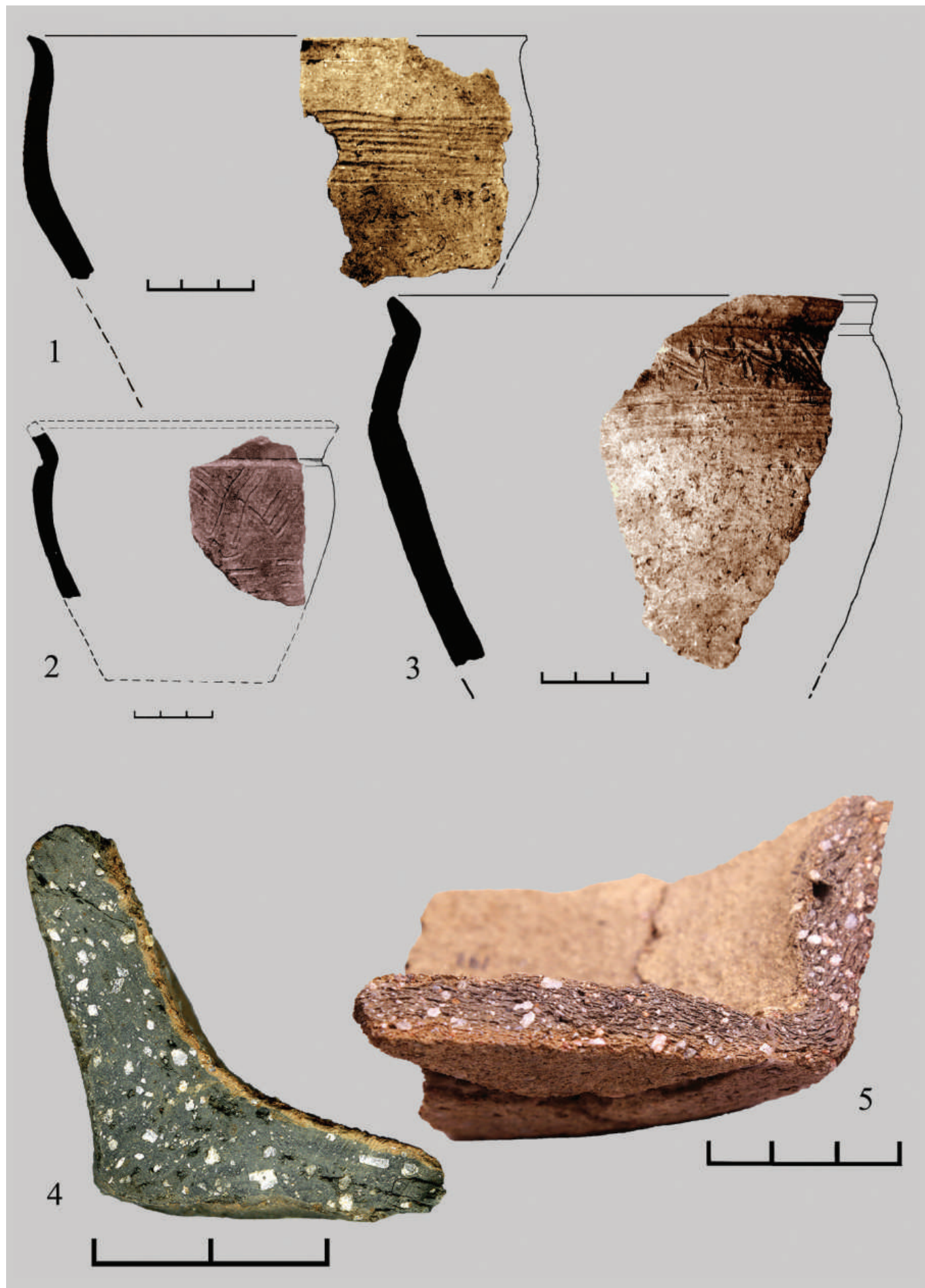

Фото 14. Селище. Раннегончарная керамика: 1, 3 — культурный слой; 2 — сооружение 4;
4, 5 — особенности течения глиняной массы при изготовлении начина

Фото 15. Великие Луки. Случайная находка на территории города. Бронза

Фото 16. Городище. Гончарные сосуды: 1 — постройка 18; 2 — культурный слой

Фото 17. Городище. Ранний период. Постройка 1, уровень развала печных камней (вид с запада)

Фото 18. Городище. Поздний период. Постройка 14 (южная часть) в процессе разборки (вид с востока)

1

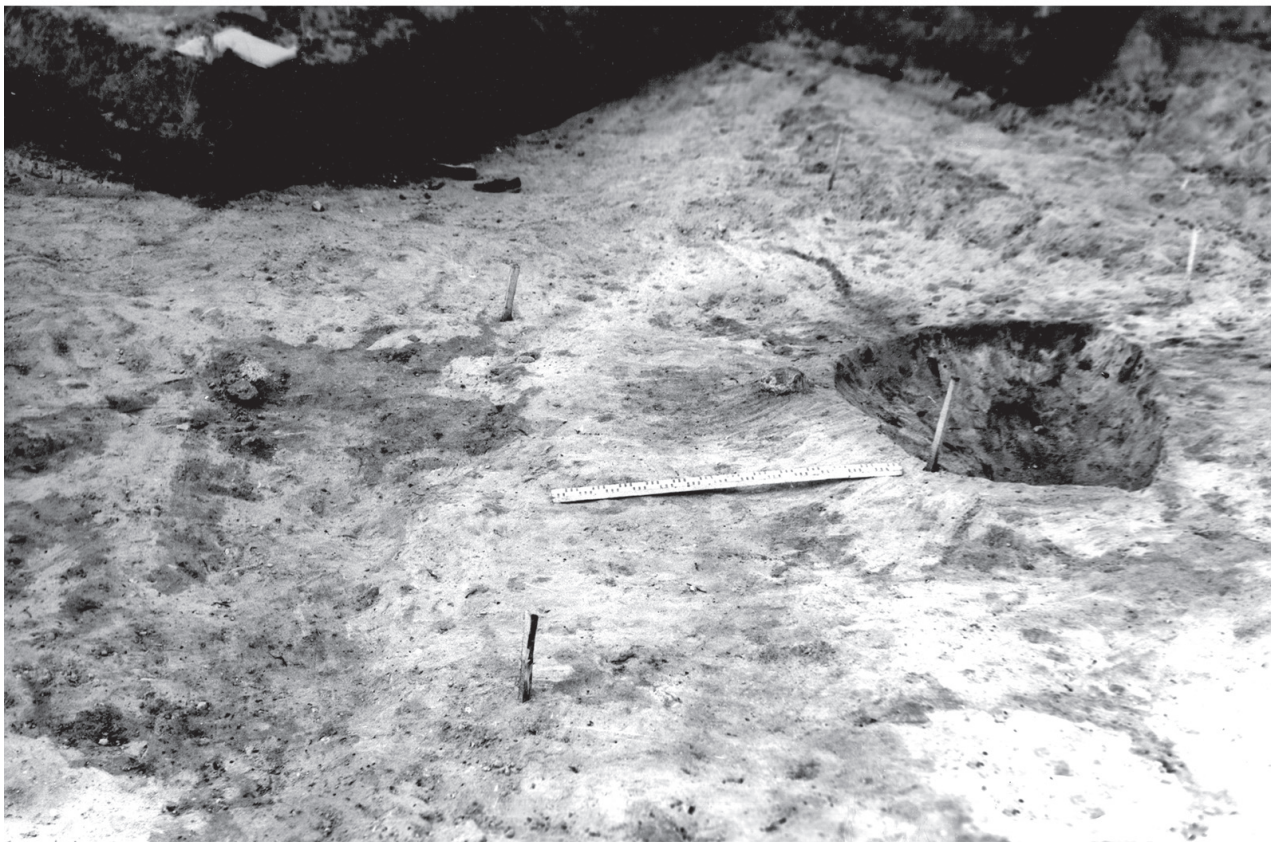

2

Фото 19. Городище. Ранний период: 1, 2 — постройка 5, уровень горелых бревен (вид с юго-востока)

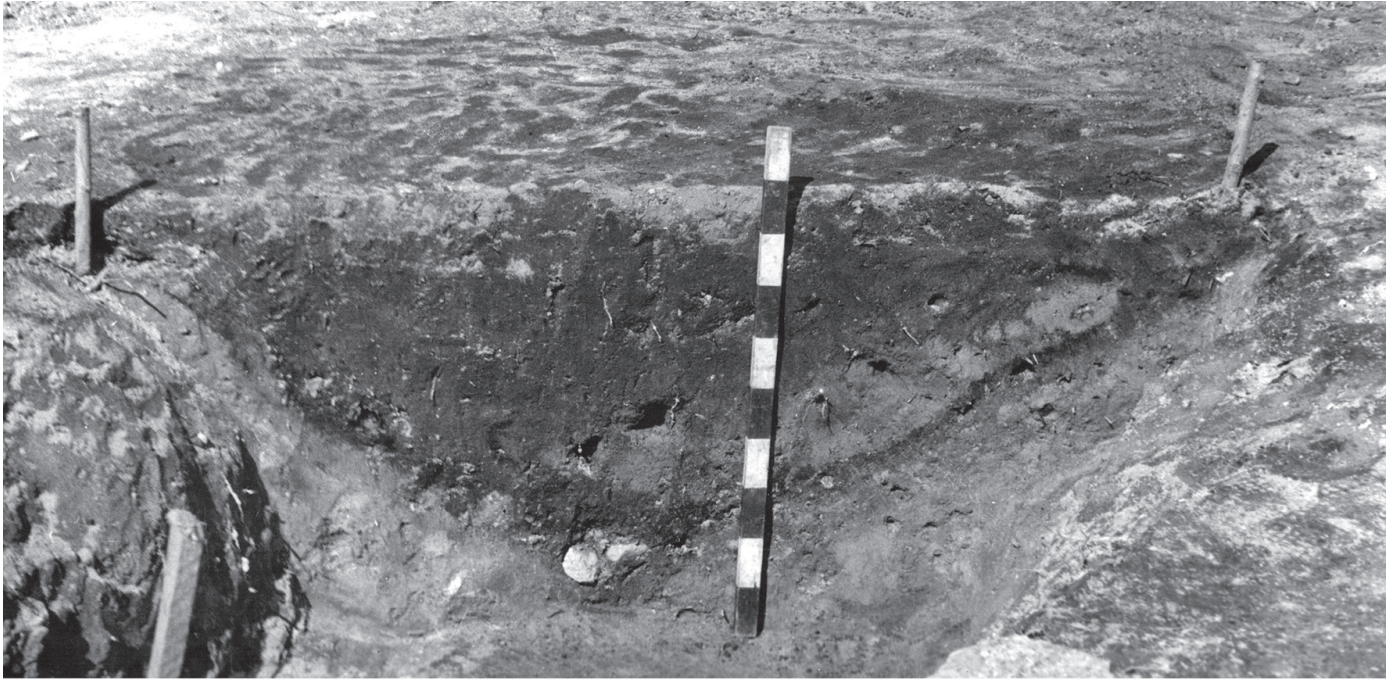

1

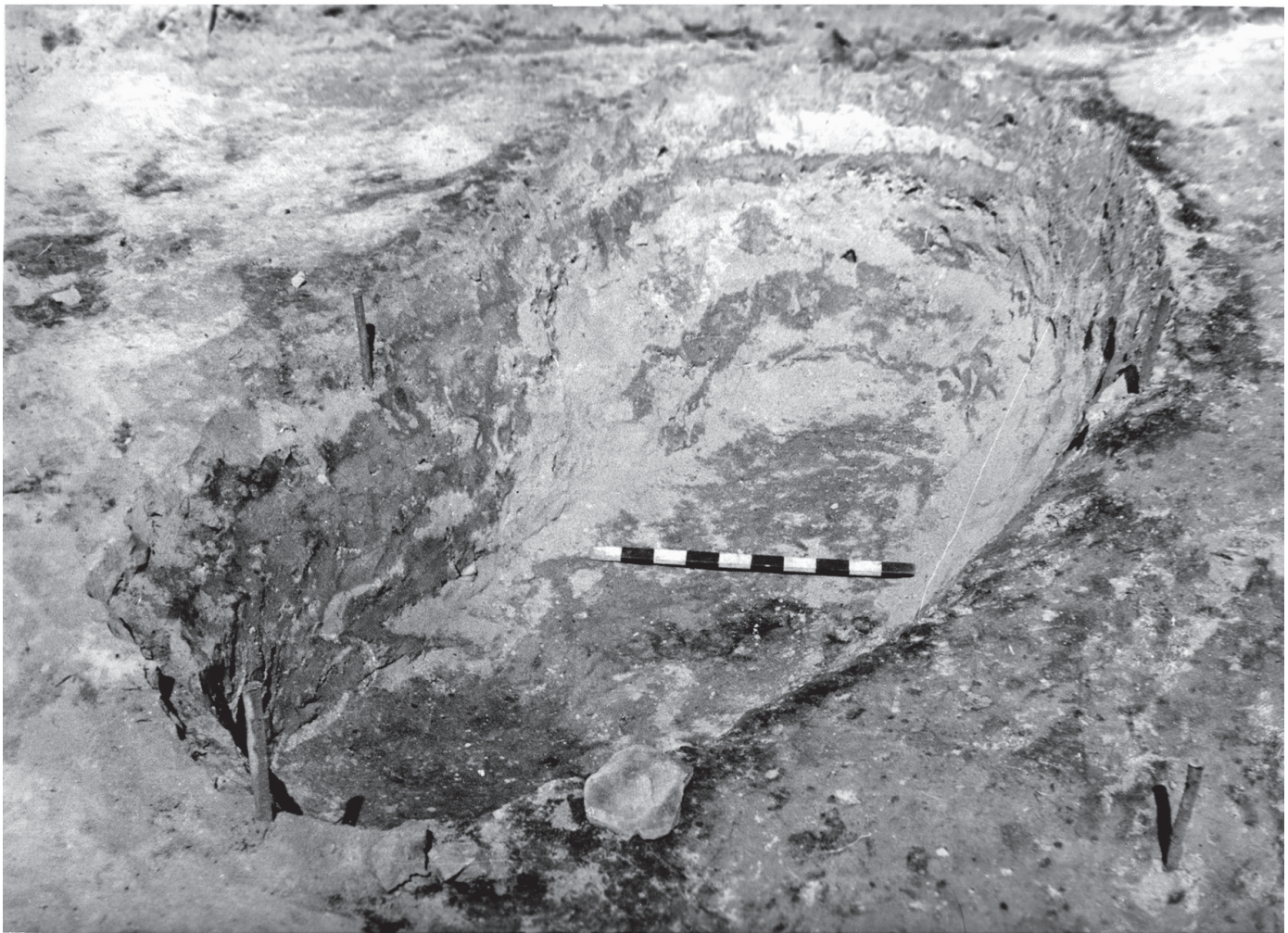

2

Фото 20. Селище. Ранний период: 1 — сооружение 1 (вид с юга); 2 — сооружение 24 (вид с юго-востока)

1

2

Фото 21. Селище. Ранний период. Сооружение 13: 1 — разрез предгорновой ямы (вид с юга);
2 — предгорновая яма (вид с юга)

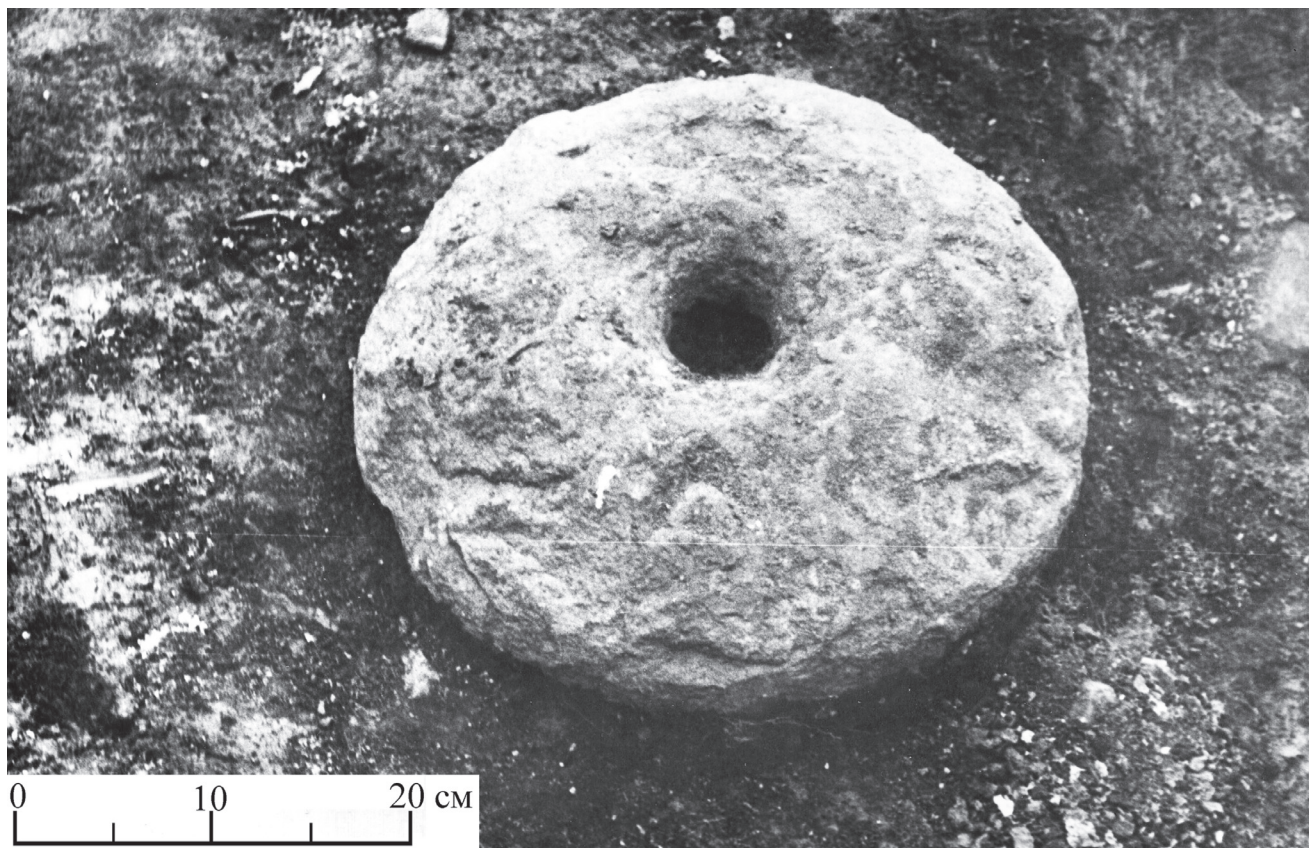

Фото 22. Селище. Ранний период: 1 — сооружение 9 (вид с юга); 2 — сооружение 17 (вид с востока)

Фото 23. Селище. Ранний период: 1 — сооружение 23 (вид с юго-востока); 2 — сооружение 28 (вид с юго-востока)

1

2

Фото 24. Селище. Поздний период. Сооружение 33: 1 — жернов; 2 — уровень линзы ярко-желтой супеси с глиняной обмазкой

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1. Городок на Ловати. Топографический план.
Рис. 2. Схема застройки Городка на Ловати в X — начале XI в.
Рис. 3. Схема застройки Городка на Ловати в поздний период.
Рис. 4. Селище. Разрезы культурного слоя: 1, 4 — пахотный переотложенный слой; 2, 3 — черная гумусированная супесь; 5 — серая гумусированная супесь; 6 — угольный слой; 7 — светлый песок; 8 — углистая прослойка; 9 — камни.
Рис. 5. Материал предшествующего времени. Городище: 1, 4, 13 — культурный слой над постройкой 15; 3, 6 — постройка 1; 5, 11 — постройка 6; 12 — депаспортизован, без масштаба. Селище: 2 — кв. М'₂, шт. 1; 7 — кв. Н₁₅, шт. 1; 8, 10 — кв. Д'₀, материк; 9 — сооружение 30 (1 — бронза; 2, 7—11 — лепная керамика; 3—6, 12, 13 — камень).
Рис. 6. Бусы. Городище: 1—4, 11, 12 — постройка 5; 5 — постройка 6; 8 — постройка 11; 9 — постройка 1; 10 — депаспортизована, 1956 г.; 14—17 — постройка 2; 24 — постройка 17. Селище: 6 — кв. Ж₁, шт. 3; 7 — кв. О₂, шт. 5; 13 — кв. Н₁ (ниже линзы ярко-желтой супеси с обмазкой); 18 — кв. О₁, материк; 19 — кв. Ж₀, предматерик; 20 — кв. Л₃, шт. 1; 21 — кв. В'₃, шт. 1; 22 — шурф 5, предматерик; 23 — кв. О₄, шт. 1; 25 — кв. М₃, шт. 5; 26 — кв. В₆, шт. 2; 27 — кв. П₁₃, шт. 1; 28 — кв. О₃, шт. 4; 29 — кв. А'₁, шт. 1; 30 — кв. К₁, шт. 2 (1, 2, 24, 25 — хрусталь; 3, 12, 18 — сердолик; 4 — стекло с золотой прокладкой; 5—11, 21—23, 26, 29, 30 — стекло; 13—17, 27 — паста; 19 — стекло резное; 20, 28 — стекло с серебряной прокладкой).
Рис. 7. Технология изготовления лепной посуды: 1—3, 5—8 — признаки спирально-жгутового налепа с последующим незначительным выдавливанием; 4, 9—13 — признаки донно-емкостного начина.
Рис. 8. Технология конструирования раннегончарной керамики: 1, 3—5, 8, 10 — признаки спирально-жгутового налепа; 2, 4, 6, 7, 9, 11 — признаки донного монолитного мелкого дозлементного начина.
Рис. 9. Типология лепной керамики: 1 — группа I-A; 2 — группа I-B; 3, 4 — группа II.
Рис. 10. Типология лепной керамики: 1, 6 — группа III-B; 4, 5 — группа III-A; 2, 3 — группа IV.
Рис. 11. Типология лепной керамики: 1—3 — группа V; 4, 5 — группа VI-A; 6, 7 — группа VI-B; 8, 9 — группа VI-B.
Рис. 12. Типология раннегончарной керамики. Тип I.
Рис. 13. Типология раннегончарной керамики: А — тип II, торновский; Б — торновско-менкендорфские гибриды.
Рис. 14. Типология раннегончарной керамики: А — тип III, фрезендорфский; Б — местные реплики Фрезендорфа; 3 — о. Рюген, Германия (рис. В. Лосиньского).
Рис. 15. Типология раннегончарной керамики. Тип IV: 1—4, 6; тип V: 5. Менкендорф.
Рис. 16. Типология раннегончарной керамики. Подражания и гибридные формы: 1—5, 8, 9 — реплики Фрезендорфа; 6, 7 — фрезендорфско-менкендорфские гибриды.
Рис. 17. Селище. Слитки, поковки и массивные пластины: 1 — кв. И'₀, К'₀, угольная линза на материке; 2 — сооружение 2; 3 — кв. Н₁₄, шт. 1; 4 — кв. И₃, предматерик; 5 — сооружение 31; 6 — скопление камней в кв. Е'₁,₂, Ж'₂; 7 — кв. Л'₂, шт. 1; 8 — кв. Ж'₁, шт. 1; 9 — кв. Е'₁, шт. 1; 10 — кв. Д'₆, шт. 2; 11 — сооружение 6; 12 — кв. Г₁, шт. 1; 13 — кв. Н'₀, шт. 2; 14 — сооружение 15; 15 — кв. В'₆, материк; 16 — кв. Е'₀, шт. 1; 17 — кв. И'₀, шт. 3; 18 — сооружение 1; 19 — сооружение 20; 20, 22 — сооружение 14; 21 — кв. М'₀, шт. 2; 23 — сооружение 29; 24 — кв. Е₁, материк (1—8, 10—24 — бронза; 9 — свинец).
Рис. 18. Селище. Отходы литейного производства: 1 — кв. Б'₃, шт. 1; 2, 3 — кв. Г₆, шт. 1; 4 — сооружение 14; 5, 6, 8, 18 — сооружение 17/18; 7 — сооружение 16; 9 — сооружение 31; 10 — сооружение 10; 11 — кв. Л'₀, шт. 3; 12 — кв. Б'₄, шт. 1; 13 — кв. Ж'₃, материк; 14 — кв. Г₄, шт. 2; 15 — кв. Д₃, шт. 2; 16, 22 — сооружение 16; 17 — кв. К₀, шт. 2; 19 — сооружение 14; 20 — кв. И₇, шт. 2; 21 — кв. Е₈, шт. 2; 23 — кв. К₃, шт. 2; 24 — кв. М'₁, шт. 1; 25 — кв. Б'₃, шт. 1. Бронза.
Рис. 19. Селище. А — заготовки кольцевидных фибул со спиральными концами: 1, 5 — кв. Е'₂, скопление камней; 2 — кв. В₈, предматерик; 3 — кв. Л'₂, предматерик; 4, 7 — сооружение 19; 6 — кв. К'₁, шт. 1; 8 — сооружение 10; 9 — для примера; Б — отходы и заготовки проволочно-пластинчатой техники: 1—15 — материк; 16 — сооружение 6. Бронза.
Рис. 20. Селище. Отходы проволочно-пластинчатой техники из культурного слоя. Бронза.
Рис. 21. Селище. Железные инструменты: 1 — кв. В'₁, шт. 3; 2 — РП 1977 г., кв. Т₁₅, шт. 1; 3 — кв. А, шт. 2; 4 — культурный слой; 5 — кв. Б₄, шт. 1—2; 6, 10 — сооружение 12—12-а; 7 — кв. Л'₂, шт. 2; 8 — кв. И'₀, шт. 3; 9 — кв. Ж₆, шт. 3; 11 — кв. П'₂, шт. 1; 12 — кв. П'₁, шт. 1; 13 — кв. З₀, шт. 1; 14 — кв. М₀, шт. 1; 15 — кв. Е₂, предматерик; 16 — кв. П₁₃, шт. 2.
Рис. 22. Селище. Формочки для отливки украшения: 1 — сооружение 2; 2 — сооружение 12-а; 3 — сооружение 30 (1, 2 — глина; 3 — камень).
Рис. 23. Селище. Тигли (1—4, 6—9) и грибовидная деталь горна (5) из культурного слоя: 1 — кв. Н'₀, шт. 3; 2 — кв. Н₀, шт. 1; 3 — кв. З₉, шт. 2; 4 — кв. И₅, шт. 4; 5 — кв. И₁, шт. 2; 6 — кв. М₀, шт. 3; 7 — кв. З₂, шт. 3; 8 — кв. З₁, шт. 2; 9 — подъемный материал (1—8 — ошлакованная глина; 9 — ошлакованная глина с остатками бронзы).
Рис. 24. Селище. Тигли, найденные на материке: 1 — кв. О₃; 2 — кв. А'₂; 3, 6, 7 — кв. О₂; 4 — кв. Н₁; 5 — кв. И', К'₀, угольная прослойка; 8 — кв. О₁ (1—8 — ошлакованная глина).
Рис. 25. Селище. Тигли, найденные на материке: 1 — РП 1977 г., кв. С₁₆; 2—4 — кв. М₂, скопление камней; 5 — РП 1977 г., кв. Р₁₅ (1—5 — ошлакованная глина).
Рис. 26. Селище. Фрагменты тиглей с отпечатками и песчано-суглинистые конгломераты, связанные с литейным производством: 1 — сооружение 4; 2 — развал горна, сооружение 21; 3 — кв. Д'₁, шт. 1; 4 — зачистка берега к востоку от городища; 5 — сооружение 1; 6 — кв. Н'₀, шт. 3; 7 — кв. О₁, материк; 8, 9 — сооружение 27; 10, 12 — кв. Е'₁,₂, Ж'₂, развал камней; 11 — кв. М₂, скопление камней (а — отпечатки соломы (травы?); б — плотная, слегка прокаленная поверхность; в — галька с накипью бронзы; г — заготовка подвески из внутренней части конгломерата).
Рис. 27. Селище. Фрагменты глиняных деталей горна («кирпичей») с полуцилиндрическими отверстиями: 1 — кв. Г'₄, шт. 1; 2, 4 — кв. В'₄, шт. 1; 3, 6 — кв. Б'₄, шт. 1; 5 — кв. З₃, предматерик; 7 — кв. Д₃, шт. 2; 8 — кв. Н'₂, шт. 2; 9 — кв. Б'₀, шт. 2; 10 — кв. К₉, предматерик; 11 — кв. Д'₀, предматерик; 12 — реконструкция «кирпича» (а — заглаженная поверхность; б — поверхность с отпечатками дерева; в — ошлакованная поверхность; г — цилиндрические каналы; д — отпечатки соломы, половы и зерна; е — отпечатки колотого камня).
Рис. 28. Селище. Ошлакованные части горна: 1 — кв. Д'₆, шт. 2; 2 — Г₈, предматерик; 3 — кв. З₈, предматерик; 4 — кв. Б, В₆, шт. 2—3 (1 — стенка горна; 2, 4 — фрагмент обмазки дна горна; 3 — фрагмент «кирпича» с полуцилиндрическим каналом (а — шлаковая накипь; б — слои глиняной обмазки; в — куски камня; г — ошлакованная поверхность; д — поверхность с отпечатками дерева)).
Рис. 29. Городище. Культурный слой. Раннегончарная керамика.
Рис. 30. Городище. Культурный слой. Керамика: 1, 3, 5—12, 14—16 — позднегончарная; 2, 4, 13 — раннегончарная; 17 — лепная.
Рис. 31. Городище. Культурный слой под каменной вымосткой северо-западного края площадки городища. Керамика: 1—10, 12—15, 17—20 — позднегончарная; 11, 16 — лепная.
Рис. 32. Городище. Культурный слой. Находки: 1 — кв. Е₂, шт. 2; 2 — кв. Л₁₀; 3 — кв. Ж₆; 4 — кв. А₀; 5, 7 — кв. Г₁₁; 6 — кв. Т₁₁; 8 — Р 1955 г., шт. 2; 9 — кв. Т₁₂, гл. 0,6 м; 10 — кв. Т₁₂; 11 — кв. Х, Ф₈, гл. 0,4 м; 12 — кв. Т, У₁₀—₁₁; 13 — кв. Л₉, шт. 2; 14 — кв. Х, Ф₈,

гл. 0,8 м; 15 — кв. X, Ч₇, гл. 0,6 м; 16 — кв. Ф₈, гл. 0,9 м; 17 — кв. Ф₈, гл. 0,55 м; 18 — кв. М₄, гл. 0,22 м; 19 — кв. Г₁₂; 20 — кв. Ж₁₁, шт. 1 (1—3, 8—11, 14—19 — железо; 4—7, 13 — бронза; 12 — кость; 20 — глина).

Рис. 33. Городище. Культурный слой. Находки: 1 — кв. Ч₁, гл. 0,3 м; 2 — кв. Е₁₂, шт. 1; 3, 12 — кв. Т₅; 4 — кв. Э₄, гл. 0,15 м; 5, 6, 17 — кв. X₃, вымостка камня; 7, 13 — культурный слой; 8 — кв. С₆; 9 — кв. Б₃, шт. 1; 10 — 1955 г. южная часть раскопа; 11 — кв. Щ₄; 14 — культурный слой; 15 — кв. X, У₁; 16 — кв. Л₁₀; 18 — кв. X₇₋₈ (1, 2 — шифер; 3, 7—18 — железо; 4—6 — бронза).

Рис. 34. Городище. Культурный слой. Находки: 1, 6, 11, 13, 15 — из раскопок 1913 г. Д. Н. Эдингга; 2—5, 7—10, 12, 14 — депаспортизованный материал из раскопок 1954—1957 гг. Я. В. Станкевич (1, 5, 9 — кость; 2 — стекло; 3 — шифер; 4 — бронза; 6—8, 11—13, 15 — железо; 10 — глина; 14 — железо, бронза, дерево).

Рис. 35. Селище. Керамика из культурного слоя: 1—3, 6, 11, 12 — лепная; 4, 5, 7—10 — позднегончарная; 13, 14 — раннегончарная.

Рис. 36. Селище. Культурный слой. Керамика: 1—3, 14, 23 — позднегончарная; 4—6, 8, 10, 11, 20, 22, 24 — раннегончарная; 7, 9, 12, 13, 15—19, 21, 25 — лепная.

Рис. 37. Селище. Культурный слой. Керамика: 1—4, 8, 9 — позднегончарная из гумусно-песчаной линзы в кв. Ж, З, И, К, Л₁₋₄, шт. 2—3; 5 — раннегончарная на материке; 6, 7, 10 — лепная; 11 — раннегончарная из предматерикового слоя под гумусно-песчаной линзой.

Рис. 38. Селище. Керамика: 1—12, 18, 19 — материк; 13—17, 20—22 — предматерик (1, 2, 5, 9—16, 20—22 — раннегончарная; 3, 4, 6—8, 17 — лепная).

Рис. 39. Селище. Материк. Керамика: 1, 3—6 — развал камней в кв. Е_{1,2}, Ж₂; 2 — угольная прослойка вокруг скопления камней в кв. М₂; 7 — угольная прослойка в кв. З', И₀ (1, 3, 4 — лепная; 2, 5—7 — раннегончарная).

Рис. 40. Селище. РП 1977 г. Материк. Керамика: 1, 3, 4, 8, 9 — раннегончарная; 2, 5—7, 10—11 — лепная.

Рис. 41. Селище. Культурный слой. Находки: 1, 2 — кв. Г₆, шт. 1; 3 — кв. Е₇, шт. 1; 4 — кв. Б₄, шт. 1; 5 — кв. Н₇, шт. 1; 6 — кв. Н₁₂, шт. 1; 7 — кв. Б₃, шт. 1; 8 — кв. С₁, шт. 2; 9 — кв. О₁, шт. 2; 10 — кв. З₃, шт. 2; 11 — кв. З', Ж₁₋₂, шт. 2; 12 — кв. М, Н, О₀₋₁, шт. 2—3; 13 — кв. Г₄, шт. 1; 14 — кв. К₀, шт. 1; 15 — кв. М₀₋₀, шт. 1; 16 — кв. Е₇, шт. 2; 17 — подъемный материал; 18 — кв. М₃, шт. 5; 19 — кв. Л₂, шт. 1; 20 — кв. О₂, шт. 5; 21 — кв. В₆, шт. 2; 22 — кв. Л₂, шт. 2; 23 — кв. О₃, основание шт. 4; 24 — кв. К₁, шт. 2; 25 — кв. Ж₁, шт. 3; 26 — кв. П₁₃, шт. 1; 27 — кв. О₀, шт. 4; 28 — зачистка берега к востоку от городища; 29 — кв. Н₁, шт. 1; 30 — кв. О₁₄, шт. 1; 31 — кв. А₁, шт. 1; 32 — кв. З₄, шт. 1; 33 — кв. В₃, шт. 1; 34 — кв. Н₃, шт. 4; 35 — кв. И₄, зачистка поверхности гумусно-песчаной прослойки, шт. 2; 36 — кв. Н₁₁, шт. 1 (1—12, 14—17, 22, 27—29, 32, 34—36 — бронза; 13 — железо в бронзовой оболочке; 18 — хрусталь; 19—21, 24, 30, 31, 33 — стекло; 23, 25 — стекло с серебряной прокладкой; 26 — паста).

Рис. 42. Селище. Материк. Находки: 1 — кв. В₈; 2 — кв. В₃; 3, 5—7 — кв. Ж₄; 4 — кв. Н₁; 8 — кв. З₀; 9 — кв. В₈; 10 — кв. Е₃₋₄; 11, 12 — кв. Ж₃; 13 — кв. Н₂; 14 — кв. Б₄; 15 — кв. Д₂; 16 — кв. Н₁; 17 — кв. О₁; 18 — кв. Ж₀; 19 — шурф 5; 20 — кв. П₄; 21 — кв. Е₁; 22, 26 — кв. Л₂; 23, 24 — кв. В₆; 25 — кв. М₀; 27 — кв. И₃ (1—15, 20, 21, 23, 24, 26, 27 — бронза; 16 — паста; 17 — сердолик; 18, 19 — стекло; 22 — дирхем, Аббасиды ар Рашид, ар Рей, 795/796 гг.; 25 — кость).

Рис. 43. Селище. Культурный слой. Железные предметы: 1 — кв. А₁, шт. 1; 2 — кв. В₄, шт. 2; 3 — кв. Н₁, шт. 4; 4, 5 — кв. Д₃, шт. 2; 6 — кв. М₀, шт. 3; 7 — кв. Д, Г₃, шт. 2; 8 — кв. И₄, шт. 1; 9 — кв. Б₄, шт. 1—2; 10 — кв. В₆, шт. 2; 11 — кв. Г₈, шт. 1; 12 — кв. К₂, шт. 2; 13 — кв. Б₃, шт. 1; 14 — кв. Г₂, шт. 1; 15 — кв. Б₄, шт. 1—2; 16 — подъемный материал; 17 — кв. А—Д₃₋₇, шт. 1.

Рис. 44. Селище. Культурный слой. Железные предметы: 1, 2 — кв. Л₂, шт. 2; 3 — кв. Ж₄, шт. 3; 4 — кв. П₂, шт. 1; 5 — кв. Л₀, шт. 3; 6 — кв. З₀, шт. 2; 7 — кв. С₁₇, шт. 1; 8 — кв. Л₂, шт. 2; 9 — кв. О₁₂, шт. 2; 10 — кв. А₂, шт. 1; 11 — кв. Р₁₅, шт. 1; 12 — кв. Е₅, шт. 2; 13 — кв. Д₁, шт. 1; 14 — кв. И₀, шт. 3; 15 — кв. Н₃, шт. 1; 16 — кв. Л₇, шт. 2; 17 — подъемный материал; 18 — кв. Ж₁, шт. 2; 19 — кв. А₀, шт. 3; 20 — кв. Е₀, шт. 2; 21 — кв. Н₁, шт. 1; 22 — кв. Н₂, шт. 1; 23 — кв. Л₁, шт. 2; 24 — кв. Ж₆, шт. 3.

Рис. 45. Селище. Железные предметы. Культурный слой (1—22). Материк (23, 24): 1 — кв. М₁, шт. 2; 2 — кв. Н₁₄, шт. 1; 3 — кв. П₂, шт. 1; 4, 5, 7 — кв. М₀, шт. 2; 6, 14 — кв. Р₁, шт. 1; 8 — кв. А₁, шт. 2; 9 — кв. О₂, шт. 2; 10 — кв. П₁₄, шт. 1; 11, 12 — кв. О₁₂, шт. 1; 13 — кв. О₃, шт. 1; 15 — кв. О₁₀, шт. 2; 16 — кв. М₀, шт. 1; 17 — кв. М₀, шт. 1; 18 — кв. Е₂, шт. 1; 19 — кв. Л₂, шт. 1; 20 — кв. Б₁, шт. 1; 21 — кв. А₁, шт. 1; 22 — кв. Е₄, шт. 2; 23 — кв. Е₃, материк; 24 — кв. У₃, материк.

Рис. 46. Селище. Материк. Железные предметы: 1 — кв. Т₁; 2 — кв. Е₁₃, горелая прослойка; 3 — кв. Т₂; 4 — кв. М₃; 5 — кв. Н₃; 6 — кв. Н₄; 7 — кв. Е₃; 8 — кв. Н₁₄; 9 — кв. М₀; 10 — кв. Б₃; 11 — кв. Г₇; 12 — кв. Е₁₂; 13 — кв. В₃; 14 — кв. Н₁; 15 — кв. О₁; 16 — кв. Д₅, линза белого песка на материке.

Рис. 47. Селище. Находки. Культурный слой (1, 2, 4—7, 9—11, 13, 14) и на материке (3, 8, 12): 1 — кв. В₃, шт. 1; 2 — кв. М₁, шт. 1; 3 — кв. Б₃, материк; 4 — кв. И₂, шт. 1; 5 — кв. Ж₀, шт. 3; 6 — кв. Г₃, шт. 2; 7 — кв. А₀, шт. 2; 8 — кв. Е₁₀, материк; 9 — кв. Г₃, шт. 3; 10 — кв. А₀, шт. 2; 11 — кв. М₄, шт. 2; 12 — кв. Б₃, материк; 13 — кв. Л₇, шт. 2; 14 — кв. Е₂, шт. 3 (1—13 — глина; 14 — кость).

Рис. 48. Селище. Каменные предметы. Культурный слой (1—6, 8, 10, 11) и на материке (7, 9, 12, 13): 1 — кв. О₃, шт. 3; 2 — кв. А₄, шт. 1; 3 — кв. О₀, шт. 5; 4 — кв. Н₄, шт. 4; 5 — кв. Ж₅, шт. 1; 6 — кв. К₁, шт. 1; 7 — кв. Б₃, предматерик; 8 — кв. Л₁, М₆, шт. 3—4; 9 — кв. Н₁, материк; 10 — кв. Д₅, шт. 1; 11 — кв. К₀, шт. 3; 12 — кв. Б₃, предматерик; 13 — кв. О₁₂, предматерик (1, 2, 4 — шифер; 3, 5, 8, 11 — песчаник; 6, 7, 9, 12 — сланец; 10 — песчано-суглинистый конгломерат; 13 — крупнозернистый кварцит).

Рис. 49. Селище. Жуки глиняной обмазки с отпечатками деревянных конструкций. Культурный слой (1—4, 6—9, 12) и на материке (5, 10, 11): 1 — кв. Ж₈, шт. 2; 2 — кв. Ж₂, шт. 1; 3 — кв. А₂, шт. 3; 4 — кв. В₁, шт. 2; 5 — РП 1977 г., кв. Р₁₇, материк; 6 — кв. В₁, шт. 2; 7 — кв. О₄, шт. 2; 8 — кв. А₃, шт. 3; 9 — кв. Л₇, шт. 1; 10 — кв. З₁₁, материк; 11 — кв. Б₀, материк; 12 — кв. З₀, шт. 2; 13 — РП 1977 г., С₁₅, линза красной глины сооружения 34 (а — заглаженная поверхность; б — отпечатки дерева).

Рис. 50. Селище. Находки из развала камней на материке в кв. Е_{1,2}, Ж₂ (1—6, 8, 10, 11 — бронза; 7, 12—14 — ошлакованная глина; 9 — железо).

Рис. 51. Городище. Схема застройки в X — начале XI в.

Рис. 52. Городище. Ранний период. Постройка 0. План: 1 — камни; 2 — темно-серая гумусированная супесь.

Рис. 53. Городище. Ранний период. Постройка 1. План и разрез: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — черная гумусированная супесь; 3 — камни; 4 — обожженная оранжевая супесь с включениями угля; 5 — угольно-сажистый слой; 6 — красная глина.

Рис. 54. Городище. Ранний период. Постройка 1. Керамика: 1, 2 — лепная; 3—6 — раннегончарная.

Рис. 55. Городище. Ранний период. Постройка 1. Раннегончарная керамика.

Рис. 56. Городище. Ранний период. Постройка 1. Находки: 1, 5—7 — кость; 2 — шифер; 3 — стекло; 4 — бронза; 8 — железо.

Рис. 57. Городище. Ранний период. Постройка 2. План и разрез: 1, 2 — темно-серая гумусированная супесь; 3 — черная гумусированная супесь; 4 — светлая материковая супесь; 5 — красная глина; 6 — угольно-сажистые прослойки; 7 — камни.

Рис. 58. Городище. Ранний период. Постройка 2. Керамика: 1, 2, 4 — лепная; 3, 5, 6 — раннегончарная.

Рис. 59. Городище. Ранний период. Постройка 2. Керамика: 1, 2 — раннегончарная; 3—8 — лепная.

Рис. 60. Городище. Ранний период. Постройка 2. Находки: 1—4 — паста; 5, 9—12 — железо; 6—8 — кость; 13, 14 — глина.

Рис. 61. Городище. Ранний период. Постройка 3. Находки: 1 — глина; 2 — раннегончарная керамика; 3, 4 — лепная керамика; 5—7 — железо.

Рис. 62. Городище. Ранний период. Постройка 4. План: 1 — красная глина с камнем (нарушение XII в. — очаг в кв. Б₁₀); 2 — гумусный след от бревенчатой стены; 3 — прокаленный песок с включениями угля и золы; 4 — столбовые ямы; 5 — горелое дерево; 6 — череп жеребенка; 7 — канавка в материке.

Рис. 63. Городище. Ранний период. Постройка 4. Керамика: 1—4, 6, 7, 11, 12 — раннегончарная; 5, 8—10 — лепная.

Рис. 64. Городище. Ранний период. Постройка 4. Керамика: 1, 2 — лепная; 3—8 — раннегончарная.

Рис. 65. Городище. Ранний период. Постройка 4. Находки: 1, 2 — кость; 3, 5, 6, 9 — бронза; 4 — бронза с позолотой; 7 — глина; 8 — железо.

Рис. 66. Городище. Ранний период. Постройка 5 и 6. План, разрез и профиль: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — красная глина; 3, 10 — горелое дерево; 4 — канавка в материке; 5 — обожженная глинисто-песчаная смесь; 6 — прокаленный материк с углем; 7 — столбовые ямы; 8 — ямы XI—XII вв.; 9 — обожженная красная глина в разрезе; 11 — камни; 12 — гумусный след от бревенчатой стены.

Рис. 67. Городище. Ранний период. Постройка 7. План: 1 — красная глина; 2 — горелое дерево; 3 — камни; 4 — уголь; 5 — прокаленный песок с углем.

Рис. 68. Городище. Ранний период. Постройка 8. План: 1 — красная глина; 2 — прокаленный песок с включениями угля и золы; 3 — камни; 4 — горелое дерево; 5 — следы столбовых ям (гл. до 0,2 м).

Рис. 69. Городище. Ранний период. Постройка 5. Керамика: 1—4 — лепная; 5—12 — раннегончарная.

Рис. 70. Городище. Ранний период. Постройка 5. Керамика: 1—7, 9, 10 — раннегончарная; 8 — лепная.

Рис. 71. Городище. Ранний период. Постройка 5. Керамика: 1, 2 — лепная; 3—7 — раннегончарная.

Рис. 72. Городище. Ранний период. Постройка 5. Керамика: 1—7, 14 — раннегончарная; 8—13 — лепная.

Рис. 73. Городище. Ранний период. Постройка 6. Керамика: 1—3, 8, 11, 12 — лепная; 4—7, 9, 10 — раннегончарная.

Рис. 74. Городище. Ранний период. Постройка 6. Лепная керамика.

Рис. 75. Городище. Ранний период. Постройка 6. Керамика: 1, 2, 4—8 — раннегончарная; 3, 5 — лепная.

Рис. 76. Городище. Ранний период. Постройка 6. Керамика: 1—4, 7 — раннегончарная; 5, 6 — лепная.

Рис. 77. Городище. Ранний период. Постройки 7/8. Керамика: 1—4 — раннегончарная; 5—9 — лепная.

Рис. 78. Городище. Ранний период. Постройки 7/8. Керамика: 1, 2, 4—7 — раннегончарная; 3 — лепная.

Рис. 79. Городище. Ранний период. Постройки 7/8. Керамика: 1, 2, 7—9 — лепная; 3—6 — раннегончарная.

Рис. 80. Городище. Ранний период. Постройки 7/8. Раннегончарная керамика.

Рис. 81. Городище. Ранний период. А — постройка 5; Б — постройка 6. Находки: 1, 7, 12, 14, 17, 18, 20 — бронза; 2, 10 — сердолик; 3, 5 — хрусталь; 6, 11, 19, 24 — кость; 4, 9 — стекло; 13, 16, 23 — железо; 8, 15, 21 — глина; 22 — кварцит.

Рис. 82. Городище. Ранний период. Постройка 6. Находки: 1, 4, 10, 18, 20 — кость; 2 — стекло; 3, 7—9, 15—17 — бронза; 5, 6, 11—14 — железо; 19 — шифер.

Рис. 83. Городище. Ранний период. А — постройка 6; Б — постройка 7. Находки: 1—3, 5—8, 14 — железо; 4, 9—11, 13, 15 — кость; 6, 12 — бронза

Рис. 84. Городище. Ранний период. Постройка 7. Находки: 1, 3—5, 7, 9—15, 17 — железо; 2, 6 — бронза; 8, 16, 18 — кость.

Рис. 85. Городище. Ранний период. Постройка 9. План, разрез: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — горелое дерево; 3 — камни; 4 — светлые песчаные прослойки; 5 — прокаленная супесь с углем; 6 — красная глина.

Рис. 86. Городище. Ранний период. Постройка 9. Раннегончарная керамика.

Рис. 87. Городище. Ранний период. Постройка 9. Керамика: 1—4, 6, 7 — раннегончарная; 5 — лепная.

Рис. 88. Городище. Ранний период. Постройка 9. Керамика: 1, 2, 6 — лепная; 3—5, 7 — раннегончарная.

Рис. 89. Городище. Ранний период. Постройка 9. Находки: 1—4, 8, 10—14, 19 — железо; 5 — бронза; 6, 7 — шифер; 9, 16—18 — кость; 15 — глина.

Рис. 90. Городище. Ранний период. Постройка 10. План, разрезы: 1 — красная глина; 2 — темно-серая супесь; 3 — черная гумусированная супесь; 4 — глинисто-песчаный слой с включениями гальки и щебня; 5 — песок; 6 — камни.

Рис. 91. Городище. Ранний период. Постройка 10. Раннегончарная керамика.

Рис. 92. Городище. Ранний период. Постройка 10. Керамика: 1—4, 7 — раннегончарная; 5, 6 — лепная.

Рис. 93. Городище. Ранний период. Постройка 10. Находки: 1—4, 10 — железо; 5, 8 — бронза; 6, 7 — шифер; 9 — глина.

Рис. 94. Городище. Ранний период. Постройка 11. План, разрезы: 1 — красная глина; 2 — темно-серая супесь; 3 — черная гумусированная супесь; 4 — песчано-глинистая светлая линза; 5 — слой с включениями гальки и щебня; 6 — часть черепа лошади; 7 — камни.

Рис. 95. Городище. Ранний период. Постройка 11. Керамика: 1—3 — лепная; 4, 5 — раннегончарная.

Рис. 96. Городище. Ранний период. Постройка 11. Керамика: 1 — лепная; 2—6 — раннегончарная.

Рис. 97. Городище. Ранний период. Постройка 11. Керамика: 1, 2 — лепная; 3—6 — раннегончарная.

Рис. 98. Городище. Ранний период. Постройка 11. Находки: 1 — глина; 2 — бронза; 3 — стекло; 4 — железо; 4-а — бронза, позолота; 5 — серебро; 6—8 — железо; 9 — рог.

Рис. 99. Городище. Ранний период. Постройка 12. План и разрез: 1 — красная глина; 2 — камни; 3 — темно-серая гумусированная супесь; 4 — столбовые ямы XI—XII вв.; 5 — дерновый слой.

Рис. 100. Городище. Ранний период. Постройка 12. Керамика: 1, 4—9, 14, 15 — раннегончарная; 2, 3 — лепная; 10—13, 16 — позднегончарная.

Рис. 101. Городище. Ранний период. Постройка 21. А — план (1 — красная глина; 2 — прокаленный песок с углем; 3 — камни; 4 — горелое дерево; 5 — обрыв берега); Б — находки (1—7 — железо).

Рис. 102. Селище. Схема застройки селища в ранний период: 1 — воронки времен Великой Отечественной войны; 2 — индивидуальный окоп времен Великой Отечественной войны; 3 — угольные линзы на материке.

Рис. 103. Селище. Ранний период. А — сооружение 1; Б — сооружение 5. Планы и профили: 1 — камни; 2 — тигель.

Рис. 104. Селище. Ранний период. Сооружение 2. План, разрез и профили: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — камни; 3 — пахотный и переотложенный слой; 4 — светлая материковая супесь; 5 — тигель; 6 — кости животных.

Рис. 105. Селище. Ранний период. Сооружение 2. Керамика: 1, 2 — раннегончарная; 3—6 — лепная.

Рис. 106. Селище. Ранний период. Сооружение 3. План и профили: 1 — камни.

Рис. 107. Селище. Ранний период. Сооружение 3. Керамика: 1—3, 5—7 — лепная; 4 — раннегончарная.

Рис. 108. Селище. Ранний период. Сооружение 1 (3, 4, 5). Сооружение 2 (1, 6—8). Сооружение 3 (2). Находки: 1, 3 — бронза; 2, 4, 5, 7, 8 — ошлакованная глина; 6 — глина.

Рис. 109. Селище. Ранний период. Сооружение 4. План и разрез: 1 — пахотный и переотложенный слой; 2 — черная гумусированная супесь; 3 — камни; 4 — обожженная материковая супесь; 5 — культурный слой с примесью материковой светлой супеси; 6 — уголь; 7, 8 — белая глина.

- Рис. 110. Селище. Ранний период. Сооружение 4. Керамика: 1—3 — лепная; 4—7 — раннегончарная.
- Рис. 111. Селище. Ранний период. Сооружение 4. Керамика: 1, 2, 4—7 — раннегончарная; 3 — лепная.
- Рис. 112. Селище. Ранний период. Сооружение 4. Находки: 1—10 — бронза; 11, 12, 14, 15 — ошлакованная глина; 13 — сланец.
- Рис. 113. Селище. Ранний период. Сооружение 5. Находки: 1, 4 — глина; 2, 3 — бронза; 5—7 — ошлакованная глина.
- Рис. 114. Селище. Ранний период. Сооружение 6. План и профили: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — камни; 3 — уголь; 4 — красная глина; 5 — соседние сооружения.
- Рис. 115. Селище. Ранний период. Сооружение 6. Находки: 1—6 — бронза; 7 — раннегончарная керамика; 8 — лепная керамика.
- Рис. 116. Селище. Ранний период. Сооружение 7. План, разрез и профиль: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — красная глина; 3 — камни; 4 — серая гумусированная супесь с примесью светлой материковой супеси; 5 — угольные линзы; 6 — горелое дерево; 7 — соседние сооружения.
- Рис. 117. Селище. Ранний период. Сооружение 7. Находки: 1, 2, 4, 9, 11—16 — угольная линза к югу от сооружения; 3, 5, 6—8, 10 — заполнение сооружения (1—6, 8, 9 — бронза; 7 — глина; 10, 12, 13 — раннегончарная керамика; 11, 14—16 — лепная керамика).
- Рис. 118. Селище. Ранний период. Сооружение 8. План и разрез: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — камни; 3 — пахотный и переотложенный слой; 4 — серая гумусированная супесь с примесью материковой светлой супеси.
- Рис. 119. Селище. Ранний период. Сооружение 9. План, профиль и разрезы: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — песок; 3 — камни; 4, 6 — угольная линза; 5 — пахотный и переотложенный слой.
- Рис. 120. Селище. Ранний период. А — сооружение 8; Б — сооружение 9. Находки: 1 — кость; 2—4 — бронза; 5 — раннегончарная керамика; 6—11 — лепная керамика.
- Рис. 121. Селище. Ранний период. Сооружение 10. План, разрез и профиль: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — прокаленный песок; 3 — камни; 4 — темно-серый слой с включениями материковой светлой супеси; 5, 6 — угольная линза; 7 — горелое дерево.
- Рис. 122. Селище. Ранний период. Сооружение 10. Керамика: 1, 2, 4, 5 — раннегончарная; 3, 6—8 — лепная.
- Рис. 123. Селище. Ранний период. Сооружения 11 и 12—12-а. Планы и профиль: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — прокаленная супесь; 3 — камни; 4 — черная супесь с включениями угля; 5 — металлургический конгломерат.
- Рис. 124. Селище. Ранний период. А — сооружение 10; Б — сооружение 11; В — сооружение 12—12-а. Находки: 1, 2 — ошлакованная глина; 3 — серебро; 4—6, 13 — бронза; 7, 10, 12 — железо; 8 — раннегончарная керамика; 9 — глина; 11 — кость.
- Рис. 125. Селище. Ранний период. Сооружение 13. План, профиль, разрез: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — серая слабо гумусированная супесь; 3 — камни; 4 — угольный слой с древесным тленом; 5 — горелое дерево; 6 — ярко-желтый с краснотой песок; 7 — материковая супесь с включениями светлой глины.
- Рис. 126. Селище. Ранний период. Сооружение 13. Керамика: 1—3, 5, 6 — раннегончарная; 4 — лепная.
- Рис. 127. Селище. Ранний период. Сооружение 13. Лепная керамика
- Рис. 128. Селище. Ранний период. Сооружение 13. Находки: 1 — ошлакованная глина; 2, 8 — кость; 3—7, 9 — бронза; 10 — сланец.
- Рис. 129. Селище. Ранний период. Сооружение 14: 1, 3 — черная гумусированная супесь; 2 — светло-серая супесь; 4 — белый песок; 5 — красная глина; 6 — камни; 7 — уголь; 8, 12 — обугленные бревна; 9 — следы обугленных бревен в белом песке; 10 — угольный слой с древесным тленом; 11 — угольно-сажистые линзы.
- Рис. 130. Селище. Ранний период. Сооружения 15 и 16. Планы, разрезы, профили: 1 — пахотный и переотложенный слой; 2 — черная гумусированная супесь; 3 — угольные прослойки; 4, 10 — белая глина; 5 — слабогумусированный глинистый слой; 6 — линза ярко-желтого песка с обмазкой; 7 — красная глина; 8 — прослойки светлого песка; 9 — камни.
- Рис. 131. Селище. Ранний период. А — сооружение 14; Б — сооружение 15. Находки: 1 — бронза; 2, 3 — раннегончарная керамика; 4 — лепная керамика.
- Рис. 132. Селище. Ранний период. Сооружение 14. Находки: 1—12, 14—19, 23, 24 — бронза; 13 — железо; 20, 21 — кость; 22 — ошлакованная глина.
- Рис. 133. Селище. Ранний период. Сооружение 16. Находки: 1, 2, 4, 6, 8 — бронза; 3 — кость; 5 — железо; 7, 9—11 — ошлакованная глина.
- Рис. 134. Селище. Ранний период. Сооружения 17/18. План и профили: 1 — камни; 2 — прокаленная супесь с угольно-сажистыми включениями.
- Рис. 135. Селище. Ранний период. Сооружения 17/18. Керамика: 1 — лепная; 2—4 — раннегончарная.
- Рис. 136. Селище. Ранний период. Сооружения 17/18. Находки: 1—3, 5—10, 12, 13 — бронза; 4 — железо; 11 — ошлакованная глина.
- Рис. 137. Селище. Ранний период. Сооружение 19. План и разрез: 1 — угольная линза; 2 — черная гумусированная супесь; 3 — пахотный переотложенный слой; 4 — серая слабогумусированная супесь; 5 — угольная линза и куски угля; 6 — светлый песок; 7 — слабо гумусированная серая супесь; 8 — красная глина.
- Рис. 138. Селище. Ранний период. Сооружение 19. Керамика: 1, 2, 6 — раннегончарная; 3—5 — лепная.
- Рис. 139. Селище. Ранний период. Сооружение 19. Находки: 1—3, 5, 9 — бронза; 4, 6, 7 — железо; 8 — ошлакованная глина.
- Рис. 140. Селище. Ранний период. А — сооружение 20; Б — сооружение 23. Планы, профили, разрез: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — красная глина; 3 — камни; 4 — угольно-сажистое пятно; 5 — пахотный и переотложенный слой.
- Рис. 141. Селище. Ранний период. Сооружение 21. План и профиль: 1 — камни; 2 — тигли и кости животных.
- Рис. 142. Селище. Ранний период. А — сооружение 20; Б — сооружение 23. Находки: 1, 8—10 — ошлакованная глина; 2—6 — бронза; 7 — железо; 11 — глина; а — заглаженная поверхность; б — отпечатки дерева.
- Рис. 143. Селище. Ранний период. Сооружение 21. Находки: 1—3, 5 — ошлакованная глина; 4, 6 — раннегончарная керамика.
- Рис. 144. Селище. Ранний период. Сооружение 21. Находки: 1, 3, 5—8 — ошлакованная глина; 2 — бронза; 4, 9 — железо.
- Рис. 145. Селище. Ранний период. Сооружение 24. А — план и профиль (1, 2 — темно-серая гумусированная супесь; 3 — камни; 4 — горелое дерево); Б — находки (1 — бронза; 2, 4 — железо; 3 — сланец).
- Рис. 146. Селище. Ранний период. А — сооружение 25; Б — сооружение 26. Планы, профили и разрезы: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — камни.
- Рис. 147. Селище. Ранний период. Сооружение 27. План и разрезы: 1 — черная гумусированная супесь с включениями угля; 2 — угольно-сажистые прослойки; 3 — светло-зеленая глина; 4 — камни; 5 — развал сосуда.
- Рис. 148. Селище. Ранний период. Сооружение 25 (4 — бронза; 5 — железо); сооружение 26 (2 — раннегончарная керамика); сооружение 27 (1 — раннегончарная керамика; 3 — ошлакованная глина).
- Рис. 149. Селище. Ранний период. Сооружение 28. План и профиль: 1 — камни; 2 — красная глина; 3 — включения угля и сажи; 4 — воронка времени Великой Отечественной войны.
- Рис. 150. Селище. Ранний период. Сооружение 29. План и профиль: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — камни; 3 — белая глина.

- Рис. 151. Селище. Ранний период. Сооружение 28 (6, 7 — бронза; 10 — лепная керамика); сооружение 29 (1—3, 12 — бронза; 4, 11 — ошлакованная глина; 5 — сланец; 8 — глина; 9 — лепная керамика).
- Рис. 152. Селище. Ранний период. Сооружение 30. План и профиль: 1 — камни; 2 — угольная линза на материке.
- Рис. 153. Селище. Ранний период. Сооружение 30. Находки: 1, 11 — железо; 2—5, 7, 9 — бронза; 6 — песчаник; 8, 10 — глина.
- Рис. 154. Селище. Ранний период. Сооружение 30. Находки: 1, 2, 4, 6 — железо; 3, 5, 7, 8, 10 — глина; 9 — ошлакованная глина; а — заглаженная поверхность; б — отпечатки дерева; в — полуцилиндрические каналы.
- Рис. 155. Селище. Ранний период. Сооружение 31. План и разрезы: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — красная глина; 3 — камни; 4 — горелое дерево; 5 — включения угля; 6 — угольная прослойка.
- Рис. 156. Селище. Ранний период. Сооружение 31. Находки: 1—5, 7, 10—19, 21, 26, 28 — бронза; 6, 8, 9, 20, 22, 23, 27 — железо; 24 — серебро, бронза; 25 — ошлакованная глина.
- Рис. 157. Селище. Ранний период. Сооружение 31 (4 — лепная керамика); сооружение 32. План и разрез (5): а — черная гумусированная супесь; б — пахотный и переотложенный слой. Керамика (1 — лепная; 2, 3 — раннегончарная).
- Рис. 158. Селище. Ранний период. Раскоп II 1977 г. Сооружение 34. План и разрезы: 1 — пахотный и переотложенный слой; 2 — серая слабогумусированная супесь; 3 — черная гумусированная супесь; 4 — красная глина; 5, 6 — угольные прослойки и линзы; 7 — гумусированный песок; 8 — фрагменты керамики; 9 — камни; 10 — светлые песчаные прослойки; 11 — мелкозернистый желтый песок на материке.
- Рис. 159. Селище. Раскоп II 1977 г. Находки: 1, 2, 4, 5 — культурный слой; 3, 6, 7 — сооружение 34, под развалом красной глины (1 — посеребренный; 2, 5 — железо; 3 — бронза; 4 — дирхем, Ахмад ибн Исмаил, аш-Шаш (?), 909/10 г.; 6, 7 — позднегончарная керамика).
- Рис. 160. Типология позднегончарной керамики: А — пропорции сосуда и показатель В, положенные в основу типологии; Б — график распределения пропорций сосудов на памятниках Северо-Запада и в Гнёздове; В — группы орнаментальных композиций.
- Рис. 161. Типология позднегончарной керамики. Тип I (1 — вариант Б; 2 — вариант А); тип II (3, 4 — вариант II-1; 5 — вариант II-2).
- Рис. 162. Типология позднегончарной керамики. Тип II, вариант II-3.
- Рис. 163. Типология позднегончарной керамики. Тип II, вариант II-3.
- Рис. 164. Типология позднегончарной керамики. Тип II, вариант II-4.
- Рис. 165. Типология позднегончарной керамики. Тип III, вариант III-A₁.
- Рис. 166. Типология позднегончарной керамики. Тип III, вариант III-A₂.
- Рис. 167. Типология позднегончарной керамики. Тип III (1, 2 — вариант III-Б₁; 3, 4 — вариант III-Б₂).
- Рис. 168. Типология позднегончарной керамики. Тип III, вариант III-Б₃.
- Рис. 169. Типология позднегончарной керамики. Тип IV (1, 2 — вариант А; 3—7 — вариант Б).
- Рис. 170. Совстречаемость типов позднегончарных сосудов и групп венчиков (по горизонтали — группы венчиков; по вертикали — типы сосудов). Аналогии венчикам и дата.
- Рис. 171. Совстречаемость групп орнаментальных композиций и групп венчиков.
- Рис. 172. Городище. Схема застройки в поздний период.
- Рис. 173. Городище. Поздний период. Постройка 13. А — план подпольной части постройки; Б — план пятна постройки на уровне материка. Разрез: 1, 7 — черная гумусированная супесь; 2 — углистая прослойка; 3 — камни; 4 — желтый песок; 5 — супесь с белой глиной; 6 — красная глина.
- Рис. 174. Городище. Поздний период. Постройка 14. План и разрезы: 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — черная углесто-сажистая прослойка; 3 — камни; 4 — желтый песок.
- Рис. 175. Городище. Поздний период. Постройка 13. Позднегончарная керамика.
- Рис. 176. Городище. Поздний период. Постройка 13. Позднегончарная керамика.
- Рис. 177. Городище. Поздний период. Постройка 13. Позднегончарная керамика.
- Рис. 178. Городище. Поздний период. Постройка 14. Позднегончарная керамика.
- Рис. 179. Городище. Поздний период. Постройка 13 (3, 7, 12—14); постройка 14 (1, 2, 4—6, 8—11, 15, 16). Находки: 1—3 — шифер; 4 — денарий Оттона-Адельгейды 991—995 гг.; 5—14, 16 — железо; 15 — бронза.
- Рис. 180. Городище. Поздний период. Постройка 15. А — план: 1 — красная глина; 2 — горелое дерево; 3 — камни; 4 — индивидуальные находки; 5 — металлургический конгломерат; Б — позднегончарная керамика (1, 2).
- Рис. 181. Городище. Поздний период. Постройка 15. Керамика: 1, 2, 4—21 — позднегончарная; 3 — раннегончарная.
- Рис. 182. Городище. Поздний период. Постройка 15. Керамика и находки: 1, 2, 4, 6, 7, 9—11 — железо; 3, 8 — глина; 5 — сланец; 12—19 — позднегончарная керамика.
- Рис. 183. Городище. Поздний период. Постройка 15. Находки: 1—14, 20—22 — железо; 15—18 — бронза; 19 — стекло.
- Рис. 184. Городище. Поздний период. Постройка 16. А — план (1 — красная глина; 2 — камни); Б — находки (1, 10 — железо) и позднегончарная керамика (2—9).
- Рис. 185. Городище. Поздний период. Постройка 17. План профиль и разрезы: 1, 5 — красная глина; 2 — темно-серая гумусированная супесь; 3 — камни; 4 — черная гумусированная супесь; 6 — углистые прослойки.
- Рис. 186. Городище. Поздний период. Постройка 17. Находки: 1—5, 8 — бронза; 6 — хрусталь; 7 — бронза с позолотой; 9—11, 13, 14 — железо; 12 — ошлакованная глина.
- Рис. 187. Городище. Поздний период. Постройка 18. А — общий план; Б — план, профиль и разрез центральной ямы: 1 — серая плотная гумусированная супесь с примесью мелких камней; 2 — материковая светлая супесь; 3 — камни; 4 — черная гумусированная супесь; 5 — угольно-сажистая прослойка; 6 — линзы с кусками угля; 7, 9 — обрыв берега р. Ловать; 8 — горелое дерево; 10 — красная глина.
- Рис. 188. Городище. Поздний период. Постройка 18. Позднегончарная керамика.
- Рис. 189. Городище. Поздний период. Постройка 18. Находки: 1, 3, 4, 7, 11, 12, 14, 15 — железо; 2, 5, 6, 8 — шифер; 9 — глина; 10 — дирхем, Ахмад ибн Исмаил, Аш-Шаш, 910 г.; 13 — сланец.
- Рис. 190. Городище. Поздний период. А — постройка 19, план (1 — красная глина; 2 — камни); Б — постройка 20, план и разрез (1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — материковая светлая супесь; 3 — прослойки черной гумусированной супеси).
- Рис. 191. Городище. Поздний период. Постройка 19. Позднегончарная керамика.
- Рис. 192. Городище. Поздний период. А — постройка 19, находки (1 — глина; 2, 5—7 — железо; 3, 8 — кость; 4 — бронза); Б — «очаг» в кв. Б₁₀ (1, 2 — железо; 3—5 — позднегончарная керамика).
- Рис. 193. Городище. Поздний период. Каменная вымостка по северо-западному краю городища из раскопа III 1956 г. План и разрезы (I — по линии б; II — по линии X): 1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — камни; 3 — черная гумусированная супесь; 4 — желтая супесь; 5 — дерновый слой.

Рис. 194. Селище. Общий план поздних сооружений: сооружение 22 — на уровне материка; сооружение 33 — на уровне шт. 3—5; сооружение 35 — на уровне шт. 2.

Рис. 195. Селище. Поздний период. Сооружение 22: А — план, разрез и профили (1 — темно-серая гумусированная супесь; 2 — углистая прослойка; 3 — камни; 4 — череп собаки); Б — находки (1, 3, 4, 6—9 — позднегончарная керамика; 2 — лепная керамика; 5 — дирхем, Исмиль ибн Ахмад, Самарканд, 894—902 гг.).

Рис. 196. Селище. Поздний период. Сооружение 33. План на уровне шт. 3—5. Разрезы стенки и бровки: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — камни; 3 — горелое дерево; 4 — слегка гумусированный глинистый слой; 5 — жернов; 6 — прослойка древесного тлена; 7, 12 — линза ярко-желтой супеси с обмазкой; 8 — пахотный и переотложенный слой; 9 — угольные прослойки; 10 — серая гумусированная супесь; 11 — прослойка железистого слабогумусированного песка.

Рис. 197. Селище. Поздний период. Сооружение 33. План на уровне шт. 5. Разрезы стенок раскопа: 1 — черная гумусированная супесь; 2 — камни; 3 — уголь; 4 — слегка гумусированный глинистый слой; 5 — прослойка древесного тлена; 6 — прослойки светлого песка; 7 — пахотный и переотложенный слой; 8 — угольные прослойки; 9 — серая гумусированная супесь; 10 — прослойка железистого слабогумусированного песка; 11 — линза ярко-желтой супеси с обмазкой; 12 — белая глина; 13 — красная глина.

Рис. 198. Селище. Поздний период. Сооружение 33. Позднегончарная керамика.

Рис. 199. Селище. Поздний период. Сооружение 33. Позднегончарная керамика.

Рис. 200. Селище. Поздний период. Сооружение 33. Позднегончарная керамика.

Рис. 201. Селище. Поздний период. Сооружение 33. Находки: 1 — оловянисто-свинцовый сплав; 2 — стекло с серебряной прокладкой; 3, 4 — шифер; 5, 9, 10 — посеребренное (полула?) железо с серебряной (оловянной?) инкрустацией; 6 — глина; 7, 8, 11 — железо.

Рис. I. Селище. Распространение тиглей и железистых шлаков: 1 — целые и крупные части тиглей; 2 — фрагменты тиглей; 3 — металлургические конгломераты; 4 — железистые шлаки.

Рис. II. Селище. Распространение формочек, заготовок и отходов ювелирного производства: 1 — обрезки пластин, проволока, отходы литья и заготовки; 2 — слитки и крупные поковки; 3 — формочки.

Рис. III. Селище. Распространение конструктивных деталей горнов: 1 — ошлакованная глиняная обмазка, фрагменты стенок и дна горнов; 2 — фрагментированные и целые так называемые «кирпичи»; 3 — грибовидные детали (так называемые «заглушки»).

Фото 1. Городок на Ловати. Вид с запада на городище и селище.

Фото 2. Городок на Ловати. Вид с востока, с напольной стороны, на городище.

Фото 3. Селище. Предметы убора культуры смоленских длинных курганов. Бронза: 1, 7 — материк, кв. Ж₄'; 2, 8 — кв. Г₆, шт. 1; 3 — кв. Н₁₂, шт. 1; 4 — кв. Е₁', шт. 1; 5 — кв. Н₂', шт. 1; 6 — сооружение 12-а; 9 — сооружение 14; 10 — материк, кв. Ж₃'; 11 — сооружение 16; 12 — кв. С₁', шт. 2; 13 — сооружение 31; 14 — кв. О₁', шт. 2; 15 — сооружение 8; 16 — постройка 5; 17 — материк, кв. П₄'.

Фото 4. Селище. Предметы убора культуры смоленских длинных курганов. Бронза: 1—3 — сооружение 20; 4 — сооружение 12-а; 5, 6 — кв. Г₆, шт. 1; 7 — материк, кв. Ж₄'; 8 — материк, кв. Ж₃'; 9 — сооружение 8; 10 — сооружение 17; 11 — материк, кв. Н₁'; 12 — кв. Ж₂', шт. 2, скопление камней; 13 — сооружение 18; 14 — сооружение 13; 15 — сооружение 6; 16 — материк, кв. С₃'; 17 — материк, кв. Е_{3,4}'; 18 — материк, кв. В₃'.

Фото 5. Селище. Бусы: 1—10, 13—16 — селище; 11, 12 — городище; 1 — кв. П₁₃, шт. 1; 2 — кв. О₃, основание шт. 4; 3 — кв. Ж₁, шт. 3; 4 — кв. О₂, шт. 5; 5 — кв. Л₂, шт. 1; 6 — кв. К₁, шт. 2; 7 — кв. А₁', шт. 1; 8 — кв. О₁₄, шт. 1; 9 — кв. В₃', шт. 1; 10 — шурф № 5 1975 г. — материк; 11, 12 — постройка 5; 13 — кв. М₃, шт. 5; 14 — кв. Ж₀, шт. 3 (предматерик); 15 — кв. Н₁ (ниже линзы ярко-желтой супеси с глиняной обмазкой); 16 — материк, кв. О₁ (1—10, 14, 15 — стекло; 11—13, 16 — камень).

Фото 6. Селище. Скандинавские вещи: 1, 5 — селище, сооружение 18; 2 — угольная линза к югу от сооружения 7; 3 — селище, материк, кв. Т₃'; 4 — городище, постройка 5; 6 — кв. Н₁', шт. 1; 7 — селище, сооружение 4 (1, 2, 5—7 — бронза; 3 — железо; 4 — стекло).

Фото 7. Городище (1, 3, 6), селище (2, 4, 5): 1 — постройка 4, резьба на костяной проколке в стиле Борре; 2 — кв. Л₂, шт. 1, дирхем 795/6 г.; 3 — постройка 14, денарий Оттона-Адельгейды (991—995 гг.); 4 — кв. У₁₆, шт. 1, дирхем 909/10 г.; 5 — сооружение 22, дирхем 894—902 гг.; 6 — постройка 18, дирхем 910 г. (2, 4, 5 — определение И. Г. Добровольского; 3, 6 — определение А. А. Марковой).

Фото 8. Селище. Вещи конца X — начала XI в. и XI—XII вв. из построек и культурного слоя: 1 — сооружение 31, бронза, серебро; 2 — сооружение 34, бронза; 3 — культурный слой, кв. Н₁₁, шт. 1, бронза; 4 — кв. Е₇', шт. 2, бронза; 5 — фрагменты кожи и ниток, найденные между пластиной оковки ножен из сооружения 31.

Фото 9. Селище. «Грибовидные» ошлакованные детали горна: 1 — сооружение 20; 2 — сооружение 23; 3—7 — сооружение 21.

Фото 10. Селище. Тигли: 1 — материк, кв. А₂'; 2 — материк, кв. Н₀'; 3 — сооружение 17/18; 4 — сооружение 16; 5 — материк, кв. Е₀'; 6 — сооружение 2; 7 — сооружение 21; * — отпечатки щипцов.

Фото 11. Селище: 1, 2 — глиняные формочки (1 — сооружение 2; 2 — сооружение 12-а); 3 — глиняный обожженный «кирпич» с отпечатками дерева из сооружения 4; 4 — слепок звериной головки в стиле Борре (формочка 2).

Фото 12. Селище. Слитки, поковки и пластинчатые заготовки. Бронза: 1 — сооружение 1; 2, 2-а — углистая линза на материке, кв. И₀' К₀'; 3 — материк, кв. В₆'; 4 — кв. Д₆, шт. 2; 5 — кв. Е₀', шт. 1; 6 — материк, кв. Е₁'; 7 — сооружение 2; 8 — сооружение 6; 9 — сооружение 14; 10 — кв. И₀', шт. 3; 11, 13 — сооружение 20; 12 — сооружение 29; 14 — кв. Р₀', шт. 2; 15 — кв. Г₇, шт. 1.

Фото 13. Селище. Брак и отходы ювелирного производства. Бронза: 1 — фрагменты пластин и проволоки; 2 — литник с бракованной ромбовидной подвеской, сооружение 10; 3 — литник «елку», сооружение 17/18; 4 — литник «елку», кв. Г₄, шт. 2; 5 — литник двуканальный с входной воронкой, кв. К₃, шт. 2; 6—9 — бракованные трехдырчатые подвески-разделители (6 — материк, кв. Ж₃'; 7, 8 — сооружение 17/18; 9 — сооружение 16); 10 — обрезки бронзовой пластины, сооружение 4.

Фото 14. Селище. Раннегончарная керамика: 1, 3 — культурный слой; 2 — сооружение 4; 4, 5 — особенности течения глиняной массы при изготовлении начина.

Фото 15. Великие Луки. Случайная находка на территории города. Бронза.

Фото 16. Городище. Гончарные сосуды: 1 — постройка 18; 2 — культурный слой.

Фото 17. Городище. Ранний период. Постройка 1, уровень развала печных камней (вид с запада).

Фото 18. Городище. Поздний период. Постройка 14 (южная часть) в процессе разборки (вид с востока).

Фото 19. Городище. Ранний период: 1, 2 — постройка 5, уровень горелых бревен (вид с юго-востока).

Фото 20. Селище. Ранний период: 1 — сооружение 1 (вид с юга); 2 — сооружение 24 (вид с юго-востока).

Фото 21. Селище. Ранний период. Сооружение 13: 1 — разрез предгорновой ямы (вид с юга); 2 — предгорновая яма (вид с юга).

Фото 22. Селище. Ранний период: 1 — сооружение 9 (вид с юга); 2 — сооружение 17 (вид с востока).

Фото 23. Селище. Ранний период: 1 — сооружение 23 (вид с юго-востока); 2 — сооружение 28 (вид с юго-востока).

Фото 24. Селище. Поздний период. Сооружение 33: 1 — жернов; 2 — уровень линзы ярко-желтой супеси с глиняной обмазкой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Социально-экономические предпосылки возникновения Городка на Ловати	7
Глава II. Городок на Ловати X — начала XI в.	13
II.1. История исследования памятника.....	13
II.2. Хронология и основные категории вещей	15
II.3. Керамический комплекс X — начала XI в. Культурная принадлежность памятника.....	26
II.4. Домостроительство и плановая структура поселения	34
II.5. Ремесленное производство	38
II.5.1. Производственные комплексы.....	38
II.5.2. Metallургия и кузнечное ремесло.....	41
II.5.3. Ювелирное дело.....	42
II.6. Торговля.....	45
II.7. Домашние промыслы и сельское хозяйство.....	46
Глава III. Городок на Ловати второй половины XI—XII в.	48
III.1. Хронология и основные категории вещей	48
III.2. Керамический комплекс XI—XII вв.	50
III.3. Домостроительство и плановая структура.....	53
III.4. Хозяйственные занятия и промыслы.....	55
III.5. Ремесленное производство.....	55
Заключение. Развитие социально-экономической структуры Городка на Ловати в X—XII вв. и его место в системе раннегородских поселений Северной Руси	57
Каталог комплексов	63
Приложение 1. Спектральный анализ и технология	78
Приложение 2. Металлографическое исследование кузнечной продукции	80
Приложение 3. Текстовые таблицы.....	82
Литература и архивные материалы	106
Список сокращений	118
Альбом иллюстраций	119
Список иллюстраций	345

Научное издание

Горюнова Валентина Михайловна

ГОРОДОК НА ЛОВАТИ X—XII вв.
(К проблеме становления города Северной Руси)

Редактор *Е. А. Гольдич*
Компьютерная верстка *Л. А. Шитовой*
Художественное оформление *А. П. Баклановой*

Согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред
их здоровью и развитию» книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Общероссийский классификатор продукции по видам
экономической деятельности ОК 034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — Книги печатные

Подписано в печать 08.12.2016
Формат 60 × 90/8. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 38. Печ. л. 44. Усл. печ. л. 44.
Тираж 370 экз. (300 экз. — РГНФ). Заказ 4222.

Санкт-Петербургский филиал ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28, литер А

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>

Горюнова Валентина Михайловна

старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, кандидат исторических наук, специалист в области славяно-русской археологии. Значительную часть ее трудов составили работы, посвященные вопросам изучения раннеславянских культур, становления и развития ювелирного и гончарного ремесленного производств в раннегородских центрах Северной Руси.

ISBN 978-5-86007-824-6

9 785860 078246